

Михаил Геллер
Александр Некрич

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР
АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

История Советского Союза
с 1917 года до наших дней

II

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

II

ОРИ

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

Об авторах

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР родился в 1922 году. Историк по образованию. С 1969 года живет в Париже, преподает в Сорбонне. Доктор исторических наук. Автор книг: *Концентрационный мир и советская литература* (Лондон, Овэрсис пабликэйшнс, 1974), *Андрей Платонов в поисках счастья* (Париж, Имка-Пресс, 1982).

АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ родился в 1920 году. Историк по образованию, доктор исторических наук. С 1950 г. по 1976 г. старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук СССР. В 1976 г. эмигрировал в США. С этого времени научный сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета, преподает также в университетах США и Европы. А. Некрич — автор многочисленных работ по истории Великобритании, СССР, международных отношений и второй мировой войны, в том числе:

Внешняя политика Англии. 1939—1941. Москва, Изд-во АН СССР, 1964; *1941, 22 июня*. Москва, Изд-во «Наука», 1965; *Наказанные народы*, Нью-Йорк, Хроника-Пресс, 1978; *Отрешись от страха*. Воспоминания историка. Лондон, Овэрсис пабликэйшнс, 1979.

А. Некрич принимал участие в издании *Всемирной истории*, *Большой Советской энциклопедии*, *Дипломатического словаря*, *Истории внешней политики СССР* в качестве автора и редактора.

**MIKHAIL
HELLER
ALEKSANDR
NEKRICH**

UTOPIIA U VLASTI

**Istoriia Sovetskogo Soiuza
s 1917 goda do nashikh dnei**

II

Overseas Publications Interchange Ltd.

**МИХАИЛ
ГЕЛЛЕР**

**АЛЕКСАНДР
НЕКРИЧ**

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

**История Советского Союза
с 1917 года до наших дней**

II

Overseas Publications Interchange Ltd.

Mikhail Heller, Aleksandr Nekrich: UTOPIIA U VLASTI.
Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei

First Russian edition published in 1982
by Overseas Publications Interchange Ltd
40, Elsham Road, London W14 8HB, England

Copyright ©M. Heller and A. Nekrich, 1982
Copyright © Russian edition Overseas Publications
Interchange Ltd, 1982

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN for complete set of 2 volumes: 0 903868 44 X
ISBN for this volume: 0 9500215 5 5

Printed in Germany
by Polyglott-Druck GmbH
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80

Главы 1-6: Михаил Геллер,
главы 7-10: Александр Некрич,
11 глава написана совместно

*Александр Некрич благодарит
Русский исследовательский центр
Гарвардского университета
за предоставление ему возможности работать
над этой книгой.*

Глава седьмая НА РУБЕЖЕ

В 1939 году на территории СССР площадью в 21,7 млн. кв. км проживало (по переписи на 17 января) 170,6 млн. жителей. Две трети населения — 114,5 млн. (67,1%) — жили в сельской местности и лишь одна треть — 56,1 млн. (39,2%) — в городах. 8 миллионов советских граждан или 9% всего взрослого населения СССР находились в концентрационных лагерях и тюрьмах.¹

1. Готовы к отпору?

Советский Союз — очень богатая страна. В его недрах запрятаны несметные запасы руд, нефти, угля, благородных металлов. Многочисленные реки и моря служат важным источником энергетических ресурсов. Разнообразие почв, климата, земной поверхности открывают замечательные возможности для производства зерна, развития животноводства, выращивания овощей и фруктов, расширения рыбного хозяйства, создания лесных массивов. Природных богатств на территории Советского Союза хватило бы на многие поколения, если бы этими богатствами разумно распорядились.

Форсированная индустриализация была осуществлена в СССР в короткий срок главным образом за счет разорения сельского хозяйства, значительного снижения производства сельскохозяйственных продуктов и сырья и непропорционально слабого развития промышленности широкого потребления. С эпохой индустриализации и коллективизации было связано (как выше уже было показано) массовое уничтожение наиболее продуктивных слоев аграрного населения СССР — зажиточных крестьян, так называемых кулаков и середняков, превращение значительной части крестьянского населения страны в несво-

бодных полурабочих-полупауперов, прикрепленных к определенной местности. Непомерные обязательные поставки государству сельскохозяйственных продуктов по крайне низким ценам обесценивали труд колхозников, не давая большинству колхозов выбиться из тисков постоянной нужды и фактически крепостной зависимости от государства. Миллионы людей, изгнанные из сельского хозяйства по классовому признаку, убежавшие в город еще до введения паспортной системы в 1932 году, сотни тысяч людей по оргнабору влились в промышленное производство.

Трудом рабочих, инженеров и ученых в 30-е годы была создана тяжелая индустрия — основа военной промышленности.

СССР занимал накануне Второй мировой войны первое место в мире по добыче марганцевой руды, производству синтетического каучука, первое место в Европе и второе в мире по производству нефти, валовой продукции машиностроения и тракторостроению; второе место в Европе и третье в мире по выработке электроэнергии, выплавке чугуна и стали и производству алюминия;² третье место в Европе и четвертое в мире — по добыче угля и производству цемента.

В целом же доля СССР в мировом промышленном производстве составляла 10%.³

Однако объем производства не дает достаточно правильного представления о состоянии самого производства. Инвестиции, производительность труда, качество продукции, состояние производственных отношений являются необходимыми компонентами для оценки производства в целом.

Возьмем для примера черную металлургию, решающую и наиболее мощную отрасль советской промышленности. 99 доменных печей, 391 мартеновский аппарат, 207 электропечей, 227 прокатных станков, 139 коксовых батарей и многое другое — достаточно впечатляющие данные.⁴ Но в то же время, начиная с 1937 года — разгара массового террора и до первой половины 1940 года черная металлургия систематически не выполняла плана. При запланированных, даже вызывающих сомнение официальных данных процента роста производства, выплавка чугуна и стали увеличилась в 1938—1941 гг. лишь на 3%, а проката — на 1,1%. Среднесуточный съем стали с 1 кв. м площади пода мартеновских печей уменьшился в 1940 г. по сравнению с 1937 годом.⁵

В 1940 г., по сравнению с 1937 г., снизилось производство в автомобильной, транспортной, электротехнической, тракторной, дорожной промышленности, в производстве бумаги и в строительном машиностроении.⁶

Причинами этого были экономически необоснованные задания по третьей пятилетке (1938—1942). Другой, не менее важной причиной, был проводившийся по указанию Сталина массовый террор. Репрессии не только лишили промышленность ее руководителей: директоров предприятий, главных инженеров, научного и технического персонала, — но создали атмосферу неуверенности и страха. Обстановка шпиономании, искусственно созданная партийной верхушкой, усиливала всеобщую подозрительность. В этих условиях открывался еще больший простор для карьеристов, честолюбцев, доносчиков и бездельников, шкурников и клеветников — цвета нового правящего класса. Вновь назначенные директора предприятий зачастую предпочитали отказываться от улучшения технологии, выгоды которой сказывались не сразу, чтобы не быть обвиненными во вредительстве.

Вплоть до начала войны черная металлургия, основа обрабатывающей и машиностроительной промышленности, продолжала быть одним из самых слабых звеньев советской экономики. Особенное значение это имело для оборонной промышленности.

Расходы на вооружение возросли в СССР за десять предвоенных лет лишь по официально утвержденному бюджету в 5 раз: 5,4% в годы первой пятилетки и 26,4% в среднем в первые три года третьей пятилетки.⁷

На 1941 г. предполагалось потратить на оборону 43,4% от всего бюджета.⁸

СССР сильно запаздывал с введением в серийное производство новых видов вооружения, особенно боевых самолетов, танков и артиллерийских систем. В 1940 г., когда война в Европе уже была в полном разгаре, было выпущено всего 20 истребителей типа МИГ-3, 2 пикирующих бомбардировщика ПЕ-2, 64 истребителя ЯК-1. В том же году было выпущено всего 115 танков новой конструкции Т-34 и 243 танка КВ.⁹

В первой половине 1941 г. производство новых видов самолетов и новых типов танков резко возросло: истребителей

было произведено 946, пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2 — 458, штурмовиков ИЛ-2 — 249, танков Т-34 — 1110 и КВ — 396.¹⁰

Еще к началу войны оборонная промышленность продолжала перестраиваться, хотя ее производственная база значительно расширилась.

Как и во всей советской экономике решающее значение имели не экономические или технологические подсчеты, а некомпетентное часто мнение партийного руководства в лице Сталина, секретаря ЦК ВКП(б) Жданова, ответственного за армию и оборонную промышленность, и других партийных руководителей. Их представления о войне, военной технике, методах ведения войны застряли на уровне гражданской войны. Например, Сталин предлагал вооружить танки, выпускаемые ленинградским заводом, 107 мм пушками, так как они, эти пушки, очень хорошо показали себя во время гражданской войны.¹¹ Сталин не имел понятия, что полевые пушки и пушки для танков — абсолютно различные системы. В результате такого рода невежественных представлений были сняты с производства накануне войны самые нужные противотанковые пушки 45 и 76 мм.¹² Возражения народного комиссара вооружений Б. Л. Ванникова, заявившего на заседании комиссии ЦК Жданову: «Вы перед войной допускаете разоружение армии» не только не были приняты во внимание, но сам Ванников был в начале июня 1941 года арестован.¹³ В затягивании выпуска минометов был обвинен их конструктор Б. И. Шавырин, хотя он никакого отношения к процессу производства не имел.¹⁴ Вообще, поиски виноватых в срыве военных приготовлений шли повсюду, но лишь не среди руководства партии и государства. Неблагополучно было с производством зенитных и противотанковых средств, с выпуском пулеметов. Жертвой репрессий пал талантливый конструктор танков проф. В. И. Завлацкий.

Если все же новые типы оружия были сконструированы и была создана база для их серийного производства, то в том была прежде всего заслуга ученых, сотрудников конструкторских бюро, инженеров и рабочих. Многие из ведущих ученых работали в конструкторских бюро и лабораториях-тюрьмах, находились на положении арестованных, и только острая военная ситуация привела к их освобождению в разгар войны с

Германией. Такова была судьба одного из лучших конструкторов самолетов Алексея Николаевича Туполева.¹⁵ Будущий конструктор космических кораблей Сергей Королев отсидел в лагерях и тюрьмах 16 лет. Таких случаев было очень много.

Эти ученые работали под контролем НКВД, а затем НКГБ. Так Коммунистическая партия организовывала энтузиазм ученых в самый критический момент истории Советского Союза.

К началу 1939 г. волна массового террора спала. Кровавого карлика Ежова сменил на посту наркомвнудел Берия, прибывший из Грузии. Теперь репрессии приняли обычную рутинную форму. Берия использовал аппарат НКВД не только для усиления своего влияния в руководстве партии, но и для более целеустремленной эксплуатации заключенных, ссыльных поселенцев и вольнонаемных рабочих и служащих.

Поскольку правительство СССР не публикует официальных данных о количестве заключенных, приходится пользоваться данными приблизительными.

Наиболее осторожные и консервативные в своих оценках исследователи на Западе полагают, что к началу советско-германской войны население лагерей уменьшилось с 8 млн (1939) до 6,5 млн (1940).¹⁶ Уменьшение произошло за счет смертности. Большинство из арестованных в 1937—1938 гг. не выдерживали лагерного режима более 2-3 лет. Правда, в советских концентрационных лагерях не было «душегубок», газовых камер, крематориев, как в гитлеровских лагерях массового уничтожения. Конвейер смерти был более примитивным из-за отсталой технологии. Здесь просто расстреливали, замаривали голодом, болезнями, непосильной работой и унижениями.

ГУЛаг, описанный А. И. Солженицыным и другими отечественными и зарубежными авторами был, хотя и важнейшей, но лишь частью чудовищного государства в государстве — НКВД. В систему народного комиссариата внутренних дел входили, помимо лагерей, лаборатории-тюрьмы, промышленные предприятия, управления по строительству каналов, туннелей, шоссе и железных дорог и пр.

НКВД занимал важное место в экономике Советского Союза. Располагая самой дешевой в мире рабочей силой — заключенными, НКВД был одним из краеугольных камней советской экономической системы. Подтверждение тому мы находим в официальных советских документах. Согласно госу-

дарственному плану развития народного хозяйства СССР на 1941 год,¹⁷ НКВД обеспечивал 50% заготовок и вывоза леса на Дальнем Востоке, в Карело-Финской АССР и в Коми АССР, более трети в Архангельской и Мурманской областях, от одной пятой до одной четвертой в Ярославской, Горьковской, Молотовской, Свердловской областях и в Краснодарском крае. НКВД занимался также заготовкой и вывозкой леса еще в 32 областях, автономных и союзных республиках.¹⁸

Предприятия НКВД производили кирпич в Хабаровском крае, на Ухте добывали нефть (план 1941 г. — 250 тыс. т).¹⁹ Заключение выдавали 40% общесоюзной добычи хромитовой руды²⁰ (150 тыс. из 370 тыс. т).

В системе НКВД производился также цемент, заготавливалась и сплавлялась деловая древесина, строились буксирные винтовые пароходы и металлические морские катера, баржи, автотракторные прицепы, скреперы, тяжелые грейдеры, катки, а также производились сельскохозяйственные орудия, мебель, бельевого трикотаж, чулочно-носочные изделия, обувь и пр.²¹ Из других источников мы знаем об использовании заключенных на урановых и угольных шахтах и на золотых приисках.²²

Но наиболее полное представление о месте НКВД в советской экономике можно получить из плана капитальных работ на 1941 год. Их общий объем выражался в сумме 37 650 млн. рублей (без наркомата обороны, военно-морского флота и путей сообщения). На долю Наркомвнудела приходилось 6 810 млн. рублей или 18%, значительно больше чем на долю любого другого наркомата. Из предназначенных к вводу в действие в 1941 г. объектов общей стоимостью в 31 165 млн. рублей на долю НКВД приходилось 3 860 млн. рублей или более 12%.²³

Учитывая, что капиталовооруженность (орудия труда, механизмы) заключенных была несопоставимо ниже по сравнению со свободными рабочими, можно уверенно сказать, что процент принудительного труда, применявшегося в Советском Союзе накануне войны с Германией был выше 20%. Даже из скудных сведений о заработной плате в одном из управлений НКВД, а именно в Главном управлении по строительству шоссе-ных дорог (Гушоссдор) видно, что средняя годовая заработная плата рабочих этого управления была в два раза ниже

зарплаты рабочих промышленных предприятий других наркоматов (2424 рубля против 4700 рублей).²⁴

По далеко неполным данным распределение рабской силы²⁵ в 1941 году было следующим:²⁶

на горношахтных работах	1,0 млн.
поставка эков по договорам предприятиям	1,0 млн.
строительные работы	3,5 млн.
сооружение и обслуживание лагерей	0,6 млн.
изготовление лагерного инвентаря	0,6 млн.
лесопова́л	0,4 млн.
сельское хозяйство	0,2 млн.

Но, повторяем, сведения эти далеко не полные.

Таким образом в руках НКВД сконцентрировалась невиданная экономическая, административная и политическая власть. Даже партийный аппарат, не говоря уже о государственном, оказался в той или иной степени под контролем.

На «свободных» предприятиях дело шло своим чередом. Процветала штурмовщина, т. е. план не выполненный в первые две декады месяца старались выполнить при помощи «штурма» в последнюю декаду. Впрочем такой стиль работы сохранился на многих советских предприятиях и поныне.

Часто из-за не вовремя поданного сырья или полуфабрикатов предприятия останавливались. Например, в Ленинграде в 1940 г. на заводах тяжелого машиностроения простои составили около полутора миллиона человеко-часов.

Поиски виноватых были практически бесплодными, ибо виноватыми были не Икс, Игрек, Зет, а порочная система планирования и партийного руководства в общенациональном масштабе.

Не будучи в состоянии нормальными методами справиться с бесхозяйственностью, штурмовщиной, прогулами и пьянством, государство декретировало в июне и июле 1940 г. ряд антирабочих законов. Еще в 1938 году были введены трудовые книжки, которые фактически прикрепляли рабочих к определенному предприятию. Книжки хранились в отделе кадров, и без их предъявления нельзя было поступить на работу. 26 июня 1940 г. был издан указ об увеличении продолжительности рабочего дня с 6-7 часов до 8, шестидневная неделя была заме-

нена семидневной. Переход рабочих с одного предприятия на другое без разрешения был запрещен. За прогулы и опоздания угрожали наказания, начиная от штрафа и кончая тюремным заключением. В июле 1940 года был издан указ о запрещении самовольного ухода с работы комбайнерам и трактористам.²⁷

В октябре 1940 г. была образована система государственных трудовых резервов, куда вовлекалась молодежь начиная с 14 лет. За побег из фабрично-заводского училища детям грозило наказание до полугода тюремного заключения.

В 1936 году Сталин возвестил миру, что строительство социализма в СССР в основном завершено.²⁸ Затем партия объявила, что в ходе строительства возник новый тип человека — Советский Человек. В то же время партия и государство декретировали возвращение к самым архаичным социальным отношениям на производстве, давным-давно отошедшим в прошлое во всех развитых странах — прикреплению к производству. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ибо подавляющая часть населения страны — крестьянство — оставалась прикрепленной к своему производству — колхозу — со времени коллективизации и к своей деревне со времени введения в стране паспортной системы в начале 30-х годов.

Теперь и рабочие, и крестьяне как бы уравнивались в своих социальных правах по отношению к производству: обе категории были абсолютно порабощены государством, единственным работодателем. Такие меры напоминали о временах военного коммунизма с трудовой повинностью, трудовыми книжками и т. п.

* * *

Один из главных аргументов в пользу введения драконовских законов на производстве заключался в необходимости железной дисциплины в связи с угрозой войны. Этот аргумент применялся во все времена советской истории: в 1927 г. в связи с ухудшением советско-английских отношений, в 1931 г. в связи с нападением Японии на Китай и уже затем непрерывно.

На самом же деле война не угрожала Советскому Союзу ни в 1927 году, ни в 1931 году, ни в 1935 году. Но создание представления у населения СССР, будто Советскому Союзу по-

стоянно угрожает опасность интервенции империалистических государств, привитие народу «осадной» психологии, позволяла партийному руководству держать страну в состоянии близком к чрезвычайному положению, оправдывала беззакония и репрессии утверждениями, что они направлены против вражеской агентуры.

В те годы ни одно государство в мире не было в состоянии развязать «большую войну», даже если бы оно того желало. Хорошо известно, что даже гитлеровской Германии потребовалось шесть лет, чтобы подготовиться к нападению на Польшу, несмотря на значительный военно-промышленный потенциал, благоприятную шовинистическую атмосферу внутри Германии и не менее благоприятные внешнеполитические условия. Реальная угроза войны возникла в связи с начавшейся агрессией гитлеровской Германии в Европе.

2. На пути к оси Москва — Берлин

События быстро развивались в направлении новой мировой войны. Вся вторая половина 30-х годов проходила под знаком нарастающих военно-политических конфликтов. В 1935 году Германия разорвала военные установления Версальского мира и ввела всеобщую воинскую повинность.

Сталин воспринимает этот серьезный шаг на пути к всемирной войне с пониманием и даже с одобрением. В конце марта 1935 г. он говорит английскому министру Антони Идену, с которым ведет беседу в Кремле: «Рано или поздно германский народ должен был освободиться от Версальских цепей... Повторяю, такой великий народ, как германцы, должен был вырваться из цепей Версаля».²⁹ Сталин повторяет несколько раз: «Германцы — великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем».³⁰ Он говорит не *немцы*, а *германцы* (курсив мой — А. Н.), т. е. так, как называли воинственные племена на рубежах Римской империи и так, как называли немцев русские во время первой мировой войны. Сталину импонируют не культурные достижения немцев, а то, что они «великие» и «храбрые». Его ничуть не заботит, что в данном случае речь идет не о Германии вообще, а о национал-социалистической Германии.

В этом есть своя неумолимая логика. Сталин давно мечтает

о союзе с Германией. Вся история советской политики в отношении Германии после договора в Рапалло подтверждает это. Этот договор, как выше это уже было показано, открыл дверь Советской России для установления нормальных дипломатических отношений с главными капиталистическими государствами после окончания гражданской войны.

Сталин, как образованный марксист считал, что революция в Германии, в случае ее успеха означала бы конец капитализма в Европе. Успешной революции в Германии не произошло — была Германия побежденная в мировой войне.

Советское руководство и Коминтерн, подчиненный советским политическим целям, рассматривали Германию при определенных условиях как естественного союзника СССР против победителей в мировой войне — Великобритании и Франции. В 20-х и 30-х годах Советский Союз получал существенную экономическую помощь и кредиты от немецких промышленников. Между рейхсвером и Красной армией существовало военное сотрудничество. В Липецке была создана секретная школа для подготовки немецких военных пилотов, около Казани — танковая школа. В Филях, близ Москвы, на авиазаводе собирали немецкие «Юнкерсы». Все это делалось в явное нарушение военных установлений Версальского мирного договора, запрещавшего Германии иметь военную авиацию и танки. В Москве специальная германская военная миссия (*Zentrale Moskau*) осуществляла координацию немецких военных связей с СССР. Советская промышленность снабжала снарядами рейхсвер, обсуждались возможности совместных испытаний производимых в СССР ядовитых газов.³¹

Сталин знал, что часть немецких консерваторов, промышленников и высокопоставленных офицеров придерживаются восточной ориентации. Именно они, полагал Сталин, и являются реальными хозяевами Германии. Сталин питал большое уважение к реальным хозяевам. Он и сам был Хозяином.

Сталин не сомневался также и в том, что германские националисты, включая национал-социалистов, выступают против сохранения Версальской системы и соответственно имеют общие интересы с Советским Союзом. Таким образом победа национал-социалистов в Германии была бы победой анти-западных сил к выгоде СССР. Ненависть Сталина к социал-демократам и особенно к немецким была как бы продолжением

политики Ленина в отношении меньшевиков и других социалистических партий. Ленин всегда рассматривал социал-демократов как соперников в борьбе за идеологическое господство над рабочим классом. Немецкие социал-демократы придерживались прозападной ориентации. Сталин же рассматривал Запад — Англию и Францию — как главных врагов.

В начале 30-х годов в Москве всё еще надеялись, что рост нацизма в Германии приведет к потере парламентских иллюзий и симпатий к демократии народными массами. Но кто был наиболее беспощадным врагом демократии как не сам Сталин? Уже в 1931 году Сталин спрашивает члена Политбюро Коммунистической партии Германии Гейнца Ноймана: «Если к власти в Германии придут национал-социалисты, будут ли они поглощены всецело только Западом, чтобы мы могли свободно строить социализм?»³² Итогом этого разговора и оценки положения Сталиным, была директива Коминтерна Коммунистической партии Германии, требующая усиления борьбы против социал-демократов — врага № 1.

История однако не подтвердила правильность этого взгляда. В ходе борьбы против социал-демократической партии, немецкие коммунисты повернули часть рабочего класса в сторону национал-социализма. Раскол в рядах немецкого рабочего класса облегчил переход власти в Германии в руки Гитлера. В результате всеобщих выборов национал-социалисты получили 11.7 млн. голосов, социал-демократы — 7.2 млн и коммунисты около 6 млн.³³ После прихода к власти Гитлера германо-советские отношения начали ухудшаться. Нацистская программа экспансии в восточном направлении, антисоветские наскоки ослабили попытки Сталина прийти к широкому политическому пониманию с Германией в это время.

Такое намерение у него действительно было. Это утверждал, например, во время доверительной беседы с английским дипломатом Н. Батлером, сбежавший в США советник посольства СССР в Риме Гельфанд.³⁴ Имеются и другие подтверждения. В этой связи упомянем о визите в Москву по приглашению советского генерального штаба группы высших офицеров рейхсвера во главе с генералом фон Бокельбергом. Немецкие офицеры прибыли в Москву в начале мая 1933 г., т. е. спустя три месяца после прихода к власти Гитлера. Нарком обороны Ворошилов в своей речи на приеме в честь немецкой военной

делегации специально подчеркнул желание Красной армии сохранить прежние дружественные отношения с рейхсвером.³⁵ Примерно в это же время Сталин прочел русский перевод *Мейн Кампф*. Если он и не был окончательно убежден в антисоветских планах Гитлера, полагая, вероятно, что изрядная доля высказываний Гитлера является не более чем пропагандой, то во всяком случае должен был как-то реагировать. Сношения с рейхсвером были прекращены, а его сооружения на советской территории закрыты.³⁶

Однако вся проблема будущих отношений между Германией и СССР оставалась неопределенной. Советское руководство продолжало надеяться, что после того, как острый период в установлении власти национал-социалистов пройдет, будет возможным восстановление прежней гармонии. Об этом откровенно говорил секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе своему гостю германскому послу в Москве фон Дирксену 16 августа 1933 года. «Национал-социалистическая перестройка, — утверждал Енукидзе, — может иметь положительные последствия для германо-советских отношений». Енукидзе явно искал и находил общие линии развития, схожие черты между германским национал-социализмом и советским коммунизмом.³⁷

В конце 1933 и в начале 1934 года, т. е. как раз в то время, когда советское руководство обсуждало и решало направление советской внешней политики по руслу системы коллективной безопасности, обращения к Германии с призывом возобновить дружеские отношения настойчиво следуют один за другим.

6 ноября 1933 г. заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский говорит советнику германского посольства ф. Твардовскому, что «в Советском Союзе политика Рапалло остается наиболее популярной». Никогда не будет забыто, что рейхсвер был учителем Красной армии в трудный период. Возобновление старого сотрудничества приветствовалось бы в Красной армии особенно сердечно. Надо лишь рассеять опасения, что новое германское правительство ведет против СССР враждебную политику.³⁸

Примерно в том же духе высказывается и наркоминдел М. М. Литвинов в разговоре с Муссолини 4 декабря 1933 года: «С Германией мы желаем иметь наилучшие отношения. Однако СССР опасается союза Германии с Францией и пытается парировать его собственным сближением с Францией».³⁹ 13 де-

кабря Литвинов повторяет германскому послу в Москве Надольному: «Мы ничего против Германии не затеваем... Мы не намерены участвовать ни в каких интригах против Германии...»⁴⁰ Эта же мысль была затем развита Председателем Совнаркома Молотовым и Литвиновым в их выступлениях на Четвертой сессии ЦИК СССР — 6-го созыва 29 декабря 1933 года,⁴¹ вскоре после решения ЦК ВКП(б) о разворачивании курса на создание в Европе системы коллективной безопасности.⁴² Советский Союз вступает в 1934 году в Лигу Наций и становится ее активным участником. Однако, несмотря на официальный поворот во внешней политике, Сталин решает проводить и старую ориентацию на Германию, но не прямо, а исподволь.

Народный комиссар Ворошилов, начальник генерального штаба Егоров снова и снова повторяют своим немецким собеседникам о желании СССР иметь с Германией наилучшие отношения.⁴³

Такова же и линия Сталина в его докладе на Семнадцатом съезде ВКП(б) в феврале 1934 года. Сталин довольно осторожен в оценке ситуации с Германией. Он обращает внимание на то, что фашизм германского типа «неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма».⁴⁴ Но как быть с первой частью — с национализмом? Сталин оставляет этот вопрос пока открытым. Он только начинает пересматривать традиционно отрицательное отношение партии к национализму вообще, в том числе и к русскому. Вскоре появятся известные «Замечания» Сталина, Кирова и Жданова на макет учебника по истории СССР. Меняется отношение к историческому прошлому СССР, и вместе с тем начинается пересмотр и отношения к фашизму, к германскому фашизму, в частности.

Сталин рассматривал НСДАП как орудие монополий и рейхсвера. Он не понимал относительно самостоятельного характера нацистского движения. Полагая рейхсвер хозяином положения и имея в виду давнее военное сотрудничество Красной армии с рейхсвером, Сталин не мог оценить всей опасности германского фашизма.

«Мы далеки от того, — говорил Сталин на Семнадцатом съезде ВКП(б), — чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. *Но дело здесь не в фашизме* (курсив мой. — А. Н.),

хотя бы потому, что фашизм, например в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».⁴⁵

Сталин повторяет: «...У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию».⁴⁶ Дверь к соглашению с Германией остается открытой.

Четыре месяца спустя после Семнадцатого съезда ВКП(б) 30 июня 1934 года Гитлер учинил кровавую расправу над своими старыми соратниками.

Эти события были, вероятно, поворотным пунктом не только для оценки Сталиным германской ситуации, но и его собственных отношений со старой большевистской гвардией, которые давно уже тяготили его, так же как Гитлера тяготили и раздражали претензии «старых товарищей» из командования штурмовыми отрядами.

Интерес Сталина к событиям 30 июня в Германии растет, так как летом и осенью 1934 г. Сталин подготавливает ликвидацию своих собственных соратников. 1 декабря 1934 года в Ленинграде застрелен член Политбюро, секретарь ЦК и Ленинградского комитета ВКП(б) С. М. Киров, вероятно по приказу Сталина. Немедленно массовые репрессии обрушиваются на открытых и скрытых оппозиционеров, заодно расстреливают бывших монархистов, белых офицеров и др. Волна пропаганды против т. н. «врагов народа» затопляет страну, так же как в Германии после убийства Рёма и других.

Сталин усмотрел в массовых избиениях в Германии окончание «партийного» периода в истории немецкого национал-социализма и начало «государственного» периода.⁴⁷ (О неизбежности этого говорил Енукидзе послу Дирксену еще в 1933 году.) После обсуждения событий 30 июня на заседании Политбюро, Сталин, по словам руководителя советской военной разведки в Европе Вальтера Кривицкого, пришел к выводу, что эти события не только не привели к крушению нацистского режима, а наоборот, к консолидации власти Гитлера. Согласно Кривицкому, Политбюро принимает решение «побудить Гитлера любой ценой вступить в соглашение с Советским Союзом».⁴⁸

Хотя в советской печати идет кампания в пользу коллективной безопасности и против агрессивных поползновений нацизма, руководитель этой кампании, Радек, объясняет с циничной откровенностью Кривицкому: «Только дураки могут вообра-

зить, что мы когда-нибудь порвем с Германией. То, что я пишу — это одно, в действительности дело обстоит совсем иначе. Никто не может дать нам того, что дает нам Германия. Для нас порвать с Германией просто невозможно». ⁴⁹

Радек, вероятно, имел в виду не только военное сотрудничество, но и большую техническую и экономическую помощь, полученную из Германии в годы первой пятилетки. Можно с уверенностью сказать, что иностранная экономическая помощь, и немецкая в том числе, сыграла важнейшую роль в строительстве советской промышленности.

Одно за другим появляются предложения СССР Германии: дать совместную гарантию прибалтийским государствам, участвовать в «Восточном пакте», который должен гарантировать любому из его участников безопасность. Оба предложения Гитлером отвергаются.

Курс на организацию коллективной безопасности, т. е. на сближение и союз с Францией и Англией, усиливается. Теперь у Сталина возникает новая надежда, что боязнь окружения побудит Германию улучшить отношения с СССР.

Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин говорит вновь назначенному послу в Москве ф. Шуленбургу: «Не следует придавать слишком большого значения выкрикам прессы. Народы Германии и Советского Союза связаны между собой многими различными линиями и во многом зависят один от другого». ⁵⁰

Это впечатление Сталин старается создать и у Идена, он пытается запугать его перспективой советско-германского союза, чтобы отвлечь Англию от попыток сговориться с Германией за счет Советского Союза. Например, он сообщает Идену, что переговоры с Германией о кредитах включают «такие продукты, о которых даже неловко открыто говорить: вооружение, химию и т. д.

Иден (с волнением): Как? Неужели германское правительство согласилось поставлять оружие для Вашей Красной армии?

Сталин: Да, согласилось, и мы, вероятно, в ближайшие дни подпишем договор о займе». ⁵¹

Игра идет по крупной. Если удастся внушить англичанам, что Гитлеру верить нельзя, то опасность англо-германского сговора против СССР будет устранена, и Гитлеру ничего не останется другого, как добиваться соглашения с СССР.

Спустя три с половиной месяца после визита Идена в Москве, в июле 1935 года Сталин приказывает своему доверенному лицу торгпреду в Берлине Давиду Канделаки начать переговоры об улучшении советско-германских политических отношений. В это время Канделаки возглавлял переговоры о советско-германских экономических отношениях с Хьялмаром Шахтом — президентом Рейхсбанка, тесно связанным с германскими финансовыми и промышленными кругами. А, по мнению Сталина, монополии суть хозяева Гитлера. Обращаясь к Шахту, он таким образом обращался как бы непосредственно к хозяину. Другим лицом, с которым вел переговоры Канделаки, был Герман Геринг. Его в Москве полагали как бы связующим звеном между германскими монополиями и правительством. Оба, Шахт и Геринг, могли бы оказать решающее воздействие на изменение курса германской политики.

Параллельно разговорам Канделаки с Шахтом и Герингом и как бы в ответ на заявление Шахта, что политические переговоры должны вестись через германский МИД,⁵² Тухачевский и Литвинов в Москве,⁵³ посол Суриц и советник советского посольства в Берлине Бессонов⁵⁴ подкрепляют «инициативу Канделаки» собственными настойчивыми призывами к улучшению отношений между Германией и СССР. 21 декабря 1935 года Бессонов прямо говорит в германском МИДе о желательности дополнить Берлинский договор 1926 года о нейтралитете «двусторонним пактом о ненападении между Германией и Советской Россией».⁵⁵

Тот факт, что в Москве происходил усиленный пересмотр отношения к германскому национал-социализму, находит подтверждение в книге известного публициста Е. Гнедина.

«Я вспоминаю, — пишет Гнедин, — как мы, дипломатические работники посольства в Берлине, были несколько озадачены, когда, проезжая через Берлин (кажется, в 1936 году), Элиава, заместитель наркома внешней торговли, в силу старых связей имевший доступ к Сталину, дал понять, что «наверху» оценивают гитлеризм «по-иному», — иначе, чем в прессе и чем работники посольства СССР в Берлине».⁵⁶

Шахт предложил Канделаки обсудить проблему улучшения советско-германских отношений через дипломатические каналы. Шахт обещал также, со своей стороны, информировать германское министерство иностранных дел о советском запросе.⁵⁷

В течение 1935 и 1936 гг. Сталин продолжал рассчитывать на сговор с Гитлером, хотя иностранный отдел НКВД предупреждал, что «все попытки СССР умиротворить Гитлера провалились. Главным препятствием для достижения понимания с Москвой является сам Гитлер».⁵⁸

Получение крупного кредитного займа от Германии Сталин расценил как выражение намерения Германии прийти к соглашению с СССР. На заседании Политбюро Сталин возразил на сообщение НКВД следующим образом: «Как Гитлер может воевать против нас, если он предоставляет нам такие займы? Это невозможно. Деловые круги в Германии достаточно могущественны и именно они управляют».⁵⁹

Ни конфронтация в Испании, ни заключение германо-японского «антикоминтерновского» пакта в 1936 году не пошатнули уверенности Сталина в возможности соглашения с Германией.

В конце мая 1936 г. Канделаки и Фридрихсон (заместитель Канделаки) встретились с Герингом, которые не только живо интересовались перспективами развития отношений с СССР, но и обещал прояснить ситуацию с Гитлером.⁶⁰ В июле того же года советник советского посольства Бессонов в беседе с высокопоставленным чиновником германского министерства иностранных дел Хенке обсуждал конкретные обстоятельства заключения советско-германского пакта о ненападении.

Хенке объяснил, что по мнению германского правительства пакты о ненападении имеют смысл между государствами, имеющими общую границу.⁶¹ Между СССР и Германией такой не существует. Это заявление имело кардинальное значение для будущего развития советско-нацистских отношений. В декабре 1936 и в феврале 1937 года Шахт снова встретился с Канделаки и Фридрихсоном. Он сообщает им, что торговые отношения могут развиваться успешно лишь при условии, если советское правительство откажется от коммунистической агитации за пределами России. Канделаки, согласно записи Шахта, выразил «симпатию и понимание». Канделаки по поручению Сталина и Молотова огласил их мнение, сформулированное в письменном виде. Оно заключалось в следующем: советское правительство никогда не препятствовало политическим переговорам с Германией. Его политика не направлена против немецких интересов, и оно готово вступить в переговоры относительно улучшения взаимных отношений.

Шахт предложил Канделаки, чтобы это сообщение было передано официально через советского посла в Берлине.⁶²

После подписания советско-германского экономического соглашения Сталин был убежден, что переговоры с Германией идут к благополучному завершению: «Очень скоро мы достигнем превосходного соглашения с Германией»,⁶³ — сказал он наркомвнуделу Ежову.

Руководителю советской шпионской сети в Западной Европе Кривицкому был дан приказ в декабре 1936 г. прекратить шпионаж в Германии.⁶⁴

Но 11 февраля 1937 г. министр иностранных дел Германии ф. Нейрат сообщил Шахту, что предложения советского правительства Гитлером отклонены. Причинами являются советско-французский договор о взаимной помощи и деятельность Коминтерна. Но в то же время Нейрат разъяснил, что, если события будут развиваться в сторону установления в России абсолютного деспотизма, поддерживаемого военными, то в этом случае можно будет вновь обсудить германскую политику по отношению к СССР.⁶⁵

Гитлер руководствовался не только соображениями неустойчивости положения в СССР и враждебной Германии политикой коллективной безопасности, но и тем, что слабая реакция Англии и Франции на ремилитаризацию Рейнской области и денонсацию Локарнского пакта, проведенными в одностороннем порядке Германией, подтверждает, что Германии не следует бояться активного сопротивления ее экспансии со стороны западных держав. Гитлер решил, что пока выгоднее разыгрывать антисоветскую карту.

Запросы со стороны Советского Союза Гитлер использовал для запугивания Англии перспективой советско-германского сближения. В начале 1936 г. такая возможность расценивалась в военных и дипломатических кругах Англии как весьма реальная. Германский военный атташе в Лондоне барон Гейер говорил начальнику имперского генерального штаба Диллу о довольно сильных прорусских тенденциях в германской армии и о том, что германо-советское соглашение может стать скоро свершившимся фактом, если оно не будет предотвращено взаимным пониманием между Англией и Германией.

В Лондоне полагали, что курс на сближение с СССР пользуется поддержкой рейхсвера, Шахта и группы промышлен-

ников, заинтересованных в развитии германо-советских экономических отношений, и даже частью нацистской партии, но сам Гитлер решительно выступает против улучшения всяких отношений с СССР, за исключением коммерческих.⁶⁶ В английских политических кругах ошибочно полагали, что инициативу в сближении проявляют немцы.⁶⁷ В Форин Оффисе опасались, что если система коллективной безопасности рухнет, следует ожидать полного изменения советско-германских отношений в сторону сближения. Предотвратить советско-германское соглашение может только политика коллективной безопасности.⁶⁸

Между тем положение в Советском Союзе начало быстро меняться к худшему. Шли повальные аресты, развертывался в небывалых масштабах террор. В январе 1937 г. на открытом судебном процессе в Москве Карл Радек, выполнявший роль и обвиняемого и главного свидетеля обвинения, признался в совершенной, якобы, измене и в шпионаже в пользу Германии. Оболгав себя и других Радек ненадолго спас свою жизнь.⁷⁰

Слухи о предстоящем советско-германском соглашении широко циркулировали весной 1937 года в европейских дипломатических кругах и в печати. Формальное опровержение советского правительства последовало лишь в апреле 1937 года, два месяца спустя после решительного отклонения Гитлером советских предложений.⁷⁰

В марте 1938 Германия присоединила Австрию. 30 сентября 1938 г. Германия добилась согласия Англии и Франции на отторжение от Чехословакии Судетских районов. Но заключенное в Мюнхене соглашение было направлено не только против Чехословакии, жертвы сговора Англии, Франции, Италии и Германии, но и против интересов Советского Союза.

Неблагоприятно для СССР развивались и события в Испании.

После Мюнхенского соглашения и англо-германской декларации о ненападении последовала аналогичная франко-германская декларация.⁷¹

Нервозность в Москве вызвало создание на территории, отторгнутой от Чехословакии Закарпатской Руси, марионеточного правительства Закарпатской Украины. Поползли слухи об оживлении немецкого проекта образования вассального от Германии, но формально независимого украинского государства.

В этих условиях Сталин решил прибегнуть вновь к излюбленной двойственной тактике. В докладе на Восемнадцатом партийном съезде 10 марта 1939 года Сталин предупредил о провале, который ожидает сторонников политики «невмешательства», т. е. Англию и Францию, и наемкнул на возможный пересмотр советской внешней политики.⁷²

..Вечером 23 августа 1939 г., во время приема в Кремле по случаю подписания советско-германского пакта о ненападении, Молотов «поднял свой бокал в честь Сталина, заметив, что именно Сталин своей речью в марте 1939 г., которая была правильно понята в Германии, совершил поворот в политических отношениях (между СССР и Германией)». ⁷³ Спустя неделю после празднования, Молотов, обращаясь к депутатам Верховного Совета СССР, заявил, что это был Сталин, кто предсказал на XVIII съезде партии соглашение между СССР и Германией. «Теперь видно, — добавил Молотов, — что в Германии в общем правильно поняли это заявление т. Сталина и сделали из этого практические выводы (смех)... Историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось. (Бурная овация в честь тов. Сталина).»⁷⁴

15 марта Германия оккупировала Чехословакию и создала на ее территории протекторат Богемии и Моравии и «независимую» Словакию под покровительством Германской империи.

События 15 марта 1939 года решительно изменили настроение влиятельных политических кругов в Англии. Антипольская кампания за отторжение от Польши Данцига и Коридора, начатая Германией, немедленно привела к объявлению в марте-мае 1939 года «политики гарантий» Англией, т. е. обязательств оказания прямой военной помощи Польше, Румынии, Греции и Турции в случае неспровоцированной агрессии против них.⁷⁵ В Англии впервые после мировой войны была введена всеобщая воинская повинность.⁷⁶ Правительство Невилля Чемберлена обратилось к советскому правительству с запросом о его позиции в случае угрозы нападения на Польшу и Румынию.⁷⁷ Но одновременно англичане начали выяснять возможность соглашения с немцами, которое обеспечило бы безопасность Англии.⁷⁸

Советский Союз, со своей стороны, также повел двойную игру. В середине апреля 1939 г. он начал открытые переговоры

с Англией и Францией о заключении военного союза, а с другой, энергичный зондаж в Берлине о возможности заключения широкого политического соглашения между СССР и Германией против интересов Англии и Франции.

15 апреля правительство Великобритании обратилось к СССР с призывом сделать публичное заявление, что в случае нападения на какого-либо европейского соседа СССР, который бы сам оказал сопротивление агрессору, можно было бы рассчитывать на помощь СССР, если она будет желательна. 17 апреля 1939 г. СССР предложил Англии и Франции заключить соглашение на 5-10 лет о взаимной помощи и о помощи восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств. Предложения СССР предусматривали заключение военной конвенции.⁷⁹

Но еще за 10 дней до этого, Петер Клейст, сотрудник германского Министерства иностранных дел, услышал от советского поверенного в делах в Берлине Георгия Астахова, что нет никакого смысла для Германии и СССР продолжать идеологическую борьбу, в то время как они могли бы проводить согласованную политику.⁸⁰ В день, когда советские предложения были переданы Англии, советский посол в Берлине А. Мерекалов заявил статс-секретарю Германского МИД'а фон Вейцекеру, что Советский Союз желал бы установить с Германией нормальные отношения, которые бы «могли стать лучше и лучше»; идеологические разногласия не должны служить препятствием.⁸¹

3 мая 1939 года был отставлен со своего поста народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов, символизировавший в 30-е годы политику коллективной безопасности. Отставка еврея Литвинова, который был часто мишенью нацистской пропаганды и занятие поста наркома иностранных дел Председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым произвели в Берлине весьма благоприятное впечатление. Назначение Молотова, подчеркивалось в немецком дипломатическом донесении из Москвы, «по-видимому, гарантирует, что внешняя политика СССР будет проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина».⁸²

5 мая Астахову было сообщено, что заказанное Советским Союзом вооружение на чехословацких заводах Шкода будет доставлено в СССР.

В течение мая между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, продолжался обмен предложениями и обсуждение их по дипломатическим каналам. С точки зрения СССР, важнейшим вопросом была гарантия, что Прибалтийские государства (Латвия, Эстония и Литва) не попали бы тем или иным путем в руки Германии и, чтобы в случае войны против Германии советские войска могли бы пройти беспрепятственно через территории Польши и Румынии, поскольку между СССР и Германией не было общей границы. Советский Союз фактически добивался согласия Англии и Франции на аннексию Прибалтики. Правительства Польши и Румынии не соглашались дать разрешение на проход советских войск в случае войны против Германии, так как не без основания опасались, что присутствие советских войск на их территории приведет к необратимым социально-политическим изменениям.

В разгар англо-франко-советских переговоров 20 мая Молотов принял германского посла в Москве ф. Шуленбурга. Одно замечание Молотова поразило Шуленбурга: оба правительства должны поразмыслить над тем, как создать лучшую политическую основу для их отношений.⁸³ В Берлине восприняли заявление Молотова как многообещающее начало, но решили ждать, пока Молотов не заговорит более откровенно. Нацисты опасались, не использует ли Советское правительство готовность Германии к улучшению отношений, чтобы выторговать уступки для себя в переговорах с Англией и Францией. В одном из меморандумов, адресованных Гитлеру, германский министр иностранных дел отмечал, что СССР больше не придерживается политики агрессивного продвижения мировой революции и возможна постепенная нормализация германо-советских отношений.⁸⁴ В германском министерстве иностранных дел началось глубокое изучение перспектив германо-советского сближения и возможных последствий его для союза Германии с Японией и Италией. В июне и в июле Сталин и Гитлер воздерживались от решающих шагов. В то же время продолжались интенсивные советско-германские торговые переговоры.

В конце мая 1939 г. на Дальнем Востоке произошли столкновения между монголо-советскими войсками и японскими, которые приняли характер кровопролитных боев. Обострение японо-советских отношений еще больше усилило нервозность советского руководства и его страх перед возможной перспективой вовлечения СССР в войну на два фронта — на западе и на Дальнем Востоке.

Но те же самые сомнения одолевали и Гитлера. Его генералитет определенно высказывался против одновременной войны на два фронта. Вся стратегия гитлеровской Германии была рассчитана на разгром ее противников поодиночке, не допуская их военно-политического объединения. Обострение германо-польских отношений и относительная военная слабость Англии и Франции подталкивали Гитлера в сторону сближения с СССР.

В середине июня Сталин решил заговорить снова с немцами, но более определенно. Астахов встретился 15 июня с болгарским посланником в Берлине Драгановым и объяснил ему, что Советский Союз должен выбирать между тремя возможностями: заключением пакта с Францией и Англией, дальнейшим затягиванием переговоров о пакте, и соглашением с Германией. Последняя возможность отвечала бы ближе всего желаниям СССР. Далее Астахов фактически развернул перед Драгановым проект германо-советского соглашения. Он указал, в частности, на то, что Советский Союз не признает Бессарабию в качестве владения Румынии, т. е. дал понять, что одним из условий будущего соглашения должно быть возвращение Бессарабии Советскому Союзу. Далее он указал, что препятствием к германо-советскому соглашению является страх перед германским нападением на СССР через Прибалтику или Румынию. Если бы Германия заявила, что она не нападет на СССР или заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз вероятно воздержался бы от заключения договора с Англией. Однако Советский Союз, продолжал Астахов, не знает действительных намерений Германии и поэтому многое говорит за то, чтобы продолжать затягивать переговоры с Англией, оставляя руки СССР несвязанными. Драганов, как и рассчитывал Астахов, немедленно поставил в известность о разговоре германское министерство иностранных дел.⁸⁵

15 июня, когда Астахов разговаривал с Драгановым, правительства Англии и Франции препроводили советскому правительству свои замечания по поводу советских предложений. Соглашаясь на заключение пакта о взаимной помощи, они отказывались заключить одновременно военную конвенцию из-за слишком короткого срока и предлагали пока ограничиться консультациями между генеральными штабами.⁸⁶

Английское правительство старалось затянуть переговоры, так как начало в это время глубокий зондаж германских намерений. Английский посол в Берлине Гендерсон посетил Геринга и заявил ему 9 июня, что если бы Германия пожелала вступить с Англией в переговоры, то получила бы «не недружественный ответ».⁸⁷

В июне-августе 1939 г. англо-германские переговоры через неофициальных лиц начались и прерывались несколько раз.⁸⁸ Однако требования Германии, особенно требование рассматривать Ближний Восток как «естественную экономическую сферу» Германии было абсолютно неприемлемо для Англии. Между Англией и Германией существовала фундаментальная непримиримость: нацисты стремились к неограниченному господству на европейском континенте.

Но этот благоприятный для Советского Союза момент был не понят Сталиным, несмотря на то, что он постоянно твердил, опираясь на ленинскую теорию империализма, о невозможности примирения противоречий между соперничающими великими (империалистическими) державами.

Таким образом, летом 1939 г. как Англия, так и Советский Союз оказывались заинтересованными в затягивании переговоров о заключении пакта о взаимной помощи. Тем самым они передавали решение о судьбе мира в руки гитлеровской Германии, которая стремилась к скорейшему развязыванию войны.

28 июня Молотов еще раз подчеркнул послу Шуленбургу, что нормализация политических отношений с Германией возможна и желательна.⁸⁹

Шуленбург ответил, что Германия приветствовала бы нормализацию отношений с Советским Союзом. Молотов выразил удовлетворение, особенно тем, что Германия рассматривает Берлинский договор о нейтралитете между обеими странами от 1926 года, сохраняющим свою силу.⁹⁰

22 июля в Москве возобновились германо-советские торговые переговоры и в Москву прибыл высокопоставленный германский чиновник Шнурре.

На следующий день советское правительство предложило Англии и Франции начать переговоры в Москве между представителями вооруженных сил трех государств. 25 июля Англия и Франция ответили согласием. Однако английское правительство Невилля Чемберлена также старалось затягивать переговоры. Английская военная миссия отправилась на тихоходном корабле и прибыла в Москву только 11 августа, имея инструкцию не принимать определенных обязательств, которые могли бы связать руки английскому правительству при всех обстоятельствах. Делегации предписывалось, в частности, не обсуждать вопросов о балтийских государствах и позиции Польши и Румынии.⁹¹ Инструкции английского правительства своей военной миссии в Москве были настолько обескураживающими, что английский посол в Москве Сидс 13 августа отправил письмо министру иностранных дел Галифаксу с запросом, действительно ли английское правительство желает прогресса в переговорах.⁹²

Подозрительность и недоверие Сталина к целям и намерениям Англии усилились. К тому времени советская агентурная разведка, вероятно, уже располагала сведениями, что Германия назначила день нападения на Польшу — 26 августа.

Гитлер, со своей стороны, был озабочен московскими военными переговорами. Озабочено было и германское верховное командование, стратегическая идея которого заключалась в ведении против Польши молниеносной войны на одном фронте.

27 июля Шнурре вполне определенно заявил Астахову и главе советской делегации на торговых переговорах Бабарину, что возможна и желательна постепенная нормализация политических отношений между СССР и Германией. Однако поэтапное улучшение отношений, предложенное Шнурре, встретило возражение со стороны Астахова, который подчеркнул, что время не терпит и что Советский Союз явственно ощущает угрозу со стороны Германии, начиная с Балтики и кончая Румынией. Астахова интересовало, имеет ли Германия далеко идущие политические цели в отношении Прибалтийских государств, он подчеркнул также серьезность румынского вопроса. Советский дипломат впервые прямо заявил, что Дан-

циг должен быть возвращен Германии и вопрос о Коридоре также должен получить благоприятное для Германии решение.⁹³ В этой беседе проступали основные черты будущего советско-германского соглашения. Инициатива соглашения явно была взята в руки советской стороной.

29 июля Шуленбург получил указание из Берлина встретиться с Молотовым для получения подтверждения заявлениям Астахова и Бабарина. В телеграмме особенно подчеркивалось, что при *любом* развитии польского вопроса, мирным или другим путем, Германия была бы готова обеспечить советские интересы и достигнуть соглашения с советским правительством.⁹⁴

3 августа Риббентроп встретился с Астаховым в Берлине,⁹⁵ а Молотов с Шуленбургом в Москве.⁹⁶ Обе стороны старались уточнить взаимные обязательства по намечаемому соглашению. Шуленбург заявил Молотову, что от Балтики и до Черного моря не существует столкновения немецких и советских интересов, что антикоминтерновский пакт не направлен против СССР, равно как и договор Германии о ненападении с прибалтийскими государствами, требования к Польше также не затрагивают советские интересы. Молотов повторил советские претензии к Германии, высказал недоверие к немецким намерениям, но, и это было само главное, не оставил сомнений в том, что советское правительство готово пойти на улучшение советско-германских отношений.⁹⁷

Таким образом, в начале августа, накануне открытия переговоров между военными миссиями СССР, Англии и Франции, сложилась ситуация, когда советское правительство могло выбирать между тремя возможностями, идти ли с Англией и Францией против фашистского агрессора — гитлеровской Германии, приготовившейся к нападению на Польшу, обеспечить ли свои интересы соглашением с Германией и открыть дорогу войне, нападению Германии на Польшу или не ввязываться ни в какие соглашения и оставаться в стороне от войны.

Позднейшие утверждения советского правительства, что у него не было иного выбора, как пойти на соглашение с Германией, не соответствуют историческим фактам. На самом деле Сталин склонялся к соглашению с Германией по многим причинам. Прежде всего он рассчитывал получить от Германии Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию. Как негра-

нический деспот, Сталин относился резко отрицательно к любым формам демократии. Ему была близка и понятна психология другого диктатора — Гитлера. Оба они во многом учились друг у друга: оба применяли аналогичные методы в борьбе против своих действительных и мнимых политических противников; гитлеровская и советская пропаганда были разительно схожи между собой.

За день до приезда английской военной делегации в Москву, 10 августа 1939 года Астахов встретился со Шнурре еще раз и сообщил ему, что в инструкции полученной из Москвы подчеркивается желание советского правительства улучшить отношения с Германией. Астахов объяснил Шнурре, что переговоры, которые Советский Союз ведет с Англией и Францией были начаты СССР без особого энтузиазма, просто потому, что он должен был предохранить себя от германской угрозы и был обязан принять помощь, откуда бы она ни последовала. С тех пор как начались беседы с Германией ситуация изменилась. Исход англо-франко-советских переговоров неопределен и весьма вероятно, что советское правительство рассматривает этот вопрос как полностью открытый. Беседа, которую он, Астахов, ведет со Шнурре, несомненно идет в этом направлении. В центре беседы был вопрос о Польше, но собеседники избегали откровенничать на сей счет, пытаясь лишь определить позицию.⁹⁸

На следующий день начались военные переговоры в Москве. В разгар переговоров, 14 августа, Астахов сообщил Шнурре по телефону, что он получил инструкцию от Молотова заявить, что СССР заинтересован в обсуждении помимо экономических проблем также вопроса о прессе, сотрудничестве в области культуры, польского вопроса, вопроса о прежних советско-германских политических отношениях. Эти дискуссии могли бы быть проведены по-стадийно. В качестве места для переговоров предлагалась Москва.⁹⁹

Таким образом, к середине августа Советский Союз пришел к принципиальному решению желательности широкого урегулирования советско-германских отношений. Советские условия фактически уже были сформулированы Молотовым и доведены до сведения германского правительства: Прибалтика, включая Литву, Бессарабия должны быть включены в сферу советских интересов, польская проблема решится в интересах Германии.

Теперь советское руководство ожидало ответа от германского правительства.

Астахов покинул Шнурре около 2 часов 14 августа пополудни. Спустя 7 часов Шуленбургу была направлена телеграмма за подписью Риббентропа. В телеграмме предписывалось сообщить Молотову: 1. Период, когда Национал-Социалистская Германия и Советский Союз находились во враждебных лагерях окончился. Теперь открыт путь для нового будущего для обоих государств.

2. Между Германией и СССР нет реального конфликта интересов. Германия не питает агрессивных намерений по отношению к СССР. Нет проблем в пространстве между Балтийским и Черным морями, которые не могли бы быть решены к полному взаимному удовлетворению. Среди них: район Прибалтики и Балтийского моря, Польша, проблемы юго-востока и т. д.

Риббентроп заявлял также, что в германо-советских отношениях наступил поворотный пункт. Для прояснения германо-советских отношений он готов немедленно отправиться в Москву для встречи со Сталиным, чтобы передать ему точку зрения Гитлера; не исключено, что затем будут заложены основы для определенного улучшения германо-советских отношений.¹⁰⁰

Шуленбург передал Молотову это сообщение 16 августа. Реакция Молотова была весьма благоприятной. Советское правительство, — сказал Молотов, — тепло приветствует желание немцев улучшить отношения с СССР и он верит в искренность немецких намерений. Молотов тут же высказал мысль о возможности заключения пакта о ненападении во время пребывания Риббентропа в Москве. Он снова повторил советские требования: пакт о ненападении, оказание Германией воздействия на Японию для улучшения советско-японских отношений и ликвидации пограничных конфликтов; общая гарантия балтийским государствам.¹⁰¹

Теперь советское и германское правительства торопятся. Ведь они знают, что в ближайшие 10 дней Германия нападет на Польшу, а Гитлеру необходима поддержка СССР, имеющего общую границу с Польшей. Сталин спешит, чтобы еще до немецкого нападения на Польшу получить от Германии то, что он желает.

В то время как маршал Шапошников объяснял английской и французской военным делегациям, что СССР готов в случае конфликта с Германией выставить 120 пехотных дивизий, 9-10 тысяч танков и 5,5 тысяч бомбардировщиков и истребителей,¹⁰² в Кремле готовится проект советско-германского договора о ненападении.

16 августа Риббентроп посылает новую телеграмму Шуленбургу для передачи Молотову. В ней говорится, что Германия готова подписать с СССР пакт о ненападении сроком на 25 лет и гарантировать совместно прибалтийские государства. Германия готова также использовать свое влияние для урегулирования советско-японских отношений. Так как в любой момент может произойти серьезный инцидент с Польшей, то желательно фундаментальное и быстрое прояснение германо-советских отношений. Германский министр иностранных дел готов прибыть в Москву в любой день после 18 августа.¹⁰³

17 августа Молотов сообщает Шуленбургу о готовности правительства СССР поставить крест на прошлом и улучшить советско-германские отношения. Но сначала должны быть подписаны экономические и кредитные соглашения, а затем, спустя короткое время, пакт о ненападении, альтернативой является подтверждение пакта о нейтралитете 1926 года. Но в любом случае, это и была важнейшая часть ответа Молотова, должен быть подписан протокол, в который среди прочих вещей должны быть включены германские заявления от 15 августа. Соглашаясь в принципе с приездом Риббентропа Молотов сказал, что требуется некоторое время для подготовки его приезда.¹⁰⁴

Это время было необходимо, чтобы найти подходящий повод для прекращения переговоров с военными делегациями Англии и Франции. Такой повод дали англичане, которые, во-первых, не имели формальных полномочий для подписания конвенции, а во-вторых, не могли добиться от правительств Польши и Румынии согласия на проход советских войск через их территорию в случае войны против Германии. Поводы эти могли быть использованы для разрыва переговоров, но, если бы советское правительство искренне желало в тот момент добиться подписания военного союза с Англией и Францией, то оно могло бы повременить несколько дней и дождаться ре-

зультатов демарша, предпринятого Англией и Францией в Варшаве.

Но именно это и не входило в планы Сталина. Он уже решил на союз с гитлеровской Германией. Идею германо-советского союза он вынашивал давно и, наконец, момент настал.

Германия обещала воздействовать на своего союзника Японию и убедить ее нормализовать отношения с Советским Союзом. СССР согласился снабжать Германию стратегическим сырьем и продовольствием.

...Празднование по случаю подписания пакта уже шло к концу и немецкие гости собрались откланяться, когда Сталин обратился к Риббентропу: «Советское правительство рассматривает новый пакт очень серьезно. Он может гарантировать своим честным словом, что Советский Союз не подведет своего товарища».¹¹⁰ Обычно Сталин был очень осторожен в выборе слов. Когда он назвал Гитлера «товарищем», он употребил именно то слово, какое хотел. Сталин также предостерег немцев от опасности недооценки сил противников — Англии и Франции. Отвечая на замечания Риббентропа о слабости Англии и Франции, Сталин заметил: «Англия, несмотря на ее слабость вела бы войну умело и упорно», французская армия, по его мнению, заслуживает внимания.¹¹¹ Сталин надеялся на затяжную войну в Европе и хотел, чтобы его партнер был бы к этому подготовлен. Можно предположить, что в комбинации СССР—Германия Сталин рассчитывал стать в результате затяжной войны на Западе более сильным партнером.

Секретный протокол никогда не был опубликован в Советском Союзе и о самом его существовании стало известно только во время Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. По сей день советское правительство продолжает скрывать правду от своего народа относительно сути сделки Гитлер—Сталин.

Этот секретный протокол был первым, но не единственным тайным соглашением, заключенным между Германией и СССР в 1939—1941 годы.

Заключение соглашений с гитлеровской Германией как бы увенчивало усилия Сталина по созданию советско-германского союза, к которому он стремился на протяжении многих лет. Молотов, сообщая 31 августа 1939 года, депутатам Верхов-

ного Совета СССР о причинах заключения договора о ненападении, начал с того, что Германия и Россия были двумя наиболее пострадавшими в Первой мировой войне государствами (при этих словах в зале заседания раздался чей-то возглас «Правильно!»), подчеркнул давнее стремление правительства СССР углубить политические отношения с Германией. Напомнив, что Берлинский договор о нейтралитете 1926 г. был продлен правительством Гитлера в 1933 году, он сказал буквально следующее: «Советское правительство *и ранее* (курсив мой — А. Н.) считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией, но обстоятельства сложились так, что это стало возможным только теперь». В этих словах председателя Совнаркома сквозило явное сожаление, что соглашение с Германией достигнуто только теперь, а не раньше (вспомним о переговорах Канделаки...). Сожалел Молотов и о том, что советско-германское соглашение ограничено пактом о ненападении. Вот, что он сказал: «*Дело, правда*, идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а *только* о договоре ненападения. *Тем не менее*, в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского пакта... Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы»¹¹² (курсив в тексте мой — А. Н.).

Это было верно. В истории Европы и мира в целом действительно наступил поворотный пункт: Советский Союз, подписав договор с Германией, открыл дорогу войне. Не случайно, что на этой же самой сессии Верховного Совета СССР был принят закон о всеобщей воинской повинности, который заменил прежний закон об обязательной военной службе.¹¹³ Само название нового закона свидетельствовало о глубоком качественном изменении подхода советского руководства к проблеме войны и мира. Наступил момент, когда война в Европе должна была послужить интересам советского режима, как прежде его интересам служила политика коллективной безопасности, подкрепленная тактикой Народного Фронта Коминтерна.

После подписания с СССР секретного соглашения о сферах влияния в Восточной и Юго-восточной Европе, Германия

получила обеспеченный тыл на востоке. Дорога к нападению на Польшу была открыта.

Правда назвала советско-германский пакт «инструментом мира» и «мирным актом», который несомненно будет способствовать «облегчению напряжения в международной обстановке»...¹¹⁴ Спустя неделю, 1 сентября Германия напала на Польшу. В этот день началась Вторая мировая война. 3 сентября Риббентроп запросил Молотова, не считает ли Советский Союз желательным выступить против польской армии и оккупировать советскую зону интересов (имелись в виду Западная Украина и Западная Белоруссия). Риббентроп подчеркнул, что это было бы облегчением для германской армии и послужило бы советским интересам. Однако Сталин не хотел, чтобы Советский Союз отождествляли с германской агрессией. Он предпочитал выждать некоторое время, чтобы затем представить советскому народу и всему миру вступление Красной армии в Польшу как акт избавления украинского и белорусского населения от Германии. Поэтому ответ Молотова гласил: СССР согласен с Германией, что подходящее время будет абсолютно необходимо для конкретных действий. Но это время еще не наступило. Поспешность может только «повредить *нам*» и способствовать объединению «*наших* противников» (курсив мой — А. Н.).

Текст этого документа очень важен, ибо в нем впервые Советский Союз признавал, что у него и у Германии одни и те же противники и одни и те же цели. «Наши противники», «Наше дело», — подчеркивалось в телеграмме Молотова.¹¹⁵

После занятия германскими войсками Варшавы 9 сентября Молотов направил поздравительную телеграмму гитлеровскому правительству. Теперь в Москве сочли, что время для ввода советских войск в Польшу наступило.

Были призваны резервисты в возрасте до 45 лет, прежде всего техники и медицинский персонал. В помещениях школ начали развертывать госпитали. Многие товары исчезли с магазинных полок. Поползли слухи о предстоящем введении карточной системы.¹¹⁶ Население СССР и особенно его западных районов внезапно ощутило дыхание войны.

Быстрое продвижение немецких войск по польской территории захватило врасплох советское руководство. Оно рассчитывало, что военные действия в Польше будут развиваться

медленнее. Это был важный урок современной стратегии. Будущие события показали, однако, что этот урок не пошел впрок советскому руководству.

В Берлине затягивание вступления советских войск на территорию Польши было воспринято весьма нервно. Ведь только таким путем можно было проверить практическую ценность германо-советского пакта. Германское информационное агентство распространило заявление главнокомандующего германскими сухопутными силами генерала Браухича, из которого вытекало, что германо-польское перемирие вот-вот будет подписано и поэтому нет необходимости в военных действиях на польской восточной границе. Это заявление должно было активизировать действия СССР. Советское правительство искало подходящего объяснения для ввода войск в Польшу, чтобы оправдать советскую агрессию в глазах народа. Молотов с нескрываемым цинизмом объяснил 10 сентября германскому послу Шуленбургу, что «советское правительство собирается использовать дальнейшее продвижение германских войск, чтобы объяснить, что Польша пала и вследствие этого для Советского Союза возникла необходимость прийти на помощь украинцам и белоруссам, которым «угрожает Германия». Этот аргумент и сделает его благопристойным в глазах масс. В то же время этот аргумент устранил впечатление, что Советский Союз является агрессором.¹¹⁷ Естественно, что такое истолкование событий пришлось германскому правительству не по вкусу. В качестве альтернативы им было предложено совместное коммюнике, в котором военные действия против Польши оправдывались бы необходимостью восстановления мира и порядка на бывшей польской территории.¹¹⁸ Предложение это было отклонено: Сталин опасался быть идентифицированным с Гитлером.¹¹⁹ Приемлемая формула для оправдания советского вторжения была вскоре найдена. В ней не содержалось упоминания об угрозе со стороны Германии, а говорилось туманно о третьих державах, которые могут пытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса на польской территории. Молотов просил нацистов понять, что советское правительство не видит иной возможности для оправдания своего вмешательства в глазах народных масс.¹²⁰

17 сентября Красная армия пересекла границу Польши. Это был удар в спину польской армии, которая продолжала от-

чаянно сопротивляться. Даже после вступления Красной армии в Польшу сопротивление продолжалось еще две недели.

Под нажимом Германии Сталин вынужден был в конце концов согласиться на совместное германо-советское коммюнике. Первоначальный текст, предложенный немцами был сочтен Сталиным чересчур откровенным, в конце концов был принят советский проект. Но и этот проект был достаточно ясен: пребывание германских и советских войск в Польше не имеет целей находящихся в противоречии с интересами Германии и Советского Союза, определенными советско-германским пактом.¹²¹

Для населения же Советского Союза и для внешнего мира советская интервенция в Польшу была представлена советской пропагандой, как освободительный поход. Все факты, связанные со сговором Сталин—Гитлер, были тщательно скрыты от советского народа.

Заключительным актом германской и советской агрессии против Польши были совместные парады немецких и советских войск в Бресте.¹²² О них, разумеется, в советской печати не сообщалось.

27 сентября 1939 года гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп вторично прибыл в Москву. На следующий день был подписан Договор о дружбе и границе. Договор определял границы интересов Германии и СССР. Граница проходила по польской территории. Одновременно был подписан конфиденциальный протокол о выезде лиц немецкой национальности с территории, отошедшей к СССР, а украинцев и белоруссов с территории, оккупированной Германией.¹²³ Специальный секретный дополнительный протокол определял, что Литва отходит в сферу интересов СССР, а Люблин и часть Варшавской провинции — в сферу интересов Германии. Другим секретным дополнительным протоколом Германия и СССР объявляли, что они не потерпят на своей территории «польской агитации», направленной против другой стороны, и что они подавят на своих территориях зародыши такой агитации и будут информировать друг друга, чтобы принять соответствующие меры. То было соглашение о совместной борьбе фашистской Германии и социалистического Советского Союза против польского движения Сопротивления.¹²⁴

В совместной декларации по случаю подписания договора о

дружбе правительства Германии и СССР заявляли, что подписание договора означает урегулирование проблем, вытекающих из крушения польского государства и создания основы для длительного мира в Восточной Европе. Они заявляли также о своем желании положить конец войне между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. Если Англия и Франция откажутся прекратить войну, то Германия и СССР будут консультироваться о мерах, которые следует предпринять. «...не только бессмысленно, но и преступно, — утверждал Молотов, — вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию».¹²⁵ Спустя всего лишь полтора года Сталин заговорит о необходимости уничтожить гитлеризм и выступит под флагом... защиты демократии.

Раздел Польши между Германией и Советским Союзом и секретные договора, заключенные между ними, коренным образом меняли положение в Европе.

Советскому правительству казалось чрезвычайно важным показать, что Красная армия принимала такое же участие в войне против Польши, как и вермахт. Германия должна была помнить, что СССР помог ей в польском деле не только политическими мерами, но и военными. О военном партнерстве Германии и СССР Молотов похвастался на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.: «Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны германской армии, *а затем* (курсив мой. — А. Н.) Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»¹²⁶

Отвечая на поздравительную телеграмму Риббентропа в связи с 60-летием Сталина, юбиляр подчеркнул: «Благодарю Вас, господин министр, за поздравление. Дружба народов Германии и Советского Союза, *скрепленная кровью* (курсив мой. — А. Н.), имеет все основания быть длительной и прочной»¹²⁷

В Москве цинично шутили: эта дружба действительно скреплена кровью, но только польской.

Как выше уже говорилось, для советского руководства было чрезвычайно важным представить удар в спину, нанесенный Красной армией Польше, как акт вызволения украинского и белорусского населения из несчастья, в которое они попали из-за неразумной политики бывшего польского правительства.

Характерно, что ни в одном документе того времени не говорится о польском населении — его как будто бы и не существовало. На территориях, аннексированных СССР, проживало 3 млн. поляков. В спешном порядке в Восточную Польшу были переброшены специальные войска НКВД, которые, под руководством генерала НКВД И. А. Серова начали выявлять, арестовывать и депортировать «классово чуждые» элементы. Вместе с войсками НКВД прибыли партийные работники для подготовки «свободного волеизъявления» двенадцатимиллионного населения Восточной Польши в пользу объединения с Украинской и Белорусской ССР. В начале октября в Западной Украине и Западной Белоруссии были образованы комитеты для выборов в т. н. Народные собрания этих областей, а 31 октября Верховный Совет СССР уже принял законы о включении этих областей в состав СССР и о «воссоединении» их с Украинской и Белорусской ССР.

Советско-германский секретный протокол предусматривал занятие Советским Союзом территории независимых прибалтийских государств: Латвии, Литвы и Эстонии. Осенью 1939 года под сильным давлением со стороны СССР правительства этих государств вынуждены были подписать пакты о взаимопомощи с СССР. Вслед за тем в июне 1940 года, под обычным предлогом якобы развернувшейся антисоветской деятельности на территории Прибалтики, туда были введены советские войска. Затем было организовано очередное «свободное волеизъявление» населения Латвии, Литвы и Эстонии, по строго утвержденному в Москве расписанию. Согласно расписанию, в этих странах были созданы Народные правительства, 17-21 июня 1940 г. были проведены выборы в Народные сеймы Литвы и Латвии, 14-15 июля — в Государственную думу Эстонии. 21 июля 1940 года в один и тот же день во всех трех странах была провозглашена Советская власть.¹²⁸ Спустя еще две недели все три прибалтийские республики были приняты Верховным Советом СССР в состав СССР.

Территории этих республик были немедленно наводнены войсками НКВД, началась подготовка к массовой депортации ненадежных и враждебных советской власти элементов в Сибирь. Операция происходила под руководством того же генерала И. А. Серова.

Бессарабия была занята румынскими войсками и присоединена к Румынии в 1918 году. Советское правительство никогда не признавало законности этой аннексии. Заручившись предварительно поддержкой гитлеровской Германии, советское правительство в июле 1940 г. потребовало от Румынии немедленного возвращения Бессарабии. Румыния была вынуждена принять советский ультиматум. В августе 1940 г. Бессарабия была объединена с Молдавской Автономной ССР, ранее входившей в состав Украинской ССР, и была создана Молдавская ССР.

Если на Бессарабию у СССР были определенные юридические права, то занятие Северной Буковины, являвшейся в прошлом интегральной частью Австро-Венгерской монархии, было типичной аннексией. Включение Северной Буковины в состав СССР не было предусмотрено даже германо-советским секретным протоколом 1939 года. Отвечая на запрос германского посла в Москве по этому поводу, Молотов аргументировал захват Буковины тем, что Буковина «является последней исчезнувшей частью объединенной Украины».¹²⁹

К подобной же аргументации прибегал и Гитлер при захвате Австрии, Клайпеды (Мемеля), Судетской области и пр., утверждая, что он присоединяет к германскому рейху земли с населением, говорящим на немецком языке. Сталин симпатизировал такой точке зрения.

Советско-германский секретный протокол от 23 августа 1939 г. включил Финляндию в сферу интересов Советского Союза. Когда 2 октября 1939 г. финский посланник Вуоримаа попытался прояснить намерения Германии и СССР в отношении Финляндии, статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Вейцекер дал ему понять, что Германия не собирается вмешиваться в советско-финские отношения.¹³⁰

Первоначально в планы Советского Союза аннексия не входила. СССР рассчитывал добиться включения Финляндии в орбиту своей политики путем политического нажима, не прибегая к силе. Сталин не собирался ввязываться в вооруженный конфликт с Финляндией, которая пользовалась поддержкой не только Англии, Германии и скандинавских стран, но и Соединенных Штатов Америки. Главная идея Сталина заключалась в том, чтобы, во-первых, отодвинуть границу от Ленинграда, которая проходила по Карельскому перешейку, в 32 км от Ленинграда: город был в пределах досягаемости тяжелой

артиллерии. Во-вторых, Сталин надеялся закрыть доступ к Ленинграду со стороны моря, и, в-третьих, обезопасить Мурманскую железную дорогу. На самом деле Финляндия никак Советскому Союзу не угрожала.

5 октября Финляндии были переданы советские требования. СССР предлагал обменять принадлежавшую финнам территорию на Карельском перешейке на большую территорию, примыкавшую к Финляндии со стороны Карельской АССР. Территория, предложенная СССР, была малонаселенной и неосвоенной. Советский Союз потребовал также права на аренду финского полуострова Ханко, расположенного у входа в Финский залив, и незамерзающего порта Петсамо на полуострове Рыбачий для сооружения советских военно-морских и военно-воздушных баз. Непреодолимым препятствием было естественное нежелание Финляндии передать в аренду Ханко, так как это означало бы поставить судьбу Финляндии в зависимость от воли могущественного соседа. 13 ноября переговоры были прерваны. Обе стороны начали мобилизацию войск и укрепление оборонительных сооружений. Финская армия располагала на Карельском перешейке хорошо оборудованной, хотя и не вполне отвечавшей современной военной технике, 125-километровой полосой укреплений, т. н. линией Маннергейма. Стремясь поскорее вырвать у Финляндии уступки, Сталин пошел на провокацию, приказав командованию Ленинградского военного округа обстрелять собственную территорию в районе селения Майнила, расположенного в 800 метрах от финской границы, и обвинило в обстреле финнов. Тут же появились и призывы в советской печати: «Уничтожить гнусную банду».¹³¹

Но надежды Сталина на то, что Финляндия перепугается и примет условия СССР, дабы избежать вооруженного конфликта, не оправдались. Финляндия не пожелала уступить свою территорию и поступиться своей независимостью. Финны полностью поддержали правительство, возглавляемое социал-демократом Вайно Таннером.

Сталин негодовал. Он приказал объявить Финляндии ультиматум, а в случае отказа принять его, начать бомбардировку финской границы советской артиллерией. 28 ноября Советский Союз порвал договор о ненападении с Финляндией. Сталин не сомневался, что после артиллерийского налета Финляндия

немедленно капитулирует и примет советские условия. На всякий случай он приказал подготовить для Финляндии марионеточное правительство во главе с одним из лидеров Коминтерна Куусиненом, бывшим руководителем компартии Финляндии.¹³² План предусматривал создание Карело-Финской союзной республики путем объединения Карельской АССР с Финляндией.

Однако дело обернулось совсем не так, как Сталин рассчитывал. Финны не испугались ультиматума. Двинутые в бой советские дивизии сразу же натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Выяснилось, что советские войска абсолютно не подготовлены к войне в зимних условиях. Переброшенные с Украины дивизии не имели зимнего обмундирования, начались массовые случаи обморожения. Не было в достаточном количестве автоматического оружия. Красноармейцы не умели вести огонь на бегу, на лыжах. Внезапно появившиеся финские снайперы наносили советским войскам чувствительные потери. Неумение красноармейцев ходить на лыжах пытались компенсировать мобилизацией в действующую армию профессиональных лыжников-спортсменов, многие из которых бесславно погибли. Советские транспортные средства также не были приспособлены к боевым действиям в условиях суровой зимы. Попытки опрокинуть финскую армию лобовым ударом по укреплениям «линии Маннергейма» кончались кровавыми потерями.¹³³ Высшие командиры Красной армии оказались некомпетентными. Пришлось вызвать с Дальнего Востока генерала Штерна и заменить генерала Мерецкова, командующего Ленинградским военным округом, маршалом Тимошенко. Для поднятия духа советских войск на фронт были отправлены добровольцы: комсомольцы Ленинграда и Москвы. Многие из них прошли лишь краткосрочную, длившуюся всего несколько недель, военную подготовку. Брошенные в бой, добровольцы несли огромные потери. В центральных городах страны — в Москве и Ленинграде — скоро начала ощущаться нехватка продовольствия. Необычайно суровые морозы в зиму 1939-1940 года привели к транспортным перебоям. Война против маленькой Финляндии неожиданно обернулась для советского народа серьезной бойней. Только в начале февраля 1940 года, сосредоточив 27 дивизий, тысячи орудий и танков, советским войскам под командованием маршала Тимошенко уда-

лось прорвать «линию Маннергейма». Советские танки вышли на оперативный простор, и Финляндии ничего не оставалось, как обратиться к СССР с просьбой о перемирии.¹³⁴

В ходе этой бесславной для Советского Союза четырехмесячной войны выявилась его военная слабость. Советское правительство до сего времени не сказало своему народу правду о потерях во время финской войны.

Согласно новейшим финским данным, советская армия потеряла 100 тысяч убитыми, финны же — 20 тысяч.

Но не только тяжкими физическими потерями измерялся результат финской войны для СССР. В декабре 1939 г. Лига Наций формально осудила СССР за агрессию и изгнала его из состава Лиги.

Только три государства были заклеены Лигой Наций как агрессоры — милитаристская Япония, фашистская Италия и нацистская Германия. Теперь к этому списку прибавился социалистический Советский Союз.

СССР предстал перед миром как агрессор. Негодование общественного мнения чуть не было использовано правительствами Англии и Франции для переноса центра военной активности из Западной Европы в Северо-Восточную. Началось спешное приготовление к отправке в Финляндию 50-тысячного экспедиционного корпуса. Однако финское правительство не желало превратить Финляндию в опытный полигон для пробы сил великих держав, как то было в Испании в 1936—1939 годы. Оно решило, после некоторых колебаний, заключить с СССР мирный договор.

12 марта в Москве был подписан мирный договор. Советский Союз получил Карельский перешеек, включая г. Выборг (Виппури) и Выборгский залив с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм, Сортавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территорию восточнее Меркярви с городом Куолоярви, западные части полуострова Рыбачьего и Среднего. Кроме того, Советский Союз получил в аренду полуостров Ханко с примыкающими островами и с правом создания здесь военно-морских и военно-воздушных баз и наземных гарнизонов.¹³⁵

Так называемое Народное правительство не получило никакой поддержки со стороны финского народа и исчезло так же внезапно, как и появилось. Глава же этого призрачного прави-

тельства стал вскоре председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, новой союзной республики, созданной путем объединения с Карельской АССР районов Финляндии, отторгнутых от нее по мирному договору 1940 года. Новая союзная республика как бы постоянно напоминала свободолюбивым финнам, что Финляндия может быть в любой момент включена в эту республику. Только в 1956 году, когда советское правительство прочно убедилось в том, что оно крепко держит Финляндию в руках, Карело-Финская ССР была вновь преобразована в Карельскую АССР Российской Федерации.

Одним из главных негативных результатов советско-финской войны была усилившаяся уверенность Германии, что в военном отношении Советский Союз представляет собою колосса на глиняных ногах и что Германия легко опрокинет его. Такое представление о Советском Союзе побуждало Гитлера к нападению на СССР.

Финская война выявила серьезные изъяны в организации обороны и прежде всего в системе самого наркомата обороны. Выяснилось, например, что данные военной разведки о расположении огневых точек на «линии Маннергейма» даже не были нанесены на оперативные карты и красноармейцы бесмысленно гибли под огнем финских дотов.

«В нашей войне против финнов, — свидетельствует Хрущев, — мы имели возможность выбрать время и место (начала войны. — *А. Н.*). Мы численно превосходили врага, и мы располагали достаточным временем, чтобы подготовиться к нашей операции. Но даже при таких, наиболее благоприятных условиях, мы смогли в конечном счете одержать победу только после огромных трудностей и невероятных потерь. Победа такой ценой была на самом деле моральным поражением.

Наш народ, конечно, никогда не узнал, что мы потерпели моральное поражение, потому что ему никогда не сказали правды».¹³⁶

Руководство государством и партией в лице Сталина, Молотова и других членов Политбюро не могли не отдавать себе отчета в том, что финская война является суровым предостережением на будущее. И это будущее было не за горами. Хотя нарком обороны К. Е. Ворошилов был отстранен, он остался членом Политбюро, в то время как его следовало отдать под

суд военного трибунала. Для высшего руководства давно уже не было секретом, что Ворошилов пренебрегает своими прямыми обязанностями военного руководителя в течение многих лет. Пока были живы его заместители — Тухачевский и др., они фактически вели все административные дела. Ворошилов и понятия не имел о подлинном состоянии Красной армии.

Ворошилова сменил на посту народного комиссара обороны маршал К. С. Тимошенко, командовавший до того Киевским Военным округом. Были произведены и другие замены и перемещения, но все это не могло радикально изменить плачевную ситуацию с высшим командным составом: лучшие командиры были уничтожены либо продолжали томиться в лагерях и тюрьмах. В 1940 году был расстрелян генерал Штерн, один из способнейших советских военачальников. На высшие командные должности выдвигались командиры, не имевшие опыта вождения крупных соединений войск. Средний и младший командный состав оставлял желать много лучшего. В пехотных частях на 1 мая 1940 года не хватало 1/5 начальствующего состава. Качество подготовки командиров в военных училищах было крайне низким. 68% командного состава в звене взвод-рота имели лишь краткосрочную 5-месячную подготовку курсов младшего лейтенанта.¹³⁷

Высшее военное образование к началу войны с Германией имели лишь 7% офицеров, 37% не имели полного среднего образования. Свыше 75% командиров и 70% политработников работали в своих должностях не свыше одного года.¹³⁸

К середине 1940 года советское руководство было достаточно осведомлено о серьезных упущениях в военной подготовке страны, несмотря на то, что военные расходы в СССР были фактически неограниченными (в 1941 году лишь бюджетные ассигнования на оборону составляли 43,4% от государственного бюджета).

Советская оборонная промышленность не обеспечивала армию современным оружием в необходимом количестве. Серийное производство современных боевых самолетов только начало налаживаться. Советское правительство в своей политике в 30-е годы исходило из предпосылки, что СССР рано или поздно будет вовлечен в мировую войну. Советская военная доктрина, а вслед за ней и советская пропаганда, внушали

населению, что будущая война будет вестись малой кровью и на территории врага. Но война на территории врага является войной наступательной, а не оборонительной. Вот почему во время англо-франко-советских военных переговоров летом 1939 года советская сторона добивалась беспрепятственного прохода Красной армии в случае войны с Германией через территории Польши и Румынии. Ведь Советский Союз не имел до сентября 1939 г. общей границы с Германией. Отсутствие общей границы с таким потенциально опасным противником, как нацистская Германия было главным положительным геополитическим фактором, исключающим возможность внезапного нападения на СССР с запада. Между Советским Союзом и Германией находились пограничные государства: Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Польша, Румыния. Советский Союз утверждал, что эти государства являются «санитарным кордоном» Запада против СССР. В этом утверждении несомненно была доля истины. Но в то же время те же самые государства служили и «санитарным кордоном» СССР против Запада. В конкретных условиях 20-х и 30-х годов, когда для организации нападения на любое государство требовалось известное время, было абсолютно невозможно, даже используя территорию пограничных государств, внезапно атаковать Советский Союз. При непосредственной угрозе войны Советский Союз имел бы в своем распоряжении время, достаточное для приведения в боевую готовность не только вооруженных сил, прикрывающих границу, но и главных сил, и резервов, дислоцированных в глубине.

Заключением пакта Сталин как будто осуществил цель, к которой он так долго и упорно стремился. Однако ситуация к этому времени изменилась. Мгновенные выгоды пакта никак не уравновешивали его негативные для Советского Союза последствия.

Невозможность для гитлеровской Германии войти в непосредственное соприкосновение с вооруженными силами СССР было одним из главных стратегических преимуществ СССР накануне Второй мировой войны. Приняв участие в разделе Польши, захватив Прибалтийские государства, Сталин собственными руками установил общую границу с возможным агрессором, границу протяженностью в 3000 км, где в каждом пункте Советский Союз был открыт для вторжения. То был

роковой просчет сталинской политики. Отныне Советский Союз неизбежно становился объектом нападения гитлеровской Германии.

Об этом просчете советская официальная историография, конечно, умалчивает. Для этого есть веские основания. Признание этой ошибки неизбежно привело бы и к некоторым другим признаниям. Ведь официальная советская версия даже в настоящее время все еще гласит, что из-за нежелания Англии и Франции подписать договор о взаимной помощи с СССР, он оказался перед выбором либо немедленно подписать пакт о ненападении с Германией и остаться вне войны, либо быть вовлеченным в войну на два фронта: с Германией на западе и с Японией на Дальнем Востоке.¹³⁹

Попытаемся разобрать эту аргументацию.

Англо-франко-советские переговоры лета 1939 года сильно затянулись по вине Англии и Франции. Одной из главных причин колебаний Англии и Франции было сомнение в боеспособности советских вооруженных сил, ослабленных массовым уничтожением военных кадров в 30-е годы.

Правительство Великобритании во главе с премьером Невиллом Чемберленом, инициатором Мюнхенского соглашения, не внушало большого доверия советскому правительству. Но разве Гитлер, порвавший Мюнхенское соглашение и оккупировавший немецкими войсками Чехословакию, должен был внушать Сталину больше доверия как политический партнер?

Советская историография утверждает, что если бы Советский Союз не подписал с Германией пакт о ненападении, то германская армия, заняв территорию Польши, с ходу начала бы вторжение в Советский Союз с одобрения, а может быть даже при поддержке Англии и Франции. Но это просто не соответствует действительности. Во-первых, если бы СССР не подписал договор с Германией, то весьма вероятно, что Германия не осмелилась бы напасть на Польшу, так как риск оказаться перед лицом антигерманской коалиции Англии, Франции и Советского Союза был слишком велик. Ведь даже такой запоздалый шаг со стороны английского правительства, как подписание союзного договора с Польшей 25 августа 1939 г., вызвал растерянность среди гитлеровского руководства и заставил Гитлера перенести начало вторжения в Польшу с 26 августа на 1 сентября.¹⁴⁰ Следовательно, даже в первые дни после

подписания советско-германского пакта, Гитлер все еще сомневался в своих исходных расчетах.

Проблема единственной альтернативы, перед которой якобы оказалось советское правительство в августе 1939 года, является мифом. Никто иной, как Астахов, поверенный в делах СССР в Берлине, в беседе с болгарским посланником Драгановым говорил, что у советского правительства есть три возможности: соглашение с Англией и Францией, соглашение с Германией и вообще никаких соглашений с кем бы то ни было, политика выжидания, оттяжки, нейтралитета.¹⁴¹ Следовательно, и этот путь также обсуждался советским руководством. То был наилучший для СССР вариант — не втягиваться в европейский конфликт, оставаться в стороне от него.

Допустим, однако, что авантюрист Гитлер, не считаясь ни с чем, решил бы свести счеты с Польшей, рассчитывая, что, как и в марте 1939 г., Англия и Франция не шелохнутся. Рискнул ли бы он также затеять войну против СССР? Ответ на этот вопрос безусловно отрицательный: не мог он рисковать. Не было в тот момент у Германии ни достаточно вооруженных сил, ни достаточных ресурсов для ведения войны против такой большой страны, как СССР. Простое сравнение сил Германии в 1939 и в 1941 г. говорит об этом.

Начиная войну против Польши, Германия могла выставить 57 дивизий (Польша — 47 дивизий и бригад), 2500 танков, (Польша — 166), самолетов — 1800 (Польша — 771). Кроме того, Германия держала на западе против возможных действий англо-французских союзников Польши — 33 дивизии неполного состава.¹⁴² Добавим к этому, что военная промышленность Германии едва начала развиваться. Германия ощущала огромную нехватку в стратегическом сырье и нефти.

Согласно заявлению начальника советского генштаба маршала Б. М. Шапошникова на военных переговорах с представителями Англии и Франции в Москве в августе 1939 г., Советский Союз мог выставить против Германии 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч средних и тяжелых орудий, 9-10 тысяч танков и 5-5,5 тысяч бомбардировщиков и истребителей.¹⁴³

Могла ли Германия при таком неблагоприятном для нее соотношении сил пойти на войну против СССР? Разумеется, нет. Следовательно, тезис советской историографии об опас-

ности нападения Германии на СССР после разгрома Польши не выдерживает критики.

Правилен, однако, другой официальный советский тезис, что Германия могла начать войну против СССР только после захвата почти всей континентальной Европы и приспособления ее экономики к военным нуждам германского рейха.¹⁴⁴ Но этим утверждением как раз и опровергается тезис об угрозе германского нападения на СССР в 1939 году. В сентябре 1939 года, даже если бы Германия решила начать войну против Польши в условиях политической изоляции, опасность последующего нападения Германии на Советский Союз была абсолютно исключена.

Далее. Действительно ли угрожала Советскому Союзу в это время также и опасность войны с Японией? Летом 1939 года в Монголии происходили бои крупного масштаба. Однако Япония, получив серьезный отпор со стороны советских вооруженных сил, начала пересматривать свою «большую стратегию», нацеливаясь на захват колоний Англии и Франции в Азии и в районе Южных морей. Даже в острой, угрожающей для Советского Союза ситуации второй половины 1941 года, Япония предпочла повернуть на юг, а Советский Союз снял целые дивизии с Дальнего Востока и перебросил их на советско-германский фронт.

Тезис советского руководства об опасности вовлечения СССР в войну на два фронта, если бы он не подписал договора с гитлеровской Германией¹⁴⁵ объясняется главным образом тем, что советское руководство находилось чуть ли не десять лет под гипнозом возможной войны на Дальнем Востоке.¹⁴⁶

Следует добавить, что объяснения решения Сталина заключить договор с Гитлером были придуманы задним числом для оправдания политики СССР и обеления советского военно-политического руководства.

На самом же деле, заключение пакта с Германией диктовалось в том числе и расчетом открыть дорогу войне между главными капиталистическими государствами. Ленинское учение об использовании противоречий между капиталистическими государствами в интересах социализма оправдывало любую политику, которая вызвала бы войну в капиталистическом стане.

Сталин отдавал себе отчет в том, что Германия, наученная горьким опытом первой мировой войны, когда она вынуждена была сражаться на два фронта, вряд ли рискнет выступить против Франции и Англии, не имея гарантированного тыла на востоке, т. е. со стороны СССР. Заключая соглашение с Германией, Сталин обретал уверенность, что война в Европе будет. Молотов в докладе на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года говорил с удовлетворением: «Это соглашение, которого строго придерживается наше Правительство, устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и, вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке».¹⁴⁷ Ему вторила советская официальная пресса: «Наличие этого и последовавших за ним практических и экономических соглашений между СССР и Германией обеспечило Германии *спокойную уверенность на Востоке* (курсив мой — А. Н.). Оно обеспечило ей также существенную помощь в разрешении стоящих перед ней хозяйственных задач».¹⁴⁸ Под этим несомненно подразумевались поставки Советским Союзом Германии стратегического сырья и продовольствия.

Война в Европе была нужна Сталину также и потому, что несмотря на хвастливые заявления о мощи Красной армии, ситуация была очень тяжелой, ибо лучшие военные кадры были истреблены, военная промышленность еще не развернула выпуск современного оружия, в сельском хозяйстве царил упадок, промышленность работала с перебоями, Советскому Союзу нужно было время для подготовки к большой войне. Пакт с Германией даст этот выигрыш во времени. Германия увязнет в позиционной войне на западном фронте, как это было во время Первой мировой войны, новые кровопролитные битвы, подобные Марне и Вердену, обескровят не только Францию и Англию, но и Германию, и тогда пробьет час и для Советского Союза. Отсюда вытекала и политика Советского Союза в первый период Второй мировой войны в 1939—1941 годах. Советские военно-производственные задания, гарантирующие готовность СССР к войне, должны были быть завершены в 1942 году.

Вопреки предсказаниям гитлеровских стратегов, война в Польше растянулась на шесть недель, а не на две. Польская

армия, несмотря на плохую вооруженность, недостаток военной техники, фактическую изоляцию, бездействие союзников Польши — Англии и Франции — сражалась против гитлеровской армии с необычайным мужеством. Гитлеровские армии, достигшие столицы Польши Варшавы 9 сентября, смогли взять ее только 17 сентября. Даже после того, как Красная армия ударила с тыла, польская армия защищалась еще две недели. На помощь армии пришли батальоны рабочих. Лишь в начале октября последние очаги польского сопротивления на полуострове Хель были задавлены. В Польше воцарился режим террора.

Вскоре после оккупации Польши Гитлер открыл «мирное наступление». Молотов и Сталин в своих заявлениях утверждали, будто Англия и Франция являются агрессорами, а Германия обороняющейся стороной. Советская печать развернула также кампанию, убеждая Соединенные Штаты Америки не вмешиваться в войну в Европе и не оказывать поддержки Англии и Франции.

В апреле германская армия оккупировала Данию и вторглась в Норвегию. 10 мая 1940 Германия начала наступление на Западном фронте. В этот день Молотов заявил германскому послу, что не сомневается в успехе Германии.¹⁴⁹

Кампания в Западной Европе завершилась спустя полтора месяца капитуляцией Франции, эвакуацией английского экспедиционного корпуса на Британские острова, оккупацией немецкими войсками территории Бельгии, Голландии, Люксембурга. Вся западная часть европейского континента оказалась в руках Германии. Только Англия продолжала вести войну против Германии, но ее положение оставалось необычайно тяжелым.

Быстрый разгром Франции оказался полной неожиданностью для всех государственных деятелей мира. Среди них был и Сталин. Его расчет на длительную позиционную войну на западе оказался неверным, а его представления о Второй мировой войне, как о некоем варианте первой «империалистической» войны, безнадежно устаревшим.

Хотя Молотов и выразил германскому послу самые теплые поздравления советского правительства в связи с блестящими успехами германских вооруженных сил во Франции,¹⁵⁰ настроение в Кремле было самое мрачное. Было решено без промедления включить прибалтийские государства, в которых

с октября 1939 года находились советские войска, и Бессарабию в состав Советского Союза. Сталин спешил, так как не был уверен в следующем шаге Германии. Баланс сил в Европе решительно изменился. Внешнеполитическое положение Советского Союза значительно ухудшилось. Советско-германские договора уже не были достаточной гарантией от германского нападения.

В конце июня и в начале июля 1940 года новое английское правительство Уинстона Черчилля предприняло несколько попыток проложить дорогу к улучшению отношений с СССР, однако эти попытки не встретили положительного отношения советского правительства, находившегося под гипнозом германских побед на Западе.¹⁵¹

27 сентября 1940 между Германией, Италией и Японией был заключен военный союз, т. н. Тройственный пакт. Хотя этот пакт и содержал оговорку, что он не затрагивает отношений его участников с Советским Союзом, последний правильно расценил его как пакт расширения сферы войны.

Были другие события, которые свидетельствовали об активизации политики «оси». В их числе выступление Германии в качестве арбитра в споре между Румынией и Венгрией из-за Трансильвании и посылка германской военной миссии в Румынию, усиление немецкого влияния в Болгарии, нападение Италии на Грецию в конце октября 1940 года.

В это сложное время, среди всех неурядиц и осложнений, посетила Сталина одна радость — 20 августа 1940 года советские агенты наконец-то настигли сталинского смертного врага — Троцкого. Советская госбезопасность много лет охотилась за Троцким. Сначала они убили его секретаря Ирвинга Вольфа, затем его сына Льва Седова. И вот, наконец, и Троцкий убит. Убийца Троцкого Рамон Меркадер наносит удар ледорубом. Сталин доволен и не только тем, что Троцкий убит, но и как он убит — железной палкой по голове, как бешеная собака. *Правда* печатает на радостях редакционную статью «Смерть международного шпиона»,¹⁵² а Меркадер приговорен к 20 годам заключения, но он не назвал тех, кто направил его руку, тех, кто сделал из него убийцу. Меркадеру присваивают звание Героя Советского Союза. И он получит свою награду, приехав в Москву спустя 20 лет. Не из рук Сталина, не из рук Берия. Некто, с одобрения Политбюро, вру-

чит ему Золотую Звезду Героя. Меркадер изменит фамилию. Теперь его зовут Лопесом. Лопес подает заявление с просьбой принять его в члены КПСС. Разве он не заслужил этого? Но просьба Лопеса отклоняется по формальным мотивам. Истинная причина другая: послесталинское руководство не хочет быть идентифицированным с убийством Троцкого. Партийные руководители все-таки иногда думают о том, что скажет про них История. Они напоминают человека отрицающего Бога, но при этом время от времени боязливо поглядывающего на небо... А вдруг?

В бешенстве сорвет с себя Меркадер-Лопес Золотую Звезду Героя. Но так и останется до конца своих дней всего-навсего членом братской коммунистической партии Испании.

...Ухудшение положения в южной и юго-восточной Европе угрожало интересам как Великобритании, так и Советского Союза. Поздней осенью 1940 года английское правительство еще раз попыталось вовлечь советское правительство в политические переговоры, но снова неудачно. Однако общее настроение в Москве в отношении Англии и США начало меняться. Было очевидно, что, во-первых, Англия не только не собирается капитулировать перед Германией, но ее сопротивление становится все более упорным, во-вторых, расширение сферы господства Германии и ее союзников таит прямую угрозу безопасности СССР. Советское правительство начало и само вести более активную политику, опасаясь оказаться в состоянии политической изоляции. Глупая кампания советской печати против вмешательства США в европейскую войну была прекращена. 6 августа 1940 г. было возобновлено советско-американское торговое соглашение. В конце января 1941 года правительство США сделало примирительный жест в сторону СССР, отменив т. н. «моральное эмбарго», т. е. рекомендацию американским фирмам воздержаться от торговли с СССР, наложенное на СССР в декабре 1939 г. в связи с нападением СССР на Финляндию. В марте 1941 г. в конгрессе США была отклонена поправка, предлагающая исключить СССР из программы помощи предусмотренной законопроектом о ленд-лизе. Однако до сближения с Англией и США дело тогда не дошло, так как СССР продолжал скрупулезно придерживаться соглашений с Германией и старался не давать ей поводов для нарушения этих соглашений. Сознание, что СССР не го-

тов к военному столкновению, страх спровоцировать Германию на военное выступление против СССР лежал в основе внешней политики СССР в это время.

СССР в 1940—1941 гг. снабжал Германию стратегическим сырьем, нефтью и продовольствием, фактически помогая в ее военных приготовлениях против... самого себя. Советско-германские экономические отношения определялись торговыми кредитными соглашениями от 19 августа 1939 и 10 февраля 1940 года.

Германия для ведения войны нуждалась в стратегических материалах. Немецкая экономика в начале Второй мировой войны находилась в тесной зависимости от ввоза. Особенно острой была зависимость по олову — 90%, по каучуку — свыше 85%, по текстильному сырью — около 70%, по бокситам — 99% и т. д.¹⁵³ Германия нуждалась в ввозе продовольствия.

В течение 17 месяцев после подписания советско-германского пакта и до нападения Германии на СССР Германия получила от Советского Союза 865 тыс. тонн нефти, 140 тыс. тонн марганцевой руды, 14 тыс. тонн меди, 3 тыс. тонн никеля, 101 тыс. тонн хлопка-сырца, более 1 млн. тонн лесоматериалов, 11 тыс. тонн льна, 26 тыс. тонн хромовой руды, 15 тыс. тонн асбеста, 184 тыс. тонн фосфата, 2736 килограммов платины и 1462 тыс. тонн зерна.¹⁵⁴

Поставки выполнялись советской стороной с исключительной точностью и пунктуальностью. Последний поезд с сырьем пересек советскую границу в сторону Германии, за несколько часов до начала германского нападения ночью 22 июня 1941 года.

Для наращивания германской военно-промышленной мощи существенное значение имели не только поставки из СССР, но и поставки из других стран, осуществляемые через советскую территорию. Согласно советско-германскому соглашению через территорию СССР транзитом поступали в Германию стратегические материалы и продовольствие из стран Ближнего и Дальнего Востока, из латино-американских стран и т. д. Советский Союз взял на себя также роль закупщика нежелезных металлов для Германии. Через Транссибирскую железную дорогу Германия получала в больших количествах каучук, закупленный для нее Японией. Германия отчаянно нуждалась в каучуке, ее собственные запасы не превышали двухмесячной потребности. Один раз, в 1941 году, советские

власти даже снарядили для Германии специальный поезд груженный каучуком. Графит из Мадагаскара, вольфрам и каучук из Французского Индо-Китая, молочные продукты, жиры, нефть, соевые бобы поступали в Германию по железным дорогам Советского Союза. Немцы расценивали экономическую помощь получаемую от Советского Союза и при его посредстве как дело «величайшей важности».¹⁵⁵ Весьма вероятно, что без советской помощи в доставке нефти и каучука и других стратегических материалов, было бы невозможно начать войну против СССР. Надежда Гитлера, высказанная им на совещании высшего командования 22 августа 1939 года, что Германии нечего бояться блокады, так как Восток будет снабжать Германию всем необходимым, в значительной мере оправдалась.

В обмен Советский Союз должен был получить от Германии военно-морское вооружение, включая готовые крейсеры, планы и вооружение. Германия передала СССР крейсер «Лютцев», оборудование для подводных лодок, артиллерийские системы и др. «Лютцев», проданный немцами за 100 млн. рейхсмарок и доставленный в Кронштадт в июне 1940 г. не был полностью закончен и укомплектован. Часть оборудования так и не была доставлена. Германия согласилась послать немецких инструкторов в СССР, чтобы обучить советский экипаж «Лютцева».¹⁵⁶

Германия не выполнила до конца свои обязательства по поставкам в СССР. К моменту германского вторжения в Советский Союз она задолжала СССР товаров на сумму в 229 млн. рейхсмарок. Нацисты оказались в выигрыше, поскольку они получили от Советского Союза существенную экономическую помощь в период подготовки к наступлению во Франции, на Балканах и затем против самого поставщика стратегических материалов — Советского Союза.

Но этим помощь советского правительства гитлеровскому не ограничивалась. Полтора месяца спустя после подписания советско-германского пакта о ненападении, в начале октября 1939 года советское правительство предложило германскому устроить свою военно-морскую базу в 35 милях северо-западнее Мурманска для заправки и ремонта германских кораблей и подводных лодок. База получила кодовое наименование — «База Норд». Немцы пользовались ею во время кампании в

Норвегии и оставили ее лишь в сентябре 1940 года, когда нужда в ней отпала. Командующий военно-морским флотом Германии адмирал Редер направил письмо с благодарностью советскому правительству и получил ответ, в котором говорилось, что советское правительство было радо оказать эту услугу.

Советский Союз оказывал помощь германским военно-морским операциям разрешая германским кораблям укрываться в гавани Мурманска. Когда началась война, советские власти задержали в Мурманске суда Англии и их союзников, чтобы дать возможность немецким кораблям благополучно добраться до своих баз в Германии. Позднее, когда немецкий рейдер «Бремен» прорывался сквозь английскую блокаду к берегам рейха, советские власти задержали в Мурманске на три дня все суда Англии и ее союзников и обеспечили тем самым безопасное возвращение «Бремена» в Германию.¹⁵⁷

В Мурманске происходила также заправка горючим и снабжение продовольствием немецких вспомогательных крейсеров ведущих военные операции против Англии. Германское правительство и гросс-адмирал Редер выражали не раз благодарность советскому командованию Военно-морского флота.¹⁵⁸ Народный комиссар военно-морского флота Кузнецов в чисто советской манере обещал ответить на благодарность «не пустыми словами, а делами»,¹⁵⁹ совсем так, как будто он рапортовал родной Партии и Правительству!

Советское правительство оказывало также помощь своими ледоколами для прохода через Арктический путь немецких рейдеров, закамуфлированных под торговые суда. 12 августа 1940 года рейдер «Шиф-45» был проведен советским ледоколом через Берингов пролив и 5 сентября 1940 г. вышел в Тихий океан.¹⁶⁰ В результате совместных действий «Шиф-45» и другого немецкого рейдера было пущено ко дну несколько кораблей Англии и ее союзников общим водоизмещением в 64000 тонн.

Со своей стороны, немцы ограничили движение своих кораблей в Балтийском и Черном морях во время советско-финской войны. Злоупотребляя своим нейтралитетом СССР специально посылал свои суда в море, чтобы доставлять немцам метеорологические сводки. Эта информация использовалась затем германскими военно-воздушными силами во время бомбежек английских городов.

В своем желании умиротворить Гитлера, советское правительство пошло так далеко, что выдало германским властям около 800 немецких и австрийских антифашистов, среди них бывших функционеров Коминтерна, находившихся в заключении в советских концентрационных лагерях.

Формальным поводом для этого было советско-германское соглашение об освобождении немецких и австрийских подданных находившихся в заключении в СССР. Поскольку немецкие антифашисты содержались в советских тюрьмах и лагерях как «немецкие шпионы», то теперь их и возвращали в Германию. Легко представить себе восторг гестаповцев, которым НКВД передавало их самых заклятых врагов. Среди переданных на расправу гестапо был основатель Коммунистической партии Австрии Фриц Коричонер. В этом не было ничего удивительного. Основные кадры Коминтерна были истреблены во время массового террора в СССР в 30-е годы. А оставшихся должно было уничтожить гестапо. Как любил говорить Сталин: «И дешево, и мило».

Сама организация Коммунистического Интернационала была поставлена на службу краткосрочным интересам Советского Союза. В начале войны многие Коммунистические партии Запада, повинаясь приказу Москвы, объявили демократические государства — Англию и Францию — агрессорами, а гитлеровскую Германию — обороняющейся стороной.

Вслед за оккупацией Германией Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и других стран советское правительство закрывало их дипломатические представительства в Москве, не оказывало никакой помощи сопротивлению этих народов фашистской агрессии. Так продолжалось до тех пор, пока Советский Союз сам не стал жертвой нападения гитлеровской Германии.

Вскоре после капитуляции Франции Германия развернула при помощи СССР пропагандистское наступление, предлагая Англии заключить мир.¹⁶¹ Одновременно начались террористические налеты германской авиации на английские города. Но английский народ продолжал войну и не помышлял о капитуляции. Стремление добиться в кратчайший срок установления германского господства в Европе привело Гитлера к решению напасть на Советский Союз. До тех пор, пока существует Советский Союз, рассуждал Гитлер, Англия не капи-

тулирует. В июле 1940 года Гитлер и высшее командование начали обсуждение перспектив войны против СССР,¹⁶² а 31 июля генеральный штаб получил задание на разработку плана войны против СССР.¹⁶³

Затем Гитлер начал военно-дипломатическую подготовку к войне. Она включала консолидацию сил тоталитарных государств: Германии, Италии и Японии, ведущих борьбу за передел мира. 27 сентября 1940 года был подписан Тройственный союз — военно-политическое соглашение трех держав, в котором был зафиксирован план предварительного раздела мира. Германия получала «Евроафриканское пространство», Италия — Средиземноморье, Япония — «Восточноазиатское пространство». Вскоре Германия выступила в роли арбитра в споре между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании, подписав с Румынией ряд экономических соглашений и, наконец, послала туда т. н. военную миссию, численность которой была очень близка к дивизии. Задачей миссии была подготовка румынской армии к войне против СССР. В сентябре Германия направила войска в Финляндию, которая рассматривалась, особенно после советско-финской войны, как будущий союзник Германии.

Укрепились военно-промышленная база Германии. К концу 1940 г. «хозяйственное пространство» Германии составляло 4 млн. кв. км с населением в 333 млн. человек. С лета 1940 года началось систематическое использование экономики оккупированных или подчиненных стран для нужд войны. На производство были посланы иностранные рабочие. Таким образом высвободилось значительное число немцев для несения военной службы. С конца 1940 г. промышленное производство начало быстро расти.

По мере усиления мощи гитлеровского рейха и расширения пространства, на которое распространялось его господство, международное положение Советского Союза ухудшалось.

Между СССР и Германией все чаще возникали конфликты. Германия не нуждалась теперь в той же степени поддержки СССР, как то было в первые месяцы войны.

Советский Союз стремился использовать период мирных отношений с Германией для расширения территории и укрепления своих позиций повсюду, где было возможно. 9 апреля 1940 года Молотов предупредил Шуленбурга, что Советский

Союз заинтересован в сохранении нейтралитета Швеции. Германия вынуждена была прислушаться к этому предупреждению.

Затем возникли некоторые трения в советско-германских отношениях в связи с Литвой. Согласно секретному соглашению 1939 г. часть Литвы (район Мариамполя) оставался в сфере интересов Германии. Советский Союз обязывался не оккупировать своими войсками этой территории. Однако 3 августа 1940 года советские войска были введены и в район Мариамполя.

Еще раньше Советский Союз начал задерживать поставки Германии, опасаясь, по-видимому, что германская акция против Норвегии, может затронуть и входящие в зону советских интересов прибалтийские государства. Убедившись в том, что действия Германии ограничены Норвегией, СССР возобновил поставки. Но это не прошло бесследно для советско-германских отношений, Германия начала ощущать свою зависимость от советского снабжения.

В августе-сентябре 1940 года возникли трения в связи с гарантией, которую Германия предоставила Румынии после присоединения Бессарабии и Северной Буковины к СССР, и Венского арбитража, по которому Трансильвания была отрезана от Венгрии и передана Румынии.

Советский Союз счел это нарушением ст. 3 договора о ненападении, предусматривавшего консультации между двумя государствами. Были также трения на торговых переговорах. Германия поставила в известность СССР о предстоящем подписании Тройственного союза лишь за день до того и т. д.

В начале октября правительство Германии известило советское правительство, что по просьбе Румынии оно направляет туда свою военную миссию, якобы для охраны немецких нефтяных интересов.¹⁶⁴

Литовская проблема была разрешена 10 января 1941 года, когда обе стороны подписали секретный протокол, согласно которому Советский Союз выплачивал Германии 7,5 млн. долларов, одна восьмая суммы выплачивалась немедленно поставками нежелезных металлов, а семь восьмых — золотом.¹⁶⁵

Серьезное обострение советско-германских отношений намечалось на Балканах.

Таким образом, германо-советские отношения начали к осени 1940 года портиться. Оба государства уже извлекли выгоду из своего сотрудничества. Теперь вопрос стоял так: возможно ли и желательно ли дальнейшее сотрудничество, или интересы СССР и Германии уже пришли в непримиримое противоречие?

Такова была ситуация, когда 13 октября 1940 года Риббентроп направил Сталину пространное письмо. Оно начиналось с анализа германо-советских отношений и кончалось предложением СССР примкнуть к Тройственному пакту и принять участие в разделе мира на сферы влияния между четырьмя государствами.¹⁶⁶ Риббентроп приглашал Молотова приехать в Берлин для обсуждения всего комплекса вопросов и выражал готовность приехать затем в Москву с представителями Японии и Италии для обсуждения политики, которая, подчеркивал он, «может быть только к *практической* выгоде всех нас».¹⁶⁷

12 ноября Молотов прибыл в Берлин. Молотов молча выслушал рассуждения Риббентропа, а затем Гитлера, что Англия разбита и никогда больше не возвратится на европейский континент.

Молотов согласился с Гитлером, что оба государства извлекли большую выгоду из их сотрудничества. Германии, подчеркнул Молотов, был обеспечен спокойный тыл, что имело огромное значение для побед Германии в ходе первого года войны. Молотов также сказал, что не все еще проблемы прояснены, в частности, проблемы Финляндии, Болгарии, Румынии и Турции. «Молотов, — говорится в официальной немецкой записи беседы его с Гитлером (советская запись не опубликована до сих пор), — выразил свое согласие с заявлениями фюрера о роли Америки и Англии. Участие СССР в Тройственном пакте кажется ему *полностью приемлемым в принципе* (курсив наш. — А. Н.), имея в виду, что Россия должна сотрудничать как партнер, а не просто как объект. В этом случае он не видит трудностей участия Советского Союза в общем усилии».¹⁶⁸ Но Молотов просил дальнейших разъяснений, в частности о «Великом азиатском пространстве». Молотов упрекал немцев в уклонении от ответа на требование Советским Союзом Южной Буковины, настаивал на выводе немецких войск из Финляндии и на прекращении там антисоветской пропаганды. Гит-

лер обещал всё это Молотову, но в то же время предостерегал СССР от втягивания в новую войну с Финляндией. Молотов потребовал согласия Германии на советскую гарантию целостности Болгарии, подобно германо-итальянской гарантии Румынии. Гитлер не возражал, при условии, если Болгария сама попросит СССР об этом. Он также заявил, что разделяет точку зрения СССР на необходимость изменения конвенции о Проливах, разрешив свободный проход советских военных кораблей из/в Черное море.

Перед отъездом в Москву Молотову были вручены проекты соглашений о разделе мира на сферы влияния между четырьмя государствами — Германией, Италией, Японией и СССР. 14 ноября Молотов возвратился в Москву и очень скоро, спустя 12 дней Гитлеру был направлен ответ. СССР соглашался с германским проектом о разделе мира, но с некоторыми поправками: советская сфера влияния должна была распространяться на районы южнее Баку и Батума, то есть включать Восточную Турцию, Северный Иран и Ирак. Советский Союз требовал согласия на устройство своей военно-морской базы в Проливах. Турция приглашалась примкнуть к проектируемому пакту четырех, после чего она получила бы гарантию своей территориальной целостности со стороны Германии, Италии и СССР. В случае отклонения Турцией этого предложения три державы предпримут необходимые дипломатические и военные шаги для обеспечения своих интересов.

Советское правительство настаивало также на немедленном выводе немецких войск из Финляндии, обязываясь уважать немецкие экономические интересы в этом районе; Япония отказывается от своих угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине; Болгария рассматривается как часть советской зоны безопасности, между СССР и Болгарией заключается пакт о взаимной помощи.¹⁶⁹

Таковы были условия участия социалистического Советского Союза в разделе мира, предложенного нацистской Германией.

Позднейшие советские утверждения, будто советское правительство отклонило германское предложение о разделе мира, не соответствуют действительности. Молотов несколько раз запрашивал немцев относительно ответа на советские контрпредложения, но германское правительство больше к своим

предложениям не возвращалось. Гитлер склонился к иному решению — начать войну против СССР. 18 декабря 1940 года план ведения войны против СССР — план «Барбаросса» — был окончательно утвержден.

За месяц до того, 18 ноября, болгарский царь Борис прибыл в Берлин для обсуждения вопроса о присоединении к Тройственному Союзу (она формально примкнула к нему 2 марта 1941 года). 20 ноября присоединилась к Тройственному пакту Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — Словакия. Гитлер решил не считаться больше с мнением Советского Союза. Протесты СССР оставались без внимания. Раздражение в Москве против политики гитлеровской Германии выразилось в ряде необдуманных действий. Так, например, советское правительство выступило против сближения Финляндии со Швецией (сближение, которое могло бы обеспечить финский нейтралитет в случае войны с Германией — авт.), предупредив Финляндию, что ее соглашение со Швецией привело бы к аннулированию мирного договора с Финляндией от 12 марта 1940 года, то есть пригрозило Финляндии новой войной. В результате этой угрозы сторонники сближения с гитлеровской Германией в Финляндии получили еще больший перевес над умеренными.

Гитлеровская Германия явно готовилась к новой войне, войне против СССР. Но до того Германия решила овладеть Балканами и тем самым добиться изоляции обоих своих врагов — Англии и СССР.

Война на Балканах собственно уже велась Италией, напавшей 28 октября 1940 года на Грецию (без согласования с Германией). В марте 1941 года, спасая Италию от разгрома, Германия начала войну против Греции. Германия потребовала от Югославии присоединения к Тройственному пакту. Правительство Цветковича, подписавшее соглашение о присоединении к пакту, было свергнуто восставшим народом 27 марта.

В этот последний момент Советский Союз подписал с Югославией договор о дружбе и ненападении, который практически ничего Югославии не давал, но лишь выражал протест СССР против захватнической политики Германии на Балканах. На следующий день, 6 апреля 1941 года Германия напала на Югославию и вскоре разгромила ее.

Советский Союз не шелохнулся.

18 июня 1941 года Турция подписала с Германией договор о ненападении.

К этому времени Германия завершила также и приготовления вблизи советской границы в Польше и Румынии.

20 июня германские парашютисты закончили операции на Крите — последние английские солдаты были вынуждены эвакуироваться в Египет.

Урегулирование отношений с Японией было единственным крупным внешнеполитическим успехом Советского Союза в это время. Бои в Монголии закончились в середине сентября 1939 года, вскоре после подписания советско-германского пакта о ненападении. По просьбе Советского Союза Германия оказала давление на Японию, побуждая ее к мирному урегулированию с СССР. Изменение политики Германии, разгром Франции, оккупация Нидерландов, осада Англии — все это усиливало позиции тех японских кругов, которые считали, что экспансия Японии должна быть направлена не на север, то есть против СССР, а на юг — против колониальных владений Франции, Англии и Нидерландов. Японские финансовые и промышленные круги, заинтересованные в развитии экономических отношений с СССР, особенно рыбопромышленники, требовали от своего правительства подписания с СССР новой рыболовной конвенции, так как срок прежней истек в 1939 году. Германия, со своей стороны, также была заинтересована в движении Японии на юг, поскольку это отвлекало внимание Соединенных Штатов от Европы и распыхало силы Британской империи. Рыболовная конвенция была продлена до конца 1942 года. 13 апреля 1941 года во время пребывания японского министра иностранных дел Мацуока в Москве был подписан договор о нейтралитете. Урегулирование отношений между СССР и Японией теперь, в условиях ухудшившихся советско-германских отношений, было для Советского Союза чрезвычайно важным. Договор был подписан Японией, несмотря на нажим, который оказывали на Мацуоку Гитлер и Риббентроп, делая ему прозрачные намеки, что война против СССР не за горами. Но в Японии к этому времени усилилось влияние сторонников экспансии в южном направлении, японское правительство предпочло подписать соглашение с СССР и тем гарантировать безопасность империи на севере.

Договор о нейтралитете 1941 года ослаблял опасность для Советского Союза войны на два фронта, если бы столкновение с Германией стало неизбежным.

3. Самообман и обман

Советское правительство располагало обширной информационной и разведывательной сетью за рубежом. Секретная информация политического и военного характера поступала в Москву по нескольким каналам: по линии наркомата иностранных дел, наркомата внутренних дел (государственной безопасности), наркомата обороны, Коммунистического Интернационала. Советская разведывательная служба в Европе и в Азии была одной из лучших в мире не только потому, что в ее составе были великолепно подготовленные профессионалы, такие, как Р. Зорге, Маневич, Радо, Трепнер и другие, но также и потому, что она имела довольно широкую базу среди западноевропейских коммунистов, антифашистов, левых интеллигентов. Эти люди служили советской разведке в силу своих убеждений, преданности коммунистическим идеалам и первой в мире стране социализма. Это делало советскую разведывательную службу необычайно надежной.

Однако, в 30-е годы, во время сталинского террора, почти все без исключения советские шпионы, работавшие за границей, находились под подозрением. Многие из тех, кто возвратился в Москву, в конце 30-х годов были арестованы, обвинены в измене и уничтожены. Вместе с ними были арестованы и их семьи. Но даже, несмотря на огромный ущерб, который сама советская власть наносила своей разведке, она продолжала располагать надежными кадрами.

Сведения о готовящемся нападении на СССР и о разработке плана «Барбаросса» были получены в Москве еще осенью 1940 года. Эти сведения были получены из Швейцарии, но непосредственным источником информации был офицер германского генерального штаба.

Подробные сведения о плане «Барбаросса» были получены в Москве в начале 1941 года.

Сообщения из Берлина, Берна и Парижа подтверждались сведениями, полученными из Токио от Р. Зорге, шпионская

сеть которого получила доступ к совершенно секретным документам японского правительства. Микрофильмы этих документов посылались в Москву. Постоянная передача достоверной шпионской информации в Москву продолжалась 6 лет. Зорге предупреждал несколько раз, что несмотря на вооруженные столкновения в Монголии Япония против СССР воевать не будет, а будет воевать против США.

В начале мая 1941 года Зорге передал в Москву содержание беседы Гитлера с японским послом Осимой, в которой Гитлер раскрыл намерение Германии напасть на Советский Союз. 12 мая Зорге сообщил о сосредоточении 150 немецких дивизий вдоль советской границы и указал предполагаемую дату нападения — 20 июня. В следующем сообщении — 15 мая — Зорге уточнил дату нападения — 22 июня и сообщил примерную схему предполагаемых военных действий. В разгар германского наступления на Москву, в октябре 1941 года, Зорге сообщил о намерении японского правительства начать войну против колониальных владений Англии и Нидерландов в Юго-Восточной Азии. 18 октября 1941 года Зорге был арестован и спустя 3 года, 7 ноября 1944 года, повешен в японской тюрьме. Советские власти ничего не предприняли для спасения Зорге: Сталин не желал сохранять живых свидетелей своих ошибок и преступлений. Жена Зорге была арестована советскими властями и послана в концентрационный лагерь. Ничего не было сделано и для вызволения советского разведчика Маневича, арестованного в Италии. Немудрено, что ряд сотрудников советской разведки отказывался возвращаться домой и предпочитали стать невозвращенцами; те же, кто возвратился, были либо расстреляны, либо много лет провели в заключении.

О готовящемся нападении на СССР, советское правительство получило официальные предупреждения 1 и 20 марта 1941 года от заместителя государственного секретаря США Семнера Уэллеса.¹⁷⁰

2 апреля британский премьер-министр Уинстон Черчилль приказал послу Криппсу встретиться со Сталиным и передать ему чрезвычайную информацию о передвижениях германских войск в Польше и предстоящем нападении Германии на Советский Союз. Однако и Сталин, и Молотов уклонялись от встречи с английским послом.¹⁷¹ Только 19 апреля Криппсу удалось передать это сообщение Молотову через НКВД.¹⁷²

Сталин отнесся ко всей этой информации с недоверием. Он подозревал, что поступающая в Москву информация сфабрикована английской разведкой для того, чтобы спровоцировать войну между СССР и Германией. Начальник Главного Разведывательного Управления Красной Армии, Ф. И. Голиков, в угоду настроению Сталина, в информации, представляемой ему, указывал, что не исключено, что сведения о готовящемся нападении сострепаны английской разведкой. Но сведений, поступавших по различным каналам, было столько, что нетрудно было сделать из нее выводы о неотвратимости германского нападения.

Систематически информировала ЦК ВКП(б) и правительство о положении на границе пограничная служба. Число задержанных или уничтоженных пограничниками «вражеских лазутчиков» на западной границе возросло в первом квартале 1941 года по сравнению с первым кварталом 1940 года в 15-20 раз, а во втором квартале 1941 года в 25-30 раз по сравнению с аналогичным временем в 1940 году.¹⁷³

В 1940 году на западной границе произошло 235 конфликтов и инцидентов. Несколько немецких разведывательных групп, переодетых в форму военнослужащих Красной армии, были обнаружены пограничными войсками.

С лета 1940 года участились случаи нарушения границы немецкими самолетами, глубина нарушений увеличилась. С января до июня 1941 года граница была 152 раза нарушена немецкими военными самолетами.¹⁷⁴

20 апреля 1941 года Украинский пограничный военный округ сообщил об ускоренной подготовке театра немцами в пограничной полосе Германии и на территории Венгрии.

5 июня Главное управление пограничных войск (ГУПВ) информировало, что в течение апреля-мая немцы сосредоточили вблизи советской границы 80-88 пехотных дивизий, 13-15 моторизованных, 7 танковых, 65 артиллерийских полков и так далее.

6 июня ГУПВ сообщило, что вблизи советской границы сосредоточено около 4 млн. немецких солдат. В тот же день эти сведения были доложены Сталину. 11 июня Сталину было доложено, что с 9 июня в немецком посольстве в Москве жгут бумаги и там получено указание из Берлина подготовиться к эвакуации в течение 7 дней.

10 и 13 июня 1941 года советский посол в Лондоне И. Майский был приглашен в Форин Оффис, где ему были переданы сообщения о предстоящем нападении Германии на СССР. В этом случае, заявил министр иностранных дел Иден, Англия окажет помощь Советскому Союзу.

Аналогичные сообщения поступили в Москву от советских представителей при правительстве Виши.

Информация о концентрации немецких войск в Польше, Румынии, Венгрии, о военно-строительных работах в этих странах, о подготовке театра была получена в Москве и от антифашистских групп Сопротивления, в том числе и из Германии.

Среди населения западных приграничных районов Советского Союза по обе стороны границы циркулировали слухи о неизбежности войны и советское командование отлично было об этом осведомлено.

Однако, несмотря на всю эту массу сведений, а также предложений командования пограничных округов принять хотя бы частичные меры на случай военного нападения, из Москвы никаких приказов не последовало. Некоторые командиры решили действовать на свой страх и риск. 18 июня начальник пограничных войск Прибалтийского округа генерал-лейтенант Богданов приказал эвакуировать семьи военнослужащих, а 20 июня отдал дополнительные распоряжения об усилении охраны границы.

Германский посол в Москве Шуленбург, возвратившийся из Берлина в конце апреля после доклада Гитлеру, вынес впечатление, что нападение на СССР — вопрос ближайшего будущего. Он, рискуя быть обвиненным в измене, попытался предупредить об этом советского посла в Берлине Деканозова (Деканозов был также заместителем наркомвнудела и приближенным Берия). Деканозов отнесся к предупреждению Шуленбурга с величайшим подозрением, считая это провокацией.¹⁷⁵ (В 1944 году Шуленбург принял участие в заговоре против Гитлера и был казнен.)

* * *

Сообщение, появившееся 22 и 23 августа 1939 года в советской печати о приезде Риббентропа и одновременно об очередном съезде национал-социалистической партии Германии в

Нюрнберге, прозвучали словно удар грома с ясного неба. В течение многих лет немецких национал-социалистов иначе как «фашистами» или «гитлеровцами» советская печать не именовала. Немецкие фашисты были в глазах советского народа самыми злейшими, самыми закоренелыми врагами. И вдруг оказалось, что никакие они не фашисты, а какие-то национал-социалисты. Тоже социалисты, вроде... Риббентроп, которого в советских газетах именовали не иначе как поджигателем войны, был торжественно встречен на аэродроме в Москве, украшенном флагами со свастикой и с серпом и молотом. В газетах появились фотографии улыбающихся Сталина и Риббентропа. Вид у обоих был очень довольный. Народ, конечно, не знал, какие разговоры вел Сталин с Риббентропом, не знал о тостах, провозглашенных за здоровье Гитлера.

Наиболее эмоционально реагировала на советско-германское сближение молодежь. В Московском государственном университете официальные докладчики — преподаватели кафедры марксизма-ленинизма — были атакованы ироническими и возмущенными вопросами. Их путанные объяснения вызывали взрывы смеха. Молодежь никак не хотела примириться с тем, что германские фашисты отныне первые друзья Советского Союза.

Тысячи пропагандистов были направлены в учреждения и на предприятия, чтобы разъяснить, что германо-советское сближение не является конъюнктурным маневром, а историческим поворотом. Спешно был подготовлен и издан двухтомник воспоминаний давно умершего германского рейхсканцлера О. Бисмарка, который выступал за германо-русский союз. Предисловие было заказано лучшему специалисту по истории Германии проф. А. С. Ерусалимскому. Сталин лично читал корректуру предисловия и внес свои исправления.

Основная мысль, изложенная во вступительной статье А. С. Ерусалимского, заключалась в словах, которые легко можно было расценить, как обращенные к Гитлеру: «...главную опасность для Германии он видел в столкновении с Россией... В основе... политики Бисмарка было заложено понимание силы и непобедимости русского народа».¹⁷⁶

По указанию правительства Большой театр поставил оперу Рихарда Вагнера, немецкого композитора, который раньше был в СССР далеко не в чести. Постановщиком был пригла-

шен лучший режиссер — Сергей Эйзенштейн. В периодических изданиях появились статьи о традиционной советско-германской дружбе, а заодно и о русско-германской. «Псы-рыцари», выведенные тем же Эйзенштейном в кинофильме «Александр Невский», были ненадолго забыты.

Но это было не просто фасадом событий. Из всех учреждений, связанных с внешними сношениями, начали увольнять лиц еврейского происхождения: из народного комиссариата иностранных дел, наркомата внешней торговли, морского флота, из ТАССа, центральных органов печати. Иностранцы дипломаты и корреспонденты, аккредитованные в Москве, отмечали исчезновение евреев из всех этих ведомств. Начали убирать евреев из управлений портов, авиалиний, железных дорог. Впервые за все годы существования советской власти антисемитизм, ранее камуфлируемый разговорами об интернационализме, превращался в государственную политику.

Антисемитская политика, проводимая в гитлеровской Германии, встречала иногда откровенное одобрение на местах, особенно среди местного начальства в южных районах СССР — на Украине и в Крыму. Усилился антисемитизм в Управлениях кадров Красной армии.

* * *

Анализ событий предвоенного периода начисто опровергает мифы о мудрой внешней и внутренней политике Коммунистической партии и советского правительства. На самом деле советское партийно-политическое руководство проявило растерянность и показало свое неумение правильно оценить события в сложной международной обстановке.

Выше мы уже упоминали о неверной оценке Сталиным перспективы войны на западе между Германией и англо-французскими союзниками. Другая не менее серьезная ошибка произошла в оценке ситуации на Балканах весной 1941 года, выразившаяся, в частности, в переоценке военных возможностей Югославии. Подписывая накануне вторжения гитлеровской Германии в Югославию договор о дружбе и ненападении с Югославией, Сталин вновь повторил прежнюю ошибку: он рассчитывал теперь на затяжные военные действия в Югославии. Согласно советско-югославскому договору: если бы одна из сторон подверглась нападению, то другая обязывалась бы

соблюдать «политику дружественных отношений к ней». Однако, Югославия была разгромлена в быстротечной кампании. Советский Союз не оказал ей никакой помощи, да и не мог ее оказать, не только потому, что советское руководство было основательно запугано быстротой развязки в Югославии, но и потому, что отчетливо сознавало неготовность СССР к войне. Политика советского правительства отражала неуверенность и страх перед Германией. Советское правительство прилагало максимум усилий, чтобы не только не раздражать упорную быстрыми военными победами Германию, но и показать нацистам свою готовность к дальнейшим уступкам, если бы Германия их потребовала.

Однако, ко все возрастающему беспокойству советского правительства, Германия не предъявляла Советскому Союзу никаких новых требований. Советский Союз выразил в апреле полную готовность покончить с затяжкой демаркации советской границы на участке от реки Игорка до Балтийского моря и принял немецкие предложения по этому поводу.¹⁷⁷

Советский Союз продолжал скрупулезно поставлять Германии стратегическое сырье и продовольствие, несмотря на огромную задолженность Германии Советскому Союзу в контр-поставках.

Участились разведывательные полеты немецкой авиации над приграничной советской территорией, но «сверху» поступил приказ огня по нарушителям не открывать. Советская сторона ограничивалась протестами. Случалось, что приземлившиеся на советской территории немецкие самолеты немедленно возвращались немцам, несмотря на то, что у пилотов находили пленку с заснятой советской территорией.¹⁷⁸

По свидетельству советских военачальников, Сталин продолжал надеяться на возможность сохранения мира с Гитлером, но опасался провокаций со стороны немецких генералов. Он, как и Гитлер, относился с большой подозрительностью к намерениям генералов.

Все предупреждения, исходившие из англо-американских источников, Сталин продолжал рассматривать как махинации западных держав, которые хотят погреть руки на германо-советской войне.

Сталин воспользовался отъездом из Москвы Мацуока для того, чтобы открыто продемонстрировать свою привержен-

ность германо-советской «дружбе». На проводах Мацуока он неожиданно появился на перроне вокзала и дружески приветствовал германского посла Шуленбурга: «Мы должны оставаться друзьями и Вы должны для этого сделать все!», а исполняющему обязанности германского военного атташе полковнику Кребсу сказал: «Мы останемся друзьями с вами в любом случае».¹⁷⁹

5 мая 1941 года Сталин был назначен Председателем Совета Министров СССР. Это назначение могло быть расценено как приглашение главе другого правительства — рейхсканцлеру Гитлеру — вступить со Сталиным в непосредственные переговоры. Такое предположение подкрепляется некоторыми дружелюбными жестами в сторону гитлеровской Германии, сделанными СССР в то время, такими, как закрытие посольств Бельгии, Норвегии и Югославии в Москве (все эти страны, как известно, были оккупированы Германией), установление дипломатических отношений с Ираком, где незадолго до этого был произведен профашистский переворот.

Сталину, который давным-давно (с марта 1939 года) не выступал с публичными речами, было необходимо появиться на публике, чтобы поднять дух среди командиров Красной армии, обескураженных событиями последних лет (арестами офицеров, дружбой с фашистской Германией, неудачами во время финской войны). 5 мая он выступил на выпуске слушателей военных академий. В своей 40-минутной речи он требовал повышения боевого мастерства и способности к отражению агрессии.

Готовность советского правительства к уступкам Германии была понята некоторыми высокопоставленными германскими чиновниками. Глава внешнеторгового департамента Шнурре отмечал в секретном меморандуме от 15 мая 1941 года, что Германия могла бы предъявить СССР новые экономические требования, которые обеспечили бы потребности Германии в сырье и продовольствии.¹⁸⁰

Однако, Гитлер не реагировал и смятение советского руководства усилилось, особенно в связи с полетом заместителя Гитлера по национал-социалистской партии Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 года. Сталин был убежден, что бегство Гесса — это всего лишь инсценировка, сделанная с ведома Гитлера, и цель ее заключается в том, чтобы сговориться с Анг-

лией против Советского Союза. На самом же деле Гесс полетел без ведома Гитлера. Для Англии неожиданный «визит» Гесса был подтверждением, что Германия решила на войну против СССР, но опасается войны на два фронта. Гесс предложил поделить Европу на сферы влияния — советская территория до Урала отойдет к Германии. Выяснив намерения Германии, а также и то, что Гесс никого не представляет кроме самого себя, английское правительство решило сообщить советскому о полете Гесса. Для Сталина полет Гесса и сообщение английского правительства послужили лишь подтверждением его подозрений, что между Англией и Германией плетутся антисоветские интриги и что предупреждения Англии о готовящемся немецком нападении являются попыткой английских империалистов спровоцировать войну между Германией и СССР.

Однако, совершенно игнорировать реальную ситуацию было невозможно: Германия концентрировала войска близ советской границы и об этом широко писала международная печать и ежедневно сообщали в Москву командующие приграничными военными округами.

Надежда Сталина, что Гитлер предложит новые переговоры постепенно угасала, а страх перед неготовностью СССР к войне все более возрастал. В этих условиях 14 июня было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось о распространяемых за рубежом слухах, что Германия предъявила Советскому Союзу требования и что идут переговоры о заключении между ними «нового, более тесного соглашения» и оба государства сосредотачивают на границе войска. ТАСС заявляло, что Германия требований не предъявляла, ввиду чего и переговоры не могли иметь места. Советский Союз соблюдал и соблюдает договор о ненападении; слухи о подготовке СССР к войне против Германии «являются лживыми и провокационными».¹⁸¹

Это коммюнике было как бы приглашением Германии прояснить ее намерения и предложить новые переговоры. Но Германия снова не реагировала. Сообщение ТАСС оказало деморализующее влияние на армию. Оно как бы опровергало сведения о возможности военного конфликта.

18 июня с немецкой стороны появился перебежчик, немецкий фельдфебель, который заявил, что в 4 часа утра 22 июня гит-

леровские войска начнут вторжение вдоль всей советско-германской границы. На следующий день, как бы в насмешку над всеми предупреждениями о неизбежной опасности войны, газета «Правда» опубликовала передовую статью под названием «Летний отдых трудящихся».¹⁸²

Сталин все еще надеялся на приглашение из Берлина к столу переговоров. Даже вечером 21 июня, уже после того как тревожных сообщений становилось все больше, Сталин говорил наркому обороны Тимошенко, прибывшему к нему с докладом: «Зря поднимаем панику».

В 11 часов вечера 21 июня на советскую сторону перебежал немецкий солдат Альфред Лискоф, который сообщил, что в 4 утра немецкая армия перейдет в наступление. Еще одно сообщение получено советской военной разведкой из Берлина: нападение назначено на 22 июня.

По некоторым подсчетам, советское руководство получило 84 предупреждения о предстоящем нападении Германии.¹⁸³

Несмотря на огромные средства, затраченные на строительство укреплений на западных рубежах, к началу войны с Германией строительство не только не было завершено, но находилось в хаотическом состоянии. Сооружение укрепленных районов на старой границе (до 17 сентября 1939 года) началось в 1929 и продолжалось до 1935 года. Это были линии железобетонных сооружений, рассредоточенных в глубину на 1-2 км. Для того, чтобы понять, на какой отсталой военной технике эти сооружения держались, достаточно сказать, что основным типом была огневая пулеметная точка. Сами сооружения не предохраняли гарнизоны на случай попадания 155 мм и 210 мм снарядов. В 1938 году начавшееся было обновление вооружения и оборудования дотов было прекращено, так как было решено изменить всю систему укрепленных районов. Не успели начать строительство новых укрепленных районов, как изменилась государственная граница на западе. Последовал приказ законсервировать строительство на старой границе. Началось сооружение новых укреплений на новой границе. Вскоре выяснилось, что не учтены важнейшие параметры — силы возможного противника и силы советской обороны в укрепленном районе. Снова ушло время на разработку планов и директив к ним. Основные денежные средства выделялись на строительство оборонительных сооружений Прибалтийскому военному

округу. Это означало, что советское верховное командование неправильно оценивает возможное направление главного удара противника, считая, что он последует из Восточной Пруссии в сторону Прибалтики. В конце марта 1941 года, когда выяснилось, что южнее Полесья сосредотачивается крупная группировка немецких войск, было решено усилить строительство в Киевском военном округе. Теперь не хватало строительных материалов и оборудования. Из выстроенных на новой границе 2500 дотов были полностью обеспечены орудиями только 1000. Во всех остальных были установлены лишь станковые пулеметы. Начали снимать вооружения с дотов на старой границе, а сами доты превращали в... овощехранилища местных колхозов. Таким образом, старая граница, на которой отступающие советские войска могли бы держать оборону, была разоружена, а новая недовооружена. Между укрепленными районами оказались незащищенные участки шириной от 10 до 80 км. Проверка наркомата обороны, произведенная весной 1941 г., показала, что многие сооружения, построенные в 1940 году, были захлаплены или забиты отвалами земли.

Не лучше обстояло дело со строительством полевых аэродромов и дополнительных бетонных полос на стационарных аэродромах, сооружением узлов связи и дорог.

Начальник Главного Политического управления Красной Армии А. Н. Запорожец сообщал наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко: «Укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем не боеспособные».

Советская историография обычно оправдывает все эти преступные упущения ссылкой на то, что было мало времени для подготовки к войне. Это утверждение не соответствует действительности, ибо на протяжении многих лет официально провозглашенная политика советского правительства в деле военного строительства заключалась в том, чтобы держать страну в состоянии постоянной мобилизационной готовности. Населению СССР годами внушалась мысль, что оно должно идти на всевозможные жертвы ради укрепления обороноспособности страны. И оно на эти жертвы шло. У советского руководства было достаточно средств и достаточно времени, чтобы подготовить страну к возможности войны. Однако по бездарности высшего руководства, его неумению и нежеланию

научиться правильному экономически обоснованному хозяйствованию, огромные средства, фактически экспроприированные у населения, разбазаривались, растрчивались впустую, гигантские капиталовложения не давали ожидаемого результата.

В 1940 году и в начале 1941 года правительство приняло ряд постановлений, в которых обращало внимание на недостатки подготовки войск, строительства рубежей, технической оснащенности. Танковые и механизированные соединения были лишь наполовину укомплектованы новой техникой, авиационные части приграничных округов и того хуже — всего на 22%.¹⁸⁴

Крупные просчеты были совершены высшим командованием при определении группировки противника и вскрытия его намерений и планов.

Как признает в своих мемуарах маршал Г. К. Жуков, назначенный в феврале 1941 года начальником Генерального штаба Красной Армии, «наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутные и воздушные группировки».¹⁸⁵

Верховное командование ошибочно считало, что главный удар последует через Восточную Пруссию на Ригу-Каунас (Полоцк) — Минск и из района Бреста на Барановичи — Минск.

На самом же деле германское верховное командование решило нанести главный удар севернее Полесья, в то время как советское командование готовилось к отражению удара к югу от него.

Но как же тогда обстояло дело с анализом разведывательной информации, в которой говорилось о планах немцев довольно точно? Вообще не обращали внимания?

Ошибочным был и план обороны западной границы, который предусматривал немедленный переход в наступление сразу же после отражения первого удара врага. Не принималась в расчет возможность глубокого вклинения сил противника в оборону советских войск и возможного прорыва этой обороны, хотя уязвимость оборонительных полос была хорошо известна не только командованию приграничных округов, но и высшему командованию. Оперативно-стратегическая игра, проведенная в январе 1941 года, показала, например, что при

вклинении вражеских войск на белостокском и львовском выступях, советские войска могут оказаться в тяжелом положении.

Инициатива командования приграничных округов была скована строгим указанием не давать немцам никаких поводов для вооруженных провокаций.

Глава восьмая ВОЙНА (1941—1945)

1. На краю поражения

...До последнего часа ожидает Сталин знака со стороны Гитлера. Вечером 21 июня, узнав о перебежчике Лискофе, Сталин реагирует в обычной манере: «А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?», — спрашивает он наркома обороны С. К. Тимошенко.¹ Сталин, по-видимому, не может себе представить, что Гитлер начнет войну против СССР. Он предпочитает верить, что войну хотят спровоцировать немецкие генералы, упоенные военными успехами вермахта. И, кроме того, он-то хорошо знает, страна к войне еще не готова, все военные планы рассчитаны на 1942 год. Сталину попросту страшно. Он становится нерешительным, по-видимому, ему отчаянно хочется отодвинуть неизбежное. Возможно, что в этот момент он упоает на чудо...

А что же его «боевые соратники», члены Политбюро ЦК ВКП(б)?

«Сталин коротко информировал их, — пишет Жуков.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало».² Нарком обороны Тимошенко предлагает дать немедленно директиву о приведении всех войск в полную боевую готовность. Проект директивы зачитан, но

Сталин его отклоняет. Он полагает, что, быть может, всё еще уладится мирным путем.

Разведывательная информация, которой располагало правительство СССР и советское верховное командование оказалась точной: в 4 часа утра 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вместе со своими союзниками Румынией, Венгрией и Словакией начала наступление вдоль всей советско-германской границы.

Командование приграничных округов, дезориентированное приказами из Москвы, с первых же часов вторжения начало терять управление войсками.

Только в 12.30 в ночь с 21 на 22 июня в войска была направлена директива наркомата обороны, предупреждающая о возможном внезапном нападении немцев 22-23 июня вдоль западной и юго-западной границы. Формулирование задачи войск начиналось со странной и необычной фразы: «Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Это означало, что руководство в Кремле все еще уповает на какое-то чудо, которое предотвратит войну. Командующим приграничными округами предписывалось привести войска в полную боевую готовность, чтобы встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников и для этого скрытно занять огневые точки в укрепленных районах на границе, расконцентрировать и замаскировать авиацию и войска, привести в боевую готовность противовоздушную оборону, подготовить мероприятия по затемнению городов и объектов.

Последний пункт директивы гласил: «Никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить».³

Маршал Малиновский свидетельствует, что на уточняющий вопрос, можно ли открывать огонь, если противник вторгнется на советскую территорию, последовал ответ: на провокации не поддаваться и огня не открывать!⁴

Уже после нападения немцев Тимошенко предупреждает заместителя командующего Западного особого военного округа генерала Болдина: «Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову (командующий округом. — А. Н.), что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам». Болдин кричит в телефонную трубку: «Как же так? Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гиб-

нут люди». Болдин настаивает на немедленном вводе в дело механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. Ответ Тимошенко: «Никаких мер не предпринимать, кроме разведки в глубь территории противника на 60 км».⁵

Только вечером 22 июня, когда из-за глубокого вклинения немецких танковых групп создалось угрожающее положение, командующие фронтами получили приказ о нанесении «глубоких контрударов с целью разгрома основных сил противника и перенесения действий на его территорию».⁶ Фантастичность этого приказа отражала полное непонимание сложившейся обстановки военно-политическим руководством Советского Союза и полное игнорирование фактов или незнание их высшим военным командованием.

А факты были такие:

Группировка немецких войск насчитывала 190 дивизий, в том числе 17 танковых и 13 моторизованных. У нее на вооружении было 50 тысяч орудий и минометов, около 5 тысяч самолетов, более 3700 танков.

Вся группировка, включая все рода вооруженных сил, насчитывала 4600 тысяч. Среди них было 153 немецких дивизий (свыше 70% всей немецкой армии), составлявшие вместе с частями усиления 3300 тысяч человек.⁷

Советские вооруженные силы насчитывали к началу войны 5 миллионов человек.⁸

В западных приграничных округах было 170 дивизий и 2 бригады. Это составляло 54% численности всей Красной армии, около 2,9 млн. человек.

Войска первого эшелона составляли 56 дивизий и две бригады, и были рассредоточены на глубину до 50 километров. Войска второго эшелона находились на расстоянии 50-100 километров от границы и резерв — 150-400 километров.⁹

На направлениях главных ударов у немцев был значительный перевес сил, от 1,8 до 2,2 раза. В советской группировке было 1800 танков, около 34700 орудий, 1540 самолетов новых конструкций, не считая большого количества танков устарелых типов.

Таким образом германская армия имела безусловное превосходство в живой силе и технике. Она имела также большой опыт ведения современной войны и хорошо подготовленный офицерский корпус.

В 4 часа 15 минут утра по всему огромному советско-германскому фронту началось нападение Германии. Германская авиация нанесла сокрушительные бомбовые удары по аэродромам. В первый же день войны было уничтожено 1200 боевых советских самолетов;¹¹ большинству из них даже не удалось подняться в воздух. Были выведены из строя узлы и линии связи, уничтожены и захвачены склады вооружения и боеприпасов, которые почему-то были слишком близко пододвинуты к границе. Немецкое командование, изолируя отдельные узлы сопротивления советских войск, развернуло наступление на восток. К исходу первого дня войны немецкие танки продвинулись до 60 км на Брестском направлении и заняли Кобрин.¹²

Вечером 22 июня Тимошенко приказал Северо-Западному, Западному и Юго-Западному фронтам перейти в наступление на главных направлениях, разгромить противника и перенести военные действия на его территорию. Эта директива не только не соответствовала реальному положению, сложившемуся на фронте к исходу первого дня войны, но была прямо преступной, поскольку заставляла командиров гнать вверенные им войска под смертоубойный огонь противника, в маленькие и большие «котлы», в окружение. Такого же рода преступная директива была отдана и войскам Прибалтийского военного округа его командующим генералом Ф. Ф. Кузнецовым.

Десятки тысяч убитых, сотни тысяч попавших в немецкий плен — такую дорогую цену уплатил народ за растерянность и некомпетентность высшего военно-политического руководства, Политбюро ЦК ВКП(б), правительства и главы партии и государства — Сталина.

Только на четвертый день войны Ставка Главного Командования поняла нереальность попыток организовать контр-наступление. К этому времени немецкие войска продвинулись на разных направлениях от 130 до 250 километров в глубь территории Советского Союза. 28 июня, спустя неделю после начала войны, пала столица Белоруссии — Минск. В руки врага попало 319 тысяч пленных и большое количество вооружения.

На Северо-Западном фронте разрозненные части Красной Армии, полностью потеряв управление, поспешно отступали к рубежу Западной Двины. Однако зацепиться за этот рубеж не удалось. Немецкие танковые колонны переправились через

Западную Двину, захватили Даугавпилс и 9 июля с ходу взяли Псков.

Только в районе Луцк-Броды—Ровно на стыке Юго-Западного и Южного фронтов советские войска в крупном танковом сражении нанесли тяжелый урон немцам и задержали их продвижение на неделю, но затем были вынуждены отойти на рубеж старой границы в район Коростень—Новоград-Волынский—Проскуров.

На Западном фронте после тяжелых боев советским войскам пришлось отойти к Днепру.

На Юго-Западном фронте враг захватил в начале июля Бердичев и Житомир.

В итоге трехнедельных боев гитлеровские войска продвинулись на 300-600 км в глубину советской территории. Они заняли Латвию, Литву, Белоруссию, правобережную Украину и почти всю Молдавию. Такого ужасного состояния Россия не переживала со времени вторжения Наполеона. Царские генералы времен первой мировой войны, которых советская историография упрекает в бездарности, никогда не несли столь сокрушительных поражений.

Потери германской армии были значительны. С 22 июня по 13 июля они равнялись 92 тыс. человек или 3,68% общей численности немецких войск на советско-германском фронте.¹³ Но немецкие потери были во много раз меньше потерь Красной Армии.

В середине июля развернулось ожесточенное сражение между Полесьем и Дунаем, на фронте шириной 1400 км.

8 августа немцы форсировали Днепр между Киевом и Кременчугом. Упорные бои продолжались полтора месяца. Командующий Юго-Западным направлением С. М. Буденный запросил у Ставки разрешения оставить Киев и Киевский укрепленный район и отвести войска с Днепра на р. Псел. Ставка не согласилась. В результате четыре советских армии были окружены немцами, частью уничтожены и частью пленены. По одной из версий командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпонос покончил самоубийством.¹⁴

Теперь немецкая группировка «Юг» после овладения Киевом начала наступление на харьковском, донбасском и крымском направлениях. Восточнее Киева немцы начали наступление на

Брянск и Орел, имея своей целью захват Москвы.

В конце сентября 1941 г. создалось угрожающее положение.

2. Правительство, народ и война

Спустя 8 часов после вторжения германских вооруженных сил, в 12 часов дня по радио выступил заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов, сообщивший гражданам Советского Союза о вероломном нападении Германии. Сталин предпочел не выступать. У него было для этого достаточно причин. Главная из них заключалась в провале его политики — дружбы и сотрудничества с фашистской Германией и подготовки страны к войне. Сталин, который обычно связывал свое имя с достижениями, с победами, вовсе не хотел, чтобы его имя идентифицировалось с поражениями. Сталин был в шоке. Он заперся на своей даче в Кунцеве и фактически самоустранился от государственных дел. Лишь спустя несколько дней он не без нажима со стороны других членов Политбюро (как о том было официально заявлено на XX съезде КПСС в 1956 году) вернулся к исполнению своих обязанностей.

Понадобилась однако неделя, чтобы советское руководство выработало первую директиву, адресованную партийным и советским организациям прифронтовых областей. Спустя еще пять дней, 3 июля 1941 года, эта программа была сообщена Сталиным по радио населению страны. Ему пришлось сказать народу, что враг уже глубоко вторгся в пределы Советского Союза. В этот тяжелый час, он, по приказу которого миллионы были обездолены во время коллективизации, по чьему приказу были созданы лагеря рабского труда, уничтожены лучшие военачальники и цвет интеллигенции страны, были расстреляны или сгноены в лагерях миллионы советских граждан, теперь обращался к советским гражданам с умоляющим призывом: «Братья и сестры...»¹⁵

В тяжелую годину вражеского нашествия всколыхнулись лучшие народные чувства: готовность к самопожертвованию, чувство ответственности, чувство родины, национальный патриотизм.

В угрожаемых районах начали создаваться дивизии народ-

ного ополчения, истребительные отряды для борьбы с немецкими парашютными десантами, трудовые отряды для строительства оборонительных рубежей.

В военкоматы потоком шли заявления от граждан, желавших добровольно вступить в армию.

В Ленинграде было сформировано 10 дивизий народного ополчения общей численностью вместе с другими добровольческими формированиями до 159 тыс. человек.¹⁶ В Москве насчитывалось 12 ополченских дивизий — около 120 тыс. человек. В Киеве вступило в ополчение 29 тыс. человек.

Автор специального исследования, посвященного добровольческим формированиям во время Отечественной войны 1941—1945 годов утверждает, что «по неполным данным, в народном ополчении и других добровольческих формированиях во время войны находилось не менее 4 млн. человек. Из них около 2 млн. человек сражалось с врагом на различных участках советско-германского фронта уже летом и осенью 1941 г.»¹⁷ Эти данные представляются значительно завышенными.

В ополчение шли и рабочие, и интеллигенты: преподаватели, студенты, художники, музыканты, писатели, ученые. Многие из них вступили в ополчение добровольно. В большинстве своем они не были обучены военному делу, а для обучения нехватало ни времени, ни боеприпасов, ни оружия.

Для того чтобы понять, в каком положении оказалась страна к осени 1941 года, обратимся к свидетельству компетентного очевидца, Н. С. Хрущева, в ту пору первого секретаря ЦК КП(б)У.

Вот что он пишет:

«Положение быстро изменилось к худшему, главным образом потому, что очень мало помощи последовало из Москвы. Вскоре после того, как началась война, во время германского наступления на Киев, был большой патриотический подъем среди народа. Рабочие с «Ленинской Кузницы» и других заводов вокруг Киева пришли в Центральный Комитет, требуя винтовки, чтобы они могли отбить атаки захватчиков. Я позвонил в Москву для того, чтобы договориться о доставке оружия для тех граждан, которые желали отправиться на фронт для поддержки Красной Армии. Единственным, с кем я мог соединиться, был Маленков. «Скажите мне, — сказал я, — где мы можем достать винтовки? У нас есть заводские рабо-

чие, которые желают присоединиться к Красной Армии, чтобы сражаться против немцев, но у нас нечем их вооружить».

— Лучше оставьте всякую мысль о получении оружия от нас. Все винтовки из гражданской обороны посланы в Ленинград.

— Так чем же, вы полагаете, мы будем воевать?

— Я не знаю — пиками, мечами, самодельным оружием, всем, что вы сумеете изготовить на ваших заводах.

— Вы думаете, что мы можем воевать против танков копьями?

— Делайте все, что вы можете. Вы можете изготавливать бутылки с горючей смесью и бросать их в танки».

Можете представить себе мой стыд и негодование, когда я услышал это от Маленкова. Значит мы должны отразить вторжение без винтовок и пулеметов, не говоря уже об артиллерии или механизированных системах. Я конечно никому не сказал то, что я услышал от Маленкова. Кто знает, какова была бы реакция. Я, конечно, не мог сказать людям, насколько плохо положение. Но народ мог и сам убедиться, как мы плохо вооружены. Но почему мы были так плохо вооружены? Из-за самодовольства наркомата обороны, деморализации и пораженческих настроений в руководстве. Эти факторы сдерживали нас в строительстве нашей промышленности вооружений и в укреплении наших границ. А теперь было слишком поздно».¹⁸

Хрущев, умолчал, конечно, что на Украине, особенно в западной ее части, было немало случаев, когда население встречало немцев как освободителей.

Первоначально мобилизация коснулась военнообязанных рожденья 1905—1918 годов, позднее она была распространена на лиц рожденья до 1927 года включительно.

В районах, расположенных на запад от линии Ярославль—Рязань—Ростов-на-Дону, было объявлено военное положение и сформированы части народного ополчения, истребительные отряды для борьбы с вражескими десантами.

Указом от 26 декабря 1941 года рабочие и служащие военной промышленности, не подлежавшие призыву, были объявлены мобилизованными. Самовольный уход с предприятий приравнивался к дезертирству. Были введены обязательные сверхурочные работы, все отпуска на время войны отменя-

лись. Рабочий день фактически увеличился до 10-12 часов, а в городах, оказавшихся в чрезвычайном положении, например в Ленинграде, в Туле, рабочий день не имел предела. Транспортные рабочие и служащие также были объявлены мобилизованными.

Людские ресурсы резко сократились уже в начале войны, так как значительная часть страны была быстро оккупирована врагом. Уже в первые месяцы войны армия потеряла миллионы людей убитыми и пленными.

Значительная часть мужского населения ушла в армию. На производство были призваны женщины в возрасте от 16 до 55 лет. Им пришлось работать на тяжелых мужских профессиях, в качестве кочегаров, кузнецов, штамповщиков и так далее. На заводах и фабриках появилось также много людей нерабочего возраста, старше 65 лет и подростков от 14 лет и выше.

30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Оборона, чрезвычайный орган военного времени, в руках которого была сконцентрирована вся полнота власти. Председателем ГКО стал Сталин, заместителем председателя Молотов, членами Ворошилов и Маленков. Позднее ГКО был дополнен Берия, Булганиным, Вознесенским, Кагановичем и Микояном. На местах были образованы городские комитеты обороны. Они состояли из первых секретарей организаций ВКП(б), председателей местных советов, представителей армии и государственной безопасности.¹⁹

В угрожаемых районах началась эвакуация заводского оборудования и специалистов на восток. Удалось вывезти более 1500 предприятий, которые были размещены в Поволжье, на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Считается, что было эвакуировано 10 млн. человек. Но масса населения бежала, не дожидаясь эвакуации, на восток, бросая свои дома и имущество. Многие заводы, фабрики, склады попали в руки врага.

В районах, отстоявших далеко от линии фронта, эвакуация проходила более организованно. Предприятия, вывезенные на восток, сравнительно быстро начали выпускать продукцию для нужд армии. В суровых условиях осени и зимы 1941/1942 годов воздвигались новые фабричные корпуса. Спустя четыре месяца многие заводы уже работали на полную мощность.

Рабочий день продолжался по 12-14 часов. Люди жили в условиях неимоверной скученности, часто в землянках и палатках. Не хватало продовольствия.

Перестройка экономики на военный лад была в основном закончена в течение года.

Это было очень трудное время. Промышленное производство в стране понизилось в 2,1 раза. Прокат черных металлов уменьшился за полгода войны в 3,1 раза, прокат цветных металлов в 430 раз (!), производство шарикоподшипников в 21 раз.²⁰

Резко сократился выпуск самолетов: в 4-м квартале 1941 года более чем в два раза по сравнению с 3-м кварталом. В декабре 1941 года план по выпуску самолетов был выполнен лишь на 35%. В это время 4/5 советской авиационной промышленности перебазировались на восток страны. План выпуска танков во втором полугодии 1941 года был выполнен на 61,7%. Производство боеприпасов составило 50-60 процентов от запланированного.²¹

Экономическое положение городского населения было во время войны плохим. Карточная система rationирования продуктов обеспечивала питание городских жителей лишь в минимальной степени. Продуктов, выдаваемых по карточкам, не хватало, приходилось обращаться к помощи рынка с его фантастическими ценами. Практически вся заработная плата городских жителей уходила на покупку продуктов питания и коммунальные расходы. Многие городские жители отправлялись в деревни, чтобы выменять продукты на одежду и утварь. Рабочие, особенно на тяжелом производстве (добывающая промышленность, литейное дело, нефтяная промышленность, химическое производство) получали снабжение по первой категории: от 800 граммов до 1-1,2 килограмма хлеба в сутки (хлеб был основным продуктом питания). В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории — 500 граммов хлеба. Служащие получали от 400 до 450 граммов, члены семей (иждивенцы и дети до 12 лет) — 300-400 граммов. По обычным нормам выдавалось в месяц 1,8 килограмма мяса или рыбы, 400 граммов жиров, 1,3 килограмма круп и макарон, 400 граммов сахара или кондитерских изделий. Были также повышенные и особоповышенные нормы.

Многие рабочие и служащие сдавали свои продуктовые карточки в закрытые столовые и получали питание там.

Привилегированная часть общества (руководящие партийные и советские работники, партийный аппарат) имели свою собственную, особую систему снабжения, значительно отличавшуюся в количественном и качественном отношении от общегражданской.

Многим предприятиям и учреждениям были выделены колхозные земли для использования их под подсобные хозяйства и организации на этой базе дополнительного питания своих рабочих. В городах рабочим и служащим выделялись участки под огороды для выращивания для собственных нужд картофеля и овощей. Собственные огороды стали основным источником питания для сотен тысяч семей во время войны. Одежда, обувь, ткани стали во время войны предметами роскоши. Время от времени на предприятиях выдавались ордера на покупку носильных вещей или обуви. Ордера, так же как и вещи, скоро стали предметом спекуляции на черном рынке.

Значительно осложнилась и без того острая жилищная проблема, особенно в местах эвакуации, в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и других среднеазиатских республиках. Эвакуированные скапливались в тех городах и местностях, где существовали промышленные и коммунальные предприятия, то есть где можно было найти работу. Гораздо хуже было положение тех, кто не находил работу по специальности и работал в качестве сельскохозяйственного рабочего. Из-за отсутствия сноровки выработка была намного меньше выработки местных колхозников, соответственно и уровень их жизни был довольно низким.

На территории, занятой немецкими войсками, находилось около половины посевных площадей всего Советского Союза. Здесь производилось более половины зерна и продуктов животноводства. В этих районах было много сельскохозяйственной техники. Немцы захватили часть собранного, но еще не вывезенного урожая, а также тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины. В тех местностях, где было время на сборы, удалось вывезти часть урожая, угнать скот, передать армии трактора и немногочисленный колхозный транспорт.

В местностях, куда «немец» еще не дошел, трактора, автомашины, лошади были мобилизованы для нужд армии. Сельское хозяйство осталось без тягловой силы. Почти все трудоспособные мужчины были либо на фронте, либо в плену. В деревнях оставались малолетние дети, старики, женщины и инвалиды. Пахали на коровах, а там где их не было или не хватало, впрягались люди. Многие сельскохозяйственные работы выполнялись вручную. Почти весь собранный урожай сдавался государству в счет обязательных поставок. Уровень поставок часто определялся не реальным урожаем, а предполагаемым, то есть примерно на 25% выше реального. За недоимки взыскивали строго, иногда отправляли в тюрьму, как за саботаж. Часто в деревнях не оставалось зерна для посева. Особенно страшно обстояло дело в центральных областях России, где и до войны едва сводили концы с концами, война и вовсе подорвала экономическое положение колхозников. Все их помыслы сосредотачивались на приусадебном участке — часть выращенных продуктов использовалась для себя, часть выгодно продавалась или обменивалась у городских жителей на нужные товары. Лучше жилось крестьянам в теплых краях: в Закавказьи, в Средней Азии, где было больше продуктов животноводства, масляничных культур, овощей и фруктов.

По всей стране проходил сбор пожертвований в помощь Красной армии. Вещи, деньги, ценности, облигации государственных займов — все шло в фонд обороны страны. Собирались средства на строительство танковых колонн и самолетов. Где-то в глубоких тыловых районах отдельными колхозниками вносились в фонд обороны огромные деньги (100-200 тыс. рублей). Откуда брались эти деньги? Во время войны из-за нехватки продовольствия образовался черный рынок, на котором продукты либо обменивались на вещи, либо продавались по баснословным ценам. В глубоком тылу процветала спекуляция продовольствием и товарами первой необходимости. Спекулянты наживали в эти годы целые состояния. Некоторую толику вырученных денег они жертвовали на оборону страны. Таким образом часть средств, вырученная от ограбления населения на черном рынке, особенно эвакуированных, поступала в распоряжение государства. Жертвователи же зачислялись в патриоты, о них писалось в газетах, передавалось по радио, их ставили в пример другим гражданам.

Едва началась война, как зашаталось здание социалистических национальных отношений. Первые трещины появились в недавно присоединенных областях государства — в западных частях Белоруссии и Украины и в Прибалтике. Политика «чисток» и депортаций коренных жителей, первое мероприятие, проведенное советской властью в 1939—1940 годах, возбудили достаточный страх и ненависть среди местного населения. Естественно, в этих частях страны немцев часто встречали как избавителей.

Но и во внутренних районах дело обстояло далеко не благополучно. И опять в этом было повинно советское государство и его репрессивная политика.

В августе 1941 года была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья, коренное население которой, немцы, поселились здесь два столетия тому назад. Их обвинили в сотрудничестве с гитлеровской Германией, хотя на самом деле они были едва ли не самым лояльным населением России. Советские немцы были депортированы на восток и крайний север страны. Таким образом, первые удары, подрывавшие межнациональные отношения, были нанесены не вторгшимся врагом, а самим советским государством.

В конце 1943 и в начале 1944 года по обвинению в сотрудничестве с врагом были выселены народы Кавказа: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, затем калмыки и крымские татары. Заодно удалили и прочих «не-русских» с Черноморского побережья: греков, болгар, крымчаков. Их участь разделили курды, хемшины. Шли приготовления к депортации абхазов. Во всех случаях ликвидировалась автономия народов там, где она существовала. Депортация коснулась более миллиона людей.²² Их погрузили в вагоны для скота и отправили в Сибирь, на Урал и в Среднюю Азию. Основная цель депортации заключалась в том, чтобы поселить в районах, где ощущалось напряжение, а также вдоль советских границ, русское население. Города и деревни Северного Кавказа, Ставропольщины и Крыма были заселены русскими и украинцами.

Жили депортированные в необычайно скученных условиях, голодали и вымирали. Во время депортации и в первые годы расселения на новых местах десятки тысяч людей умерли от голода и болезней. Для депортированных был установлен режим спецпоселений. Каждый шаг спецпоселенцев тщательно

контролировался. Их жизнь находилась под постоянным и несусыпным контролем властей; передвижение было ограничено. Было прекращено печатание литературы, не издавалось ни одной газеты или журнала на языках этих национальностей. Полностью прекратилось обучение на родных языках в школах. Доступ к получению высшего образования был блокирован.

В Закавказье, несмотря на появление немецких войск осенью 1942 года у Главного Кавказского хребта, положение было достаточно устойчивым и не только благодаря сосредоточению значительного количества воинских контингентов и войск НКВД, но также и потому, что закавказские народы не видели иного пути для своей защиты, чем лояльная поддержка советского государства. Серьезную роль сыграли ввод советских войск в Иран в начале войны, союз СССР с Англией и с США и традиционная ненависть к Турции (особенно в Армении).

В советских среднеазиатских республиках положение во время войны значительно усложнилось из-за притока беженцев, эвакуированных и депортированных. Военные усилия требовали создания в Средней Азии новой экономической базы, увеличения производства хлопка и цветных металлов, разведывания и разработки новых источников сырья. Прилив русского, украинского и другого населения во время войны оказал существенное влияние на экономику и культуру Средней Азии, особенно на развитие и рост городов.

Здесь была сосредоточена основная масса русского населения. Узбекский демограф пишет: «До 50-х годов, особенно в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны, в связи с индустриализацией национальных окраин, в том числе и среднеазиатских республик, и значительной миграции сюда русских (а также украинцев, белоруссов и некоторых других народов), доля народов, образующих союзные республики Средней Азии, а также автономных республик и областей, заметно снижалась».²³ Соответственно изменялся удельный вес и влияние русских в местной администрации, и особенно, в промышленности. Приток русских привел к усилению проникновения русского языка и русско-советской культуры в коренную национальную среду, что не могло не сказаться и на изменении политического баланса. Местная элита и «всесоюзная» бюрократия ощутили бóльшую взаимозависимость.

Во время войны население ГУЛага основательно пополнилось за счёт депортированных из Прибалтики, Восточной Польши, Молдавии, кавказцев и крымских татар, немцев, «пораженческих элементов», «окруженцев» и другого несчастного люда.

Заключенные строили аэродромы и посадочные площадки, пробивали дороги на Крайнем Севере. Они построили столицу Колымского края Магадан. Они выстроили также подземные аэродромы около Куйбышева, аэродромы и посадочные площадки в Сороке, Каргополе, Онеге, Северной Двине, а также на Северном Урале и на Печоре. Рабский труд заключенных применялся на военных заводах, для расширения портов на Северном море, при прокладке дорог в Сибири и в Закавказьи. Эзки мерли тысячами от недоедания, непосильного труда, нечеловеческого обращения с ними охраны и администрации лагерей, от продуманной энкаведистской системы подавления и уничтожения человеческой личности. Убыль заключенных заранее планировалась в лагерях. Те, кого использовали на тяжелых работах, обычно не жили больше трех лет. На место умерших присылали новых эзков, и так без конца.

Лагеря пополнились в 1939—1941 годах в результате «чисток» на вновь присоединенных к СССР землях — в Западной Украине и в Западной Белоруссии, в Литве, Латвии и Эстонии, в Бессарабии и Северной Буковине.

В 1939—1942 годах в Сибирь и на Урал было депортировано 1080 тысяч поляков, граждан Польши. Их вывезли вскоре после подписания советско-германского пакта о разделе Польши.²⁴

Данные о том, сколько поляков было послано в ссылку, а сколько в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) расходятся. По ранним сведениям в ИТЛ попало 200 тысяч польских граждан. По сведениям, собранным известным английским исследователем Робертом Конквестом в ИТЛ попало 440 тысяч поляков, остальные 620 тысяч были либо в лагерях для военнопленных, либо на поселении.

200 тысяч человек были депортированы из Прибалтики, то есть 4% от всего населения трех прибалтийских государств, составляющего 5 миллионов. Из них попали в ИТЛ от 50 до 60 тысяч. 200 тысяч были вывезены из Бессарабии накануне нападения Германии.

Попали в ИТЛ и немцы — как представители враждебной национальности, а позднее часть кавказцев, калмыков и крымских татар, депортированных в 1943—1944 годах.

Лагеря пополнялись и осужденными по Указу от августа 1932 года за расхищение социалистической собственности, то есть за кражу буханки хлеба, пары обуви или пары белья, но часто за подобранные в поле после уборки урожая колоски или картошку.

Среди тех, кем пополняли лагеря во время войны, были новые категории: так называемые распространители слухов и сеятели паники, граждане, не сдавшие радиоприемники. С конца лета 1941 года в лагерях появились так называемые окруженцы, то есть те, кто из-за ошибок командования и превратностей войны попал в окружение, а потом чудом оттуда выбрался. Как правило, все вышеперечисленные категории получали по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. После битвы под Москвой в лагеря были посланы те жители Москвы, которых подозревали в том, что они остались в городе, не бежали и не эвакуировались в организованном порядке, так как, якобы, дожидались прихода немцев.

Позднее появились лица, сотрудничавшие с врагом — бургомистры, старосты, полицаи, члены националистических организаций, власовцы, немецкие и японские военные преступники. По отношению к последним категориям применялся указ 1943 года о смертной казни через повешение или о ссылке на каторгу.²⁵

Их посылали на 17-ю шахту в Воркуте, позднее в Норильск и в Дзезказган. Они были фактически лагерями уничтожения. Жизнь заключенных была настолько ужасной, что в Норильске, например, были случаи, когда заключенные предпочитали смерть под колесами вагонов, перевозивших руду, своему страшному существованию.

По подсчетам исследователей, только в 1939—1941 годах в лагерях умерло 1,8 миллиона заключенных.

Заинтересованный в создании на Западе представления о Советском Союзе как о гуманном государстве, Сталин разрешил вице-президенту США Генри Уоллесу посетить в 1944 году столицу Колымского края Магадан. Вместе с ним был профессор О. Латтимор, известный специалист по дальневосточным проблемам.

Уоллес, сообщает Конквест в своей книге,²⁶ пришел в восторг от того, что он увидел. И было от чего прийти в восторг. Ему показали молочные фермы, теплицы для выращивания овощей, рукодельные изделия. По указанию из Москвы начальник Дальстроя Никишев, прославившийся зверской эксплуатацией заключенных, во времена царствования которого заключенные мерли, как мухи, устроил грандиозный прием в честь незадачливого вице-президента США. На время посещения Уоллеса заключенных заперли в бараках, сняли сторожевые вышки. Роль заключенных сыграли сотрудники и сотрудницы ГУЛага, приведшие своим здоровым видом в восторг американских гостей. Уоллес и Латтимор по возвращению в США создали рекламу убийце Никишеву, НКВД и советской общественной системе. Позднее, когда Уоллес выставил свою кандидатуру на президентских выборах против Трумэна, советская печать выражала самые дружественные чувства к Уоллесу. По счастью, он все-таки не был избран президентом США.

3. Победа под Москвой

24 сентября 1941 года германским верховным командованием был утвержден новый план наступления на Москву, получивший кодовое наименование «Тайфун». Германская стратегическая идея заключалась в том, чтобы вести непрерывное наступление от Смоленска до Москвы и взять столицу СССР с ходу. Операция была поручена армейской группе «Центр», которой командовал генерал фон Бок. В его распоряжении было более 1 млн. солдат: 44 пехотных дивизий, 8 моторизованных пехотных дивизий, 14 танковых дивизий — 1700 танков, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 950 боевых самолетов. Советские силы под Москвой насчитывали 95 дивизий, 6800 орудий и минометов, 780 танков и 545 самолетов. Общее немецкое превосходство было: в танках и артиллерии более чем в два раза, в авиации — почти в два раза.²⁷

Немецкое наступление началось 30 сентября, а 2 октября советский фронт был прерван в нескольких местах. В результате, главные силы советского Западного и Резервного фронтов оказались окруженными в районе Вязьмы. «К моменту прорыва немецких танковых соединений через вяземский рубеж

на всем пространстве до Можайской линии обороны не было ни промежуточных оборонительных рубежей, ни войск, способных задержать наступление рвавшихся к Москве танковых групп противника», — сообщается в советской официальной истории войны.²⁸ Но 14 октября сопротивление советских войск в вяземском «котле» было сломлено. Здесь погибла лучшая часть московской интеллигенции, находившаяся в дивизиях народного ополчения. Многие из них даже не успели научиться стрелять. Для них это была не битва, а мясорубка. Особенно тяжело сложилась судьба пленных ополченцев-евреев. Почти все были уничтожены по расовому признаку. Чудом уцелели лишь единицы. Гибель необученного московского ополчения, посланного командованием для отражения удара кадровой немецкой армии, остается одной из самых трагических страниц истории Отечественной войны 1941—1945 годов.

По немецким данным (советские источники о потерях не сообщают) немецкая армия взяла в плен под Вязьмой 663 тыс. человек, захватила 1242 танка и 5412 орудий.²⁹

Слухи о поражении под Вязьмой распространились по Москве утром 15 октября. Были отданы приказы о немедленной эвакуации военных и гражданских учреждений. Считалось возможным, что немцы достигнут Москвы в течение 24 часов. Железнодорожные станции были забиты людьми, которые эвакуировались вместе со своими предприятиями. Но было и много «неорганизованного» люда, который хотел покинуть Москву до прихода немцев. Все дороги в восточном направлении были запружены транспортом и пешеходами. Многие покидали столицу с рюкзаками за плечами. Это был самый настоящий исход. Московские власти оказались парализованными. Кое-где в предместьях Москвы появились мародеры. Паника достигла кульминационного пункта 16 октября. Были случаи, когда военнослужащие спешили переодеться в гражданское платье. Верующие молились. Были люди, считавшие, что все потеряно и человеческая цивилизация обречена. Вынужденные признания о панике, царившей в Москве, были сделаны в официальном издании спустя 25 лет после окончания войны.³⁰

19 октября в Москве было объявлено чрезвычайное положение. Оборона столицы на дальних подступах к ней была поручена командующему Западным фронтом генералу армии Г. К. Жукову.

В преддверии нового германского удара командование спешно подводило резервные дивизии к столице. Новое немецкое наступление началось 15-16 ноября. Немецкие вооруженные силы сохраняли превосходство над советскими на московском направлении по артиллерии в 2,5 раза, по танкам в 1,5 раза. Но на этот раз советская боевая авиация превосходила немецкую в 1,5 раза: английский и американский союзники прислали значительное число самолетов, танков и другого вооружения.

Начались ожесточенные бои. Несмотря на большие потери, немцы продвигались вперед по направлению к Москве. Советские солдаты дрались отчаянно, отстаивая каждую пядь земли. Было немало примеров героической борьбы советских солдат на подступах к Москве, например, подвиг 33 солдат из дивизии генерала Панфилова, остановивших на разъезде Дубосеково наступающие немецкие танки ценою своей жизни.

Появились признаки потери наступательного темпа немцами. Один из важнейших индустриальных центров России — Тула, расположенная в 180 км от Москвы, была окружена гитлеровскими войсками, но взять Тулу не могли.

Все же танкам 2 немецкой танковой армии под командованием генерала Гудериана, наступавшим с востока, удалось прорваться к ближним подступам Москвы и соединиться с двумя другими немецкими танковыми колоннами, наступавшими с северо-запада.

В результате второго немецкого наступления под Москвой немецкие танки достигли Химок — в 9 километрах от Москвы. Здесь они были остановлены. Немцы понесли большие потери: 155 тысяч убитыми, ранеными и обмороженными, они потеряли также около 800 танков и 300 орудий.³¹ Германское верховное командование не имело нужных резервов для продолжения наступления. Начавшиеся морозы оказались союзником советских армий.

За полгода войны советские вооруженные силы и их командование обрели боевой опыт, стали для немцев сильным противником, подобного которому им еще не приходилось встречать. Советские солдаты сражались за свою землю и это было источником их силы.

5-6 декабря советские войска начали контратаку в западном стратегическом секторе, которая переросла затем в контр-наступление. Оно продолжалось в течение месяца, но не было

завершено, так как не хватило сил. Советские войска продвинулись на 100-250 километров на запад от Москвы. Непосредственная угроза столице была ликвидирована. 8 декабря Гитлер подписал директиву о переходе к обороне на советско-германском фронте.³²

Значение битвы под Москвой было весьма велико: немецкие армии, побеждавшие в течение двух лет войны и покорившие Европу, были остановлены и понесли серьезные потери. Их надежда на быструю и легкую победу не оправдалась. Лидеры третьего рейха столкнулись с опасной перспективой затяжной войны на два фронта.

Победа советских войск под Москвой окончательно устранила опасность немецкого вторжения в Англию, дала новый импульс движению Сопротивления в Европе и вызвала кризисные явления в коалиции фашистских держав.

Начало советского наступления под Москвой совпало по времени с другим важным событием в мире — 8 декабря 1941 года Япония напала на США. 11 декабря Германия объявила США войну.

В течение декабря 1941 и января 1942 года Гитлер сместил 35 своих генералов — среди них верховного командующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича, генерал-фельдмаршала Руднштедта, генерала Гудериана. На фронт были посланы дивизии СС.

Сталин при начале советского контрнаступления рассчитывал, что оно разовьется в общее победоносное наступление на всех фронтах, но этого не случилось.

4. Проигранные сражения и солдатские жизни

В результате битвы под Москвой были полностью освобождены Московская, Тульская и Рязанская области. Частично были очищены от врага Ленинградская, Калининская, Смоленская, Орловская, Курская, Харьковская и Сталинградская области. Продолжал героически обороняться Севастополь.

Несмотря на значительные потери под Москвой (около 50 дивизий), германское верховное командование сумело в короткий срок организовать перегруппировку своих сил и немедленно начать подготовку к новому наступлению.

Советское верховное командование переоценило возможности советских вооруженных сил, втянулось в необеспеченное наступление на разных направлениях и в результате к апрелю 1942 года силы иссякли. С трудом собранные резервы были растрчены. Сложившаяся на фронтах стратегическая ситуация была оценена Сталиным неправильно. В директивном письме военным советам фронтов Сталин утверждал, что можно гнать немцев на запад «без передышки», заставить их израсходовать свои резервы еще до весны (1942 года. — А. Н.) и «обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году». Эта ошибочная оценка не вызвала возражений среди членов Ставки и Генерального штаба, а предсказанное Сталиным истощение резервов германской армии не оправдалось.³³

Одной из первых неудач Красной армии в 1942 году был провал операции по деблокированию Ленинграда. Она осуществлялась силами двух фронтов — Ленинградского и Волховского; войска фронтов должны были осуществить прорыв, двигаясь навстречу друг другу. Наступление начиналось несколько раз, но захлебывалось из-за недостаточной подготовки войск, задержки с их сосредоточением и необеспеченности материально-техническими средствами. По просьбе командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова, отдававшего себе отчет в том, что войска к наступлению не готовы, Ставка (Сталин, Василевский) разрешили отсрочку наступления на короткий срок, в то время, как, по словам Мерецкова, «требовалось по меньшей мере еще 15-20 суток».³⁴ Немецкая разведка вскрыла подготовку к наступлению и довольно точно установила направление удара. Германское командование своевременно подготовилось к отражению наступления. По свидетельству Мерецкова, войска Волховского фронта, которым был отдан приказ наступать, были сильно ослаблены предыдущими боями, полностью не были укомплектованы, в некоторых дивизиях было лишь 2/3 или половина состава. Не хватало артиллерии, минометов и автоматического оружия. Например, 2-я ударная армия равнялась по численности стрелковому корпусу.

«В резерве фронта, — пишет Мерецков, — стояли две сильно ослабленные кавалерийские дивизии и четыре отдельных лыжных батальона. Второго эшелона фронт вообще не

имел. Нарастивать первоначальный удар с целью развития успеха в глубине обороны противника и наносить завершающий удар было нечем».³⁵ Надежда командующего фронтом основывалась на обещании Ставки выделить из своего резерва общевойсковую армию к моменту переправы фронта на противоположный берег реки Волхов.

Наступление начиналось несколько раз. 2-я Ударная армия, войдя в прорыв на правом берегу Волхова, завязла в лесах и болотах и не смогла достичь своей цели — Любани. Войска Ленинградского фронта также не смогли выполнить своей задачи по прорыву немецкого кольца изнутри. Эти изматывающие бои продолжались четыре месяца. Здесь погибли без нужды, без пользы десятки тысяч советских солдат. В ходе операции Ставка принимала необдуманные решения, то ликвидируя Волховский фронт, то восстанавливая его. В результате некомпетентности и плохого руководства со стороны Ставки, требовавшей продолжения бессмысленного наступления, и со стороны командующего Ленинградским фронтом М. С. Хозина 2-я Ударная армия буквально была загнана в мышеловку. Только в середине июня в результате жестоких боев удалось пробить брешь, через которую выбрались лишь отдельные подразделения и отдельные солдаты и офицеры 2-й Ударной армии.

Большие потери были понесены Северо-Западным фронтом, который не только не сумел ликвидировать окруженную немецкую группировку в районе Демянска, но и в конце концов потерпел поражение в попытке помешать немцам прорваться сквозь окружение советских войск к Демянскому плацдарму и создать коридор, соединивший 16-ю немецкую армию с главными немецкими силами на этом направлении.

Еще хуже сложилось положение на ржевско-вяземском плацдарме, удерживаемом немцами. Здесь была создана подлинная ловушка для советских войск — они прорывали с боем немецкую оборону, а затем ловушка захлопывалась и они оказывались в окружении. Советским войскам приходилось вновь прорываться с огромными потерями назад: гибли советские дивизии, корпуса.

Расчет советского верховного командования — и обороняться, и наступать одновременно на нескольких направлениях — был ошибочным. Но именно этот план был предложен

генеральным штабом и утвержден Сталиным в марте 1942 года.

В Крыму советское командование несколько раз предпринимало попытки выбить немцев путем десантов в Феодосии и Евпатории, но каждый раз терпело неудачи, сопровождавшиеся большими потерями советских войск, хотя они превосходили немецкие по численности в два раза и по военной технике в 1,5 раза. Но командование (командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов и представитель Ставки Л. З. Мехлис) оказалось некомпетентным. Силы и намерения противника не были своевременно вскрыты. Наступление, начатое немецкими войсками против Керчи 8 мая 1942 года, превратилось в побоище. Немецкая артиллерия била прямой наводкой. Каждый снаряд создавал кровавую кашу. Началось беспорядочное отступление советских войск через Керченский пролив на Таманский полуостров. Погибло (по советским данным) 176 тысяч советских солдат.³⁶ По немецким данным, в Керчи было взято в плен 150 тысяч и захвачены крупные трофеи.³⁷

И Козлов, и Мехлис отделались лишь понижением в чинах.

Отсутствие реального представления о возможностях советских вооруженных сил привело Сталина и его генералов к авантюристическому решению вести наступление в районе Харькова силами Юго-Западного и Южного фронтов с целью разгрома немецких войск на южном крыле советско-германского фронта. При обсуждении плана операции Генеральный штаб выставил свои возражения. Операция была опасной, так как немцы нависали с флангов и советские войска рисковали попасть в «мешок». Однако Сталин приказал Генштабу не вмешиваться и утвердил план, предложенный командующим Юго-Западным направлением С. К. Тимошенко.³⁸

Наступление началось 12 мая силами Юго-Западного (командующий С. К. Тимошенко) и Южного (командующий Р. И. Малиновский) фронтов. Советские войска имели превосходство в людях, танках и авиации. Немцы — в артиллерии.

Уже 17 мая стало ясно, что следует немедленно приостановить наступление Юго-Западного фронта и бросить войска для пресечения угрозы со стороны немецких войск из района Краматорска, прорвавших оборону Южного фронта. Однако Сталин решил продолжать наступление.³⁹ Вечером 18 мая член Военного Совета Юго-Западного фронта Н. С. Хрущев, сооб-

щив начальнику Генштаба А. М. Василевскому об ухудшении обстановки на Барвенковском выступе и об отклонении Сталиным просьбы командования Юго-Западным фронтом о немедленном прекращении наступления, просил Василевского еще раз доложить Сталину об этой просьбе. По словам Хрущева, Василевский отказался вмешиваться, опасаясь гнева Сталина. Он посоветовал Хрущеву самому обратиться к Сталину.⁴⁰ Однако Сталин говорить с Хрущевым не пожелал и передал через Маленкова, что операция должна продолжаться.⁴¹ Жуков дает иную интерпретацию событиям, утверждая, что Хрущев 18 мая еще поддерживал продолжение операции.⁴² Катастрофа стала неизбежной. Немецкие дивизии, наступавшие с севера и с юга, соединились в районе южнее Балаклеи. Советская группировка попала в кольцо окружения. В течение 24-29 мая 1942 года советские силы были разгромлены. По немецким данным, 240 тысяч советских солдат и офицеров были пленены.⁴³ Десятки тысяч погибли. Советское же Информбюро объявило, что потери равны 5 тыс. убитых и 70 тыс. пропавших без вести. Так советское командование пыталось скрыть от народа правду о Харьковской мясорубке. В первые полгода войны Красная армия понесла ужасающие потери убитыми и пленными. По мере наступления германской армии на восток в ее руки попадало все больше и больше советских пленных. В конце июня и в начале июля 1941 года немцы захватили в плен под Белостоком и Минском 329 тысяч советских солдат. В середине июля под Смоленском они пленили 310 тысяч. В начале августа под Уманью в плену оказалось 103 тысячи советских военнослужащих. Но наибольшее число пленных было взято немецкими войсками в 20-х числах сентября под Киевом — 665 тысяч и в середине октября под Брянском и Вязьмой — 663 тысячи.⁴⁴ Всего же в руках врага оказалось к концу первых семи месяцев войны более 3,9 миллиона советских военнослужащих.⁴⁵

Их ожидала печальная участь. Еще за месяц до нападения Германии на СССР верховное командование германских сухопутных сил издало директиву, согласно которой политработники Красной армии, взятые в плен, должны были уничтожаться немедленно, против остальных советских военнопленных разрешалось применять оружие, не придерживаясь «никаких формальностей», за убийство советских военнопленных

немецкие военнослужащие ответственности не несли. Советских солдат, взятых в плен, убивали без пощады, иногда просто ради развлечения.

Директива германского командования от октября 1941 года предписывала держать пленных и гражданское население оккупированных районов СССР в состоянии голода и не снабжать их продовольствием в ущерб населению рейха.

Вот как описывает положение советских военнопленных осенью 1941 года К. Кромиади, впоследствии один из ближайших сотрудников генерала А. Власова:

«Пленные были полураздетые, грязные, истощенные, с обросшими лицами и, главное, дошедшие до полного отчаяния. Судьбой их никто не интересовался; своим правительством они были поставлены вне закона... Лагерные же условия жизни, созданные немцами, были невообразимы. Пленные погибали. Обхождение администрации с этими полунормальными от сознания своей обреченности, людьми было возмутительно. Рукоприкладство и применение оружия были нормальным явлением. Но самым ужасным было то, что довольствие пленных носило чисто «формальный» характер... люди дошли до полного истощения и едва стояли на ногах... в эту зиму 80 процентов умерло от голода и холода».⁴⁶

Немудрено, что пленные были готовы на всё, лишь бы вырваться из лагеря смерти.

Положение советских военнопленных в Германии было тем более трагичным, что советское правительство фактически отказалось от них. Многие из них считались изменниками родины только потому, что они оказались в плену. Хотя советское правительство и протестовало против жестокого обращения с советскими солдатами в немецком плену в ноябре 1941 года, оно отказалось от услуг Международного Красного Креста, предложившего организовать обмен списками военнопленных, находящихся в Германии и в Советском Союзе, что теоретически могло бы дать некоторую гарантию безопасности как советским, так и немецким военнопленным. Красный Крест также намеревался позаботиться об оказании материальной помощи военнопленным. Советское правительство неизменно отклоняло эти предложения. Маловероятно, чтобы Гитлера, санкционировавшего уничтожение советских военнопленных, мог остановить Красный Крест. Но в то же время

было преступлением упускать любую возможность для спасения жизней своих граждан.

Практически, советское правительство считало своих военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, как бы несуществующими, вычеркнутыми из коллективной памяти народа. Сталин, например, совершенно откровенно говорил Черчиллю во время Тегеранской конференции 1943 года: в Советском Союзе все солдаты оказались героями, а те, кто ими не стал, были убиты. Так живые были превращены в мертвых, а честные солдаты, оказавшиеся в плену из-за преступных ошибок командования, предателями родины.

И они гибли, гибли сотнями тысяч в германском плену без надежды на спасение.

Согласно официальным немецким документам (на 1 мая 1944 года), всего было взято в плен с июня 1941 года 5 754 000 советских военнослужащих. Из них погибло минимум 3 280 тысяч.⁴⁷ Наиболее крепких, физически выносливых и имеющих высокую квалификацию использовали в немецкой промышленности. В декабре 1944 года на немецких предприятиях насчитывалось свыше 630 тысяч советских военнопленных.⁴⁸

5. Дранг нах Волга

Советское зимнее наступление продолжалось на разных участках фронта до апреля 1942 года.

Еще спустя три месяца немецкие армии начали новое, хорошо подготовленное наступление. Целью его было уничтожение советских вооруженных сил в Центральной России. Нацисты рассчитывали достигнуть Волги, овладеть Кавказом и принудить СССР к капитуляции.

Летом 1942 года Германия имела на советско-германском фронте превосходство в людях (6200 тысяч против 5500 тысяч) и в боевой авиации (3400 против 3160). Советские вооруженные силы имели преимущество в артиллерии (43 640 орудий и минометов плюс 1220 ракетных установок «Катюша» против 43 000 орудий и минометов) и в танках (4065 против 3230 танков и самоходных орудий).⁴⁹

Советское верховное командование полагало, что главный удар будет нанесен немцами на центральном участке советско-

германского фронта. Ставка считала наиболее опасным направлением орловско-тульское и поэтому усиливало этот участок. Вторым по степени вероятности немецкого наступления считалось курско-воронежское с той же целью обхода Москвы, но с юго-востока. Германское же верховное командование решило нанести главный удар в южном направлении.

Наступление началось 28 июня 1942 года из районов восточнее Курска. Одновременно наносился удар из Волчанска на Воронеж. В наступлении участвовало пять немецких армий и три армии союзников — Италии, Венгрии и Румынии. Их задача заключалась в окружении и разгроме сил Брянского фронта (командующий Ф. И. Голиков), затем Юго-Западного и Южного и выход на оперативный простор в направлении Волги и Кавказа. 2 июля немецкие армии прорвали советскую оборону на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов на 80 км в глубину. 7 июля начались бои в предместьях Воронежа. Рокоссовский сменил Голикова в командовании Брянским фронтом, а Ватутин был назначен командующим вновь образованного Воронежского фронта. Были брошены войска из резерва Ставки, но все это было сделано со значительным опозданием. Враг продолжал развивать наступление.

15 июля была прорвана советская оборона между Доном и Северным Донцом. Теперь наступление немецких армий велось на фронте шириной в 500-600 км. 24 июля советские войска оставили Ростов-на-Дону и ушли за р. Дон.

17 июля завязались бои на Сталинградском направлении.

Поражения советских армий вызвали резкое падение дисциплины в войсках, участились случаи дезертирства и перехода на сторону немцев. Многие части отступали в беспорядке, бросая оружие, боеприпасы, материальную часть. Увеличилось число «самострелов», особенно среди солдат нерусских национальностей. Случаи недисциплинированности, трусости, паникерства стали настолько угрожающими, что вызвали огромную тревогу верховного командования. Меры были приняты: усилены заградительные отряды, в обязанность которых входило задержание бегущих войск и отдельных солдат. Заградотряды применяли оружие против отступающих без приказа частей и солдат. 28 июля Сталиным был издан приказ № 227, в котором, в частности, говорилось: «...Пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш глав-

ный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности». ⁵⁰ В приказе осуждалось широко распространенное настроение, что Россия, мол, страна больших пространств и еще есть куда отступить.

В приказе говорилось о необходимости восстановить в войсках железную дисциплину, беспощадно карать трусов, паникеров и нарушителей дисциплины. Особая ответственность возлагалась на политработников Красной армии. Их роль усилилась. Были проведены мероприятия и по усилению органов армейской контрразведки СМЕРШ. Командирам и комиссарам отступающих частей угрожало разжалование и военный суд.

19 августа завязались бои на ближних подступах к Сталинграду. В это время, развивая наступление на южном направлении после прорыва 29 июля фронта в районе Цимлянской, немецкие войска стремительно приближались к Кавказу. 5 августа они заняли Ставрополь, 11 августа Краснодар. Немецкие дивизии вышли к Майкопу, заняли Белореченскую, но не смогли прорваться к Туапсе. Южнее Ростова-на-Дону наступающие нацистские войска вышли 8 августа к Моздоку, на следующий день к Пятигорску. Продолжая наступление, немецкие передовые части вышли к Главному Кавказскому хребту и заняли несколько перевалов вплоть до Клухорского. 21 августа 1942 года над Эльбрусом был поднят флаг со свастикой. Там он развевался до 17 февраля 1943 года, когда был сорван советскими солдатами и заменен государственным флагом СССР.

У Грозного немцы были остановлены и перешли к обороне. Не удалось им также выйти в Закавказье.

Таким образом к осени 1942 года германские армии прошли так далеко в глубь России, как ни одна армия завоевателей.

На Кавказе, очень беспокойном со времени коллективизации, немцам удалось создать местные управления из числа коллаборантов, в том числе бывших эмигрантов. Среди них был Али-хан Кантемир, дагестанский генерал Бичерахов. В Берлине при восточном министерстве был создан руководимый Кантемиром, но управляемый немцами, «Северокавказский национальный комитет», провозгласивший своей целью сотрудничество с Германией и отделение Кавказа от России.

Комитет проводил вербовку в военные формирования рейха, но главным образом в так называемый «Кавказский легион» советских военнопленных, выходцев с Северного Кавказа. Однако немецкая власть оказалась в конечном счете не менее чуждой горским народам, чем советская. Если кавказцы и мечтали о чем-нибудь, то не о замене чуждой им власти другой, а об избавлении от той и от другой. Еще с 30-х годов в горах действовали вооруженные группы, активность которых усилилась в связи с немецким наступлением. Части Красной армии снимались с фронта и бросались против них. В целом, однако, население Кавказа оставалось лояльным Советской власти. Мобилизация чеченцев и ингушей, проведенная летом 1942 и зимой 1943 года, показала (в отличие от мобилизаций 1941 года, когда были массовые случаи дезертирства), что вновь призванные ингуши и чеченцы ведут себя в боях против немцев стойко.

Немецкое наступление летом 1942 года вызвало новую волну поспешного бегства и эвакуации населения.

Центральные области России, расположенные по Волге, вновь были осаждены сотнями тысяч эвакуированных, часть из них продолжала путь в Среднюю Азию. Двигались эшелоны со станками, моторами, сырьем и горючим. Много промышленного оборудования попало в руки врага, но часть оборудования удалось вывезти.

В 1942 году появились новые предприятия на востоке страны, а также в Средней Азии и в Сибири, однако в целом промышленное производство во второй половине года сократилось.

В 1941 и 1942 годах во время немецкого наступления многие города и селения были брошены местной властью на произвол судьбы. Были случаи, когда враг приходил лишь через несколько дней после того, как власти — советские и партийные — покидали города. В руки немцев попали не только заводы, фабрики, склады, сельскохозяйственные и промышленные продукты, скот, горючее, но и ценные архивные документы. Например, в Смоленске немцы захватили местный архив. Этот архив попал затем в Соединенные Штаты и послужил бесценным источником по истории СССР в 20-е и 30-е годы.

Бросали предприятия и людей, ценности и документы. Но

одного власти не забыли сделать — уничтожить до прихода немцев политических заключенных.

Массовые аресты в Прибалтике и в Восточной Польше начались 28 июня, спустя неделю после начала войны. В камерах и дворах Львовской, Ровенской и Таллинской тюрем войска НКВД расстреливали политзаключенных. В тюрьме города Тарту было расстреляно 192 человека, а их трупы были брошены в колодец.

Заключенные были убиты также при эвакуации тюрем в Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Запорожье, Днепропетровске, Орле. На молибденовом комбинате близ Нальчика, на котором работали заключенные, они были расстреляны из пулеметов. Когда немцы продвинулись близко к лагерю в Ольгинской, НКВД отпустил на волю тех, чей срок не превышал пяти лет, все остальные были расстреляны 31 октября 1941 года. Их было много тысяч человек.⁵¹ Это только обрывочные сведения, история расстрелов политзаключенных при отходе советских войск еще ждет своего исследователя.

6. Немецкие оккупанты

В 1941—1942 годах немецкие армии оккупировали огромные советские территории размером в 1926 тыс. кв. км: Прибалтику, Белоруссию, Украину, значительную часть России, включая Крым и Кавказ, Молдавию. В этих наиболее экономически развитых частях СССР проживало перед войной 85 млн. человек, или 40% населения страны.⁵² Здесь производилось 63% каменного угля, 68% чугуна, 58% стали, 60% алюминия; вырабатывалось 38% всей довоенной валовой продукции зерна, производилось 84% сахара. Тут был один из наиболее развитых животноводческих центров страны — 38% всей численности крупного рогатого скота и 60% поголовья свиней.

В районах, попавших под оккупацию, находились сотни предприятий военной промышленности.⁵³

Верховное руководство Германии заблаговременно выработало политику в отношении советских граждан. Как явствует из немецких официальных документов, планировалось уничтожение значительной части населения, проживающего на территории Польши и в европейской части СССР. План «Ост»,

выработанный немцами, предполагал депортировать с этих территорий в течение 30 лет 31 млн. жителей и заселить эти районы немецкими колонистами. При осуществлении этого плана миллионы людей в Польше и России должны были погибнуть голодной смертью. Но это никак не смущало нацистов. В августе 1942 года Герман Геринг, выступая на конференции уполномоченных рейха на оккупированных восточных территориях, говорил с нескрываемым цинизмом: «Раньше это называлось разбоем... Тем не менее я готов грабить, и грабить эффективно».⁵⁴

Альфред Розенберг, один из нацистских теоретиков, а затем имперский министр по делам оккупированных восточных территорий, предсказывал: «Будущее уготовило очень трудные годы для русских».⁵⁵

Нацисты собирались разрушить государственную структуру на оккупированных территориях и поддерживать возможно более низкий культурный уровень среди порабощенного населения. «Наш ведущий принцип, — говорил Гитлер, — заключается в том, что оправданием существования этих людей является их экономическое использование нами».⁵⁶

В преддверии нападения на СССР по приказу Гитлера были сформированы специальные подразделения, т. н. айзатцтруппен, подчинявшиеся рейхсфюреру СС Гиммлеру, для проведения операций по выявлению и уничтожению евреев, коммунистов и других «асоциальных» элементов. Позднее им были приданы вспомогательные войска, сформированные из украинцев и прибалтов, полевая жандармерия и местная полиция.

Уничтожение еврейского населения на захваченных немцами территориях СССР началось немедленно после вторжения. Более 7000 евреев было убито во Львове сразу же после взятия его немецкими войсками. В охоте на евреев и в их убийствах принимали участие преступные элементы из числа украинских националистов — бандеровцев.⁵⁷ Во многих городах Украины и Белоруссии для евреев были созданы гетто. Согнанные в них евреи были затем безжалостно уничтожены. Не щадили никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Их расстреливали, закапывали живыми в землю, умертвляли в газовых камерах и в душегубках, сжигали заживо. Десятки тысяч евреев были ликвидированы нацистами в лагерях уничтожения — Освенциме, Майданике, Трешлинке. По подсчету, произведенному

в 1946 г. специальным англо-американским комитетом, немецкие оккупанты уничтожили 1 050 тысяч советских евреев.⁵⁸

Оккупированная советская территория была разделена на главные рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина». В рейхскомиссариат «Остланд» входили генеральбецирке — Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия. В рейхскомиссариат «Украина» — Волынь и Подолия с центром в Ровно, Житомир, Киев, Николаев, Днепропетровск и Таврия (центр — Мелитополь). Здесь управляла так называемая гражданская администрация. Все остальные оккупированные территории входили в зону военных операций и управлялись военными властями. Вся территория, расположенная на юго-западе между Днестром и Бугом и на север от Одессы, была передана под управление Румынии и получила название Транснистрии. Каждая крупная административная единица на оккупированной территории дробилась на более мелкие (крингсгевите, штаттскомиссаре и так далее). В сельскохозяйственных районах были созданы волости. В городах номинальную власть осуществляли назначенные оккупантами бургомистры, а в деревнях старосты. Повсюду была создана местная полиция из людей, перешедших на службу к оккупантам. Население именовало их полициями, боялось и ненавидело их.

Главная задача нацистов на оккупированной территории во время войны заключалась, во-первых, в экономической эксплуатации оккупированных территорий, во-вторых, в обеспечении коммуникаций и спокойного тыла для германских вооруженных сил, углубившихся в центральную Россию и в предгорье Кавказа.

Вся политика нацистов была подчинена этим задачам. Им соответствовали и методы управления, применявшиеся оккупантами — истребление евреев и других «неполноценных» национальностей, расправа с коммунистами и членами их семей, ограбление захваченных территорий, нещадная экономическая эксплуатация населения, лишение населения даже тех элементарных прав, которыми оно располагало при Советской власти.

Если у части населения, недовольного советским режимом, который достаточно мучил и угнетал их на протяжении более чем двадцати лет, и были какие-то иллюзии на возможность облегчения их жизни, а в некоторых местах на Украине не-

мецкую армию в первые дни встречали с цветами, как освободителей, то очень скоро эти иллюзии рассеялись. Немецкая власть оказалась еще более свирепой, чем советская. Кроме того, советская власть была как-никак своя, а немцы были чужаками, иноземцами, с презрением относились к населению, не только грабили, но и унижали на каждом шагу, при любой возможности. Нацисты не считали побежденных за людей, и это было оскорбительнее всего.

С другой стороны, почти каждая семья на оккупированной территории была связана с Красной армией, в рядах которой находились их дети, отцы, братья. Утраченное или основательно поколебленное чувство патриотизма, земли, приобретенности к общему делу ожило под воздействием жестокости иноземных захватчиков и это создало почву для сопротивления врагу — активного и пассивного. Немцы вывезли в Германию для работы на предприятиях и в сельском хозяйстве 4258 тыс. советских граждан.⁵⁹ С большинством из них обращение было плохое, а эксплуатация нещадная. Они носили специальные отличительные знаки «восточного рабочего» и были изолированы от западных рабочих. Им было категорически запрещено общаться с местным населением.

Некоторые отклонения от обычной немецкой оккупационной политики были допущены в отношении казаков Кубани.

В середине апреля 1942 года Гитлер разрешил создать добровольческие казачьи формирования для использования их в боях против Красной армии и против партизан. Это исключение было сделано потому, что Гитлеру было доложено, что казаки являются отдельной нацией и даже потомками ост-готов! Приказано было считать казаков друзьями рейха. Казакам было разрешено также установить самоуправление. Они пользовались свободой в области религии, культуры и образования. 1 октября 1942 года был создан казачий дистрикт, состоявший из шести районов. Население дистрикта составляло 160 тысяч. Казакам было обещано возвращение к частной собственности на землю. Но за это казаки должны были платить германскому рейху военной службой. Предусматривалось расширение добровольческих казачьих формирований до 25 тысяч человек для военных действий на стороне германской армии. Однако уже в январе 1943 года германская армия вынуждена была уйти из этих районов. Ростов и Новочеркасск

были освобождены Красной армией. Более 20 тысяч казаков ушло на Запад с отступающей немецкой армией. Казачьим корпусом командовал немецкий генерал фон Паннвиц.

Особую политику пытались немцы проводить на Северном Кавказе, где им удалось сформировать несколько отрядов из числа местных горцев.

«Особая политика» определялась намерением Германии использовать Кавказ как источник снабжения Германии нефтью. Предполагалось образовать генеральный комиссариат «Кавказ» и включить в него территорию Северного Кавказа и Закавказья.

Оккупированные части Кавказа были переданы под управление военного командования. В отличие от других оккупированных территорий, где колхозы сохранялись как хозяйственная единица для более удобной выкачки продовольствия и сырья для нужд Германии, на Кавказе было разрешено ликвидировать, по желанию горцев, колхозы. Немцы объявили, что будут уважать их культурную автономию. Однако, когда речь шла о нуждах германской армии, то здесь проводилась столь же жестокая политика реквизиций и наказаний, коллективной ответственности за саботаж, как и на других оккупированных территориях.

Политика использования нерусских народов в войне против СССР применялась в Крыму, где немцами были разрешены татарские национальные институты, в Калмыкии, где немцы пытались оживить кочевые инстинкты калмыков. Однако повсюду оккупанты твердо держали власть в своих руках и свирепо подавляли малейшие попытки к обретению подлинной национальной самостоятельности. Национальные организации повсеместно находились под строгим контролем властей. Попытка крымских татар использовать разрешенные немцами «мусульманские комитеты» для создания национального движения были немцами задавлены. Карательные экспедиции в Крыму, предпринятые против партизан, не миновали татарских деревень, многие из которых были сожжены.

Часть населения на Кавказе, в Крыму, в Калмыкии сотрудничала с немцами, некоторые были повинны в зверствах, в военных преступлениях. Число коллаборантов было относительно невелико. Точными данными мы однако не располагаем, так как советские источники умалчивают об этом. За-

падные исследователи называют число активных коллаборантов для Калмыкии — 5 тыс. человек из 134 тыс. калмыков, проживавших на территории СССР в 1939 г.⁶⁰ Для крымских татар называется цифра от 12 до 20 тыс. человек при крымско-татарском населении в 250 тыс. человек по оценке 1939 года.⁶¹

Германское военно-политическое руководство, планируя войну против СССР, ставило три главных задачи: уничтожение большевизма, разрушение государственности на территории СССР, экономическую эксплуатацию населения и превращение захваченных земель в германскую колонию. Базисом для этих целей была фашистская теория о неполноценности славянской расы и о превосходстве нордической, германской, расы над всеми остальными. Германская политическая доктрина заранее отвергала равноправное сотрудничество с народами СССР. Она признавала лишь отношения между господами — немцами и рабами — русскими и большинством других народов, населяющих европейскую часть территории СССР.

Эта точка зрения, не раз и не два высказанная Гитлером, служила директивой для практической политики на оккупированных советских землях и для отношения к тем антикоммунистическим силам, которые искали поддержки Германии и были готовы сотрудничать с ней ради ликвидации коммунистической власти.

Среди таких сил были эмигранты из России различных оттенков, националисты из Украины, Белоруссии, Польши, с Кавказа, члены различных антисоветских организаций. Германские власти использовали их в качестве переводчиков, технического персонала, иногда консультантов, но никак не признавали за ними права на политическое представительство. Эмиграция раздиралась внутренней борьбой, стремлением заслужить поддержку Германии в пользу одной из соперничающих группировок, неясностью или абсурдностью их политических программ. До тех пор, пока Германии принадлежала инициатива в ведении войны, нацистские руководители держали руководителей антисоветских организаций что называется в «черном теле», пресекая всякие претензии на политическую деятельность на оккупированной территории.

На Украине, например, когда Организация украинских националистов провозгласила 30 июня 1941 года во Львове украин-

ское государство, его руководители Стецко и Бандера были попросту арестованы немецкими властями, так же как и многие их сторонники. Попытка другого лидера ОУН Мельника учредить правительство в Киеве также была пресечена, а сам Мельник арестован. Репрессии привели ОУН к объявлению войны на два фронта: и против немцев, и против Красной армии. Но на самом деле отряды ОУН воздерживались от нападения на немцев. В 1944 году Бандера и Мельник были освобождены германскими властями, чтобы возглавить вооруженную борьбу украинских националистов против наступающей Красной армии. Многие украинские националисты-эмигранты служили в эсэсовской дивизии «Галичина» и в полку «Нахтигаль».

Гауляйтор оккупированной Украины Кох заявил в августе 1942 года: «Позиция немцев на Украине должна руководствоваться фактом, что мы имеем дело с народом, который неполноценен во всех отношениях... Никаких социальных контактов с украинцами... Этот народ должен управляться железной рукой таким образом, чтобы помочь нам выиграть эту войну».⁶²

С некоторыми вариациями такая же политика проводилась и в Белоруссии. В середине 1942 года, когда Белоруссия стала страной массового партизанского движения, немцы пытались изменить тактику и использовать эмигрантов из Западной Белоруссии. В октябре 1941 года было разрешено легальное функционирование националистской организации «Самопомощь». Ее глава Иван Ермаченко, эмигрант-врангелевец, был назначен советником по белорусским делам при генеральном комиссаре Белоруссии Кубе. Однако белорусское население отказывалось от сотрудничества с «Самопомощью», видя в ней обыкновенных немецких прислужников. По мере ухудшения дел на фронте Кубе пытался более широко использовать белорусских националистов для противопоставления их белорусским партизанам, опиравшихся на поддержку населения. Численность партизанских соединений и отрядов в Белоруссии достигла к этому времени более 100 тыс. человек. В июне 1943 года немцы объявили о создании «Рады доверия», совещательного органа, с которым германский наместник будто бы собирался консультироваться по местным делам. Однако белорусское население по-прежнему оставалось враждебным. В на-

чале сентября 1943 года партизаны взорвали немецкое учреждение в Минске. СД расстреляло 300 человек, без различия пола и возраста. 24 сентября 1943 года произошел взрыв в доме Кубе и наместник был убит. Снова немцы пытались привлечь националистов к сотрудничеству, образовав так называемую Белорусскую Центральную Раду в конце декабря 1943 года. Главой Рады был назначен Радослав Островский, живший до войны в Польше. Островский занимался главным образом формированием антипартизанских частей. Накануне взятия Минска советскими войсками немцы созвали «конгресс» белорусских националистов, которые объявили себя преемниками Белорусской Рады 1918 года. Но на этом деятельность конгресса закончилась, а его руководители поспешно бежали в Берлин, стремясь не попасть в руки наступающей Красной армии.

Примерно с осени 1941 года в разных местах начали возникать партизанские группы. Их ядром были пробывавшиеся из окружения военнослужащие Красной Армии, местные работники партийного и государственного аппарата, а также незначительное число местных жителей. В то время еще не было никакого центрального руководства и многие вооруженные группы действовали на свой страх и риск, стремясь пробиться поближе к линии фронта.

Позднее в тыл врага начали организованно засылаться диверсионные группы, специально обученные партизанским методам борьбы. Они были снабжены оружием и радиостанциями. Существует легенда, будто партизанские отряды с самого начала действовали под руководством ЦК ВКП(б), республиканских или местных подпольных партийных организаций. Но это не соответствует действительности. Партизанская война была во многом стихийной, ответом на репрессии и жестокости оккупантов. Лишь после первых контрударов Красной армии и стабилизации положения отдельные партизанские группы объединялись в отряды, а те, в свою очередь, в партизанские соединения. При штабах армии были созданы специальные отделы по связи и руководству партизанскими отрядами. В Москве был образован Центральный штаб партизанского движения.

Особенно широко развернулось партизанское движение в Белоруссии, где оккупанты и их местные прислужники вызвали

своими репрессиями ненависть значительной части населения. Поголовное истребление евреев вызвало ужас среди белорусского населения. Вскоре начались и репрессии против белорусов, сопровождавшиеся сожжением деревень, арестами и казнями. К середине 1942 года почти вся Белоруссия, включая ее столицу Минск, оказалась в огне партизанского движения. На ее территории насчитывалось к этому времени до 100 тысяч партизан. Партизаны действовали также на Украине, в Ленинградской и Новгородской областях, в Крыму. К концу 1942 года партизанское движение было связано в ряде местностей с подпольными организациями городов. Появились крупные партизанские формирования: соединения Ковпака, Федорова, Козлова.

Немецкое командование вынуждено было для борьбы с советскими партизанами отвлекать до 10% своих сухопутных войск, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 году в борьбу против партизан было вовлечено, по советским данным, до 25 дивизий регулярных войск, не считая вспомогательных войск, специальных антипартизанских формирований, полицейских частей и прочего.

Столь широкое партизанское движение могло существовать и действовать только при поддержке, которое ему оказывало местное население.

Партизаны нарушали нормальную работу тыла немецкой армии, наносили удары по его коммуникациям, взрывали немецкие военные объекты и штабы, пускали под откос железнодорожные транспорты с солдатами и вооружением, убивали высокопоставленных немецких офицеров и чиновников оккупационного аппарата. Они расправлялись также с коллаборантами, сужая тем самым возможности использования немецким командованием местного населения. В то же время партизаны творили суд и расправу и над людьми просто попавшими под подозрение в сотрудничестве с врагом. Было немало случаев, когда убивали людей по наветам, из мести и прочего. В Крыму, например, партизанское командование жгло деревни с татарским населением, грабило местных жителей-татар и писало заведомо ложные доносы в Москву о якобы поголовном сотрудничестве крымских татар с оккупантами. Нечто подобное происходило и в Калмыкии, и на Северном Кавказе.⁶³

Согласно советским официальным данным в партизанском движении во время Отечественной войны 1941—1945 годов участвовало около миллиона вооруженных партизан.⁶⁴ В 1943—1944 годах партизаны взаимодействовали с наступающими регулярными войсками Красной армии. Считается, что во время наступления 1944 года в операциях принимало участие 250 тысяч партизан.⁶⁵

Эти сведения вероятно значительно преувеличены.

7. Сталинград

17 июля 1942 г. началась битва за Сталинград на дальних к нему подступах. Борьба закончилась советской победой 2 февраля 1943 г. Оборонительный период продолжался для Красной армии до 19 ноября 1942 г.

Советские войска, отступившие в ожесточенных боях к Сталинграду, были основательно потрепаны. К началу оборонительных боев из 38 дивизий Сталинградского фронта только 18 были укомплектованы. 14 дивизий были абсолютно небоеспособными (от 300 до 1000 чел. состава), 6 дивизий имели от 25% до 40% штатного состава.

В течение августа-сентября немецкие силы продолжали продвигаться. Шла борьба за город, за каждую улицу, каждый квартал, каждый дом. Советские солдаты дрались с упорством и ожесточением. Такие эпизоды борьбы за Сталинград, как оборона Тракторного завода, сражения за Мамаев Курган, за Дом Павлова прочно вошли в историю Отечественной войны 1941—1945 гг.

Значение Сталинграда как кульминационного пункта в вооруженной борьбе между Германией и Советским Союзом было правильно оценено советским верховным командованием. Впрочем теперь уже не могло быть сомнений в том, что дальше, несмотря на огромные пространства Заволжской России, двигаться некуда. Поражение советских войск под Сталинградом позволило бы Германии занять прочные рубежи вдоль Волги, объявить об окончании войны и вероятно создать коллаборационное русское правительство.

В Сталинград для координации и руководства операциями Сталинградского и Донского фронтов был послан Г. К. Жу-

ков, назначенный заместителем Верховного Главнокомандующего.

В ходе боев под Сталинградом еще раз подтвердилось, что некомпетентное вмешательство комиссаров в руководство боевыми операциями часто приводит к грубым ошибкам, создает тяжелое положение для боевых командиров. 9 октября 1942 года институт военных комиссаров был снова упразднен, в армии было введено единоначалие.

В район Сталинграда непрерывно подбрасывались резервы, боеприпасы, военная техника, спешно формировались в тылу хорошо оснащенные армии.

В середине октября немецкое командование вынуждено было издать приказ о переходе к обороне.

Ситуация стала для Советского Союза более благоприятной. Быстро росло военное производство. Во второй половине 1942 года было произведено 15800 боевых самолетов (первая половина — 9600), 13600 танков (11000), 15600 (14000) артиллерийских систем.

К середине ноября в Сталинградском сражении принимали участие около двух миллионов солдат, примерно поровну на каждой стороне. Соотношение техники было в пользу советских вооруженных сил: танки и самоходные орудия — 1,4:1, орудия и минометы — 1,3:1, боевая авиация — 1,1:1.

План советского командования, готовившего контрнаступление, заключался в том, чтобы силами трех фронтов Юго-Западного, Сталинградского и Донского, окружить германские армии в междуречьи Волги и Дона и уничтожить их.

Советское наступление под Сталинградом началось 19 ноября 1942 года. 23 ноября немецкая группировка в районе Сталинграда, насчитывавшая 330 тыс. человек, была окружена. Ее командующий генерал фон Паулюс не получил разрешения Гитлера на организацию прорыва из окружения. Ему было приказано организовать оборону и ожидать спешивших на выручку войск под командованием фельдмаршала Манштейна. Однако навстречу Манштейну вышли свежие советские армии. Его попытка деблокировать окруженную немецкую группировку провалилась. 16 декабря началось советское наступление на внешнем обводе сталинградского «котла», которое очень скоро привело армию Манштейна к поспешному отступлению. Паулюс вначале отверг предложенную ему советским коман-

дованием капитуляцию. Она была категорически запрещена Гитлером. Советские войска начали операцию по планомерно уничтожению окруженной группировки противника. 2 февраля 1943 года Паулюс капитулировал. 90000 немецких солдат, включая 24 немецких генералов и фельдмаршала Паулюса, были захвачены в плен.

Поражение немцев под Сталинградом значительно укрепило мораль советской армии и тыла, подняла престиж советского военно-политического руководства и личный авторитет Сталина. То, что победа была одержана на руинах города, названного в его честь, заставляла людей религиозных и мистически настроенных видеть знак Провидения или Судьбы. Советская пропаганда умела использовать победу, прославляя организационный гений коммунистической партии. О поражениях первых 20 месяцев войны и об ответственности советского руководства за них предпочитали не вспоминать.

Победа под Сталинградом укрепила также международный престиж Советского Союза.

Поражение под Сталинградом потрясло гитлеровский рейх до основания, вызвало брожение и смущение среди союзников Германии и дало новый толчок движению Сопrotивления в Европе, укрепило положение нейтральных государств.

Победе, одержанной под Сталинградом, способствовала английская победа в Африке под Эль-Аламейном и высадка американских войск в Алжире осенью 1942 года. Эти операции союзников СССР оттянули с советско-германского фронта значительную часть германских военно-воздушных сил.

Наступление от Сталинграда вскоре превратилось в генеральное советское наступление на огромном фронте, от Ленинграда до Кавказа. Был очищен от немцев Кавказ, освобожден Северный Кавказ, Ростов-на-Дону, часть Донецкого бассейна.

В конце января 1943 года был освобожден Воронеж, затем Харьков, Белгород и Курск. Однако в районе юго-западнее Харькова германское командование 15 марта взяло обратно Харьков и северо-восточную часть Донецкого бассейна. Немецкое контрнаступление было полной неожиданностью для командования как фронтового, так и Ставки. Полагали, что в этом районе немецкие войска уже разбиты и отступают. 18

марта немцы овладели Белгородом. Красная армия вынуждена была перейти к обороне.

В январе 1943 года советские войска прорвали блокаду Ленинграда и восстановили связь с сушей. На Северо-Западе был ликвидирован демянский плацдарм и освобожден Ржев. Советское наступление на Западном фронте остановилось у стен Смоленска. Фронт проходил теперь в 270-300 км от Москвы.

В декабре 1941 года Гитлер приказал вновь назначенному командующему армейской группой «Норд» генерал-полковнику Кюхлеру смести Ленинград с лица земли.

«Фюрер приказал стереть Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет смысла в дальнейшем существовании этой густонаселенной местности... предлагается блокировать город постоянным артиллерийским огнем из орудий всех калибров и сравнять его с землей бомбежками с воздуха. Если ситуация вынудит город просить о сдаче, такие предложения будут отвергнуты».

Почти 900 дней этот город с населением в 2,5 млн. жителей подвергался непрерывному обстрелу. Подача электричества и воды была прекращена. Только в течение 1942 года город находился под артиллерийским огнем в течение 254 дней. Хотя население испытывало невероятные страдания, ленинградские заводы продолжали производить оружие. Рабочие, инженеры, техники не прекращали работы. Многие из них умирали от голода и истощения у своих рабочих мест.

800 тысяч ленинградцев погибли во время осады, но город не капитулировал.

Несколько раз советские войска предпринимали кровопролитные наступления, чтобы деблокировать город, но безуспешно. Единственная дорога, названная «дорогой жизни», проходила по льду Ладожского озера. Она позволяла городу существовать.

Только в январе 1943 года удалось деблокировать город и создать коридор шириной 10 км, соединивший Ленинград с сушей. С этого времени положение уцелевших ленинградцев начало улучшаться. Но окончательно осада Ленинграда была снята только в 1944 году.

8. Курск — перелом в войне

Весной 1943 года весь советско-германский фронт, от Ленинграда до Черного моря, стабилизировался.

По словам немецкого военного историка генерала Типпельскирха советское военное командование показало растущую гибкость в реализации стратегических задач, но в вопросах тактики, ведении боя немецкая армия продолжала сохранять превосходство.

Численный состав Действующей Красной армии и флотов возрос с 2,9 миллионов в 1941 до 6 миллионов в 1943 году.⁶⁶ Военная промышленность наращивала производство и вместе с американскими поставками вооружения, военных материалов и продовольствия обеспечивала снабжение вооруженных сил.

Несмотря на поражения, германское верховное командование решило летом 1943 года попытаться еще раз захватить стратегическую инициативу, нанести СССР решающее поражение и закончить войну.

5 июля 1943 года началось новое немецкое наступление в районе Курск—Белгород. В этой гигантской битве принимали участие около 2,25 миллионов с обеих сторон, около 6 тыс. танков и более 4500 самолетов. Советские войска значительно превосходили немецкие и по количеству людей (1337 тысяч против 900 тыс.) и по военной технике.

23 июля немецкое наступление было приостановлено по всему фронту. 3 августа началось общее советское наступление на линии Орел—Курск—Белгород. 23 августа Харьков снова был занят (на этот раз окончательно) советскими войсками. Сражение под Курском, продолжавшееся 50 дней, было выиграно Красной Армией.

Во время этой битвы мощь германской армии была сломлена.

Курское сражение переросло затем в грандиозное стратегическое наступление от Великих Лук на северо-западе и до Черного моря на юге. Была освобождена вся левобережная Украина, включая ее столицу Киев, на правом берегу Днепра были созданы предмостные укрепления, освобождены многие области в центральной России и часть Белоруссии. На юге от врага был очищен Таманский полуостров, включая Керчь.

В разгар сражения под Курском — Белгородом, 25 июля, началась высадка американских и английских вооруженных сил в Италии. В сентябре был свергнут фашистский режим Муссолини. Италия капитулировала. Однако немцы вторглись в Северную Италию и война там приняла затяжной характер.

9. Катынская трагедия

Победы союзников в Африке, под Сталинградом и Курском, события в Италии способствовали усилению движения Сопротивления в оккупированных Германией странах. Растущее недовольство в Европе было зловещим знаменем для Гитлера, предсказавшего «Великой германской империи» тысячелетнее существование.

Советская политика по отношению к Сопротивлению и национально-освободительным движениям в Европе была двойственной. С одной стороны, Советский Союз поддерживал деньгами, оружием, а позднее и людьми, организации Сопротивления, руководимые коммунистами. С другой стороны, он был обязан поддерживать законные правительства в изгнании, с которыми СССР и его союзники Англия и США имели дипломатические отношения. Организации же Сопротивления, руководимые коммунистами, стремились не только к победе над немецкими оккупантами, но и к изменению существовавшего до войны социального порядка, в ряде стран они претендовали на власть после изгнания захватчиков.

Наиболее уязвимыми были советско-польские отношения. После раздела Польши между гитлеровской Германией и Советским Союзом в 1939 году в Лондоне было образовано польское правительство в изгнании. Оно было признано Англией, США и другими государствами. По настоянию Англии Советский Союз и польское правительство восстановили в 1941 году дипломатические отношения. Многие польские граждане, среди них пленные, томившиеся в советских лагерях, были освобождены. На территории СССР начали формироваться польские вооруженные силы.

В СССР находилось в это время около 250 тысяч польских военнопленных. Кроме того, немедленно после присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии значительная часть

польского населения была депортирована в Сибирь и в Среднюю Азию: всего около 1200 тыс. человек.

Когда один из пленных генералов Владислав Андерс начал формирование польских войск в СССР, обнаружилась нехватка офицеров числившихся по списочному составу. Из 14 польских генералов, взятых в плен Красной армией, появилось только двое, остальные исчезли. Из 300 высших офицеров были обнаружены только 6. Начатое польским командованием расследование на основании опроса поляков, бывших советских пленных, показало, что исчезнувшие 15 тысяч были заключены в трех лагерях, а именно: в Козельске, Осташкове и Старобельске и находились там до весны 1940 года. Затем следы их терялись. Советские власти заявили, что они ничего не знают. Польское командование на территории СССР создало специальную службу для расследования обстоятельств исчезновения 15 тысяч польских военнослужащих. Было установлено, что в апреле 1940 года лагеря были эвакуированы, а пленники конвоированы на ближайшие железнодорожные станции и погружены в поезда. Их выгрузили в нескольких километрах западнее Смоленска.

И Андерс, и польские дипломатические представители в Москве тщетно пытались добиться ответа о судьбе военнопленных от советских официальных лиц. Во время встречи польского главнокомандующего генерала Сикорского со Сталиным в Кремле 3 декабря 1941 года Сикорский снова возбудил этот вопрос. Ответ Сталина был неожиданным: «Они сбежали». На уточняющий вопрос, куда могли сбежать 15 тысяч человек, Сталин ответил: «В Манчжурию».⁶⁷ Нелепость этого ответа была очевидной. Польское правительство в изгнании продолжало при помощи Англии и США разыскивать пропавших через советские официальные органы, но безуспешно...

В феврале 1943 года немцы объявили, что они обнаружили в Катинском лесу вблизи Смоленска массовые захоронения тысяч убитых польских офицеров. Каждый был убит пулей в затылок. Пули были немецкого производства.

16 апреля 1943 года Совинформбюро заявило, что преступление в Катинском лесу было совершено гитлеровцами.⁶⁸ Руководимая же немцами международная комиссия утверждала, что польские пленные были расстреляны НКВД в апреле 1940

года, то есть за полтора года до оккупации немцами Смоленска. Немцы разрешили провести независимое расследование польским медикам, проживавшим в оккупированной Польше. Медики пришли к заключению, что убийство в Катыни было совершено в 1940 году. Однако попытки немецких властей заставить польских докторов выступить с антисоветскими заявлениями не увенчались успехом: поляки не желали, чтобы убийство в Катыни, совершенное НКВД, эксплуатировалось их заклятыми врагами — нацистами.

Польское правительство в Лондоне обратилось к Международному Красному Кресту с просьбой расследовать Катынское дело. Советский Союз категорически отказался от сотрудничества с Красным Крестом.

Катынский скандал, разразившийся в апреле 1943 г., совпал по времени с серьёзным ухудшением советско-польских отношений. Главная причина заключалась в твердой позиции польского правительства по вопросу границ польского государства, настаивавшего на том, что эти границы были определены Рижским мирным договором 1921 года. Это означало, что включение Западной Украины и Западной Белоруссии, в состав Советского Союза, является незаконным. В декабре 1942 года Сикорский встретился с президентом Рузвельтом, но поддержки, на которую он рассчитывал, не получил. Соединенные Штаты считая себя связанными обязательствами Атлантической хартии восстановить попранный агрессорами суверенитет народов, не считали, что это может истолковываться как обязательство восстановления специфических границ. Правительство Великобритании в лице Черчилля полагало, что Польша должна согласиться с изменением ее восточной границы и взамен получить приращение территории на западе за счёт Германии. Позиция Черчилля была очень близка к советской. Советское правительство настаивало на подтверждении границы СССР 1941 года, к моменту начала германо-советской войны.

Другая причина обострения советско-польских отношений была вызвана выводом сформированных на территории СССР трех польских дивизий на Ближний Восток и подчинением их британскому командованию. Наконец, большое раздражение в Москве вызвал проект центрально-европейской федерации, активным приверженцем которой был Сикорский. Сталин

рассматривал проект как попытку возрождения «санитарного кордона» против СССР.⁶⁹

Разоблачение преступления, совершенного в Катынском лесу, привело Сталина к решению 25 апреля 1943 года прервать отношения с правительством Сикорского.⁷⁰ Британский премьер Черчилль оказал нажим на Сикорского, чтобы приглушить скандал и не раскалывать антигитлеровскую коалицию.⁷¹ Советское правительство использовало ситуацию для того, чтобы учредить на своей территории так называемый Союз польских патриотов, который Сталин предполагал превратить в будущем в соперничающее польское правительство.⁷² Одновременно было начато формирование на территории СССР польской дивизии. Так разоблачение преступления, совершенного в Катыни, послужило неожиданно далеко идущим политическим целям советского руководства.

Как только Смоленск был освобожден советскими войсками, немедленно приступила к работе советская комиссия по расследованию, которая, разумеется, нашла, что преступление в Катыни было совершено немцами, а не НКВД, и не в апреле 1940, а осенью 1941 года.⁷³

В заключении советской комиссии не нашли упоминания такие важные детали, как, например, из какого материала были сделаны веревки, которыми были связаны руки жертв перед расстрелом, не объяснены происхождения четырехугольных штыковых ран на телах убитых и характер лесных посадок на могилах и вокруг них.

Зато были указаны лица, непосредственно виновные в расстреле. Среди них был назван полковник Аренс. Этот самый полковник Аренс неожиданно для всех появился перед Международным трибуналом в Нюрнберге, судившим после войны главных немецких военных преступников. Вызывало удивление, что Аренс, обвиненный в столь чудовищных злодеяниях, добровольно появился перед судом. По настоянию советской стороны, вопрос о Катыни был включен в обвинительное заключение. Однако, когда выяснилось, что Аренса вообще не было осенью 1941 года в Смоленске и что свидетельства советской стороны очень шатки, было решено не включать Катынское убийство в обвинительный приговор Нюрнбергского трибунала. Черчилль позднее писал в своих мемуарах: «Правительствами победивших государств было решено, что

эта проблема должна быть обойдена и преступление в Катynie никогда не было детально исследовано». ^{73а}

В течение многих лет разные организации и отдельные лица кропотливо собирали материалы и свидетельства, которые должны были прояснить, что же случилось в действительности с 15 570 польскими пленниками, находившимися с сентября 1939 года по апрель 1940 года в советских лагерях для военнопленных в Осташкове, Козельске и Старобельске. В 1952 году была учреждена специальная комиссия конгресса Соединенных Штатов по расследованию обстоятельств исчезновения польских офицеров. Все материалы и свидетельства были обобщены. Они не оставили сомнения в том, кто и когда совершил преступление в Катынском лесу.

Среди 15 570 польских военнопленных значительное число не принадлежало к кадровому офицерству. Это были запасники, среди них было более 1000 адвокатов, сотни школьных учителей, университетские профессора, журналисты, художники, более 300 докторов медицины и священники. То был цвет польской интеллигенции, ненавидимой в одинаковой мере и нацистами и советскими коммунистами. Кадровых офицеров было 8300—8400.

В Катынском лесу были обнаружены трупы 4443 польских военнопленных. ⁷⁴ Они были идентифицированы с теми, кто находился в лагере Козельска. Все они были убиты выстрелами в затылок. Некоторые из них, молодые, оказывали сопротивление и были связаны, на телах иных были колотые раны от штыков, употреблявшихся в Красной армии. Пули, которыми они были убиты, были немецкого происхождения, производства до 1939 года. Пули этого образца продавались из Германии в Польшу, Советский Союз и Прибалтийские страны.

Письма, полученные родственниками военнопленных, содержавшихся в лагерях Осташкова, Козельска и Старобельска, датированы не позднее апреля 1940 года. Затем переписка оборвалась. В обнаруженных чудом уцелевших дневниковых записях, последней датой было 9 апреля 1940 года. Были обнаружены также надписи на стенках вагонов, в которых везли поляков. Все надписи одного и того же содержания — везут в северо-западном направлении. Выгрузили на станции Гнездово. Обращение охраны исключительно грубое. От железнодорожных путей до начинающегося леса стоит охрана. Грузят

в автобусы, которые скрываются в лесу, затем пустыми возвращаются назад, чтобы принять новую партию...

Те, кто оставался в лагере в Козельске, вели учет тех, кто покидал лагерь. Благодаря этому сохранились, переданные позднее польскому движению Сопротивления, списки этих людей. Всего из Козельска было отправлено 12 партий, каждая из которых была от 50 до 300 человек.

Вот одна из сохранившихся дневниковых записей, автор ее был отправлен из Козельского лагеря в группе 277 человек 8 апреля 1940 года.

«Апрель 8,

Мы погружены на станции в тюремный вагон под усиленной охраной... Мы двигаемся в направлении Смоленска...

Апрель 9,

Вторник — сегодня зимняя погода... На полях снег... Невозможно определить направление нашего движения... Обращение с нами грубое... Не разрешается ничего... 2.30 пополудни мы прибываем в Смоленск... Вечер, мы прибыли на станцию Гнездово. Кажется, что мы выходим — вокруг солдаты. Начиная со вчерашнего дня мы получили только кусок хлеба и котелок воды».

Из Гнездово автобусы отправлялись в Катынский лес, прямо к месту казни, а затем возвращались за новой партией.

В конце концов нашлись и живые свидетели того, что произошло. Они показали, что расстрелы производились сотрудниками Смоленского и Минского управлений НКВД.

Расстрел в Катыни произошел в апреле 1940 года, более чем за год до оккупации района Смоленска немцами. Как было установлено независимым расследованием, на могилах, вскрытых в 1943 году, выросли растения трехлетней давности, то есть убийство было совершено в 1940, а не в 1941 году. Что же случилось с остальными 10 000 польских военнопленных из лагерей в Осташкове и Старобельске? Конечные следы тех, кого вывезли в это же время из Осташкова, теряются на станциях Бологое или Вязьма, а пленных из Старобельского лагеря — в районе Харькова. Пленные из этих лагерей никогда не были обнаружены.

Но 448 пленных из лагеря в Козельске остались в живых. Это были те, кого следователи НКВД, которые большими

группами работали в лагерях под руководством генерала НКВД Зарубина, сочли подходящими для сотрудничества с советскими властями в будущем. Все они были отправлены с конца апреля до конца мая 1940 года в новый лагерь Павеличев Бор, а в начале июня 1941 года в лагерь Грацовец.⁷⁵

...Председателем советской комиссии по расследованию преступлений в Катыни, созданной немедленно после освобождения Смоленска, был известный советский хирург академик Н. Бурденко. Он подписал заключение, что преступление было совершено немцами осенью 1941 года. После войны, в 1946 году, уже больной, переживший два удара и ушедший в отставку, он признался своему другу доктору Ольшанскому:

«Нет сомнения, что такие «Катыни» были и будут. Если вы начнете раскапывать нашу матушку Россию, вы наверняка обнаружите достаточно таких раскопок... Мы должны были полностью отвергнуть широко распространившиеся немецкие обвинения. По личному приказу Сталина я поехал на место, где эти могилы были обнаружены. Была проведена проверка и все тела в могилах были четырехлетней давности. Смерть наступила в 1940... На самом деле для меня как доктора вопрос ясен, здесь нет спора по этому поводу. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку».

Правду об убийстве в Катыни знал Сталин, план уничтожения был разработан в НКВД и утвержден Берия. К этому преступлению были в той или иной степени причастны заместитель Берии Меркулов (оба расстреляны в 1953 году), генералы НКВД Зарубин и Рейхман.

Уничтожение польских офицеров и интеллигенции в Катыни полностью отвечало политическим целям Сталина — очистить Польшу от польских патриотических элементов, ликвидировать интеллигенцию и тем расчистить почву для создания в Польше преданного СССР режима. Эту политику он последовательно проводил и позднее, во время Варшавского восстания 1944 года и во время пребывания Красной армии на территории Польши в 1944-45 гг.

10. Государство и церковь

Социально-экономические изменения, происшедшие в государстве, и преследования значительно уменьшили влияние православной церкви и сократили число практикующих верующих. Из насчитывавшихся до революции 50 тысяч священнослужителей русской православной церкви осталось несколько сот, из 163 епископов — 7. Было закрыто 1000 монастырей и 60 семинарий.⁷⁶ Ответом на преследования было появление и распространение различных сект, общин и прочего, появление так называемой «катакомбной» церкви.

Накануне второй мировой войны политика ВКП(б) и государства по отношению к религии начала меняться. Испытывая нужду в возрождении и эксплуатации патриотических чувств, партия начала смягчать свою антирелигиозную политику. Осенью 1939 года после присоединения западных земель Украины и Белоруссии, а затем летом 1940 года после занятия Прибалтики, московская патриархия послала туда, а позднее в Прибалтику, своих епископов. Советский режим надеялся таким путем добиться полного подчинения новых подданных центральной власти. Московская патриархия охотно выполнила это поручение, поскольку это отвечало и ее собственным интересам.

Нападение Германии не застало православную церковь врасплох. 22 июня 1941 года патриарший местоблюститель митрополит Сергей выступил с обращением к церкви и к народу, призывая защищать страну, и осудил тех священнослужителей, которые не хотели бы последовать его призыву. На противоположном полюсе, в Берлине, митрополит Серафим призывал православных подняться под руководством Гитлера для борьбы с большевизмом.⁷⁷ Сергей же за два первые года войны выпустил 23 послания о даровании победы. По его предложению, были собраны средства на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского.⁷⁸ Сталин милостиво согласился принять дар от церкви.

Вражеское вторжение вызвало у населения прилив религиозных чувств.⁷⁹ На оккупированных немцами землях возобновились с разрешения немецких оккупационных властей богослужения. Задача церкви на оккупированной территории за-

ключалась, по мнению Гитлера, в том, чтобы помогать оккупационным властям держать население в покорности. Религиозная сторона дела нимало не занимала его: в самой Германии нацисты лишь терпели церковь, но не больше. Одна из задач немецкой политики заключалась в том, чтобы не допустить объединения православной ортодоксальной и украинской автокефальной церковью. Закон о веротерпимости, изданный в Берлине 19 июня 1942 года, на самом деле был законом о регулировании религиозной жизни. Все религиозные организации обязаны были зарегистрироваться в управлении комиссара дистрикта. Комиссар обладал правом удаления любого священника, если появлялись какие-либо сомнения в его политической благонадежности. Религиозные организации, их местные и высшие органы обязывались ограничить свою деятельность религиозными задачами. В противном случае им угрожали штраф и роспуск церковной общины.⁸⁰

Незадолго до издания закона о веротерпимости Гитлер говорил своим приближенным: «В любом случае создание единой церкви для больших русских территорий должно быть предотвращено. Проще всего для нас было бы, если бы каждая деревня имела бы свою собственную секту, которая развила бы свою собственную концепцию Бога».⁸¹

Специальные войска, так называемые айнзатцгруппен, на которых была возложена задача ликвидации евреев и прочих «нежелательных народов», были наделены полномочиями контроля над деятельностью церкви на оккупированных территориях вплоть до ареста и ликвидации священнослужителей.

Использование религиозных чувств населения в интересах Германии оставалось главной целью германской церковной политики. В одном из немецких документов говорилось: «Все средства церквей, мистицизма, религии и пропаганды должны быть... использованы под лозунгом: «Гитлер против Сталина!» — или «Бог против Дьявола».^{81a}

Немецкие армейские командиры нередко способствовали восстановлению церкви на контролируемых ими территориях.⁸² Их цель была чисто прагматической: обеспечить германской армии спокойный тыл, безопасные коммуникации и невраждебное отношение местного населения. Однако тем из них, кто помогал возобновлению богослужений, делались строгие внушения Берлином. Например, после богослужения в

соборе Смоленска в августе 1941 года последовал приказ Гитлера, запрещавший помощь вермахта церкви на оккупированных территориях.⁸³

Отношение духовенства к германской оккупации было различным: от открытой поддержки и до организации сопротивления. Поучительна в этом отношении история митрополита Сергия младшего (Воскресенского). Посланный в Ригу епископом в 1940 году, он отказался возвратиться в Москву после начала войны. Был арестован гестапо, а затем освобожден. Сергей выступал с проповедями в пользу победы Германии. В то же время он возродил религиозную жизнь в Прибалтике. К 1943 году там работало около 200 приходов, проводилось церковное обучение, издавался религиозный журнал. Влияние Сергия на Псковщине было столь велико, что немецкие власти потребовали его перевода в Вильнюс. У Сергия начались столкновения с немцами по различным поводам. 28 апреля 1944 года он и его семья были убиты по дороге из Вильнюса в Ригу, вероятно немецкой службой безопасности.⁸⁴

Разумеется, масса прихожан понятия не имела о том, что происходит за кулисами немецкой церковной политики. Для них было важно, что они могли открыто выражать свои религиозные чувства, не опасаясь преследования со стороны власти. Они, конечно, не подозревали, что немцы не только санкционируют содержание проповедей, но и цензурят их текст.

В специальном обращении к священникам на оккупированных землях патриарший местоблюститель Сергей предостерегал их от сотрудничества с врагом, назвав его «изменой церкви и родине». Московская патриархия осудила киевского епископа Поликарпа за сотрудничество с немцами.⁸⁵

4 сентября 1943 года Сталин принял митрополита Сергия и двух других высших сановников церкви. Он высказал одобрение патриотической деятельности духовенства и верующих православной церкви, разрешил избрать Патриарха Московского и всея Руси и образовать Священный Синод.⁸⁶ Таким образом состоялось не только официальное примирение государства с православной церковью, но и признание ее де-факто (и по мере надобности) интегральной частью режима. 8 сентября Сергей был избран патриархом, а собор архиереев, избравший его, принял важный документ под названием «Осуж-

дение изменников вере и отечеству». В нем говорилось: «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». ⁸⁷ Таким образом война против гитлеровской Германии была объявлена целью православной церкви.

Вскоре было разрешено открыть в Москве двухгодичный Богословский институт, а в епархиях одногодичные богословско-пастырские курсы. ⁸⁸

Во всех церквях возносились молитвы за здоровье Сталина. Митрополит Киевский и Галицкий писал с восторгом в церковном журнале: «В нашем вожде верующие... видят воплощение всего лучшего и светлого, что составляет священное духовное наследие русского народа, завещанное предками...» ⁸⁹

Официальное примирение Сталина с церковью означало также, что отныне советский режим будет оказывать патриарху и руководству церкви поддержку в борьбе с отклонениями от ортодоксальной линии, своеобразной «генеральной линии» церкви. Вскоре многие деятели так называемой обновленческой церкви покаялись и были приняты обратно в лоно православной церкви. Государство усилило борьбу с сектантами по всей стране, но повсеместно поддерживало официальную церковь — в Армении, в Грузии и так далее.

Все церковные назначения, как и прежде, согласовывались с государственными органами. Высшее духовенство было приравнено в смысле привилегий к высшему партийно-советскому чиновничеству. При первом послевоенном награждении епископы получили свои правительственные награды.

11. СССР и западные союзники

Уже первые часы советско-германской войны показали, что расчеты Гитлера на политическую изоляцию Советского Союза провалились. Только турецкий министр иностранных дел Сараджоглу, узнав о нападении на СССР, воскликнул: «Это не война, а крестовый поход!» ⁹⁰ Впрочем Турция оказалась достаточно предусмотрительной, чтобы не принимать участия в войне, а сохранять нейтралитет.

Иной была реакция правительств Англии и США. В 1940 —

1941 годах на флангах Британской империи Англия терпела одно поражение за другим: провалилось наступление генерала Уэйвелла на Ближнем Востоке, в связи с этим в Ираке произошел прогерманский переворот. Англичане потерпели поражение в Греции и на Крите. Нападение Испании на Гибралтар казалось неотвратимым. В битве на морских коммуникациях английский торговый флот нес огромные потери, особенно в Атлантике. Снабжение Англии продовольствием и сырьем, от чего в значительной мере зависело ее существование, серьезно осложнилось.⁹¹

Англия переживала один из самых опасных моментов в войне.

К середине 1941 года Советский Союз и Англия стояли перед неизбежностью выбора. Советский Союз, в связи с угрозой нападения на него гитлеровской Германии, Англия из-за крайне тяжелого положения, в котором она оказалась в результате почти двухлетней войны. Опрос английского общественного мнения, проведенный в апреле 1941 года, показал, что за дружественные отношения между СССР и Англией высказалось 70% опрошенных (март 1939 — 84%).⁹² Английское правительство посылкой предупреждений советскому правительству о неминуемом нападении Германии, своим отношением к полету Гесса, договоренностью с правительством США о мерах, благоприятных для СССР, которые необходимо будет принять в случае германо-советской войны, показало, что оно готово быть союзником СССР в войне против Германии.

Сразу же после известия о нападении Германии на СССР 22 июня в 9 часов утра, за 3 часа до официального заявления Советского правительства своему народу о нападении Германии, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль заявил, что отныне Англия является союзником СССР и окажет ему всевозможную помощь в войне против нацистской Германии. Черчилль также подчеркнул в своей речи, что он был и остается противником коммунизма.⁹³

Мнение Черчилля далеко не совпадало с выкладками английских военных специалистов, которые считали, что СССР потерпит поражение в течение 10 дней.⁹⁴

12 июля 1941 года в Москве было подписано соглашение о совместных действиях СССР и Великобритании в войне против Германии — они обязывались не заключать с Германией сепар-

ратного мира.⁹⁵ 2 августа было заключено военно-экономическое соглашение с Соединенными Штатами,⁹⁶ а в октябре было заключено тройственное соглашение о снабжении СССР оружием, военной техникой и стратегическими материалами.⁹⁷ Снабжение началось немедленно и в битве под Москвой танки и самолеты, прибывшие из-за океана, сделали свое дело. Поставки Советскому Союзу военных материалов были весьма ко времени в конце 1941 года и в начале 1942, когда немцы стояли у ворот Москвы и Ленинграда и вели успешное наступление на юго-западе России. Советская военная промышленность, частью захваченная немцами, частью перемещавшаяся в это время на восток, была в значительной степени парализована. Поставки шли в СССР через опасное Арктическое море, где немецкие рейдеры не раз и не два пускали ко дну английские караваны, направлявшиеся в СССР. Английские моряки проявляли огромное мужество, чтобы доставить вовремя грузы в Мурманск. Здесь разместилась английская авиационная часть, которая обеспечивала разведку и прикрытие караванов на подходе к советским берегам.

С октября 1941 года до середины июня 1942 в СССР было отправлено 16 конвоев. Они доставили более 3 тыс. самолетов, 4 тыс. танков, 30 тыс. других машин, 42 тыс. тонн авиационного бензина и масла, 66 тыс. тонн горючего и 800 тыс. тонн разнообразных грузов.⁹⁸ В середине июня конвои были прекращены из-за больших потерь, которые несли англичане от действий немецких рейдеров. За все время войны союзники поставили СССР 18,7 тыс. самолетов, 10,8 тыс. танков, 9,6 тыс. артиллерийских орудий, 401,4 тыс. автомашин, 44,6 тыс. металлорежущих станков, 2599 тыс. тонн нефтепродуктов, 517,5 тыс. тонн цветных металлов, 172,1 тыс. тонн кабеля и провода, 1860 паровозов, 11,3 тыс. платформ. Эти поставки составляли до 12% произведенного в СССР и использованного в войне против Германии вооружения.⁹⁹ Союзники посылали в СССР также продовольствие, одежду и прочее. Американские автомашины сделали Советскую армию мобильной.

В политическом плане военный союз, который был заключен между СССР и Великобританией и СССР и США в 1942 году, концентрировался вокруг проблемы открытия второго фронта в Европе.¹⁰⁰ Под вторым фронтом подразумевался фронт, который союзники должны были открыть во Франции

путем высадки своих вооруженных сил. Политическая активность вокруг открытия второго фронта включала не только обмен мнениями, требованиями и обещаниями на высшем уровне руководства стран, но также хорошо организованные и искусно проводимые кампании мобилизации общественного мнения Англии и США с требованиями немедленного открытия второго фронта.

С военной точки зрения открыть второй фронт в Европе в 1941—1942 годах было невозможно: не накоплено ни нужных сил, ни опыта в такого рода десантных операциях гигантского масштаба. Кроме того, и это было очень важно, господствовавшая стратегическая концепция англичан, за которой продолжительное время следовали и американцы, решительно отличалась от советской концепции и исключала ту степень риска, на которую были готовы идти советские стратеги.

Советский Союз настаивал на облегчении его военного бремени, которое и на самом деле значительно превышало военное бремя союзников.

Летом 1941 года на советско-германском фронте было сконцентрировано около 70% всех германских вооруженных сил. В первой половине 1944 года, накануне вторжения союзников во Францию, Германия держала в России 63% своих сил и даже после открытия второго фронта на советско-германском фронте находилось от 55 до 57 всех германских вооруженных сил.¹⁰¹

Отсутствие второго фронта в Европе вело к увеличению военных потерь СССР, и без того колоссальных из-за превратностей войны, преступного небрежения, просчетов и ошибок советского правительства, высшего военного командования и просто неумения воевать. С середины 1943 года потери Красной армии стали значительно меньше.

В 1943 году, вероятно, было возможно открыть второй фронт во Франции вместо высадки в Италии. Но здесь вступили в силу политические соображения. Наиболее важным из них было не допустить СССР на Балканы, которые Англия продолжала рассматривать как жизненно важную зону своих интересов. Высадка в Италии могла развиваться в успешное наступление англо-американских союзников на Балканах. Но этого не произошло.

В то же время возникла новая проблема для союзников,

не собрал ли СССР уже достаточно сил, чтобы выиграть войну без их помощи с запада? Такая возможность в принципе не исключалась и это было весьма мрачной перспективой для Англии и США.

В ноябре 1943 года была официально объявлена советская программа устройства мира. Главными ее пунктами были: освобождение европейских народов от фашистских захватчиков и оказание помощи в восстановлении их государственной независимости; свобода выбора освобожденными народами формы правления; суровое наказание виновников войны; создание необходимых условий для предотвращения новой агрессии со стороны Германии; обеспечение длительного экономического, политического и культурного сотрудничества европейских народов.¹⁰²

Несомненно, что эта программа была весьма привлекательной. Проблема заключалась в том, как свободный выбор народов будет обеспечен на практике.

С середины 1943 года политика СССР, как внутренняя, так и внешняя, становится более целеустремленной. Внутри страны она была направлена на укрепление предвоенной системы, возвращение утраченных партией в начале войны моральных позиций, усиление пропагандных и репрессивных методов для этой цели.

Во внешней политике СССР искусно использует к своей выгоде подозрительное отношение президента Рузвельта к имперской политике Великобритании. Рузвельт надеялся на прочное и длительное послевоенное сотрудничество со Сталиным. Американские государственные деятели и эксперты жадно ловили малейшие признаки того, что на Западе называли перерождением коммунизма в русский национализм. Эти ожидания значительно усилились после того, как в мае 1943 г. Сталин приказал распустить Коминтерн, усилив тем самым иллюзии в западном мире о перерождении советского коммунизма в русский национализм. В то же время СССР начал укреплять связи с движениями Сопротивления и национально-освободительными армиями в юго-восточной Европе, ловко эксплуатируя естественное желание народов изменить господствующие режимы, превратившие их страны в гитлеровских сателлитов.

Великобритания, а вслед за нею и Соединенные Штаты,

часто поддерживали партии и политиков, связанных так или иначе со скомпрометировавшим себя старым порядком или остатками старых клик. Англичане и американцы не достаточно вовремя позаботились о том, чтобы найти и консолидировать центристские или либеральные силы в освобождаемых странах. То было следствием непонимания сущности коммунистического режима в СССР и органической неспособности государственных мужей Запада понять образ мышления советского руководства. С другой стороны, западные руководители не увидели неизбежности изменений, вытекающих из характера освободительной войны против нацизма и его системы.

Американские государственные деятели лучше понимали проблемы, связанные с перспективами распада Британской колониальной империи, что должно было, по их расчетам, широко распахнуть ворота бывших английских владений для американского бизнеса.

Наконец, американцы были озабочены войной против Японии и потому переоценили свою нужду в помощи СССР в этой войне.

Европа в общем была незнакома американцам, чужда им по духу. Европейские проблемы оказались слишком сложными, опасными, раздражающими.

В итоге США и Великобритания продолжали, как правило, ориентироваться на правые элементы в Восточной и Юго-Восточной Европе, очищая тем самым поле политической активности для успешных действий коммунистических партий, часто контролируемых или направляемых Советским Союзом. Коммунисты сделали то, чего не могли сделать Англия и США: выработали программу национального возрождения, которая позволила им выиграть поддержку не только рабочего класса, но и средних городских и сельских слоев.

Уязвимость политики западных союзников заключалась также в отсутствии конкретной позитивной политической программы для освобожденных народов Европы. Коммунистические партии быстро заполняли вакуум своими программами действия.

С 1943 года советское руководство начинает играть ведущую роль в политике антигерманской коалиции. Сталин самолично появился на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря

1943 года). Искусно играя на американско-английских противоречиях, он добился твердого обещания открыть второй фронт во Франции не позднее 1 мая 1944 года. План Черчилля об открытии фронта на Балканах был отвергнут.

Второй победой Сталина в Тегеране, подтвержденной и усиленной затем на конференции в Ялте (февраль 1945 года), было официальное признание союзниками так называемой линии Керзона в качестве будущей восточной границы Польши.

Третья победа Сталина в Тегеране заключалась в признании его претензий на Кенигсберг, который никогда исторически России не принадлежал.

Торжествовал и Рузвельт, получивший обязательство Сталина объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания войны в Европе.

Вся военно-политическая ситуация в мире радикально изменилась к исходу 1943 года. Главные вопросы стратегии и политики были согласованы между союзниками в Тегеране. Началась интенсивная подготовка к высадке во Франции. В Германии среди высшего офицерства зрел заговор против Гитлера.

На советско-германском фронте стратегическая инициатива была прочно в руках советского командования. Советские вооруженные силы на фронте против Германии превосходили немецкие на 1259 тыс. человек (6165 тысяч против 4906 тысяч), в 2,5 раза по авиации (8500 против 3000), в 1,4 по артиллерийским системам (90 тысяч против 54) и так далее.¹⁰³

В январе 1944 года началось новое советское наступление, в результате которого была окончательно снята блокада с Ленинграда. 27 января 1944 года после 870 дней осады Ленинград был полностью деблокирован. Был освобожден также Новгород. Теперь линия фронта проходила в 150-280 км от Ленинграда.

На юго-западе весной 1944 г. была освобождена вся Украина западнее Днепра, включая Кривой Рог, Никополь, Николаев, Одессу. В апреле-мае был освобожден Крым. На юге советские войска вышли на государственную границу на фронте шириной в 400 км.

6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились на севере Франции, в Нормандии. Операция была искусно спланирована и выполнена американцами и англичанами.

Теперь Германия оказалась в тисках войны на два фронта.

10 июня советские войска начали второе наступление на Ленинградском фронте, заняли Выборг и вышли к советско-финской границе. 23 июня началось наступление трех советских фронтов на западном направлении. 3 июля был освобожден Минск и на следующий день советские войска пересекли старую польскую границу. В течение лета 1944 г. от немцев была очищена большая часть территории Прибалтики.

В июле-августе 1944 г. Красная армия вступила в Польшу и заняла примерно одну четвертую часть ее территории с населением в 5 млн. человек. Вместе с Красной армией пришли польские войска, сформированные в СССР.

В Люблине был создан, в противовес польскому правительству в изгнании, «Польский Комитет Национального Освобождения». Преимущество ПКНО заключалось в том, что он находился на территории Польши и пользовался полной военной и политической поддержкой Советского Союза. Польское же правительство в изгнании находилось вдали от Польши, в Лондоне, но оно пользовалось доверием подавляющего большинства населения страны.

В начале августа 1944 года премьер польского правительства в Лондоне Станислав Миколайчик выехал в Москву для переговоров со Сталиным, но эти переговоры не привели ни к какому соглашению. Сталину в Польше нужно было такое правительство, которое признало бы новую границу и безоговорочно подчинилось бы воле Москвы в ее политических устремлениях. Намерением же «лондонского» правительства было воссоздание независимой Польши с восточной границей к 17 сентября 1939 года, но выгодному для СССР решению польского вопроса способствовали Англия и США.

Предварительным условием советского решения польского вопроса было разоружение и ликвидация всех формирований Армии Крайовой, подчинявшихся польскому правительству в Лондоне.

В августе советские войска заняли предместье Варшавы Прагу на левом берегу Вислы. На противоположном берегу, всего в нескольких стах метрах, была польская столица. Советское наступление приостановилось, по более поздней официальной советской версии, из-за необходимости подтянуть тылы и перегруппировать войска после стремительного наступления.

Теперь «лондонское» правительство решило поднять в Варшаве восстание, чтобы освободить ее и утвердить свое влияние в столице до прихода советских войск.

1 августа 1944 г. части подпольной Армии Крайовой под командованием генерала Бур-Коморовского подняли восстание, к которому немедленно примкнула значительная часть варшавян. Польское командование в Варшаве рассчитывало, что советские войска окажут помощь восставшим. Существует версия, будто советский делегат капитан Калугин, посланный штабом командования фронтом, переправился в Варшаву и установил связь с польским командованием. Однако на его сообщение о возможности высадки десанта на другом берегу Вислы ответа не последовало. Судьба самого Калугина осталась неизвестной.

Английское и американское правительство обратилось к Сталину с просьбой помочь восставшим.¹⁰⁴ Сталин отказал, сославшись на то, что восстание было начато без предварительного согласования с советским командованием и является авантюрой, за которую отвечают лондонские поляки.¹⁰⁵

Восстание продолжалось два месяца. 2 октября восставшие капитулировали. По приказу Гитлера население Варшавы было эвакуировано, повстанцы разоружены и взяты в плен, а город почти полностью разрушен.

Варшавское восстание сыграло на руку политическим целям Сталина. Неудача восстания основательно подорвала политические позиции лондонского польского правительства. Очередная поездка Миколайчика в Москву в октябре, во время пребывания там Черчилля, снова не дала результатов. Черчилль многократно предостерегал Миколайчика, что не будет поддерживать его правительство, если оно не пойдет навстречу советским требованиям.¹⁰⁶ Президент Рузвельт практически устранился от вмешательства в польские дела, заявив, что признает приоритет английского и советского правительств в решении польского вопроса. Американский посол в Москве сообщил советскому правительству, что после окончания войны США признают новую польскую границу.¹⁰⁷

Между тем польские вооруженные силы, действующие под советским военным руководством, достигли 286 тысяч человек. 31 декабря 1944 года ПКНО был преобразован во Временное правительство Польши. СССР немедленно признал его.

24 ноября в Лондоне Миколайчик подал в отставку, и было создано новое польское правительство с Томашем Арцишевским во главе. Арцишевский, один из лидеров Польской Социалистической Партии, был противником каких-либо уступок Москве.

Такова была ситуация, когда Сталин, Рузвельт и Черчилль встретились вторично. Встреча была на этот раз на советской территории, в Ялте.

12. Ялта

Конференция глав правительств Великобритании, СССР и США в Ялте (Крымская конференция, 4-11 февраля 1945 года) происходила на заключительном этапе войны в Европе. К этому времени престиж СССР на Западе неизмеримо возрос по сравнению с 1941 годом. В январе 1945 г. Красная армия по просьбе Черчилля начала досрочно зимнее наступление для облегчения положения англо-американских союзников в Арденнах. В зените находилось советское военное производство. На его долю приходилось 51,3% всей валовой продукции промышленности.¹⁰⁸

Советская армия вступила на территорию Германии с востока. Союзники подошли к границам рейха на западе. Советские вооруженные силы находились уже не только в Польше, но и в Румынии, Венгрии и Болгарии.

Впервые за всё время коалиционной войны главы союзных правительств встретились на территории Советского Союза.

Президент Рузвельт был к тому времени умирающим человеком, силы его были на исходе. Главное, что теперь занимало президента была не Европа, а Дальний Восток. Рузвельт хотел быть абсолютно уверенным в том, что СССР примет участие в войне против Японии. Военные советники президента пришли к заключению, что война против Японии без участия Советского Союза продлится еще 18 месяцев, а высадка в Японии будет стоить жизни миллиону американских солдат, не говоря уже об огромных материальных затратах. Президент рассчитывал на Сталина. Для советского руководителя не стоило большого труда сделать приятное американскому президенту. Согласно условиям соглашения об участии СССР в

войне против Японии, Советский Союз получал обратно не только территории утраченные Россией в результате поражения в русско-японской войне 1904 года, но также и принадлежащие Японии Курильские острова.¹⁰⁹ Рузвельт был обрадован готовностью Сталина сотрудничать с правительством Чан Кай-ши, а не с китайскими коммунистами. Президент был также ободрен согласием Сталина на вступление СССР в Организацию Объединенных Наций на условиях предложенных США.¹¹⁰

И как было СССР не согласиться, если он получал в ООН сразу три голоса — Украинская ССР и Белорусская ССР становились независимыми членами Организации Объединенных Наций.

Существуют различные точки зрения относительно случившегося в Ялте. Многие критики политики Рузвельта утверждают, будто он сдал Советскому Союзу Европу, по крайней мере Восточную Европу. На самом деле Советский Союз уже держал в руках то, что он хотел и лишиться его этого можно было только применением силы. Дело же было в том, что Рузвельт, во-первых, надеялся на сотрудничество с СССР в послевоенном мире и, во-вторых, на участие его в разрешении проблемы войны на Дальнем Востоке. «Детали» урегулирования положения в Европе не очень занимали больного президента.

Союзники достигли согласованного решения по самому острому, польскому вопросу. Практически восторжествовала советская точка зрения. Черчилль, например, заявил: «После той трагедии, которую пережила Россия, когда она защищала себя от германской агрессии, после всех усилий, какие Россия приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на границу по линии Керзона основываются не на силе, но на праве».¹¹¹ Британский премьер был неправ в принципе. Народы не должны были платить территорией или ущемлением своего суверенитета за освобождение от немцев. Но Рузвельт поддержал Черчилля. Глава британского кабинета считал главной проблемой не территориальное устройство Польши, а социальный порядок, который установится в стране. Вот почему он оказывал нажим на лондонское польское правительство, советуя полякам в Лондоне поспешить и договориться со Сталиным пока не стало слишком поздно.¹¹² На Ял-

тинской конференции «линия Керзона» была признана восточной границей Польши. Она должна была получить приращение территории на севере и западе за счёт побежденной Германии. Точное определение западной границы откладывалось до мирной конференции. Руководители союзных правительств рекомендовали расширить состав уже существующего находящегося в Варшаве Временного правительства за счёт демократических лидеров как из самой Польши, так и из-за рубежа; после чего Временное правительство преобразуется в правительство национального единства. Это правительство обязано будет провести всеобщие выборы, в которых примут участие на равных основаниях все демократические и антинацистские партии.¹¹³

В конце марта 1945 г. советские военные власти при помощи обмана арестовали руководителей польской Армии Крайовой, заманив их к себе для переговоров; вывезли их в Москву и устроили над ними показательный процесс (так называемый «процесс шестнадцати», июнь 1945 года). Все, кроме одного обвиняемого, были приговорены к различным срокам заключения в советских лагерях, где трое из них погибли (в том числе главнокомандующий Армией Крайовой генерал Леон Окулицкий), четвертый был впоследствии передан властям Польской Народной Республики и умер в заключении.

В июне 1945 года было основано правительство национального единства, в котором прибывший к тому времени в Варшаву С. Миколайчик стал вице-премьером.

Исторический смысл спора вокруг будущих польских границ был правильно понят и раскрыт меньшевиками задолго до конференции в Ялте. В передовой статье заграничного органа партии говорилось, что на примере польских территорий «решается и предрешается участь будущего международного порядка. Будет ли установлен прецедент захватнической аннексии, или демократического мира? Выдержит ли самая крупная страна европейско-азиатского континента, претендующая на руководство международным рабочим движением, этим носителем идеалов будущего, экзамен не только силы — этот экзамен она выдержала, — но права и справедливости, по крайней мере в международных отношениях?

Вот проблема огромного значения».¹¹⁴ Этого экзамена, как

не раз, и не два продемонстрировала история, советская система выдержать не могла.

В отношении Германии союзники установили на Ялтинской конференции, что разгром ее будет доведен до конца, а затем она будет оккупирована войсками союзников и к ней будут применены принципы демилитаризации, денацификации и демократизации. Это означало ликвидацию германских вооруженных сил, разрушение военного потенциала, устранение нацистского влияния на жизнь в Германии и наказание военных преступников. Устанавливалось далее, что Германия будет обязана выплачивать союзникам репарации.¹¹⁵

В Ялте было провозглашено, что союзники не собираются уничтожить немецкий народ.¹¹⁶ Это было важное и своевременное заявление, так как гитлеровцы использовали требование союзников о безоговорочной капитуляции Германии для запугивания немцев угрозой гибели всего народа в случае победы англо-американо-советской коалиции держав.

Война фактически была уже Германией проиграна. Единственная надежда Гитлера основывалась на вероятности столкновения между СССР и его западными союзниками на финальном этапе войны.

20 июля 1944 года давно назревавший заговор против Гитлера разразился. Но бомба, взорванная в штабе Гитлера, не убила его. Заговор был беспощадно подавлен, а заговорщики казнены. Надежда офицеров-заговорщиков на то, что удастся договориться с союзниками после свержения Гитлера, была утрачена.

К осени 1944 года немцам удалось стабилизировать свои фронты в Восточной Пруссии, по Висле и в районе Варшавы. Советское наступление было здесь приостановлено до середины сентября.

К октябрю 1944 года вся территория СССР за исключением части Латвии была освобождена. Советские армии вступили в Европу. Румыния и Финляндия были выведены из войны. Советские войска после занятия Бухареста и Софии шли на Балканы.

Задолго до вступления Красной армии в Европу советские власти готовили кадры иностранных коммунистов для руководства новыми просоветскими режимами в странах Юго-Восточной Европы. Приход Красной армии делал неизбеж-

ным коренные социальные и политические преобразования в этих странах. Многие из будущих руководителей были в прошлом функционерами Коминтерна, другие участвовали в подпольном коммунистическом движении в этих странах во время войны. Советские руководители предпочитали проверенные коминтерновские кадры из тех, кто уцелел во время террора 30-х годов. Их сервильность была вне сомнений и подозрений. Повсюду проводилась одинаковая тактика: сначала объединение всех противников прежнего режима, включая и отдельных представителей старых правящих классов, затем постепенное отстранение от власти противников коммунистических партий, поглощение ими сочувствующих и расправа с колеблющимися. Последний этап — открытый захват власти коммунистами, опираясь на штыки вооруженных сил и тайной полиции. На первом этапе, широкие массы — рабочие, промышленные и сельскохозяйственные, частично крестьяне — поддерживали программу социальных преобразований, предложенную коммунистами, поскольку она сулила избавление от прежней разложившейся власти, ликвидацию эксплуатации капиталистами и помещиками, народовластие. Когда же выяснилось, что новая власть давит сильнее старой и что обещанное народовластие обернулось господством партийной бюрократии было уже поздно что-то изменить: коммунистические партии прочно удерживали власть.

В Бухаресте, на третий день после начала советского наступления, 23 августа, король Михай в сговоре с румынскими коммунистами арестовал диктатора Антонеску. На следующий день отряды коммунистов заняли все стратегически важные пункты в румынской столице. 31 августа советские танки вступили в Бухарест. Король Михай был награжден высшим советским боевым орденом «Победы». Спустя некоторое время ему пришлось бежать из Бухареста, так как советское руководство решило прекратить этот спектакль и передать власть в руки людей, которым оно доверяло.

В Болгарии дело пошло круто с самого начала вероятно потому, что революция была возглавлена коминтерновцами. 9 сентября власть была захвачена Отечественным фронтом, в котором коммунисты играли решающую роль. Несколько сотен старых политических деятелей, депутатов парламента были расстреляны, другие либо бежали, либо заявили о сво-

ей лояльности новой власти. В Софию возвратился бывший руководитель Коминтерна Георгий Димитров.

В Югославии власть фактически уже находилась в руках югославских коммунистов во главе с И. Броз-Тито. Это была единственная партия, которая с июля 1941 года вела постоянную вооруженную борьбу с оккупантами и создала огромную повстанческую армию. Окончательная победа была одержана при помощи Красной армии, участвовавшей во взятии Белграда.

По иному сложилось дело в Словакии, где 29 августа 1944 года вспыхнуло всенародное восстание в ответ на вступление немецких войск на ее территорию по приглашению словацкого марионеточного правительства Тисо. Восстание продолжалось до конца октября 1944 года и было подавлено. Советская армия не сумела преодолеть карпатские рубежи и помочь восставшим.

В начале октября 1944 года советские войска вступили на венгерскую территорию. Венгерский регент Хорти объявил о разрыве с Германией и просил державы антигитлеровской коалиции прекратить огонь. Однако Хорти был свергнут лидером венгерских фашистов Салаши. Война продолжалась и приняла затяжной характер. Несколько раз советские войска возобновляли наступление, обливались кровью, не достигая желаемого результата. Военные действия на территории Венгрии прекратились только после ухода немецких войск в Германию в марте 1945 года. Власть оказалась в руках коалиционного правительства, утвержденного Москвой. Спустя некоторое время союзники и попутчики коммунистов либо были устранены и вынуждены бежать из страны, либо фактически примкнули к венгерской коммунистической партии. Во главе государства оказался старый коминтерновец Матиас Ракоши, просидевший два десятилетия в венгерских тюрьмах. Его образ мышления застыл на уровне 20-х годов, когда он попал в тюрьму, и это сулило Венгрии большие невзгоды.

13. Капитуляция Германии

Новое советское наступление — Висло-Одерская операция — началась 12 января 1945 года. Для этой операции советское

командование сосредоточило на двух фронтах, 1-м Белорусском и 1-м Украинском, 45% сил действующей армии, 70% танков, 43% орудий и минометов и всю боевую авиацию. Советские вооруженные силы в целом превосходили к этому времени германские по людям в 2 раза, более чем в 3 раза по артиллерийским системам и танкам и более чем в 7 раз по боевым самолетам.¹¹⁷

12-17 января немецкая оборона была прорвана на широком фронте. К началу февраля советские войска захватили Силезский промышленный район, достигли Одера и установили предмостные укрепления на правом берегу реки. Немецкие вооруженные силы понесли значительные потери — 35 дивизий было уничтожено полностью, 25 — потеряли от 60 до 70% наличного состава.¹¹⁸ По советским данным немцы потеряли полмиллиона солдат убитыми, ранеными и захваченными в плен. Было взято также много артиллерии и самолетов.

Советские войска находились теперь в 80-160 километрах от Берлина.

На западе силы советских союзников остановили немецкое наступление и приводили себя в порядок, готовясь к наступлению в направлении Эльбы.

16 апреля 1945 года советские войска после тщательной подготовки перешли в наступление на Берлинском направлении. В наступлении принимали участие три фронта — 1-й Белорусский (командующий маршал Советского Союза Г. К. Жуков), 1-й Украинский (командующий маршал Советского Союза И. С. Конев) и 2-й Белорусский (командующий маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский).

Советские войска превосходили немецкие в людях в 2,5 раза, в орудиях и минометах — в 4,2 раза, в танках и самоходных орудиях в 4,1 раза, в самолетах — в 2,3 раза. Советская группировка насчитывала 2500 тысяч солдат и офицеров.¹¹⁹

Впервые в истории войны перед началом наступления были одновременно включены 150 мощных зенитных прожекторов, осветивших поле боя. 19 апреля советские войска прорвали одерский оборонительный пояс на глубину в 30 км. 21 апреля армии 1-го Белорусского фронта вышли к окраинам Берлина. К 25 апреля берлинская группировка немецких войск была расчленена и окружена. Началось сражение за столицу Германии.

На западе армии союзников под командованием генерала Д. Эйзенхауэра быстро продвигались на восток. 18 апреля союзники взяли в плен в Руре группировку немцев, насчитывавшую до 325 тыс. человек. Армии союзников двигались в трех направлениях — на северо-восток, на восток и юго-восток, занимая немецкие города. Многие немецкие части предпочитали сдаваться американцам и англичанам, но не советским войскам.

25 апреля американские войска встретились с советскими в районе Торгау на Эльбе.

26 апреля начался заключительный этап войны. 30 апреля застрелился Гитлер. 1 мая советские солдаты водрузили знамя Победы над Берлином. На следующий день борьба за германскую столицу окончилась. 7 мая советские войска вышли на широком фронте к Эльбе.

Согласно советским данным, в боях апреля — мая немцы потеряли 250 тыс. человек убитыми, около 480 тысяч попало в плен. Красная армия потеряла убитыми и ранеными около 300 тыс. человек.¹²⁰

8 мая в предместье Берлина Карлхорсте был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. От Советского Союза Акт подписал Г. К. Жуков.

Война в Европе, начавшаяся 1 сентября 1939 года, окончилась.

14. Вызов режиму

Среди наиболее сложных проблем истории СССР периода второй мировой войны, едва ли не самой сложной, к тому же еще запретной для советских историков, является сотрудничество с врагом советских граждан. Обычно в советских исследованиях и книгах повторяется несколько стереотипных фраз о предателе генерале Власове, перебежавшем на сторону немцев, и о возмездии, которое настигло его. Но дело было не только во Власове.

Остается фактом, что в военных формированиях вермахта находилось к концу войны более миллиона советских граждан различных национальностей, в том числе несколько сот тысяч русских. Среди них были люди различных судеб. Они сле-

ляли свой выбор по разным причинам. Многие согласились служить немцам, чтобы не погибнуть в немецких лагерях, где они были оставлены на произвол судьбы своим собственным, советским, правительством и, вероятно, лелеяли надежду перебежать при первой возможности на сторону Красной армии. Другие рассчитывали «отсидеться», пока не кончится война. Но были и такие, кто вступил в союз с нацистами добровольно, по своим политическим убеждениям, или просто из ненависти к советской власти, которая давила и угнетала их. Их союз с немцами был добровольно-вынужденным, так как они рассчитывали оставаться союзниками немцев лишь ради свержения сталинского режима и таким образом завоевать свое право на установление иной, не-советской, власти.

Один из них, участник войны на стороне Германии, писал впоследствии, что эти люди выявили свои антисоветские настроения в условиях оккупации. «Это были условия политической безопасности. Если бы вся Россия была оккупирована, то, по всей вероятности, почти вся страна показала бы себя антисоветской. Но те же люди под советской властью продолжали оставаться законопослушными и ничем не проявляли своей революционности, которая всегда требует большего волевого напряжения.

В начале войны уверенность в близком конце советской власти придавала мужество даже вполне пассивному элементу».¹²¹

У военнопленных были свои идеологи. Среди них Мелетий Александрович Зыков (вероятно псевдоним). Он утверждал, что с 1931 по 1935 год был помощником редактора газеты «Известия», был арестован, затем освобожден в марте 1942 года. Попав в плен, Зыков составил меморандум, в котором предлагал создать русское правительство и русскую армию во главе с пленным советским генералом. Такое правительство заключило бы с Германией оборонительный союз.

Другим идеологом стал бывший секретарь Ростокинского райкома ВКП(б) города Москвы, а затем член Военного Совета 24-й армии Георгий Николаевич Жиленков. Он был назначен немцами осенью 1942 года командиром русской так называемой «Экспериментальной части Центр» или «Осино-торфской бригады», использованной в боях против Красной армии. Вместе с бывшим командиром советской 41-й гвардей-

ской дивизии полковником Владимиром Боярским Жиленков написал ряд докладных записок, в которых призывал германское правительство образовать русский Национальный комитет, создать русскую армию в 50-80 тыс. человек и объявить освободительную войну против сталинского режима, обещая русскому народу независимое развитие в рамках «Нового порядка в Европе». Докладные были сдобрены изрядной порцией антисемитизма.¹²² С аналогичным меморандумом выступил в середине августа 1942 года бывший командир советского стрелкового корпуса полковник Михаил Шаповалов, попавший в плен под Майкопом. Очевидно обсуждение будущего Советского Союза шло довольно интенсивно в среде пленных офицеров. Возникали всевозможные направления и проекты, в том числе предлагалось создать «Комитет за претворение в жизнь Конституции 1936 года».

Но Гитлеру идея иметь союзником русских, славян, казалась чудовищной. Он категорически запретил вооружать кого бы то ни было на оккупированной территории. «Только немцам будет позволено носить оружие», — заявил он.¹²³

Некоторые немецкие командиры, далекие от нацистских теорий и исходя лишь из военной необходимости, уже с 1942 года явочным порядком использовали советских военнопленных как вспомогательный персонал — переводчики, шоферы, железнодорожные полицейские. Из не-немцев были сформированы даже вспомогательные войска. Затем, в связи с ростом партизанского движения, начали формировать русские антипартизанские части. На Брянщине, например, в уезде Локоть была сформирована 20-тысячная русская бригада для борьбы с русскими же партизанами. Она приняла название «Российская освободительная национальная армия» (РОНА), хотя ее функции были чисто полицейскими. Бригаду возглавлял инженер Бронислав Каминский, авантюрист, прославившийся своей жестокостью. Он пользовался абсолютным доверием немецких властей, и был фактическим хозяином района Локоть, получившем право на самоуправление. За свои заслуги в антипартизанских действиях Каминский был произведен немцами в бригадные генералы, а его «армия» превращена в эсэсовскую дивизию. Летом 1944 года дивизия была послана на усмирение восставших варшавян. За жестокости, учиненные его солдатами, Каминский был по приказу германского командующего расстрелян.¹²⁴

В июле 1941 года по инициативе начальника оперативного отдела штаба армейской группы «Центр» полковника фон Трескова (в будущем участника заговора против Гитлера в 1944 году) была создана русская бригада под командованием полковника Сахарова. В этой же группе армий была сформирована казачья часть во главе с бывшим майором Красной армии командиром полка Кононовым, членом ВКП(б) с 1927 года. Кононов перешел со своим полком на сторону немцев 22 августа 1941 года.

В конце декабря 1941 года с согласия Гитлера началось формирование военных частей (легионов) из советских военнопленных нерусских национальностей.¹²⁵ Были сформированы туркестанский, армяно-грузинский, азербайджанский, северокавказский, а осенью 1942 года легион волжских татар. Численность их была примерно следующей: всех кавказцев — 110 тысяч, туркестанцев (то есть выходцев из Средней Азии и Казахстана) от 110 до 170 тысяч, крымских татар — 20 тысяч, калмыков — 5 тысяч. Немцы составляли в легионах в среднем 15%.¹²⁶ Часть офицерского и сержантского состава была из бывших советских военнопленных. Они не имели права отдавать приказы немецким солдатам. Многие легионеры, и это очень важно, были военнопленными, а не перебежчиками. Боеспособность легионов была невысокой. Дезертирство составляло от 2,5 до 10%.

В 1943 году 70-80% легионов было отправлено на запад. Здесь легионы иногда связывались с местным движением Сопротивления и перебегали к ним.¹²⁷ Известны случаи открытого выступления против немцев, например, восстание в апреле 1944 года грузинского батальона на острове Тексель (Голландия). Вероятно, если бы советское правительство не отреклось от своих солдат, попавших в плен, если бы они не боялись преследований по возвращению в СССР, случаев открытого выступления против немцев, перебежек на сторону Красной армии, уходов в отряды местного Сопротивления было бы значительно больше. Но легионеры знали на своем собственном опыте, живя в СССР, мстительность советской власти. Все же в декабре 1944 года находившийся в Словакии туркестанский полк СС под командованием Г. Алимova перешел на сторону восставших словаков.

Но были и другие факты. Например, нацисты использовали

легионеров и казацкие части для борьбы с партизанами в Западной Европе и на Балканах, при подавлении Варшавского восстания 1944 года. При помощи части националов (население называло их «монголами») был учинен погром в г. Сан-Донат (департамент Дром, Франция).¹²⁸

Важно понять причины, по которым отдельные лица или группы населения шли на сотрудничество с немцами. Этими причинами были, как правило, притеснения советской власти, особенно жестокие при проведении коллективизации, во время которой пострадали миллионы людей; затем массовые репрессии и, наконец, шовинистическая политика советских властей в национальных районах. Не случайно поэтому, что сотрудничество с врагом, включая участие в военных формированиях, было среди нерусских национальностей относительно и абсолютно больше, чем среди русской.

Можно лишь гадать о том, какой оборот приняли бы события, если бы нацисты проводили не политику геноцида, репрессий, подавления национальных и просто человеческих чувств, а более умеренную, приемлемую для большинства населения, как русского, так и нерусского. Но такая политика была абсолютно исключена, ибо нацисты не были бы тогда нацистами, да и мировой войны вероятно не было бы. Гитлеровская Германия стремилась к порабощению и частичному истреблению народов Советского Союза, Польши, других восточноевропейских государств. И какие бы разногласия не происходили среди верхушки нацистских руководителей по чисто конъюнктурным соображениям, цель оставалась одна — превратить славянские народы в рабов германского народа, народа господ, увековечить господство нацистского рейха в Европе.

Поэтому у противников сталинской диктатуры в СССР практически не было иного выбора как бороться против безжалостного врага, вторгшегося в пределы их страны. И они это делали с тайной надеждой, что после победы жизнь переменится к лучшему.

После поражения немцев под Москвой среди немецких экспертов по советским делам и высокопоставленных немецких чиновников начало укрепляться мнение, что немецкая победа над СССР может быть обеспечена только, если на сторону Германии будут привлечены русские национальные антиста-

линские силы.¹²⁹ Но это полностью противоречило официальной гитлеровской доктрине «расы господ» и «недочеловеков».

Немецкие эксперты, руководившие психологической войной против СССР, считали, что, если удастся найти «русского де Голля», советского генерала, вокруг него сконцентрировались бы антисталинские силы в Красной армии. Начались поиски такого генерала в лагерях для военнопленных. В конце-концов он был найден: генерал-лейтенант А. А. Власов, бывший командующий 2-й Ударной армией, попавший в плен на Волховском фронте в июле 1942 года. Власов считался одним из наиболее способных советских генералов. В 1942 году ему исполнилось 42 года. В Красной армии он служил с 1919 года и был членом ВКП(б). И его крестьянское происхождение, и его служба в армии были безупречны. Командир 99-й стрелковой дивизии, признанной перед войной лучшей по боевой подготовке в Киевском Военном округе, командующий 37-й армией, защищавшей Киев, затем командующий 20-й армией в битве под Москвой, заместитель командующего Волховским фронтом, и наконец, командующий 2-й Ударной армией — таков был послужной список Власова.¹³⁰ Одно время Сталин даже хотел назначить его командующим Сталинградским фронтом.¹³¹ Власов пользовался высокой репутацией в армии также благодаря тому, что он трижды выводил свои войска из немецкого окружения и отличался личной храбростью.

Что заставило попавшего в плен Власова согласиться на предложение нацистов?

Судя по сохранившимся документам и свидетельствам современников, Власова толкнуло на этот путь глубокое разочарование в сталинском режиме. Власов был не только свидетелем всех предвоенных чисток в армии, он был одним из тех, кому на своих плечах пришлось вынести горечь поражений первого года Отечественной войны. Неспособность, жестокость и безответственность высшего руководства вызвали у него внутренний протест и этот давно, очевидно, назревавший разрыв со сталинской системой произошел в трагических условиях плена. Власов ввязался в игру с немцами, рассчитывая стать независимым командиром независимой, но союзной Германии национальной русской армии. Его политическая наивность не может не вызвать удивления. С самого начала он совершил роковую ошибку: только гибель ожидала Россию

при победе Гитлера. Надежды на помощь Германии против Сталина были ни на чем не основаны: Гитлер вел войну не лично против Сталина и не только против большевизма, а против национального существования России.

В одной коалиции с СССР были западные демократические государства — США и Великобритания, силы Свободной Франции и движения Сопротивления в Европе, так как гитлеровская Германия представляла смертельную опасность для всех.

На стороне Власова были симпатии некоторых офицеров вермахта, которым было поручено использовать его имя и его самого в пропагандистских целях. Эти офицеры прилагали много усилий для того, чтобы поддержать Власова как руководителя самостоятельного антисталинского движения. Хотя Власов, вероятно, серьезно надеялся использовать свой «союз» с немцами для борьбы против Сталина, они никогда не относились к нему как к союзнику. Он был бывшим советским генералом, он был русским и, на свой манер, русским патриотом. Но именно это и внушало нацистам глубокое недоверие к нему. Для них он мог быть лишь орудием для реализации их собственных планов. Только необходимость войны заставила немцев разрешить формирование Русской Освободительной Армии, точно также как и национальных легионов. Нацисты не доверяли ни тем, ни другим. Они использовали отдельные русские формирования для борьбы против партизан на оккупированной территории СССР и против движения Сопротивления на западе, но они боялись, как правило, использовать эти формирования против Красной армии, опасаясь, что начнется переход на ее сторону.

Читал ли Власов «Майн Кампф» или знал лишь понаслышке, зверское обращение немцев с советскими военнопленными и с «восточными рабочими» («остовцами») должно было посеять в нем сомнение относительно моральной возможности быть в одной упряжке с расистами-гитлеровцами. Правда, Сталина такого рода соображения не остановили, когда он подписал в 1939 году пакт с Гитлером, а позднее согласился сотрудничать с ним для совместной борьбы против польского движения Сопротивления. Был еще один исторический пример: во время первой мировой войны большевики выступали за поражение России в войне против Германии и за превращение империалистической войны в войну гражданскую. При этом

они пользовались финансовой поддержкой германского генерального штаба. Но, коль скоро Власов решился на борьбу против режима Сталина, то выбор союзника для борьбы имел не меньшее значение, чем сама борьба. У Власова же на самом деле не было возможности выбора. Не он выбирал, а его выбрали среди нескольких десятков советских генералов, попавших в плен, немецкие офицеры озабоченные исходом войны. Делали они это на собственный страх и риск в надежде, что нацистская верхушка поймет целесообразность использования русской армии для сокрушения сталинского режима.

Уже в первой листовке, написанной немецкими специалистами по пропаганде и подписанной Власовым 10 сентября 1942 года в лагере для военнопленных в Виннице, он, обращаясь с призывом к интеллигенции объединиться против сталинской клики, позволил использовать себя в интересах немецкой пропаганды. Вопреки фактам он утверждал, что расстрелы и жестокости, проявленные немцами по отношению к советским военнопленным, это «лживая пропаганда». В своем «Открытом письме» он призывал к союзу с Германией. Но это обращение было введением в заблуждение — Германия и не помышляла о союзе с Власовым. Но и сам Власов был поначалу введен в заблуждение приставленными к нему немецкими офицерами.

В конце декабря 1942 года немцы разрешили и помогли создать так называемый Русский Национальный Комитет. Но немцы скрыли, что им это нужно в чисто пропагандных целях. Из нескольких десятков плененных советских генералов в Комитете согласились участвовать лишь несколько человек. Среди них генерал-майор В. Ф. Малышкин, бывший начальник штаба 19-й армии, взятый в плен под Вязьмой, генерал-майор Р. Ф. Благовещенский, командующий одной из частей береговой артиллерии, генерал-майор Ф. И. Трухин, бывший начальник оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа. Пропагандным отделом ведал М. А. Зыков, а внешними сношениями — Г. Н. Жиленков.

Русский Национальный Комитет опубликовал 27 декабря 1942 года свою программу, так называемый Смоленский манифест, состоявший из 13 пунктов.¹³² Наиболее важными из них были: ликвидация колхозов и передача земли крестьянам; восстановление частной торговли и ремесла; ликвидация принуди-

тельного труда; свобода религиозного вероисповедания, слова, собраний; освобождение политических заключенных. Манифест призывал солдат и офицеров Красной армии присоединиться к РОА, «которая борется плечом к плечу с немцами». В Манифесте также говорилось о Германии, которая под водительством Адольфа Гитлера стремится к созданию Нового порядка в Европе без большевиков и капиталистов. Хотя манифест назывался «Смоленским», он был составлен в Берлине.¹³³ Вскоре Власову было разрешено выступить в ряде городов оккупированной территории. В Могилеве Власов потребовал в публичном выступлении, чтобы немцы заявили о своих планах в отношении России. Он сказал также: «Русский народ жил, живет и будет жить. Никогда не удастся превратить его в колониальный народ». Гитлер запретил Власову появляться на оккупированной советской территории. Движение Власова было объявлено директивой Гитлера чисто пропагандистским оружием немцев.

«Восточные войска» в своем подавляющем большинстве были отправлены на запад.

О глубоком разочаровании Власова и его ближайших сотрудников немецкой политикой свидетельствуют их выступления. Генерал В. Ф. Малышкин, выступая в Париже в зале Ваграм перед 5-тысячной аудиторией русских эмигрантов, жаловался: «Немецкому командованию не удалось убедить русских людей, что немецкая армия воюет только против большевизма, а не против русского народа». Малышкин призывал немцев изменить свою политику. «Никогда Россия рабской страной не была, — заявил Малышкин, — она никогда не была колонией и не будет. Россия может быть побеждена только Россией».¹³⁴ Эта фраза, заимствованная из пьесы Фридриха Шиллера «Димитрий», стала как бы лейтмотивом всей власовской пропаганды.

Летом 1944 года, незадолго до неудачного заговора против Гитлера, Гиммлер, один из главных врагов РОА в прошлом, заинтересовался возможностью использования власовского движения в интересах терпящей поражение Германии. 16 сентября 1944 года Гиммлер принял Власова. В результате, идея русского политического движения, выступающего рука об руку с немцами против сталинского режима, ожила. Было решено создать Комитет освобождения народов России (КОНР). Вла-

сову поручалось объединить вокруг комитета все другие уже существовавшие под эгидой немцев национальные комитеты. Гиммлер обещал Власову, что, как только германская армия вновь отвоюет советские территории, КОНР будет признан в качестве Временного правительства. Гиммлер мог обещать с легкостью все, что угодно. Для него было важно, ввиду ужасающих потерь, понесенных Германией, двинуть на фронт против Красной армии новые военные формирования — русские, тюркские, какие угодно, все равно, лишь бы сражались за рейх. На худой конец КОНР можно было использовать как орудие германской пропаганды. КОНР контролировался аппаратом Гиммлера, то есть германской тайной полицией. Одним из ее актов было похищение в июне 1944 года и ликвидация идеолога власовского движения М. Зыкова.

14 ноября 1944 года КОНР собрался в Праге и принял так называемый Пражский манифест. В нем ставилось целью: «свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года». Среди других целей фигурировали прекращение войны и заключение почетного мира с Германией. Будущее устройство представлялось как свободная народная государственность «без большевиков и эксплуататоров».¹³⁵

В программе КОНР странным образом сочеталось признание необходимости и законности революции 1917 года и осуждалась измена большевиков идеалам революции. Такая позиция была привлекательна для многих русских (и советских) интеллигентов, стоящих на позициях социализма, но без крайностей сталинской диктатуры. Будущее социально-политическое устройство России представлялось авторам Пражского манифеста как сильная государственная власть (национально-трудовой строй), которая осуществляет задачи, типичные для государства всеобщего благоденствия — социальная справедливость, равноправие, гарантированный жизненный уровень. Специфическим для Советского Союза было требование ликвидации колхозов и развитие частной инициативы.

Известный русский публицист и один из лидеров меньшевиков Борис Николаевский полагал, что важнейшей особенностью власовского движения было не формирование армии для ведения вооруженной борьбы против диктатуры Сталина,

а попытка создания антибольшевистского движения на базе демократической программы, — «и притом программы не узко-националистской и не сепаратистской, а федералистической, обще-русской». ¹³⁶

Власовское движение было явлением очень сложным, возникшим в исключительно неблагоприятных исторических обстоятельствах, и это наложило на него неизгладимый отпечаток.

Сложность времени нашла свое выражение в документах движения, в выступлениях его руководителей и прочее. Решившись стать союзниками нацистов, они вынуждены были придерживаться определенных правил, платить политическую дань гитлеризму. Но, вероятно, однако, не только этим объясняются антисемитские высказывания ряда видных власовцев, например, Жиленкова и Малышкина. ¹³⁷ В программе школ пропагандистов РОА имелся специальный антисемитский раздел, слово в слово повторяющий зады нацистской пропаганды. ¹³⁸ В то же время при составлении Пражского манифеста Власов и другие оказались достаточно твердыми, чтобы противостоять требованиям немцев включить в документ антисемитские лозунги. ¹³⁹ Кажется, можно согласиться с тем, что призыв КОНР покончить с «преступной войной», которую ведет СССР и плутократы Англии и США, то есть прекратить войну против Германии, был обычным перепевом германской пропаганды. Существует мнение, что без такого упоминания появление Манифеста было бы просто невозможно. ¹⁴⁰

Можно ли считать А. А. Власова руководителем антисталинской оппозиции, главой политического движения?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Вероятно, сам Власов, плененные немцами советские генералы, примкнувшие к Власову, большинство его ближайших сотрудников были убежденными антисталинистами. В пользу такого толкования говорит тот факт, что находившиеся в немецком плену советские генералы могли сделать свой свободный выбор. Генералу М. Ф. Лукину, бывшему командующему 19-й армией, было предложено немцами возглавить будущую «русскую армию». Лукин в ответ предъявил такие контртребования, которые были для нацистов заведомо непригодными, и от него отстали. Он благополучно пережил войну. Но генерал

Карбышев, отказавшийся от сотрудничества с немцами, был заживо заморожен в Маутхаузене...

Трудно, однако, отделаться от впечатления, что программа социальных преобразований камуфлирует важнейший факт для времени, когда она была составлена: Власов не имел возможности оторваться от немцев, которые надеялись использовать его, РОА и КОНР исключительно в германских интересах, независимо от намерений Власова и его штаба.

Власов понимал, что время упущено и война Германией проиграна. Но в нем жила наивная надежда, подогреваемая «солидаристами» (НТС), что неизбежно столкновение между СССР и его западными союзниками. Впрочем, эти иллюзии разделялись и поддерживались всей нацистской верхушкой. Власов рассчитывал, что ему удастся договориться с США и Англией. Но и эта надежда не осуществилась.

В конце января 1945 года были сформированы «Вооруженные силы КОНР». Полномочия главнокомандующего этими силами были переданы Гитлером Власову. Ему не удалось собрать под свои знамена все «Восточные войска» и другие формирования, в которых участвовали советские граждане и эмигранты (около 1 млн. человек). Сколько было людей во власовской армии? Мнения на этот счет расходятся, но вероятно не больше 50-60 тысяч человек. Во всяком случае, 1-я дивизия насчитывала к концу апреля 1945 года 20 тыс. человек, а всего было сформировано неполных две дивизии плюс вспомогательные части.

Состав дивизий был довольно разношерстным. В 1-й дивизии было, согласно утверждению американского исследователя (власовцы это отрицают), некоторое число карателей из «бригады Каминского», принимавшей участие в расправе над варшавскими повстанцами, и эсэсовцев из белорусских частей дивизии Зиглинга, прежде воевавших против союзников на западе.¹⁴¹

Большинство же военнослужащих составляли солдаты «восточных войск», «остовцы», советские военнопленные и беженцы из Советского Союза. Во 2-й дивизии, которая едва начала формироваться, были «восточные батальоны» из Норвегии, советские военнопленные и «остовцы».

Среди солдат РОА было какое-то количество людей, совершивших военные преступления, но было бы неправильно

оголом распространять это на всю власовскую армию.

Власовское командование прилагало много усилий, чтобы пополнить свою армию добровольцами из числа «остовцев». Но это было не так-то просто. Полковник РОА Ю. Корейский, выехавший в г. Сосновцы (Верхняя Силезия) на торжественное собрание, посвященное обнародованию Пражского манифеста, писал позднее: «Мимо нас проходили остовцы — босые, грязные, со слезами на глазах. Полковник Кромиади не выдержал — заплакал. Узники немцев — наши дети и братья — шли молча, с явным отвращением бросая иногда взгляды в нашу сторону. Какая-то девица бросила: «Изменники!» ...Пленные и остовцы пополняли польские партизанские отряды и организовывали свои, причем дрались как никто. Другого выбора у них не было: победа или смерть».¹⁴²

Мало, кто знал тогда, да и сейчас в Советском Союзе немногие представляют себе масштабы вооруженного сотрудничества с немцами советских граждан.

В 1945 году было не до того. Настроение народа решительно переменялось от отчаяния 1941 года до обретения уверенности в конечной победе на рубеже 1943 года и до гордости от разгрома ненавистного для него врага в конце 1944 и в 1945 годах. Многие семьи потеряли своих близких во время войны и потому те, кто сотрудничал с немцами, считались изменниками и были прокляты. А если кто и задумывался, откуда власовцы взялись и почему изменили, то предпочитали держать свои мысли при себе. Только после амнистии 1955 года, когда уцелевшие власовцы начали возвращаться домой, взгляд на них как на предателей начал смягчаться, и в литературных произведениях стали вспоминать солдат, имевших несчастье попасть в плен, а среди них и власовцев.

После появления первого тома «Архипелаг ГУЛаг» А. И. Солженицына в кругах советской интеллигенции возникла полемика, как относиться к Власову. Споры продолжаются и по сей день.

* * *

Истории все же было угодно, чтобы власовские части приняли участие в войне, но не на стороне нацистов, а против них.

Силой обстоятельств войны 1-я дивизия РОА под командованием генерала Буняченко, с присоединившейся к ней частью полковника Сахарова, всего 20 тысяч человек, покинула Германию и 28 апреля появилась в Чехословакии. Буняченко отказался примкнуть к немецкой группировке Шёрнера. Он хотел сохранить свою дивизию для какого-то неясного будущего. Дивизия расквартировалась в 50 километрах от Праги. Вместе с дивизией был генерал Власов. В Чехословакию к этому времени уже вступили советские и американские войска, но в Праге стояли части СС. Чешский Национальный Совет, рассчитывая на подход союзников и не имея представления о том, что по соглашению между ними в Прагу должны были войти советские войска, а американские остаться на линии разграничения к западу от Праги, призвал население Праги к вооруженному выступлению. 5 мая эсэсовские части уже во всю громили восставших пражан. Чешский Национальный Совет, не получая ни от кого помощи, обратился к Буняченко. Утром 7 мая дивизия Буняченко разгромила эсэсовцев в жестоких боях. Но затем чехи предложили Буняченко либо дождаться прихода Красной армии и сдать ей, либо покинуть Прагу. Буняченко предпочел последнее: дивизия начала марш, чтобы сдать американским войскам. Можно согласиться с мнением американского автора, что, прими участие в борьбе против немцев дивизия Буняченко или нет, Прага все равно была бы освобождена в течение ближайших дней.¹⁴³ Но, следует добавить, ценой разрушения города эсэсовцами и гибелью тысяч пражан.

К концу войны Власов и его окружение все более уповали на конфликт, который должен был вот-вот возникнуть между западными союзниками и СССР. Вот почему командир 1-й дивизии РОА Буняченко старался избежать выступления дивизии на стороне немцев, надеясь, что она понадобится союзникам для войны против сталинского режима. 2-я дивизия также находилась в движении и не участвовала в боях на стороне немцев. Восстание в Праге было неожиданным шансом смыть пятно сотрудничества с нацистами, и Буняченко им воспользовался.

Очень скоро американцы вынудили власовские части сложить оружие. Частично они были разоружены американцами, частично советскими войсками. Некоторым частям власовцев

удалось, благодаря содействию местных командиров американской армии, рассеяться и скрыться на Западе.

Власов и другие были выданы американцами советскому командованию. 6 августа 1946 года «Правда» сообщила о приговоре коллегии Верховного суда СССР по делу А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. Л. Трухина, Д. Е. Закутного, Р. Ф. Благовещенского, М. А. Меандрова, Г. А. Зверева, В. Д. Корбукова и Н. С. Шатова. Обвинение было стереотипным — агенты немецкой разведки, активная шпионско-диверсионная и террористическая деятельность против Советского Союза. В сообщении «Правды» указывалось, что все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.¹⁴⁴ Однако, по слухам, по крайней мере один из обвиняемых, генерал-майор Трухин, себя виновным не признал, заявив, что он был и остается убежденным антисталинистом. Поэтому проверить достоверность сообщения «Правды» невозможно, точно так же, как невозможно установить, был ли действительно суд или обвиняемым после окончания допросов просто зачли приговор. Ведь так бывало, и не раз.

Все обвиняемые были повешены. Не помогло Буняченко избавление Праги от немцев. Скорее даже повредило, ибо он лишил Красную армию лавров освободительницы Праги. Впрочем, эта страница истории была тут же переписана — во всех книгах и учебниках — советских, чешских и др. восточноевропейских стран говорится, что Прага была освобождена советскими войсками 9 мая 1945 г.

15. Потсдам

Через два с половиной месяца после окончания войны в Европе, 17 июля 1945 г., в предместье германской столицы, в Потсдаме, открылась последняя конференция руководителей правительств Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В апреле умер президент Ф. Д. Рузвельт и его сменил вице-президент Г. Трумен. Во время Потсдамской конференции произошли изменения и в английском правительстве. На всеобщих выборах, происходивших в конце июля во время работ конференции в Потсдаме, победу одержали лейбористы. Черчилля заменил на конференции новый бри-

танский премьер, лидер лейбористской партии, К. Эттли. Вместе с ним появился и новый министр иностранных дел Бевин. Таким образом только Сталин представлял теперь «большую тройку» времен войны. Это давало ему определенные моральные и фактические преимущества во время дискуссий. Но решало дело то, что в ходе войны СССР стал главной силой в разгроме нацистской Германии. Советские войска стояли в Европе. Советские вооруженные силы насчитывали к концу войны 11 млн. чел.

Союзники были единодушны в необходимости ликвидировать германские вооруженные силы, нацистскую партию, военный потенциал Германии. Принципы политики по отношению к побежденной Германии гласили: демилитаризация, декартелизация, денацификация, демократизация. Берлин, подобно всей Германии, был также разделен на зоны оккупации.

К моменту конференции Советский Союз уже полностью передал под польское управление так называемые западные земли, ранее являвшиеся частью Германии. После некоторой борьбы восторжествовала советская точка зрения. Англии и США ничего не оставалось как признать свершившийся факт. Отныне западная граница Польши проходила по линии к востоку от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и вдоль рек Одер и Нейсе вплоть до границы с Чехословакией. Город Кёнигсберг и прилегающий к нему район, как то было договорено еще в Тегеране, передавался Советскому Союзу. В Потсдаме было решено подготовить мирные договора с бывшими германскими сателлитами — Финляндией, Болгарией, Румынией, Венгрией и Италией. Для подготовки проектов мирных договоров, в том числе и мирного договора с Германией, был создан Совет министров иностранных дел, действующий на постоянной основе. В СМИД входили министры иностранных дел Великобритании, Китая, Советского Союза, Франции и США.

В Потсдаме Советский Союз подтвердил свое обещание объявить войну Японии.¹⁴⁵

Потсдам был не только итогом войны в Европе, он стал также и началом новой эпохи в истории человечества, началом атомной эры.

Накануне открытия Потсдамской конференции были проведены испытания атомной бомбы, изготовленной по амери-

канскому проекту. И Черчилль, и Трумен были в восторге. Британский премьер, по свидетельству английского фельдмаршала Аланбрука, «уже видел себя способным уничтожить все центры русской промышленности и населения... Он немедленно нарисовал чудесную картину самого себя как единственного обладателя этих бомб, сбрасывающего их там, где он пожелает, и потому всемогущего и диктующего Сталину!»¹⁴⁶ И Трумен, и Черчилль были удивлены безразличию, с которым Сталин отнесся к сообщению о взрыве атомной бомбы. Казалось, что он или не понял, или недооценил всей важности случившегося.

На самом деле Сталин прекрасно отдавал себе отчет в том, что произошло, но был достаточно умен, чтобы не выдать своих чувств.

...За два года до взрыва атомной бомбы в Нью-Мексико, в Советском Союзе началось научное исследование термоядерной реакции, проводимое группой советских ученых.

В конце 1942 года один из наиболее способных советских физиков Георгий Флеров, сделавший вместе с другим советским физиком Петржаком важное открытие о стихийном распаде плутония, обратился с письмом к «отцу» советской атомной физики академику Абраму Иоффе и к Государственному Комитету Обороны, приглашая их немедленно обратить внимание на проблему получения атомной энергии и создания атомного оружия. Примерно в это же время другой советский физик Курчатов был вызван в Москву для беседы с теми, кто должен был дать рекомендации по атомному проекту ЦК ВКП(б). Такие рекомендации были даны, было создано специальное бюро под руководством Курчатова. Но только после возвращения Сталина из Потсдама атомному проекту было уделено специальное внимание. Ответственным за проект был сделан руководитель госбезопасности Берия, были отпущены грандиозные ассигнования для создания атомной бомбы. Советская разведка за рубежом получила задание работать по овладению атомными секретами. И ей многого удалось достичь.

В декабре 1946 года был построен первый советский атомный реактор.

Очень интересно на этом примере убедиться, как «работает» история, как события в одной области вызывают незамедлительную реакцию в другой. В своей первой послевоенной

программной речи перед избирателями 9 февраля 1946 года Сталин подчеркнул, что необходимо стимулировать исследования в области науки.¹⁴⁷ Очень скоро была повышена заработная плата ученым (примерно в 2-3 раза), для них начали строиться жилища, они получили лучшее медицинское обслуживание, чем остальная часть населения. Верхушка научного мира стала в эти годы интегральной частью советской высшей бюрократии.

В апреле 1941 года Советский Союз подписал с Японией договор о нейтралитете, который сослужил Советскому Союзу хорошую службу в первые два тяжелых года войны с Германией. Благодаря этому договору, советское командование могло пойти на риск переброски с Дальнего Востока на запад значительных воинских контингентов. 40 дивизий, дислоцированных на Дальнем Востоке, были на самом деле далеко не полного состава. Из многих дивизий были выведены на запад целые полки, оставались лишь номера полков для камуфляжа, введения в заблуждение командования японской Квантунской армии.

В начале 1942 года Япония окончательно отказалась от планов войны против СССР. После капитуляции Германии японское правительство несколько раз пыталось побудить СССР выступить в качестве посредника для прекращения войны между Японией и США и Англией. Одна из целей этих попыток заключалась в предотвращении военного выступления СССР против Японии. Во время Потсдамской конференции японское правительство предложило послать в Москву принца Коноэ для переговоров.

Сталин, сообщая Трумену и Черчиллю о японском предложении, разъяснил, что оно не содержит готовности к безоговорочной капитуляции, на чем настаивали союзники. Поэтому советское правительство ответило, что оно не может дать определенный ответ на запрос, сделанный в общей форме и не содержащий конкретных предложений.

В Потсдаме президент Трумен формально пригласил советское правительство порвать пакт о нейтралитете с Японией и выступить против нее, ссылаясь при этом на обязательства СССР как члена Объединенных Наций. И Трумен, и Сталин игнорировали тот факт, что Устав ООН к тому времени еще не был ратифицирован. СССР ратифицировал Устав ООН

20 августа 1945 года, через 11 дней после объявления им войны Японии.

Но все это были чисто юридические уловки. Немедленно после окончания войны с Германией началась спешная переброска на Дальний Восток четырех советских армий с запада. На Дальний Восток был направлен представитель Ставки маршал Василевский и для руководства операциями маршалы Малиновский и Мерецков. Для Сталина вопрос о войне против Японии был решен давным-давно. Эта проблема имела несколько аспектов. В военном плане выступление на Дальнем Востоке и разгром квантунской группировки отдавал в руки Советского Союза обширные области Маньчжурии и позволял создать выдвинутые на юго-восток от советских границ опорные пункты. Советский Союз в условиях продолжающейся гражданской войны в Китае становился влиятельной силой на азиатском континенте, способным воздействовать на положение дел в Китае, Индокитае и Корее. Кроме того, для Сталина, несомненно мечтавшего о лаврах собирателя русских имперских земель, разгром японских сил на Дальнем Востоке был как бы реваншем за поражение царской России в 1904 году. Участие в войне против Японии давало Советскому Союзу юридическое и моральное право участвовать в решении тихоокеанских дел.

Советское командование сосредоточило на Дальнем Востоке к концу июля 1500 тыс. военнослужащих (против 1040 тысяч), 26 тыс. орудий (против 5360), 5500 танков (против 1155), 3900 самолетов (против 1800).¹⁴⁸ Превосходство в силах было огромным. Советское руководство рассчитывало сломить сопротивление японцев в короткий срок, до капитуляции Японии перед Соединенными Штатами Америки.

6 августа США сбросили первую атомную бомбу над Хиросимой. Япония предложила капитуляцию при условии, что права императора будут уважаться. Союзники, требовавшие безоговорочной капитуляции, сбросили 9 августа вторую атомную бомбу над Нагасаки. Когда ужасающие результаты взрыва первой атомной бомбы стали известны в Москве, советское правительство решило, «чтобы не опоздать к обеду», выступить против Японии. 8 августа было сделано по этому поводу официальное заявление и утром 9 августа наступление советских вооруженных сил в Маньчжурии началось.

14 августа Япония, ошеломленная атомными атаками, решила капитулировать. Позднее советская официальная историография утверждала, что капитуляция произошла из-за наступления советских вооруженных сил в Маньчжурии. На самом же деле военные действия в Маньчжурии продолжались до 19 августа, то есть еще пять дней после безоговорочной капитуляции Японии, когда в штаб-квартире маршала Василевского командующий Квантунской армией генерал Ямада подписал акт о капитуляции. Однако советские войска продолжали наступление, стараясь захватить как можно больше территории и овладеть всеми ключевыми пунктами Маньчжурии. Войска 1-го Дальневосточного фронта вступили в Корею и дошли до 38 параллели — договоренной с США линии разграничения советских и американских вооруженных сил.

20 августа войска Забайкальского фронта заняли Порт-Артур, а также вышли к морю между Пекином и Мукденом. Войска 2-го Дальневосточного фронта заняли Южную часть Сахалина и Курильские острова.

23 августа война на Дальнем Востоке окончилась. Согласно советским данным, японские вооруженные силы потеряли около 84 тыс. убитыми (по неофициальным японским данным, потери были в четыре раза меньше — 21 тысяча убитыми). Около 600 тыс. японских военнослужащих было взято в плен, включая 148 японских генералов. Потери Красной армии, по официальным советским данным, были незначительными: 32 тысячи убитыми и ранеными.¹⁴⁹

14 августа, в день капитуляции Японии, но в разгар советского наступления в Маньчжурии, был подписан советско-китайский договор о дружбе и союзе и ряд дополнительных соглашений. Одно из них превращало Порт-Артур в военноморскую базу СССР, хотя формально гражданская администрация в этом районе оставалась китайской. Порт Дальний (Дайрен) становился свободным портом со специальной зоной для советских пристаней и складов. Было также подписано соглашение о совместной эксплуатации Китайской Чанчуньской железной дороги. Все соглашения были заключены сроком на 30 лет. Китай особым Соглашением согласился признать независимость Монгольской Народной республики после плебисцита, который там будет проведен.¹⁵⁰ Таким образом

СССР в максимальной степени реализовал свои военно-политические цели на Дальнем Востоке.

2 сентября верховный главнокомандующий вооруженными силами союзников на Тихоокеанском театре генерал Д. Макартур принял формальную капитуляцию Японии на борту американского авианосца «Миссури».

3 сентября был объявлен официальным праздником — днем победы над Японией.

Вторая мировая война окончилась.

16. Итоги

Ситуация в мире изменилась с окончанием войны радикально. Миллионы солдат союзников наводнили Европу. Началась демобилизация, и тысячи солдат возвращались домой. То были счастливые дни воссоединения с семьями: время радости и время печали. Время горя и воспоминаний. Время надежд и время возрождения. Время дать жизнь новым поколениям. В Советском Союзе едва ли не было семьи, не потерявшей кого-нибудь на войне.

Среди всех участников второй мировой войны наиболее тяжелые потери понес Советский Союз. Существуют различные данные о потерях населения СССР. Считается, по советским данным, что погибло 10 миллионов солдат и столько же мирных жителей, то есть всего 20 миллионов.¹⁵¹ В 1973 году было внесено уточнение в цифру потерь по РСФСР, УССР, БССР, Карело-Финской ССР. Под рубрикой «убито и замучено» значится мирных граждан — 6 844 531 и военнопленных — 3932256.¹⁵² Каковы были потери по другим республикам — Закавказья, Казахстана и Средней Азии — остается неясным.

Данные, приводимые в западной историографии, несколько иные: 13600 тысяч убитых советских солдат и 7700 тыс. погибло гражданского населения, то есть в целом потери равны 21300 тысячам или 11% населения Советского Союза на 1941 год.

Германия потеряла в шестилетней войне (1939—1945) убитыми 3250 тыс. солдат и 3810 тыс. гражданского населения, то есть в три раза меньше, чем Советский Союз.

Великобритания, включая Содружество, потеряла в шестилетней войне (1939—1945) убитыми 452 тыс. солдат и 60 тыс.

гражданского населения, то есть в 42 раза меньше, чем Советский Союз.

Соединенные Штаты Америки потеряли убитыми в четырехлетней войне (1941—1945) 295 тысяч солдат, в 72 раза меньше, чем Советский Союз.

Большой урон в населении понесла Польша: 5300 тысяч (большинство из них евреи), уничтоженные в нацистских лагерях смерти, и 120 тыс. солдат. Потери Польши равнялись 20% ее предвоенного населения.

1300 тыс. гражданских лиц и 300 тыс. солдат потеряла Югославия.

Страны антигитлеровской коалиции потеряли в общей сложности убитыми 18587 тыс. солдат и 25140 тыс. гражданского населения, а всего 43997 тысяч.

Страны фашистского блока, затеявшие войну, потеряли в четыре раза меньше людей — военнослужащих 5930 тысяч и гражданских лиц 5087 тысяч, всего 11017 тыс. человек.

Общие потери человечества во второй мировой войне составили 55014 тыс. людей. Это было в 6,4 раза больше, чем во время первой мировой войны (8634 тысяч).¹⁵³

Многие европейские страны были разорены военными действиями.

Чем объяснить, что потери Советского Союза составляли около 38% от всех потерь во время второй мировой войны?

Прежде всего тем, что война велась на территории Советского Союза в течение 3,5 лет. Нацисты вели тотальную войну на физическое истребление русского и других народов, населяющих Советский Союз. Многие погибли не только в результате прямых военных действий, но были уничтожены нацистами во время массовых экзекуций населения, в лагерях для военнопленных, в лагерях уничтожения. Неслыханные потери советского народа в 1941—1942 годах были также результатом преступного небрежения советского руководства — Сталина лично, членов высших партийных органов — Политбюро и ЦК ВКП(б), членов правительства — к подготовке отпора гитлеровской Германии. Крайне отрицательную роль сыграла политика сговора с гитлеровской Германией, которую советское руководство проводило в 1939—1941 годах. В результате гибели во время террора 30-х годов почти всех высших офицерских кадров, армия оказалась в руках командиров,

чьи звания и военный опыт восходили к временам первой мировой и гражданской войн, либо в руках поспешно выдвинутых малоопытных командиров.

На протяжении всех лет существования советской власти, несмотря на официальные заявления, что самый ценный капитал — это люди, жизнь человеческая в СССР не стоила ни гроша. Еще до войны миллионы людей умерли с голоду во время коллективизации, другие миллионы были обездолены, сосланы в лагеря, на принудительные трудовые работы. Они мерли от голода и холода, их расстреливали, а те, кто выживал, превращались в инвалидов.

Военное командование часто думало не о том, как выиграть сражение, не неся при этом ненужных жертв, а как выиграть бой, не считаясь ни с какими жертвами. История войны против Германии в 1941—1945 гг. изобилует многочисленными примерами того, как солдат бросали на убой по приказу вышестоящего командования, как гибли люди из-за торопливости и суеты командиров, как затевали неподготовленные и необеспеченные наступления, а затем отходили, обливаясь кровью. Даже высшие командиры, такие как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, М. П. Кирпонос, К. С. Тимошенко, К. А. Мерецков не находили в себе достаточно мужества, чтобы оказывать сопротивление авантюристическим или ошибочным приказам Верховного Главнокомандующего.

На наиболее тяжелых и опасных участках фронта использовали штрафные части. Здесь во время войны отбывали наказание военнослужащие за, согласно официальной версии, уголовные и воинские преступления.¹⁵⁴ Но кроме того в штрафной батальон легко было угодить за неосторожное слово, критику действий командования, за анекдот. Штрафники лишались воинских званий и наград. Мало кто из них выжил. Штрафников было великое множество. Сколько их погибло? Официальная статистика об этом умалчивает, но речь идет о многих тысячах.

Во время войны Сталин с ведома и санкции Политбюро распорядился депортировать в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию десятки тысяч людей из присоединенных в 1939—1940 гг. к СССР Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии, многие из них погибли из-за голода и болезней. Более миллиона человек было депортировано с Кавказа

и из Крыма в 1943—1944 гг., и здесь погибли десятки тысяч. Никто, кроме официальных органов, конечно, не знает, сколько людей было уничтожено во время войны органами государственной безопасности как «враги народа» и «немецкие шпионы». Вероятно подавляющее большинство из них не было повинно в такого рода преступлениях. Но оценка работы органов государственной безопасности происходила по количеству обезвреженных «вражеских агентов» и органы госбезопасности старались увеличить их число.

Многие тысячи советских солдат, имевших несчастье попасть в немецкий плен и чудом оставшиеся в живых, потом оказались в советских лагерях как изменники. И здесь их замаривали, превращали в лагерную пыль.

Вот почему справедливо возложить ответственность за огромные жертвы, понесенные советским народом, не только на немецких нацистов, их сателлитов и коллаборантов, не только на превратности войны, на сопутствующие ей несчастья, но и на высшее партийно-политическое руководство страны. Но никто из членов руководства не был судим за эти преступления.

Было много примеров массового героизма советских солдат. В неопубликованных мемуарах полковника Новобранца описан, например, ночной рукопашный бой солдат 6-й советской армии, прорывавшейся из окружения в самом начале войны.

Отчаянно сражались бойцы пограничных отрядов и комендатур, принявших на себя первые удары немецко-фашистских войск.

Героически держался гарнизон Брестской крепости, брошенный на произвол судьбы командованием. Крепость была обложена со всех сторон немцами, но сопротивление продолжалось в течение 28 дней. Немногие уцелевшие защитники, например майор П. М. Гаврилов, после невероятных страданий в фашистском плену очутились в конце-концов как «изменники родины» в советском лагере на Колыме! Они были реабилитированы спустя много-много лет после войны.

Было немало случаев, когда советские летчики, жертвуя своей жизнью, шли на таран, а бойцы грудью закрывали амбразуры дотов врага.

Мужественно вели себя партизаны, схваченные немцами. Их обыкновенно казнили после мучительных пыток. Так по-

гибла под Москвой Зоя Космодемьянская. Стойко вели себя многие советские солдаты, попавшие в немецкий плен. Генерал Карбышев, оказавшийся в плену, отказался перейти на сторону немцев и был превращен ими в ледяной столб: заморожен заживо в лагере Маутхаузен.

Война, как и всякое событие, потрясшее мир, вызвала к жизни мифы и легенды, в которых солдаты наделялись чудодейственной силой, в их уста вкладывались изречения, которые потом прочно входили в историю войны. Появление мифов и легенд о войне неизбежно. Они были и должно быть будут неотъемлемой частью истории войны. Например, во всех книгах рассказывается о словах политрука Клочкова, обращенных к горстке солдат дивизии генерала Панфилова на подступах к Москве: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва». Кто мог донести эти слова до живых, если все защитники на этом участке погибли? Эту миссию взял на себя журналист А. Кривицкий, первым опубликовавшим статью о Клочкове и панфиловцах. Спрошенный по этому поводу Начальником Главного Политического управления Красной армии А. С. Щербаковым, так ли действительно сказал Клочков, Кривицкий многозначительно ответил: «Он должен был так сказать...»

* * *

Победа Советского Союза в войне не была следствием мудрого, безошибочного руководства войной Сталиным, Государственным Комитетом обороны и Верховным командованием. Советский Союз победил не с м о т р я на колоссальные ошибки партийно-политического руководства.

Опасная авантюристическая политика советского правительства перед войной привела к созданию общей границы между СССР и сильнейшей военной силой в Европе — нацистской Германией. Это обстоятельство, а также разоружение старой границы (1939 года), незавершенность военных мероприятий дали врагу в начале войны огромные выгоды, колоссальный выигрыш в территории и во времени. Одни только эти ошибки (мы уже не говорим о глупых приказах на наступление, отданных верховным командованием в первые дни войны, приказов, которые привели к окружению и гибели совет-

ских армий) стоили нашему народу неисчислимым жертв и бедствий. В первые дни войны СССР потерял территорию, сравнимую с территорией Западной Европы, оккупированной гитлеровской Германией в 1939—1940 г. Уникальные размеры советской территории, наличие глубокого тыла с сырьевой и промышленной базой Урала, Сибири, Закавказья и Дальнего Востока, а также политические и стратегические просчеты Гитлера спасли Советский Союз от поражения летом 1941 года. Советский Союз все еще имел достаточно ресурсов, чтобы в конечном счете превзойти Германию и по количеству дивизий, и по производству военной техники. Будь Советский Союз таких же размеров, как Франция или Германия, ошибки советского партийно-политического руководства привели бы страну к поражению. Достаточно напомнить о том, что германские войска в первые три недели войны продвигались по советской территории быстрее, чем они шли по территории Польши.

Вот что писал, например, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов: «Если бы вероломно напавшие на нас немецко-фашистские захватчики на рассвете 22 июня 1941 года встретили организованный отпор наших войск на подготовленных оборонительных рубежах, если бы по врагу нанесла бы удары наша авиация, заблаговременно перебазированная, рассредоточенная на полевых аэродромах, если бы все системы управления войсками были приведены в соответствие с обстановкой, мы не понесли бы в первые месяцы столь больших потерь в людях и боевой технике. Не были бы отданы врагу огромные территории советской земли, народу не пришлось бы переносить столько страданий и тягот».¹⁵⁵

Маршал А. Гречко писал: «Приходится с горечью констатировать, что одна из главных причин неудач в начале войны коренилась в ошибках, допущенных высшим военным руководством».¹⁵⁶

Авантюристичность политики советского партийно-политического руководства перед войной и некомпетентность военного командования были продемонстрированы во время советско-финской войны, когда перед всем миром раскрылась аморальность советской внешней политики и слабость советских вооруженных сил. Советско-финская война показала также ошибочность базовых внешнеполитических предпосылок

советского руководства. Финский народ в ответ на призыв «народного правительства» Куусинена выступить против своего правительства ответил массовым патриотическим подъемом и поддержал социал-демократическое правительство Таннера, отвергнувшего советский ультиматум.

Советским армиям было куда отступить в 1941 году и они отступили до Ленинграда на северо-западе, до Москвы на западе и до Ростова-на-Дону и Крыма на юге. Советским армиям было куда отступить в 1942 году, и они отступили до Сталинграда и до Главного Кавказского хребта.

В знаменитом приказе Сталина № 227, известном как приказ «Ни шагу назад!» как раз и говорилось о неправильном образе мышления, будто возможно отступление все дальше и дальше. Но этот образ мыслей, осуждавшийся в приказе, выражал объективную реальность — огромную территорию СССР.

Почти полтора года советские вооруженные силы отступали, потому что им было куда отступать — французской, бельгийской, голландской, польской армиям некуда было отступать и поэтому у них не было и резерва времени — и они капитулировали. По счастью для советских вооруженных сил и для народа в целом — была территория и, следовательно, было время для подготовки контрудара.

Наличие резервной территории несколько компенсировало просчеты и ошибки партийно-политического и военного руководства.

Советский Союз имел прочный тыл, цементированный, с одной стороны, патриотизмом народа, защищавшегося от вторгшегося на его территорию опасного врага, а с другой, жестокостью немецких захватчиков, не оставлявших населению иного выбора, как борьбу до конца. Советская система оказалась достаточно прочной, чтобы выдержать страшный удар Германии Гитлера. Серьезную роль сыграла помощь, оказанная Советскому Союзу США и Великобританией.

Опыт минувшей войны показал, что тоталитарные режимы, опирающиеся на неограниченное насилие и идеологию морального или расового превосходства, довольно устойчивы. Для того, чтобы сломить нацизм, понадобились объединенные усилия стран антигитлеровской коалиции и взятие столицы рейха после жестоких боев советскими вооруженными

силами. Понадобилась также программа войны, объединившая участников антигитлеровской коалиции, и эта программа была основана на принципах демократии и свободы. Нацистский режим отчаянно сопротивлялся до тех пор, пока не был физически сломлен. Советский Союз, а также его союзники — Великобритания и США — проявили огромную волю к победе.

Население СССР жило крайне трудно на протяжении четверти века, с небольшим перерывом-отдыхом от НЭПа до начала коллективизации. Народ привык к лишениям, к тому, чтобы недоедать, недосыпать, иметь плохое жилье. Поэтому он смог перенести такие невзгоды военных лет, которые не перенес бы ни один народ западной культуры.

Советское руководство смогло сравнительно быстро оправиться от первых ударов. Располагая преданными режиму партийными кадрами и мощной организацией органов государственной безопасности, опираясь на многолетний опыт порабощения масс и управления ими, ВКП(б) восстановила свой контроль повсюду, где он был утрачен или ослаблен. Партия сумела идентифицировать свои интересы с интересами народа и возглавить патриотический подъем.

Даже свои преступления, промахи и ошибки советское руководство сумело представить как предвидение, как мудрые мероприятия. Например, террор 30-х годов, когда погибли наиболее способные военные руководители, командиры промышленности и другие, был изображен как своевременное уничтожение «пятой колонны», «немецких шпионов», «врагов народа», как ликвидация потенциальной опоры германских нацистов среди населения СССР. Эта версия была, как известно, с особым усердием подхвачена зарубежными коммунистическими партиями и распространена либеральной антифашистской интеллигенцией Запада. Беспорядочное отступление и поражения 1941 и 1942 годов выдавались за мудрую стратегию «подвижной обороны» и тому подобное.

Победа затмила на короткое время все невзгоды, трудности и лишения. Солдаты возвращались домой с надеждой на лучшую жизнь.

...Окончилась война. Но ностальгия о прошлом, о несбывшихся планах господства советско-германского блока в Европе долго не давала покоя Сталину.

Еще в разгар войны, меньше чем через полгода после вторжения германских армий, 6 ноября 1941 года Сталин, пытаясь оправдать свою политику в 1939—1941 годах говорил: «Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т. п. их можно было с известным основанием считать националистами».¹⁵⁷

Странно было слышать эти рассуждения в устах человека, претендовавшего на роль главного теоретика идеологии «пролетарского интернационализма». Это звучало как понимание, если не одобрение.

И в самом деле Сталин также занимался (при поддержке Гитлера) «собиранием» земель бывшей империи Романовых: прибалтийские государства, западные части Украины и Белоруссии, входившие в польское государство, а заодно Закарпатская Украина и Северная Буковина — осколки Габсбургской монархии. Впрочем Сталин не случайно добавил небрежное «и т. п.». Оно могло относиться и к Судетской области, и к Польскому Коридору, судьба которых, как впрочем и всех «т. п.» областей должна была решаться в будущем.

Ностальгические нотки зазвучали у Сталина в совсем иной исторической ситуации. В поздравительной телеграмме Пику и Гротеволью от 13 октября 1949 года по случаю образования Германской демократической республики он писал: «Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что *эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для свершения больших акций мирового значения*»¹⁵⁸ (курсив наш — авт.).

Бедные другие народы Европы, не обладающие такими потенциями!

Что в действительности имел в виду Сталин, говоря о свершении «больших акций мирового значения», поведала нам его дочь Светлана Аллилуева:

«Он не угадал и не предвидел, что пакт 1939 г., который он считал своей большой хитростью, будет нарушен еще более хитрым противником. Именно поэтому он был в такой депрессии в самом начале войны. «*Эх, с немцами мы были бы непобедимы*», повторял он, уже когда война была окончена... Но он никогда не признавал своих ошибок».¹⁵⁹

Все же Сталин иногда делал выводы из них. Главный практический вывод, который он сделал после войны — был отказ

на будущее от общей границы с Германией. В 1941 году общая граница открыла Советский Союз для нападения Германии на широком фронте.

После второй мировой войны Сталин вернулся к своеобразно исправленной концепции «санитарного кордона», на этот раз кордона из «братских» социалистических государств, отделяющего СССР от Германии. В ее конечном объединении Сталин вряд ли сомневался.

Восторжествовала старинная геополитическая концепция — не иметь на своих границах сильного соседа.

20 миллионов человеческих жизней — такова была цена совершенной Сталиным ошибки.

Глава девятая СУМЕРКИ СТАЛИНСКОЙ ЭРЫ (1945—1953)

1. Репатриация

Война окончилась. Потянулись на восток из Германии, Австрии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии эшелоны с демобилизованными советскими воинами. На станциях и полустанках встречали их с цветами, в кое-как сохранных, а часто латанных праздничных одеждах. Лихо отплясывали на станционных платформах, растягивали меха трофейных аккордеонов и гармоний вчерашние победители Берлина и Будапешта.

И еще шли другие эшелоны, закрытые, с зарешеченными оконцами и в них тоже возвращались советские солдаты, но из плотно запертых вагонов для скота не доносилось звуков гармони или песен. Никто не встречал этих воинов на станциях, полустанках и городских вокзалах. Тянулись эшелоны день и ночь, пришвартовывались корабли к пустынным пристаням и по сходням под усиленным конвоем сходили на родную землю советские военнослужащие — бывшие узники нацистских концлагерей. Сходили на советскую землю и те, кто вольно или невольно, но оказывал помощь немцам, служил им. Доставили тех, кто вообще в послереволюционной России не жил, но был посчитан английскими, американскими и французскими союзниками СССР за советских граждан и передан советским властям на расправу, не на суд.

К концу войны на территории Германии и других стран Европы находилось более 5 млн. советских граждан, включая оставшихся в живых военнопленных, рабочих и крестьян, вывезенных на работы в рейх и тех, кто ушел из Советского Союза при отступлении немцев.

Согласно соглашению, подписанному в Ялте, репатриации подлежали те советские граждане, которые желали возвратиться на родину. Но предусматривалась и насильственная репатриация. Она распространялась на всех, кто был взят в плен в немецкой военной форме, кто состоял в советских вооруженных силах после 22 июня 1941 года и соответственно не был уволен из них, кто на основании достоверных свидетельств сотрудничал с врагом.¹

Практически эта договоренность превратилась в насильственную репатриацию всех без разбора, включая даже несоветских граждан.

Намерение советского правительства получить назад своих подданных, оказавшихся на западе во время войны, независимо от их желания, было предупредительно встречено английским правительством, а затем и правительством США.² Советское правительство было озабочено тем, чтобы не только не допустить создания на западе новой политической эмиграции из Советского Союза, но и ликвидировать или разложить старую эмиграцию.

Насильственная репатриация началась вскоре после окончания войны и закончилась в основном в 1947 году. Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливалась войсками НКВД тут же в доках. Среди насильственно репатрируемых было немало попыток самоубийства. Офицеры советских миссий по репатриации не скрывали от своих коллег — английских офицеров, что многим уготована смерть по возвращению в СССР.³

Английские власти передали советским белоэмигрантов, никогда не являвшихся гражданами СССР. Даже выдавшие виды офицеры НКВД, принимавшие репатрированных, не ожидали такого подарка со стороны англичан. Министр государственной безопасности СССР Меркулов говорил об англичанах: «Они и не знают, что мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку».⁴

Во французской столице, Париже, НКВД вело почти открытую охоту за советскими гражданами, которые не желали возвратиться в СССР.⁵ В лагере Борегар, где держали репатрируемых, советские власти вели себя также как в концлагерях на советской территории. Лишь спустя два года после окончания войны в 1947 году, под воздействием французской общественности, полиция совершила рейд на Борегар и обнаружила там склады оружия. После этого лагерь был закрыт.⁶

Всего было репатрировано в СССР при помощи английских и американских властей 2 272 000 советских и «приравненных» к ним граждан. Какова была их судьба? Подавляющее их число было обвинено в измене. Они не были судимы индивидуально, приговоры выносились «тройками». 20% из числа возвратившихся в СССР получили смертный приговор или 25 лет пребывания в лагерях; 15-20% были осуждены на срок от 5 до 10 лет; 10% были сосланы в отдаленные районы Сибири, где пробыли не менее 6 лет; 15% были посланы на принудительные работы по восстановлению разрушенных войной районов; только 15-20% получили разрешение возвратиться домой. Из оставшихся 15-20% часть была вероятно уничтожена или умерла при транспортировке, другая же часть бежала.⁷

Союзные правительства знали, что многие из насильственно репатрируемых обречены на смерть, но это их мало заботило. Они руководствовались прагматическими расчетами, надеясь заручиться сотрудничеством СССР в послевоенном мире.

Насильственная репатриация английскими и американскими властями уроженцев Российской империи, а не только граждан Советского Союза, запугала многих советских граждан, желавших поселиться на Западе.

Уже после окончания войны союзная военная администрация возвращала советским властям военнотружущих Красной Армии, бежавших в западные зоны оккупации Германии. Но несмотря на все препоны за первые четыре послевоенных года бежали на запад от 13 до 14 тысяч советских граждан.⁸ Только в 1951 году Соединенные Штаты официально изменили свою политику и гарантировали право убежища для беженцев из СССР.

Советские власти никогда не публиковали официальные данные о количестве людей, бежавших из СССР после войны. В отдельных случаях советская пропаганда объявляла бежавших шпионами и наймитами империалистов.

Мало кого эти несчастные интересовали. Ужасы гитлеровских лагерей, в которых во время второй мировой войны было уничтожено до 11 млн. человек вызвали такую волну справедливого гнева, что о жертвах другого тоталитарного режима, победителя в войне, никто всерьез и думать не хотел.

Помимо советских военнопленных или приравненных к ним в Европе после окончания войны оказалось еще 3.200 тыс. советских граждан. Почти все они возвратились или были возвращены в Советский Союз. Согласно официальному сообщению Центрального управления по делам репатриации на 1 января 1953 года в Советский Союз возвратилось 5 457 856 советских граждан. К этому же времени из Советского Союза было репатрировано 4 059 736 иностранных граждан, оказавшихся на территории Советского Союза, включая военнопленных побежденных государств.⁹

2. Повстанческое движение

Война окончилась, но не для всех. На территории Западной Украины и в Прибалтике продолжалось повстанческое движение против советской власти. Оно было вызвано стремлением к обретению независимости и советской политикой «чисток» в 1939-1941 годах, коллективизацией и опасностью новой депортации.

В 1939 году после присоединения к Украинской ССР областей Западной Украины была проведена чистка. Все враждебные советской власти, или сочтенные за таковых, были арестованы и депортированы в восточные районы страны. Часть из них была расстреляна. Украинские и польские организации и учреждения были закрыты. В то же время все школы были полностью украинизированы. Легальные украинские партии прекратили свое существование. Греческую католическую (униатскую) церковь в 1939-1941 году власть не трогала, но священникам были выданы паспорта со специальной пометкой, а церкви были обложены большим налогом.¹⁰

При отступлении Красной армии в 1941 году были произведены массовые аресты среди западноукраинского населения. В большинстве тюрем войска НКВД расстреливали заключенных, чей срок превышал 3 года. В некоторых городах НКВД жгло тюрьмы вместе с заключенными. Согласно украинским источникам было расстреляно около 10 тысяч заключенных во Львове, Золочеве, Ровно, Дубно, Луцке и других городах.¹¹

Во время кратковременного советского периода 1939-1941 гг. сохранилась довольно мощная подпольная организация ОУН (Организация украинских националистов). После прихода немцев на Украину лидеры ОУН пытались создать независимые украинские правительства во Львове и в Киеве, но немцы разогнали правительства, а лидеров отправили в тюрьму.¹² Украинские националисты хотели сотрудничать с немцами, вступали в эсэсовские части (дивизия СС «Галичина») и другие, воевали против Красной армии, помогали немецким оккупантам вылавливать коммунистов, охотились на евреев. Убедившись, однако, что немецкие власти меньше всего помышляют о создании независимого украинского государства, ОУН объявило войну на два фронта: «против Сталина и против Гитлера». Однако основные усилия их вооруженной борьбы были по-прежнему направлены против Красной армии.

В июле 1944 г. в связи со вступлением Красной Армии в Западную Украину ОУН образовало Украинский Верховный Совет освобождения. Командующим Украинской повстанческой армии (УПА) стал лидер ОУН Роман Шухевич под именем генерала Тараса Чупринка (он же «Гур»).

Лидеры ОУН надеялись на взаимное ослабление Германии и СССР и на то, что Англия и особенно Черчилль будут активно противодействовать СССР установить свое господство в Европе. На повестке дня стоял вопрос о всенародном восстании, поддержанном другими народами на занятой Красной армией территории. Но это была чистая фантазия. ОУН вынуждена была ограничиться военными операциями своими собственными силами. Главной задачей была защита западноукраинского населения от угрозы новой волны террора и массовой депортации. Население западных областей Украины поддерживало УПА, что позволило ей вести вооруженную борьбу в течение ряда лет уже после окончания второй мировой войны.

При вступлении Красной армии на территорию Западной Украины советское командование и правительство УССР призвали повстанцев сложить оружие, обещая им амнистию. Однако обращение не дало видимых результатов. В течение 1944-1947 годов было шесть такого рода обращений с продлением срока амнистии.¹³ В 1945 году основные сельскохозяйственные районы Западной Украины, глубинка, контролировались повстанцами. В феврале 1946 года население Западной Украины в большинстве своем бойкотировало первые послевоенные выборы в Верховный Совет, хотя в официальных сообщениях утверждалось, как обычно, что население единодушно голосовало «за».

Программа ОУН претерпела в ходе вооруженной борьбы существенные изменения. В 1950 году ОУН выступило за полную ликвидацию колхозов, но против возвращения помещиков и капиталистов, за свободную передачу земли в собственность крестьянам на основе семейного землевладения. ОУН провозгласила также свободу политических и общественных организаций. По утверждению украинских источников идеология ОУН развивалась постепенно в сторону либеральной демократии.

Помимо ведения вооруженной борьбы, повстанцы распространяли листовки, совершали специальные пропагандистские рейды в Словакию и в восточную часть Украины, в Белоруссию и даже в Румынию. Расправляясь беспощадно с попавшими в их руки офицерами и солдатами войск НКВД, с советскими и партийными активистами, повстанцы иногда отпускали на свободу солдат регулярных частей, снабжая их продовольствием и пропагандистской литературой. Но такие случаи были немногочисленны. Жестокость с обеих сторон была обычным явлением.

Район действия УПА распространялся на территорию Украины, Польши (за линией Керзона) и Чехословакию (словацкие горы).

После поражения Германии отряды УПА были разделены на мелкие подразделения, которые действовали также и в восточной части Украины. Советские источники не дают никаких сведений о силах повстанцев. Согласно польским источникам, только на территории Польши, непосредственно прилегающей к советской границе, действовало до 6 тысяч повстанцев.

Украинские источники утверждают, будто силы УПА достигли осенью 1944 года, то есть к моменту вступления советских войск на территорию Западной Украины, 20 тыс. человек.¹⁴ О размахе повстанческого движения свидетельствует помощь местного населения повстанцам и соглашение от мая 1947 года между СССР, Польшей и Чехословакией о совместной борьбе с украинским повстанческим движением. Разумеется, это движение именовалось «бандами».

В июне 1945 года для борьбы с повстанцами были брошены 3 польских дивизии, но без особого успеха.

Для того, чтобы лишить повстанцев их естественных баз, польское правительство переселило украинское население в северо-западную часть Польши. Польские источники отмечают, что украинское повстанческое движение было ликвидировано лишь после физического уничтожения повстанцев и переселения украинского населения.¹⁵

Голод на Украине в 1947-48 годах заставил десятки тысяч крестьян из Восточной Украины уйти в Западную, где они становились резервом повстанческого движения.

Против повстанцев были использованы всевозможные меры борьбы: боевые операции войск, массовая депортация в Сибирь и переселение целых деревень из районов, контролируемых повстанцами, в восточные области Украины, коллективизация, посылка учителей из восточной Украины в западную для перевоспитания населения, запрещение униатской церкви.

Об этом следует сказать отдельно. После смерти западноукраинского митрополита Щептицкого в ноябре 1944 года, униатской церкви было предложено объединиться с православной. Началась интенсивная кампания в печати против униатов. Непокорного нового митрополита Слипого и его епископов арестовали и осудили за сотрудничество с нацистами во время оккупации. Постепенно, используя разнообразные методы, включая убийство епископа Закарпатья Ромши в 1951 году,¹⁶ униатская церковь была фактически ликвидирована и прекратила свое легальное существование.

Это было серьезным ударом для западноукраинских националистов, но не смертельным.

О живучести повстанческого движения в Западной Украине свидетельствует приказ украинского министра внутренних дел Рясного за № 312 от 30 декабря 1949 года. Министр вновь

объявлял амнистию тем, кто добровольно сложит оружие. Для характеристики социального состава повстанцев интересно упоминание в приказе среди прочих категорий «бандитов» молодежи, сбежавшей с заводов, донецких шахт и ремесленных училищ.¹⁷

Вооруженная борьба в уже незначительных масштабах продолжалась всю первую половину 50-х годов.

В 1946-1950 годах из Западной Украины было депортировано, арестовано и сослано до 300 тыс. человек, включая лиц, сотрудничавших с немцами, бывших эсэсовцев из «Галичины». Среди них были преступники, принимавшие участие в убийствах и массовом уничтожении еврейского населения Украины. Но большинство депортированных были крестьянами, неповинными в преступлениях. В Западной Украине была проведена коллективизация и усиленная индустриализация, что повлекло за собой переселение специалистов из восточной части Украины, русского населения из России. Состав населения изменился, и повстанческое движение угасло. Лидеры ОУН либо погибли во время вооруженной борьбы (Шухевич), либо были схвачены и казнены (Охримович). Для того, чтобы раз и навсегда покончить с ОУН, советскими агентами были убиты в Западной Германии лидеры ОУН Лев Ребет (1957) и Степан Бандера (1959).

Таким образом закончился период вооруженной борьбы украинских националистов. Наступил новый период сопротивления: мирной борьбы украинской интеллигенции за право иметь свою культуру.

3. Холодная война вовне и внутри

В результате войны международное положение Советского Союза коренным образом изменилось. Советские войска находились в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, Северо-Восточном Китае, на Курильских островах и на Сахалине.

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции молчаливо согласились с происшедшими изменениями, ибо были бессильны помешать этому. Неготовность к миру привела их к крупнейшему политическому поражению на мировой арене, не

имевшему прецедента в прошлом. В орбиту советского влияния вошли теперь Финляндия, Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия. Серьезным влиянием Советский Союз пользовался на Балканах — в Югославии и Албании. Советские гарнизоны стояли в Вене и в Берлине.

Повсеместно в Европе коммунизм наступал. Шла гражданская война в Греции. Все большее влияние на внутривнутриполитическое положение Италии и Франции оказывали местные коммунистические партии.

На огромных пространствах Азии — в Китае, Индокитае, Корее, в Бирме, на Филиппинах, в Индонезии, в Индии развернулось мощное движение за независимость. В Китае шла гражданская война с явным перевесом в пользу китайских коммунистов.

Никогда еще в истории Советский Союз не пользовался такой огромной популярностью на Востоке, как немедленно после окончания второй мировой войны.

Все, казалось, благоприятствовало усилению позиций СССР. Из шести великих держав западного мира сохранили свое положение две: Великобритания, хотя и с изрядно пошатнувшейся мощью, переживавшая распад колониальной империи и вступившая в период кардинального изменения ее мирового положения, и Соединенные Штаты Америки, вышедшие из войны небывало мощными.

США ощутили во время второй мировой войны в полной мере взаимозависимость с Европой. Желая помочь европейским странам поскорее выбраться из периода послевоенной хозяйственной разрухи и тем предотвратить дрейф в сторону коммунизма, Соединенные Штаты предложили европейским странам свою помощь в реконструкции — план Маршалла.¹⁸ Американские лидеры объявили также о своем намерении противостоять дальнейшему распространению коммунизма (доктрина Трумэна).¹⁹

Правительство США предложило Советскому Союзу и другим европейским странам принять участие в плане реконструкции и восстановления Европы, однако СССР и под его нажимом другие восточноевропейские государства отказались от американского предложения.²⁰

Руководство Советского Союза было озабочено отнюдь не объединением усилий всех пострадавших от войны стран для

скорейшего восстановления экономики мира, а созданием своей собственной, независимой от запада политико-экономической сферы, центром которой был бы Советский Союз, окруженный странами-сателлитами. Экономика этих стран в ближайшие послевоенные годы все больше подчинялась советской экономике с тенденцией превращения в ее придаток.

Другим источником восстановления и усиления экономической мощи СССР должны были послужить репарации, выплачиваемые побежденными странами, а также промышленное оборудование, включая целые заводские комплексы, вывезенные Советским Союзом с территории побежденных стран в качестве военной добычи. Однако значительной частью вывезенного оборудования советская промышленность не смогла воспользоваться из-за бесхозяйственности. Ценнейшее оборудование превратилось постепенно в железный лом.

В 1947 году были подписаны мирные договоры с побежденными государствами.²¹ Советский Союз пытался получить под свою опеку бывшую итальянскую колонию Ливию,²² что вызвало большие волнения на Западе. Стремление утвердиться на Ближнем Востоке и в Африке привело СССР к признанию государства Израиль,²³ возникшему в 1948 году. Однако первая политико-дипломатическая попытка Советского Союза утвердиться на Ближнем Востоке и в Африке была отбита западными державами, и Советский Союз сконцентрировал свое внимание на Восточной Европе.

Политика СССР по превращению освободившихся от немецко-фашистской оккупации государств Восточной Европы в своих сателлитов была очень простой, даже примитивной, но действенной. Опираясь на советские дивизии, контролировавшие территорию восточноевропейских государств, коммунистические партии этих стран — на первом этапе участники коалиций демократических антифашистских партий — совершили государственные перевороты и взяли власть в свои руки. Механика захвата власти коммунистическими партиями была с небольшими различиями одной и той же. В течение первых трех-четырёх послевоенных лет оформился блок коммунистических государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Государства называли себя народно-демократическими. Возникла мировая социалистическая система. В октябре 1949 года было провозглашено создание Германской Демократической Респуб-

лики.²⁴ В том же году китайские коммунисты одержали победу в многолетней гражданской войне и провозгласили создание Китайской Народной Республики. Это событие не было большой радостью для Сталина, как ошибочно полагали на Западе. Государственный секретарь Дин Раск заявил, например, что Китай становится отныне славянским Манчжоу-Го, т. е. советской колонией.²⁵ Такого рода поверхностные суждения, основанные на оценке политики государств по принципу общей идеологии, были характерны для того времени и для обеих сторон.

Вместо раздираемого гражданской войной разделенного Китая на границах СССР появилось огромное централизованное китайское государство с населением, превосходящим население СССР более чем в три раза. Желая подчеркнуть, что СССР является старшим братом и Сталин «главнее» Мао Цзедуна в международном рабочем движении, Сталин во время визита Мао Цзедуна в Москву в 1950 году заставил его несколько дней ожидать приема. Но, с другой стороны, победа коммунистического Китая была для Сталина доказательством правильности одного из постулатов ленинизма — о постепенном сужении сферы мира капитализма.

Вновь образованные социалистические государства хотели быть независимыми. Некоторые их руководители пытались уклониться от подчинения приказам из Москвы и действовать исключительно в интересах Советского Союза. Взбунтовался популярный лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито, казалось бы самый надежный союзник Сталина.²⁶ Он был втайне поддержан бывшим генеральным секретарем Коминтерна Георгием Димитровым.²⁷ Угроза Сталина уничтожить Тито²⁸ и даже официальное отлучение еретика и исключение Коммунистической партии Югославии из Коминформа,²⁹ нового международного объединения коммунистических партий, пришедшего в 1947 году на смену распущенному в 1943 году Коминтерну, не сломили югославов. Распад социалистической системы начался одновременно с ее возникновением. Это было явлением кардинального исторического значения. Оказалось, что вся система так называемого социалистического лагеря является на деле не добровольным объединением государств однотипного общественного строя и общей идеологии, а принудительным конгломератом тоталитарных государств социалистического типа.

Известное высказывание В. И. Ленина: «Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии», — звучало спустя четверть столетия явной насмешкой.³⁰

* * *

5 марта 1946 года бывший глава английского военного кабинета Уинстон Черчилль выступил с речью в американском городе Фултоне в присутствии президента Трумэна. Черчилль констатировал главный непреложный факт — железный занавес опустился от Балтики и до Адриатического моря.³¹ Речь Черчилля символизировала начало «холодной войны» между бывшими победителями. В мире началась бешенная гонка вооружений, на первый план выдвинулась опасность атомной войны. Каждая из сторон хотела обеспечить свое военное преимущество и тем самым проблема ограничения вооружений или запрещения использования атомного оружия была загнана в тупик и заблокирована всевозможными «непреодолимыми» политическими и техническими трудностями.

Советский Союз мобилизовал огромные средства для создания атомной и водородной бомб и очень быстро сравнялся в этом с Соединенными Штатами Америки.

Гонка вооружений, раскол во мнениях почти по каждому серьезному вопросу международных отношений, все усиливающаяся антиамериканская кампания в СССР и соответствующая кампания антисоветской и антикоммунистической истерии в Соединенных Штатах основательно отравили атмосферу международных отношений, создали крайне напряженную и опасную ситуацию, чреватую военными конфликтами.

В апреле 1949 года был создан Североатлантический союз (НАТО) — военно-политический блок, в который вошли США, Англия, Франция, Италия, Канада, Бельгия, Голландия, Португалия, Дания, Норвегия, Исландия, Люксембург. В 1952 году в НАТО вступили Греция и Турция, а в 1955 году ФРГ.

Создание НАТО было в значительной степени результатом военных угроз СССР по отношению к Турции и Ирану.

Вскоре после войны Советский Союз начал кампанию против Турции за пересмотр Конвенции о Проливах, заключенной в Монтре, и за присоединение к советской Армении и Грузии земель, отошедших к ней в результате первой мировой войны.³² Началось нагнетание военной истерии в Армении и Грузии.

В Иране Советский Союз отказывался вывести свои войска, введенные в Иранский Азербайджан по соглашению с Англией в августе 1941 года для предотвращения германской угрозы Ирану. Советский Союз поддерживал сепаратистов в Северном Иране, поднявших *восстание против* центрального правительства.³³

В Европе советское правительство спровоцировало кризис вокруг Берлина, пытаясь, вопреки международным соглашениям, прекратить доступ западных держав в Берлин.³⁴ Однако США установили «воздушный мост», сорвали блокаду Берлина и принудили Советский Союз к отступлению.

Во всех перечисленных выше случаях дело однако не дошло до открытого военного столкновения между СССР и США. Обе стороны были достаточно разумны, чтобы не доводить дела до «горячей войны», хотя по временам казалось, что мир висит на волоске.

Особенно опасное положение создалось во время Берлинского кризиса, а затем во время Корейской войны.

Одним из результатов поражения Японии было освобождение Кореи от японской оккупации, в которой она находилась с 1910 года. Корея чуть было не стала свободной страной. Но по соглашению между США и СССР граница военных действий на Дальнем Востоке проходила по 38-й параллели, делившей Корею на две части — Северную и Южную. Советский Союз отвел в 1945 году свои войска из Кореи, предварительно установив там власть покорного ему правительства корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сенем. На Севере была образована Корейская Народно-Демократическая республика. На юге образовалось проамериканское правительство Ли Сын Мана и была провозглашена Корейская республика. Как то, так и другое корейские правительства претендовали на право представлять корейский народ в целом.

На 38-й параллели непрерывно происходили вооруженные

столкновения, которые вылились в конце концов в войну между Северной и Южной Кореей.

Война была развязана Северной Кореей 25 июня 1950 года.

Советская историография до сего времени продолжает утверждать, будто войну начала Южная Корея.³⁵ Однако к широко известным в мире фактам начала войны прибавилось несколько лет тому назад свидетельство Н. С. Хрущева. Вот что он рассказал.

Война была начата по инициативе главы северо-корейского правительства Ким Ир Сена и была поддержана Сталиным и Мао Цзедуну. В конце 1949 года Ким Ир Сен прибыл в Москву с предложением начать войну против Южной Кореи. Он утверждал, будто достаточно лишь начать военные действия, как на юге произойдет восстание и будет установлена народная (т. е. коммунистическая — авт.) власть. Сталин колебался, так как опасался вмешательства США. В конце концов Сталин предложил Ким Ир Сэну еще раз обдумать ситуацию и возвратиться затем в Москву с конкретным планом. «Естественно, — говорит Хрущев, — Сталин не мог быть против этой идеи. Тем более это находило отклик в его убеждениях коммуниста, так как война должна была бы быть внутренним делом самих корейцев. Северные корейцы хотели протянуть руку помощи своим братьям, изнывающим под игом Ли Сын Мана... Сталин, конечно, не пытался разубедить Ким Ир Сена». Дальнейшие высказывания Хрущева чрезвычайно важны для понимания образа мыслей советских руководителей, претендующих на то, что они защищают мир во всем мире. «По моему мнению, — продолжает Хрущев, — ни один подлинный коммунист не стал бы разубеждать Ким Ир Сена от его непреодолимого желания освободить Южную Корею от Ли Сын Мана и от реакционного американского влияния. Сделать это означало бы *вступить в противоречие с коммунистическим мировоззрением* (курс. — авт.). Я не осуждаю Сталина за его поощрение Кима. Наоборот, я принял бы то же самое решение, если был бы на его месте».³⁶

Сталин запросил мнение Мао Цзедуна. Китайский лидер одобрил предложение Ким Ир Сена. На ближней даче Сталина советские лидеры отпраздновали вместе с Ким Ир Сэном начало предприятия. Советское оружие и военная техника потекли в Северную Корею. Около Пхеньяна разместились части советской военной авиации.³⁷

Вот как описывает Хрущев дальнейшие события. Назначенный час настал и война началась. Северокорейские войска быстро продвигались на юг. Но, с печалью отмечает Хрущев, внутреннего восстания на юге, которое обещал Ким Ир Сен, не произошло. Почему? «Не было достаточно внутренних сил для коммунистического восстания в Южной Корее. По-видимому, партия провела недостаточную подготовительную организационную работу (!) Ким был уверен, что Южная Корея охвачена партийными организациями и что народ восстанет, когда партия подаст сигнал. Но этого не произошло».³⁸ С точки зрения Хрущева нападение Северной Кореи было оправдано, так как «это не было войной одного народа против другого, а классовой войной».³⁹

27 июня 1950 года Совет Безопасности собрался для обсуждения положения, создавшегося в результате вторжения северо-корейских войск в Южную Корею. На повестке дня стоял вопрос об осуждении агрессии и о помощи Корейской республике (Южной Корее). Станным образом советский делегат не явился на заседание Совета Безопасности будто бы в знак протеста, что место Китая занимает гоминдановец. Советский Союз пренебрег своим правом наложить «вето» на резолюцию Совета Безопасности и тем самым позволил Совету Безопасности принять рекомендацию всем членам ООН оказать помощь Южной Корее, «какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе».⁴⁰ Позднее СССР объявил резолюцию Совета Безопасности незаконной. Сталин был уверен в том, что наступление, предпринятое Северной Кореей в сочетании с коммунистическим восстанием на юге Кореи приведут к полной победе до всякого вооруженного вмешательства. Но здесь он просчитался. США послали войска из Японии и началась кровопролитная трехлетняя война.

Сначала война шла с явным перевесом в пользу Северной Кореи, войска которой достигли к середине сентября Пусана далеко на юге. Наступление северян было приостановлено высадившимся на юге 50-тысячным американским десантом. Китай послал свои дивизии на помощь Северной Корее. В конце ноября 1950 года началось успешное наступление южан и американцев под командованием победителя Японии гене-

рала Д. Макартура. Китайские и северокорейские силы были отброшены к 38-й параллели.

Советский Союз, который санкционировал начало войны Северной Кореей, снабжал ее оружием и всеми видами помощи, оказался в сложном положении. В Корее находились советские военные советники. В северо-восточные провинции Китая было переброшено несколько советских авиадивизий.⁴¹ В советском официальном издании сообщается, что «на случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять дивизий для оказания КНДР помощи в отражении американской агрессии».⁴² На деле же, когда северокорейские войска оказались отрезанными на юге, Сталин распорядился немедленно отозвать всех советских советников из-за опасения, что они могут попасть в плен и дать тем самым свидетельство военного участия СССР в войне.

Ситуация в Корее была спасена благодаря вмешательству Китая, одобренного Сталиным.

Наступление южнокорейцев и американцев выдохлось. Им пришлось отступить за 38-ю параллель. 30 ноября 1950 года президент Трумэн пригрозил применить атомную бомбу.^{42a} Возникла реальная опасность военной конфронтации СССР и США, которая вероятно повела бы к третьей мировой войне. Обе стороны почувствовали, что зарвались. В результате линия фронта к середине 1951 года стабилизировалась, однако очаг войны погашен не был.

4. От войны к миру

Сколько было населения в СССР к концу второй мировой войны? Официальная статистика не сообщает никаких данных на 1945 год. Но имеются сведения на начало 1950 года: 178,5 млн. населения, то есть на 15,6 млн. меньше, чем было до войны.⁴³ (Конец 1939 г. — 194,1 млн.)

После войны начал снижаться уровень рождаемости. В 50-х годах он составлял 25 (на 1000), а до войны 31. В 60-е же годы произошло еще большее снижение. Падение рождаемости в первые послевоенные годы было связано с гибелью целых возрастных групп мужчин. Но позднее в действие вступили неблагоприятные экономические и социальные факторы: низ-

кая заработная плата, острый жилищный кризис, вовлечение все большего числа женщин в производство и прочее.

В 1971-1972 годах на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет приходилось в два раза меньше детей, родившихся за год, чем в 1938-1939 годах.⁴⁴ В первые послевоенные годы существенно ниже довоенной была также численность населения СССР в трудоспособном возрасте.

Хозяйство страны, особенно на территории, подвергшейся оккупации, было основательно подорвано. Концентрация усилий на военном производстве, необходимая для достижения победы, привела к значительному оскудению ресурсов населения и к снижению производства товаров народного потребления. Во время войны резко сократилось и до того незначительное строительство жилья, в то время как жилищный фонд страны был частично разрушен.

Переходный период от войны к миру был в СССР довольно кратким. 4 сентября 1945 года был упразднен Государственный Комитет Обороны и его функции были переданы Совнаркому СССР.⁴⁵ Произошла реорганизация в ведомствах промышленности вооружений: от выпуска танков и артиллерийских систем переключились на производство тракторов и транспортных средств.

Экономика в местностях, разоренных войной, нуждалась в значительных капиталовложениях. По советским официальным данным, было полностью или частично разрушено 1710 городов и городских поселков, более 70 тысяч сел и деревень, около 32 тысяч промышленных предприятий, 65 тысяч км железнодорожных путей. 25 млн. человек лишились крова.⁴⁶ По плану четвертой пятилетки 40% капитальных вложений (115 млрд. рублей) было выделено для восстановления разрушенного или пострадавшего от войны хозяйства.⁴⁷

Восстановление нормальной жизни в стране происходило в сложных условиях обнищания населения, голода на юге страны и повстанческого движения на присоединенных к СССР землях.

В сентябре 1946 года были установлены единые цены на продукты вместо существовавших ранее отдельных карточных и коммерческих цен. В результате стоимость основных продуктов питания существенно возросла для большинства городского населения. Цена на 1 кг черного хлеба увеличилась

с 1 до 3.40 рублей, на 1 кг мяса с 14 до 30 рублей, на 1 кг сахара с 5.50 до 15 рублей, на сливочное масло с 28 до 66 рублей, на молоко с 2.50 до 8 рублей.

СССР был одной из первых стран, отменивших введенную во время войны карточную систему.

Для низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих одновременно с установлением единых государственных цен была введена «хлебная надбавка» до 110 рублей в месяц (в старом исчислении) в виде увеличения зарплаты для тех, кто зарабатывал меньше 900 рублей в месяц. Минимальная заработная плата в то время составляла 300 рублей. Средняя заработная плата равнялась 475 рублей в месяц в 1946 году и 550 рублей в 1947 году.

В годы войны и в первые послевоенные годы резко усилилась инфляция в связи с обесцениванием рубля, нехваткой товаров и продовольствия, а также из-за нескольких существенно разнившихся уровней цен.

В конце 1947 года была проведена денежная реформа — деноминация. Старые банкноты были обменены на новые в соотношении 1:10. Держатели вкладов в сберегательных кассах получали переоцененные деньги на более льготных условиях, чем те, кто сохранял деньги дома. От реформы пострадали главным образом жители сельскохозяйственных районов и частично спекулянты, не успевшие реализовать огромные суммы, оказавшиеся у них на руках. Денежная реформа несомненно оказала на экономику страны оздоравливающее влияние.

Хотя развитие военной экономики во время войны дало толчок отдельным отраслям производства: авиационной и автотракторной (танковой) промышленности, производству специальных сортов стали, созданию новой нефтяной базы на востоке страны, — в целом промышленное производство в стране переживало трудности.

В конце войны производство металла было приблизительно на уровне 1933-1935 годов,⁴⁸ производство тракторов на уровне 1930 года.⁴⁹ В связи с переводом экономики страны на мирные рельсы объем валовой продукции составлял 92% от довоенного уровня.⁵⁰ Но уже в 1948 году промышленное производство было на 18% выше довоенного⁵¹ и продолжало расти.

К исходу второй мировой войны СССР обладал огромны-

ми вооруженными силами — свыше 11 млн. человек. После мобилизации армия сократилась более чем в три раза. Однако уже в 1948 году под ружьем было 2874 тыс. человек, а еще спустя семь лет армия удвоилась.

Советский Союз спешил изготовить атомную бомбу, чтобы не допустить создания перевеса сил в мире в пользу единственного обладателя атомного оружия — Соединенных Штатов Америки.

На изготовление атомной бомбы были мобилизованы лучшие советские и сочувствующие коммунизму иностранные ученые. Советская разведка приступила к массовой вербовке агентов для добычи любой информации, касающейся атомной энергии. Появилось несколько специализированных институтов, закрытых городков и полигонов, создано специальное министерство среднего машиностроения, фактически министерство строительства и использования атомной энергии.

В 1949 году было официально объявлено о наличии у СССР атомной бомбы,⁵² а в 1953 году — водородной.⁵³ Сталин мог чувствовать себя вполне удовлетворенным: Советский Союз превратился в атомную державу.

В 1950 году Советский Союз начал первый послевоенный этап гонки вооружений. Прямые военные расходы накануне смерти Сталина составили в 1952 году почти четверть всего годового бюджета.⁵⁴

Восстановление народного хозяйства в области тяжелой промышленности было закончено в целом в конце 1950 года. Значительно возросло, по сравнению с довоенным, производство стали, проката и нефти.⁵⁵ Были построены новые металлургические предприятия в Прибалтике, в Закавказьи, в Средней Азии и в Казахстане.

Производство товаров народного потребления к концу 4-й пятилетки так и не достигло довоенного уровня. Население по-прежнему страдало от нехватки товаров первой необходимости, острого жилищного кризиса. В то же время огромные средства вкладывались в строительство дворцов-небоскребов в Москве, монументов, призванных увековечить эпоху Сталина. Советское правительство щедрой рукой раздавало подарки своим восточноевропейским сателлитам в виде зданий университетов, институтов, госпиталей и прочего.

Значительные средства были вложены государством в раз-

вите здравоохранения в стране. В городах улучшилось амбулаторное лечение, но в больницах положение было очень плохим — не хватало коек, обслуживающего персонала, необходимых медикаментов. Медицинский персонал: врачи, сестры, не говоря уже о технических работниках, — оставались одной из самых низкооплачиваемых категорий.

Дальнейшее развитие народного хозяйства страны упиралось, как и прежде, в органическую порочность системы советского социализма. Все вопросы экономики, большие и малые, решались в центре. Инициатива местных хозяйственных органов была ограничена до предела. Планы и необходимые материальные фонды для их выполнения «спускались» сверху. В Москве заранее определялся план для каждого предприятия, часто без правильного учета специфических особенностей. Заводы-изготовители находились в постоянной зависимости от поставщиков сырья и смежников. Транспорт не справлялся с перевозками. Абсурдность централизованного управления приводила к тому, что коммуникации между поставщиками, производителями и смежниками растягивались на тысячи километров. Нередко с Дальнего Востока везли в центральные районы страны сырье, которое находилось под боком, но принадлежало другому ведомству. Бесхозяйственность и неразбериха порождали простои на производстве, штурмовщину и вели к огромным материальным издержкам.

Сосредоточение всех решений в центре привело к разбуханию центрального бюрократического аппарата. Появилось множество ненужных центральных инспекций. Предприятия изнывали под напором комиссий, обследований и расследований. Огромная армия «толкачей», то есть специальных уполномоченных предприятий по доставанию сырья, добыче дефицитных материалов, моторов и прочего наводнили заводы, фабрики, министерства. Взятничество стало обычной формой деловых отношений.

Власть пыталась бороться с коррупцией, но была бессильна справиться с этим злом, ибо коррупция стала неотъемлемой частью системы.

Другой частью системы стала «показуха», то есть заведомое введение в заблуждение вышестоящих инстанций относительно выполнения плана, состояния производства и так далее. Руководители предприятий часто боялись сказать прав-

ду о положении на производстве и предпочитали слать победные реляции о выполнении и перевыполнении планов, росте производительности труда, шли на всевозможные ухищрения, лишь бы не попасть в число «отстающих». Поэтому официальные статистические данные следует воспринимать с большой осторожностью, многие из них, как позднее было официально установлено, были просто недостоверными.

Ложь стала образом жизни. Врали все — снизу доверху и сверху донизу. Предприятия обманывали министерства. Райкомы вводили в заблуждение обкомы партии, те, в свою очередь, ЦК. ЦК же, и особенно его лидеры, лгали народу, самим себе, всему прогрессивному и регрессивному человечеству.

В 50-е годы начались работы по сооружению гидроэнергетических узлов по Днепру и Волге. В 1952 году был выстроен руками заключенных Волго-Донской канал, протяженностью в 101 км, соединивший в одну систему Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское и Черное моря.

Каналы, предприятия, гидротехнические сооружения, местные «моря» создавались, как правило, без учета влияния искусственного изменения природных условий на окружающую среду. В результате бассейны рек оказались на значительном протяжении отравлены ядовитыми отходами производства. Вымирала речная фауна. Рыбное хозяйство по Волге, ее притокам, которым Россия издавна славилась, захирело. Во многих местах оказались под водой лесные угодья, пашни, произошло заболачивание почвы вокруг. Так случилось, например, в районе «Рыбинского моря», во многих других местах.⁵⁶ Попытки ученых, местных властей, населения остановить это беспощадное уничтожение природных ресурсов ни к чему не приводили: планы, утвержденные союзным правительством, не подлежали изменению.

После войны много раз производились внутриведомственные административные реформы, менялись характер и функции планирующих органов, но существенных изменений эти меры в планирование и руководство экономической жизнью страны не внесли. 15 марта 1946 года народные комиссары стали министрами. Этим как бы подчеркивалась возросшая роль государства, давно уже не зависящего от воли народа. По указанию Сталина во многих министерствах была введена форма для служащих. Теперь не только военные, милиция,

государственная безопасность и железнодорожные служащие, но и водники, дипломаты, связисты, работники суда и прокуратуры стали носить форму. Повсеместно были введены гражданские звания — разных рангов и классов.⁵⁷

О глубокой реакции, воцарившейся в стране, свидетельствовало принятие в 1947 году закона о запрещении брака советских граждан с иностранцами.

Террор 30-х годов подорвал основную ячейку общества — семью. Идеологический раскол, система доноительства расшатала и без того непрочные после революции семейные устои в городах. В деревне же семья распалась под влиянием принудительной коллективизации, обнищания и бегства в города.

Гибель значительной части мужского населения страны во время войны создала для миллионов семей тяжелую, часто катастрофическую ситуацию. Появилась многочисленная категория вдовых семей и матерей-одиночек.

Действовавшее до и во время войны законодательство о семье с его несложной процедурой развода, свободой аборт, отражавшее марксистскую концепцию равенства полов и свободной любви, также сыграли немалую роль в расшатывании семейных устоев. Само по себе советское законодательство о семье 20-х и 30-х годов, признававшее в качестве принципиальной основы полное равенство между мужчиной и женщиной, несомненно имело прогрессивный характер. Но, провозгласив равенство мужчины и женщины во всем, включая производство, и открыв женщине теоретически доступ к любой профессии и любым должностям, государство не обеспечило необходимых экономических и социальных условий, подкрепляющих равенство полов.

На женщину легли двойные обязанности: материальная поддержка семьи и заботы о самой семье и о воспитании детей. Хотя государство и взяло на себя, особенно в крупных промышленных центрах, часть заботы о детях, создав сеть яслей и детских садов, но их было далеко недостаточно. Спасал в некоторой мере институт «бабушек».

В конце войны советское государство возвращается к старой, «буржуазной» концепции: семья — первоначальная ячейка общества. Сталин догадался, что прочная семья значительно облегчает задачу управления народом. Доктрина нерегистрированных браков и свободной любви в корне противоречила

задачам и практике советского социалистического государства с его политикой ограничения передвижения и контроля над жизнью граждан посредством паспортной системы.

В 1944 году был издан новый закон о семье.⁵⁸ Отныне государство признавало только зарегистрированные браки. Вновь возродилось понятие незаконнорожденных детей. Формально их так не называли, но в свидетельстве о рождении, в графе «отец» ставился прочерк. Процедура разводов значительно усложнилась. Развод перестал быть актом желания лишь одной из сторон. Требовалось согласие обеих сторон. За развод нужно было уплатить государству довольно существенную сумму.

Государство подчеркнуло ответственность семьи за воспитание детей в коммунистическом (т. е. конформистском) духе.

Закон 1944 года имел также своей долговременной целью увеличение народонаселения страны. Аборты были запрещены. Матери-одиночки получили пособия от государства. Были введены специальные правительственные награды для многодетных матерей.

Законодательство о семье 1944 года отражало социальные сдвиги, происходившие в стране. Завершалось формирование современного советского общества с его конформистской моралью и внутренним стремлением к успокоению после многих лет страданий и испытаний. Если первое послереволюционное поколение хотело вырваться из узких рамок «старого быта», то остатки поколений 20-х и 30-х годов мечтали об устойчивой семейной жизни, возможно о возврате к мифическому «старому доброму времени». Но здесь возникло серьезное противоречие между намерением государства и стремлением граждан. Семья — изначальная ячейка государства-общества — могла также и противостоять ему. Для многих семья стала укрытием и защитой от «всевидающего ока» партии и от «всеслышащих» ушей государства.

Продолжало оставаться в силе введенное еще во время войны разделение в школах на классы по принципу пола. Раздельное обучение мальчиков и девочек имело глубоко отрицательные психологические последствия. Школьников одели в мундирчики и в фуражки, напоминающие форму, которую носили гимназисты в царское время. Говорят, что был проект введения формы для работников Академии наук, но не успели дого-

вориться о количестве звезд на погонах академиков...

Форма, надетая на служащих и школьников, стала как бы обрамлением советского общества позднесталинского времени.

* * *

В 1947 году значительную часть европейской территории страны постиг голод. Он возник после сильной засухи, охватившей основные сельскохозяйственные житницы европейской части СССР: значительную часть Украины, Молдавию, Нижнее Поволжье, центральные районы России, Крым. В предшествующие годы государство подчистую забирало урожай в счет государственных поставок, не оставляя иногда даже семенного фонда. Неурожай случился в ряде областей, подвергшихся немецкой оккупации, то есть многожды ограбленных и чужими и своими. В результате не было никаких запасов продовольствия, чтобы пережить тяжелое время. Советское же государство требовало от дочиста ограбленных крестьян все новые и новые миллионы пудов зерна. Например, в 1946 году, в год сильнейшей засухи, украинские колхозники должны были сдать государству 400 млн. пудов (7,2 млн. тонн) зерна. Эта цифра, как и большинство других плановых заданий, произвольно была установлена и никак не соотносилась с действительными возможностями украинского сельского хозяйства.

Отчаявшиеся крестьяне слали письма украинскому правительству в Киев и союзному в Москву, умоляя прийти им на помощь и спасти от голодной смерти. Хрущев, который был в то время первым секретарем ЦК КП(б)У после долгих и мучительных колебаний (он опасался быть обвиненным в саботаже и потерять свое место) все же послал письмо Сталину, в котором просил разрешить временно ввести карточную систему и сохранить продовольствие для снабжения сельскохозяйственного населения.⁵⁹ Сталин в ответной телеграмме грубо отверг просьбу украинского правительства. Теперь украинских крестьян ожидали голод и смерть. Народ начал умирать тысячами. Появились случаи каннибализма. Хрущев приводит в своих мемуарах письмо к нему секретаря Одесского областного комитета партии А. И. Кириченко, посетившего в зиму 1946-1947 года один из колхозов. Вот, что он сообщал: «Я увидел

ужасную сцену. Женщина положила трупик своего собственного ребенка на стол и разрежала его на куски. Она безумолчно говорила, когда это делала: «Мы уже съели Манечку. Теперь мы засолим Ваничку. Это поддержит нас некоторое время». Можете Вы себе это представить? Женщина сошла с ума на почве голода и разрубила своих собственных детей на куски!»⁶⁰ Голод бушевал на Украине.

Однако Сталин и его ближайшие помощники не желали считаться с фактами. На Украину был послан беспощадный Каганович в качестве первого секретаря ЦК КП(б)У, а Хрущев временно впал в немилость, был перемещен на пост Председателя Совнаркома Украины. Но никакие перемещения не могли спасти положения: голод продолжался, и он унес около миллиона человеческих жизней.

* * *

Вскоре после окончания войны в Прибалтике, в западных областях Украины, Белоруссии и в Молдавии были приняты энергичные меры по унификации всей хозяйственной и политической жизни этих областей наподобие остальных частей Советского Союза. Унификация проводилась путем сочетания различных методов: депортации, аграрной реформы, «раскулачивания» и коллективизации, иммиграции нового населения.

Прежде всего была проведена новая депортация «политически неблагонадежных» и «классово-чуждых» элементов. В деревне происходила конфискация собственности зажиточных владельцев и, на первом этапе, распределение земли между безземельными и малоземельными крестьянами. Но очень скоро, начиная с 1947 года, началась коллективизация, встреченная крестьянским населением враждебно. Например, через два года после начала коллективизации, летом 1949 года, несмотря на меры принуждения и нажима, депортацию и запугивание, 30% крестьянских дворов в Эстонии оставались индивидуальными владениями.

Быстро окончился период аграрной реформы в Латвии. Следуя традиции, партия, как написано в официальной истории Латвийской ССР, «перешла от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса. Создавая колхозы, кре-

стьяне постановляли не принимать в них кулаков». Как полагается, появились и вредители... «Активных вредителей, — читаем мы дальше, — предавали суду, других кулаков выслали за пределы республики (т. е. в Сибирь — авт.), а их земельные участки присоединяли к землям колхозов».⁶¹ Массовые аресты в Прибалтике не миновали даже депутатов Верховных Советов. В Литве, когда один из арестованных воскликнул: «Я же депутат!», офицер МВД спокойно ответил: «Ничего, ничего, в Сибири депутаты тоже нужны...».

Авторы учебника «История СССР» Эпоха социализма (изд. 3-е, Москва, 1974 г.) пишут: «ЦК ВКП(б) постановлением от 21 мая 1947 г. о колхозном строительстве в Прибалтийских республиках предупредил местные органы, что в этом важном деле не следует проявлять никакой торопливости, и рекомендовал создавать колхозы на основе полной добровольности... и на базе современной машинной техники, вокруг хорошо оснащенных МТС».

Важную роль в подготовке коллективизации сыграли простейшие формы кооперирования крестьян».⁶² Но, заметим, здесь не говорится ни слова о том, как было на самом деле. А вот, что было написано в Истории Латвийской ССР, изданной в 1958 году.

Не было попыток «использовать уже существовавшие формы сельскохозяйственной кооперации... как исходную базу. Широкая сеть сельскохозяйственной кооперации, охватывавшая три четверти крестьянских хозяйств, была ликвидирована... Коллективизация основной массы крестьянства была проведена весной 1949 года форсированными темпами, доходившими в ряде случаев до нарушения принципа добровольности».⁶³ Как видим, разница между двумя версиями колоссальная. Первая просто фальсифицирует события, вторая дает понять читателю, что на самом деле произошло. В первом случае даже упоминания нет, что принудительная коллективизация явилась причиной вооруженной борьбы в латвийской деревне, вслед за которой последовали массовые репрессии — «...Советская власть вынуждена была изолировать часть кулаков и другие враждебные элементы».⁶⁴

Вооруженное сопротивление насильственной коллективизации продолжалось, например, в Литве еще не один год. VII съезд компартии Литвы (сентябрь 1952 года) уделил большое

внимание борьбе против «бандитского подполья буржуазных националистов», против пережитков буржуазной националистической идеологии и религиозных предрассудков...⁶⁵

Коллективизация встретила вооруженный отпор и на территории западных областей Белоруссии.⁶⁶

В первые пять лет после войны в Прибалтике была проведена широкая индустриализация на базе реконструкции старой и создания новой энергетической системы. Спустя три года после окончания войны уровень индустриального развития в прибалтийских республиках был выше предвоенного. Объем промышленной продукции Эстонии (сланцево-химическая промышленность, машиностроение и прочее) увеличился в 1950 году по сравнению с довоенным уровнем более чем в 3,4 раза.⁶⁷ Количество рабочих и служащих в Прибалтике возросло в 1950 году по сравнению с 1940 годом на 40%.⁶⁸

В Латвии довоенный уровень промышленности был превзойден в 1950 году в три раза, в Литве за тот же период в два раза.⁶⁹

Превращение прибалтийских государств в индустриальные разрушал старую социальную структуру. Менялся быстро, особенно в более промышленно развитых Эстонии и Латвии, этнический состав населения. В городах селились русские и украинцы. Их назначали на ответственные должности. В портах Прибалтики появилось много военных моряков. Главная стратегическая цель советского руководства заключалась в изменении соотношения национального состава населения в Прибалтике и создания там прочной опоры из числа не-прибалтов.

Этнические группы в Прибалтике жили обособленно, своими собственными культурными интересами. Антирусские, часто идентифицируемые с антисоветскими, настроения были очень сильны среди местного населения.

На протяжении 40-х годов в Прибалтике, особенно в Литве и в Латвии, продолжалась вооруженная борьба против советской власти, носившая и с той, и с другой стороны весьма ожесточенный характер.

Трудности первых послевоенных лет усугублялись огромным ущербом, понесенным во время войны сельским хозяйством. Оккупанты разорили 98 тыс. колхозов и 1876 совхозов,⁷⁰ забрали и зарезали многие миллионы голов скота, почти полностью лишили сельские местности оккупированных райо-

нов тягловой силы. В аграрных районах количество трудоспособных сократилось почти на одну треть.

Оскудение людских ресурсов в деревне было также результатом естественного процесса роста городов. Деревня теряла за год в среднем до 2 млн. человек.⁷¹ Тяжелые условия жизни в деревнях заставляли молодежь уходить в города. Часть демобилизованных солдат осела после войны в городах и не пожелала возвратиться к сельскому хозяйству.

Во время войны во многих районах страны значительные площади принадлежавших колхозам земель были переданы предприятиям и городам, или незаконно захвачены ими. В других районах земля стала предметом купли-продажи. Еще в 1939 году было издано постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома о мерах борьбы с разбазариванием колхозных земель. С точки зрения только что произведенной «революции сверху» в деревне тенденция к возрождению индивидуального землевладения вскрывала тот тщательно маскируемый властью факт, что несмотря на драконовские меры по преобразованию деревни, психологического перелома среди крестьянского населения страны не произошло. Революция в деревне была для крестьян скорее актом насилия, чем справедливости, ибо земля, изъятая у прежних владельцев, не была перераспределена по душам, а передана колхозам, иначе говоря, присвоена государством. Теперь же земли захватывались просто более сильными, то есть заводами и городскими властями.

Советское руководство полностью осознало смысл происходящего. В новом постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) по поводу разбазаривания колхозных земель, изданном 19 сентября 1946 года, «извращения» в деревне были названы «глубоко вредными для дела колхозов и крайне опасными для всего социалистического строительства нашей страны».⁷²

К началу 1947 года было обнаружено более 2255 тысяч случаев присвоения или использования земли, в целом 4,7 млн. га. Между 1947 и маем 1949 года дополнительно было вскрыто использование 5,9 млн. га колхозных земель.⁷³ Вышестоящее начальство, начиная от местного и кончая республиканским, нагло грабило колхозы, взимая с них под разными предлогами фактически натуральный оброк.

Задолженность разных организаций колхозам составляла к сентябрю 1946 года 383 млн. рублей.⁷⁴

В Акмолинской области Казахской ССР было взято у колхозов начальством в 1949 году 1500 голов скота, 3 тысячи центнеров зерна и продуктов на сумму около 2 млн. рублей. Расхитители, среди которых были руководящие партийные и советские работники, не были привлечены к ответственности.⁷⁵

Разбазаривание колхозных земель и добра, принадлежащего колхозам, вызвало большое возмущение колхозников. Например, на общих собраниях колхозников в Тюменской области (Сибирь), посвященных постановлению от 19 сентября 1946 года участвовало 90 тысяч колхозников и активность была необычной: выступило 11 тысяч колхозников. В Кемеровской области на собраниях по выборам новых правлений были отведены кандидатуры 367 председателей колхозов, 2250 членов правлений и 502 председателей ревизионных комиссий прежнего состава.⁷⁶ Однако и новый состав правлений не мог добиться сколько-нибудь значительного перелома: государственная политика оставалась прежней. Поэтому выхода из тупика не было.

После окончания войны производство тракторов, сельскохозяйственных машин и инвентаря быстро налаживалось. Но несмотря на улучшение снабжения сельского хозяйства машинами, тракторами, укрепления материально-технической базы совхозов и МТС, положение в сельском хозяйстве оставалось катастрофическим. Государство продолжало вкладывать в сельское хозяйство крайне незначительные средства — в послевоенной пятилетке всего 16% от всех ассигнований на народное хозяйство.

В 1946 году было засеяно только 76% посевной площади по сравнению с 1940 годом. Из-за засухи и других неурядиц урожай 1946 года был ниже даже по сравнению с полувоенным 1945 годом. «Фактически по производству зерна страна длительный период находилась на том уровне, который имела дореволюционная Россия», — признавал Н. С. Хрущев.⁷⁷ В 1910-1914 годах валовой сбор зерна составлял 4380 млн. пудов, в 1949-1953 годах — 4942 млн. пудов.⁷⁸ Урожайность зерновых была ниже урожайности 1913 года, несмотря на механизацию, удобрения и прочее.

Урожайность зерновых

1913	— 8,2 центнера с гектара
1925-1926	— 8,5 центнера с гектара
1926-1932	— 7,5 центнера с гектара
1933-1937	— 7,1 центнера с гектара
1949-1953	— 7,7 центнера с гектара

Соответственно было меньше произведено сельскохозяйственных продуктов и на душу населения. Принимая предколлективизационный период 1928-1929 годов за 100, производство в 1913 году составляло 90,3, в 1930-1932 — 86,8, в 1938-1940 — 90,0, в 1950-1953 — 94,0.⁷⁹ На самом же деле снижение потребления зерна было значительно большим, ибо в приводимых выше данных не учтено снижение экспорта зерна (с 1913 по 1938 год в 4,5 раза), сокращение поголовья скота и, следовательно, расхода зерновых. Поголовье лошадей сократилось с 1928 по 1935 год на 25 млн. голов, что давало экономию более 10 млн. тонн зерновых или 10-15% от валового сбора зерновых того времени.⁸⁰

В 1916 году на территории России (в современных границах) было 58,38 млн. крупного рогатого скота, на 1 января 1941 года его количество сократилось до 54,51 млн., а в 1951 году было 57,09 млн. голов, то есть все еще было ниже уровня 1916 года.⁸¹ Количество коров превысило уровень 1916 года лишь в 1955 году.⁸² В целом же, согласно официальным данным, с 1940 по 1952 год валовая продукция сельского хозяйства возросла (в сопоставимых ценах) всего на 10%!⁸³

Пленум ЦК ВКП(б) в феврале 1947 года потребовал еще большей централизации сельскохозяйственного производства, фактически лишив колхозы права решать не то что сколько, а что сеять. В машинно-тракторных станциях были восстановлены политотделы — пропаганда должна была заменить пищу вконец изголодавшимся и обнищавшим колхозникам. Колхозы были обязаны помимо выполнения государственных поставок, засыпать семенные фонды, отложить часть урожая в неделимый фонд, а лишь после этого выдавать колхозникам деньги на трудодни. Государственные поставки по-прежнему планировались из центра, перспективы урожая определялись на глазок, а реальный урожай был часто намного ниже запла-

нированного. Первая заповедь колхозников «сначала отдай государству» должна была быть выполнена любым способом. Местные партийные и советские организации часто заставляли более успевающие колхозы расплачиваться зерном и другими продуктами за своих оскудевших соседей, что в конечном счете вело к обнищанию и тех, и других. Колхозники кормились главным образом за счет продуктов, выращенных на их карликовых приусадебных участках. Но для вывоза своих продуктов на рынок они нуждались в специальной справке, удостоверявшей, что они рассчитались с обязательными государственными поставками. В противном случае их считали дезертирами и спекулянтами, подвергали штрафам и даже тюремному заключению. Увеличились налоги на личные приусадебные участки колхозников. От колхозников требовали в виде натуральных поставок продукты, которые они часто не производили. Поэтому они были вынуждены приобретать эти продукты по рыночной цене и сдавать их государству бесплатно. Такого ужасного состояния русская деревня не знала даже во времена татарского ига.

В 1952 году государственные цены на поставки зерна, мяса и свинину были ниже, чем в 1940. Цены, уплачиваемые за картофель, были ниже расходов по транспортировке. Колхозам платили в среднем 8 рублей 63 копеек за центнер зерна. Совхозы же получали за центнер 29 рублей 70 копеек.

Для того, чтобы купить килограмм масла, колхозник должен был отработать... 60 трудодней, а чтобы приобрести весьма скромный костюм, нужен был годовой заработок.⁸⁴

В большинстве колхозов и совхозов страны в начале 50-х годов собирались крайне низкие урожаи. Даже в таких богатых областях России, как Центрально-Черноземная область, Поволжье и Казахстан урожаи оставались крайне низкими, ибо центр бесконечно предписывал им, что сеять и как сеять. Дело однако заключалось не только в глупых приказах сверху и недостаточной материально-технической базе. На протяжении многих лет из крестьян выколачивали любовь к своей работе, к земле. Когда-то земля вознаграждала их за затраченный труд, за их преданность своему крестьянскому делу иногда щедро, иногда скудно. Теперь этот стимул, получивший официальное название «стимул материальной заинтересованности» исчез. Работа на земле превращалась в бес-

платный или малоодоходный принудительный труд.

Многие колхозники голодали, другие систематически недоедали. Спасали приусадебные участки. Особенно тяжелое положение было в европейской части СССР. Гораздо лучше обстояло дело в Средней Азии, где были высокие заготовительные цены на хлопок — основную сельскохозяйственную культуру, и на юге, специализировавшемся на овощеводстве, производстве фруктов и виноделии.

В 1950 году началось укрупнение колхозов. Их количество сократилось с 237 тысяч до 93 тысяч в 1953 году.⁸⁵ Укрупнение колхозов могло способствовать их экономическому укреплению. Однако недостаточные капиталовложения, обязательные поставки и низкие заготовительные цены, отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов и механизаторов и, наконец, ограничения, наложенные государством на личные приусадебные хозяйства колхозников, лишали их стимула к работе, разрушали надежды выбиться из тисков нужды.

Гордиев узел сельского хозяйства Хрущев предложил в 1951 году разрубить путем создания агрогородов, то есть крупных сельскохозяйственных предприятий взамен многочисленных и маломощных колхозов. Хрущев был подвергнут за свое предложение резкой критике в печати. И это понятно, так как предложение Хрущева фактически означало признание провала многолетней аграрной политики партии. Идея Хрущева перекликалась с аграрной реформой, начатой в России Столыпиным незадолго до революции, которая должна была привести к созданию крупного товарного свободного крестьянского хозяйства. Теперь Хрущев предлагал создать крупные рентабельные сельскохозяйственные предприятия, основанные на превращении колхозного крестьянства в сельскохозяйственных рабочих. Однако реальных материальных предпосылок для осуществления плана Хрущева не было.

Руководство государством продолжало трубить об успехах «социалистического» государства. На XIX съезде партии главный докладчик Маленков объявил, не моргнув глазом, что зерновая проблема в СССР решена и собран урожай в 8 млн. пудов зерна.⁸⁶ Спустя всего два года, после смерти Сталина, было также официально объявлено, что все данные о сельскохозяйственном производстве в стране являются «липой».

33 миллиона колхозников, кормивших своим тяжелым трудом 200-миллионное население страны, оставалось вслед за зеками самым нищим, самым обиженным слоем советского общества.

Посмотрим теперь, каково было положение рабочего класса и других городских слоев в позднесталинское время.

Как известно, одним из первых актов Временного правительства после Февральской революции было введение 8-часового рабочего дня. До этого рабочие России работали по 10, а иногда и по 12 часов в день. Что касается колхозников, то их рабочий день, как и в дореволюционные годы, оставался ненормированным. В 1939 году был декретирован 7-часовой рабочий день и два выходных дня для городского населения. Но это поистине большое социальное улучшение продержалось всего год. 8-часовой рабочий день и один выходной день были восстановлены в 1940 году спустя год. Тогда же были введены и антирабочие законы, о которых упоминалось выше. Антирабочее законодательство было окончательно отменено только в 1956 году.

Согласно официальной советской статистике средняя заработная плата советского рабочего возросла более чем в 11 раз в период между началом индустриализации (1928) и концом эры Сталина (1954).⁸⁷ Но это не дает представления о реальной заработной плате. Советские источники дают фантастические выкладки, которые ничего общего с реальностью не имеют. Западные исследователи подсчитали, что в указанный период стоимость жизни, по самым консервативным подсчетам, увеличилась в период 1928-1954 годов в 9-10 раз. Однако рабочий в Советском Союзе имеет помимо официальной заработной платы, получаемой на руки, дополнительную, в виде социальных услуг, оказываемых ему государством. Оно возвращает трудящимся в виде бесплатного медицинского обслуживания, образования и прочего часть заработка, отчуждаемого государством.

Согласно подсчетам крупнейшего американского специалиста по советской экономике Жанет Чепмен дополнительные прибавки к заработной плате рабочих и служащих с учетом происшедших изменений в ценах, после 1928 года составляли: в 1928 году — 15,8%; в 1937 — 22,1%; в 1940 — 20,7%; в 1948 — 29,6%; в 1952 — 22,2%; в 1954 — 21,5%.⁸⁸ Стоимость

жизни в те же годы росла следующим образом, принимая 1928 год за 100:

1937	1940	1944	1948	1952	1954
478	679	952	1565	1053	900

Таким образом стоимость жизни к концу сталинской эры возросла в 9-10 раз по сравнению с периодом перед коллективизацией.⁸⁹

Реальная заработная плата за тот же период, исключая налоги и подписку на заем, но включая прибавку к заработной плате на социальные нужды, была:

1920	1937	1940	1944	1948	1952	1954
100	86	78	64	59	94	119 ⁹⁰

Из этой таблицы видно, что рост заработной платы советских рабочих и служащих был ниже роста стоимости жизни. Например, к 1948 году заработная плата в денежном выражении удвоилась по сравнению с 1937 годом, но стоимость жизни выросла более чем в три раза. Падение реальной заработной платы было связано также с увеличением суммы подписки на заем и налогообложения. Значительное повышение реальной заработной платы к 1952 году все же было ниже уровня 1928 года, хотя и превышало уровень реальной заработной платы предвоенных 1937 и 1940 годов.

Для того, чтобы составить правильное представление о положении советского рабочего по сравнению с его зарубежными собратьями, сравним, сколько продуктов можно было купить за 1 час затраченной работы. Приняв исходные данные часовой заработной платы советского рабочего за 100, мы получим такую сравнительную таблицу:

Страна	1928	1936-1938	1950	1951-1952
СССР	100	100	100	100
Австрия	90	158	200	167
Чехословакия	94	142	329	—
Франция	112	283	221	200
Германия	142	213	271	233
Великобритания	200	192	443	361
Соединенные Штаты	370	417	714	556 ⁹¹

Картина разительная: за одно и то же затраченное время английский рабочий мог приобрести в 1952 году более чем в 3,5 раза больше продуктов, а американский рабочий в 5,6 больше продуктов, чем советский рабочий.

У советских людей, особенно старших поколений, укоренилось мнение, что, мол, при Сталине ежегодно снижали цены, а при Хрущеве и после него цены постоянно росли. Отсюда происходит даже некоторая ностальгия по сталинским временам.

Секрет понижения цен чрезвычайно прост: он основан, во-первых, на огромном взлете цен после начала коллективизации. В самом деле, если принять цены 1937 года за 100, то окажется, что цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10,5 раза, а к 1952 году почти в 19 раз! Цены на говядину 1 сорта возросли с 1928 по 1937 год в 15,7, а в 1952 году — в 17 раз; на свинину соответственно в 10,5 и в 20,5 раза. Цена на сельдь выросла к 1952 году почти в 15 раз. Стоимость сахара поднялась к 1937 году в 6 раз, а к 1952 году в 15 раз. Цена на подсолнечное масло поднялась с 1928 по 1937 год в 28 раз, а с 1928 до 1952 — в 34 раза. Цены на яйца возросли с 1928 по 1937 в 11,3 раза, а к 1952 году в 19,3 раза. И, наконец, цены на картофель поднялись с 1928 по 1937 год в 5 раз, а в 1952 году были в 11 раз выше уровня цены 1928 года.

Все эти данные почерпнуты из советских ценников за разные годы.⁹²

Подняв один раз цены на 1500-2500 процентов, потом было уже довольно несложно устраивать трюк с ежегодным понижением цен. Во-вторых, снижение цен происходило за счет ограбления колхозников, то есть чрезвычайно низких государственных слаточных и закупочных цен. Еще в 1953 году заготовительные цены на картофель в Московской и Ленинградской областях равнялись... 2.5-3 копейками за 1 килограмм.⁹³ Наконец, большинство населения вообще не ощущало разницы в ценах, так как государственное снабжение было очень плохим, во многих областях годами не завозили в магазины мясо, жиры и другие продукты.

Таков «секрет» ежегодного снижения цен в сталинские времена.

Рабочий в СССР спустя 25 лет после революции продолжал питаться хуже, чем западный рабочий.

Обострился жилищный кризис. По сравнению с дореволюционным временем, когда проблема жилья в густонаселенных городах была нелегкой (1913 год — 7 кв. метров на 1 человека), в послереволюционные годы, особенно в период коллективизации, жилищная проблема необычайно обострилась. Массы сельских жителей хлынули в города, ища спасения от голода или в поисках работы. Гражданское жилищное строительство в сталинские времена было необычайно ограничено. Квартиры в городах получали ответственные работники партийного и государственного аппарата. В Москве, например, в начале 30-х годов был выстроен огромный жилой комплекс на Берсеневской набережной — Дом Правительства с большими комфортабельными квартирами. В нескольких стах метрах от Дома Правительства находится другой большой жилой комплекс — бывшая богадельня, превращенная в коммунальные квартиры, где на 20-30 человек была одна кухня и 1-2 туалета.

До революции большинство рабочих жило неподалеку от предприятий в казармах, после революции казармы назвали общежитиями. Крупные предприятия выстраивали новые общежития для своих рабочих, квартиры для инженерно-технического и административного аппарата, но решить жилищную проблему было все равно невозможно, так как львиная доля ассигнований расходовалась на развитие индустрии, военной промышленности, энергетической системы.

Жилищные условия для подавляющего большинства городского населения ухудшались в годы правления Сталина с каждым годом: темпы роста населения значительно превышали темпы гражданского жилищного строительства.

В 1928 году жилищная площадь на 1 городского жителя составляла 5,8 кв. метров, в 1932 году — 4,9 кв. метров, в 1937 году — 4,6 кв. метров.

План 1-й пятилетки предусматривал строительство новых 62,5 млн. кв. метров жилой площади, выстроено же было лишь 23,5 млн. кв. метров. По 2-му пятилетнему плану планировалось выстроить 72,5 млн. кв. метров, было выстроено в 2,8 раза меньше — 26,8 млн. кв. метров.⁹⁴

В 1940 году жилищная площадь на 1 городского жителя составляла 4,5 кв. метров.

Через два года после смерти Сталина, когда началось массовое жилищное строительство, на 1 городского жителя при-

ходило 5,1 кв. метров. Для того, чтобы отдать себе отчет, в какой скученности люди жили, следует упомянуть, что даже официальная советская жилищная норма составляет 9 кв. метров на одного человека (в Чехословакии — 17 кв. метров). Многие семьи ютились на площади в 6 кв. метров. Жили не семьями, но кланами — по два-три поколения в одной комнате.

Клан уборщицы крупного московского предприятия в 13 человек А-вой жил в общежитии в комнате площадью в 20 кв. метров. Сама уборщица была вдовой коменданта пограничной заставы, погибшего в начале германо-советской войны. В комнате было всего семь стационарных спальных мест. Остальные шесть человек — взрослые и дети раскладывались на ночь на полу. Сексуальные отношения происходили почти на виду, к этому привыкли и не обращали внимания. В течение 15 лет три семьи, проживавшие в комнате, безуспешно добивались расселения. Лишь в начале 60-х годов их расселили.

В таких условиях жили сотни тысяч, если не миллионы, городских жителей Советского Союза. Это было обыденным явлением. Еще в 1975 году жилищные управления в Москве не брали на учет для улучшения жилищных условий граждан, если на 1 человека приходилось больше 5 кв. метров жилой площади. Таково было наследие сталинской эпохи.

Ахиллесовой пятой советской экономики была и остается проблема повышения производительности труда. Между 1928 годом и началом новой послесталинской эпохи (1955) производительность труда возросла в среднем по всей советской промышленности в два раза. Сложная система поощрений и премий призвана стимулировать рост производительности труда. В денежном выражении эта система означает в случае выполнения и перевыполнения плана прибавку к заработной плате. Премии, как правило, выше у инженерно-технического персонала и значительно ниже у рабочих. Для рабочих эта прибавка в среднем колеблется от 5 до 10% к их заработной плате.⁹⁵

Хотя рабочий класс теоретически считался главной движущей силой советского общества, его реальное политическое значение падало по мере численного роста бюрократической элиты и увеличения ее роли в государстве. Идентификация элитой своих интересов как интересов всего народа нашла свое отражение затем в основных партийных документах —

уставе и программе КПСС. На закате сталинской эры определение партии как «организованного авангарда рабочего класса СССР и высшей формой его классовой организации» была заменена другой формулой: «добровольная боевая организация коммунистов-единомышленников». Упоминание о рабочем классе исчезло вовсе. Это знаменовало не только переход от концепции диктатуры пролетариата к общенародному государству, но также и констатацию реального снижения роли рабочего класса, хотя партийные боссы и продолжали говорить от его имени и называть его ведущей силой советского социалистического общества.

* * *

Мы уже упоминали о том, что благоприятный для Советского Союза поворот в войне после Сталинградской битвы был использован руководством для восстановления моральных позиций, утраченных партией в начале войны. Был взят курс на резкое увеличение численного состава партии в Действующей армии и в тылу. Авторитет партии восстанавливался по мере успехов Армии. Это наглядно видно из следующих данных о численности партии во время войны и в первые послевоенные годы.

На 1 января 1941 года ВКП(б) насчитывала 3872 тыс. человек. За время войны погибло более 3 млн. членов ВКП(б).⁹⁶ Однако на 1 января 1946 года численный состав партии вырос в 1,5 раза и составлял 5511 тысяч.⁹⁷ Особенно быстро партия росла со второй половины 1942 года и до окончания войны. Во втором полугодии 1941 года в ВКП(б) вступило (кандидатов и членов) 343,5 тыс. человек, во втором полугодии 1942 года — 1147 тысяч, в 1943 году — 2794 тысяч, в 1944 — 2416 тысяч.⁹⁸

Вступление в партию в Действующей армии было облегчено специальным постановлением, кандидатский стаж для отличившихся в боях был сокращен с года до 6 месяцев. В военные годы многие вступали в партию по своим убеждениям, видя в ней организатора борьбы против нацистских захватчиков, особенно это относилось к фронтовикам, которым вступление в партию не сулило никаких выгод, разве что умереть раньше

других. Лозунг «Коммунисты, вперед!» был не только лозунгом, но повседневностью фронтовой жизни. Разумеется, политработники армии проводили большую предварительную работу по отбору в партию. Бывало немало случаев, когда вступить в партию предлагали и отказаться было в особых условиях фронта просто невозможно. В тылу дело обстояло несколько иначе. Конечно, многие вступали в партию и здесь по патриотическим побуждениям. Но было немало и таких, кто понимал, что членство в партии лучше обеспечит карьеру.

Цифры о социальном составе Коммунистической партии могли бы послужить важным источником, подтверждающим падение значения рабочего класса в СССР. Но в последний раз такие данные были опубликованы на XVII съезде партии в 1934 году. Среди членов партии 60% составляли рабочие, вернее выходцы из рабочих, так как процент непосредственно работавших на производстве был во много раз ниже — 9,3%. Согласно партийной традиции к категории рабочих относили и относят также и работников партийного аппарата. Крестьян было 8% и служащих 32%.⁹⁹

Западные исследователи, пользуясь сведениями об образовании делегатов съездов, данными местных партийных конференций и прочими подсчитали, что к XIX съезду КПСС (1952 год) — последний съезд при жизни Сталина — процент рабочих среди делегатов составлял лишь 6,7, а крестьян — 7,8.¹⁰⁰

Коммунистическая партия Советского Союза, несмотря на усиление притока в партию во время войны выходцев из рабочих и крестьян, фактически превратилась в партию «представительной элиты»,¹⁰¹ в партию партийных и государственных чиновников, профессионалов в разных областях, партийных интеллектуалов. Для большинства из них членство в партии было делом не их убеждений, а необходимым условием успешной карьеры. Политически, состав партии также изменился радикально: большинство старых большевиков было уничтожено во время террора 30-х годов, второе поколение коммунистов понесло основательный урон во время войны.

Аналогичные изменения произошли и в социальном составе советов, начиная от местных и кончая Верховными Советами республик и Верховным Советом СССР. Чем выше орган власти, тем меньше становилось в нем рабочих от станка и кре-

стьян всё еще связанных с землей. Но и те, кто числились под этими рубриками, представляли на самом деле новую рабочую или колхозную аристократию, коррумпированную и развращенную властью. Среди депутатов Верховного Совета СССР было в 1937 году 42,0% рабочих, 29,5% крестьян и 28,5% интеллигенции. В 1950 году соответствующие цифры — 31,8; 20,4; 47,8.¹⁰²

Партия решительно усиливала свое влияние, не оставляя без внимания ни материальную, ни духовную, ни нравственную сферы жизни «нового советского человека».

От местных партийных организаций потребовали более строгого контроля над моралью и нравственностью подчиненных им членов партии и их семей. Доносительство на «аморальное» поведение стали рутинным делом. Партийные бюро предприятий и учреждений, местные профсоюзные комитеты, а также вышестоящие партийные и государственные органы были завалены заявлениями-доносами и жалобами. Семейные склоки и неурядицы стали предметом общественного обсуждения. Личная и семейная жизнь советских граждан была выставлена на публичное обозрение. Лицемерие и ханжество стали в позднесталинское время едва ли не самой характерной чертой советского общества.

Война ускорила процесс кристаллизации современного советского общества. Но его окончательному оформлению препятствовал все в большей степени режим произвола и террора, который был постоянной угрозой для всех слоев общества, от самых высших и до низших.

Во время войны произошли серьезные сдвиги в структуре высшей бюрократии.

Численно выросла и окрепла военная бюрократия, которая имела явную тенденцию к кастовому обособлению.

Во время террора 30-х годов был уничтожен почти полностью советский генералитет, а оставшиеся в живых превращены в механических исполнителей воли партийного руководства. Однако события войны, во время которых командирам нужно было принимать самостоятельные решения, несмотря на все ограничения, налагаемые на них Ставкой Верховного командования, вновь возродили чувство ответственности офицерского корпуса и подняли его значение в его собственных глазах, но что не менее важно, в глазах населения. На какое-

то короткое время маршалы и генералы стали реальной силой. Правда, за ними было установлено строгое наблюдение со стороны государственной безопасности. Их адъютанты, шоферы, любовницы служили часто информаторами органов безопасности. И не один поплатился за неосторожно сказанное слово. Очень скоро после окончания войны наиболее популярных маршалов начали удалять в провинцию. Маршал Жуков, наиболее выдающийся из всех советских полководцев, был отправлен в Одессу командовать военным округом. Другие были разосланы в оккупационные войска в Германию и в восточноевропейские страны, третьих постепенно отправляли в запас и в отставку, а некоторых в тюрьму.

Для того, чтобы содержать офицерский корпус в полной покорности, государство на первых порах предоставило возвратившимся с фронта значительные льготы. Высшим офицерам выделялись райисполкомами по их месту жительства земельные участки для строительства домов. Генералы получали большие участки земли. Маршалам и высшему генералитету выделили на очень льготных условиях государственные дачи с полным обслуживанием. Для генералитета были восстановлены закрытые магазины, пошивочные мастерские, где они и их семьи могли производить закупки по самым низким ценам.

Во время войны выросла и окрепла другая часть бюрократии — военно-инженерная — руководители крупных предприятий военной промышленности и строительства.

Усилилось значение органов государственной безопасности. Их численность неимоверно выросла. Костяком аппарата госбезопасности стали офицеры военной контрразведки СМЕРШ, а ее начальник — руководителем государственной безопасности страны.

Органы суда, прокуратуры, милиции пополнились демобилизованными офицерами. Бывшие военнослужащие из крестьян, не нашедшие себе после войны применения ни в армии, ни в городе, становились нередко по возвращению домой председателями колхозов, но руководить колхозом было куда труднее, чем командовать батальоном или даже ротой.

Во время войны патриотизм народа сыграл немалую роль в спасении страны от нацистского нашествия. После окончания

войны народ рассчитывал на облегчение своего положения. Вместо этого его призвали к новым жертвам. Абстрактная идея построения социализма не могла больше вдохнуть энтузиазм в души измученных людей. Тогда партия прибегла к давно испытанному трюку — запугиванию населения угрозой империалистической агрессии. Газеты зашумели о необходимости противостоять наступлению западных держав, которые, мол, хотят лишить советский народ плодов его победы над гитлеризмом. Но этот враг — западный империализм — все же был какой-то неясный, расплывчатый, не ухватишь его. Поэтому гораздо практичнее было с точки зрения руководства повести борьбу против агентуры этого врага в пределах Советского Союза, агентуры, которую можно было легко персонифицировать. На расправу был вытасчен реальный, физически существующий «враг» в образе интеллигента-космополита с нерусской фамилией. Это было доступно пониманию каждого трудового человека. А тем, кто сомневался, суть дела авторитетно разъясняла партийная печать, лекторы и преподаватели университетов марксизма-ленинизма, которые повсеместно насаждались в стране в послевоенные годы.

Нужда партии в эксплуатации патриотических чувств была огромной. Сталин прекрасно понимал, что в ближайшие послевоенные годы патриотизм будет самым сильным идеологическим оружием в руках партии. Его концепция советского патриотизма была, как большинство формул, которыми он манипулировал, предельно простой: советский патриотизм, заявил он в своем докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции означает: «глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны».¹⁰³

Понятие советского патриотизма включало также осознание превосходства советского общества над всеми другими обществами и гордость за него. И как следствие всего этого у нового Советского Человека, Хомо Советикус, должен был возникнуть комплекс особой его миссии, особого предназначения. А это есть самый опасный комплекс в человеческом обществе. Ибо отсюда рождается уверенность, что все позволено во имя великой цели. Насколько же цель действительно велика, целиком зависит от истолкования ее лидерами.

Советский патриотизм открывал для власти возможность заставить народ снова примириться с тяжелой жизнью, с новыми «временными затруднениями».

Этот народ был назван Сталиным в другой его речи — «винтиками».¹⁰⁴ А с винтиками известно, какое обращение: их можно ввинчивать и вывинчивать, иногда даже головки летят от неосторожного с ними обращения...

...На следующий день после выступления Сталина в одной из лабораторий Центрального аэродинамического института в Москве (ЦАГИ) сотрудники построились в колонну, голова в голову, и пошли по коридору, распевая: «Мы винтики, мы шпунтики».

* * *

Одним из наиболее острых проявлений кризиса советской системы в период правления Сталина была лысенковщина.

Т. Д. Лысенко, агробиолог, привлек внимание Сталина довольно нехитрым способом. Мечтая занять руководящие позиции в агробиологии, он объявил на Втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 года, что в то время, как в деревне против советской власти боролись кулаки, в городе то же самое делали «кулаки от науки». Сталин заплодировал первым и воскликнул: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» Так началось возвышение Лысенко. Он очень скоро стал президентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), изгнал оттуда подлинных ученых-генетиков, своих научных противников, а некоторых даже посадил. В 1940 году был арестован знаменитый русский генетик и растениевод Николай Иванович Вавилов, умерший в тюрьме в 1943 году. Были арестованы и расстреляны другие ведущие ученые в области сельскохозяйственных и биологических наук.¹⁰⁵

С именем Трофима Лысенко связано социальное явление, получившее наименование лысенковщина, подобно тому, как в царской России был Григорий Распутин и распутинщина. Оба явления были одного и того же характера. Распутин обещал царице спасти православную Русь. Лысенко обещал ЦК ВКП(б) и лично товарищу Сталину создать в короткий срок изобилие сельскохозяйственных продуктов. Оба уповали на чудо. Упо-

вали на чудо царь и царица, уповали на «научно обоснованное» чудо Сталин и ЦК ВКП(б).

Лысенко были предоставлены неограниченные возможности для организации изобилия: все — вплоть до возможности морального и физического истребления своих противников.

Уничтожение агробιологической науки и ученых-генетиков и биологов, начатое накануне войны, было с новой силой возобновлено вскоре после окончания войны.

Летом 1948 года Лысенко призвал своих оппонентов, придерживавшихся теории наследственности в происхождении видов, к открытой дискуссии. Те приняли этот вызов, не подозревая о том, что доклад Лысенко на августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ был предварительно одобрен ЦК ВКП(б). Это и было главным, но до поры до времени скрываемым аргументом Лысенко. После того, как все ведущие генетики откровенно высказались, Лысенко объявил им об одобрении его точки зрения, отрицающей гены и теорию наследственности, ЦК партии. Наступила заключительная часть спектакля, когда генетики, только что отстаивавшие свое право на научное мнение, вновь просили слова, чтобы принести покаяние.¹⁰⁶

После августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ началась расправа с генетиками, в результате которой научная работа в этой области фактически прекратилась, сотни подлинных научных работников, агрономов-опытников лишились работы. Повсеместно в стране утвердилось лысенковское лжеучение, нанесшее новый, следующий по силе после коллективизации и войны, удар по сельскому хозяйству страны. От этих трех ударов сельское хозяйство и экономика Советского Союза не могут оправиться до сих пор.

Сессия ВАСХНИЛ стала одновременно и отправной акцией коммунистической партии в области идеологии. Ближайшим помощником Лысенко и философским истолкователем его «метода» стал философ Презент.

Сессия ВАСХНИЛ была поставлена в пример другим наукам, как нужно бороться за отстаивание марксизма-ленинизма.

Генетика в стране была фактически запрещена. Один из ближайших подручных Лысенко проф. Нуждин писал после сессии ВАСХНИЛ: «Менделизм-морганизм осужден. Ему нет места в советской науке».¹⁰⁷ Но все же отдельные очаги ее

выжили, несмотря на свирепые гонения. Так, директор Института химической физики АН СССР академик Н. Н. Семенов, будущий лауреат Нобелевской премии, предоставил лабораторию известному генетику профессору Раппопорту, не требуя от него строгого отчета о направлении работы возглавленной им лаборатории.

Но дело было не только в захвате науки и административных постов в ней сторонниками Лысенко, которые становятся частью советской элиты. Лысенковщина выражала в сущности партийную политику и отношение партии к науке вообще. Подобно раку, лысенковщина начала быстро распространяться, ее метастазы появились повсюду.

Летом 1950 года объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР объявила единственными истинными последователями физиологического учения И. П. Павлова академика К. М. Быкова и его учеников. Все остальные направления были объявлены враждебными, их деятельность прекращена. Быков был любезен партии своей сервильностью и своими выступлениями за *русскую* науку и фактически против любых связей с зарубежной наукой. Почти все крупнейшие ученые-биологи и физиологи были объявлены отступниками в 1948—1950 годах: академики И. И. Шмальгаузен, А. Р. Жебрак, П. М. Жуковский, Н. П. Дубинин, Л. А. Орбели и его школа, А. Д. Сперанский и его ученики. Наиболее легкое обвинение было выдвинуто против проф. П. К. Анохина — беспечность относительно методологии.¹⁰⁸

Главной мишенью во всех этих кампаниях стали ученые-евреи. Удар был обрушен на академика-биолога Лину Штерн и ее учеников, причем подчеркивался путем выдергивания одних еврейских фамилий «злокозненно-сионистский» характер этого научного направления. Доктор медицинских наук Д. Бирюков писал в «Культуре и жизнь»: «Гнилую методологию этой «школы» подпирал махровый космополитизм, процветавший в ней».¹⁰⁹

Впрочем, была объявлена идеалистической, «явно враждебной павловскому учению», школа грузинского физиолога академика И. Бериташвили.¹¹⁰

Были обруганы и издательства, осуществившие перевод книги знаменитого английского ученого Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики».¹¹¹

Апофеозом борьбы за научные приоритеты и примат русской отечественной науки над зарубежной была сессия Академии наук СССР в Ленинграде (5-10 января 1949 года), посвященная 225-летию со времени основания Российской Императорской Академии наук.

Во вступительном слове президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова (родного брата замученного академика Н. И. Вавилова) подчеркивалась необходимость борьбы за утверждение русских приоритетов в науке. Среди предъявленных во время кампании 1946—1950 годов претензий на приоритет были: радио, электрический свет, трансформатор, электрическая трансмиссия с переменным и постоянным током, суда с дизельными и электрическими двигателями, аэроплан, парашют, стратоплан. Открытие закона сохранения энергии было приписано М. В. Ломоносову. Было предъявлено много других претензий...

Некоторые из них были настолько нелепы, что стали предметом шуток, например: «Советские часы самые быстрые в мире», «Россия — родина слонов».

Сессия Академии наук в Ленинграде была знаменательна провозглашением линии на разрыв с западной наукой. Из состава Академии были исключены почетный член Академии наук СССР английский ученый Дейл и двое иностранных члена-корреспондента: американец Мюллер и норвежец Брок. Впрочем, первые двое сами заявили о своем выходе из Академии в знак протеста против преследования ученых в СССР. Брок был исключен за его статьи о положении науки и ученых в СССР и в восточноевропейских странах.¹¹²

Во время кампаний по идеологическому «очищению» было немало случаев сведений личных счетов. Активные участники погромов заняли позднее места изгнанных ученых, объявленных «космополитами» или «буржуазными либералами». В академические институты и университеты были направлены выпускники Академии общественных наук при ЦК КПСС, высших партийных школ. В аспирантуру начали принимать не по принципу знаний, а по принципу преданности партии, готовности принять участие в любых идеологических погромах. Уровень научных исследований в области общественных наук и до того невысокий резко снизился в последние годы жизни Сталина. Тому немало способствовало появление новых «тео-

ретических» работ Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы развития СССР» в последние годы жизни главы КПСС. По команде сверху они стали предметом массового изучения. Все общественные науки переключились на комментирование новых «гениальных трудов» вождя. Отрицательная оценка Сталиным учения о языке Н. Я. Марра стала поводом для нового идеологического похода, на этот раз против марризма и его носителей. Волна проскрипций обрушилась на ученых: большинство лингвистов, археологов, этнографов в Советском Союзе были приверженцами теории Марра, она долгие годы была официально принятой и поддерживаемой партией теорией происхождения и развития языка. Работы Сталина по экономическим проблемам социализма вконец запутали экономистов и также послужили поводом для новых гонений и шельмования ученых.

Не удалось партийным обскурантам принудить к борьбе с «враждебными проявлениями» физиков. Хотя в журнале «Вопросы философии» и печатались обличительные статьи с обвинениями в философском идеализме и преклонении перед западной физической наукой, «скрутить» физиков было не так-то просто. Желание поскорее создать атомное оружие перевешивало над позывами учинить разгром в области физики. На собрании, созванном для обсуждения вопроса о борьбе с космополитами, взял слово глава советской атомной школы академик А. Ф. Иоффе и, обращаясь к представителям аппарата ЦК КПСС, сидевшим в президиуме собрания, заявил: либо физики будут работать в своих лабораториях, либо тратить свое время на никому не нужные заседания. Пусть тогда те, кто устраивает эти митинги, идут работать в лаборатории вместо ученых. Растерянные партаппаратчики вынуждены были объявить о «переносе» заседания, которое никогда больше не было возобновлено. Партийное руководство побоялось затронуть атомщиков. Незадолго до того ему пришлось столкнуться с решительным отказом одного из крупнейших советских ученых академика П. Капицы принимать участие в создании атомной бомбы. Теперь они рисковали спровоцировать других ученых-физиков. Выступление Иоффе, несомненно, так же, как и отказ Капицы участвовать в создании атомной бомбы, были актами сопротивления власти. В данном случае власть оказалась бессильной. Она могла только мстить. И она

мстила Капице на протяжении многих лет и при Сталине, и при Хрущеве, не разрешая этому крупнейшему ученому выезжать за границу и принимать участие в международных конференциях.¹¹³

* * *

Одна из главных характерных черт советского режима — это постоянная идеологическая борьба, неважно против чего или против кого, важен сам процесс борьбы, в которую можно втянуть массу людей, превратив их таким образом в соучастников.

Основным содержанием идеологической борьбы в период позднего сталинизма было утверждение советско-русского патриотизма. В специфических условиях того времени советско-русский национализм получил антисемитскую окраску. Антисемитская политика советского государства, начало которой относится еще к 20-м годам, получила свое быстрое развитие в годы советско-нацистской дружбы, когда государственный аппарат, особенно в ведомствах внешних сношений и государственной безопасности, был почти полностью очищен от лиц еврейской национальности, а оставшиеся переведены на второстепенные должности.

В 1941 году были расстреляны находившиеся в СССР польские социалисты еврейского происхождения Г. Эрлих и В. Альтер по обвинению в шпионаже. Никакого шпионажа, разумеется, не было.¹¹⁴ То было очередное проявление государственного антисемитизма в самой его крайней форме. В 1943 году начались массовые перемещения евреев, занимавших высокие должности в политическом аппарате армии, на низшие должности и замена их русскими. После войны такая же политика проводилась и по отношению к евреям, занимавшим командные должности.

Антисемитизм, посеянный и разжигаемый гитлеровцами на оккупированных советских территориях, поощрялся затем и освободителями. В советской армии и в тылу распространялись и муссировались слухи о евреях как о трусах и дезертирах. Евреи, чудом уцелевшие во время массового уничтожения их гитлеровцами, позднее были обвинены советскими

властями, что они были немецкими агентами, иначе почему же они остались живы?

После войны советских евреев начали изображать как агентуру «американского империализма».

* * *

Кампания за очищение советского общества от «антипатриотов» была начата спустя несколько месяцев после выступления Сталина на собрании избирателей 9 февраля 1946 года.¹¹⁵ В своей речи Сталин ни разу не упомянул ни о социализме, ни о коммунизме. Государство, советский общественный строй, величие родины были доминантом в его речи.

28 июня 1946 года вышел в свет новый еженедельный партийный орган, издаваемый Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), газета «Культура и Жизнь». То, что отдел пропаганды был превращен в управление, свидетельствовало об усилении роли идеологии в партийно-государственной системе. Вскоре развернулось широкое наступление против любых «отклонений» в идеологической области. Под обстрел были взяты все без исключения области творчества, культуры, науки.

В области литературы и истории контроль партии был особенно жестким, ибо и то, и другое оказывают огромное влияние на формирование человеческой личности. Это особенно верно для России, ибо нигде в мире так много не читали и не читают, как здесь. Достаточно взглянуть на тиражи произведений классиков, на очереди, которые выстраиваются для подписки, чтобы убедиться в этом. Вероятно, все поколения, родившиеся до второй мировой войны, были воспитаны на классической литературе. У большинства был прочно устоявшийся консервативный вкус. Несмотря на попытки внедрить новую, пролетарскую литературу: «Цемент» Ф. Гладкова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Бруски» Ф. Панферова, «Виринея» Л. Сейфуллиной и другое, — партийное руководство в конце концов поняло, что его сила заключается в том, чтобы поддерживать консервативный вкус у публики и поощрять произведения тех молодых писателей, которые следуют классическим образцам, но с новым содержанием: произведе-

дения, прославляющие революцию, социализм и советский патриотизм. После окончания войны с Германией появилась «Молодая гвардия» А. Фадеева о героях-комсомольцах, подпольщиках шахтерского городка Краснодар, попавшего под немецкую оккупацию. Герои этого произведения могли бы войти в обиход классических героев советской литературы (Павка Корчагин, Тимур), но получилась осечка, так как член ЦК ВКП(б) и глава Союза советских писателей А. А. Фадеев как-то «забыл» выпятить руководящую роль партии в организации подпольного движения против немцев и сам в 1947 году стал объектом партийной критики. Под ее влиянием, как верный сын партии, он переделал свое произведение, значительно ухудшив его.

Война родила новых героев. Они появились в произведениях Василия Гроссмана, Виктора Некрасова, Бориса Полевого, Константина Симонова и других. Это были герои войны. Многие из них отражали реальность только что закончившейся войны. Тема войны определила затем главную линию советской литературы на долгие годы.

Но потребовался новый герой, герой послевоенного восстановительного периода, «маяк», организатор социалистического строительства и социалистического соревнования, вожак, ведущий своих односельчан к счастливой, зажиточной жизни. Такой герой был крайне необходим. И он появился, этот выдуманный хрестоматийный Козьма Крючков социалистической деревни в образе Кавалера Золотой Звезды из произведения Бабаевского. Эта и другие подобные книги начали издаваться миллионными тиражами, критика воскуривала им фимиам, их авторы награждались сталинскими премиями, но читатель почему-то не хотел эти книги покупать и читать. Они были слишком примитивны и уж очень неправдивы.

В то же время появилась опасность со стороны подросшего молодого поколения прозаиков и поэтов, умудренных опытом войны, стремившихся переосмыслить мир, в котором им приходилось жить. А всякое стремление к переосмыслению и есть самая худшая крамола в глазах партии. Новые веяния захватили буквально все духовные сферы общества.

Против этой опасности и выступили партийные идеологи, правильно усмотрев в этом признаки эрозии советской идеологии, а следовательно и подрыва советского режима. Партия

выступила широко по всему фронту, не забывая ни о какой области. А если бы и забыла, то ей бы напомнили. Было кому напоминать. В каждой области творчества имеется значительная категория людей, неспособных к созиданию, но готовых немедленно судить и рядить о произведениях других и, конечно, громить и произведения, и их авторов. Их ненависть ко всему, что выходит за пределы доступного их пониманию, беспредельна. Каждую такую попытку они воспринимают не только как личное оскорбление, но и как угрозу собственному существованию («хотят быть умнее других», «славы ему захотелось»). Эти люди и есть главный резерв партии. Партии нужно было только дать сигнал, а затем вести дело по одному ей понятному руслу, все остальное делалось само собой, подобно селю в горах, когда грязные потоки, скопившиеся в ущельях, обрушиваются на селения, людей и скот, сметая все на своем пути. Иногда даже скалы рушатся от селя.

Идеологический поход возглавляли последовательно в 1946-1948 годах секретарь ЦК А. А. Жданов, а после его смерти секретарь ЦК М. А. Суслов. Но, в отличие от Жданова, который любил выступать перед большими аудиториями и поучать, Суслов предпочитал держаться в тени, действуя через аппарат, и давал возможность другим делать черную работу.

В ряде своих речей 1946-1948 годов Жданов требовал полного и безусловного искоренения влияния западной культуры. Независимо от того, к кому были обращены его речи, к ленинградским ли писателям, к философам или к композиторам, он настаивал на решительном осуждении любых отклонений от марксизма-ленинизма, от линии партии в области культуры и творчества. Жданов умело выбирал мишени для уничтожающей критики. В литературе он выбрал советского сатирика Михаила Зощенко, чьи произведения были популярны среди самых различных слоев населения. В одном из своих рассказов, «Приключения обезьяны», послужившим поводом для выступления Жданова, Зощенко вывел в качестве героя обезьяну, которая, сбежав из зоопарка и пожив немного в обыкновенных советских условиях, решила, что никакой разницы нет, и осталась жить с людьми.¹¹⁶

Другой удар был нанесен Ждановым по русской поэтессе Анне Ахматовой, пользовавшейся уважением и любовью русской интеллигенции. В музыке, мишенью Жданова стал Дмит-

рий Шостакович. Как правило, Жданов отбирал для шельмования самых талантливых представителей искусства, ибо независимый талант был и всегда будет постоянной угрозой любому тоталитарному режиму, в том числе и советскому.

Прежде всего принялись за писателей. В августе 1946 года по указанию ЦК ВКП(б) было сменено руководство Союзом советских писателей. Вместо Н. С. Тихонова генеральным секретарем был сделан А. Фадеев, а Тихонов был переведен в его заместители. Заместителями стали также В. В. Вишневский, А. Е. Корнейчук, К. М. Симонов. В том же месяце последовали погромные постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуарах драматических театров», а в сентябре 1946 года «О кинофильме «Большая жизнь»».¹¹⁷

Затем развернулись идеологические кампании в союзных республиках, краях и областях. Руководство творческих союзов, а не только местные партийные органы, были обязаны отныне следить, проверять и вовремя сигнализировать, как обстоит дело в области идеологии у писателей, художников, артистов и даже акынов (сказителей, народных певцов — авт.). Специальные пленумы творческих союзов проводились в Москве или на местах.

На одном из таких пленумов (писателей) в декабре 1948 года в Москве секретари местных союзов признавали ошибки, каялись в идеализации прошлого народов, забвении классовой борьбы, в неумении создавать произведения о социалистическом строительстве, и, наконец, в провале попыток взять под контроль работу писателей. Представители руководства ССП Симонов, Горбатов, Сурков вскрывали такие «отрицательные явления» в местных литературах, помимо идеализации прошлого, как формализм и эстетизм, буржуазный либерализм, неумение пользоваться методом социалистического реализма, подпадание под влияние западных писателей. Против казахских писателей было просто выдвинуто политическое обвинение — неумение отличать в их произведениях эксплуататорскую сущность царизма от освободительной роли Советской России.¹¹⁸ Эти нападки были предвестником кампании против фольклорных эпических произведений среднеазиатских народов и особенно народов монгольского происхождения, похода, достигшего своего апогея в 1951 году.¹¹⁹

На пленуме писателей 1948 года партийные чиновники от культуры: заместитель министра культуры Щербина и министр по делам кинематографии Большаков — объясняли писателям, что от них требуется: прославление героического труда рабочих, колхозников и интеллигенции. В соответствии с установками ЦК ВКП(б) о том, кого и за что можно подвергать сатирическому осмеянию — национальным писателям внушалось, что можно осмеивать все, «...что не входит в нашу концепцию морали и советского образа жизни», в особенности же «низкопоклонство перед буржуазной культурой». Специальное внимание присутствующих было обращено на необходимость бороться с американской культурой. В качестве примера Щербина приводил голливудский фильм «Железный занавес» и призывал кинематографистов ответить «ударом на удар».¹²⁰ Вскоре таковой последовал со стороны Ильи Эренбурга, опубликовавшего в «Культуре и жизнь» статью об этом фильме, в которой он использовал полный набор уничижительных эпитетов, столь характерных для стиля сталинской эпохи.¹²¹

Нечто подобное происходило на пленумах союза композиторов, руководитель которого Тихон Хренников прославился подобно Анастасу Микояну тем, что был любезен всякой власти. На этот раз нападению подвергся Сергей Прокофьев, замечательный русский композитор. Отчаявшийся Прокофьев прислал пленуму покаянное письмо. Поминали недобрым словом Хачатуряна, Мурадели, Мясковского за их «неповоротливость» при перестройке и чуть-чуть похвалили Дмитрия Шостаковича за музыку к кинофильму «Молодая гвардия».¹²² Так происходила деперсонафикация писателей и артистов. Их пытались выстроить в один ряд и заставить слушаться команды партфельдфебелей от культуры. Но, странное дело, они послушно поднимали руки, голосуя за осуждение своих коллег, за одобрение мракобесных постановлений ЦК ВКП(б), отмечали скорбной минутой молчания кончину своего высокого гонителя А. А. Жданова — поддерживали власть. Но когда они возвращались к себе домой, их руки начинали извлекать те звуки, которые отвечали их подлинному мироощущению и их новые произведения опять оказывались несозвучными «героическим свершениям советского народа». Так они своим особым путем сопротивлялись власти.

В первой половине 1949 года война против так называемых

космополитов была в полном зените. Она шла повсеместно: в литературе, в театре, в области изобразительных искусств, в музыковедении, в кинематографии. Масло в огонь подливалось газетой «Правда», опубликовавшей редакционную статью против антипатриотической группы театральных критиков.¹²³ В отличие от других выступлений в печати против космополитов, эта статья отличалась исключительной грубостью, откровенным хамством, неприкрытым антисемитизмом и, что не менее важно, предъявлением «безродным космополитам» обвинений, которые по советскому закону могли быть истолкованы как умышленное преступление. Вскоре после этого на собрании московских критиков Константин Симонов обличал заговорщический характер антисоветской активности «безродных космополитов».¹²⁴ Ему вторили другие обличители. А. Софронов, например, говоря о театральных критиках, утверждал, что они использовали опыт антисоветского подполья. Некоторые из обвиняемых в отчаянии наговаривали на себя бог знает что, включая желание нанести вред советской драматургии, сознательный заговор и прочее.

Псевдонимы писателей были расшифрованы, чтобы ни у кого не осталось сомнения в их еврейском происхождении. Такой метод широко применялся в нацистской Германии.

Одним из важнейших результатов войны с Германией было ужесточение политики партии и государства по отношению к нерусским народам, проживающим в приграничных районах. Массовые депортации кавказских народов и крымских татар в 1943—1944 годах были дополнены после войны возобновившейся депортацией прибалтов, греков, турок, подготовкой депортации абхазов.

Начался пересмотр взглядов на национально-освободительную борьбу нерусских народов в царской России. В 1947 году возникла дискуссия о характере движения кавказских горцев под руководством Шамиля в I-й половине XIX века.¹²⁵ Эта дискуссия происходила в Институте истории Академии наук СССР, но постепенно обсуждение приняло характер идеологического похода против установившейся ортодоксально-марксистской точки зрения на это движение как прогрессивное. В итоге дискуссии, продолжавшейся чуть ли не пять лет, Шамиль был объявлен агентом английской разведки, а его движение реакционным. Переоценка колониальной политики цар-

ского самодержавия на Кавказе, а затем в Средней Азии, привела к объявлению почти всех антиколониальных движений на захваченных царской Россией землях реакционными. Заодно были объявлены реакционными и национальные эпосы этих народов. Ряд историков и литературоведов Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Якутии, Дагестана были исключены из партии, изгнаны с работы, лишены ученых степеней и званий, а некоторые даже арестованы.¹²⁶

Дискуссия постепенно превратилась в идеологический погром, быстро принявший антисемитскую окраску. Был обвинен в космополитизме и в идеологическом вредительстве академик И. И. Минц и его ученики, хотя вряд ли можно было найти более преданного ВКП(б) историка, чем Минц: на протяжении всей своей научной карьеры он был в первых рядах идеологических борцов партии и вносил свою немалую лепту в фальсификацию истории СССР.

Кампания против космополитизма в исторической науке, против буржуазного объективизма, обеления американского империализма и прочего продолжалась в исторической науке почти все послевоенные годы вплоть до смерти Сталина в марте 1953 года.

Аналогичные кампании проводились у философов, юристов, экономистов, языковедов, литературоведов.

Одним из наиболее ярких случаев того времени было шельмование директора Института мировой экономики Академии наук СССР академика Е. С. Варги. В течение десятилетий Варга был одним из главных авторитетов партии и Коминтерна в области мировой экономики. Ортодоксальный марксист Варга постоянно утверждал, что экономика капитализма загнивает и идет от одного экономического кризиса к другому, еще более худшему. В соответствии с теорией Маркса Варга доказывал, что рабочий класс Запада все более нищает и в относительном и в абсолютном плане. Однако ситуация, сложившаяся в мире после второй мировой войны, заставила Варгу пересмотреть свои позиции. Он опубликовал книгу об изменениях в экономике капитализма после второй мировой войны, в которой писал о возможности изменений в системе капитализма, которые позволят ему устоять перед новым кризисом. Варга был обвинен в отступлении от марксизма-ленинизма, освобожден от обязанностей директора института. Сам инсти-

тут был реорганизован, некоторые его сотрудники были изгнаны, несколько человек арестовано. На собрании в Институте экономики Варга был публично обвинен в том, что у него руки «в крови русского народа». Это говорилось про человека, чей единственный сын погиб во время Отечественной войны. Впрочем, Варга был не одинок. В МГУ шельмование ученых в 1947—1949 годах приняло повальный характер. В многочисленных обсуждениях-погромах принимали участие наряду с профессорами также и студенты, ставшие не только свидетелями, но и соучастниками унижения своих учителей.

5. Лагерная империя

В начале 40-х годов большинство арестованных в 30-е годы вымерло, и НКВД столкнулось с нехваткой рабочей силы для реализации производственных планов. Пополнение не заставляло себя ждать. В конце войны и после нее появились новые категории заключенных: власовцы, участники национальных формирований на стороне немцев, рабочие, угнанные из СССР на работы в Германию (их называли «остовцы» от немецкого «остарбайтер» — восточный рабочий), бывшие советские военнопленные, т. н. враждебные элементы из Прибалтики, Польши, Восточной Германии, Румынии, Болгарии, Венгрии (Советский Союз любезно согласился организовать у себя все-социалистическую каторгу.) Среди заключенных было много немецких и японских военнопленных, переведенных в концлагеря из лагерей для военнопленных. Их вина заключалась в «антисоветских высказываниях», т. е. они жаловались на режим, на отсутствие переписки с семьями и пр. В лагеря были посланы также советские граждане, идеалисты, которые питали фантастическую надежду на улучшение жизни, смягчение сталинского режима после победы над германским фашизмом. Усилился приток баптистов, сектантов разного толка. Их вина состояла в том, что они хотели верить в Бога по-своему, а не по догматам признанных государством церковей и церковных общин. В лагеря были посланы участники вновь изобретенных МГБ заговоров против советской власти. Вероятно, если б заговорщиков было столько, сколько их находилось в лагерях, то советская власть неминуемо бы рухнула. Послед-

ней постоянной категорией лагерей и тюрем были уголовники.

После них наиболее многочисленной была категория осужденных по Указу 1943 года за сотрудничество с врагом во время оккупации. Арестовывали не только тех, кто активно сотрудничал, но и тех, кто активно не боролся с немцами. Всего их насчитывалось до 3-х млн. Среди них были солдаты немецкой службы безопасности (СД), сотрудники гестапо, повинные в чудовищных преступлениях. Но были и люди невинные, и их было немало.

Сколько было заключенных после войны? Данные на этот счет противоречивы. Самая низкая цифра, которую называют западные исследователи (в СССР данные не публикуются), 8 миллионов¹²⁷ постоянного населения лагерей. Высшая цифра — 15 миллионов.¹²⁸ По подсчетам английского правительства, сообщенных на заседании Экономического и Социального Совета ООН 15 августа 1950 года, в Советском Союзе было в то время 10 млн. людей, используемых на принудительных работах.¹²⁹

Сколько было концентрационных лагерей в СССР после войны? Западные источники указывают на существование 165 лагерей и групп лагерей.¹³⁰ Правильнее было бы их называть рабовладельческими империями. Среди них:

Абезь-Инта, группа лагерей в Коми АССР. В 1948 году в семи лагерях Инты работало около 14 тысяч заключенных. Половина из них была заключена по политическим мотивам или по провокационно заведенным делам.¹³¹

Особлаг Вайгач размещался на острове Вайгач. Сюда свозили для работы на свинцовых рудниках приговоренных к смертной казни. Постоянно находилось здесь от 3 до 4 тысяч. Смертность среди них составляла около 50% в год. Ежегодное пополнение — 1200-1300 человек.¹³²

Воркута — группа лагерей. В 1953 году здесь было заключено около 130 тысяч. В Воркуте в 1953 году произошло одно из наиболее известных восстаний заключенных.¹³³

Потьма (Мордовия). В 1948 году 40 тысяч заключенных.¹³⁴

Тайшет-Братск. 25-30 тысяч заключенных.¹³⁵

Бамлаг (*Байкало-Амурская магистраль*) занимал огромную территорию, на которой было расположено 30 отделений лагеря. По данным на 1935 год здесь находилось от 350 тысяч до 500 тысяч заключенных.¹³⁶

Севвостлаг. Центр г. Магадан. Территория — 1000 км по прямой от центра. Эта группа лагерей была расположена на огромной территории между Якутском, бухтой Нагаева и устьем Колымы. По данным на 1940 год здесь находилось свыше 3 миллионов заключенных. По другим данным — до 5 миллионов.¹³⁷

Карлаг (около Караганды). По данным на 1941 год в Карлаге было до 100 тысяч заключенных. Эта группа лагерей насчитывала в летнее время до 350 точек, в зимнее — 180. Территория Карлага занимала 1,5 млн. га, из них 500 тыс. га было занято под посевы. Империи принадлежало 250 тыс. голов крупного и мелкого скота. Карлаг считался «курортом», так как здесь (в Спасске) находился специальный лагерь для заключенных, ставшими инвалидами.¹³⁸

Особенно тяжелое положение в лагерях было в 1946—1948 годах и в 1950 году. Большинство заключенных попало в лагеря после немецкого плена или изнурительной работы на немецких заводах. Их физические силы были подорваны, они выполняли нормы, установленные в советских лагерях не более чем на 40%.¹³⁹ Невыполнение же нормы штрафовалось ухудшением питания, а это в свою очередь вело к смерти.

В 1950 году по приказу ГУЛага во всех лагерях были осуществлены массовые расстрелы заключенных, согласно норме 5% должно было быть уничтожено.¹⁴⁰

Но страна нуждалась в угле, уране, вольфраме, золоте, платине и лесе. Рабочая же сила явно сократилась в результате войны. Тогда и был отдан приказ эксплуатировать заключенных с большей пользой, улучшить их питание и бытовые условия, чтобы не мерли как мухи. С 1950 года в лагерях средний рацион питания составлял для выполняющих норму: хлеба — 0,8 кг, жиров — 20 г, крупы — 120 г, мяса — 30 г, или рыбы (морской зверь) — 75 г, сахара — 27 г. Только хлеб выдавался на руки, остальное шло на приготовление горячей пищи (два раза в день, утром и вечером).¹⁴¹ Для того, чтобы отдать себе отчет в ужасном состоянии этих людей и после улучшения их положения, следует сказать, что их будили в 4 часа утра, а отбой был в 10 часов вечера. Рабочий день продолжался 10-12 часов, не считая времени, затраченного на хождение на работу и оттуда.¹⁴²

Для невыполняющих норму при пониженном питании выда-

валось 400 г хлеба и два раза в день жидкий суп. Штрафникам давали всего 200 г хлеба.¹⁴³

Для поощрения «ударников» начали выплачивать заработную плату — от 10 рублей и выше, выдавать махорку. На заработанные деньги заключенный мог приобрести дополнительные продукты в лагерном ларьке. Но что в действительности можно было приобрести за 10-20 рублей в месяц?¹⁴⁴ В те годы советская печать много писала о нещадной эксплуатации южноафриканцев белыми, с негодованием указывала, что заработная плата черных в Южной Африке меньше в 4-8 раз заработной платы белых рабочих. Советские же эски, занятые на тяжелых работах, получали в 20-30 раз меньше советского свободного рабочего. Могут возразить, но это же были преступники, заключенные! Да, среди них были и преступники, уголовники, но не более 25%. Большинство же, помимо «политических», были рабочие и работницы, отбывающие заключение за опоздание на работу более чем на 20 минут, за прогул, за ничтожное расхитительство (например, кража буханки хлеба) или колхозники, получившие «срок» за сбор колосков после уборки урожая. Таких насчитывалось десятки тысяч.

В гитлеровских лагерях уничтожения: в Освенциме, Трехблинке, Майданеке — заключенным ставили на руки невытравляемое клеймо — их номер. В советских лагерях также метили заключенных — заставляли носить номера, но только на одежде. Все-таки хоть и лагерь, но не фашистский же, а социалистический!

В 1948 году были созданы лагеря особого режима. Туда отправляли власовцев, других, сотрудничавших с немцами и, конечно, «контрреволюционеров». Условия жизни здесь были намного суровее, чем в обычных исправительно-трудовых лагерях. В лагеря особого режима посылали также баптистов — мучеников веры. В 1948-1950 годах за принадлежность к баптистской общине приговаривали к 20-25 годам.¹⁴⁵

Моральное положение заключенных было ужасным. Помимо оскорблявших их достоинство номеров на одежде, решеток на окнах, бараков, они часто становились жертвами ярости или плохого настроения охранников, которые без предупреждения стреляли разрывными пулями по заключенным.¹⁴⁶ В Особых лагерях цензорши — сотрудницы МВД, ленясь просматривать письма с воли, адресованные заключенным, попросту сжигали их.¹⁴⁷

Однако война значительно изменила психологическое состояние населения лагерей. Они пополнились людьми, которые воевали — одни за советскую власть, другие — против нее. Большинство заключенных носило когда-то оружие и умело им пользоваться. Заключенные «послевоенного призыва» могли противостоять напору блатарей, этой гвардии администрации лагерей, которых специально натравливали на «врагов народа». Уголовников официально называли «социально близкими» (советской власти — *А. Н.*) в отличие от «социально опасных», т. е. осужденных за «контрреволюционную деятельность».

Новые лагерники обладали иным, по сравнению с «врагами народа» 30-х гг., жизненным опытом. Они не были одурманены пропагандой относительно строительства «социализма в одной стране». «Враги народа» 30-х гг., особенно бывшие ответственные партийные и советские работники, считали свой арест недоразумением, единственной ошибкой советской власти. Те, кто попал в лагерь после войны, меньше всего заботились о строительстве коммунизма. В них был достаточный запас презрения и ненависти к строю, который по их представлению был ничем не лучше, а может быть и хуже фашистского (гитлеровцы хоть не резали «своих», а только «чужих»...). Поэтому для взрыва этой ненависти нужен был лишь толчок.

В послевоенные годы, по далеко не полным данным, произошли бунты, мятежи и восстания в следующих лагерях:

1946 — Колыма

1947 — Усть-Вим (Коми АССР), Дзезказган (Караганда)

1948 — Салехард

1950 — Салехард, Тайшет

1951 — Дзезказган, Сахалин

1952 — Вожель (Коми АССР), Молотов, Красноярский край

1953 — Воркута, Норильск, Караганда, Колыма

1954 — Ревда (Свердловск), Карабаш (Урал), Тайшет, Решоты, Дзезказган, Кингир, Шерубай Нура, Балхаш, Сахалин

1955 — Воркута, Соликамск, Потьма.¹⁴⁸

В последние годы жизни Сталина Особые лагеря, учрежденные в 1948 году, превращались в очаги политического сопротивления. Здесь были собраны осужденные по 58 ст. УК, то есть за «антисоветскую» или «контрреволюционную» дея-

тельность. Засилью уголовников скоро пришел конец. Постепенно рождалась мысль о необходимости объединения ради сопротивления и завоевания попранных прав.¹⁴⁹ В скором времени заключенные договорились об уничтожении осведомителей, затем начали вставать на защиту товарищей, которых администрация хотела удалить по причине смутьянства, дальше — больше.

«И мы, освобожденные от скверны, избавленные от пристрастия и подслушивания, обернулись и увидели во все глаза, что тысячи нас! что мы — политические! что мы уже можем сопротивляться!»,¹⁵⁰ — пишет А. И. Солженицын.

Забастовки, протесты, открытые вооруженные выступления прокатились по концентрационным лагерям в конце 40-х и в начале 50-х годов.

В Воркутинских лагерях существовали небольшие группы подпольного движения Сопротивления. «Существование многочисленных подпольных организаций в специальных лагерях Воркуты и работа, которую они делали, — сообщает один из воркутинцев, — пожалуй, самое удивительное явление для всех европейцев...» — пишет немецкий заключенный Шомлер.¹⁵¹

Группы сопротивления образовывались по национальному признаку. Руководителем одной из групп был, например, бывший советский офицер, попавший в плен и осужденный после возвращения на 10 лет за то, что попал в плен... Его группа состояла из бывших офицеров. Свое освобождение они связывают с войной между западными странами и СССР. Они готовятся к решающему моменту, когда коменданты лагерей начнут превентивные расстрелы заключенных, как то было в 1941 году (у комендантов хранятся в сейфах запечатанные конверты, которые они должны открыть в случае начала войны).¹⁵² Подавляющее большинство участников русских подпольных групп одобряют экономические и социальные принципы советской системы. Но они против диктатуры и за исправление положения в сельском хозяйстве.

Самыми непримиримыми были украинские националисты — оуновцы с Западной Украины.

Администрация лагерей усердно разжигала национальную рознь, особенно поощряла антисемитизм. Бригадирами, где были заключенные-евреи, назначали осужденных за... убийства

евреев во время войны украинцев из немецких охранных батальонов.¹⁵³

Шомлер сообщает о своем разговоре с неким Катченко: «Когда я спросил его, за что его арестовали, он ответил:

— Я застрелил 84 еврея.

— Всех сам?

— Всех из моего собственного пистолета. И они дали мне за это двадцать пять лет. Несправедливо, неправда ли?»

«Во время войны, — продолжает Шомлер, — эти твари работали либо для зихерхайтдинст, либо для гестапо. Теперь большинство из них находятся в привилегированном положении и работают для НКВД. Катченко, например, руководил одним из строителств в городе».¹⁵⁴

Причины забастовок и восстаний заключенных были повсюду одинаковы: унижение человеческого достоинства, издевательство над заключенными со стороны администрации, безнаказанные убийства конвоирами заключенных. В послевоенные годы выступления постепенно приобретали политический характер.

Восстание в Печерских лагерях в 1948 году происходило под руководством бывшего полковника Советской армии Бориса Мехтеева. План восставших заключался в том, чтобы, освобождая один за другим лагеря, пойти на взятие города Воркуты. Но повстанцы были встречены в 100 километрах от Воркуты боевыми самолетами и рассеяны. Часть из них ушла небольшими группами партизанить в горы Урала. Мехтеев был схвачен, приговорен к 25 годам заключения.¹⁵⁵

В том же году произошло восстание на стройке 501 на строительстве железной дороги Сивая Маска — Салехард. Восстание возглавили бывший полковник Воронин (Воронов?) и бывший старший лейтенант бронетанковых войск Сакурченко.¹⁵⁶ Второе восстание в Салехарде в 1950 году возглавлял бывший генерал-лейтенант Беляев, осужденный на 25 лет за «контрреволюционную деятельность».¹⁵⁷ Восстанием в Кингире, продолжавшимся 42 дня (1952 год), руководил бывший полковник Кузнецов.¹⁵⁸ По всей видимости, военные руководили и мятежом в Берлаге (отделение Нижний Атурях).¹⁵⁹

Выступления заключенных принимают все более целенаправленный характер. Восставшие под руководством полковника Воронина в Салехарде освобождают не только свою бригаду, но и другие. Они открывают ворота зоны, берут присту-

пом соседний лагерный пункт и начинают наступление на Воркуту, до которой всего 50 километров.¹⁶⁰ Какова цель похода на Воркуту? По некоторым данным, восставшие собирались овладеть радиостанцией и обратиться с просьбой о помощи ко всему цивилизованному миру и призвать к восстанию заключенных других лагерей. Власти послали воздушный десант и с помощью штурмовиков рассеяли и расстреляли повстанцев.¹⁶¹

В январе 1952 года вспыхнула забастовка, переросшая затем в мятеж в Экибастузе. Впервые в истории советских концентрационных лагерей несколько тысяч заключенных объединились в протесте против беспричинных убийств своих товарищей конвоем. Заключенные не только отказались выйти на работу, но объявили голодовку, которая продолжалась три дня. Забастовка 5 тысяч заключенных устрасила ГУЛАГ. Прибыла комиссия, якобы для разбора жалоб. Заключенные бесстрашно излагали свои претензии и требования. Один из них, бригадир Т., говорил, например, комиссии:

«Я соглашался раньше,.. когда другие заключенные говорили, ...что живем мы — как собаки... Но теперь я вижу, что был неправ... Живем мы — гораздо хуже собак!.. У собаки один номер на ошейнике, а у нас четыре. Собаку кормят мясом, а нас рыбьими костями. Собаку в карцер не сажают! Собаку с вышки не стреляют! Собакам не лепят по двадцать пять!»¹⁶²

После отъезда комиссии начались аресты и взятия на этап. Многих отправили в лагерь Кингир и заставили работать там в наручниках.

Особенно широкий размах волнения в лагерях приняли вскоре после смерти Сталина и устранения Берия, то есть весной — летом 1953 года, а затем в 1954 году. Эти волнения приобрели явно политический характер.

6. Кризис режима

Одним из наиболее ярких проявлений кризисного состояния режима в последние годы жизни Сталина была усилившаяся борьба за власть между его ближайшими сотрудниками. После войны и в немалой степени в связи с болезнью Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) фактически атомизировалось, разбилось на

соперничающие группы и группировки. Старые соратники Сталина, бывшие его опорой во время борьбы за власть после смерти Ленина, во время коллективизации, постепенно отодвигались в тень. На авансцену выступали более молодые и амбициозные, такие, как А. А. Жданов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский. Первые два послевоенных года были отмечены усилением влияния группы Жданова. Эта группа пользовалась влиянием, так как занимала ключевые позиции в области экономики. В нее входили: председатель Госплана, член Политбюро Н. А. Вознесенский, кандидат в члены Политбюро А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов, осуществлявший партийный контроль над армией и органами государственной безопасности, и сам А. А. Жданов, секретарь ЦК в области идеологии и политики. Мотором этой группы был Жданов, которому поручались Сталиным самые ответственные задания. Он был вдохновителем и руководителем кампании по идеологическому «очищению» советского общества, инициатором и вдохновителем борьбы за «приоритеты» советской науки, он возглавлял борьбу против еретиков (Тито) в международном рабочем движении. Одно время он пользовался исключительным влиянием на Сталина. Сталин даже рекомендовал своей дочери Светлане выйти замуж за сына Жданова. С именем Жданова были связаны попытки не только возродить, но и усилить роль партии в жизни общества и государства путем широкого привлечения в ее ряды участников войны против Германии и людей интеллектуального труда.

Однако напористость и агрессивность Жданова изжила себя во времени. Смерть Жданова в конце августа 1948 года привела к усилению влияния Г. М. Маленкова, осторожного и умного интригана, фактически руководившего аппаратом ЦК.

Маленков был одним из создателей сталинского партийного аппарата. Несколько лет Маленков служил в личном секретариате Сталина, возглавляемом Поскребышевым. Здесь он обучился искусству аппаратной интриги, перед которым макиавеллизм кажется детской забавой. Он поднялся во время террора 30-х годов и, в 1939 году, в возрасте 37 лет стал секретарем ЦК ВКП(б) и членом Оргбюро. Маленков ведал партийными кадрами. Он опирался на поддержку Л. П. Берия, который появился в Москве в 1939 году. Секретарь ЦК Грузии, он был назначен наркомом внутренних дел после того, как

убрали Ежова. Маленков и Берия сблокировались и проводили согласованную линию. Оба они были сделаны членами Политбюро в 1946 году.

Сталин умело манипулировал соперничающими группировками, то подталкивая, то осаждая их, но никак не выпуская бразды правления из своих рук. В его резерве находился всегда Н. С. Хрущев, к которому он относился с доверием, так как не видел в нем претендента в преемники.

Но и обе группировки использовали недоверие и подозрительность Сталина для упрочения своего собственного положения и влияния. Жданов воспользовался конфликтом с Югославией, вызвав патологическую ненависть Сталина к Тито. В 1947 году усиление Жданова привело к временному падению Маленкова, отосланного в Узбекистан. На его место был назначен на недолгий срок бывший секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Кузнецов. Смерть Жданова привела к возвращению Маленкова в Москву. Вместе с Берия он спровоцировал так называемое Ленинградское дело (обвинение ленинградцев в попытке захватить власть) для того, чтобы раз и навсегда покончить с влиянием группы Жданова. Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР Н. Н. Родионов и многие другие ответственные государственные и партийные работники, выходцы из Ленинграда, были обвинены в антипартийной и антигосударственной деятельности и уничтожены. В самом Ленинграде была произведена чистка, во время которой пострадали многие сотни людей.

Усиление группы Маленкова — Берия вызвала, по свидетельству Хрущева, тревогу у самого Сталина. В 1947—1949 годах Сталин пережил несколько мозговых ударов, его недоверие и подозрительность усилились. В 1949 году он вызвал из Киева Н. С. Хрущева и сделал его секретарем Московского комитета партии и ЦК, рассчитывая, вероятно, несколько сбалансировать расстановку сил в Политбюро и использовать Хрущева для проведения предстоящей чистки. Старые соратники Сталина: Молотов, Ворошилов, Андреев, Микоян — все более отодвигались на второй план. В 1949 году Молотов был заменен на посту министра иностранных дел Вышинским, хотя и остался заместителем председателя Совета Министров СССР. Члены Политбюро К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев давно уже были фигурами номинальными. Остальные члены Политбюро

занимались своими участками работы, зорко, однако, наблюдая за тем (А. И. Микоян), чтобы случайно не быть выброшенными из упряжки. В последние годы жизни Сталин считал, или делал вид, что считает, Ворошилова английским агентом, а Молотова — американским.¹⁶³ Жена Молотова была арестована и сослана. Но и после этого Молотов продолжал служить Сталину верой и правдой.

Маленков и Берия, расчищая путь к власти, начали избавляться от всех второстепенных, но занимающих важные партийные позиции лиц, на которых нельзя было им рассчитывать. Они пользовались старым оружием разжигания подозрительности Сталина, которому мерещились заговоры против него.

В последние годы жизни Сталина были арестованы министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, маршал авиации А. А. Новиков, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, академики Григорьев (геолог) и И. Д. Майский, бывший посол в Лондоне.¹⁶⁴

Усиливавшейся подозрительностью Сталина, этой болезнью тиранов, начали пользоваться люди помельче из органов государственной безопасности ради собственного возвышения, такие, например, как министр государственной безопасности в последние годы жизни Сталина С. Д. Игнатьев. Обвинения в контрреволюционной деятельности и в заговорщичестве обнимали все больший круг людей. В стране нагнеталась атмосфера, аналогичная той, которая предшествовала террору 30-х годов.

Мысль о необходимости новой чистки созревала у Сталина все больше.

Намерение Сталина произвести «смену караула» стало абсолютно ясным во время XIX съезда ВКП(б) 5-15 октября 1952 года. Съезд, так долго откладываемый, был созван, наконец, спустя 13 лет после XVIII съезда.

Вместо Политбюро и Оргбюро ЦК был создан Президиум ЦК из 25 членов и 11 кандидатов. Среди них были десять секретарей ЦК, тринадцать заместителей председателя Совета министров СССР, первые секретари ЦК Белоруссии и Украины, министры государственной безопасности и иностранных дел, руководители профсоюзов, комсомола и партийного контроля. Каждому старому члену Политбюро фактически уже была подыскана замена. Намерение Сталина заменить старых

руководителей новыми было более чем ясно. Хотя состав ЦК был значительно расширен, более 60% прежнего состава вошло в новый.¹⁶⁵ Это указывало на то, что процесс образования устойчивой партийно-государственной элиты близок к завершению. Секретари обкомов, которые в 1952 году составили половину всех членов ЦК (на XVIII съезде — 1/5), стали стеновым хребтом партийно-государственного аппарата. Очень скоро их роль в решении проблем руководства страной возрастает неимоверно.

Съезд подчеркнул национально-советский характер партии. Прежнее ее наименование Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) было заменено на Коммунистическая партия Советского Союза. И здесь восторжествовала идея государственности. Впрочем, меньшевики, по контрасту с которыми ленинцы называли себя большевиками, были, за исключением тех, кто ушел в эмиграцию, почти все физически уничтожены. Погибли во время террора 30-х годов либо вымерли и большевики. Тем самым исчезло и различие.

Сталин, готовя грандиозную «чистку» внутри Советского Союза, приказал предварительно провести чистку в странах-сателлитах Советского Союза. Повсюду: в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше, Румынии — прошли процессы против некоторых лидеров коммунистического движения, которые были, по сведениям, имевшимся в Москве, чересчур самостоятельными или зараженными титоизмом. Арестованные коммунистические лидеры в Болгарии и Чехословакии были подвергнуты пыткам под руководством советников, присланных из Москвы. Все они, за исключением Тройчо Костова, признали себя виновными в связях с сионизмом, американским империализмом, югославской разведкой и еще бог знает в чем и были либо казнены, либо приговорены к длительным годам заключения.

В Польше и в Восточной Германии произошли аресты, но не было казней лидеров.

Борьба против воображаемых заговорщиков стала главной заботой Сталина. Хрущеву, прибывшему из Киева, Сталин сказал: «Вы нам нужны здесь. Раскрыты заговоры. Вы должны руководить московской партийной организацией таким образом, чтобы Центральный Комитет мог положиться на поддержку членов партийной организации в борьбе против заговорщиков. Пока что мы раскрыли заговор в Ленинграде. Мос-

ква тоже засорена антипартийными элементами. Мы должны превратить город в бастион Центрального Комитета». ¹⁶⁶

Вскоре был обнаружен «заговор» на автомобильном заводе им. Сталина (ныне Лихачева) в Москве. Главный конструктор завода талантливый инженер Файнциммер и группа других работников автозавода — евреев — была обвинена во вредительстве по заданию сионистов и США. ¹⁶⁷ Маленков послал на автозавод парторгом ЦК бывшего следователя Комитета Партийного Контроля.

*
*
*

Неудачи в области внешней политики в Корее, в Берлине, в Югославии, внутренние трудности, вызванные неразумной экономической и социальной политикой советского руководства, подсказывали Сталину старый испытанный метод борьбы с растущим недовольством населения: разжигание национальной вражды и розни и, прежде всего, использование антисемитизма. Антисемитские настроения самого Сталина проявлялись не раз еще со времени борьбы за власть. Многие политические противники Сталина были еврейского происхождения. Антисемитизм в стране, и особенно в ее южной части, усилился под влиянием советско-нацистской «дружбы» 1939—1941 годов и особенно во время немецкой оккупации части территории СССР.

Обострение отношений с Соединенными Штатами Америки, которые много сделали для оказания помощи евреям — жертвам нацистского террора и сионистам, создававшим еврейское государство — Израиль, усиливали антисемитизм Сталина.

Новое руководство Украины: первый секретарь ЦК Л. Г. Мельников и председатель Совета министров УССР Коротченко начали проводить на Украине откровенно антисемитскую политику. ¹⁶⁸ Газеты запестрели от еврейских фамилий людей, обвиняемых в разных ошибках, грехах и преступлениях. Евреев арестовывали, выгоняли с работы, на улицах их подвергали оскорблениям. Были случаи погромов в Киеве, Харькове и других украинских городах. Были введены негласные ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения.

Нагнеталась антисемитская атмосфера не только на Украине. В Москве, например, Сталин лично дал приказ Хрущеву

устроить антисемитский погром на 30-м авиационном заводе в Москве, где рабочие были недовольны условиями работы. Он предложил раздать рабочим дубинки с тем, чтобы они в конце рабочего дня избили своих евреев.¹⁶⁹

Хрущев свидетельствует об открытых антисемитских высказываниях Сталина на заседаниях Политбюро. Сталин не гнушался даже передразнивать манеру евреев разговаривать.¹⁷⁰

Сталин позволял себе это делать, так как был уверен, что никто из членов Политбюро не осмелится осудить его или даже рассказать кому-нибудь об его антисемитизме.

Полностью антисемитизм Сталина раскрылся во время дела Антифашистского еврейского комитета.

Этот комитет был создан во время войны против нацистской Германии. Его задача заключалась в том, чтобы через еврейские организации в США и в других странах организовывать финансовую и материальную помощь Советскому Союзу, Красной армии и населению и распространять антинацистскую и просоветскую пропаганду. Комитетом руководил член ЦК ВКП(б) и начальник Советского Информбюро С. А. Лозовский. Председателем комитета был С. М. Михозлс — знаменитый еврейский актер. Членами комитета были выдающиеся деятели советской культуры, евреи по происхождению. В 1943 году Михозлс и поэт Фейффер были посланы в США, в многомесячную поездку для мобилизации общественного мнения и сбора средств. Поездка прошла с огромным успехом для Советского Союза.¹⁷¹

В 1944 году антифашистский комитет обратился к Сталину с письмом, в котором просил создать в обезлюдевшем после депортации крымских татар Крыму Еврейскую автономную республику.¹⁷² Сталин позднее представил это как злокозненную попытку сионистов создать очаг американского империализма на территории советского государства. По его приказанию в 1948 году члены комитета были арестованы. Их подвергли пыткам и затем в 1952 году расстреляли, включая самого Лозовского. Еще до их ареста Михозлс был убит (13 января 1948 года) на улице Минска сотрудниками госбезопасности, по его труп проехал грузовик, чтобы придать всему делу вид несчастного случая. «Они зверски убили его», — вспоминает Хрущев.¹⁷³ Затем тело Михозлса было доставлено в Москву и устроены торжественные похороны.

Примерно в это же время госбезопасность начала по при-

казу Сталина готовить покушение на бывшего наркома иностранных дел М. М. Литвинова, которого Сталин подозревал в сотрудничестве с США. Убийство предполагалось осуществить во время очередной поездки Литвинова на свою дачу. Но покушение не состоялось, так как Литвинов скончался в 1951 году.

Последней грандиозной антисемитской провокацией, которая не была доведена до конца из-за смерти Сталина, был так называемый заговор врачей.

Это дело возникло по инициативе ответственных сотрудников министерства государственной безопасности, которые были прекрасно осведомлены об антисемитских настроениях Сталина и шли навстречу его пожеланиям. Были арестованы крупнейшие врачи, они обслуживали Кремлевскую больницу, в числе их пациентов был сам Сталин и высшие советские партийные и военные руководители. Среди арестованных был родной брат убитого Михоэlsa профессор Вовси, а также начальник лечебно-санитарного управления Кремля проф. Егоров и другие. Предлогом для ареста врачей послужил донос врача-рентгенолога Кремлевской больницы Л. Тимашук, осведомителя госбезопасности. Обвиняемых подвергли зверским пыткам, после чего они признали себя виновными в заговоре, имевшем целью умертвить руководителей партии, государства и армии путем применения заведомо неправильных методов лечения. Обвинение выглядело настолько неправдоподобным, что даже министр госбезопасности, выдавший виды Абакумов, и тот усомнился, когда ему принесли «признания», подписанные несчастными врачами. Дело было доложено Сталину, и он приказал не только дать ему ход, но и бить обвиняемых до их полного признания. 13 января 1953 года газеты опубликовали сообщение о раскрытии заговора врачей-евреев и о предстоящем суде над ними.¹⁷⁴ Спустя неделю, в годовщину смерти В. И. Ленина, провокатор Тимашук была награждена орденом Ленина.¹⁷⁵ По всей стране прокатились митинги гнева и осуждения «врачей-убийц». В этой вакханалии антисемитизма приняли посильное участие писатели, ученые и другие представители советской культуры. «Литературная газета», редактором которой был К. Симонов, опубликовала кровожадную статью под названием «убийцы в белых халатах».¹⁷⁶ На партийном собрании в Президиуме Академии наук СССР почтенные академики требовали смертной казни для врачей.¹⁷⁷

Простой народ реагировал попроще: оскорблял и избивал при случае евреев. Больные в поликлиниках отказывались лечиться у докторов-евреев, заявляя, что они отравители, иные писали на врачей доносы. Многих врачей-евреев изгоняли из больниц и поликлиник. В учреждениях отделы кадров начали составлять списки на сотрудников-евреев.

Сталин лично занимался «заговором врачей». Разработанный им сценарий состоял из нескольких актов. Акт первый — осуждение врачей судом и их полное признание. Акт второй — смертная казнь через повешение. Утверждают, будто казнь должна была быть произведена как в старину на Лобном месте, т. е. на Красной площади в Москве. Акт третий — еврейские погромы по всей стране. Акт четвертый — обращение известных деятелей культуры еврейского происхождения к Сталину с просьбой защитить евреев от погромов, разрешить им покинуть крупные города и приобщиться к земле. Акт пятый — массовая депортация евреев «по их собственной просьбе» в восточные районы страны. Член Президиума ЦК КПСС философ Д. Чесноков написал книгу, в которой объяснял причины депортации евреев. Первоначально книга была напечатана для высших кругов. Ожидали лишь сигнала для ее распространения. Текст обращения еврейских деятелей культуры был не только написан, но и подписан ими.

* * *

Страна жила в преддверии новой еще невиданной доселе волны террора. Террора, но для чего? С какой целью?

Здесь мы подошли к одному из ключевых моментов биографии Сталина.

Удачная реализация задуманного достойным образом увенчала бы его карьеру Вождя...

Оценка мировой ситуации привела Сталина к выводу, что начало 50-х годов будет наиболее благоприятным временем для нанесения окончательного удара по капиталистической Европе и установления там социалистической системы.

Созданный в 1947 г. Коминформ (вместо закрытого в 1943 г. Коминтерна) должен был консолидировать силы мирового коммунистического движения и координировать усилия ком-

партий в борьбе за власть. Министр внутренних дел Франции Жюль Мок свидетельствует в своих мемуарах о намерениях французской компартии захватить власть в 1947 году.

Цели консолидации сил коммунистического движения было подчинено и Движение сторонников мира, управляемое из Москвы.

Оно прикрывало подлинные намерения советского режима и помогало вовлечь в число сочувствующих СССР либеральных интеллигентов Запада, выступающих за сохранение мира. Им было трудно понять, что борьба за мир понимается советским руководством совсем иначе, чем западной интеллигенцией. Цели так называемой борьбы за мир были отчетливо выражены в названии органа Коминформа, газеты под названием «За прочный мир, за народную демократию!», начавшей выходить в Белграде. Идея была простой — прочный мир не может быть установлен без установления режима «народной демократии».

На руку Советскому Союзу оказался и разгул антикоммунистической истерии в США — маккартизм. Он отбросил в лагерь Советского Союза многих либеральных американских деятелей и запугал великое множество других, относившихся отрицательно к советской системе интеллигентов, перспективной быть обвиненными в маккартизме и в разжигании «холодной войны».

Еще в 1946 г. началась подготовка к грандиозной «чистке», наподобие массовых репрессий 30-х годов. Конец 40-х и начало 50-х гг. были ознаменованы арестами и судебными процессами в социалистических странах Восточной Европы по обвинению в шпионаже в пользу Запада, в участии в заговорах и пр.

Через полгода после начала корейской войны, в январе 1951 г. в Кремле было созвано совещание руководителей социалистических стран. От Советского Союза в совещании приняли участие Сталин и Молотов. О том, что произошло на этом совещании мы знаем из работ чехословацких историков, имевших доступ к секретному архиву Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии.¹⁷⁸ В этом архиве имеются записи хода совещания. Центральным моментом было выступление Сталина.

Вождь «прогрессивного человечества» объяснил собравшимся, что созрело время для решительного наступления на капиталистическую Европу. Соединенные Штаты продемонстриро-

вали в Корею слабость своих вооруженных сил. Советский лагерь достиг военного преобладания над Соединенными Штатами. Но это преимущество носит временный характер и будет продолжаться лишь в течение 4-х лет. Поэтому главная задача социалистического лагеря состоит в том, чтобы в течение трех-четырех лет мобилизовать и консолидировать военную, экономическую и политическую силу социалистических государств для нанесения удара по Западной Европе. Этой цели должна быть подчинена вся внутренняя и внешняя политика социалистических стран. Сталин подчеркнул, что представляется уникальная возможность установить социализм по всей Европе.

После январского 1951 г. совещания в Кремле военные расходы в СССР и в социалистических странах Европы значительно возросли, особенно внебюджетные ассигнования. В отдельных случаях они достигали до 40 процентов от всех расходов. В Советском Союзе дело шло к успешному завершению проекта создания водородной бомбы.

Идеологическому обоснованию предстоящего наступления в Западной Европе была посвящена речь Сталина на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 г. Это была необычная речь. Сталин обращался исключительно к зарубежным рабочим и коммунистическим партиям, объяснял им ближайшие цели и методы их достижения. Сталин бесконечно повторял слово «мир», но это и показывало, что речь идет вовсе не о защите мира, а о нечто ином. Сталин все же был довольно откровенен. Он похвалил зарубежные коммунистические партии за доверие к КПСС, т. е. за верную службу, подчеркнув при этом, что их доверие означает их «готовность поддержать нашу партию в ее борьбе за светлое будущее народов...»¹⁷⁹ Сталин отождествил политику поддержки СССР со стороны компартий с интересами народов. Мысль была примитивная, но доходчивая: тот, кто поддерживает Советский Союз, тот защищает интересы своего народа. Сталин похвалил также Тореза и Тольятти за заверения, что итальянцы и французы никогда не будут воевать против СССР. Со своей стороны, Сталин обещает зарубежным компартиям помощь КПСС, которая «не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку».¹⁸⁰ Сталин обещает поддержку не только коммунистическим партиям, но и «народам в их борьбе за освобождение».¹⁸¹ Но от кого

должны освободиться народы? Ведь фашизм разбит. «Новый порядок» в Европе уничтожен.

Ответ на эти вопросы Сталин дает не прямо. Он напоминает о «реальных мерах» предпринятых советской коммунистической партией «по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета», что позволило СССР стать «Ударной бригадой» мирового революционного и рабочего движения. Теперь «Ударных бригад» стало много, — подчеркивает Сталин, — и коммунистам зарубежных стран стало легче работать.¹⁸²

Он предсказывает, что коммунисты капиталистических стран придут к власти. И Сталин формулирует лозунги, под которыми компартии должны идти к захвату власти. Сталин, как и Ленин, большой мастер по заимствованию чужих лозунгов и чужих программ и приспособлению их к нуждам советского режима. На этот раз он заимствует у буржуазии лозунги защиты демократии, национальной независимости и национального суверенитета. Впрочем он и не скрывает заимствования. Всё дело в том, объясняет Сталин, что «знамя буржуазно-демократических свобод» выброшено буржуазией «за борт» и некому его поднять и понести кроме как представителям коммунистических и демократических партий, «если хотите собрать вокруг себя большинство народа, ...если хотите стать руководящей силой нации»,¹⁸⁴ — многозначительно добавляет Сталин. Он не сомневается, что программа начертанная им будет осуществлена и «следовательно есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала»,¹⁸⁵ — заключает Вождь.

Сталин хочет видеть Европу советской еще при своей жизни. Надвигается новая война.

Но здесь вмешивается История.

7. Смерть Сталина

В конце февраля 1953 г. в самый разгар подготовки процесса врачей Сталина внезапно хватил удар. 5 марта Сталин умер.

Ближайшие сотрудники Сталина вздохнули с облегчением. Ведь в последние годы его жизни каждый из них чувствовал себя в опасности.¹⁸⁶ Даже казалось всемогущий и

Л. П. Берия, долгие годы отвечавший в Политбюро за министерство внутренних дел и государственной безопасности, опасался за свою жизнь. Он был фактически отстранен от надзора над госбезопасностью. В 1951 году бывшего секретаря Башкирского обкома партии С. Д. Игнатьева назначили министром государственной безопасности. Одни считали его ставленником Маленкова, другие — Хрущева.

Спустя несколько лет после смерти Сталина начали распространяться легенды, особенно на Западе, будто Сталина «помогли» умереть. Особенно напирала на то, что смерть Сталина спасла от неминуемой гибели Берия, которого Сталин боялся и устранение которого подготавливал. Свидетельство Хрущева, что Берия не скрывал своей радости по поводу случившегося, истолковывалось как доказательство его прямого или косвенного участия в смерти Сталина. Версия эта, очень заманчивая для романиста, бездоказательна.

Ни у Берии, ни у других членов Политбюро, верой и правдой служивших диктатору, не хватило бы мужества, чтобы устранить его. Они больше всего, в том числе и Берия, боялись за себя, ничто другое их не интересовало. Берия, ненавидимый другими членами Политбюро, должен был быть еще более осмотрительнее, чем другие.

Сталин умер естественной смертью, как умирают обыкновенно старые люди.

Гроб с телом Сталина был установлен в Доме Союзов. Был объявлен четырехдневный траур (на один день меньше, чем траур по Ленину), с 6 по 9 марта. Тысячи людей прошли перед гробом.

И Он оказался всего лишь простым смертным —

Вождь и Учитель трудящихся всего мира,

Отец народов,

Мудрый и прозорливый Вождь советского народа,

Величайший Гений всех времен и народов,

Величайший Полководец всех времен и народов,

Корифей науки,

Верный Соратник Ленина,

Верный Продолжатель дела Ленина,

Ленин сегодня,

а также:

Горный Орел

и

Лучший друг всех детей.

Реакция была различной. Те, кто был обязан Сталину своим возвышением, теперь со страхом думали о будущем. Другие тихо радовались и надеялись на лучшую жизнь.

Газеты немедленно начали прославлять членов старого Политбюро. В статье «У гроба Сталина» поэт Алексей Сурков писал: «В почетном карауле у гроба Сталина члены ЦК КПСС, члены правительства: товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян.

С чувством горделивого уважения смотрят советские люди на славных соратников великого вождя, несущих у гроба своего гениального воспитателя траурную вахту...

В их верные, закаленные в богатырских трудах руки передал наш родной вождь боевое знамя, знамя светлых идей Ленина—Сталина. Их мужественным сердцам передал он драгоценное чувство ответственности за судьбу народа, за величественное дело осуществления коммунизма...»¹⁸⁷ Эти слова были далеки от истины. Не было ни «горделивого уважения» народа к соратникам, не было рук, «закаленных в богатырских трудах», а были руки с неотмываемыми пятнами пролитой крови соотечественников, заморенных и убитых в сталинские времена. Не было мужественных сердец, а были сердца претендентов на власть, радующихся смерти своего «воспитателя». В одном лишь Сурков был прав: да, Сталин поистине воспитал их!

Борьба за власть началась еще у постели умирающего Сталина, когда члены Политбюро распределяли дежурства у одра умирающего: Маленков дежурил с Берией, Хрущев с Булганиным,¹⁸⁸ прочие были не в счет.

Н. С. Хрущев открывал траурный митинг на Красной площади на похоронах Сталина 9 марта. Но речи произносили члены первого послесталинского триумvirата: Маленков, Берия и Молотов.¹⁸⁹ Последнего взяли в «упряжку» в качестве соединительного звена: после Сталина Молотов был наиболее известной народу фигурой.

Маленков стал первым секретарем ЦК и председателем Совета Министров, Берия — министром внутренних дел, Молотов — министром иностранных дел. Хрущев остался секретарем ЦК. Он сосредоточил в своих руках всю видимую и невидимую власть партийного аппарата и начал готовиться к быстро назревавшей схватке за власть.

На следующий день после смерти Сталина бывшие его соратники быстро договорились о реорганизации власти, созданной Сталиным на XIX съезде партии, то есть об устранении из руководства новопришельцев. В этом члены старого Политбюро были единодушны. Теперь Президиум ЦК КПСС был сведен к десяти членам и четырем кандидатам.¹⁹⁰

Соратники Сталина боялись реакции народа. Они были так долго оторваны от него, что теперь не знали, чего ожидать. Вот почему в правительственном коммюнике о реорганизации власти появились слова о недопущении «какого-либо разброда и паники».¹⁹¹

Но паника была лишь среди лиц, ответственных за организацию похорон Сталина. Из-за нее на улицах Москвы произошла неслыханная давка в последний день прощания со Сталиным. Более 500 человек было задушено и затоптано обезумевшими людьми. Кровь людская сопровождала «отца народов» до самой могилы, до Мавзолея.

Со смертью Сталина окончился период неограниченной террористической диктатуры в истории советского режима. В то же время то был период роста, созревания и оформления современного советского общества. Его основы и принципы были заложены Лениным в первые годы Советской власти. Революция сверху, проведенная Сталиным в 30-е годы, была логическим развитием Октябрьской революции и стратегии, выработанной Лениным. В этом смысле исторические претензии Сталина, что он был наиболее верным и последовательным учеником Ленина, достаточно оправданы.

Диктатура Сталина воплотила в жизнь мечту тираний всех эпох — абсолютного господства над человеком, над его телом и душой. Система социализма, установившаяся в Советском Союзе, была более совершенной и более прочной, чем германский нацизм или фашизм в любой его разновидности. Она предъявила свое властное право не только на душу человека, но и на переделку ее и даже на создание Нового Советского Человека — Хомо Советикус. Эту грандиозную задачу нельзя было осуществить лишь методами голого террора, хотя террор как изначальное орудие создания нового мира имел огромное значение. Для того, чтобы создать новый тип советского человека, необходимо было произвести несколько последовательных операций по очищению российского общества, и ко-

ренным образом изменить не только его социальную структуру, но и его физический состав.

После Октябрьской революции и во время гражданской войны произошло массовое уничтожение представителей господствующих классов России и ее интеллигенции. Но одновременно уничтожались в ходе подавления многочисленных крестьянских восстаний и крестьяне, доведенные до отчаяния поборами и террористической политикой новой власти — человеческий материал, абсолютно непригодный с точки зрения советской власти для строительства нового мира. Речь шла здесь не о тысячах, и даже не о сотнях тысяч, а о миллионах уничтоженных, погибших и вынужденных оставить свою страну в 1917—1922 годах. Период новой экономической политики (1921—1928) был использован властью для собственной консолидации. Именно в это время заканчивает свое формирование диктаторский режим Сталина — ставленника новой элиты — партийной бюрократии. Теперь террор направляется не только против остатков буржуазной интеллигенции, лояльно сотрудничавшей с Советской властью; не только против бывших членов буржуазных партий, но и против тех, кто принадлежал к социалистическим (эсеры) и даже марксистским партиям (меньшевики, бундовцы). Закладывается основа рабочей империи — ГУЛАГ.

Революция сверху, проведенная сталинской диктатурой в 30-е годы, отголоски которой были еще в 40-х годах, знаменовала собой новый период в создании современного советского общества и современного советского человека. Коллективизация, приведшая к гибели наиболее производительные слои крестьянского населения, к пауперизации другой его части и созданию огромной и почти бесплатной армии рабочих, вместе с тем была и революцией в физическом смысле — миллионы людей погибли, чтобы другие десятки миллионов стали подходящим материалом, из которого диктатура могла бы лепить Нового Человека.

Важной особенностью режима была его массовость. Новый человек создавался не только путем послынного физического уничтожения наиболее ярких, динамичных и наиболее образованных представителей народа, но и путем его воспитания в соответствующих условиях и с соответствующей идеологией.

Ко времени ухода Сталина коммунистическая партия Советского Союза насчитывала около 7 миллионов членов. На про-

тивоположном полюсе — в лагерях ГУЛАГа — находилось 8 миллионов заключенных. Оба полюса как бы создавали необходимый эквilibrium системы.

Заявление партии в 1939 году, что социализм в СССР в основном построен, абсолютно соответствовало действительности. К этому времени была создана социально-экономическая структура, существующая и по сей день. СССР значительно развился в индустриальном отношении, вышел на широкую арену мировой политики и сделал первые шаги на пути внешней экспансии. К этому же времени была закончена чистка, коснувшаяся на этот раз не только не согласного с линией Сталина и критикуемого партийного меньшинства, но и партийного большинства, согласного во всем со Сталиным. Были уничтожены основные кадры партийных, государственных и военных работников — все те, кто мог бы быть носителем исторической памяти народа, те, кто был, возможно, еще способен проявить собственную инициативу и уже тем самым представлял потенциальную угрозу диктатуре.

Чистка 30-х годов была на самом деле грандиознее всех ее позднейших описаний историками, политологами и социологами. Уничтожение преданных режиму партийно-государственных и военных кадров было в количественном отношении куда меньшим, чем уничтожение обыкновенных колхозников, служащих, рабочих и их семей, производившееся по разверстке из центра. Каждая область должна была выявить и обезвредить определенное количество «врагов народа». Весь сокровенный и возможно даже не осознанный полностью диктатурой смысл террора 30-х годов заключался в физическом очищении формирующегося советского общества. Предыдущие чистки времен революции и коллективизации не прошли даром для сознания народа. Во время чисток 30-х годов диктатура получила наконец то, чего она добивалась на протяжении 20 лет, — массовую поддержку террора со стороны либо горевших энтузиазмом, либо запуганных советских граждан. Эти граждане и стали исходным материалом для создания Нового Советского Человека.

Война против гитлеровской Германии чуть было не стала концом диктатуры. Но страна выстояла. Как ни парадоксально, выстояла благодаря тому, что сталинскому режиму не хватило времени, чтобы завершить свою работу по созданию нового типа человека — конформиста Хомо Советикус. В чрез-

вычайных условиях военного времени вновь ожили лучшие чувства людей и среди них любовь к родине, где жили они, их отцы и предки. Но защищая свою страну, они одновременно защищали и спасали диктатуру. Во время войны процесс формирования современного советского общества был прерван. Но в то же время окончательно расчистился и путь к завершению этого процесса: миллионы людей погибли во время войны. Среди них были остатки тех поколений, которые родились в первые годы Советской власти и сформировались еще до начала Великого Террора 30-х годов. В них причудливым образом уживались мечты о мировой революции — отголоски их смутного детства — и готовность быть верными слугами сталинской диктатуры. Они могли умирать на поле боя с именем Сталина на устах, но могли выжить с великой надеждой на свободу. Мало кто из поколений, родившихся в 20-е годы, возвратились домой целыми и невредимыми. Но те, кто вернулся, уже не годились в качестве материала для лепки из них Нового Советского Человека. Новая чистка стала неизбежной. Она стала неизбежной также и потому, что события войны возродили было утраченную коллективную память народа, подлинную, а не ту, которую усердно начали насаждать, уничтожая, с одной стороны, носителей и хранителей этой памяти, а с другой — создавая искусственную коллективную память посредством «Краткого Курса истории ВКП(б)», «Биографии И. В. Сталина» и многочисленных фальсификаторских поделок историков, литераторов, художников, артистов, поэтов и музыкантов.

В последние годы сталинской диктатуры, иногда называемой периодом зрелого сталинизма, все ее характерные черты необычайно обострились. Так обыкновенно происходит со стареющими людьми, когда заложенные в них хорошие или дурные качества становятся более выпуклыми, заметными, ощутимыми. То же самое происходит и в обществе. Позднесталинистское общество носило все основные черты раннего одряхления. Эти черты — распад идеологии, произвол власти и господство органов государственной безопасности над всеми областями жизни страны, массовая система доноительства, грубое вторжение партии-государства в сферу семейных отношений граждан, обострение межнациональных отношений, усиление экспансионистских тенденций вовне, ксенофобия и разжигание шовинизма и антисемитизма внутри страны. Все

это происходило на фоне быстрого роста военного потенциала государства и стремительного ухудшения экономического положения страны и особенно условий жизни крестьянского населения.

Завершение формирования современного советского общества тормозило отсутствие чувства безопасности, столь необходимого для любого общества. Все без исключения слои общества страдали комплексом неполноценности. Партийная бюрократия ощущала этот комплекс еще больше других, ибо даже власть и привилегии, которыми члены этой касты обладали, могли исчезнуть неожиданно, внезапно, так же, как и они сами. Бюрократия устала от единовластной диктатуры. Она мечтала о новой форме диктатуры — без диктатора. Но в то же время страшилась последствий исчезновения Сталина.

Изучению сталинской эпохи, сталинизма, как принято называть это время в истории Советского Союза, посвящено много исследований, опубликованных главным образом на Западе. Высказаны и обоснованы интересные точки зрения на сталинизм как исторический феномен.¹⁹² Некоторые исследователи попытались оценить советский опыт с точки зрения интересов Человека, Человеческого Общества в целом. И когда они это сделали, то увидели вдруг, что в ходе строительства «светлого будущего человечества» были физически уничтожены, заморены голодом или погибли насильственной смертью десятки миллионов людей. Одни называют цифру в 25 миллионов, другие в 40. А. И. Солженицын считает, что за годы советской власти погибло 60 миллионов. Как ни считать, но речь идет таким образом о подлинной демографической катастрофе, невиданной в истории России на протяжении ее многовековой истории. Речь идет о глубокой нравственной катастрофе для тех, кто выжил. Как справятся они, живущие, с наследием эпохи?

Таков был вопрос, поставленный Историей, в марте 1953 года.

Глава десятая ГОДЫ РАСТЕРЯННОСТИ И НАДЕЖД (1953—1964)

1. Первый «триумвират»

После смерти Сталина Маленков казался его естественным преемником. В последние годы жизни Сталина он стал главной политической фигурой в партии. Маленков прочел вместо Сталина, впервые после XII съезда партии, отчетный доклад ЦК на XIX съезде в 1952 году. Фотография Маленкова вместе со Сталиным и Мао Цзедунем появилась во всех газетах 12 марта 1953 года. Рядом со статьей Мао Цзедуна, в которой было написано: «Мы глубоко верим, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Советское правительство во главе с товарищем Маленковым безусловно смогут продолжить дело товарища Сталина...»¹ Это было как бы предъявлением законных прав на наследование.

Маленков небрежно отмахнулся от предложения Хрущева собраться, чтобы обсудить, как и кому вести дела дальше. «Поговорим», — бросил он, уезжая с ближней дачи Сталина немедленно после того, как врачи констатировали смерть диктатора.²

Хрущев промолчал, но принял свои меры: вывез важные архивы к себе в ЦК КПСС, начал готовиться к решающей схватке за власть.

На совместном заседании правительственных органов и ЦК КПСС 6 марта 1953 года Хрущев одержал первую важную

победу — его освободили от обязанностей секретаря МК КПСС и предложили сосредоточиться на работе в секретариате ЦК. Ни Маленков, ни Берия, вступившие в союз еще при подготовке «ленинградского дела», не видели в Хрущеве серьезного соперника в борьбе за власть. Помыслы обоих были направлены на захват контроля над государственной властью. Оба допустили серьезную ошибку, переоценив значение поста главы правительства и государственной безопасности и недооценив обладание контролем над партийным аппаратом. Не сам пост председателя Совета министров СССР важен для удержания власти, а важна личность главы правительства. Сталин на посту председателя Совета министров оставался всевластным диктатором. Таким он был бы и без этого поста. Маленков лишь занимал должность, но не был диктатором. Он был не более чем председателем Совета министров.

Хрущев не стал претендовать на высшую правительственную должность. Вопреки своему характеру, он оказался на этот раз достаточно терпеливым, чтобы ждать. Для него Маленков сам по себе был не опасен. Опасен был Маленков в союзе с Берия или Берия в союзе с Маленковым. Хрущев был плоть от плоти партийного аппарата и великолепно знал настроение его верхушки — секретарей обкомов партии, становившейся теперь истинной властью на местах.

Они хотели быть свободными от страха, от наблюдения за ними местных начальников управлений государственной безопасности. Они были лояльны центру, но хотели большей самостоятельности в решении местных дел и гарантии личной безопасности. Для них, как и для Хрущева, самым опасным человеком был Берия. Он был ненавидим большинством партийно-государственной верхушки и военной бюрократией.

Хрущев добился немедленно после смерти Сталина разделения партийной и государственной власти. 14 марта 1953 года Маленков был по собственной просьбе освобожден от обязанностей секретаря ЦК КПСС, но остался председателем Совета Министров. Хрущев стал фактически первым секретарем ЦК КПСС.³ Эта должность, исчезнувшая после XIX съезда, была официально восстановлена в сентябре 1953 года.

15 марта 1953 года 4-я сессия Верховного Совета СССР утвердила новое государственное руководство. К. Е. Ворошилов был избран на номинальный, но почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Маленков был

назначен председателем Совета министров СССР. Берия, Молотов и Каганович — его первыми заместителями, Булганин и Микоян — заместителями. У власти оказался первый «триумvirат» — Маленков, Берия и Молотов. Последний фактически был отодвинут в область внешней политики. Новое правительство нуждалось в поддержке народа, еще беспокойного после ухода Всевидающего и Вездесущего. Правительство обещало позаботиться о благе народа и заявило о своей готовности немедленно улучшить отношения с Соединенными Штатами Америки.⁴

Следуя традиции, правительство объявило 1 апреля о новом снижении государственных розничных цен на продукты, одежду, бензин и стройматериалы.⁵

С чего начать? Этот вопрос был и остается главным при любой смене власти. Был он главным и для нового руководства, пришедшего на смену Сталину. Ответ на этот вопрос был довольно сложным и далеко не однозначным. В последние годы жизни Сталина в стране, буквально во всех областях, возникло сильное напряжение. Внешнеполитическая ситуация таила в себе опасную перспективу сползания к третьей мировой войне.

Маленков, как это видно из его первых действий, понял, что необходимо дать народу материальное облегчение, в котором ему так долго отказывали.

Программа триумvirата была суммарно изложена в первом официальном докладе Маленкова на заседании 4-й сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1953 года, через неделю после того, как тело Сталина было внесено в Мавзолей и появилась еще одна надпись: «И. В. Сталин».

«Законом для нашего правительства является обязанность неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей...»⁶ Этот лозунг был как бы вывеской нового руководства.

В печати началась кампания за увеличение производства товаров легкой промышленности и продовольственных товаров. Спустя несколько месяцев, на шестой сессии Верховного Совета СССР, Маленков, отметив неблагополучие в сельском хозяйстве, призвал: «...в ближайшие 2-3 года добиться создания в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности».⁷

Новый премьер призывал также изменить отношение к лич-

ному хозяйству колхозников, расширить жилищное строительство, развивать товарооборот и розничную торговлю.⁸ Значительно увеличились капиталовложения на развитие легкой, пищевой, рыбной промышленности.

Уже первые мероприятия нового правительства, понизившего налоги на крестьян, создали ему широкую популярность. Именно Маленков, а не Хрущев, был в первое время наиболее популярной фигурой среди народа.

Одним из особенно плачевных последствий тридцатилетней сталинской диктатуры был упадок сельского хозяйства. Наследникам Сталина предстояло принять важные решения, от которых зависела не только судьба десятков миллионов колхозников, но и экономика страны на многие десятилетия вперед. Никто из новых руководителей не помышлял, конечно, о кардинальном решении вопроса — ликвидации полукрепостной колхозной системы. Но они пытались найти пути некоторого облегчения бремени колхозников, повышения рентабельности колхозного производства.

В течение многих лет колхозники едва сводили концы с концами, особенно в центральной и северо-западной России. Их существование поддерживали не эфемерные доходы колхозов, о которых трубила советская печать, вызывая восторги умиления западной «прогрессивной» интеллигенции, а карликовые приусадебные участки, корова — кормилица семьи испокон веков.

После войны натуральные и денежные налоги с колхозов и колхозников в пользу государства возросли неимоверно. Вместе с голодом 1946 и 1947 года новые поборы привели к гибели сотен тысяч крестьян и к окончательному обнищанию миллионов. Чтобы избежать уплаты налогов, а налоги взымались не в виде общей суммы, а с каждой единицы сельскохозяйственной культуры или с домашнего скота и птицы, колхозники вынуждены были свертывать многостороннее хозяйство и оставлять только те его части, налог на которые был меньше или без которых семье попросту грозила бы голодная смерть.

Одним из первых мероприятий «триумvirата» было сокращение сельскохозяйственного налога с приусадебных участков, отмена натурального налога и замена его денежным и повышение закупочных цен на излишки сельскохозяйственной про-

дукции. Были полностью сняты недоимки по сельскохозяйственному налогу за прошлые годы.

Денежный налог по Закону о сельскохозяйственном налоге от августа 1953 года был фактически снижен с каждого колхозного двора в среднем два раза.⁹

В передовой статье первого номера за 1953 год центрального теоретического органа КПСС журнала «Коммунист» торжественно объявлялось: «Зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой проблемой, решена прочно и окончательно».¹⁰

В 10 номере того же журнала были опубликованы материалы сентябрьского пленума ЦК КПСС, посвященного положению в сельском хозяйстве. К 13 номеру журнала от мажорного тона не осталось и следа.¹¹

Хрущев признал, что все заявления о разрешении зерновой проблемы, были лживыми. Налоги на индивидуальные хозяйства колхозников снова были понижены, владельцы коров получили льготы. Было решено поощрять впредь мелкое хозяйство рабочих и служащих: разведение свиней, домашней птицы, поощрялось даже обзаведение коровами. Фактически это было признанием, что приусадебное хозяйство крестьянина и рабочего в небольших провинциальных городах является главным источником поддержания не только их собственного существования, но и источником снабжения сельскохозяйственными продуктами значительной части населения страны.¹² Но в 1953 году четвертая часть из 20 миллионов крестьянских семей не имела коров.

В 1954 году был отменен налог за владение коровой и свиньями. К этому времени налог на приусадебный участок снизился в 2,5 раза по сравнению с 1952 годом.

Эффект новой меры был потрясающим: деревня и близлежащие к сельской местности города перестали испытывать острую нужду в продовольствии, хотя положение все еще оставалось достаточно серьезным. Главное же заключалось в том, что крестьяне еще раз поверили государству, что может быть улучшение и их беспросветной жизни. Легко себе представить, каковы были бы результаты перевода сельского хозяйства на иные рельсы, если относительная свобода использования приусадебного хозяйства, распространившаяся всего на 2% всех обрабатываемых земель в стране, так быстро и в такой короткий срок изменила положение.

Значительным облегчением для населения явилось сокращение в два раза суммы подписки на очередной государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1953 года).¹³

Намерение нового руководства «успокоить нервы народа» проявилось в упорядочении рабочего дня в учреждениях. Практика ночного бдения была осуждена. Отныне работа в учреждениях союзного и республиканского значения начиналась в 9 часов утра и заканчивалась в 6 часов вечера с часовым перерывом на обед.¹⁴

4 апреля 1953 года было опубликовано безо всяких комментариев сообщение Министерства внутренних дел СССР о том, что дело «врачей-убийц» было провокационно сострепано бывшим руководством бывшего Министерства государственной безопасности и что обвиненные врачи неповинны ни в каких преступлениях.¹⁵ То было удивительное заявление, ибо бывший руководитель бывшего Министерства государственной безопасности С. Д. Игнатъев немедленно после смерти Сталина был сделан секретарем ЦК КПСС.

Игнатъев никак не мог бы быть избран в секретариат ЦК без согласия Хрущева. Но Игнатъев нес прямую ответственность за подготовку «процесса врачей». Имел ли Хрущев какое-либо касательство к этому делу? Вопрос этот тем более закономерен, что Игнатъев никогда позднее не был привлечен к партийной и государственной ответственности, а был после освобождения его от обязанностей секретаря ЦК направлен на партийную работу в качестве первого секретаря Башкирского обкома партии.

Как бы то ни было, но заявление МВД от 4 апреля имело огромное политическое значение, как декларация о разрыве с прежней практикой беззакония и террора. Многие семьи арестованных «врагов народа» увидели в этом возможность для пересмотра обвинений и приговоров по делу их родных. В прокуратуру СССР и в партийные органы посыпались сотни тысяч заявлений с просьбами пересмотреть дела осужденных.

Позднее, после ареста Берия, в партийных кругах утверждали, что коммюнике не было согласовано Берией с секретариатом ЦК, иначе оно было бы опубликовано не от имени Министерства внутренних дел, а от имени правительства и формулировки были бы иными. Вероятно, так и было бы на самом деле. Коммюнике МВД создавало новую огромную

и не очень желательную проблему для нового руководства — реабилитации сотен тысяч, а может быть и миллионов людей, исчезнувших в годы террористической диктатуры Сталина. Вероятно, не было ни одного крупного партийного или государственного деятеля, который не был бы прямо или косвенно причастен к массовым преступлениям советского режима, или во всяком случае не извлек бы для себя какой-либо выгоды во время террора 30-х и 40-х годов. Теперь число врагов Берия в руководстве значительно увеличилось, так как многие опасались разоблачений. Пока что Берия распорядился освободить родственников членов руководства, арестованных и посланных в лагеря в последние годы жизни Сталина. Берия лично вручил Молотову его супругу П. С. Жемчужину, попавшую в лагерь в последние годы жизни Сталина.¹⁶ Заодно он распорядился освободить бывшего министра госбезопасности Абакумова, угодившего в тюрьму по случаю дела «врачей-убийц». Выпустили из тюрьмы маршала артиллерии Н. Д. Яковлева и его сына, а также маршала авиации Новикова, арестованного по навету Василия Сталина.¹⁷

Имя Берия стало довольно популярным среди интеллигенции и городских слоев на короткое время. Его популярность была связана с коммюнике от 4 апреля. Берия, а вместе с ним и «триумвират», сделали очень ловкий ход, соединив Министерство внутренних дел с Министерством государственной безопасности и создав новое под вывеской Министерства внутренних дел. Таким образом пугающие слова «государственная безопасность» исчезли на короткое время, создав иллюзию перемен и вызвав бурю рукоплесканий среди левых интеллектуалов Запада.

Но о преждевременности этих надежд свидетельствовал указ Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 года.¹⁸ По этому указу, получившему неправильное название «ворошиловского» (по имени нового председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, подписавшего этот указ. На самом деле указ об амнистии был подготовлен при активном участии Берия), освобождались из заключения те, кто был осужден на срок до 5 лет, иногда до 8 лет, некоторые категории инвалидов, несовершеннолетних и женщин. Амнистия не касалась политических заключенных.

Летом 1953 года массы уголовников, освобожденные из лагерей по мартовскому указу об амнистии, наполнили города

страны. Даже в Москве стало небезопасным появляться вечерами на улицах из-за риска быть убитым или ограбленным. В Москву были введены части внутренних войск, появились конные патрули. Позднее, после устранения Берия, ему инкриминировалось в числе прочих преступлений намерение использовать выпущенных из тюрем уголовников для захвата власти.

Берия стал популярным в национальных республиках. С его именем связывали поворот в области национальной политики, за предоставление больших прав союзным республикам и против русификаторских тенденций.

В республиках прошли пленумы ЦК местных компартий, на которых осуждалась практика великодержавной политики. На пленуме ЦК компартии Украины говорилось о «серьезных извращениях» ленинско-сталинской национальной политики. Главу украинской партии Л. Мельникова, в частности, упрекали в том, что на руководящую работу в западные области Украины были посланы работники из других областей Украины и что преподавание в высших учебных заведениях Западной Украины было фактически переведено на русский язык. На пленуме ЦК в Литве отмечалось то же самое: слабое выдвижение национальных литовских кадров на руководящую работу.¹⁹ Открытые протесты против русификаторства в той или иной форме можно было услышать в то время на всех без исключения пленумах ЦК национальных компартий.

Берия представил проект в Президиум ЦК относительно этнического состава руководящих органов на Украине. Его мысль заключалась в том, чтобы на местах руководили местные, украинские кадры и чтобы их не передвигали в Москву. Президиум ЦК КПСС освободил русского Л. Мельникова от обязанностей первого секретаря на Украине и назначил на его место украинца Кириченко. Несомненно, что перемены были сделаны с согласия Хрущева, так как Кириченко был его ставленником. Писатель Корнейчук был введен в состав Президиума Украинского ЦК. Подобного же рода перемещения были проведены в прибалтийских республиках и в Белоруссии. Как свидетельствует Хрущев в своих мемуарах, Президиум ЦК КПСС принял решение, что пост первого секретаря в каждой республике должен быть предоставлен местному выходцу, а не русскому, посланному из Москвы.²⁰ Хрущев признает, что точка зрения Берия о том, что преобладание русских в руководстве республик должно быть изменено, совпадала с точкой

зрения ЦК. Обвинение Хрущева, что Берия рассчитывал таким путем обострить отношения внутри руководства в республиках и между центральным руководством в Москве и республиканскими руководителями,²¹ не выдерживает критики: если Берия действительно стремился к захвату власти, то это прямо бы противоречило его цели. Была ли у Берии программа по национальному вопросу, хотел ли он действительно усилить национальный элемент в республиках и в каких целях, остается открытым. Но немедленно после ареста Берия во всех национальных республиках снова прошли пленумы и митинги, на которых Берия осуждался за попытки поссорить национальности Советского Союза «под фальшивым предлогом борьбы с нарушениями национальной политики партии».²² Впрочем, это было в порядке вещей.

Берия, повинный во множестве преступлений против человечности, был ведущей силой первого «триумvirата». Об этом можно судить по обвинениям, выдвинутым против Берия в закрытом письме ЦК после его ареста. Оказывается, что именно Берия выступал за международную разрядку, за объединение Германии и ее нейтрализацию, за примирение с Югославией, за предоставление национальным республикам больших прав, прекращение русификации в области культуры, за выдвижение на руководящие должности выходцев с мест. В письме ЦК КПСС указывалось на необычайную активность Берия, засыпавшего Президиум ЦК всевозможными проектами.

Третий член триумvirата В. М. Молотов был сделан министром иностранных дел. Ему, искушенному в политике «холодной войны», предстояло теперь урегулировать необычайно обострившиеся в связи с корейской войной и германской проблемой отношения с западными странами и особенно с США.

Уже в программе нового правительства, изложенной в речи Маленкова 15 марта 1953 года, помимо обычных заверений в миролюбивости внешней политики СССР, содержалось косвенное обращение к США с призывом к пересмотру советско-американских отношений.²³

Американское правительство реагировало, если не очень быстро, то вполне определенно. В выступлении президента Эйзенхауэра от 16 апреля 1953 года, которое, вопреки обычной практике, было полностью опубликовано в СССР спустя 10 дней, говорилось: «Мы приветствуем каждый честный акт мира. Нас не интересует одна лишь риторика».²⁴ Конкретно

президент США предлагал: заключить почетное перемирие в Корее, заключить договор с Австрией, создать широкое европейское сообщество, которое включало бы объединенную Германию. Он настаивал также на полной независимости восточно-европейских государств, ограничении в вооружениях, международном контроле над атомной энергией.²⁵ Комментарии «Правды» от 25 апреля 1953 года «К выступлению президента Эйзенхауэра» были выдержаны в спокойном тоне.²⁶ Лондонский «Таймс» назвал статью «Правды» «самым разумным заявлением о советской политике, появившемся за многие долгие месяцы».²⁷

Реакция британского правительства также была положительной. Британский премьер-министр Черчилль заявил: «Мы ободрены рядом дружественных жестов со стороны нового советского правительства», и предложил созвать совещание в верхах.²⁸

Результаты поворота в советской политике не замедлили сказаться — 27 июля 1953 года было подписано перемирие в Корее и корейская война окончилась.

* * *

Отзвуки на смерть Сталина, на арест Берия, на кампанию в печати в защиту законности прокатились по всей стране и достигли миллионов заключенных, томившихся в концентрационных лагерях. И они начали бастовать и восставать повсюду: в лагерях Коми АССР, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Наиболее важным было восстание в Кингире весной-летом 1954 г.²⁹ В восстании приняли участие 9 тысяч заключенных мужчин и 4 тысячи женщин.

Попытка администрации лагеря спровоцировать уголовников на расправу с политическими заключенными обернулась неожиданно всеобщей стачкой и восстанием заключенных. Восстание продолжалось 42 дня. В ходе его заключенные выставляли требования политического и социального характера. Среди них: пересмотр приговоров и амнистия, введение 8-часового рабочего дня, превращение лагерей особого режима в обыкновенные, удаление с одежды заключенных номеров, улучшение условий заключения. Восставшие потребовали также приезда из Москвы представителя ЦК КПСС. Восстание проходило под лозунгом: «Да здравствует Советская Консти-

туция!». Через несколько лет под тем же лозунгом уважения к Конституции сформируется правозащитное движение в СССР...

По приказу из Москвы против заключенных Кингира были пущены танки и 3 тысячи солдат. Неравный бой, начавшийся на рассвете 26 июня 1954 года, продолжался 4 часа. Восставшие оказывали отчаянное сопротивление, забрасывая танки бутылками с горючей смесью... Однако сила взяла верх.

Уцелевшие были арестованы, судимы и отправлены на Колыму.

В ходе восстания стачка солидарности с взбунтовавшимся Кингиром была объявлена 10 июня в лагере Джезказган. После 26 июня каратели появились с танками у Джезказгана. 20 тысяч заключенных здесь не были подготовлены к сражению и капитулировали.

Однако 42 дня восстания в Кингире не пропали даром. Произошли изменения в жизни заключенных: теперь они начинали работу не в 6 утра, а в 8 и работали до 5. Решетки с окон барачков, снятые во время восстания, не были восстановлены. Номера были удалены с одежды. Инвалиды и малолетние заключенные были частью освобождены, другим был уменьшен срок наказания.

Начальство решило ввести в лагерях «культуру». Начали приезжать театральные труппы и оркестры...

За два года до революции в Венгрии советские заключенные восстали в лагерях. Их подвиг остался тогда незамеченным, но они совершили историческое дело, частично сломив терроризм и эксплуатацию заключенных и их бесправие, процветавшие в лагерях десятилетиями. Знаменитый XX съезд КПСС стал возможным также и благодаря движению Сопротивления заключенных советских концентрационных лагерей.

* * *

Смерть Сталина и первые шаги по либерализации, предпринятые советским руководством, нашли немедленный отзвук в странах-сателлитах СССР Восточной и Юго-Восточной Европы. Повсеместно начались волнения, ожесточилась борьба между старым сталинским руководством и антисталинистами. Только Албания, Румыния и Болгария остались более или менее спокойными. В Албании убежденный сталинист Энвер Ходжа расправился заранее со всеми возможными и невоз-

можными оппозиционерами. В Румынии и Болгарии сталинисты также держали в руках бразды правления. Только позднее, после XX съезда КПСС там активизировались антисталинистские силы.

Первые серьезные волнения в социалистическом блоке произошли в Чехословакии в начале июня 1953 года. Непосредственным поводом для волнений послужила денежная реформа 30 мая 1953 года, серьезно ударившая по интересам рабочих. 1 июня начались волнения в Пльзене, одновременно началась всеобщая стачка на угольных шахтах Моравска Острава. 5000 демонстрантов в Пльзене ворвались в городскую ратушу и порвали портреты Сталина и Готвальда. Вызванные войска отказались стрелять по демонстрантам. Раздавались требования проведения свободных выборов. Имена Массарика, Бенеша и Эйзенхауэра вызывали бурю оваций. Однако не было призывов к свержению власти. Движение было стихийным и никем не возглавлялось. Не было и кровопролития: после отказа войск открыть огонь по демонстрантам, были вызваны специальные полицейские силы, которым не было оказано сопротивления.³⁰ Волнения в Чехословакии были показателем назревшего недовольства политикой коммунистической партии, захватившей власть в феврале 1948 года.

Возмущение экономической политикой было поводом для восстания в Восточной Германии в июне 1953 года. Форсированная индустриализация и принудительная коллективизация, проводимая восточногерманским правительством, привела к массовому бегству населения из Восточной части Германии в Западную. Ответом правительства было увеличение обязательных поставок продуктов с крестьянских дворов и принудительная уплата задолженности по налогам. В апреле 1953 года было прекращено распределение продовольственных карточек среди «классово-чуждых элементов» и среди восточных берлинцев, работавших в западном секторе Берлина. Одновременно начался нажим на рабочих с требованием поднять производительность труда. В конце мая 1953 года было издано постановление совета министров ГДР об увеличении производственных норм на 10%.³¹

Отлив населения на Запад усилился. В течение первых пяти месяцев 1953 года в Западную Германию ушло 185 тысяч человек из Восточной, в то время как за весь 1952 год ГДР покинуло 150 тысяч немцев.³²

В это же время в Москве были получены сведения об ухудшении ситуации в Венгрии.

Новое советское руководство настоятельно посоветовало своим сателлитам немедленно изменить экономическую политику, прекратить нажим на рабочих, крестьян и средние слои, отказаться от дорогостоящих и не оправданных программ по индустриализации (сателлиты СССР старались в сталинские времена во всем копировать своего «старшего брата», абсолютно не считаясь с экономическими возможностями своих стран).

Под нажимом из Москвы Политбюро ЦК СЕПГ приняло резолюцию, в которой осуждалась прежняя экономическая политика, признавались серьезные ошибки и отменялись все непопулярные мероприятия последних месяцев. Однако среди допущенных ошибок и мер по их устранению не упоминалось о повышении рабочих норм. Более того, последовало подтверждение о вводе в действие новых норм с 30 июня 1953 года. Рабочие Восточного Берлина ответили немедленным прекращением работы 16 июня и массовыми демонстрациями. Тысячи рабочих пришли к зданию правительства с требованием отмены повышения рабочих норм, снижения цен. Они выставили также и политические требования: отставки главы партии Вальтера Ульбрихта, объединения Германии и проведения после этого свободных выборов. На следующий день, 17 июня, началась всеобщая забастовка в Восточном Берлине и волнения во многих городах ГДР, включая Лейпциг, Дрезден, Магдебург. Рабочие в этих городах нападали на полицейские участки и тюрьмы, освобождали политических заключенных.³³ В движении приняли участие до 100 тысяч человек.

Для подавления начавшегося всеобщего восстания в ГДР советское командование ввело в дело танки. Советским войскам помогала полиция ГДР.³⁴ По некоторым данным погибло до 500 человек.³⁵

Кровавое подавление рабочего восстания в ГДР было представлено правительством СССР как ликвидация попытки мятежа фашистов. Двадцать семь лет спустя после этих событий население СССР так и не знает правды о событиях случившихся в Германии в июне 1953 года.

Новое советское руководство с большим беспокойством наблюдало за развитием событий в Венгрии.

Глава венгерской коммунистической партии Матиас Ракоши был, пожалуй, наиболее преданным Советскому Союзу лидером социалистической страны. Он стремился во всем подражать политике Советского Союза. В результате Венгрия уже в начале 50-х годов оказалась в крайне бедственном положении, экономическом и политическом.

Ракоши и другие венгерские деятели были вызваны весной 1953 года в Москву, где советские руководители потребовали от Ракоши прекращения неоправданного, авантюристического курса на сверхиндустриализацию и прекращения насильственной коллективизации. В Москве настаивали на реорганизации правительства, уходе Ракоши с поста премьера, удалении двух других министров — тяжелой индустрии и обороны и принятия решения ЦК Венгерской компартии, осуждающего сделанные ошибки.³⁶ На место Ракоши главой правительства был назначен старый коминтерновец Имре Надь, считавшийся умеренным и находившийся фактически в оппозиции к политике Ракоши. Хотя Политбюро Венгерской компартии и приняло требуемую резолюцию, но держало ее содержание в секрете, отделившись опубликованием туманного коммюнике. Но Имре Надь, встав во главе правительства, начал проводить политику, сходную с политикой НЭПа.³⁷

Ракоши продолжал оставаться во главе партии. Очень скоро внутри Венгерского руководства завязалась острая борьба. Имре Надь был обвинен в правом уклоне и смещен с поста премьера в апреле 1955 г.³⁸

Но в то же время, в Венгрии также, как и в СССР, началась реабилитация, возвращение репрессированных режимом Ракоши, восстановление их в партийных постах (чего не было в СССР). В Венгрии развернулось также широкое движение за либерализацию, охватившее интеллигенцию, от студентов и до писателей.

Появились разного рода общественные организации, кружки. Возникли журналы и альманахи литераторов, художников, артистов либерального направления. Начали печататься произведения, критически оценивающие положение в социалистической Венгрии.³⁹

Началась духовная революция.

10 июля 1953 года в газетах было опубликовано сообщение об аресте Берия. Устранение Берия было подготовлено Хрущевым в сговоре с другими членами Президиума ЦК КПСС. Арест Берия был произведен с помощью военных во главе с маршалом Г. К. Жуковым и с помощью И. А. Серова. Падение Берия было концом первого триумvirата. Престиж и влияние Хрущева, организатора антибериевского заговора, значительно усилились. Маленков утратил свою опору и теперь все более зависел от Хрущева, который очень быстро прибрал к рукам партийный аппарат. Хрущев еще не мог диктовать свои решения, но и Маленков уже не мог действовать без согласия Хрущева. Оба еще нуждались в поддержке друг друга. Но в руках Хрущева был не только партийный аппарат. Армия, которую он использовал для ликвидации Берия, была также за него. В войска для разъяснения случившегося были посланы не только Жуков, Конев, Москаленко, непосредственные технические исполнители ареста Берия, но и Булганин — штатский маршал, всецело преданный Хрущеву, был послан в стратегически и политически наиболее важный — Московский военный округ.⁴⁰

В декабре 1953 года состоялся официальный суд над Берия и его сподручными. Берия был уже мертв, но народ об этом не знал. Среди предъявленных обвинений фигурировало «организация антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии».⁴¹ Сомнительно, однако, чтобы Берия стремился к «восстановлению власти буржуазии», а не к собственной диктатуре. Заодно Берия был объявлен агентом «Интеллиндженс сервис» с 1918 года. Вместе с Берия были судимы и приговорены к смертной казни несколько высших чиновников госбезопасности, в том числе бывшие министры и их заместители.

В 1954 году был судим и расстрелян Рюмин⁴² — непосредственный руководитель провокационного дела врачей, а затем бывший министр государственной безопасности Абакумов,⁴³ на счету которого было, помимо других многочисленных преступлений, «ленинградское дело».

После устранения Берия органы государственной безопасности были реорганизованы. Большинство (но не все) высших руководителей были смещены или заменены. Они получили

прекрасные пенсии. Вместо Министерства государственной безопасности был образован Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров СССР. Тем самым подчеркивалось его снизившееся значение в структуре государственной власти. На местах начальники управлений КГБ отныне подчинялись первым секретарям обкомов, ставшим реальными хозяевами своих областей. Были ликвидированы спецотделы МГБ в различных учреждениях, в том числе и в ЦК КПСС. Всесильные Особые Совещания — тайные трибуналы, выносившие суровые, не подлежащие пересмотру приговоры, главным образом по обвинениям в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации и прочего, были упразднены. Во главе КГБ был поставлен бывший заместитель Берия, сыгравший значительную роль в его устранении, генерал И. А. Серов. Новый глава ведомства КГБ был известен своими «заслугами» по депортации прибалтов, жителей Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-40 годах. Под его руководством проходила депортация народов Кавказа и татар Крыма в 1943—1944 годах. Он возглавлял государственную безопасность в советской зоне оккупации Германии и прочее. Однако его личная преданность Хрущеву, испытанная в годы совместной службы на Украине, и отсутствие политических амбиций у Серова сыграли свою роль. Эти качества нового главы госбезопасности отвечали главной цели реорганизации органов государственной безопасности — низведения их до уровня технических исполнителей. ЦК КПСС снова взял на себя полную ответственность за аппарат террора, уменьшенный, урезанный, но все же сохраненный как необходимый составной элемент советской социалистической общественной системы. Основным резервом кадров КГБ оставался, как и прежде, комсомол. Многие сотрудники государственной безопасности были в прошлом деятелями комсомола на различных уровнях. После Серова председателем КГБ был назначен бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин. Позднее, когда Шелепин стал членом Политбюро, его сменил на посту председателя КГБ другой секретарь ЦК ВЛКСМ — Семичастный.

Сохранение органов государственной безопасности подтверждало, что основа системы, созданной Лениным и усовершенствованной Сталиным, осталась без изменения. Но в тот момент многим это не было достаточно ясно.

Через неделю после реабилитации «врачей-убийц» ЦК КПСС принял решение «О нарушении законов органами государственной безопасности». Это решение носило не только частный, связанный с «делом врачей», характер, но имело большое принципиальное значение. Оно было первым формальным решением партии, осуждавшим органы государственной безопасности, ставших над партией и над государством.

После опубликования сообщения о реабилитации врачей, но особенно после устранения Берия, в самых различных слоях населения совершенно стихийно возникло движение против произвола власти, независимо от того, было ли это производом со стороны государственной безопасности, милиции, руководителя учреждения или домоуправления. Это движение приняло специфическую для советских условий форму. В редакции газет, главным образом центральные, начали поступать тысячи писем с жалобами на произвол местных властей. Всколыхнулись семьи так называемых врагов народа, погибших или еще томившихся в концентрационных лагерях и в тюрьмах. Долгие годы они были как бы париями общества. При каждом удобном случае им напоминали о великодушии партии и государства, которые позволяют им существовать и даже работать, а их детям учиться.

Письма начинались, как правило, со слов благодарности партии, разоблачившей «презренного изменника» Берию. Но дальше в письмах требовали или просили пересмотреть дела отцов, матерей, просто родственников. Органы прокуратуры были в растерянности. Были растеряны и партийные руководители. Они понимали, что подымается волна народного негодования, которая может их смести. То в одном, то в другом лагере на Колыме, в Казахстане, в других местах заключения вспыхивали забастовки и бунты, кончавшиеся кровавой вооруженной расправой. Народ вне лагерей открыто обсуждал совершенные преступления. Руководители на местах вдруг стали вежливыми и доступными для населения. Граждане использовали демагогию газетных статей, осуждавших произвол и нарушения законности, и начали всерьез требовать осуществления их гражданских прав. В конце 1953 и в начале 1954 года это движение, никем не организованное, стало шириться и расти, оказывая психологическое давление на новое руководство.

Верно или нет, что новое руководство не имело понятия о количестве репрессированных, заключенных в лагерях и тюрьмах? Этот вопрос довольно спорный. В государственных планах развития народного хозяйства всегда указывались министерства, ответственные за строительства и сооружения, а также фонды и людские ресурсы, которыми они располагают. Во многих случаях ответственным исполнителем значилось министерство внутренних дел. Поэтому очень легко было представить масштабы этой секретной империи с одновременным рабским населением в 8-9 миллионов. Совершенно невероятно, чтобы высшие руководители не знали об этом довольно точно.⁴⁴

После коммюнике МВД от 4 апреля требование перехода к законности стало всеобщим, и оно касалось не только политических заключенных, но буквально всех сфер жизни советского общества, ибо повсюду не только закон был заменен произволом, но и сам закон также был выражением царившего в стране беззакония.

Все вышестоящие советские и партийные инстанции, а не только суд, прокуратура, органы юстиции и министерства внутренних дел были буквально засыпаны заявлениями-требованиями, просьбами и жалобами. И эти жалобы старались удовлетворить те же самые чиновники, которые были в них повинны.

Однако, когда речь пошла о реабилитации осужденных за так называемые контрреволюционные преступления, то здесь ничего нельзя было сделать без общего решения в государственном масштабе.

В 1953 году было освобождено около 4000 человек,⁴⁵ а в лагерях по самым осторожным оценкам специалистов находилось от 8 до 9 млн. заключенных.⁴⁶ Хотя в 1953—1955 годах режим был смягчен, проблема оставалась нерешенной. Освобождение продолжалось, но в 1954—1955 годах было реабилитировано и освобождено всего 12 тысяч человек.⁴⁷ В 1955 году была объявлена амнистия лицам, сотрудничавшим с немцами во время оккупации в 1941—1944 годах,⁴⁸ и освобождены в связи с приездом германского бундесканцлера К. Аденауэра немецкие военнопленные. В 1956 году были освобождены японские военнопленные.

После XX съезда партии реабилитация приняла массовый характер. Были созданы комиссии по реабилитации, наделен-

ные полномочиями освобождения заключенных на местах, прямо в лагерях. Подавляющее большинство выживших политических заключенных было освобождено в том же 1956 году, многие были реабилитированы посмертно, но этот процесс посмертной реабилитации растянулся еще на долгие годы. Особенно трудным был вопрос, как отнестись к осужденным за участие в оппозициях. Ведь лидеры оппозиций так и не были реабилитированы, хотя постепенно многие осужденные по открытым судебным процессам 1936—1938 годов были посмертно реабилитированы, за исключением Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева и других, хотя их невиновность в приписываемых им преступлениях, вроде подготовки покушения на Ленина в 1918 году (Бухарин), в шпионаже и организации террористических актов (Зиновьев, Каменев, Бухарин), вредительство (плюс Рыков), была абсолютно ясной.

Реабилитация была необходима не только тем, кого она непосредственно затрагивала и их семьям, но имела огромное моральное значение для всего народа. Совесть, как врожденное и необходимое качество человеческого бытия, была пробуждена. На выборах в партийные комитеты и в профкомы начали рекомендовать кандидатов с точки зрения их моральной оценки.

Живые, восставшие из мертвых, — реабилитированные и возвращенные к жизни, к своим семьям, сыграли большую роль в раскрытии неправового характера советского государства и аморальности его общественной системы.

Но только ли советской системы? События, происходившие в Восточной Европе, показывали, что вопрос стоял значительно шире — о системе социализма и правомерности ее существования.

Осенью 1954 года в Польше были преданы широкой огласке факты пыток, применявшихся польской государственной безопасностью. В это же время был освобожден из заключения один из видных польских коммунистов Владислав Гомулка. В январе 1955 года органы государственной безопасности были в Польше упразднены, а виновные в применении пыток преданы суду.⁴⁹

* * *

Выше мы уже говорили, что «ленинградское дело» было спровоцировано Маленковым и Берия.⁵⁰ Хрущев сообщает в

своих мемуарах, что даже Сталин колебался в принятии окончательного решения, но в конечном счете решил оставить его в руках Маленкова и Берия.⁵¹

Характерно, однако, что в перечислении преступлений, совершенных Берия, «ленинградское дело» было обойдено молчанием. Только в декабре 1954 года уже пост-фактум Берия было инкриминировано также и «ленинградское дело». Но к этому моменту вопрос об уходе Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР был решен.

Все это время Хрущев неуклонно шел вверх. На сентябрьском пленуме ЦК 1953 г., где Хрущев сделал основной доклад о положении в сельском хозяйстве, он был формально избран первым секретарем ЦК. Тем самым его ведущее положение в партии было подтверждено. Он немедленно сменил руководство Московским комитетом партии, назначив Капитонова на место Михайлова, протеже Маленкова.

Хрущев был основным докладчиком на всех пленумах ЦК 1953 и 1954 годов. Его предложение о поднятии целинных и залежных земель встретило более чем прохладное отношение со стороны других членов Президиума ЦК. Маленков склонялся к более интенсивной эксплуатации уже культивированных земель.

В июле месяце 1954 г. состоялся суд над Рюминым, бывшим заместителем министра государственной безопасности, который не был, по-видимому, инициатором «дела врачей», но во всяком случае руководил следствием. Суд над Рюминым был явным предупреждением Маленкову поспешить с отставкой. Предстоял еще суд над бывшим министром госбезопасности Абакумовым, который был непосредственным руководителем следствия по Ленинградскому делу. Положение Маленкова становилось безвыходным. Хрущев показал себя в этом деле очень искусным интриганом. Но впервые за многие годы советской власти высшему чиновнику государства была дана возможность покинуть свой пост не только добровольно, но и с почетом.

В январе 1955 года на пленуме ЦК Маленков был подвергнут критике за неправильную линию в предоставлении приоритета легкой промышленности, а не тяжелой и за ошибки по руководству сельским хозяйством в начале 50-х годов. В феврале 1955 года Маленков подал формальное заявление об отставке с поста премьера. В этом заявлении он «самокритично» при-

знал свои ошибки и объяснил их недостаточной подготовленностью для роли руководителя правительством.⁵² Новым главой Совета министров СССР стал стародавний приятель Хрущева Н. А. Булганин, ничем не примечательная политическая фигура, но, как утверждали в то время, способный администратор. Маленков стал одним из заместителей Булганина, сохранив положение члена Президиума ЦК. В самом правительстве были произведены в течение 1955 года различного рода замены и перемещения, свидетельствовавшие об усилении влияния Хрущева. Некоторые бывшие министры были посланы послами в разные страны. Это было нововведением. Отныне пост посла становился политическим, а не просто дипломатическим. Карьерным дипломатам пришлось потесниться. Роль министра иностранных дел, а им был Молотов, снизилась.

После ухода Маленкова Молотов оставался не только единственным членом первого триумvirата, но и главным связующим звеном с прошлым, с эпохой Сталина, с периодом «холодной войны». Теперь Хрущев начал исподволь атаку на Молотова.

Молотов был достаточно уязвим для любого обвинения, начиная от участия в терроре, заключении пактов о ненападении и дружбе с гитлеровской Германией в 1939 году и кончая разрывом с Югославией.

Молотов не был включен в состав делегации во главе с Хрущевым, отправившейся в Белград для примирения с Тито (май 1955 года). Он не участвовал также и в конференции стран Варшавского пакта в это же время. На июльском пленуме ЦК 1955 года Молотов был единственным среди членов Президиума, сохранившим свою прежнюю позицию по отношению к Югославии.

Молотов считался после Сталина главным теоретиком партии. О «теоретических», «философских» и других взглядах Молотова писалось немало кандидатских диссертаций в институтах Академии наук СССР. Он был избран однажды почетным академиком. Хрущев имел в своем образовательном активе церковно-приходскую школу, а затем Промакадемию. Новый удар был нанесен по Молотову в связи с его заявлением в феврале 1955 года, что СССР построил фундамент социалистического общества. Молотов забыл о заявлении партии, что социализм уже был построен... в 1939 году!

Так, избавляясь постепенно от прямых наследников сталинской эпохи, Хрущев шел к XX съезду КПСС, назначенному на февраль 1956 года.

Но борьба против них с неизбежностью заставляла его идти довольно быстро вперед по пути разоблачения преступлений сталинского времени и реабилитации жертв сталинского террора. Используя против Маленкова «Ленинградское дело», Хрущев, под нажимом требований реабилитации со стороны родственников видных партийных и военных деятелей, пострадавших в 30-е и в 40-е годы, должен был теперь вернуться к судьбе бывших членов Политбюро и ЦК. Это в свою очередь вело к выяснению роли Сталина в уничтожении кадров партии и роли его ближайших соратников — Молотова, Ворошилова, Кагановича. Путь этот был опасным и для самого Хрущева, как бывшего секретаря Московского комитета партии в годы террора, а затем руководителя украинской партии, ответственного за чистки на западных землях и в Прибалтике в 1939-40 годы, за расправу с повстанцами на Западной Украине после второй мировой войны. И то, что Хрущев вступил на путь разоблачения преступлений сталинского времени, вопреки опасениям за свою личную судьбу, показывает, что он был на голову выше других советских руководителей и как человек, и как политический деятель. Не исключено, что Хрущев пошел по этой дороге еще полностью не отдавая себе отчета в политических последствиях своего шага и рассчитывая, что сумеет держать будущие события под своим контролем.

Созданная при ЦК специальная комиссия была поставлена под председательство П. Н. Поспелова, главного теоретика партии, подготовившего знаменитую фальсификацию истории ВКП(б) — «Краткий курс», а позднее, на ее основе, «Биографию И. В. Сталина». От этой комиссии трудно было ожидать глубокого и нелицеприятного анализа событий прошлого. Но даже сам факт создания такой комиссии был огромным шагом вперед для все еще сохранявшегося сталинистского режима.

«В течение трех лет, — говорит Хрущев, — мы не могли порвать с прошлым, не могли обрести мужества и решимости, чтобы поднять завесу и взглянуть, что было сокрыто от нас относительно арестов, судов, произвола, казней и все другое, что случилось в годы царства Сталина».⁵³

2. XX съезд КПСС

Уже находясь в вынужденной отставке, Хрущев, обращаясь к прошлому, говорил: «Сталиным были совершены преступления, преступления, которые были бы наказуемы в любом государстве мира за исключением фашистских государств, как например, Гитлера и Муссолини».⁵⁴

Это первое открытое заявление ведущего советского политического лидера, дошедшего в своих рассуждениях до параллели между советским социалистическим государством и фашистским. Оно свидетельствует, между прочим, и о незаурядной личности Н. С. Хрущева.

Создание комиссии по расследованию даже под председательством Поспелова было встречено безо всякого энтузиазма старой сталинской когортой — Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем. Микоян, хотя и не возражал против назначения комиссии, но активно Хрущева не поддержал.⁵⁵

Отчетный доклад ЦК, сделанный Хрущевым 14 февраля 1956 года на XX съезде, был довольно уклончивым. С одной стороны, Хрущев высказал несколько критических замечаний по поводу Сталина, Молотова, Маленкова, не называя их по именам,⁵⁶ с другой, он отметил заслуги Сталина в разгроме «врагов народа».⁵⁷ Гораздо более решительно против культа личности выступил на съезде Микоян 16 февраля, назвавший имена Косиора и Антонова-Овсенко, ложно объявленных врагами народа.⁵⁸

Уже во время съезда Хрущев добился решения Президиума ЦК КПСС огласить на закрытом заседании съезда результаты расследования, произведенного комиссией Поспелова. Это решение было принято после бурного заседания Президиума ЦК, на котором Ворошилов кричал Хрущеву, что он не ведает, что творит, ему вторили Молотов и Каганович. Ворошилов и Каганович не скрывали, что они боятся персональной ответственности.⁵⁹ Хрущев откровенно ответил, что у членов Президиума ответственность разная и вытекает из причастности каждого индивидуально к тому, что случилось. Он заявил о своей готовности ответить за то, в чем он был повинен.⁶⁰

Таким образом Хрущев подорвал одну из основ коммунистического образа правления — систему круговой поруки, насаждавшуюся не только среди партийных руководителей, но повсюду и повсеместно. Ведь совсем еще недавно члены По-

литбюро скрепляли своей подписью смертные приговоры, один за другим, по кругу.

После долгих споров было решено, что Хрущев сделает на закрытом заседании съезда второй доклад — о преступлениях Сталина. Доклад этот был, конечно, подготовлен заранее. Хрущев, несомненно, был уверен, что большинство членов Президиума его поддержит — у них просто не было другого выхода.

Свои разоблачения Хрущев решил ограничить только преступлениями, совершенными по отношению к членам партии, поддерживавшим Сталина и генеральную линию партии, но не по отношению к жертвам так называемых открытых процессов, участникам оппозиции и прочего. Между тем Хрущев накануне произнесения своей закрытой речи уже знал со слов генерального прокурора Р. Руденко, что «с точки зрения юридических норм не было никаких доказательств не только для осуждения, но даже для суда над этими людьми. Все обвинение было построено на их собственных признаниях, вырванных у них путем применения психологических и физических пыток...»⁶¹

Тем не менее решено было не говорить о лидерах оппозиции, дабы не вводить в смущение представителей братских коммунистических партий, присутствовавших на съезде. Позднее Хрущев признавал, что это решение было ошибочным. Хрущев не упомянул о главных жертвах режима — миллионах обыкновенных советских граждан.

Но даже то, что Хрущев сказал в своей секретной речи, было огромно.⁶² Хрущев показал механизм террора в действии, он разоблачил систему произвола, господствовавшую в стране на протяжении 30 лет. Хотя Хрущев и пытался ограничить по возможности круг разоблаченных преступлений лишь уничтожением партийной элиты и ее наиболее известных представителей, но документы, которые он прочел, например, кандидата в члены Политбюро Р. Эйхе, которому следователь перебил позвоночник, председателя Центральной Контрольной Комиссии Рудзутака, также подвергнутого мучительным пыткам, записку командарма И. Якира Сталину, письмо бывшего члена коллегии ВЧК М. Кедрова (кстати говоря, повинного в многочисленных преступлениях ЧК)... Цифры уничтоженных делегатов XVII съезда партии говорили о массовом характере террора. Наконец, Хрущев дал понять делегатам съезда, что

убийство С. М. Кирова было также совершено по приказу Сталина, и обещал, что будет проведено полное расследование.

Важной частью доклада Хрущева был вопрос об ответственности Сталина за неподготовленность к нападению гитлеровской Германии на Советский Союз. Хрущев не рискнул пойти так далеко, чтобы осудить советско-германский пакт от 23 августа 1939 года и раздел Польши, но этот невысказанный вопрос как бы повис в воздухе.

Другой существенной частью выступления Хрущева было признание незаконности массовой депортации народов во время войны с Германией. Но и здесь Хрущев сказал полуправду.⁶³

Хрущев назвал и другие ошибки и преступления Сталина: разрыв с Югославией, «мингрельское дело», так называемый «заговор врачей», самоубийство Орджоникидзе.

Фактически Хрущев показал, что вся история партии с того времени, как Сталин стал во главе ее, была историей преступлений, беззаконий, массовых убийств, некомпетентности руководства. Хрущев рассказал, хотя и кратко, о систематической фальсификации истории, проводившейся Сталиным самим и по его указанию. Тем не менее он с одобрением отозвался о борьбе Сталина с оппозицией. И это было понятно: что-то ведь должно было остаться в арсенале заслуг Сталина и руководимой им партии, каждый шаг которой был кровавым.

Уже одним своим разоблачением так называемого культа личности (выражение, заимствованное из известного письма Маркса) Хрущев совершил великое историческое дело — он открыл дорогу к пониманию сущности советской социалистической общественной системы, как самой антигуманной системы, которая когда-либо существовала в истории человечества.

* * *

Хотя доклад Хрущева и считался секретным, но вскоре после окончания закрытого заседания съезда содержание его стало широко известно по стране. Доклад, сопровождаемый выступлениями делегатов на съезде, был полностью зачитан во всех партийных организациях страны и подвергся бурному обсуждению.⁶⁴ Разгорелись страстные дискуссии не только по поводу преступлений Сталина, но и советской общественной системы, всего строя и образа жизни советских граждан.

Подавляющее большинство участников собраний одобряли разоблачения, сделанные на съезде. Были созваны также собрания сотрудников учреждений и рабочих предприятий, колхозников, которым был зачитан «облегченный» вариант речи Хрущева. Мистический круг, связанный с личностью Сталина и с изощренной системой психологического и физического террора, стал распадаться. Чудо происходило на глазах. По неволе вспоминалось евангельское: сначала было Слово. Жизнь неожиданно начала меняться от Слова. И для власти это было нечто новое и очень опасное.

Речь Хрущева была произнесена в тот момент, когда многое в стране находилось в состоянии движения: улучшалась жизнь в сельских местностях, законность начала понемногу теснить многолетнюю практику произвола, люди начали обретать чувство самоуважения и требовать уважения к себе. Но эти всходы были еще очень слабыми, неустойчивыми, они нуждались в постоянной поддержке. Хотя многое зависело от власти, но кое-что зависело теперь и от народа, сумеет ли он, вернее готов ли он поддержать это зарождающееся новое, или оно зачахнет и погибнет от сил, которые хотя и отступили в растерянности, но были еще достаточно мощны и спаяны системой взаимной поддержки, круговой поруки и многолетним опытом террористической диктатуры.

В стране быстро зрел подъем движения за демократизацию. Оно было еще слабым, неорганизованным, часто аморфным, но оно рождалось. И в этом была большая надежда.

За рубежом секретная речь Хрущева распространилась очень скоро и, очевидно, по указанию самого Хрущева. Реакция была, как и в Советском Союзе, разной. Особенная растерянность царила в наиболее консервативных, сталинистских коммунистических партиях, таких, как компартии США, Великобритании, Франции.

В восточноевропейских странах, находившихся во время войны либо под фашистским господством, либо под фашистской оккупацией, а затем превращенных в советских сателлитов, реакция также была различной. У руководства партиями стояли в то время стопроцентные сталинисты, проводившие под контролем советских советников ту же самую политику террора, что и в СССР. В 1948-52 годах повсеместно прокатилось несколько волн чисток, сопровождавшихся, как в 30-е годы в СССР, открытыми политическими процессами над

бывшими коммунистическими руководителями, признаниями обвиняемых, сделанными под пытками.⁶⁵

Лидеры коммунистических партий, особенно Китая и Албании, были встревожены и оскорблены манерой Хрущева, который не считал нужным предупредить их заранее о секретной речи и поставил их в тяжелое положение перед своими партиями. В восточноевропейских коммунистических партиях усилилось брожение, начавшееся вскоре после смерти Сталина. Долго сдерживаемые антисоветские (или антирусские) чувства вырвались наружу и справиться с ними было нелегко. Начались требования смены своего руководства.

В самом Советском Союзе сталинисты оправились после первого удара довольно скоро и начали наступление против линии Хрущева, настаивая на фактическом пересмотре решений XX съезда, осуждавших культ личности. Для старой сталинской когорты было необходимо, с одной стороны, ослабить впечатление от разоблачений, сделанных на съезде, сузить круг обвинений, а с другой, отмежеваться от возможных обвинений их самих в пособничестве и соучастии в преступлениях Сталина. Объединенными усилиями советских и зарубежных сталинистов дело было сделано. Пленум ЦК КПСС принял 30 июня 1956 года резолюцию «О преодолении культа личности и его последствий». В этом постановлении Сталин был назван «выдающимся теоретиком и организатором», ему ставилась в заслугу борьба против оппозиции, в обеспечении «победы социализма» в СССР и в развитии мирового коммунистического и освободительного движения. Его обвиняли лишь в злоупотреблении властью, что, как сказано в резолюции, было результатом его отрицательных личных качеств. В резолюции подчеркивалось, что хотя культ личности и тормозил развитие советского общества, но не мог изменить характер советского строя. Политика КПСС была правильной, так как выражала интересы народа.⁶⁶ Постановление от 30 июня 1956 года фактически подменило решения XX съезда и стало отныне основной идеологической базой послесталинского конформизма.

Новому советскому руководству достались в наследство от сталинской эпохи значительно осложнившиеся национальные отношения. Впрочем, новые руководители отвечали вместе со Сталиным за эту политику. В ходе войны были насильственно выселены из их исконных мест целые народы и депортированы в Сибирь, на Урал, в центральную Азию и в Казахстан. Высланные во время войны были подвергнуты режиму спецпоселенцев, то есть ограничены в передвижении, получении работы, не говоря уже об образовании. Спецпоселенцы состояли на особом учете, отмечались регулярно в комендатурах, имели специальные пропуска. Комендант был богом и начальником над этими несчастными. От него зависело даже разрешение на брак. Всякие жалобы в вышестоящие инстанции приравнивались к контрреволюционному акту. За обращение с письмом к Сталину в лучшем случае следовало «промывание мозгов», в худшем — тюремное заключение. За побег полагалось 25 лет каторжных работ.⁶⁷

После смерти Сталина среди депортированных народов, потерявших к тому времени значительную свою часть от голода, непригодности к новому образу жизни, возникло сильное движение за возвращение на родину и отмену несправедливости, допущенной по отношению к ним. Началось самовольное возвращение чеченцев и ингушей на Кавказ, сопровождаемое нередко кровавыми драмами. В 1954-55 годах Советом министров СССР был издан ряд постановлений, смягчавший режим спецпоселенцев, отдельные категории были и вовсе сняты со спецучета.⁶⁸

Однако эти паллиативные меры не могли решить проблемы, которая к тому времени еще больше усложнилась. Депортированные народы требовали возвращения на родину и восстановления их во всех правах, включая автономию. Власти же теперь опасались последствий массового отъезда спецпоселенцев для экономики тех республик и областей, куда они были сосланы, а с другой стороны, страшились обострения межнациональных отношений и нарушения хозяйственного уклада в тех местностях, откуда народы были высланы. Однако то были издержки политики произвола и насилия, проводимой властью, за которую она и должна была нести всю полную ответственность. Следовало эти издержки принять как

неизбежные и немедленно вернуть депортированные народы на их родину. В докладе на XX съезде Хрущев, выразив свое возмущение массовой депортацией во время войны карачаевцев, балкарцев и калмыков и назвав это выселение «грубым попранием политики советского государства», ни словом не обмолвился о судьбе наиболее многочисленных из высланных народов — немцев, чечено-ингушей и крымских татар, не упомянул ни о месхах, армянах, депортированных в порядке «классовой борьбы» прибалтах, жителях Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии и Буковины. И все же, принципиальное осуждение Хрущевым депортации с трибуны съезда трудно переоценить. Последовавшее затем снятие ограничений со спецпоселенцев не решало, однако, главной проблемы — возвращения на родину. Тогда наказанные народы решили взять свою судьбу в собственные руки. Тысячи семей чеченцев и ингушей скопились на железнодорожных магистралях, ведущих в Россию. Им отказывали в продаже железнодорожных билетов, их увещевали и им угрожали. Но вопреки всему уже в 1956 году 25-30 тысяч чеченцев и ингушей возвратились самостоятельно на родину. Их не пускали в принадлежащие им дома. Они строили рядом землянки и там селились. Чеченцы и ингуши составляли вместе 500 тысяч человек, объединенных отчаянной решимостью возвратиться на родину. И власти дрогнули. Пришлось включить чечено-ингушей в постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года о восстановлении национальной автономии.⁶⁹ Помимо них в постановление были включены калмыки, карачаевцы и балкарцы. Автономии этих народов были восстановлены в январе 1957 года. Крымские татары, немцы и другие народы остались за бортом. Но они продолжают свою борьбу и по сей день.

Почему Хрущев обошел молчанием крымских татар? Ответ на этот вопрос несложен: в 1954 году по инициативе Хрущева Украинской ССР был сделан подарок по случаю празднования 300-летия воссоединения России и Украины. Подарком был Крым, выведенный теперь из РСФСР и присоединенный к территории Украинской ССР. Хрущев, борясь за власть, нуждался в поддержке украинской группы, а украинские деятели были категорически против возвращения крымских татар. Они начали массовое заселение прибрежного Крыма украинцами. Однако даже теперь места в Крыму вполне достаточно, чтобы расселить там крымских татар.

К несчастью для крымских татар, они не были в 1956 году так хорошо организованы, так сплочены, как чеченцы и ингуши. Если бы они начали массовое самовольное возвращение в Крым, то, вероятно, добились бы своего. В ноябре 1956 года, в связи с событиями в Венгрии и других странах Восточной Европы, советское руководство очень опасалось осложнений в собственной стране и вынуждено было бы пойти крымским татарам на уступки. Но этого не произошло и крымские татары надолго утратили свой исторический шанс.

Депортированные народы Крыма и Кавказа потеряли значительную часть своего населения в годы депортации. Данные на этот счет разноречивы. Из документов крымско-татарского движения явствует, что в первые полтора года депортации погибло 46,2 процента выселенных татар Крыма и называют цифру в 200 тысяч человек.⁷⁰ Однако известно, что накануне второй мировой войны из общего количества населения Крыма 1 127 тысяч человек татары составляли одну четвертую часть.⁷¹ 17-18 мая 1944 года из Крыма было вывезено 194 тысячи крымских татар.⁷² По приблизительным данным, за первые полтора года погибло около 18 процентов от числа прибывших туда. Эта огромная цифра свидетельствует о политике геноцида, проводимой советским правительством.

Геноцид подтверждается также данными о чистых потерях других депортированных народов между двумя всесоюзными переписями 1939 и 1959 года. Чеченцы потеряли 22% населения, ингуши — 9%, калмыки — около 15%, карачаевцы — 30%, балкарцы — 26,5%.⁷³

Мы пока не располагаем данными о гибели других народов во время депортации, но можно предположить, что цифры не маленькие.

В первые годы после возвращения депортированных народов Кавказа межрасовые отношения были весьма натянутыми, особенно между русскими и чечено-ингушами. В августе 1958 года произошли расовые столкновения в г. Грозном, которые продолжались три дня. Предлогом послужило убийство ингушем русского на почве ревности. Похороны убитого превратились в погром чечено-ингушского населения. Это было одно из самых серьезных межнациональных столкновений в СССР после второй мировой войны. Волнения происходили под лозунгами выселения чеченцев и ингушей, образования власти русских. Русская публика, в том числе и коммунисты, наце-

пили красные банты, чтобы погромщики не приняли их, чего доброго, за чеченцев... Чеченское население Грозного проявило исключительную выдержку и не дало погромщикам спровоцировать себя. Местные власти, конечно, немедленно сбежали и на третий день в Грозном начались грабежи. Стали прибывать войска. Из Москвы прибыл Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов, секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов. Для руководства операциями прибыл командующий Северо-Кавказским военным округом генерал И. Плиев. Характерно, что никто из погромщиков в связи с волнениями в Грозном не был привлечен к ответственности. Спустя год первый секретарь обкома А. И. Яковлев был переведен на работу в аппарат ЦК КПСС на должность инспектора.⁷⁴

Волнения 1958 года дали толчок более мелким столкновениям на национальной почве, которые продолжались в Чечено-Ингушетии еще в начале 70-х годов. Одной из причин столкновений и волнений была проблема Пригородного района, исконной земли ингушей, который был после их депортации передан Северной Осетии.

Враждебно были встречены частью русского населения и калмыки, возвратившиеся на родину.⁷⁵

3. Кровавая осень пятьдесят шестого

Официальное признание преступлений, совершенных режимом Сталина, на XX съезде в Москве вызвало сильную реакцию не только в польских политических и интеллектуальных кругах, но прежде всего со стороны польских рабочих, экономическое положение которых оставляло желать много лучшего.

28 июня 1956 года поднялись рабочие автомобильного завода ЦИСПО в Познани. К ним присоединились рабочие других заводов. Движение началось с мирной демонстрации. Но затем произошли столкновения.⁷⁶ Полицейские участки были атакованы рабочими и захваченное там оружие распределено между ними. Требования восставших были: «Хлеб!» и «Советские войска, убирайтесь из Польши!»

Солдаты регулярных частей, вызванных для разгона рабочих, не только отказались стрелять в них, но и братались с рабочими. Правительство объявило военное положение, ввело

танковые части войск министерства внутренних дел и подавило восстание. Согласно официальным польским данным, было убито 38 человек и 270 ранено.

В ЦК ПОРП развернулась острая борьба. Партийное руководство вынуждено было, как это было повсюду, реабилитировать репрессированных партийных и государственных деятелей. Один из них, Комар, был назначен командующим внутренними войсками безопасности. Гомулка выдвинул программу облегчения бремени крестьянства, нормализации отношений с СССР. Ее поддерживали широкие массы крестьян, рабочих, интеллектуалы и значительная часть Польской объединенной рабочей партии. Однако часть Политбюро, так называемая натолинская группа, противилась реформам и начала готовить переворот. Он был приурочен к пленуму ЦК ПОРП, который должен был избрать новое Политбюро.

В очень сложной и неясной обстановке в Польшу прилетела внезапно советская правительственная делегация в составе Хрущева, Микояна, Молотова и Кагановича, чтобы участвовать в заседании пленума ЦК ПОРП. В состав делегации был включен также командующий войсками стран Варшавского пакта маршал Конев. Это означало, что советское руководство готово, в случае необходимости, прибегнуть к силе. Такой совет дал, в частности, военный министр Польши маршал Рокоссовский, посланный в Польшу Сталиным после войны (Рокоссовский — поляк по происхождению). Согласно Хрущеву, Рокоссовский сказал, что «антисоветские, националистические и реакционные силы выросли и что если необходимо предотвратить рост этих контрреволюционных элементов силой оружия, то он (Рокоссовский) в нашем распоряжении».⁷⁷

Подавить движение в Польше польскими же руками было заманчиво, но, при более тщательном подсчете, оказалось, что на польскую армию вряд ли можно положиться. Перспектива была иная и достаточно мрачная — использовать советские войска против традиционно антирусской Польши, да еще в момент назревания политического кризиса. Тем не менее советские лидеры были готовы прибегнуть к силе.⁷⁸ Коневу был отдан приказ начать движение войск в направлении Варшавы. Гомулка, избранный новым первым секретарем ЦК ПОРП, потребовал от Хрущева немедленно остановить движение советских войск на Варшаву и приказать им возвратиться на свои базы.⁷⁹ И здесь разыгралась постыдная сцена: Хру-

шев начал лгать, утверждая, будто Гомулка получил неправильную информацию о движении советских войск. Гомулка еще раз повторил свое требование и предупредил о возможных серьезных осложнениях, если советские войска будут продолжать движение. Хрущев приказал советским танкам остановиться, но на базы не возвращаться и ждать. Варшавский городской комитет партии распорядился раздать рабочим Варшавы оружие. Они были готовы оказать сопротивление советским войскам, если бы те вошли в Варшаву. Но только после заверений Гомулки, что он не только не будет проводить антисоветскую политику, а наоборот, культивировать дружбу с СССР, Хрущев и компания возвратились в Москву, а советские дивизии на место расквартирования.⁸⁰

Волнения в Польше не превратились во всеобщее восстание по многим причинам. Одна из них заключалась в том, что в сталинское время репрессии в Польше против сторонников более умеренного курса не приняли характера крутой расправы, расстрелов и массовой чистки партийного и государственного аппарата. Когда 21 октября 1956 года Гомулка пришел к власти, то большинство партийного аппарата его поддержало. Из Политбюро были удалены наиболее просоветские элементы — Зенон Новак и маршал Рокоссовский. Последний покинул вскоре Польшу и возвратился в Советский Союз.

* * *

По-иному сложились события в Венгрии, где накал страстей был куда большим, чем в Польше. События назревали там по нарастающей линии в течение трех с половиной лет.

Возвратившись в Будапешт из Москвы после XX съезда КПСС, Ракоши заявил своим друзьям: «Через несколько месяцев Хрущев будет объявлен предателем и все войдет в норму».⁸¹

Внутриполитическая борьба в Венгрии продолжала обостряться. Ракоши не оставалось ничего другого, как обещать расследование процессов Райка и других казненных им лидеров компартии. На всех уровнях власти и даже в органах государственной безопасности, наиболее ненавидимого народом учреждения в Венгрии, от Ракоши требовали отставки. Его почти открыто называли «убийцей». В середине июля 1956 го-

да в Будапешт, чтобы добиться отставки Ракоши, прилетел Микоян.⁸² Ракоши был вынужден подчиниться и уехать в СССР, где он в конце концов и окончил свои дни, проклятый и забытый своим народом и презираемый советскими руководителями.

В Венгрии последовали аресты бывших руководителей государственной безопасности, ответственных за процессы и казни. Перезахоронение 6 октября 1956 года жертв режима — Ласло Райка и других — вылилось в мощную манифестацию, в которой участвовало 200 тысяч жителей венгерской столицы.⁸³

В этих условиях советское руководство решило вновь призвать Имре Надя к власти. В Будапешт был послан новый посол СССР Ю. Андропов (будущий член Политбюро ЦК КПСС и председатель Комитета государственной безопасности).

Ненависть народа была обращена против тех, кто был известен своим мучительством: сотрудников госбезопасности. Они как бы олицетворяли все самое отвратительное в режиме Ракоши. Их ловили и убивали. Но не было преследований и убийств коммунистов вообще, как то утверждала советская пропаганда. События в Венгрии приняли характер подлинной народной революции и именно это обстоятельство и напугало до смерти советских руководителей.

В орбиту событий втянулась не только интеллигенция, но и промышленные рабочие. Крупнейшие предприятия Будапешта, как ЧКД, стали опорой восстания. Участие в движении значительной части молодежи наложило определенный отпечаток на его характер. Политическое руководство оказалось в хвосте движения, а не возглавило его, как то произошло в Польше.

Коренным вопросом было пребывание советских войск на территории восточноевропейских стран, то есть фактическая оккупация их.

Хрущев удалился, хотя и с тревогой в душе, но с миром в Москву, поскольку Гомулке удалось убедить его, что Польша остается в социалистическом лагере и даже не возражает против пребывания советских войск на ее территории, на базах. Новое советское руководство предпочитало избегать кровопролития, но было готово и на него, если бы речь пошла об отпадении сателлитов от СССР даже в форме объявления нейтра-

литета и неучастия в блоках. Такой пример мог повести к распаду всей социалистической системы. Великое счастье Югославии заключалось в отсутствии общей границы с СССР и в наличии внушительной армии, превосходно зарекомендовавшей себя во время второй мировой войны. Советские руководители были воспитаны на уважении к силе.

Венгрия была не Польшей, и Имре Надь не был Гомулкой.

Трехлетнее брожение дало себя знать. 22 октября в Будапеште начались демонстрации с требованием образования нового руководства во главе с Имре Надем. 23 октября Имре Надь стал премьером и обратился с призывом сложить оружие. Однако в Будапеште стояли советские танки, и это вызвало возбуждение народа.

Возникла грандиозная демонстрация, участниками которой были студенты, школьники старших классов, молодые рабочие. К ним присоединились солдаты-дезертиры и просто прохожие. Демонстранты направились к статуе героя революции 1848 года генерала Бема. У здания парламента собралось до 200 тысяч. Демонстранты низвергли статую Сталина. Сформировались вооруженные отряды, назвавшие себя «Борцами за свободу». Они насчитывали до 20 тысяч человек.⁸⁴ Среди них были бывшие политические заключенные, освобожденные народом из тюрем. «Борцы за свободу» заняли различные районы столицы, учредили главное командование во главе с Палом Малетером и переименовали себя в Национальную гвардию.

На предприятиях венгерской столицы образовывались ячейки новой власти — рабочие советы. Они выставляли свои социальные и политические требования и среди этих требований было одно, которое вызвало ярость советского руководства: вывести советские войска из Будапешта, убрать их с венгерской территории.

Вторым обстоятельством, напугавшим советское правительство, было восстановление в Венгрии социал-демократической партии, а затем и образование многопартийного правительства.

Хотя Надь и был сделан премьером, но новое, по преимуществу сталинистское, руководство во главе с Гере пыталось изолировать его и тем самым еще больше ухудшило обстановку.

24 октября в Будапешт прибыли Микоян и Суслов. Они

рекомендовали немедленно заменить Гере на посту первого секретаря Яношем Кадаром, недавно освобожденным из заключения. Между тем 25 октября у здания парламента произошло вооруженное столкновение с советскими войсками. Надь заявил о своем намерении настаивать на выводе советских войск и приказал прекратить огонь.⁸⁵ Но столкновения продолжались. Восставший народ требовал ухода советских войск и образования нового правительства национального единства, в котором были бы представлены и другие партии.

26 октября, после назначения Кадара первым секретарем ЦК и отставки Гере, Микоян и Суслов возвратились в Москву. На аэродром они следовали в танке.

Они возвращались в Москву после длительных и детальных переговоров с новым руководством. Верили ли они в то, что в Венгрии возможно умиротворение на тех же основах, на каких оно было достигнуто за пять дней до того в Польше: сохранение Венгрии в качестве союзника и участника Варшавского пакта, пересмотр торговых соглашений в пользу венгров, либерализация режима с учетом специфических особенностей венгерской жизни и вывода советских войск после того, как положение будет стабилизировано?⁸⁶ Вероятно, сомневались.

28 октября, когда бои в Будапеште еще продолжались, венгерское правительство издало приказ о прекращении огня и возвращении вооруженных отрядов в свои кварталы в ожидании инструкций. Имре Надь в обращении по радио объявил, что венгерское правительство пришло к соглашению с советским о немедленном выводе советских войск из Будапешта и включении вооруженных отрядов венгерских рабочих и молодежи в состав регулярной венгерской армии. Сообщение о выводе советских войск было встречено бурей восторгов и расценено как прекращение советской оккупации.⁸⁷

30 октября правительство отменило систему обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Провинция поддержала столицу. Рабочие бросали работу вплоть до прекращения боев в Будапеште и вывода советских войск. Делегация рабочего совета промышленного района Миклош представила Имре Надю требования вывода советских войск из Венгрии до конца года.⁸⁸

Доклад Микояна и Сулова о положении в Венгрии, сделанный ими немедленно после возвращения из Будапешта

26 октября Президиуму ЦК КПСС, отражал, как то видно из передовой статьи газеты «Правда» от 28 октября, якобы готовность согласиться с программой демократизации при условии, что эта программа сохраняет господство коммунистической партии и удерживает Венгрию в системе Варшавского пакта.⁸⁹ На самом деле статья была всего лишь маскировкой. Той же цели служил и приказ советским войскам покинуть Будапешт. Советское правительство стремилось выиграть время для подготовки расправы, которая должна была последовать не только от имени остальных участников Варшавского пакта, но также Югославии и Китая. Советские интервенционистские силы в Венгрии должны были представлять весь социалистический лагерь. Таким образом ответственность распределялась бы между всеми.

Советские войска были выведены из Будапешта, но сосредоточены в районе будапештского аэродрома. Советское посольство, оставшееся в Будапеште, постоянно информировало Кремль о развитии ситуации.⁹⁰

30 октября, когда Микоян и Сулов были в Будапеште, Президиум ЦК КПСС принял, как свидетельствует Хрущев, единодушную резолюцию о вооруженном подавлении венгерской революции, изложенную, конечно, в привычной сталинистской терминологии. Резолюция гласила, что было бы непозволительным для СССР оставаться нейтральным и «не оказать помощи рабочему классу Венгрии в его борьбе против контрреволюции».⁹¹ Принятая в тот же день декларация о равенстве коммунистических партий и прочее была на самом деле не больше чем камуфляжем решения об интервенции и беспощадном подавлении венгерской революции. Хрущев откровенно говорит о том, что советские руководители опасались реакции на венгерские события в других социалистических странах Восточной и Юго-Восточной Европы.⁹²

По просьбе Президиума ЦК КПСС в Москву для совета прибыла китайская делегация во главе с Лю Шаоцы. Сначала, согласно Хрущеву, Лю Шаоцы заявил, что советские войска должны уйти из Венгрии и дать рабочему классу Венгрии «самому подавить контрреволюцию». Однако, выдавив из себя согласие, неудовлетворенный китайским ответом Хрущев вновь и вновь предлагал обсудить проблему интервенции. Лю Шаоцы после консультации по телефону с Мао Цзедунгом подтвердил китайскую позицию. Так как это полностью про-

тиворечило решению о вмешательстве, фактически принятому Президиумом ЦК КПСС, Хрущев, сообщив 31 октября Президиуму об ответе китайцев, настаивал на немедленном использовании войск. Маршал Конев, вызванный на заседание Президиума, заявил, что его войскам потребуется три дня, чтобы подавить «контрреволюцию» в Венгрии (на самом деле — революцию), и получил приказ привести войска в боевую готовность.⁹³ Приказ был отдан за спиной Лю Шаоци, который в тот же день возвращался в Пекин в полной уверенности, что советской интервенции не будет. Решено было сообщить Лю Шаоци об интервенции в момент проводов на Внуковском аэродроме. Чтобы произвести бóльшее впечатление на Лю Шаоци, Президиум ЦК КПСС появился во Внукове в полном составе. Снова начались лицемерные разговоры о «благе венгерского народа». В конце-концов Лю Шаоци сдался. Так была обеспечена поддержка Китая.⁹⁴

Затем Хрущев, Маленков и Молотов — уполномоченные Президиума ЦК — отправились последовательно в Варшаву и Бухарест, где довольно легко получили согласие на интервенцию. Последним этапом их поездки была Югославия. Они приехали к Тито, имея на руках согласие остальных социалистических стран на подавление революции в Венгрии. Советские делегаты ожидали серьезных возражений со стороны Тито. Но, как сообщает Хрущев, «мы были приятно удивлены... Тито сказал, что мы абсолютно правы, и мы должны двинуть наших солдат в бой как можно скорее... Мы были готовы к сопротивлению, но вместо этого получили его чисто-сердечную поддержку. Я бы сказал даже, что Тито пошел даже дальше и убеждал нас как можно скорее решить эту проблему», — заключает Хрущев свой рассказ.⁹⁵

Так была решена судьба венгерской революции.

1 ноября началось массовое вторжение советских войск в Венгрию. На протест Имре Надя советский посол Андропов ответил, что советские дивизии, вступившие в Венгрию, приехали лишь для замены уже находящихся там войск.

3000 советских танков пересекли венгерскую границу со стороны Закарпатской Украины и Румынии. Вновь вызванный к Надю советский посол был предупрежден, что Венгрия в знак протеста против нарушения Варшавского договора (вступление войск требовало согласия соответствующего правительства) выйдет из пакта. Венгерское правительство объявило

вечером того же дня о выходе из Варшавского пакта, объявлении нейтралитета и об обращении в Объединенные нации в знак протеста против советского вторжения.

Но все это не очень беспокоило советское правительство. Англо-франко-израильское вторжение в Египет отвлекло внимание мировой общественности от событий в Венгрии. Американское правительство осудило действия Англии, Франции и Израиля. Тем самым раскол в стане западных союзников был налицо. Не было никаких признаков того, что западные державы придут на помощь Венгрии. Международная обстановка складывалась исключительно благоприятно для интервенции Советского Союза в Венгрии. Советская пропаганда связала в один узел войну на Ближнем Востоке с венгерскими событиями, представив их как заговор империалистов против «лагеря мира и демократии». Эти объяснения вместе с утверждениями, будто в Венгрии убивают коммунистов и что в Венгрии происходит контрреволюционный мятеж ради восстановления капитализма, имел успех среди населения Советского Союза. Оно встретило подавление революции в Венгрии либо безразлично, либо с чувством облегчения, что неприятности, слава богу, уже позади...

К вечеру 1 ноября советские войска заняли венгерские аэродромы, а на следующий день Андропов, камуфлируя военные приготовления, предложил венгерскому правительству назначить две делегации: политическую и военную, чтобы обсудить уход советских войск с венгерской территории и политические проблемы, вытекающие из Варшавского пакта.⁹⁶ Переговоры должны были начаться на следующий день. Венгерское правительство, не желая осложнений, приняло предложение. Советские же войска продолжали развертывание для операции.

Одновременно Президиум ЦК КПСС начал готовить новое венгерское правительство, которое должно было заменить отныне «контрреволюционное» правительство Имре Надя. Первый секретарь Венгерской коммунистической партии Янош Кадар согласился на роль премьера будущего правительства. Он был доставлен советским военным самолетом в Ужгород. 3 ноября новое правительство было сформировано. О том, что правительство Кадара было образовано на территории СССР стало известно только спустя два года. Официально о новом правительстве было объявлено на рассвете 4 ноября, когда советские танки ворвались в венгерскую столицу.⁹⁷

Накануне там было образовано коалиционное правительство во главе с Имре Надем. В него вошли трое представителей коммунистической партии, трое от партии мелких хозяев, трое от социал-демократов и двое от партии Петефи. В правительство вошел также беспартийный генерал Пал Малетер. Все партии согласились, что Венгрия не присоединится ни к какому военному блоку, а останется нейтральной страной.⁹⁸

Между тем в Будапеште 3 ноября официально открылись переговоры между советской и венгерской делегациями. Операция по введению в заблуждение правительства Надя была детально продумана. Советская делегация, которую возглавлял генерал армии Малинин, делала вид, будто торгуется из-за сроков вывода советских войск (венгры предлагали 15 декабря 1956 года, советская делегация — 15 января 1957). Продолжение переговоров было назначено на 10 часов вечера. Тем временем Совету Безопасности, собравшемуся в 9 часов утра, было заявлено, что между Венгрией и СССР уже ведутся переговоры о выводе войск. Заседание Совета Безопасности было отложено. Когда же он собрался вновь СССР наложил вето на резолюцию о советской интервенции в Венгрии. После многочисленных резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, в которых Советский Союз призывался немедленно вывести свои войска из Венгрии, Генеральная Ассамблея 12 декабря 1956 года строго осудила СССР за подавление военной силой прав венгерского народа. За эту резолюцию голосовали 55 государств, в том числе многие страны Азии и Африки.⁹⁹

К исходу дня 3 ноября на территории Венгрии уже находилось 11 советских дивизий. Венгерская военная делегация во главе с министром обороны генералом Пал Малетером, явившаяся вечером для продолжения переговоров в штаб-квартиру советских войск, была предательски арестована председателем КГБ генералом Серовым. Только когда Надь не смог соединиться со своей военной делегацией, он понял, что советское руководство обмануло его. Но он все еще отказывался дать приказ об открытии огня.¹⁰⁰

4 ноября в 5 часов утра советская артиллерия обрушила огонь на венгерскую столицу. И полчаса спустя Надь уведомил об этом по радио венгерский народ.

Силы были неравны. Советские вооруженные силы превосходили силы венгерской революции в людях, не говоря уже о вооружении и военной технике. Венгерские защитники свободы

сражались героически. Три дня советские танки громили венгерскую столицу. Вооруженное сопротивление в провинции продолжалось до 14 ноября.

Никто не пришел на помощь Венгрии. Венгерская освободительная революция была раздавлена гусеницами советских танков и безразличием западных стран.

После подавления революции советская военная администрация вместе с органами государственной безопасности учинила расправу над венгерскими гражданами: начались массовые аресты и депортации в Советский Союз.

Имре Надь и его ближайшие сотрудники нашли убежище в югославском посольстве. Тито, давший согласие на сокрушение венгерской революции, не хотел все же запятнать себя соучастием в убийстве законных венгерских руководителей. После длительных двухнедельных переговоров новый венгерский премьер Кадар дал письменную гарантию, что Имре Надь и его сотрудники не будут преследоваться за их деятельность. Кадар заявил, что Имре Надь и другие могут покинуть югославское посольство и что они вместе с семьями будут развезены по домам. Однако автобус, в котором ехал Надь в сопровождении двух югославских дипломатов, был перехвачен советскими офицерами, которые арестовали Надя и увезли его затем в Румынию. Советское правительство оставило без внимания югославский протест. Победители не считаются ни с побежденными, ни с попутчиками, а Тито был попутчиком.

Позднее Имре Надь, не пожелавший принести покаяние, был судим закрытым судом и расстрелян. Сообщение об этом было опубликовано 16 июня 1958 года.¹⁰¹ Та же участь постигла и генерала Пала Малетера.

Хрущев даже спустя 15 лет после венгерских событий не высказал ни малейшего сожаления о случившемся. Ему даже и в голову, очевидно, не приходило, что все это время он сам и советское руководство вело себя предательски. Но такого понятия для него, последовательного ленинца, просто не существовало.

4. Из опыта улучшения советской системы

Новое руководство сначала пыталось поставить экономику страны на более стабильную и реальную основу, сделать ее более современной, а управление ею более гибким. Сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 года начал с сельского хозяйства.

Нерентабельность колхозного строя была очевидной. Сказать же об этом не то что во всеуслышанье, а даже шепотом, было бы равносильно признанию крушения самой идеи строительства социализма в СССР. Пошли по пути ослабления давления на сельскохозяйственное население страны — колхозников и населения городков и поселков аграрного и полуаграрного типа. В 1953—1954 годах были снижены нормы обязательных поставок государству продуктов животноводства хозяйствами колхозников, рабочих и служащих, появились постоянные кадры механизаторов при МТС, была отменена практика посевов по указанию «сверху». Теперь районы (но все же не колхозы и не колхозники!) сами решали, что сеять.

В то же время политика укрупнения и слияния колхозов проводилась довольно целеустремленно. С 1950 до 1955 года количество колхозов в стране сократилось с 123,7 тысяч до 87,5 тысяч, а к концу «эры Хрущева», в 1964 году, их число сократилось еще больше, до 37,6 тысяч.

Был взят курс на постепенное преобразование колхозов в государственные хозяйства, то есть на превращение колхозников-крестьян в наемных рабочих. Это видно по цифрам роста совхозов. Их число увеличилось с 4857 в 1953 году до 10.078 в 1964 году, то есть более чем в два раза.¹⁰²

Все вновь созданные хозяйства на целинных землях были совхозами.

Был принят и ряд других мер: отменен учет сбора зерна и оценка его по валу, равно как и обязательное применение травопольной системы во всех зонах страны.¹⁰³ Инвестиции в сельское хозяйство в 1954—1955 годах составили 34,4 млрд. рублей, на 38% больше чем за всю четвертую пятилетку;¹⁰⁴ были посланы на места специалисты по сельскому хозяйству, осевшие в различного рода учреждениях; в деревню была направлена в значительных количествах сельскохозяйственная техника, тракторы, комбайны, автомашины.

В 1954-55 годах началось освоение целинных и залежных земель в Казахстане, Сибири и на Урале.¹⁰⁵ Первыми подни-

мали целину заключенные из многочисленных концентрационных лагерей, а вслед за ними прибыли по комсомольским путевкам тысячи молодых людей.

33 миллиона гектаров целинных и залежных земель были распаханы и засеяны к середине 1956 года.¹⁰⁶ Однако бесхозяйственность царила повсюду и она снижала эффективность нового начинания. Не были вовремя выстроены зернохранилища, хлеб гнил в бункерах, развеивался по ветру, мок и гнил под дождем. Каждый год, когда снимался урожай, приходилось перебрасывать на целину в Казахстан технику и механизаторов из других частей страны, где уборка урожая заканчивалась раньше. Это обходилось втридорога, а результаты не оправдывали вложенных сил и средств. Как всегда не хватало жилья для людей.

Многое здесь зависело от климатических условий, но многое и от организации производства. Целина могла быть прибежищем и служить как бы резервной зерновой кладовой страны лишь при наличии стабильных хлебных резервов. Разнообразие климатических условий страны позволяло при разумной экономической системе избегать сильных колебаний в зерновом балансе даже в годы серьезных неурожаев. Старое тянуло назад. Каждая неудача, будь то с кукурузой, с целиной или с МТС заставляла руководство обращать свои взоры к привычному прошлому.

Увлечение целиной привело к мобилизации всех средств и техники для ее обслуживания. Традиционные зерновые районы страны оказались одно время на положении пасынков, а страна в зависимости от урожаев на целине. Урожай же здесь зависел от капризов погоды, от ветровой эрозии почвы, превращавшей миллионы гектаров распаханной земли в непригодные. Так случалось не раз в 50-е и 60-е годы. Особенно пострадали целинные земли во время песчаных бурь в 1963 году, а затем в 1965 году.

Но освоение целинных земель не было пустой затеей, они служили и поныне служат одним из источников производства зерна в стране.

Производство зерна в районах целинных и залежных земель
(в млн. тонн)

	1954	1955	1956	1957	1958	1959
СССР	85,5	103,6	124,9	102,6	134,7	119,5
Залежные и целинные земли	27,1	37,5	27,9	63,5	38,4	58,5
Из них:						
Казахстан	3,4	4,6	3,1	17,6	6,7	14,3
	1960	1961	1962	1963	1964	
СССР	125,5	130,8	140,1	107,5	152,1	
Залежные и целинные земли	58,7	50,6	55,8	37,0	66,4	
Из них:						
Казахстан	12,9	10,3	10,1 ¹⁰⁷			

Однако было два крупных дефекта в производстве зерна на целинных землях Казахстана: во-первых, урожайность здесь была ниже урожайности по стране, во-вторых, стоимость зерна была в 1954-64 годах на 20% выше, чем в целом по стране.¹⁰⁸

С 1955 года колхозы планировали сельскохозяйственные работы совместно с МТС.¹⁰⁹ Но и это полезное начинание оказалось незавершенным. Над колхозами, совхозами и МТС возвышался чудовищный партийно-государственный аппарат в лице райкомов партии и райисполкомов, а над ними в свою очередь стояли все новые и высшие бюрократические инстанции, и этот аппарат бесконечно вмешивался, диктовал, требовал отчета, изменений, исправлений. Он наказывал и поощрял, рапортовал и спускал директивы, вторгался в дела колхозов и значительно обесценивал положительный эффект новой системы. Пример показывал сам первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, требовавший сажать везде и повсюду «королеву полей» кукурузу, сбивая тем самым еще не устоявшуюся систему нового планирования и руководства сельским хозяйством. Хрущев настаивал на принудительном введении кукурузы.¹¹⁰ «Кукуруза, и только кукуруза способна решить проблему увеличения производства мяса, молока и других про-

дуктов животноводства», — заявлял Н. С. Хрущев.¹¹¹ Снова задания на посевы начали спускать «сверху».

В 1955 году неурожаем в стране не был компенсирован ни целиной, ни кукурузой. Положение Хрущева как первого секретаря ЦК КПСС значительно пошатнулось. Его оппоненты в Президиуме ЦК: Молотов, Каганович, Маленков, считавшие освоение целины авантюрой, а распространение кукурузы блажью, — открыто критиковали Хрущева на заседаниях Президиума ЦК. Спас Хрущева в то время хороший урожай на целине в 1956 году, составивший половину всего собранного урожая в стране — 63,5 из 125 млн. тонн.¹¹²

В мае 1957 года, окрыленный успехом Хрущев потребовал догнать США по производству мяса, масла и молока в течение 3-4 лет, то есть к 1960-62 году увеличить производство мяса в стране в 3,2 раза.¹¹³ Нереальность предложения Хрущева, особенно в области производства мяса, была очевидной. В 1956 году США произвели 16 млн. тонн мяса. Советский Союз произвел в том же году 7,5.¹¹⁴ Но дело было не только в таком сильном разрыве. В Советском Союзе не было никаких реальных предпосылок для предложенного Хрущевым скачка: животноводство зависит прежде всего от производства зерна, а оно было явно недостаточным. В 1957 году было произведено всего лишь около 103 млн. тонн зерна, из них целина дала только 38,5 млн. тонн.¹¹⁵ Новое предложение требовало значительных капиталовложений, но их не было. И, наконец, так ли уж было необходимо в действительности превзойти США в уровне производства и потребления? Такого рода лозунги вызывали некоторый энтузиазм в 30-е годы («Догнать и перегнать Америку!»), так как никто толком не понимал, что такое экономика Америки, как она работает и не знали ее потенциальных возможностей. Те же, кто разбирался, либо были уничтожены, либо помалкивали. «Догнать и перегнать!» был лозунгом для организации энтузиазма масс. Хрущев же выдвинул новую задачу совершенно серьезно, но его представления об Америке были неадекватны действительности.

Нетерпение Хрущева, вызванное жадной немедленного успеха, вело к авантюризму в политике и порождало как бы цепную реакцию. Местные руководители, стремясь заслужить благоволение первого секретаря, заработать награды, получить повышение или продвижение по иерархической лестнице, создавали видимость успехов и именно там, где хотел Хрущев.

Впрочем, эта система была рождена еще при Сталине. Курс на быструю индустриализацию породил стахановское движение, выродившееся в конце концов в показуху и в соревнование между руководителями предприятий на лучшую организацию рекорда. То же самое происходило и в сельском хозяйстве. В каждой области был свой образцовый колхоз или совхоз, которому давали лучшую технику, механизаторов, средства. Этот колхоз служил как бы витриной данной области, говорил об ее успехах, а сотни обыкновенных колхозов в той же самой области едва сводили концы с концами.

Резкий подъем животноводства не мог быть обеспечен по разного рода причинам экономического, технического, технологического характера, включая недостаточное производство зерна, отсутствие помещений для скота, механизации и точно скалькулированного экономического расчета. Естественно поэтому, что лозунг «догнать и перегнать» США по производству мяса, молока и масла повис в воздухе. В первый год советского «соревнования» с американским мясо-молочным производством в 1958 году производство мяса в СССР увеличилось всего на 301 тысячу тонн; еще через два года, в 1960 году еще на 1007 тысяч тонн.¹¹⁶

Снова, как в сталинские времена, в ход пошло заведомое введение в заблуждение, ложь и обман. Инициатором на этот раз выступил Рязанский обком КПСС, принявший обязательство увеличить в 1959 году производство мяса в четыре-пять раз. В 1959 году Рязанская область продала государству 100 тысяч тонн мяса вместо 50 тысяч по плану.¹¹⁷

Авантюризм этого обязательства не мог вызывать сомнений. Тем не менее личная поддержка Хрущевым почина рязанцев и первого секретаря обкома А. Н. Ларионова вызвали цепную реакцию и в других областях, где начали подымать обязательства все выше и выше! Заготовить столько мяса, сколько было обещано в самой Рязанской области было невозможно, несмотря на принудительную продажу рабочими, колхозниками и служащими личного скота, часто даже не за деньги, а за долговые расписки, обложение «мясным оброком» предприятий области, учреждений и даже школ; за пределы области выехали заготовители, скупавшие скот в соседних областях. Весь скот в области был забит. Но к очередному пленуму ЦК в декабре 1959 года Ларионов рапортовал об увеличении производства мяса в 4 раза, продаже государству 100 тыс. тонн и о

новом обязательстве на 1960 год — продать государству 180-200 тысяч тонн. Восхищенный Хрущев, которому этот успех был нужен позарез, сделал Ларионова Героем Социалистического труда. Однако слухи о происшедшем и о полном разорении сельского хозяйства Рязанской области дошли наконец и до Москвы. Но только в конце 1960 года специальная комиссия ЦК закончила свою работу с неутешительными выводами — рязанское чудо было липой.¹¹⁸ Ларионову «посоветовали» уйти со сцены и он застрелился.

Так закончилось соревнование Советского Союза с Америкой в области производства мясо-молочных продуктов. В 1964 году производство мяса в СССР составило всего 8,3 млн. тонн.¹¹⁹

Потерпела неудачу и кукурузная программа Хрущева. Принудительное внедрение кукурузы в климатически непригодных для ее выращивания районах страны привело, как и следовало ожидать, к краху. Производство кукурузы для корма скота обходилось в два раза дороже, чем обычная заготовка привычных кормовых трав. В отдельных районах страны: на северо-западе, в Сибири — урожай кукурузы гибли из-за дождей и холодной погоды. Кукурузная кампания повлекла за собой ухудшение луговодства и гибель сенокосов во многих местах. Кукурузный бум закончился в 1964-65 годах. Продолжали выращивать кукурузу лишь в традиционных южных и юго-восточных районах страны.

Были и другие неразумные решения в области сельского хозяйства, как например, ликвидация миллионов гектаров чистых паров, что значительно ухудшило зерновую ситуацию.

Вместо ожидаемого постоянного прироста урожая сельское хозяйство фактически топталось на месте. После значительно увеличения урожайности в 1958 году — 11,1 центнера с гектара (1950 — 7,9), урожайность снижалась: 1960 — 10,9; 1962 10,9; 1963 — 8,3 (год неурожая) и только в 1964 году урожайность начала повышаться — 11,4.¹²⁰

Хрущев быстро отыскивал виноватых: менял одного за другим министров сельского хозяйства, ограничивал деятельность министерства сельского хозяйства, перемещал научные агробиологические институты поближе к деревне и прочее. Но существовала одна безусловная реальность — сельское хозяйство отказывалось «работать» по указаниям «сверху».

Намерение Хрущева радикально изменить положение при-

вело в феврале 1958 года к ликвидации машино-тракторных станций, их техника была продана укрупненным колхозам.¹²¹ Меньше чем за год, последовавший после решения о ликвидации МТС, дело было сделано: многие колхозы оказались в сложном финансовом положении, так как техника, которую они вынуждены были выкупать, продавалась им по новым оптовым ценам, значительно превышающим государственные цены, по которым техника была получена МТС.¹²²

Многие рабочие МТС не желали вступать в колхозы, а предпочитали искать себе работу на государственных предприятиях. Сельское хозяйство потеряло половину механизаторов. Заводы сельскохозяйственного машиностроения, утратившие устойчивый внутренний рынок в лице МТС, оказались переполненными продукцией, и вынуждены были сократить производство. Эксплуатация техники колхозами резко ухудшилась из-за недостаточно квалифицированного обслуживания.¹²³

Долги колхозов банкам за выкупленную сельскохозяйственную технику достигли в 1961 году суммы более 2 млрд. рублей.

Попытки государства в последующие годы несколько сбалансировать и облегчить тяжелое положение колхозов путем снижения цен на сельскохозяйственные машины и инвентарь, на автомашины, запасные части и бензин, обеспечить своевременный ремонт сельскохозяйственной техники путем создания специализированной организации «Сельхозтехника» и станций технического обслуживания не привели к кардинальному изменению положения.

Сначала, после облегчений 1953 года и особенно после сельскохозяйственных реформ 1954-55 годов положение колхозников, а также рабочих и служащих, имевших свое личное приусадебное хозяйство, значительно улучшилось.

Хотя в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих находилось всего около 7 млн. гектаров (1964 год), в то время как земли колхозов составляли 482,7 млн. га, а совхозов и государственных хозяйств 571,1 млн. га,¹²⁴ продуктивность личных хозяйств была довольно высокой. Разрешение иметь корову и определенное количество домашнего скота и птицы значительно улучшали не только материальное положение колхозников и жителей небольших городов и поселков, но и продовольственное положение в крупных индустриальных центрах. В 1959—1965 годах (все данные приводятся на 1 января) количество коров в личном владении составляло в сред-

нем от 55 до 42 процентов от общего поголовья коров в стране, свиней от 31 до 27 процентов, овец от 22 до 20 процентов.¹²⁵ Отсюда видно, какую важную роль играли личные хозяйства в общем мясном балансе страны.

Едва сельскохозяйственное население страны начало становиться на ноги, как немедленно были взяты назад льготы. Уже в 1959 году горожанам было запрещено иметь скот в своих хозяйствах, они были вынуждены продать его колхозам и совхозам. Были введены ограничения на продажу и заготовку кормов для личных хозяйств. Началась кампания против «тунеядцев» в колхозах и «спекулянтов» на колхозных рынках. Население страны пытались уверить в том, что все недоразумения и трудности с продовольствием проистекают от нерадивости колхозников и махинаций спекулянтов на рынках. Снова возрождались методы хозяйствования сталинских времен.

Хрущева и других «коллективных руководителей» часто тянуло к привычным методам прошлого. Не желая признать не только открыто, но и для самих себя, что все провалы советской экономики, будь то в сельском хозяйстве или в промышленности, связаны с существом советского режима и являются его неизбежными не только спутниками, сколько органическими частями советской общественной системы, советские руководители предпочитали объявлять виновными в провалах его жертв и ликвидировать те немногие полезные реформы, которые были проведены в первые годы после смерти Сталина.

Вместо 22 млн. коров в 1958 году в индивидуальном владении у колхозников и рабочих осталось к концу 1962 года всего лишь 10 млн. Колхозы же, получившие скот, не в состоянии были обеспечить его кормами.

Во время неурожайного 1963 года выяснилось, что государство не сумело накопить необходимых резервов хлеба на случай стихийных бедствий. Во многих районах страны не хватало хлеба. Снова, как в 30-е годы и в 1947 году выстраивались многочасовые очереди, продажа хлеба была ограничена. Особенно пострадали южные районы страны: Северный Кавказ, Южная Украина и другие.

Начались массовые закупки зерна за границей за счет личного золотого запаса. Закупки превысили 13 млн. тонн зерна. Позднее Хрущева упрекали за это. В сталинские вре-

мена народу просто предоставили бы возможность пухнуть с голода. Во времена Хрущева предпочитали менять золото на хлеб. И в этом состояла огромная качественная разница между этими двумя периодами советской истории.

Последняя отчаянная попытка Хрущева найти выход из тупика в сельском хозяйстве была связана с засухой и неврожаем 1963 года. Надежды на развитие экстенсивного сельского хозяйства путем ввода в севооборот все новых и новых земельных площадей, особенно в Казахстане и Сибири, не оправдали себя. Можно было, конечно, один или два раза «налетом», путем концентрации средств, людей, техники «сорвать» большой урожай и... убежать! Но дальше этого дело не двигалось.

Вся система хозяйствования нуждалась в изменении. Земля требовала правильного, научно обоснованного обращения с ней. Даже в такой огромной стране как Советский Союз сельское хозяйство должно было быть интенсивным. Опыт Соединенных Штатов Америки, 3,5 процента населения которого производило сельскохозяйственной продукции достаточно, чтобы прокормить не только свою страну, но и продавать продукцию в огромных количествах за границу, был достаточно убедительным. Хрущев пытался перенять американский опыт, но делал это чисто механически, не принимая во внимание разницу в условиях (в том числе и социальных) землевладения в США и в СССР.

Земля нуждалась в удобрениях, в отдыхе и обновлении. Эти нехитрые истины, известные каждому русскому крестьянину от рождения, было довольно трудно применить на практике в государстве, где решения принимаются, исходя из требований момента, из политической целесообразности, без внимания к последствиям принимаемых решений. Под конец своего десятилетнего правления Хрущев понял, что земля прежде всего нуждается в больших капиталовложениях, в удобрениях. Так же поспешно, как он это делал при принятии других решений, Хрущев выдвинул в 1963 году новую, абсолютно нереальную программу химизации земледелия.¹²⁶ Программой предусматривалось довести производство минеральных удобрений до 80 млн. тонн к 1970 году и до 150-170 млн. тонн к 1980. Фантастичность этого плана видна из следующих цифр: в 1963 году СССР произвел меньше чем 20 млн. тонн, в 1970 — 53,4 млн. тонн и в 1977 — 96,8 млн. тонн.¹²⁷

Итоги «перетряхивания» сельского хозяйства в послесталинские годы были весьма неутешительными. По контрольным цифрам валовая продукция должна была возрасти в течение семилетки (1959—1965) на 70%, а фактически возросла на 10%. Средняя урожайность в 1960-64 годах возрастала в среднем на 0,8%. Темп прироста поголовья крупного рогатого скота снизился в два раза по сравнению с предыдущими пятью годами. Удои молока на одну корову снизились в среднем на 370 кг. в год. У колхозников образовалась большая задолженность государству. Так охарактеризовал положение в сельском хозяйстве новый глава партии Л. И. Брежнев в марте 1965 года.¹²⁸

Таким образом, в который раз подтвердилось, что советская экономика покоится на нездоровой основе, что никакие полуреформы, перестановки, решения и постановления не выправят положения. До тех пор пока экономика зависит от политических решений, постоянно меняющихся по тому или другому поводу, нет никакой надежды для страны выбраться из хозяйственного тупика.

Подтверждением тому также служат и многочисленные бесплодные попытки улучшить структуру государственного аппарата, наделить министров и начальников главков, директоров предприятий новыми правами или, наоборот, ограничить эти права, разделить старые планирующие органы и создать новые и так далее и тому подобное. Таких «реформ» было в «хрущевскую эру» великое множество. Действительных же улучшений в области экономики так и не произошло. Зыбучие пески советского бюрократизма оказались поистине всепоглощающими.

В феврале 1956 года XX съезд КПСС одобрил шестой пятилетний план. В декабре того же года выяснилось, что план не годится. Был наспех составлен переходной план на 1-2 года, а затем появился новый, но уже не пятилетний, а семилетний план 1959-65 годов. Чехарда с планами была связана с обострившейся борьбой за власть, которая привела в 1957 году к полному устранению из руководства Маленкова, Молотова и Кагановича и двух ключевых фигур в экономическом планировании: Первухина и Сабурова. Теперь для Хрущева было очень удобным свалить все недостатки в планировании на «оппозицию» и потребовать для себя больше времени (семи-

летка вместо пятилетки) для исправления якобы совершенных ими ошибок.

Власть на местах должна была стать прочной опорой правления Хрущева. Его личный опыт работы долгие годы на Украине подсказывал, что необходимо дать инициативу местным работникам, директорам предприятий для решения проблем местного или республиканского характера.

Были образованы министерство нефтяной промышленности в Азербайджане, министерство цветной металлургии в Казахстане, ряд отраслевых министерств на Украине.¹²⁹

К исходу 1956 года столкновения между Хрущевым и большинством Президиума ЦК обострились. Хотя поводом для обострения были разногласия по поводу управления экономикой страны, в основе столкновения лежали недавние события в Венгрии, где рабочие советы на предприятиях стали как бы зародышем новой власти. Для сталинской когорты курс на децентрализацию и некоторую самостоятельность от центральной власти был как бы отзвуком того, что произошло в Венгрии.

На пленуме ЦК КПСС в декабре 1956 года был подвергнут критике слабый контроль центральных министерств над республиканскими и над отдельными предприятиями. И хотя пленум указал на необходимость расширения прав республик в области промышленности, в то же время он высказался за усиление работы министерств в районах расположения отдельных отраслей национальной экономики.¹³⁰ Хрущев, однако, скоро добился реванша — на февральском пленуме ЦК 1957 года была принята резолюция в пользу руководства промышленностью на базе территориального принципа и по определенным районам.¹³¹

В мае 1957 года был принят закон о создании на местах советов народного хозяйства (совнархозов), которым надлежало ведать экономикой в своем регионе и заботиться также о развитии местных ресурсов и местной промышленности, как то делали совнархозы 20-х годов.¹³² Всего по стране было создано 105 совнархозов, из них 70 в РСФСР, 9 в Казахстане, 11 на Украине, 4 в Узбекистане. В остальных республиках было создано по одному совнархозу. В этих республиках председателем совнархоза стал председатель Совета министров. Теперь Госплан СССР отвечал только за общее планирование и координацию планов, за распределение между республиками важнейших фондов. Госэкономкомиссия была упразд-

нена. Центральные министерства, ведавшие производством вооружения, полностью сохранили свои функции.

Организация совнархозов была встречена с явным неодобрением столичной бюрократией, привыкшей не только к власти, но и к удобствам проживания в Москве. Многим предстояло расстаться с насиженными местами и отправиться в провинцию. Бюрократия же на местах организацию совнархозов на первых порах поддержала, хотя и полагала, что может обойтись без посланных из Москвы «начальников».

Престиж Хрущева резко пошатнулся в центре, но поднялся в областях. Это временное изменение баланса сил стало решающим фактором в консолидации власти в руках Хрущева.

Расхождения во мнениях среди партийной верхушки затрагивали ряд существенных вопросов, но главным среди них оставался вопрос о характере власти. Противники Хрущева выступали за сохранение в руках руководства полного контроля и координации работы министерств. Они расходились с Хрущевым и в способах разрешения постоянных продовольственных затруднений, и в ряде проблем внешней политики.

Решение о совнархозах, затронувшее интересы могущественной московской бюрократии, было последним толчком к образованию широкой оппозиции Хрущеву в руководстве партии. Эта оппозиция возникла сразу же после отставки Маленкова с поста председателя Совета Министров и особенно после XX съезда КПСС. События лета-осени 1956 года в Восточной и Юго-Восточной Европе укрепили ряды оппозиции, которая начала упрекать Хрущева в авантюризме. Сигналом для выступления против Хрущева послужила его речь на митинге в Ленинграде, в мае 1957 года, в которой он выдвинул свой фантастический план догнать и перегнать Америку в короткий срок в производстве мяса, молока и шерсти.

В июне 1957 года на пленуме ЦК Хрущев столкнулся с организованной оппозицией. Подавляющее большинство членов Президиума ЦК было против его политики. Против Хрущева открыто выступили Молотов, Маленков, Каганович, Первухин и Сабуров. Их поддержал секретарь ЦК Шепилов. При голосовании за освобождение Хрущева от обязанностей первого секретаря вместе с оппозицией голосовали Булганин и Ворошилов. 7 голосами против 4 это решение было принято.

Однако Хрущев решил бороться. При помощи преданного партаппаратчика Капитонова, сделанного позже секретарем

ЦК, министра обороны маршала Г. Жукова и председателя КГБ И. Серова на военных самолетах в Москву срочно были доставлены члены ЦК КПСС с мест. Они потребовали открыть пленум ЦК. Недельная дискуссия на пленуме (22-29 июня 1957 года) принесла победу Хрущеву. Основные противники Хрущева: Маленков, Молотов и Каганович, а также Шепилов — были объявлены антипартийной оппозицией, лишись всех постов.¹³³

Как это обычно бывает в истории, победитель спешил избавиться от своего наиболее могущественного союзника. В данном случае им был маршал Г. М. Жуков.

Хотя Жуков в награду за свое участие в разгроме «антипартийной оппозиции» и был сделан полным членом Президиума ЦК КПСС, но популярность Жукова среди народа, считавшего, что он спас Россию от немцев, не давала Хрущеву покоя. Он не мог забыть, что во время перепалки на заседании пленума ЦК Жуков, в ответ на гневную реплику Маленкова: «Может быть, вы танки двинете против нас?!», ответил уверенно: «Танки двинутся только по моему приказу». То были весьма необдуманно слова со стороны защитника Москвы и победителя Берлина. Если бы Жуков был более искушен в политике, то он несомненно сказал бы: «Танки двинутся только по приказу ЦК»... Жуков сам дал повод для будущего обвинения его в бонапартизме. Впрочем, если бы не эти злосчастные слова, то был бы найден и другой повод. Многие маршалы завидовали славе Жукова и Хрущев использовал эту зависть. Карикатура, появившаяся в одной западноевропейской газете, ускорила развязку. На картинке был изображен Хрущев, устремленный вперед, а за ним, на небольшом расстоянии, уверенно шагающий Жуков. Под карикатурой подпись: «Оглянись, Никита, кто шагает за тобой...»

И Никита оглянулся. Разумеется, Хрущев знал, что Жуков далек от мысли стать диктатором. Но Хрущев не мог перенести популярности маршала, она заслоняла его собственную. Жуков, пока он был с Хрущевым в одной упряжке, закрывал возможность напомнить народу о заслугах Хрущева во время войны. Неслучайно поэтому через несколько лет в 1-м томе «Истории Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, 1941—1945», Жуков будет упомянут в негативном плане, как начальник генерального штаба, не принявший своевременных мер к предупреждению внезапного германского

нападения, а во всех последующих томах не раз будет воздано «должное» военным талантам Н. С. Хрущева.

В октябре 1957 года, в то время как Жуков находился с визитом за границей, Хрущев собрал заседание Президиума ЦК для обсуждения опасности бонапартизма со стороны маршала Жукова. На резонно высказанное сомнение, не следует ли подождать возвращения Жукова в Москву, Хрущев ответил цинично: «Семеро одного не ждут». Жуков не только был выведен из ЦК КПСС, но смещен с поста министра обороны и уволен в отставку.¹³⁴

Итог борьбы Хрущева за должность Вождя был вскоре подведен: в марте 1958 года Булганин был освобожден от обязанностей председателя Совета Министров СССР. На его место был назначен сам Хрущев, объединивший в своих руках, как до него это сделал Сталин, а затем на короткий период Маленков, два ключевых поста в государстве: первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Удаление бывших членов Президиума ЦК КПСС с их постов впервые в истории СССР не повлекло за собой их ареста. Это было что-то новое в опыте советской жизни и было признаком стабилизации положения высшей бюрократии, ее решимости не допустить возобновления практики сталинских времен и сохранить таким образом преемственность власти.

В конечном итоге традиционная тяга к централизму очень быстро дала себя почувствовать. Оказалось, что совнархозы отдельных областей занимаются главным образом местной промышленностью вместо того, чтобы направлять экономическое развитие региона в целом. Очень скоро, уже в 1959 году, начал происходить процесс, аналогичный укрупнению колхозов и совхозов: «маломощные» совнархозы начали присоединять к более крупным.

Прежняя экономическая иерархия быстро восстановилась, но в еще более уродливом виде, чем то было до учреждения совнархозов.

* * *

В 1953—1964 годах значительно расширилась энергетическая база Советского Союза. Были выстроены Куйбышевская гидроэлектростанция (1958), Сталинградская ГЭС (1960), Братская

ГЭС (1961—1964) и ряд гидроэлектростанций и теплоэлектростанций местного значения.

Быстрое развитие получили новые источники энергии: марковская нефть в Сибири (1962), нефть и газ в Тюменском районе (1963). Появились и выросли новые отрасли промышленности: газовая и алмазная.

Производство электроэнергии выросло со 150,6 млрд. квтч в 1954 году¹³⁵ до 507,7 млрд. в 1965.¹³⁶ За те же годы добыча нефти увеличилась с 52,7 млн. тонн¹³⁷ до 347,3 млн. тонн,¹³⁸ выплавка стали с 41,4 млн. тонн¹³⁹ до 91,0 млн. тонн,¹⁴⁰ добыча угля с 347,1 млн. тонн¹⁴¹ до 577,7 млн. тонн.¹⁴²

* * *

Одна из серьезнейших проблем 50-60 годов заключалась в том, чтобы перестроить промышленное производство в соответствии с требованиями новой технической революции. Известный советский ученый академик Капица в одном из своих выступлений уподобил советскую промышленность ихтиозавру — доисторическому животному, имевшему длинное туловище и маленькую голову, то есть огромная промышленность и крайне незначительная роль в ней науки.

Научные и технологические достижения капиталистического мира, которые яростно опровергались во времена Сталина и низводились на уровень идеологических диверсий и идеализма, такие, например, как кибернетика, внезапно были признаны советской верхушкой, и, в соответствии с изменившимися настроениями и политикой, наука начала получать огромные государственные ассигнования. Были созданы новые научно-исследовательские институты. Почти угасшие было исследования в области фундаментальных наук и естествознания были возобновлены или расширены. Потребности государства, неизменно связанные с усилением его военного потенциала, требовали более совершенной технологии, более усовершенствованного оружия.

Поскольку советское государство было и остается единственным предпринимателем в стране, единственным бесконтрольным распорядителем доходов и расходов, на наиболее перспективные научные направления были даны крупные субсидии. Это сделало возможным, например, рывок советской

науки и технологии в области строительства ракет, а это, в свою очередь, привело к развитию исследований космоса, увенчавшегося созданием первого искусственного спутника земли (1957) и полетом Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года.

Однако однобокость развития советской промышленности привела к хроническому недостатку товаров массового потребления и к крайне низкому качеству многих видов товаров и услуг. Сельское хозяйство, несмотря на все усилия и реформы, не могло справиться с одной-единственной проблемой — накормить население собственной страны.

Усиление роли науки в жизни государства, введение более современной технологии в производство и научно-техническая революция в ряде областей выдвинули в 50-60 годах проблему подготовки высококвалифицированных кадров рабочих для промышленности. Проблема состояла в том, что вся система советской жизни постепенно вырабатывала пренебрежительное отношение к труду рабочего. Не только дети потомственных рабочих не желали идти «ишачить» на производство, но и старшее поколение рабочих хотело видеть своих отпрысков инженерами, учителями, видя в этом как бы осуществление своих несбывшихся надежд.

Система школьного обучения ставила своей целью подготовку школьников к поступлению в высшее учебное заведение. Но высшие учебные заведения не могли принять всех желающих. Кроме того, существующая система привилегий открывала доступ в ВУЗы тем юношам и девушкам, чьи родители занимали высокое положение. Конкурсные экзамены при поступлении в институты дополнялись «конкурсами отцов» — кто важнее, кто сильнее. Приемным комиссиям прямо указывали, кого «резать» при вступлении, а к кому отнестись более либерально.

Оказавшиеся за бортом высшего образования молодые люди предпочитали любую работу, лишь бы не идти на производство. На многих предприятиях были созданы ВУЗы без отрыва от производства, вечерние школы и прочее. Завод пытались сделать более привлекательным для окончивших школу. И все же школьники шли на заводы, только принужденные к этому сложными жизненными обстоятельствами. Возникшую проблему пытались разрешить реформой образования. В декабре 1958 года вместо десятилетнего и всеобщего обяза-

тельного семилетнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее, после получения которого школьники обязывались работать на заводах или в сельском хозяйстве в течение трех лет. При желании они могли параллельно учиться. Преимущество при поступлении в ВУЗы оказывалось лицам, имеющим стаж работы, а также обладающим хорошей партийно-производственной характеристикой.¹⁴³

Реформа вызвала недовольство почти во всех слоях общества: в высших слоях, так как высокопоставленные родители уже заранее предначертали путь успешного подъема по лестнице власти или науки для своих детей. В низших, особенно городских, слоях, так как родители, сами не сумевшие получить высшее образование из-за сложностей жизни, добивались его для своих детей. Для молодежи сельскохозяйственных районов, мечтавшей оставить свою деревню и уехать учиться в город, новый закон воздвигал, казалось, непреодолимое препятствие. Правда, можно было завербоваться на стройки коммунизма в Сибирь или в Среднюю Азию, поехать на целину.

По всей стране началась систематическая кампания за сочетание «школы с жизнью», «науки с жизнью» и так далее. Комсомол мобилизовывал тысячи молодых людей на целину и на строительство в Братск, Красноярск, на Волгу и прочее.

Как и все массовые кампании, развертывавшиеся в СССР, кампания «за связь с жизнью» была доведена до абсурда. Ученых, врачей заставляли выполнять бесплатную и непроизводительную работу в ущерб их собственной. Например, в Москве сотрудников институтов Академии наук СССР посылали на уборку мусора в строящихся домах, на мытье полов и лестниц. Отказ от работы считался антиобщественным поступком.

Другим массовым мероприятием, отрывавшим от работы тысячи людей и нарушавшим работу транспортной системы и торговой сети, были встречи почетных гостей, приезжавших в столицу СССР. По указанию райкомов партии тысячи людей выстраивались вдоль магистралей, ведущих от аэропортов к центру Москвы, чтобы создать видимость энтузиазма при встрече почетных гостей, как Насер, Тито. В других же случаях, например, при приезде в Москву президента США Никсона, доступ к магистрали, по которой он проезжал, был перекрыт и улицы оставались пустынными.

В 1955-61 годах были изданы законы социального харак-

тера, улучшавшие правовое положение городского населения и в первую очередь индустриальных рабочих.

25 апреля 1956 года был отменен антирабочий закон 1940 года о прикреплении к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания. Советский рабочий снова стал «свободным» рабочим: право менять место работы было ему возвращено.¹⁴⁴

Указом от 8 сентября того же года был установлен минимум заработной платы.¹⁴⁵

Среди других важных законов, затронувших интересы миллионов людей, было введение в июле 1956 года новой системы пенсионного обеспечения, благодаря которой сумма ежемесячной пенсии значительно выросла. Пенсии зависели от стажа и возраста. Их сумма колебалась между 300 и 1200 рублями. Возрастной ценз для получения полной пенсии был установлен: для мужчин — 60 лет при стаже работы в 25 лет, для женщин — 55 лет при стаже работы в 20 лет.¹⁴⁶ Это было значительно ниже возрастного ценза, существующего на Западе. В июле 1964 года было установлено государственное пенсионное обеспечение для колхозников. Пенсии по старости получали мужчины в возрасте от 65 лет и женщины — от 60 лет,¹⁴⁷ но лишь в том случае, если они продолжали жить в колхозах. Однако закон обошел важнейший вопрос об автоматизме ухода на пенсию при достижении предельного возраста, что открывало широкую возможность для высших чиновников государства находиться на своих должностях иногда пожизненно, независимо от их возраста. Кроме того, в соответствии с интересами верхушки, не только сохранилась, но и расширилась система персональных пенсий, назначаемых за особые заслуги перед государством. Они были значительно выше общегосударственных. С персональными пенсиями были связаны и другие привилегии, в частности, 50-процентная квартирная плата, бесплатный проезд на общественном транспорте, ежегодная бесплатная путевка в дома отдыха и санатории и другие весьма существенные льготы. Особая система пенсий сохранилась для научных работников, для военных и сотрудников государственной безопасности.

Были также приняты законы о сокращении рабочей недели на два часа,¹⁴⁸ продлении оплачиваемого отпуска по беременности до 112 дней¹⁴⁹ (в 1940 году отпуск по беременности был сокращен до 70 дней).

Гражданское жилищное строительство, начатое в последние годы жизни Сталина, было значительно расширено.¹⁵⁰ Теперь оно было поставлено на промышленную основу с тем, чтобы в течение 10-12 лет «покончить в стране с недостатком в жилищах».¹⁵¹ Государство начало поощрять организацию жилищных кооперативов на весьма льготных для населения условиях: 15-30% стоимости квартиры единовременно при начале строительства с 15-летней рассрочкой при 0,5% годовых за ссуду. Значительно увеличилось строительство жилых домов, осуществляемое городскими властями, предприятиями и министерствами. О размахе жилищного строительства в десятилетие 1953—1964 года свидетельствуют следующие данные: в 1950 году весь городской жилищный фонд страны составлял 513 млн. кв. метров, в 1955 — 640 млн. кв. метров, в 1960 — 958 млн. кв. метров, в 1964 — 1182 млн. кв. метров.¹⁵² Хотя улучшение жилищных условий коснулось многих тысяч семей, жилищная проблема так и не была решена даже в конце 70-х годов.

Острую жилищную проблему государство использовало как еще один способ давления на граждан. При безупречном поведении можно было получить квартиру быстрее. Всякая критика действий начальства стоила уже поставленному на очередь для получения квартиры довольно дорого: в лучшем случае его очередь отодвигалась, в худшем и вовсе лишали права на получение жилплощади. Разумеется, всегда подыскивался подходящий предлог.

В 1958 году правительство приняло решение заморозить на 20 лет выплату по государственным займам, которая стала для государства тяжким бременем. Одновременно был прекращен выпуск займов вообще, за исключением внутреннего займа, облигации которого свободно покупались и продавались. Замораживание выплат по займам было встречено населением со смешанным чувством. У миллионов людей скопилось за годы советской власти большое количество облигаций и выигрыши по займам стали как бы дополнительной статьей дохода. С другой стороны, прекращение подписки на заем означало ежегодную постоянную экономию 2-3-недельного заработка. В 1975 году погашение по займам возобновилось.

Рост инфляции привел к новой денежной реформе в 1961 году. Формально произошел обмен старых банкнот на новые при соотношении 1:10 при пропорциональном изменении цен

и заработной платы. Постепенно, в связи с развитием инфляционных тенденций, реальная покупательная способность новых денег уменьшилась.

В 1957 году были сокращены индивидуальные налоги для низкооплачиваемых категорий.¹⁵³ Еще раньше, в 1954 году, был отменен 6-процентный налог на холостяков,¹⁵⁴ введенный во время войны. Снижение налогов происходило на фоне роста промышленного производства и увеличения государственных доходов за счет налога с оборота, а также роста цен на продукты питания и товары широкого потребления. Рост цен происходил систематически и параллельно росту номинальной заработной платы и оплаты коммунальных услуг. Все же эти платежи занимали незначительное место в бюджете городской семьи, главные статьи расходов составляли питание и одежда. Обычно на питание уходило больше половины заработной платы.

Доходы семьи возросли также с отменой платы за обучение в старших классах школ и институтах, введенной в 1940 году.

Возросли также пособия многодетным семьям, оплаты по временной нетрудоспособности.¹⁵⁵ Минимум заработной платы вырос с 30 новых рублей в месяц до 60. Однако разрыв между низшим уровнем заработной платы и высшим оставался огромным. Наиболее важные для общества работники — учителя, врачи, медицинский персонал — оставались одной из самых низкооплачиваемых категорий.

Несомненно, Хрущев искренне желал, чтобы народ жил лучше, но его представления о том, что хорошо и что плохо, в общем не выходили за обычные рамки коммунистической идеологии и даже носили некоторые черты уравнилства. Например, в программе партии 1961 года народу было обещано введение к 1980 году бесплатного снабжения рядом товаров и услуг.

Хрущев пытался вести борьбу с расхитителями и взяточниками. Но он вел эту борьбу, сочетая законные и незаконные методы. По его настоянию в законодательство была введена статья, предусматривавшая смертную казнь за расхитительство, валютные операции и прочее. Эта статья закона была немедленно применена к преступлению, совершенному до издания этого закона (дело Рокотова), что было грубейшим нарушением одного из основных постулатов правопорядка — закон обратной силы не имеет.

В 1957 году была затеяна кампания против «тунеядцев». Под «тунеядцами» сначала подразумевались спекулянты, алкоголики, хулиганы, которые своими действиями нарушали общественный порядок и покой граждан. Почему-то считалось, что в отдаленных местностях они этого делать не смогут. Однако очень скоро выяснилось, что главной мишенью кампании против тунеядцев оказались люди свободных профессий: художники, артисты, поэты. Многие из них не были членами творческих союзов и потому не имели «социального лица». Очень скоро они стали жертвами морального террора, травли со стороны своих соседей, науськиваемых властями. «Тунеядцев» арестовывали, судили и высылали на жительство в отдаленные местности СССР. Такого рода судебная расправа была учинена в 1964 году над поэтом Иосифом Бродским.¹⁵⁶

Кампания против тунеядцев стала одной из форм политических репрессий, так же, как кампания против валютчиков и взяточников превратилась в антисемитскую. Подавляющее большинство осужденных по этим обвинениям к смертной казни были лица еврейского происхождения. Хрущев, сам не чуждый антисемитизма, не раз говорил в своих речах о «хороших» и «плохих» евреях, а не о хороших и плохих гражданах. К числу «хороших» евреев он отнес, например, генерала армии Я. Г. Крейзера.

Активное участие в борьбе против «тунеядцев» начали принимать так называемые народные дружины, закон об организации которых был принят Верховным Советом СССР в 1959 году. Они получили право надзора за общественным порядком. Дружинники выделялись предприятиями и учреждениями из среды своих коллективов. В ряде городов дружины начали быстро вырождаться в банды, терроризирующие и шантажирующие граждан. Например, в г. Николаеве на Азовском море дружину одно время возглавлял некто М., принуждавший к сожительству девушек под угрозой объявления их проститутками. Подобные случаи были не единичными. Местные власти использовали часто дружинников для расправы над неудобными им людьми. Позднее дружинников пускали в ход против выставок вольных художников, для запугивания диссидентов и прочего.

Беззастенчиво вторгались в личную жизнь граждан товарищеские суды.

Режим Хрущева, отказавшись в принципе от массового

террора, арестов, перешел к общественному контролю над деятельностью и жизнью граждан. В этом смысле можно сказать, что Хрущев пытался установить в советском обществе полное народовластие, наделив сотни тысяч людей частицей власти над себе подобными.

Этой же цели служил массовый рост партии и комсомола. Близилась эра Нового Советского Человека.

5. Сосуществование и экспансия

Уже первые шаги Маленкова в области внешней политики свидетельствовали о намерении коллективного руководства погасить очаги военной опасности и смягчить отношения с капиталистическими странами.

Итоги второй мировой войны были весьма благоприятны для Советского Союза и могли бы быть еще лучше, если бы не мегаломания Сталина. Политика военных авантюр, политика силы, так ярко проявившаяся в корейской войне и во время берлинского кризиса, фактически провалилась. Мао Цзедун, направив войска в Корею, спас положение для всего коммунистического мира.

В 1953-55 годах Советский Союз осуществлял политику замирения. После ликвидации войны в Корее в 1953 году было достигнуто при поддержке СССР прекращение войны между странами Индокитая и Францией.¹⁵⁷

В 1955 году был, наконец, подписан мирный договор с Австрией, чему Советский Союз препятствовал в течение многих лет, искусственно связывая заключение договора с уступками западных держав Советскому Союзу по другим вопросам. Позднее вина за это была персонально возложена ЦК КПСС на Молотова, равно как и вина за ухудшение советско-югославских отношений.¹⁵⁸

В том же году Хрущев появился во главе советской партийно-правительственной делегации в Белграде и принес президенту Югославии и главе Коммунистической партии Югославии Иосипу Броз-Тито официальные извинения за антиюгославскую политику, проводившуюся после второй мировой войны. Ответственность за нее Хрущев возложил на Берию, но это объяснение было встречено югославскими руководителями иронически. Советской делегации был оказан не слишком теп-

лый прием. Югославы рассчитывали на честное признание советскими руководителями совершенной несправедливости, особенно утверждений, что Югославия является не социалистической, а капиталистической страной. Поэтому в резолюцию XX съезда КПСС была вставлена фраза: «Серьезные достижения в социалистическом строительстве имеются также в Югославии».¹⁵⁹

Советские делегаты не были подготовлены к встрече психологически, признавал позднее Хрущев. «Мы все еще не были свободны от рабской зависимости от Сталина».¹⁶⁰ Тито был готов улучшить межгосударственные отношения, но отклонил предложение о восстановлении тесных отношений между КПЮ и КПСС, правильно предполагая, что претензии КПСС на руководящую роль среди коммунистических партий мира отнюдь не отброшены. По этой причине КПЮ позднее отказалась принять участие в совещании коммунистических партий в Москве в 1957 и в 1960 годах.

Новое советское руководство довольно реалистически оценило создавшуюся ситуацию. Опыт первых трех лет внешнеполитической активности правительства показал, что в конкретных исторических условиях наиболее выгодным курсом является так называемое мирное сосуществование. На XX съезде КПСС этот тезис был развит довольно подробно. Суть его заключалась в признании факта сосуществования двух различных общественных систем в современном мире: капиталистической и социалистической. Они соревнуются между собой на поприще хозяйственного и культурного строительства. Победа социалистической системы рано или поздно неизбежна, но эта победа будет достигнута не путем «экспорта революции» из социалистического лагеря в капиталистический, а в результате развития в капиталистических странах внутренних противоречий и классовой борьбы. Существует возможность ненасильственного перехода к социализму в ряде капиталистических стран. Поэтому в современных условиях нет фатальной неизбежности войн и они могут быть предотвращены. Однако полностью опасность новой войны не устранена, так как пока существует империализм, существует почва для возникновения войн.¹⁶¹

Такова, коротко говоря, была внешнеполитическая программа, сформулированная на XX съезде КПСС.

Мы уже отметили, что эта программа исходила из неизбеж-

ности победы СССР (социалистического лагеря) во всем мире. Выставляя эту программу, КПСС отнюдь не отказывалась от другой части своей политики. Во-первых, от усиления и развития идеологической борьбы против стран капитализма. Понятие «идеологическая борьба» могло трактоваться и широко, и узко в зависимости от потребностей момента. Во-вторых, сохранялся в первоизданном виде тезис о невозможности сохранения статус-кво, о неизбежности перемен в мире. В-третьих, советская доктрина продолжала исходить из своего не только права, но и обязанности помогать национально-освободительному движению во всем мире. Способы и формы помощи никак не были очерчены или ограничены. Эти три тезиса фактически формулировали право Советского Союза и других социалистических стран на постоянную экспансию.

Таким образом, советская внешняя политика в послесталинское время основывалась, как охарактеризовал ее американский историк профессор Адам Улам, на экспансии и мирном сосуществовании, но более правильной была бы формула сосуществования путем экспансии.¹⁶²

Принципы внешней политики СССР были грубы и примитивны, но именно этим она и была сильна. Наиболее острые критики внешней политики на Западе определяли внешнюю политику СССР в послесталинское время следующим образом: «То что наше — это наше, а остальное подлежит переговорам». Но они заблуждались. Более правильной и отвечающей действительности была формула: «То что наше — это наше, то что ваше — будет наше».

Советские руководители были правы, утверждая, что советская внешняя политика, в отличие от политики западных держав, последовательна. Это утверждение полностью соответствует действительности. Практика советской внешней политики выражала и выражает сочетание принципа сосуществования и экспансии и использования первого для камуфляжа второго.

После ухода Маленкова с поста председателя Совета министров СССР советская внешняя политика заметно активизировалась. Мотором ее стал Н. С. Хрущев. В 1955 году произошла встреча в верхах в Женеве с участием президента Эйзенхауэра. Встреча никак не повлияла на положение дел в Европе, где по-прежнему главным вопросом оставался германский. Однако, после создания Варшавского пакта в 1955 году

ситуация в германском вопросе стала более определенной. Ни западные страны, ни Советский Союз не помышляли больше всерьез об объединении Германии, хотя все заявляли о своем горячем желании видеть Германию объединенной. Всевозможные проекты, встречи и обсуждения германской проблемы были скорее данью установившемуся обычаю, общественному мнению, чем намерением решить ее. Да ее и невозможно было решить. Реальность заключалась в том, что существовали две Германии. Одна из них, Федеративная Республика Германии принадлежала к группировке западных держав, другая — к группировке советского блока. На территории ГДР находились советские войска. Все признаки указывали на то, что подавляющее большинство населения Восточной Германии (Германской Демократической Республики) тяготеет к Западу. Отлив населения из восточной Германии в западную был значительным и грозил подорвать в недалеком будущем экономическую и социальную структуру ГДР. Были приняты более радикальные меры. Хрушев во время встречи с президентом Кеннеди в Вене (июнь 1961) не смог добиться от последнего признания ГДР. Тогда СССР попытался снова закрыть доступ западным державам в Западный Берлин. Берлинский кризис продолжался несколько месяцев. Попытки изолировать Западный Берлин провалились. Правительство ГДР решило проблему своеобразным путем. По согласованию с советским правительством в Берлине была воздвигнута в августе 1961 года стена, отделявшая восточную часть Берлина от западной.¹⁶³ Подобные сооружения существовали раньше только в концентрационных лагерях. Правда, была еще Великая Китайская стена, которая должна была защитить жителей Поднебесной империи от набегов кочевников. Охрана Берлинской Стены стала главной заботой восточногерманских вооруженных сил. Подходы к стене были со временем оснащены специальной электронной аппаратурой, автоматически открывавшей огонь по тем, кто попытался бы перебраться по другую сторону стены. 12 июня 1964 года между СССР и ГДР был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Советский Союз формально брал на себя защиту территории ГДР в случае необходимости.¹⁶⁴

В 50-е годы советская внешняя политика постепенно приобретала все более наступательный характер. Повсюду, где местная ситуация претерпевала изменения, советская политика

была довольно активной. Если в 1947-48 годах СССР поддерживал на Ближнем Востоке Израиль, как силу, ослабляющую Британскую империю, то в середине 50-х годов началась переориентация политики в пользу более тесных отношений с арабским миром. Толчком к этому послужила египетская революция 1952 года и растущее убеждение в том, что Израиль является не более как сателлитом США. Отношения между СССР и Израилем были прерваны незадолго до смерти Сталина в связи с антисемитской политикой СССР и восстановлены затем в июле 1953 года. Но теперь государство Израиль рассматривалось как находящееся во враждебном Советскому Союзу лагере.

В июле 1955 года в Египет был послан редактор «Правды» (в будущем секретарь ЦК КПСС) Шепилов. С этого времени советская экспансия на арабском Востоке усилилась. Насера, президента Египта, интересовало оружие, и он очень скоро начал получать его от советского сателлита — Чехословакии. Позднее Советский Союз начал поставлять Египту танки и самолеты — истребители типа МИГ, а также артиллерийские системы.

Конфликт из-за Суэцкого канала в 1956 году и последовавшая затем война Англии, Франции и Израиля против Египта немало способствовали укреплению советско-египетских связей. Шепилов стал с июня 1956 года министром иностранных дел СССР вместо Молотова.¹⁶⁵ В начале ноября 1956 года в Москве и в других городах прокатились «стихийные» массовые демонстрации в защиту Египта под лозунгом «Руки прочь от Египта!» и началась запись добровольцев для участия в войне на стороне Египта. В эти же самые дни советские танки давили в Будапеште венгерских революционеров. Однако никто в СССР не поднял против этого голос протеста и не возгласил: «Руки прочь от Венгрии!» Шум вокруг войны на Ближнем Востоке заглушил стоны погибших под гусеницами советских танков венгров.

Советская внешняя политика во времена Хрущева научилась очень быстро заполнять вакуум, вызванный ослаблением позиций западных великих держав путем эксплуатации традиционной неприязни или вражды населения бывших колоний к метрополии. Так было, например, во время кризиса вокруг Сирии летом 1957 года. В 1958 году разразился новый кризис на Ближнем Востоке, затронувший Ливан, Сирию и Иор-

данию. Советский Союз использовал кризис для улучшения своих собственных позиций в Сирии и Ираке. В 60-е годы Советский Союз значительно укрепил свое влияние в Египте, приняв участие в строительстве Ассуанской плотины и направив своих военных советников и оружие в значительных количествах. В 1962 году Советский Союз поддержал революцию в Йемене, а в 1964 году подписал с Йеменом договор о дружбе. Всем этим государствам Советский Союз оказывал военно-экономическую поддержку и предоставлял техническое сотрудничество.

В Африке, в Азии, в Индийском океане Советский Союз неизменно оказывал поддержку странам, выступавшим против интересов западных держав.

Но везде и повсюду у руководителей Советского Союза проявлялась одна и та же особенность: как только им казалось, что Советский Союз уже довольно твердо укрепился в той или другой стране, он начинал навязывать этим странам свою концепцию международной политики и оказывать грубое давление на их внутреннюю и внешнюю политику. В результате, кажется, не было страны, с которой бы у СССР не возникло конфликтов, начиная с Египта и кончая Индонезией.

Но особенно сложными оказались отношения с «братским» Китаем.

6. Два главных «брата»

Первые годы после образования Китайской Народной Республики (КНР) были временем расцвета советско-китайских отношений, ставших особенно тесными во время корейской войны, когда Советский Союз снабжал китайские дивизии в Корее вооружением.

С 1950 по 1962 год Советский Союз предоставил Китаю долгосрочные кредиты на сумму 1,82 млрд. рублей.¹⁶⁶ Они были использованы Китаем для оплаты закупленного в СССР вооружения и оказания помощи Корее.¹⁶⁷ Советский Союз передал Китаю на 790 млн. рублей имущества, подарков и прочего.¹⁶⁸ Если разделить эти суммы на 12 лет, то окажется, что советская помощь была не столь уж значительной. В 1962 году Китай получил только 13% от всей помощи, оказанной Советским Союзом социалистическим странам и только 8%

от суммы всех кредитов, предоставленных СССР другим странам в порядке экономической помощи.¹⁶⁹ «Китайская доля» была абсолютно несоразмерна количеству населения, проживающего на его территории. Согласно официальным советским данным с помощью Советского Союза было построено в Китае 256 предприятий разного рода. СССР оказывал Китаю помощь технической документацией, строительством железных дорог, посылкой экспертов. Все это делалось отнюдь не безвозмездно. За 12 лет в Китае побывало около 11 тысяч советских экспертов, советников и прочего. Им было выплачено около 30 тысяч годовых заработных плат.¹⁷⁰ Китай оплачивал все услуги, оказываемые СССР: фрахт, строительство железных дорог, расходы по обучению и содержанию китайских студентов в Советском Союзе и прочего.¹⁷¹ Со своей стороны, Китай поставил в СССР до конца 1962 года товаров, продовольствия и сырья на сумму 2,1 млрд. рублей.¹⁷²

В разгар выполнения Китаем экономической программы отношения между СССР и Китаем значительно ухудшились. СССР неожиданно для Китая отозвал в 1962 году 1390 советских экспертов, разорвал 343 контракта на использование советских специалистов в Китае и прекратил работу над 257 проектами научного и технического сотрудничества,¹⁷³ поставив китайскую экономическую программу в довольно сложное положение.

Истоки советско-китайского конфликта уходят далеко в прошлое. Они, вероятно, начинаются с политики захватов и неравноправных договоров царской России с Китаем и прослеживаются в политике советского партийного руководства в 20-е и 30-е годы по отношению к Гоминдану и к советским районам в Китае. Сталин не верил в возможность победы китайской коммунистической партии, его политика была ориентирована на сотрудничество с Чан Кайши. После 1949 года Советский Союз осуществлял по отношению к Китаю такую же политику, какую он вел в отношении социалистических стран Европы: подчинения интересов этих стран интересам «старшего брата» — СССР. В экономическом плане сталинская политика выражалась в создании на территории Китая смешанных советско-китайских обществ, добывавшихся эксплуатации ресурсов Китая под руководством и в интересах Советского Союза. Например, в пограничной китайской провинции Синцзян было учреждено смешанное общество

по разработке минеральных богатств. Общество фактически пользовалось правом экстерриториальности. В 1949—1953 годах Сталин не раз делал предложения Мао Цзедуну об организации советских предприятий на территории Китая, вызывая у китайского лидера чувство унижения и обиды.¹⁷⁴ Опыт многотысячелетней истории научил также и коммунистических лидеров Китая относиться с подозрением к любым предложениям иностранных государств использовать территорию Китая в каких бы то ни было целях. XX съезд КПСС формально осудил практику «смешанных обществ», и они были ликвидированы. Однако, подобно Сталину, его преемники оказались психологически неподготовленными к пониманию образа мыслей китайских лидеров. Так, китайские лидеры были оскорблены заявлением министра обороны СССР и члена Президиума ЦК КПСС маршала Жукова, что в случае нападения империалистов на одну из социалистических стран СССР немедленно придет на помощь этой стране. Они заявили, что Китай не стал бы просить СССР о помощи.¹⁷⁵

Предложение Хрущева Мао Цзедуну в 1959 году предоставить Советскому Союзу базу для заправки и ремонта его подводных лодок и строительства радиостанции было с негодованием отвергнуто, как и предложение предоставить Китаю аналогичные преимущества в Мурманске. Мао многозначительно напомнил Хрущеву, что в течение своей истории китайцы не раз ассимилировали завоевателей, которые к ним приходили...¹⁷⁶

Осуждение в СССР культа Сталина вызвало в Китае сначала скрытое, а затем и открытое недовольство. В Китае был свой собственный «культ» — Мао Цзедун. Иначе и быть не могло, ибо «культ личности» или вождизм является непременной принадлежностью любого тоталитарного режима, будь то социалистический Советский Союз, гитлеровская Германия, маоистский Китай или энверходжевская Албания. К этому времени высказывания Мао, его выступления и статьи были объявлены азиатской формой марксизма-ленинизма.¹⁷⁷ Пока был жив Сталин, Мао как бы оставался в тени. Теперь он стал «величайшим теоретиком» эпохи. Как гласит русская пословица: «Свято место пусто не бывает». Маоистов беспокоило не столько развенчание Сталина, сколько последствия этого для Китая и международного коммунистического движения, на руководство которым КПК претендовало наряду

с КПСС. Практическая, а не чисто словесная позиция китайского руководства ярко проявилась в 1956 и 1957 годах, когда КПК поддержала кровавое подавление венгерской революции советскими войсками, а в 1958 году оказалась единственной коммунистической партией в мире, открыто приветствовавшей казнь Имре Нада.¹⁷⁸

Советско-китайские отношения были осложнены общностью идеологии. Взаимные обвинения в уклонении от «истинного» учения — марксизма-ленинизма, а также в ревизионизме, догматизме, левом фразерстве, правом оппортунизме, авантюризме, стремлении к гегемонии, подрывной деятельности, троцкизме, прислужничестве перед американским империализмом, в национализме, капитуляции перед буржуазией, крестьянской идеологии и так далее и тому подобное стали на многие годы как бы фоном советско-китайских отношений и международного коммунистического движения.

Общая идеология рождала претензии на исключительную правоту той или другой стороны, что на деле было оборотной стороной претензии на гегемонию. Политика Китая и СССР, или, вернее, КПСС и КПК по отношению друг к другу отличалась поразительной негибкостью, подозрительностью и враждой, перед которыми отношения тех же стран со странами капиталистического мира представляются идиллическими.

Выступая против линии КПСС, что война перестала быть фатальной неизбежностью, Мао Цзедун не только предрекал всемирную атомную войну, но приветствовал ее как возможность «покончить с империализмом». Он развивал, например, такую мысль в беседе с министром иностранных дел Громыко в 1958 году: в будущей войне Китай, возможно, потеряет 300 млн. человек, но когда запас атомных и водородных бомб будет исчерпан, Китай при помощи обычного оружия ликвидирует остатки капитализма и утвердит социализм во всем мире.¹⁷⁹ В другой беседе Мао Цзедун, назвав атомную бомбу «бумажным тигром», говорил, что даже если в будущей войне погибнет треть человечества (т. е. 900 млн.) или даже половина (1.350 млн.), то другая половина выживет, империализм будет сметен, повсюду воцарится социализм. Через 50-100 лет человечество вырастет вновь больше чем на половину.¹⁸⁰ В одном из сборников, опубликованных в Китае в 1960 году, говорилось: «Победившие народы крайне быстрыми темпами создадут на развалинах погибшего империализма в тысячу

раз более высокую цивилизацию, чем при капиталистическом строе, построят свое подлинно прекрасное будущее».¹⁸¹

Откровения Мао Цзедунa имели прямо противоположный эффект тому, на что он рассчитывал: подавляющее большинство коммунистических партий поддержали советский тезис об отсутствии фатальной неизбежности войн. Хотя КПСС во многих своих публичных заявлениях и декларациях признавала право каждой страны самой определять свой путь к социализму, на деле советские руководители вели открытую и закулисную борьбу против любых попыток коммунистических партий или стран социалистического типа вести свою, не согласованную или не одобренную Москвой политику. При этом Советский Союз не собирался заниматься филантропией. За все, что он делал для своих «младших братьев», он требовал уплаты в том или ином виде. В начале 1961 года Китай обратился к СССР с просьбой помочь ему хлебом, так как из-за неурожая сложилось тяжелое продовольственное положение. СССР дал Китаю займы 500 тыс. тонн сахара, полученного из Кубы. Китайцам ничего другого не оставалось, как закупить 6 млн. тонн пшеницы на мировом капиталистическом рынке.¹⁸² Впрочем, у Советского Союза не было запасов хлеба и для того, чтобы прокормить население собственной страны. Спустя два года СССР вынужден был закупить на Западе 13 млн. тонн зерна.

В 1958—1960 годах и особенно в связи с войной во Вьетнаме Китай усилил поддержку революционных движений на азиатском материке, стараясь подчинить эти движения и использовать их для распространения влияния Китая. Началось столкновение интересов с СССР. Борьба за гегемонию между СССР и Китаем распространилась затем на Африку и на бассейн Индийского океана.

Советско-китайские отношения обострились к 1960 году настолько, что на Бухарестском совещании коммунистических партий произошел резкий обмен репликами между Хрущевым и китайским представителем.

На самом деле идеологические разногласия между КПСС и КПК как бы камуфлировали противоречия в интересах Советского Союза и Китая.

К моменту обострения отношений, к концу 50-х—началу 60-х годов, Китай далеко отставал от Советского Союза в экономическом развитии, в технологии и, наконец, в приоб-

шенности к современному миру. СССР и США были супердержавами. Китай стремился ликвидировать как можно скорее образовавшийся разрыв в уровне развития. Отсюда простекала китайская политика «большого скачка» внутри страны и агрессивная политика во вне, стремление во что бы то ни стало получить в свое распоряжение атомную, а затем и водородную бомбу, что в наше время считается как бы визитной карточкой великой державы.

Одно время Мао Цзедун надеялся получить атомное оружие от Советского Союза. Не исключено, что в какой-то момент он получил от послесталинского советского руководства нечто вроде полуобещания. Во всяком случае при консультации Советского Союза и при его помощи в период 1957—1959 годов в Китае был построен атомный реактор мощностью в 5 тыс. квт. Позднее китайские инженеры усовершенствовали его и довели мощность до 10 тыс. квт.¹⁸³ Китайские ученые работали в Институте атомной энергии в Дубне вплоть до июня 1965 года.¹⁸⁴

Стремление Китая стать обладателем атомной бомбы противоречило интересам СССР, а также и Соединенных Штатов, стремившихся ограничить доступ в «атомный клуб». Основания для этого были достаточно веские: чем больше атомных держав на свете, тем больше опасность атомной войны, тем труднее сохранить мир, добиться соглашений об ограничении вооружений. СССР стремился также к ограничению вооружений, поскольку дальнейшая гонка атомных вооружений накладывалась тяжелым бременем на его экономику. Для Китая же заключение любого договора об ограничении ядерного вооружения означало удержание его в рамках второстепенной державы в момент, когда впервые за многие столетия Китай выступил на мировой арене как консолидированное единое государство.

Советский Союз вовсе не желал иметь своим соседом сильный Китай с его быстро растущим населением, насчитывавшим в конце 50-х годов 700 миллионов человек.

Неблагоприятным моментом для советско-китайских отношений в исторический период становления объединенного китайского государства было наличие общей границы протяженностью в 5 тысяч миль. Любое обострение отношений неизбежно должно было вызвать напряжение на границе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Проблема границы была использована Китаем в его конфликте с СССР. Китай обвинял Советский Союз в империалистической политике, выражающейся, в частности, в том, что СССР придерживается неравноправных договоров, навязанных царской Россией Китаю в период его раздробленности и слабости. Китай предлагал, сохраняя пока статус-кво на границе, вести переговоры о ее пересмотре.¹⁸⁵ Полемика о границе носила с обеих сторон достаточно казуистический характер. СССР, соглашаясь с китайским тезисом о неравноправных договорах,¹⁸⁶ в то же время указывал, что и китайские императоры присоединяли к своей территории земли более слабых соседей. Поэтому лучше всего сохранять исторически сложившиеся границы, не создавать новых источников недоразумений и конфликтов без надежды разрешить территориальные проблемы. Эта разумная точка зрения сопровождалась, однако, демагогическими рассуждениями о том, что как в Китае так и в Советском Союзе у власти находится рабочий класс и «общей целью является строительство коммунизма». При коммунизме же государственные границы теряют свое бывшее значение...¹⁸⁷ Логически это означало, что Советский Союз предлагает отложить разговор о границах до пришествия коммунизма. Но китайская сторона не была удовлетворена такой постановкой дела; советские лидеры не могли назвать точной даты наступления светлого будущего всего человечества... В середине 60-х годов на советско-китайской границе начались кровавые столкновения. Поползли слухи о неминуемой войне с Китаем. В советских высших кругах не исключали возможности превентивной войны против Китая.¹⁸⁸

Вот что говорит по этому поводу Хрущев: «Позднее китайская печать по указанию Мао выступила с претензиями, что Владивосток находился на китайской территории. Это верно: был случай в истории, когда китайцы управляли этой частью Сибири до того, как наши цари распространили свою власть на эту территорию. Мы согласились вести переговоры с китайцами относительно наших границ (разр. наша — авт.). Они послали нам свою версию как это должно выглядеть на карте. Мы лишь взглянули на карту и были настолько возмущены, что отбросили ее с отвращением».¹⁸⁹

Но не только проблема границы и ядерного оружия беспокоила советское руководство. Китай находился в конце 50-х и в начале 60-х годов в той стадии развития, когда сначала подстрекаемые и направляемые лидерами, а затем действующие уже стихийно массы начали так называемую культурную революцию, то есть погром интеллигенции и всех умеренных элементов, объявляя войну бюрократии и распространяя идеологию уравнилства. Но не только идеологию. В Китае повсеместно начали создаваться на сугубо уравнилтельных началах крестьянские коммуны. На приграничных советских территориях и даже в Сибири появилась китайская литература о борьбе с бюрократизмом и о социальном и имущественном равенстве. Получив сообщение об этом, глава партии и государства Хрущев был встревожен. Он заявил членам Президиума ЦК КПСС: «Это надо немедленно приостановить. Лозунги реформ в Китае очень соблазнительны. Вы ошибаетесь, если думаете, что семена этих идей не падут на благоприятную почву в нашей стране».¹⁹⁰

Хрущев не ошибался. По всей огромной территории советской страны шло брожение.

Несмотря на грозное бряцанье оружием и возникавшие время от времени кризисы во взаимоотношениях с западными державами, внешняя политика Хрущева в целом была ориентирована на расширение контактов и сотрудничества с западными государствами и, прежде всего, с Соединенными Штатами Америки. Для Хрущева, обуреваемого идеей сравняться с Соединенными Штатами во всем, начиная от производства мяса и кукурузы до передовой технологии, курс на сосуществование с Западом не был лишь пустой фразой. Но, страдая своеобразным марксистско-сталинским комплексом неполноценности, он стремился всегда и повсюду быть пропагандистом социализма, постоянно доказывать превосходство СССР над капиталистическим миром и, что еще хуже, при каждом удобном случае предрекать неминуемую гибель капитализма. В 1959 году Хрущев совершил с большим шумом и пропагандистским эффектом турне по Америке по приглашению президента Эйзенхауэра,¹⁹¹ но вызвал бурю негодования на одном из дипломатических приемов незадолго до поездки своим заявлением «мы вас похороним»¹⁹² (т. е. Советский Союз похоронит капитализм).

Находясь в США, Хрущев условился с президентом Эйзен-

хауэром о встрече глав правительств на верхах в следующем, 1960 году, для обсуждения германской проблемы и других вопросов. Хрушев добивался признания западными державами ГДР.

Предстоящая встреча Хрущева и Эйзенхауэра была встречена в Китае с опасением и недовольством. Мао Цзедун боялся, что Хрушев заключит за его спиной сделку с Эйзенхауэром относительно «двух Китаев». ¹⁹³ Мао с большим подозрением относился к самой идее советско-американского соглашения по вопросу об атомном оружии. Ведь СССР не захотел поделиться с Китаем атомными секретами.

Китай опасался, что советско-американская сделка относительно атомного оружия сделает супердержавы как бы верховным арбитрами над остальным миром. Незадолго до встречи Хрущева и Эйзенхауэра в Париже, китайцы заявили, что они не будут связаны соглашением о разоружении, в котором бы Китай не принимал формального участия. ¹⁹⁴ Полезность совещания с Эйзенхауэром становилась проблематичной. Оставалось найти предлог, чтобы от него отказаться. Как раз незадолго до встречи в Париже американский разведывательный самолет У-2 был приземлен советской авиацией. В официальном советском заявлении говорилось, что самолет был сбит, но не сообщалось, что летчик находится в советских руках. Только после того, как было опубликовано официальное довольно путанное американское объяснение, Хрушев выступил с разоблачительным заявлением и сообщил, что летчик, капитан Пауэрс, находится в руках советских властей. Хрушев возложил ответственность за разведывательные полеты над территорией СССР на президента США. Он надеялся, вероятно, что президент, шокированный такими разоблачениями, будет более уступчив к требованиям СССР в германском вопросе. Прибыв в Париж, Хрушев разыграл сцену негодования, потребовал извинения Эйзенхауэра и заявил, что не вернется на совещание до тех пор, пока президент не принесет извинений. Президент не извинился, и встреча на верхах была сорвана. Таким образом Хрушев фактически капитулировал перед китайскими руководителями. Но в то же время ему пришлось отказаться и от обсуждения германской проблемы.

Последние годы пребывания Хрущева у власти не привели ни к каким позитивным сдвигам в отношениях между СССР и США. Хрушев обладал удивительной способностью быстро

утрачивать преимущества, завоеванные в борьбе на международной арене. Вместо спокойной взвешенной дипломатии он предпочитал тактику «бури и натиска», рассчитывая на испуг и растерянность своих партнеров-противников. Неудачи заставляли его, однако, не пересматривать тактику, а наоборот, доводить ее до абсурда.

Объективно главной целью внешней политики Хрущева было установление равновесия сил с Соединенными Штатами Америки и ликвидация точек напряженности в отношениях между двумя супердержавами (Западный Берлин, Куба, гонка термоядерных вооружений) на выгодных для СССР условиях путем... полного элиминирования там прав или влияния западных держав. В то время Хрущев, впрочем, как и все другие советские лидеры, был готов использовать благоприятный для Советского Союза политический момент для того, чтобы потеснить «капитализм» в его собственной сфере.

К чему приводило нетерпение Хрущева в международных делах видно из следующих фактов:

Осенью 1960 года во время кризиса вокруг Конго Хрущев прибыл в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи. Он использовал свое пребывание там для того, чтобы поставить под сомнение эффективность ООН и подорвать престиж Организации. Интересно, что ни одно из его предложений не было поддержано представителями афро-азиатских государств, на которых он рассчитывал. Он не получил поддержки ни в осуждении генерального секретаря ООН Дага Хаммершельда, ни в предложении учредить «тройку» вместо поста одного Генерального секретаря. Не был он поддержан и в демонстративно антиамериканском предложении перенести штаб-квартиру ООН в Европу. Свое деланное возмущение Хрущев излил тем, что во время выступления британского премьер-министра Макмиллана снял башмак и начал стучать им о пюпитр на потеху делегатов и журналистов.¹⁹⁵

По предложению нового президента США Джона Ф. Кеннеди в июне 1961 года Хрущев встретился с ним в Вене. Хрущев принял примирительные попытки Кеннеди за слабость, выставил требования удаления западных держав из Западного Берлина, повторил требование об учреждении «тройки» в ООН. Из встречи, естественно, ничего не получилось. Тогда Советский Союз начал нагнетать напряженность вокруг Берлина, которая окончилась в конце концов не капитуляцией

США и других западных держав, как надеялся Хрущев, а поражением СССР и строительством Берлинской Стены. Вскоре Советский Союз произвел испытание термоядерной бомбы в воздухе.

Убедившись, что «горлом» взять США не удастся, а союзники США в Европе также остаются в общем хладнокровными, Хрущев решил изменить тактику.

Изменение тактики было связано с обострением китайско-советских отношений, открыто проявившемся во время заседаний XXII съезда КПСС. Хотя и не высказанный, но страх перед приобретением Китаем термоядерного оружия доминировал над политикой Хрущева.

Поэтому в своей политике он стремился достичь соглашения с США о нераспространении атомного оружия, об испытаниях и прочем.

Известный американский историк проф. Адам Улам полагает, что это стремление было в основе кубинского ракетного кризиса, возникшего осенью 1962 года.¹⁹⁶

7. Ракеты на Кубе

В январе 1959 года на Кубе было свергнуто правительство диктатора Батисты и установлена власть революционного правительства во главе с руководителем антибатистовского восстания Фиделем Кастро Рус. Отношения между Кубой и находившимися от нее всего в 180 милях Соединенными Штатами Америки резко обострились. Соединенные Штаты арендовали на Кубе военную базу — Гуэнтенамо. Кубинские власти несколько раз пытались заблокировать базу, чтобы вынудить американцев оставить ее.

На территории США, во Флориде, создались группы кубинских эмигрантов, которые производили рейды на территорию Кубы при поддержке специальных американских служб. Обострение политических отношений между Кубой и США привело к почти полному прекращению в 1960 году импорта кубинского сахара в США, от которого зависела экономика Кубы. 2 января 1961 года США разорвали дипломатические и консульские отношения с Кубой.¹⁹⁷

17 апреля 1961 года кубинские эмигранты предприняли ши-

рокую десантную операцию в бухте Кочинос на южном берегу Кубы в районе Плайя-Ларго и Плайя-Хирон.

На Кубе была объявлена всеобщая мобилизация. В течение 72 часов непрерывных боев десант был разгромлен. Было захвачено много пленных, кубинцев, бежавших в свое время с Кубы и значительное количество оружия американского происхождения.¹⁹⁸

Обострение американо-кубинских отношений привело к быстрому развитию советско-кубинских отношений. В первое время было далеко не все ясно и не все гладко из-за неопределенности идеологической позиции Фиделя Кастро и его натянутых отношений с лидерами коммунистической партии Кубы. Постепенно конфликт был урегулирован: лидер компартии был политически элиминирован и Кастро стал первым секретарем Национального руководства Объединенных революционных организаций.¹⁹⁹

Теперь, когда произошло идеологическое сближение между Кастро и КПСС, советское руководство предприняло энергичные меры для усиления влияния СССР на Кубе и использования ее территории для создания предмостного укрепления СССР в Западном полушарии. Для советского руководства такая перспектива была слишком заманчива, чтобы от нее отказаться.

Соединенные Штаты Америки своей неуклюжей политикой изоляции Кубы, создания вокруг нее экономического и политического вакуума, военной поддержкой кубинских эмигрантов немало способствовали успеху политики Советского Союза.

В течение 1961 и 1962 годов Советский Союз провел на Кубе серию мероприятий, которые должны были проложить дорогу к заключению военных соглашений. Среди них — присуждение Фиделю Кастро Ленинской премии «За укрепление мира между народами», посещение Юрием Гагариным Кубы в июле 1961 года, обмен правительственными делегациями и подписание ряда соглашений об экономическом сотрудничестве.

С момента избрания Кастро первым секретарем Национального руководства Объединенных революционных организаций — 22 марта 1962 года — наступил новый этап в советско-кубинских отношениях. В июле-августе 1962 года в Москве велись переговоры о поставках советского оружия Кубе, 27 августа в Москве было подписано соответствующее соглашение.²⁰⁰

С конца июля 1962 года значительно увеличились советские поставки вооружения Кубе. Из 37 советских торговых судов, прибывших на Кубу в августе 1962 года, 20 были гружены оружием.

Всего же с конца июля и до середины октября на Кубу прибыло до 100 советских кораблей, доставивших вооружение. Разгрузка кораблей производилась в обстановке строгой секретности по ночам. Тем не менее американской разведке удалось установить, что среди доставленного вооружения были 42 ракетно-баллистических установки среднего радиуса действия — МРБМ с; 12 ракетно-баллистических установок промежуточного типа; 42 бомбардировщика-истребителя типа ИЛ-28; 144 зенитные установки типа земля-воздух (САМ), вооруженные четырьмя ракетами каждая; 42 истребителя МИГ-21; ракеты других типов, вооруженные ракетами патрульные суда. Кроме того, прибыло 22 тысячи советских военнослужащих.²⁰¹ В течение сентября Советский Союз несколько раз заверял правительство Соединенных Штатов, что в намерение Советского Союза отнюдь не входит создание угрозы США на Кубе и что ни при каких обстоятельствах наступательные ракеты типа земля-земля не будут туда посланы.²⁰²

15 октября американский разведывательный самолет У-2, совершавший регулярные полеты над Кубой, доставил фотографии, полностью опровергавшие советские заверения. Они, по словам министра юстиции США Роберта Кеннеди, оказались «гигантской ложью».²⁰³

На фотографиях были явственно видны советские ракеты с атомными боеголовками типа земля-земля, то есть предназначенные для нападения. Эти ракеты были установлены в районе Сен Кристобаль, в 50 милях юго-западнее Гаванны.²⁰⁴ Радиус действия этих ракет был 1000 миль, то есть ими можно было обстреливать внутренние районы Соединенных Штатов Америки.

Это открытие было полной неожиданностью для американского правительства.²⁰⁵

Дальнейшее исследование фотографий и произведенные расчеты американских экспертов показали, что на Кубе размещена почти половина ракет типа ИСВМ, имевшихся в то время в СССР.²⁰⁶ Было обнаружено, что ракеты нацелены на определенные американские города и что в течение нескольких минут после открытия огня ракетами погибли бы 80 миллио-

нов американцев.²⁰⁷ Это же позднее подтвердил также и Хрущев.²⁰⁸

Мнения о том, что предпринять, резко разделились. Члены Объединенного Совета начальников штабов настаивали на немедленной военной акции. Другие предлагали ограничиться блокадой Кубы, как мерой предупреждения. Кеннеди был в нерешимости, опасаясь, что события на Кубе немедленно найдут отзвук в ситуации вокруг Берлина и могут вызвать всемирный кризис.²⁰⁹

Планируя установку ракет на Кубе, советское руководство исходило из того, что угроза атомной войны непосредственно у территории США удержит последние от попыток свержения режима Кастро. Советское руководство, утверждал позднее Хрущев, хотело не только «сохранить существование Кубы как социалистического государства», но и «как наглядный пример для остальных стран Латинской Америки».²¹⁰ С этим Хрущев связывал престиж Советского Союза. Если Куба падет, другие латиноамериканские страны отвергнут СССР. Поэтому советское руководство (Хрущев несколько раз подчеркивал, что все решения в отношении Кубы принимались коллективно в сем руководством) и с к а л о (разр. наша. — Авт.) конфронтации с США. Оно решило сделать это путем тайного установления ракет на Кубе, нацеленных на США. Хрущев полагал, что когда США узнают об этом, то еще дважды подумают, прежде чем ударить по ракетным установкам. «Если бы даже четверть или пусть одна десятая наших ракет пережила бы нападение, даже если бы одна или две только остались — мы могли бы все же ударить по Нью-Йорку, и вряд ли многое уцелело бы от Нью-Йорка...», — отметил Хрущев.²¹¹ Снова и снова он повторяет в своих мемуарах: «Мы не успели доставить оборудование полностью, но мы уже установили достаточно ракет, чтобы уничтожить Нью-Йорк, Чикаго и другие огромные индустриальные города, не говоря уже о такой маленькой деревне, как Вашингтон. Я не думаю, что американцы когда-нибудь сталкивались со столь реальной (разр. наша — авт.) угрозой уничтожения, как в тот момент».²¹²

Можно поверить Хрущеву, когда он пишет, что советское правительство хотело лишь изменить баланс сил в мире, поставив США перед непосредственной угрозой стать жертвой атомного нападения. Но во всем этом плане преобладал авантюризм, ибо весь план был построен на двух сомнительных

предположениях: во-первых, что удастся удержать в секрете установление советских ракет на Кубе, во-вторых, что США испугаются перспективы войны и пойдут на уступки. Однако не удалось ни сохранить дело в секрете, ни запугать США. Наоборот, Советский Союз сам очутился внезапно перед угрозой собственного уничтожения.

Советское правительство до и во время тринадцатидневного кубинского кризиса старалось ввести в заблуждение американское правительство относительно своих действительных намерений.

Так 18 октября 1962 года советский министр иностранных дел Громыко по поручению Хрущева заверил президента Кеннеди, что единственная помощь, которая оказывается Советским Союзом Кубе — это помощь в области сельского хозяйства и освоения земель плюс поставки незначительного количества оборонительного оружия. Громыко подчеркнул, что Советский Союз никогда бы не стал снабжать Кубу наступательным оружием.²¹³

Громыко не знал, однако, что президент США уже располагает неопровержимыми доказательствами установления советских наступательных ракет на Кубе. Беседа с Громыко еще раз подтверждала, что советское правительство сознательно вводит в заблуждение правительство США. 22 октября Кеннеди выступил по телевидению с обращением к американскому народу, в котором, обрисовав сложившуюся обстановку и назвав заверения Громыко ложью, предупредил, что США не потерпят заведомого введения их в заблуждение. Так же отнесутся они и к угрозе нападения «со стороны любой нации, большой или малой».²¹⁴

Президент объявил карантин в кубинских водах в качестве предварительной меры и отдал приказ о досмотре судов, направляющихся на Кубу. Кеннеди предупредил также, что любая ракета, выпущенная с территории Кубы против любой нации в Западном полушарии, будет рассматриваться как нападение Советского Союза на Соединенные Штаты Америки и вызовет немедленную акцию возмездия. Перечислив ряд других мер военного и дипломатического характера, президент США призвал Хрущева прекратить наращивать провокационную угрозу миру, отказаться от курса на завоевание мирового господства и искать мирного разрешения кризиса. Он преду-

предил советское правительство об опасности новых попыток прекратить доступ к Западному Берлину.²¹⁵

Приказ Кеннеди о контроле над доставкой оружия на Кубу вошел в силу 24 октября.²¹⁶

Советские суда с вооружением продолжали путь на Кубу. На самой Кубе продолжался монтаж советских ракетных установок.²¹⁷

Президент Кеннеди вел дело очень осторожно и искусно. Первый досмотр был проведен на не-советском судне, для того чтобы продемонстрировать Советскому Союзу, что меры по досмотру будут проводиться, но в то же время давая советским руководителям возможность еще раз поразмыслить над последствиями открытой конфронтации. Одновременно США обратились в ООН.²¹⁸

Брат президента, Роберт Кеннеди, несколько раз встречался с послом Добрыниным, стараясь объяснить ему, что действия СССР ставят мир на грань войны. Вероятно, Добрынин не был полностью осведомлен о планах советского правительства и не исключено, что его также вводили в заблуждение.

26 октября Хрущев послал президенту Кеннеди длинное письмо, в котором настаивал на заверениях со стороны США, что они не нападут на Кубу. Однако в письме Хрущева не было обязательства демонтировать советские установки земля-земля. В тот же день американский корреспондент телевидения Джон Скали был приглашен на неофициальную беседу сотрудником советского посольства в Вашингтоне А. Фоминым, который сообщил, что ракеты будут удалены, если США дадут обязательства не нападать на Кубу.

Однако, на следующий день, 27 октября, из Москвы пришло второе письмо, подписанное Хрущевым, которое решительно отличалось от первого, полученного 26 октября. В нем довольно резко говорилось, что Советский Союз уберет ракеты с Кубы, если США уберут ракеты из Турции. Советский Союз даст обязательства не вмешиваться во внутренние дела Турции и не нападать на нее, а США примут аналогичное обязательство в отношении Кубы.²¹⁹

Между тем положение осложнилось, так как над Кубой советской ракетой был сбит американский разведывательный самолет У-2, пилот погиб. Военные использовали это, чтобы потребовать немедленного нанесения ответного удара. Мир подошел к грани войны, как никогда прежде.

Президент решил игнорировать второе, более резкое письмо Хрущева и ответить на первое, от 26 октября.

В ответе Кеннеди от 27 октября, составленном в примирительном тоне, говорилось о желании США договориться о постоянном разрешении кубинской проблемы. США готовы дать гарантию, что они не собираются нападать на Кубу. Со своей стороны, Советский Союз должен немедленно прекратить всякие попытки создания стартовых ракетных установок на Кубе, предназначенных для нападения.²⁰⁰

Роберт Кеннеди дал затем необходимые разъяснения советскому послу Добрынину: президент Кеннеди не желает военного конфликта и сделает все возможное, чтобы избежать военного столкновения с Кубой и с Советским Союзом. Но они вынуждают его к этому.

«Советский Союз, — продолжал Р. Кеннеди, — тайно установил ракеты на Кубе, заявляя в то же время частным образом и публично, что это никогда не будет сделано. Мы должны к завтрашнему дню иметь доказательства, что эти установки будут удалены. Это не объявление ультиматума, а заявление о происходящем. Посол должен понять, что если они не ликвидируют эти установки, то мы сделаем это сами. Президент Кеннеди питает огромное уважение к стране посла и к мужеству его народа. Может быть, его страна почувствует необходимость предпринять акцию возмездия; но прежде, чем это произойдет, будут не только мертвые американцы, но также и мертвые русские».²²⁰

На следующий день, 28 октября, пришло сообщение из Москвы, что Хрущев согласился на демонтаж ракетных установок и вывоз их под наблюдением и инспекцией.²²¹

...Таким образом кризис вокруг Кубы разрешился мирно. Но могла произойти и катастрофа.

Об этом пишут, например, авторы советской «Истории внешней политики ССР»: «Кризис, равного которому по остроте не было во все послевоенные годы, который поставил человечество вплотную перед угрозой всемирной термоядерной катастрофы...»²²¹

Ответственность за это они возлагают, разумеется, на правительство США.

Оно действительно несет ответственность, но за... предотвращение войны. Надо, однако, отдать справедливость Хрущеву — поставив мир на грань катастрофы, он оказался в

конце концов достаточно рассудительным, чтобы схватить протянутую ему президентом Кеннеди руку помощи и тем самым помочь спасти мир, который чуть было не был сброшен в бездну из-за его и «коллективного руководства» авантюризма.

Вывоз советских ракет с Кубы вызвал на некоторое время охлаждение в советско-кубинских отношениях, так как Кастро надеялся на использование ракет в качестве «большой дубинки» против США и для поддержки революционного движения в Латинской Америке.

Спустя год после кубинского кризиса, 5 августа 1963 года, после долгих и нелегких переговоров в Москве был подписан «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой» между правительствами СССР, США и Великобритании. 10 октября того же года Московский договор вступил в силу. Позднее договор был подписан более 100 государствами, но среди них не было Китая.²²³ Китай опубликовал в июле-сентябре 1963 года ряд заявлений, осуждающих договор, как сделку империалистов.²²⁴

8. У истоков духовного возрождения

Мы уже писали о том, что война вынудила Сталина воззвать для спасения своего режима к русскому патриотизму. Призыв к патриотизму, к подвигу, к жертвенности был вместе с тем обращен к угасшему было чувству индивидуальной ответственности, ответственности не перед партией, не перед государством или «народом», а перед собственной совестью.

Это в свою очередь вело к пробуждению коллективной исторической памяти, исковерканной и подавленной режимом. Подобно тому, как «Краткий курс истории ВКП(б)» должен был заменить подлинную историю страны и ее народов, советский патриотизм должен был стать версией исторической памяти.

Чувство гражданской ответственности за судьбу своей страны привело к победам под Сталинградом, Курском и Берлином и к частичному восстановлению коллективной памяти народа.

К концу войны военные трибуналы судили солдат не за самострелы, попытку дезертировать или покинуть поле боя,

а за неосторожное, вслух высказанное сравнение жизни в СССР с жизнью в странах, в которых им довелось побывать, за робко высказанную надежду на улучшение жизни (приравнивалось к антисоветской пропаганде) и, наконец, за попытки ухода на Запад. Новая грандиозная чистка, планировавшаяся Сталиным накануне его смерти, была призвана «подчистить корешки», то есть убрать тех, случайно уцелевших из поколений 20-х и 30-х годов, кто еще сохранил обрывки исторической памяти и был потому потенциально опасным для режима. Начатая было чистка: «ленинградское дело», «мингрельское дело», дело «врачей-отравителей» — не разрослась в новое всесоюзное побоище только потому, что Сталин умер.

Смерть Сталина, устранение Берия и реорганизация органов государственной безопасности, первые освобождения политических заключенных и амнистии для некоторых категорий создали благоприятную атмосферу для восстановления более или менее правильного представления о событиях прошлого.

Стремление переосмыслить историю СССР привело буквально через год после смерти Сталина к появлению таких произведений, как статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе»,²²⁵ «Оттепель» Ильи Эренбурга,²²⁶ «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева,²²⁷ пьесы турецкого поэта-революционера Назыма Хикмета «А был ли Иван Иванович?»,²²⁸ статей о Февральской и Октябрьской революциях Э. Бурджалова и других авторов в журнале «Вопросы истории».²²⁹

Сталинисты, сидевшие во всех звеньях партийного и государственного аппарата, присмирившие после XX съезда и воспрянувшие духом после подавления восстания в Венгрии, использовали каждый повод, чтобы воспрепятствовать развитию более человеческих, более либеральных идей в советском обществе.

* * *

В 1958 году мир стал свидетелем расправы, учиненной над поэтом Борисом Леонидовичем Пастернаком. На протяжении своей жизни Борис Пастернак не единожды подвергался осуждению и травле по разным поводам. В 1955 году он написал роман «Доктор Живаго», книгу о судьбе русской интеллиген-

ции и о революции в России. Роман был передан летом 1956 года нескольким редакциям московских журналов и издательств, а один экземпляр итальянскому издательству прокоммунистического толка Фельтринелли.

После венгерских событий политический климат в СССР значительно посуровел. Руководители Союза советских писателей вели дело к тому, чтобы роман Пастернака не печатать. Пастернака принудили послать телеграмму итальянскому издателю с просьбой вернуть роман для переработки. Все же в ноябре 1957 года «Доктор Живаго» вышел в Италии на двух языках: итальянском и русском. В течение ближайших двух лет роман был переведен на 24 языка.²³⁰ Опубликование «Доктора Живаго» за рубежом, хотя и не составляло никакого официального преступления, было расценено как вызов неписанным канонам советской жизни. Травля писателя возобновилась. В ней приняли участие все «корифеи» советской литературы — К. Федин, К. Симонов, С. С. Смирнов, А. Сурков, В. Катаев и многие другие.

23 октября 1958 года Пастернаку была присуждена Нобелевская премия по литературе.

После этого кампания против Пастернака приняла совершенно разнузданный характер. Против него объединились руководители Союза писателей, комсомола, партийные чиновники на разных уровнях. В Литературном институте им. Горького студенты начали готовить демонстрацию (конечно, по указанию властей) с требованиями выслать Пастернака за границу.²³¹ Впрочем, демонстрацию из студентов удалось организовать с большим трудом. Из 300 студентов Литературного института в ней приняли участие под большим нажимом всего несколько десятков человек. Демонстранты направились к Дому литераторов с плакатами «Иуда — вон из СССР» и карикатурой: Борис Пастернак скрюченными пальцами тянется к мешку с долларами. Но студенты были лишь марионетками, которыми манипулировали «сверху».

В кампанию немедленно включилась вся советская пресса. Секретарь ЦК ВЛКСМ Семичастный (будущий председатель КГБ, который в 1964 году предаст Хрущева), выступая перед 14-тысячной аудиторией на стадионе в Лужниках, обрушился на поэта с площадной бранью и потребовал высылки Пастернака за границу. Среди присутствующих были Хрущев и другие партийные боссы.

27 октября писатели собрались для осуждения Пастернака. Председательствовал и задавал тон собранию С. С. Смирнов, известный советскому читателю по книге «Брестская крепость». Писатели вели себя неслыханно гнусно.²³² Они просили правительство о лишении Пастернака гражданства.²³³

Затравленный Пастернак, страшаясь высылки за границу, сначала отказался от Нобелевской премии, а затем обратился с письмом к Н. С. Хрущеву, прося не высылать его.²³⁴ Но и после его обращения к Хрущеву травля продолжалась. «Гнев народа», организованный партией, выглядел глупо и беспомощно: ведь никто «Доктора Живаго» даже не читал! Впрочем, последнее обстоятельство вообще не имело никакого значения. Кое-что, однако, изменилось со времени смерти Сталина. В то время, когда советская печать и собратья-писатели забрасывали поэта грязью, Пастернак получал немало писем сочувствия и поддержки: в СССР зарождалось общественное мнение.

Пастернака все же принудили к покаянному письму в «Правду». Письмо это содержало довольно любопытные строки: «...выходит, будто я поддерживаю в романе следующие ошибочные положения. Я как бы утверждаю, что всякая революция есть явление исторически незаконное, что одним из таких беззаконий является Октябрьская революция, что она принесла России несчастья и привела к гибели русскую преемственную интеллигенцию».²³⁵

Хотя Пастернак и назвал эти положения ошибочными, вероятно не один читатель «Правды», прочтя эти строки, задумался над ними...

Позднее Пастернак написал стихотворение о Нобелевской премии. В нем были такие строки:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то воля, люди, свет
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.

.....

Что ж посмел я намаракать,
Пакостник я и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

.....²³⁶

Пастернак недолго прожил на свете после перенесенного им потрясения. Если правда, что рак — болезнь печали, то поэт умер от нее. Это случилось 30 мая 1960 года. На похороны Пастернака в Переделкино под Москвой собрались сотни людей. Они пришли проститься с поэтом-страдальцем, замученным властью.²³⁷

История с Борисом Пастернаком показала, что советский режим, возвращенный к «ленинским нормам», так же свиреп и бездарен, каким он был при Сталине. Но теперь его ярость стала более целеустремленной. Он бил с выбором.

*
*
*

Дело Пастернака был встречено либеральными кругами в СССР и на Западе с негодованием. Письма сочувствия Пастернаку свидетельствовали об этом.

Впервые за долгие годы диктатуры в Советском Союзе начало зарождаться общественное мнение. Немалую роль в этом сыграли возвратившиеся из лагерей политические заключенные. Некоторые приняли самое активное участие в борьбе за демократизацию общества.

Одним из них был Алексей Владимирович Снегов, в прошлом партийный работник, отсидевший в лагерях 17 лет. Чудом уцелевший Снегов был освобожден вскоре после смерти Сталина и благодаря поддержке А. И. Микояна назначен заместителем начальника политотдела ГУЛАГ. Не в малой степени благодаря его энергии произошло довольно быстрое освобождение политических заключенных, их реабилитация и возвращение в жизнь. Снегов принял также активное участие в дискуссиях по истории партии, происходивших в те годы. После отставки Хрущева Снегов продолжал борьбу за восстановление исторической правды. Его выступление в Институте марксизма-ленинизма в феврале 1967 года при обсуждении книги историка А. М. Некрича «1941, 22 июня» послужило основанием для официального обвинения в антипартийной деятельности, которое привело к исключению Снегова из КПСС.

Снегов был коммунистом-ленинцем. Он полагал, что возвращение к «ленинским нормам» возродит КПСС. Такое заблуждение было свойственно многим коммунистам старшего поколения. Некоторые из них искренно верили в такую воз-

возможность, другие уговаривали себя, что верят, иначе вся их жизнь, отданная коммунистической партии, оказывалась бессмысленной жертвой. Третьи считали, что все было правильно, включая аресты «врагов народа», целью которых будто бы было очищение страны от «пятой колонны». Была совершена лишь одна-единственная ошибка — их собственный арест! Их оценка событий застыла на дне их ареста. КПСС умело использовала часть реабилитированных, назначив их в разного рода совещательные органы при райкомах партии или поручив им вести душеспасительные беседы с подрастающим поколением.

У некоторых старых коммунистов, посвятивших всю свою жизнь строительству социализма, появился своего рода комплекс вины. Теперь они решили посвятить остаток своей жизни борьбе против беззаконий и опасности возвращения к сталинизму. Но на этом пути их ожидали только тернии. Показательным было, например, дело Федора Федоровича Шульца, члена КПСС с 1919 года, арестованного в 1937 году за критику культа личности и пробывшего в общей сложности в лагерях и в ссылке 19 лет. Полностью реабилитированный в 1956 году, он в декабре того же года был вновь арестован за... письмо в газету «Правда»! В этом письме Шульц фактами опровергал заявление Хрущева, будто в СССР нет больше политзаключенных. В частности, он указывал, что в тюрьме гор. Мариинска продолжает находиться в заключении 106-летняя эсерка Преображенская. Шульц был отправлен судом на принудительное лечение в спецпсихбольницу в Ленинграде, где пробыл до апреля 1958 года. Но только в июне 1964 года дело против Шульца было формально прекращено за отсутствием состава преступления.²³⁸

Защитой несправедливо обиженных народов: чеченцев, ингушей, крымских татар — был славен писатель Алексей Евграфович Костерин (1896—1968), старый большевик с Северного Кавказа, также проведенный 17 лет в сталинских застенках. Его открытая и бескомпромиссная позиция по отношению к преступлениям, совершенным советской властью, привела в конце концов к исключению из партии и из Союза советских писателей. Его похороны 14 ноября 1968 года вылились в манифестацию осуждения советского тоталитарного режима.

Были и другие честные и бесстрашные люди старшего поко-

ления, причислявшие себя к марксистам-ленинцам (С. П. Писарев и другие).

В конце 50-х и в начале 60-х годов многое делал для распространения правды о преступлениях сталинского режима Петр Иванович Якир, сын расстрелянного в 1937 году командарма И. Якира. Якир-младший провел свое детство и юность в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа и в ссылке. Историк по образованию, П. Якир выступал с лекциями перед многочисленными слушателями в учреждениях и на заводах до тех пор, пока на его выступления не был наложен властями запрет. Вокруг Якира сформировалась группа молодых интеллигентов, выступившая в защиту конституционных прав. Якир и его товарищи (И. Габай, Ю. Ким и другие) в течение многих лет поддерживали борьбу крымско-татарского народа за его полную реабилитацию и возвращение на историческую родину.

7 сентября 1961 года начальник кафедры Военной академии им. М. В. Фрунзе генерал-майор П. Г. Григоренко выступил на партийной конференции Ленинского района гор. Москвы в связи с обсуждением проекта новой программы партии, которую предстояло утвердить XXII съезду КПСС. В своем выступлении П. Г. Григоренко предостерегал от опасности появления нового «культа личности» и предлагал в качестве гарантий против этого ряд мер, среди них ликвидацию высоких окладов должностным лицам партийного и государственного аппарата, а также их широкую сменяемость. Конференция аплодировала Григоренко. На требование перепуганных парт-аппаратчиков лишить его делегатского мандата делегаты ответили отказом. Но во время перерыва им «промыли мозги» и они также единодушно изменили свое мнение и осудили выступление Григоренко как «политически незрелое».²³⁹ Григоренко был снят со своего поста в Академии и отправлен служить на Дальний Восток.

Там, 7 ноября 1963 года, в годовщину Октябрьской революции, П. Г. Григоренко основал «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Целью его было: «устранение всех извращений ленинского учения, восстановление ленинских норм партийной жизни и возвращение реальной власти Советам депутатов трудящихся».²⁴⁰ В написанных Григоренко листовках рассказывалось о подавлении народных движений в Темир-Тау, Новочеркасске и других местах в 1959—1963 годах.

Одна из листовок называлась «Почему нет хлеба». аресто-

ванные члены организации после четырехмесячной обработки покаяться и были освобождены. Григоренко же был помещен в специальную психиатрическую больницу на основании заключения подобранной группы медицинских экспертов из Института им. Сербского в Москве.¹²⁴ Но до того он был лишен генеральского звания, разжалован в рядовые и уволен из армии без пенсии. Так начался путь П. Г. Григоренко на Голгофу.

Бурно реагировала на разоблачение Сталина молодежь, чувствовавшая себя обманутой и обокраденной. Она ответила созданием кружков и конспиративных молодежных организаций. Там шли жаркие дискуссии о прошлом и составлялись наивные планы перемен.²⁴² Из участников этих кружков вышли потом многие будущие диссиденты, участники демократического и правозащитного движения в СССР. Для молодежи то было время бесстрашных поисков истины, мужания и разочарования, неприятия действительности и примирения с ней. В те годы многие молодые люди уезжали на целину, на комсомольские стройки. Другие нанимались на работу в экспедиции: на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Свое волнение, неосознанное стремление вырваться из круга привычных прописных истин, обрести свободу самовыражения юноши часто выражали в стихах и песнях, в которых лирика и политика, протест и надежды сочетались самым причудливым образом.

Кружки среди молодежи существовали во все времена. Те же, что появились немедленно после смерти Сталина в 1953 году и позднее, ставили своей целью переосмысление истории недавнего прошлого. Одна из таких групп, именовавшая себя «Союзом патриотов России», возникла в Московском государственном университете в 1956 году. Ее возглавлял аспирант кафедры истории КПСС, выпускник исторического факультета МГУ Л. Н. Краснопевцев. Среди членов группы были аспиранты и молодые научные сотрудники МГУ и Академии наук СССР, всего 9 человек, включая самого организатора группы. Они хотели выработать новую идеологию, отличную от идеологии партии, а также добивались распространения своих взглядов в нелегальных молодежных кружках. Важным моментом как для этой группы, так и для других будущих диссидентов был международный молодежный фестиваль в Москве в 1957 году. Здесь завязывались связи, возникали

дискуссии. Краснопевцев, например, возглавлял дискуссионный клуб в МГУ. Группа установила связь с польским журналом «Попросту», ответственным редактором которого был Ляота, депутат польского сейма. Группа выпустила и распространила несколько листовок. По неподтвержденным данным, члены организации писали или собирались написать новую историю КПСС, но рукопись никогда не была обнаружена. Вскоре участники группы были арестованы, судимы и осуждены на различные сроки лагерей. Трое: сам Краснопевцев, В. Меньшиков (сотрудник Института востоковедения АН СССР) и Л. Рендель — были осуждены на 10 лет.²⁴³

В 1956 году в Сибири была создана нелегальная студенческая группа «Свобода слова» и в том же году арестована. Одним из ее участников был Л. И. Бородин, будущий член ВСХСОН (см. сл. главу).

В ноябре 1958 года была арестована еще одна группа студентов МГУ по обвинению в создании антисоветской организации и попытке устройства подпольной типографии. Одна из арестованных, Валентина Ефимовна Машкова, писала в правительственные органы, что ее и других судят за то, что партия, осудив культ личности Сталина и лишив молодежь ее бывшего идеала, вместе с тем взяла курс «на пресечение всякой самостоятельной переоценки ценностей и всякого духовного поиска».

В Ленинграде была создана группа социал-демократов (Трофимов, Голиков и другие). Они также были арестованы и осуждены.²⁴⁴

Летом 1958 года в Москве на площади Маяковского был открыт памятник поэту. Вскоре около памятника начали регулярно собираться любители поэзии, читавшие стихи Маяковского, свои собственные произведения, стихи других поэтов. Руководство комсомолом, которому было поручено надзирать за сходками на площади Маяковского, поначалу радовалось возможности направлять стремления молодежи по привычному руслу коммунистической «романтики». В те годы руководство партии и комсомола прилагало огромные усилия, чтобы сделать комсомол более привлекательным. Чтение стихов на площади Маяковского, молодежные клубы, ансамбли самодеятельности и прочее должны были служить главной цели — сохранению влияния партии на подрастающее поколение, неспокойное и бунтующее. Очень скоро, однако, чтение стихов

начало сопровождаться жаркими диспутами и дискуссиями. И стихи начали читать совсем иного содержания, чем то было предусмотрено планами комсомольского руководства. В конце 1958 года Комитет госбезопасности возглавил А. Шелепин, бывший руководитель комсомола. Многие комсомольские руководители были передвинуты в органы государственной безопасности. Шелепин, окончивший в свое время ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) — знаменитое учебное заведение, из стен которого вышли многие поэты, писатели, философы и историки, мог по достоинству оценить значение происходившего на площади Маяковского... Очень скоро против собиравшихся по субботам и воскресеньям на площади Маяковского начали устраиваться облавы, провокации, сопровождавшиеся обысками на дому, изъятием литературы, а в некоторых случаях исключениями из институтов. В поход включилась печать, объявив собирающихся на площади Маяковского «тунеядцами» и «бездельниками» и разжигавшая к ним ненависть совмещан. В мае 1961 года во время чтения стихов, посвященного 30-летию со дня самоубийства Владимира Маяковского, КГБ спровоцировало столкновения, сопровождавшиеся избиениями участников чтения.²⁴⁵ Позднее, накануне XXII съезда партии наиболее активные участники: Владимир Буковский, Эдуард Кузнецов, Илья Бакштейн и В. Осипов — были арестованы. Все они были привлечены к суду за «антисоветскую агитацию и пропаганду» и осуждены.

Спустя несколько месяцев был арестован и осужден Владимир Буковский.²⁴⁶

В 1959-61 годах начали появляться рукописные журналы. В Москве, например, распространялся рукописный журнал «Синтаксис». В «Синтаксисе» были напечатаны произведения уже зрелых литераторов: Беллы Ахмадуллиной, А. Глазкова, Виктора Некрасова, Булата Окуджавы, Бориса Слуцкого. Одним из организаторов изданий журнала был будущий диссидент, в то время студент МГУ Александр Гинзбург. Всего вышло три номера журнала. В 1960 году Гинзбург был исключен из университета, а затем осужден на два года лагерей.

В 1961 году бывший студент исторического факультета МГУ Юрий Галансков издал машинописный журнал «Феникс-61».

Возникли кружки и организации в республиках.

В 1961 году по Украине прокатилась волна арестов в связи

с раскрытием во Львове якобы подпольной организации «Украинский союз рабочих и крестьян». Члены группы: Л. Лукьяненко, И. А. Кандыба, С. М. Вирун и другие — отрицали, однако, что их организация секретная. В программном документе кружка политика советского правительства в отношении Украины подвергалась критике с точки зрения ортодоксального ленинизма. Участники организации предполагали отделение Украины от СССР в качестве независимого социалистического государства на основании конституционного права на самоопределение. Руководитель группы Лукьяненко, отвергая обвинения в создании секретной организации, утверждал, что его группа является законным представителем украинского общественного мнения. Все участники группы были судимы в мае 1961 года за антисоветскую деятельность. Лукьяненко и Кандыба были приговорены к расстрелу. Позднее расстрел был заменен 15 годами лишения свободы.²⁴⁷

Процесс Лукьяненко показал, что советские лидеры больше всего боятся движения народов за самоопределение и готовы к подавлению такого рода тенденций самым беспощадным образом.

В 1962 году были произведены аресты в Латвии по обвинению в принадлежности к подпольной антисоветской националистической организации «Балтийская Федерация». Среди арестованных был журналист Виктор Янович Калниш, выпускник Московского педагогического института. Его приговорили к 10 годам лагерей.

В 1963 году два ленинградских инженера В. Е. Ронкин и С. Хахаев написали книгу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», в которой выступили с позиций «чистого марксизма». Вместе с рядом других (Ю. Машков) они образовали «Союз Коммунаров», который выпустил два номера машинописного журнала «Колокол». Участники группы были арестованы в июне 1965 года и приговорены к 7 годам лагерей строгого режима.

В 1964 году был раскрыта организация в Молдавии, называвшаяся «Демократический союз социалистов». Среди арестованных были учитель Н. А. Тарнавский, И. А. Чердынцев, приговоренный к 6 годам заключения в лагере. Другой участник союза Н. Ф. Драгош, напечатавший брошюру «Правда народу», был приговорен к 7 годам лагеря строгого режима.

Власти очень нервно реагировали на всякое проявление

национальных чувств в республиках. Особенно это касалось Украины, где только в начале 50-х годов было подавлено повстанческое движение. Одним из способов борьбы против «национализма» было уничтожение национальных реликвий и архивов. 24 мая 1964 года возник пожар в библиотеке Украинской Академии наук. Согласно официальной версии причиной пожара был поджог, совершенный библиотекарем Погружалским по личным мотивам. Негласное расследование показало однако, что поджог был спланирован КГБ и его целью было уничтожение украинских культурных ценностей: среди сгоревших материалов были архивы Украинской Центральной Рады, произведения фольклора, литературы и истории. За два месяца до этого был удален и уничтожен витраж при входе в Киевский университет, установленный в память 150-летия со дня рождения Тараса Шевченко. В мае того же года был наложен официальный запрет на организацию празднеств в честь этого национального украинского поэта.²⁴⁸

Темы поисков свободы, любви к Украине, справедливости нашли свое место в произведениях украинских поэтов Лины Костенко, Ивана Драча, Миколы Вингранского, Виталия Коротича. Идолом украинской молодежи стал поэт Василь Симоненко (умер в 1963 году в возрасте 28 лет от рака). Симоненко как бы продолжил традицию Шевченко.²⁴⁹

* * *

Пастернак, передавший свою рукопись за границу, разрушил табу и создал прецедент. По его стопам пошли и другие литераторы, например, писатель Тарсис, напечатанный на Западе ряд своих произведений, в которых он подверг критике и осмеянию советский образ жизни («Палата № 7»), молодой поэт Евгений Евтушенко, напечатанный во французском журнале «L'Express» свою автобиографию. А вслед за ними начали печататься на Западе под собственными именами целая плеяда авторов, живущих в СССР. С годами публикация за границей как бы узаконилась, несмотря на препоны, репрессии и преследования.

Для советской литературы первое послесталинское десятилетие стало временем возрождения утраченных ценностей.

Освобождение от сталинского наследия, попытки доискаться корней несчастливого прошлого народа, стремление осмыслить современное советское общество вызвали к жизни целое направление в литературе. Хрущев постарался использовать антисталинские настроения среди наиболее талантливой части литераторов для борьбы со своими противниками в Президиуме ЦК. Благодаря этому в «Правде» было напечатано известное стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина»,²⁵⁰ в котором он предостерегал от опасности возрождения сталинизма. В эти же годы он написал поэму «Бабий Яр», в ней он резко выступил против антисемитизма. В журнал «Новый мир» возвратился поэт А. Т. Твардовский, автор эпоса военного времени «Василий Теркин». В 1963 году «Известия» напечатали поэму Твардовского «Теркин на том свете»,²⁵¹ явную сатиру на современное советское общество. «Новый мир» стал центром притяжения нон-конформистских литераторов. Один за другим журнал публикует романы и повести, в которых красной нитью проходила критика советской действительности. В 1962 году появился роман Ю. Бондарева «Тишина» о судьбе ветерана-фронтовика, вступившего в соприкосновение с советской машиной террора.²⁵² В том же журнале были напечатаны и мемуары Ильи Эренбурга, в которых он старался восстановить подлинную историю русской литературы. В этих же мемуарах он пытался найти оправдание пройденному пути и действиям самого Сталина.

Но высшим достижением «Нового мира» в те годы было опубликование в 1962 году повести Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича».²⁵³ Эта книга об одном дне советского заключенного, написанная бывшим заключенным, стала как бы вехой не только в истории отечественной литературы, но и в истории России. Повесть была напечатана после напряженной борьбы по личному указанию Н. С. Хрущева. Главный редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский представил А. И. Солженицына читающей России. Само появление в открытой советской литературе образа заключенного было поистине революционным действием. Выход в свет «Одного дня Ивана Денисовича» вызвал ликование среди нон-конформистских слоев общества и взрыв ненависти среди сталинистов. Затем в «Новом мире» появились небольшие повести А. И. Солженицына «Случай на станции Кречетовка», «Матренин двор», «Для пользы дела».²⁵⁴ Выдвижение Солже-

ницина на соискание Ленинской премии по литературе стало рубежом между официальным признанием члена Союза советских писателей Солженицына и официальными гонениями на русского писателя Солженицына, ставшего знаменем возрождающегося русского реализма. Попытки Солженицына опубликовать романы «Раковый корпус» и «В круге первом» натолкнулись на сопротивление партократии, мобилизовавшей для борьбы с великим писателем всю объединенную мощь партии, государства и советского мещанства. Оба романа, как и все последующие произведения Солженицына, были опубликованы лишь за рубежом.

И сталинисты, и их противники отлично сознавали, что литература поставила главный вопрос — вопрос о духовных ценностях и, прежде всего, о свободе во всех ее проявлениях. Возможно ли возрождение в советском обществе понятия человека? Ведь собственно о человеке и об его извечном стремлении к свободе, ненависти к насилию и поработителям и были произведения, написанные в послесталинские годы. И недаром был такой перепуг, а потом и суровое осуждение романа Василия Гроссмана «За правое дело».²⁵⁵ Вторая часть романа была конфискована органами государственной безопасности в рукописи.²⁵⁶

Были сделаны первые робкие попытки изменить театральный репертуар, забитый после погрома космополитов пьесами-однодневками или ставившимися из года в год одними и теми же произведениями русских классиков.

Возникают новые театральные труппы молодых актеров. Появляются театры, не отягощенные грузом сталинистского прошлого и традиций. В Москве основывается театр «Современник», в Ленинграде большую популярность приобретает театр драмы и комедии под управлением Н. Акимова, значительно обновляют свой репертуар другие театры. На сцене появился «А был ли Иван Иванович?» Назыма Хикмета, драматизированный «Теркин на том свете» А. Т. Твардовского — остро сатирические спектакли о современном советском обществе.

В советском псевдоклассическом изобразительном искусстве также пробиваются бреши. На художественной выставке в Манеже появляются картины и скульптуры молодых художников, бросающих вызов советскому парадному классицизму. Среди них скульптура Эрнста Неизвестного. Хрущев и сопро-

вождающая его свита возмущены произведениями абстракционистов, они просто не понимают их. Происходит ожесточенная перепалка между председателем Совета Министров СССР и Неизвестным. Скульптор объясняет ему, что быть премьером недостаточно, чтобы разбираться в искусстве. Разгневанный Хрущев уходит, председатель КГБ, бывший комсомольский вождь Шелепин, говорит зловещим шепотом Неизвестному: сгноим в лагере...

И все же несмотря на препятствия, угрозы и преследования, закрытия неофициальных выставок, новые веяния в искусстве пробивают себе дорогу.

В конце 50-х годов родился Самиздат. Так была окрещена литература, ходившая по рукам в виде списков и машинописи. Среди произведений, появившихся сначала в Самиздате, были воспоминания Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут» и «Колымские рассказы» В. Шаламова. Эти книги никогда не были напечатаны в Советском Союзе, но получили широкое признание на Западе, где были изданы также и на русском языке. Е. С. Гинзбург и В. Шаламов прошли тернистый путь в советских концлагерях. Они рассказали о нечеловеческих страданиях миллионов людей, ставших жертвами советского террористического режима.

* * *

Сгнаивать в лагерях хотя и становится затруднительно, но все же возможно — ведь сущность режима не изменилась, хотя он стал мягче. Введенный в 1961 году новый Уголовный Кодекс РСФСР, а затем и новые положения об исправительно-трудовых лагерях поставили, несмотря на свою жестокость, некоторые преграды произволу. Хрущев и Ворошилов объявляют всему миру, что в СССР больше нет политических заключенных. В этом нет ничего удивительного: политзаключенные приравнены к уголовникам. Статья 109-1 Уголовного Кодекса РСФСР относит к числу уголовных преступлений «распространение измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». Под эту статью не так уж трудно подвести инакомыслящих.

Для наиболее строптивых уготовано наказание похуже: заключение в сумасшедший дом — психиатрическую больницу специального (т. е. тюремного) или обычного типа. Практи-

чески это означало, что даже за выражение сомнений в правильности того или иного политического решения, а не то, что призыв к свержению советской власти, можно упрятать в «психушку» любого на основании экспертизы врачей. Врачами же, всецело находящимися под контролем власти, придумана даже специальная формула болезни, которая, с одной стороны, мало доказуема, но с другой, трудно опровержима. Это так называемая «вялотекущая шизофрения». В других случаях применяется формула «комплекс реформаторства». Заключение в «психушку» становится постепенно одним из наиболее распространенных способов борьбы с инакомыслием. Этот способ применялся советской властью во все времена — и Ленина, и Сталина, но никогда не применялся столь широко, как в послесталинское время — Хрущева и Брежнева.²⁵⁷

Среди отправленных в психушку в годы правления Хрущева были В. Буковский, П. Г. Григоренко, А. С. Есенин-Вольпин, Д. Я. Босс и другие.

Однако, несмотря на репрессии, борьба за гражданские права продолжается повсеместно.

Борющихся пока мало: десятки, может быть сотни. Но власть сама каждодневно порождает несогласных.

В 1958 году по указанию ЦК КПСС по всей стране развернулась антирелигиозная кампания. Причиной ее было пробуждение интереса к религии среди молодого поколения. Кампания сопровождалась «разоблачениями» внутренней жизни церковных общин. Однако эффект атеистического похода был для власти неожиданным. Обострилась борьба внутри церквей, приведшая к расколу в 1961 году среди баптистов, к образованию нового общества евангелических христиан-баптистов, а затем и к их массовому преследованию по всей стране, сопровождавшемуся судами, лишениями родительских прав и прочего.

В том же году прошла реорганизация в управлении приходами русской православной церкви. Вместо общего собрания прихожан отныне избирались двадцать граждан («двадцатка») во главе со старостой, которые решали дела церковного прихода. Старосты утверждались местной властью. Таким образом основная масса верующих была от участия в религиозных делах отстранена. Эта реформа шла навстречу стремлению властей ограничить религиозную активность и держать ее полностью под контролем. В церкви начались протесты и брожение, появились открытые письма и обращения ряда

священнослужителей. Среди церковных деятелей наибольшую популярность приобрели о. Глеб Якунин, о. Николай Эшлиман, Краснов-Левитин, Талантов.

По указанию патриарха был смещен со своего поста калужский архиепископ Гермоген, поддержавший бунтующих священников (1966—1967) в их протесте против нарушений закона 1929 года о решении церковных дел прихода общим собранием верующих.

В середине 60-х годов религиозные диссиденты все более смыкались с демократическим движением на почве борьбы за демократизацию общества и гражданские права.

К началу 60-х годов зародилось правозащитное движение. Его основателем был Александр Есенин-Вольпин, талантливый математик, сын знаменитого русского поэта. Вольпин выдвинул очень простую мысль: в советском государстве, каким бы оно ни было, существуют законы и существует конституция. Несчастье нашего общества заключается в том, что граждане не верят в закон, не знают законов и поэтому не могут отстаивать свои права, опираясь на законы. Необходимо противопоставить нарушению законности со стороны государственных и партийных чиновников борьбу за соблюдение советских законов, за соблюдение конституции. Постепенно мысли, высказанные Есениным-Вольпиным, а затем В. Н. Чалидзе, начали приобретать все большую поддержку среди нон-конформистов и либералов и привели в середине 60-х годов к возникновению правозащитного движения. Таким образом с самого своего зарождения демократическое движение в Советском Союзе отошло в своей значительной части от законспирированной деятельности и встало на путь открытой защиты советской конституции, содержащей основные права граждан. Речь шла о том, чтобы перенести эти записанные в конституции гражданские права в каждодневную практику советского общества.²⁵⁸

В эти годы возрождалось чувство гражданской ответственности за политику советского режима внутри и вовне страны. Ученые, причастные к созданию советского атомного и термоядерного оружия, начинают сознавать возможные катастрофические последствия использования этого оружия.

Их беспокойство принимает различные формы. В 1956 году в Теплотехническом институте (ныне Институт теоретической физики) выступили с требованием привлечения к персо-

нальной ответственности виновников совершенных преступлений физики Юрий Орлов, Гольдин. Обоих исключили из КПСС, Орлова увольняют также с работы.

В 1957 году, через три года после первого испытания водородной бомбы, один из ее создателей, академик А. Д. Сахаров, под влиянием высказываний Альберта Швейцера, Лайнуса Поллинга и других начинает борьбу за прекращение испытаний водородной бомбы. В 1958 году Сахаров обратился с несколькими докладными записками с разъяснением опасности термоядерного заражения при продолжающихся испытаниях водородной бомбы. Сахаров попросил руководителя советского атомного проекта академика И. Курчатова вмешаться. Курчатов полетел в Крым к отдыхавшему там Хрущеву. Однако из этого вмешательства ничего не вышло. В октябре 1958 года испытания состоялись.²⁵⁹ В 1961 году во время встречи ученых-атомщиков с Хрущевым выяснилось, что советские руководители приняли решение подкрепить свой нажим в германском вопросе новой серией испытаний термоядерного оружия. Сахаров послал Хрущеву записку, в которой предостерегал его от этого шага. «Возобновление испытаний после трехлетнего моратория, — писал Сахаров, — подорвет переговоры о прекращении испытаний и разоружений, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны». Ответ Хрущева, высказанный в его публичной речи на том же приеме, был откровенным и циничным. В основе политики, говорил Хрущев, должна лежать сила. «Мы не можем сказать, что мы ведем политику с позиции силы, но это должно быть так», — заявил Хрущев и далее продолжал: «Я был бы слюнтяй, а не председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров.»²⁶⁰

В 1962 году министерство среднего машиностроения, исходя из своих ведомственных интересов, приказало провести очередное испытание, бесполезное с технической точки зрения. «Взрыв должен был быть мощным, так что число ожидаемых жертв было колоссально», — свидетельствует Сахаров.²⁶¹ Сахаров осознает преступный характер этого плана и пытается приостановить его исполнение, угрожая отставкой. Но это не подействовало. Соединившись по телефону с Хрущевым, Сахаров умолял его приостановить испытание, но напрасно. Что было советской верхушке до жертв, когда нужно было запу-

гать Соединенные Штаты Америки, да и весь остальной мир советской военной мощью...

«Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию»,²⁶² — пишет Сахаров.

*
*
*

Поиски свободы, стремление к либерализации общества, возрождения чувства индивидуальной ответственности за судьбы страны и народа послужили истоками начавшегося духовного возрождения.

Оно происходило на фоне роста недовольства населения, вызванного продовольственными затруднениями и наступлением на заработную плату.

Самым крупным из выступлений рабочих были волнения в Новочеркасске летом 1962 года.

9. Новочеркасский расстрел (июнь 1962)

Непосредственным поводом к волнениям было опубликование 1 июня 1962 года постановления о повышении цен на мясо на 30% и на масло на 25%.²⁶³ Как полагается в этих случаях, советские газеты сообщили о всенародном одобрении новой «заботы» партии и правительства.²⁶⁴

В тот же день по непредвиденному властями совпадению на Новочеркасском электровозостроительном заводе (НЭВЗ) имени С. М. Буденного были понижены рабочие расценки до 30 процентов.

Рабочие кузнечного и металлургического цехов начали с утра горячее обсуждение случившегося...

А случилось вот что: будучи не в состоянии обеспечить рост производительности труда обычными нормальными методами, то есть приведением плана в соответствие с производственными возможностями предприятий и с реальной заработной платой, ЦК партии решил организовать очередную кампанию за сокращение стоимости производства. Особенную ретивость проявил Ростовский обком КПСС. Это было уже не в первый раз. В 1960 году «по инициативе» ростовских врачей началась кампания за работу врачей на обще-

ственных началах. Практически это означало, что врачи после утомительного рабочего дня обязывались «добровольно» и бесплатно отработать еще несколько часов. «Инициатива» была одобрена, подхвачена и развита партийными организациями других городов. Если учесть, что врачи были в это время одной из самых низкооплачиваемых категорий в стране, то легко себе представить, в каком отчаянном материальном положении они оказались. Через некоторое время работа врачей «на общественных началах» угасла, на том дело и окончилось. Но сама идея, впрочем, далеко не новая, лечить язвы советской экономики за счет трудового населения страны, получила в Ростове дальнейшее развитие.

В апреле 1962 года рабочие Ростовского завода сельскохозяйственных машин обратились к рабочим других предприятий с призывом уменьшить производственные расходы.²⁶⁵ Как полагается, немедленно начались положительные отклики на эту инициативу. В числе откликнувшихся были и предприятия г. Новочеркаска. Помимо НЭВЗ участие в соревновании приняли Никольский завод по производству шахтного оборудования, Новочеркасская ГРЭС и ряд других предприятий. Новочеркасский горком партии суммировал затем обязательство следующим образом: «сберечь *по 100 рублей* на каждого рабочего в течение года».²⁶⁶

Практически это означало понижение заработной платы рабочим примерно на 10 процентов.²⁶⁷

Директор НЭВЗ Курочкин издевательски ответил на вопрос митингующих рабочих: «На что теперь будем жить?» — «Жрали пирожки с мясом — теперь будете с повидлом!» Разъяренные рабочие обратили Курочкина в бегство. Забастовка стала неизбежной и к полудню 11 тысяч рабочих НЭВЗ забастовали.²⁶⁸ Рабочие других предприятий, несмотря на уговоры делегатов, посланных к ним, забастовки не поддержали.

Затем группа рабочих начала разбирать рельсы проходящей вблизи железной дороги Москва—Ростов и устроила завалы. Женщины сидели на рельсах, чтобы задерживать поезда. На заводском здании появились лозунги: «Долой Хрущева!», «Хрущева на колбасу!»²⁶⁹

Вечером 1 июня к заводу и заводскому поселку, расположенных в нескольких километрах от Новочеркаска за рекой Тузлов, начали стягивать войска и милицию. На мосту *через*

р. Тузлов стали танки. Движение было запрещено. Ночью арестовали «зачинщиков» — около 30 рабочих.²⁷⁰

Утром 2 июня к забастовщикам НЭВЗа примкнули рабочие с других заводов. В Новочеркасске было значительное количество студентов — около 16 тысяч, главным образом Новочеркасского политехнического института. Среди студентов уже давно царил недовольство из-за распределения на работу. Сколько студентов принимало участие в новочеркасских волнениях, сказать трудно. А. И. Солженицын утверждает, например, что студенты были заперты с утра в общежитиях и учебных зданиях и их никуда не выпускали.²⁷¹ По сведениям, опубликованным на Западе, студенты также принимали участие в движении.²⁷²

Перейдя через р. Тузлов, рабочие НЭВЗ, около 300 человек, включая женщин и детей, направились в город. Они несли портреты Ленина. Демонстрация носила исключительно мирный характер. Однако в городе шествие начало быстро обрастать. Возникли массовые стихийные митинги с платформ грузовиков. На Московской улице демонстранты пытались взломать двери городской милиции, рассчитывая освободить арестованных товарищей, но были встречены pistolетными выстрелами и отступили. Таким образом первые выстрелы в Новочеркасске были сделаны милицией. Демонстранты направились к зданию горкома партии, который оказался пуст. С балкона горкома рабочие выступали с речами. Пока все это происходило, прибывшие солдаты заняли почту, банк и радиостанцию. Новочеркасск был окружен войсками, входы и выходы из него перекрыты. В здание горкома вошли солдаты, на улице автоматчики начали оттеснять демонстрантов. Судя по некоторым сообщениям, первая цепь солдат была вскоре заменена, так как командовавший ими капитан предпочел покончить самоубийством перед строем, но не стрелять в народ. Автоматчики открыли огонь сначала поверх голов и убили сидевших на деревьях мальчишек. Затем они перенесли огонь на толпу и стреляли разрывными пулями.

Утверждают, что среди стрелявших было много солдат нерусских национальностей, специально переброшенных в Новочеркасск по приказу командующего Северо-Кавказским военным округом генерала И. Плиева.²⁷³

Толпа побежала, но убийство продолжалось: солдаты стре-

ляли людям в спину. Площади и улицы опустели. Убитых и раненых начали складывать на грузовики.

Западные источники называют цифру погибших в Новочеркасске — несколько сот человек. А. И. Солженицын делает вывод — 70-80, их них 47 были убиты разрывными пулями, зверство, примененное до того при подавлении восстания заключенных в Кингире.²⁷⁴

Через некоторое время толпа снова нахлынула на площадь и снова была открыта стрельба.

Солдат, стрелявших в толпу в первый и во второй раз, успели заменить свежими солдатами и когда подошедшие к ним новочеркасцы начали стыдить их и проклинать, они отвечали, что их только привезли. Убрать убийц поскорее, скрыть следы преступления — такова была тактика командования — военного и политического. Секретарь горкома КПСС Басов сбежал в Ростов при первых же сведениях о беспорядках. Руководство событиями взяла на себя бригада ЦК КПСС во главе с А. И. Микояном и Ф. Козловым, прилетевшими в Новочеркасск. Толпа требовала, чтобы Микоян прибыл на место расстрела — ведь деревья и скамейки сквера все еще в крови народа, на асфальте лужи крови. «Пусть Микоян придет сюда! Пусть посмотрит на эту кровь!»²⁷⁵ Делегации молодых рабочих Микоян и Козлов обещали разобраться и строго наказать виновных, но требовали, чтобы демонстранты разошлись по домам и прекратили беспорядки. Народ не расходился. К вечеру 2 июня для разгона толпы были посланы танки в сопровождении автоматчиков. В воздух полетели трассирующие пули. Тогда толпа постепенно растеклась.

На следующий день, 3 июня, Микоян и Козлов выступили по городскому радио. Теперь зазвучали обычные нотки: события спровоцированы врагами, враги будут наказаны. Разрывные пули советской армией не применяются, ими стреляли «враги». Здесь Микоян не ошибся: приказ стрелять в народ был отдан действительно его врагами — партийно-бюрократической верхушкой в Москве. Был или не был лично причастен к этим событиям Н. С. Хрущев, он, как глава партии и правительства, нес за расстрел в Новочеркасске персональную ответственность. Новочеркасцы были наказаны: никто из раненых и увезенных в госпитали домой не возвратился, а их семьи были высланы в Сибирь. Над участниками событий (их фотографировали сотрудники КГБ во время demonstra-

ций) был устроен ряд закрытых судов и два показательных открытых процесса, на которых 9 мужчин были осуждены к смертной казни и две женщины к 15 годам лагерей.²⁷⁶ Никто из убийц наказан не был.

В то же время повышение цен на продукты в Новочеркасске было оттянуто на некоторое время. Пустовавшие полки продовольственных магазинов заполнились разнообразными продуктами — обычный прием, к которому прибегают власти в СССР, чтобы успокоить недовольных на время, пока их не выявили и не пересажали. В августе 1962 года на пленум Ростовского обкома КПСС прибыл член Политбюро Кириленко. Бывшие первый и второй секретари Новочеркасского горкома не были избраны в новый состав Ростовского обкома КПСС.²⁷⁷ На том наказание виновных и закончилось.

Новочеркасск не был единственным городом, где происходили волнения. Они были тем же летом 1962 года в Кемерово. Поводом была нехватка продовольствия. Волнения сопровождались демонстрациями и опустошением продовольственных магазинов.²⁷⁸

Руководство не прошло мимо этих событий. Секретное постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1962 года требовало большей заботы о рабочих, тактичного отношения к ним. В постановлении обращалось также внимание и на другую причину недовольства рабочих: незаконные отказы со стороны администрации выдать рабочим, пожелавшим уйти с производства, их трудовые книжки, без которых они не могли поступить на работу.²⁷⁹

В печати началась очередная кампания за большее внимание к нуждам трудящихся.

В то же время были усилены и предупредительные меры. Во многих республиках МВД были преобразованы в Министерства охраны общественного порядка (МООП) и милиция вооружена. Вновь открыто были введены наказания за политические преступления, именуемые антисоветской пропагандой (ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР). Такого рода процессы прошли в 1963 году во многих городах страны, включая Минск, Омск, Ленинград, Лениногорск и другие.²⁸⁰

В 1963 году продовольственное положение в стране ухудшилось в связи с засухой. Во многих городах стал ощущаться недостаток хлеба, возникли очереди. В ряде городов произошли забастовки и волнения.

Как это часто бывает, предлогом для волнений было случайное происшествие. В один из дней июня 1963 года в г. Кривой Рог произошло столкновение между милиционером и солдатом, которому милиционер приказал прекратить курение в городском автобусе. Столкновение окончилось тем, что милиционер застрелили солдата. Когда товарищи солдата узнали об этом, они ворвались в город и убили семерых милиционеров. Затем военные власти установили контроль над городом и ввели осадное положение.²⁸¹

Забастовки у рабочего места, митинги и уличные демонстрации происходили в то время в Грозном, Краснодаре, Донецке, Ярославле, Муроме, Горьком и даже в Москве на автомобильном заводе «Москвич».²⁸²

В Грозном, например, возникли волнения на машиностроительном заводе «Красный Молот» в связи с нарушением администрацией рабочего законодательства, касающегося сверхурочной работы и перерыва на отдых.²⁸³

10. Падение Хрущева

Чехарда с реорганизациями, кризис сельскохозяйственной политики, осложнения в отношениях с Китаем и с Соединенными Штатами Америки поддерживали в высших кругах неосталинистские настроения. Почти открыто высказывались мнения, что деятели так называемой «антипартийной группы» Маленкова-Молотова, предостерегавшие от поспешных и необдуманных шагов, были правы.

«Рязанское чудо» и кризис на Кубе основательно подорвали репутацию главы государства. В этих условиях Хрущев решил вернуться к борьбе с последствиями «культы личности», так как именно в этой области у него были крупные козыри против Маленкова, Молотова и Кагановича.

В октябре 1961 года XXII съезд КПСС напомнил не только о преступлениях Сталина, но и о соучастии в них Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова. В газетах были опубликованы документы о смертных приговорах не только «врагам народа», но и их женам. На документах стояли подписи Молотова, Кагановича и других. На самом съезде были выступления, развенчивавшие Жданова. По предложению Мос-

ковской партийной организации тело Сталина было вынесено из Мавзолея²⁸⁴ и похоронено в отдельной могиле у Кремлевской стены. Для большинства делегатов съезда это было полной неожиданностью. Среди делегатов, принадлежавших к поколению, сделавшему карьеру в 30-е годы во время террора, царило почти открытое недовольство: партийные аппаратчики не знали, каковы планы Хрущева и как далеко он пойдет на этом новом этапе борьбы против сталинизма. В кулуарах XXII съезда было положено начало заговору против Хрущева, охватившего довольно влиятельный слой партийных чиновников. Вдохновителем заговора был секретарь ЦК по идеологическим вопросам М. А. Суслов. Начался фактический саботаж мероприятий по десталинизации.

На XXII съезде Хрущев, памятуя, очевидно, о том, что произошло после XX съезда, решил закрепить организационно так называемое возвращение к ленинским нормам. По его предложению были изменены Устав и Программа партии. Согласно новому уставу на очередных выборах партийных органов нужно было менять их состав на одну треть. Таким образом Хрущев приобрел оружие, с помощью которого он мог манипулировать партийным аппаратом, избавляясь законным путем от неугодных ему работников.

Хрущев, впрочем, как и большинство советских лидеров, переоценивал значение персонального воздействия на ход дел. Признавая на словах наличие объективных процессов, существующих в обществе, на деле советские лидеры постоянно грубо вторгались в естественный ход дел ради того, чтобы достигнуть однодневного успеха. В результате то в одной, то в другой сфере общества возникало напряжение, которое одними перестановками или созданием новой бюрократической структуры разрешить было нельзя. Однако Хрущев просто не знал и не понимал других методов. Видя, что несмотря на все реформы, дело в области экономики после некоторого подъема в 1958—1959 годах начало снова ухудшаться, он решил, что необходимо разделить партийные органы на две части: одна для руководства сельским хозяйством, другая — для руководства промышленностью.²⁸⁵ В конце 1962 года областные и районные партийные организации были разделены по этому принципу. Подобным же образом были разделены областные органы власти.

В районах вместо райкомов были созданы территориальные колхозно-совхозные управления, а их партийные комитеты наделены функциями райкомов партии.

На республиканском и на союзном уровне были созданы бюро ЦК по промышленности и по сельскому хозяйству.

Фактически Хрущев разделил партию на две части.

Разделением партийных организаций был недоволен партийный аппарат на всех уровнях, возникло соперничество между руководителями областных партийных и советских органов, которое в будущем могло привести к дезинтеграции власти.

Секретари обкомов были против этой реформы: они были против реформ вообще. Хрущев с его неугомонным характером и жадной реформаторства не давал им жить спокойно, а они желали равновесия, устойчивости.

Высшие партийные чиновники кое-как примирились с отменной системы «пакетов», то есть необлагаемых налогом денежных надбавок к жалованью, но они не могли и не хотели примириться с состоянием неустойчивости.

Но не только высшая партийная бюрократия была недовольна политикой Хрущева. Она вызывала чувство протеста и сопротивления в самых различных слоях общества, так или иначе ущемленных реформаторством Хрущева.

Среди них были и рабочие, чьи интересы были затронуты замораживанием выплат по займам и школьной реформой, крестьяне, колхозники, рабочие и служащие небольших городов и поселков: у них были отобраны льготы по приусадебным участкам, позволявшие им улучшить свое материальное положение; офицеры вооруженных сил в связи со значительным сокращением их численности, а также с фактическим снижением им заработной платы. То же относилось и к кадрам государственной безопасности, тем отменили надбавку к жалованью за звание (за «погоны»).

Почти во всех слоях общества царил глубокое недовольство безудержным восхвалением Хрущева как государственного, военного и партийного лидера.

Вокруг Хрущева сгруппировалась своего рода придворная камарилья во главе с его зятем Аджубеем. Он был сделан главным редактором газеты «Известия» и членом ЦК КПСС. В руках группы оказались средства массовой информации и пропаганды. Группа Аджубея претендовала также на руководство

в области внешних сношений. Естественно, что эти претензии вызвали не только беспокойство, но и ненависть со стороны министра иностранных дел и аппарата министерства. И они очутились в антихрущевском лагере.

Высшие партийно-бюрократические круги были недовольны и тем, что Хрущев, в погоне за массовостью, поощрял организацию демонстраций — беспорядков около посольств Соединенных Штатов и других государств. Демонстрации сопровождались битьем стекол, обливанием стен посольств чернилами и прочим. Сталин никогда не допускал ничего подобного, так как боялся развязывания народной инициативы в любом ее проявлении. Все «стихийные» выступления были заранее спланированы.

Интеллигенция, наиболее надежная опора Хрущева во время проведения десталинизации, все больше подвергалась преследованиям и ограничениям.

Большим ударом для нее было выступление Хрущева, приуроченное к 10-летию со дня смерти Сталина, в котором Хрущев не поскупился на восхваление усопшего вождя за его непримиримую борьбу против оппозиции и прочего, объясняя ошибки Сталина подозрительностью и манией преследования, развившейся особенно в последние годы его жизни.²⁸⁶ Однако это его выступление не привело к реабилитации Сталина, да и сам Хрущев того не хотел. Скорее всего то было попыткой «откупиться» от обвинений в ревизионизме, выдвинутых против него Мао Цзедунем и разделявшееся советскими «китайцами».

Хрущев своими частыми публичными выступлениями, речами, интервью иностранным корреспондентам, даваемыми иногда в подпитии, неуместными заявлениями подрывал в глазах народа не только свой личный престиж, но и авторитет Власти. Над выступлениями Хрущева начали посмеиваться, его перестали воспринимать всерьез.

Все его промахи, ошибки, эскапады тщательно регистрировались сталинистами и искажались. Было похоже на то, что его заслуги, особенно во время войны с Германией, раздуваются специально, чтобы сделать его смешным в глазах народа.

К осени 1964 года психологическая почва для удаления Хрущева была тщательно подготовлена. Партийная иерархия в

своем подавляющем большинстве пришла к соглашению о необходимости отставки Хрущева.

Как и во время смещения маршала Г. Жукова, Президиум ЦК собрался в отсутствие Хрущева, когда он отдыхал на Черном море. Была заранее обеспечена поддержка руководителей армии и государственной безопасности. Хрущев был вызван на расширенное заседание Президиума ЦК в Москву, когда все было готово для его смещения. 13 октября на заседании Президиума ЦК с докладом выступил организатор заговора секретарь ЦК М. А. Сулов, предъявивший Хрущеву длинный список обвинений. Сначала Хрущев пытался бороться, но в конце концов, обнаружив, что он находится в изоляции, был вынужден согласиться на уход «по состоянию здоровья». На следующий день открылся Пленум ЦК. Было принято решение не только о смещении Хрущева с постов первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, но и о выводе его из состава ЦК КПСС.²⁸⁷ Решение было принято без прений. На заседание Пленума не были приглашены те члены и кандидаты ЦК, которые могли бы выступить против смещения Хрущева.

Пленум признал несовместимыми в одном лице постов первого секретаря ЦК и председателя Совета министров.

Памятуя опыт с Хрущевым, члены Президиума ЦК решили избрать на пост первого секретаря наиболее спокойного и уравновешенного человека, как будто не претендовавшего на роль Вождя. Им был Л. И. Брежнев. Председателем Совета Министров стал А. Н. Косыгин.

Годы надежд, связанные с демократизацией советского общества, миновали. Вместе с тем миновали и годы растерянности власти. Наступала эпоха советского конформизма.

* *
* *

Отстранение Хрущева от власти было концом «славного десятилетия» в истории советского общества. Эти годы были как бы мостом во времени: между сталинской эпохой неограниченного террора и диктатурой советского конформизма.

Было бы ошибочно называть Хрущева «либералом» или «консерватором», «прогрессистом» или «реакционером». В нем были заложены все эти начала. Они то боролись между

собой, то «мирно сосуществовали». Хрущев был человеком противоречивым. Впрочем, было противоречиво и время, отпущенное ему для власти. Возможно, Хрущев искренно хотел порвать со сталинистским прошлым, и своим собственным, и советского режима. В Хрущеве каким-то чудом уцелели чисто человеческие чувства и оценки, начисто выметенные или стертые временем у подавляющего большинства соратников Сталина. Не исключено, что немалую роль в сохранении Хрущевым человеческого облика сыграли трагические события террора 30-х годов и голода на Украине в 40-е годы. (Он нес за это прямую ответственность.) В годы, проведенные на фронте во время Отечественной войны, ему, вероятно, не раз пришлось размышлять о судьбах человеческих.

Как бы то ни было, но именно на долю Хрущева выпала великая, без преувеличения, миссия раскрытия преступлений сталинского (т. е. советского) режима, освобождения миллионов заключенных в лагерях и посмертная реабилитация других миллионов. В заслугу Хрущеву можно поставить и возвращение сосланных во время войны в Сибирь и Среднюю Азию народов Северного Кавказа. При Хрущеве были отменены антирабочие законы, хотя и не полностью (сохранились трудовые книжки), облегчено налогообложение и улучшена система социального обеспечения, развернуто широкое жилищное строительство, отменены займы. Будет справедливым сказать, что «работали» только те реформы Хрущева, которые прямо не подрывали основ режима. А основы оставались неизменными. К их числу можно отнести удержание в руках партийной бюрократии всей полноты власти, сохранение аппарата государственной безопасности, хотя с урезанными полномочиями, и цензуры с теми же задачами «охранительства», какими она была наделена во времена Ленина и Сталина. Реформы в области судебного законодательства, проведенные в годы правления Хрущева, по-прежнему сохраняли в силе возможность преследования по политическим мотивам и за инакомыслие. При Хрущеве начали более широко применяться меры психиатрического воздействия против несогласных.

Те реформы Хрущева, которые имели своей целью улучшить продовольственное положение государства, а заодно и положение наиболее обездоленного слоя советского общества — крестьянства, были конвульсивными и непоследовательными. Они и не могли быть иными, ибо колхозная система была

и оставалась непреодолимым препятствием к экономическому оздоровлению, но она же и была одной из основ режима. Попытки децентрализации управления хозяйством страны, которую пытался провести Хрущев, столкнулись с практикой централизованного государства и, естественно, потерпели поражение.

Каждый раз, когда Хрущев пытался провести полезную реформу, она оказывалась в непримиримом противоречии с существующим общественным строем и была прямым вызовом интересам элиты, обретшей чувство безопасности после смерти Сталина. Советским высшим слоям была необходима преемственность власти. Все, что ей угрожало, было опасным вызовом.

Хрущев же своей реформаторской деятельностью не только раздражал партийную бюрократию, но и пугал ее.

Но и сам Хрущев нередко пугался того, что он делал. Он позднее признался, что страшился «оттепели» в 1954 году, опасаясь, что волны ее могут затопить режим; это вылилось в подавление революции в Венгрии, в кровавую расправу над восставшими в Темир-Тау, в Караганде, в Новочеркасске. Хрущев проделал значительную эволюцию во время пребывания у власти. Вынос набальзамированных останков Сталина из Мавзолея в 1961 году не был, в отличие от его секретной речи на XX съезде КПСС в 1956 году, актом высшей справедливости, а лишь средством борьбы с растущей оппозицией против него.

Хрущев прорубил окна в Железном Занавесе, но выстроил Берлинскую Стену. Он провозгласил мирное сосуществование, но установкой советских ракет на Кубе чуть было не спровоцировал термоядерную мировую войну.

Как всякий советский лидер, наделенный властью, Хрущев считал своей обязанностью высказывать мнение и давать оценки во всех без исключения сферах общественной и культурной жизни. Его суждения, особенно в области литературы и искусства, были на редкость поверхностными. Он принимал лишь то, что на его взгляд могло быть «полезно народу». Здесь он был верховным судьей. Его социальное чутье подсказывало ему опасность распространения идей, выходящих за привычные рамки партийной идеологии. Все, что не укладывалось в ее узкие рамки и в границы его собственного миропонимания, вызывало в нем эмоциональный взрыв. Только однажды

его социальное чутье серьёзно изменило ему, когда он разрешил печатать «Один день Ивана Денисовича».

Хрущев был единственным советским лидером, пытавшимся поладить со временем: но он то все время торопился и торопил других, то отступал назад. Как было сказано о нем: Хрущев пытался перепрыгнуть через пропасть двумя последовательными прыжками. Вероятно поэтому он и был похоронен не у Кремлевской стены, а на Новодевичьем кладбище...

Глава одиннадцатая ЭПОХА РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА (1965—1980)

1. Коллективное руководство

Свержение Хрущева завершило послесталинский период советской истории. Одиннадцать лет, минувших после смерти наследника Ленина, были временем борьбы за «сталинский мундир», годами приспособления советской системы к существованию без Сталина и его диктатуры.

Система продемонстрировала свою устойчивость во время борьбы «на верхах», подавления, часто кровавого и беспощадного, центробежных сил, выявившихся после разоблачения «культы личности» внутри метрополии, но особенно на внешних границах империи — в восточном Берлине, в Венгрии, в Польше. С другой стороны, режим пытался ослабить центробежные силы не только путем репрессий, но и путем «усыновления» реформаторских тенденций, проявившихся в период «растерянности». Иногда его называют «оттепелью».

В новых, значительно более благоприятных для советской системы обстоятельствах, повторились основные черты послеленинского «междущарствия»: выявление в рядах коллективного руководства вождя, подминающего под себя всех остальных, некоторое ослабление репрессивной системы во всех областях жизни, связанное с отсутствием Вождя. Все перипетии борьбы советского руководства за «сталинизм без Сталина»

повторила история Китая после смерти Мао Цзедуна. В Китае цель борьбы — «маоизм без Мао».

Борьба за «сталинский мундир» была испытанием на прочность основы советской системы — борьбой партийного аппарата со всеми, кто претендовал на увеличение своей роли в структуре управления. Уникальная особенность советской системы состоит в том, что партия руководит всем, контролирует все, но ни за что не отвечает, ибо осуществляет общее руководство. Она принимает все решения, дает указания, в том числе нигде не зафиксированные устные и телефонные, но за неудачи отвечают государственные органы и руководители предприятий и учреждений.

Партия всегда права. Она исправляет все ошибки других, она наказывает и милует. Партию — хранительницу Идеологии, то есть хранительницу Истины — Хрущев хотел «приблизить к практике», сделать ответственной за практическое руководство страной. Тем самым он посягнул на форму существования коммунистического государства — уникального в истории человечества.

Разделение партии напугало партийный аппарат, хотя, быть может, не все понимали революционный характер реформы. Вторая реформа привела аппарат в ужас и лишила Хрущева опоры в партии: Первый секретарь ЦК добился введения в Устав партии принципа обязательной ротации: при каждом выборе полагалось менять одну треть числа членов партийных комитетов от Президиума ЦК до районных комитетов. Исключение делалось только для Первого секретаря и кучки «опытных и заслуженных работников». Введен был принцип нестабильности положения партийного работника, с которым партийный аппарат не мог и не хотел согласиться. Партийный аппарат покорно перенес сталинский принцип ротации путем террора, который был лотереей и создавал иллюзию возможности выиграть счастливый номер, но не хотел принять неизбежность ротации «по закону».

После свержения Хрущева принцип ротации был немедленно отменен.

Бунт партийного аппарата против Первого секретаря, олицетворяющего власть партийной машины, был актом самозащиты — защиты своей власти и своих привилегий.

Существует версия, будто, готовя свержение Хрущева, партийные заговорщики хотели передать пост первого секретаря

ЦК А. Н. Шелепину, в прошлом секретарю ЦК комсомола, а затем председателю КГБ и члену Президиума ЦК. Об этом упоминает и А. И. Солженицын.¹ Однако Шелепин своей сталинистской радикальностью (утверждают, будто он собирался помириться с Китаем, снова «зажать» экономику и управление и повести решительную борьбу со всеми отклонениями от ортодоксальной идеологии) отпугнул высших партийных иерархов и аппарат. Они предпочитали человека более спокойного, достаточно консервативного и не подверженного крайностям. В аскетизме и пуризме Шелепина было что-то угнетающее. Московские интеллигенты в насмешку и по аналогии с «Железным Феликсом», Дзержинским (оба руководили аппаратом террора — ВЧК и КГБ), прозвали Шелепина «Железным Шуриком». Но аппарат жаждал спокойствия.

Первым секретарем был избран Л. И. Брежнев.

Биография Брежнева — образец жизненного пути партийного работника, взобравшегося на высшую ступень лестницы власти. Образцовость биографии в ее обыденности, в отсутствии «взлетов», в цепкости, с какой Брежнев шаг за шагом шел вверх, приобретая на этом пути покровителей и клиентов. Будущий генеральный секретарь родился в 1906 году в заводском поселке Каменское (переименованном впоследствии в Днепродзержинск), что находится в 35 км от Екатеринослава (переименованного в Днепропетровск). Сын рабочего Леня Брежнев поступил учиться в каменскую классическую гимназию, которую окончил уже в советское время, когда она превратилась в «трудовую школу». Автор единственной сравнительно полной биографии Брежнева,² американский журналист Джон Дорнберг, смог собрать свидетельства его одноклассников, но многие детали жизненного пути будущего главы партии и советского государства остаются неясными, необъяснимыми. Закончив после школы землемерный техникум в Курске, Брежнев несколько лет работает в сельскохозяйственных отделах Белоруссии, Курска, Свердловска. Затем внезапно возвращается на родину и меняет профессию: поступает в металлургический институт. И в 25-летнем возрасте вступает в партию. Начинается карьера.

Поворот в жизни Л. И. Брежнева совпадает с поворотом в истории страны, с годами «большого террора». В мае 1937 года он избирается заместителем председателя городского совета Днепродзержинска, в мае 1938 года Брежнев перево-

дится в Днепропетровск в областной комитет партии на должность заведующего отделом агитации и пропаганды. Он входит в систему власти и происходит это в Днепропетровске, где Брежнев найдет сподвижников, которые будут его сопровождать до Кремля.

Восхождение Брежнева начинается под покровительством нового первого секретаря ЦК украинской компартии Н. Хрущева. Посланный для наведения порядка, Хрущев беспощадно «чистит» республику, начиная с ее партийного аппарата. Сталин совершенно серьезно требовал от партийных руководителей подготовить «по два-три заместителя». Брежнев принадлежал к «третьему гарнитуру» руководителей, шедших на смену двум первым, ликвидированным во время «чисток». Он обнаружил идеальный набор качеств, необходимых для неторопливого и неуклонного восхождения. Без блеска, но надежный работник, он получает поддержку Хрущева в обкоме, а потом в армии, где занимает должности начальника политотдела армии, заместителя, а в конце войны — начальника политуправления фронта, продвинувшись в званиях от подполковника до генерал-майора. Его замечает фаворит Сталина Л. Мехлис.

Брежнев проявляет единственный талант, необходимый партийному руководителю, — умение руководить: давать общие указания по всем вопросам, не будучи специалистом ни по одному из них. На посту секретаря областного комитета в Запорожье и Днепропетровске, он возглавляет восстановление разрушенных во время войны предприятий и городов. Взятый в 1950 году в Москву Хрущевым, которого Сталин назначил секретарем ЦК, Брежнев в июле направляется в Кишинев на должность первого секретаря ЦК молдавской компартии. Он становится руководителем одной из пятнадцати советских республик. Из Днепропетровска в Кишинев он забирает с собой группу друзей, которые составят ядро группы ближайших его сотрудников, будущей «днепропетровской мафии». К этому ядру примкнут «верные люди», которых Брежнев найдет в Кишиневе. В их числе окажется заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК молдавской компартии К. Черненко, который станет начальником личного кабинета генерального секретаря, ближайшим его советником, будет введен в Политбюро и займет в 1979 году место «кронпринца».

В 1952 году, на XIX съезде партии, Брежнев стал кандида-

том в члены вновь созданного Президиума ЦК. Возможно, что Вождь предвидел для молодого секретаря из Кишинева место, которое должно было освободиться после намечавшейся чистки. При реорганизации органов власти немедленно после смерти Сталина Брежнев назначает начальником политуправления Военно-морского флота. Пост второстепенный, который дает, однако, будущему генеральному секретарю возможность приобрести себе верных друзей среди маршалов и адмиралов.

Усиление позиции Хрущева, ведшего непрекращающуюся борьбу за власть, означает одновременно и продвижение Брежнева по лестнице власти: секретарь ЦК Казахстана, председатель Верховного Совета СССР, секретарь ЦК КПСС. В октябре 1964 года он предаёт своего покровителя и поднимается на высшую ступень. Но, как обычно после прихода к власти нового руководства — оно коллективное. Пройдет более десяти лет прежде, чем станет очевидно, что процесс превращения руководства «коллективного» в единоличное идет при Брежневе, точно так же, как он шел при Сталине и Хрущеве, но идет медленно, очень осторожно, почти незаметно. До тех пор, пока не станет очевидным, что кропотливая политика по устранению «чужих» и замещению их «своими» дала результаты. В конце 70-х годов ключевые посты в партии были заняты «брежневцами»: в центральном аппарате — в Политбюро и Секретариате — расположились члены «днепропетровской мафии». Их люди заняли посты на нижних ступенях системы.

В конце 70-х годов завершился процесс перехода от «коллективного» к единоличному руководству. После смерти Ленина, после смерти Сталина, после свержения Хрущева система неизменно и неуклонно шла к нему. Осуществлялся важнейший закон социалистического общества, подмеченный Лениным в 1918 г. Неотъемлемым элементом этого процесса было создание очередного «культа» очередной «личности». В числе обвинений, предъявленных Хрущеву, было обвинение в «культе личности». Сменивший Хрущева Брежнев сделал первый шаг на пути к «культу» через полтора года после прихода к власти: на XXIII съезде он предложил переименовать Президиум ЦК в Политбюро, а должность первого секретаря ЦК в должность генерального секретаря ЦК.

Брежневу понадобилось около десяти лет прежде чем в его руках оказались все атрибуты социалистического Вождя. Бреж-

нев не стал Сталиным. Но он занял место Сталина. «Единое руководство» означает, что все решения принимаются узким кругом. Так было при Ленине, так было и при Сталине. Вождь воплощает в своей «личности» мощь партии.

2. Партия жаждет спокойствия

Свержение Хрущева было бунтом жрецов против Верховного жреца, осмелившегося посягнуть на касту служителей культа. Вопрос о том, кому принадлежит власть в советском государстве, первым поставил Ленин. Развивая замечание Ленина о «бюрократическом извращении», Троцкий, потеряв власть, говорил о бюрократии, захватившей власть в СССР. Милован Джилас обновил точку зрения Троцкого, популяризовав выражение «новый класс». Значение книги Джиласа заключалось в том, что он показал — на примере Югославии — идентичность процессов, происходящих во всех странах, в которых власть берет в свои руки коммунистическая партия.

Конституция Советского Союза называет коммунистическую партию руководящей силой советского общества. На XXVI съезде (1981) партия насчитывала 17 480 000 членов и кандидатов, что составляло чуть больше 9% населения.³ Нельзя, однако, говорить о том, что «Партия» держит власть в стране.

Джордж Орвелл говорил о «внешней» и «внутренней» партии. В 1969 году ленинградцы, преподаватель С. Зорин и инженер Н. Алексеев написали работу, которая получила в «Самиздате» название «Ленинградской программы». Анализируя советское общество конца 60-х годов, С. Зорин и Н. Алексеев констатировали: «Партия и государственный аппарат составляют в нашей стране подлинную и решающую политическую силу. Высший слой этой пирамиды составляет аппарат номенклатурных чиновников, верхушкой которого является ЦК КПСС, Политбюро ЦК, Секретариат и отделы ЦК. К ним присоединяются: генералитет, аппарат Министерства внутренних дел и государственной безопасности, верхний слой государственного аппарата.⁴ Авторы «Ленинградской программы» видят в «номенклатуре» подлинный «правлящий класс». То, что Орвелл называл «внутренней партией».

«Номенклатура» возникает в первой половине 20-х годов,

как перечень должностей, находившихся в ведении отдела кадров ЦК. Быстро этот список включил в себя список всех «руководящих должностей» в партийном, государственном, профсоюзном, армейском, культурном аппарате страны. Возникла стройная иерархическая система: имеются номенклатура ЦК КПСС, номенклатуры ЦК республиканских партий, номенклатуры областных и районных комитетов партий.

По переписи населения, проведенной в 1970 году, группа «руководителей», включавшая секретарей первичных партийных организаций и председателей и секретарей сельских советов, насчитывала 405 784 человека, то есть составляла 0,35% населения.⁵

Обладая разной степенью власти, в зависимости от принадлежности к номенклатуре того или иного уровня, «номенклатурные работники» представляют собой олигархию особого типа — группу, объединенную участием в управлении страной.

Аристотель относил «олигархию» к «плохим» формам правления, определяя ее, как власть ради власти. Номенклатура — олигархия, которая скрывает суть своей власти за идеологической ширмой, объявляя себя — властью народа.

Номенклатура воспроизводит сама себя, отбирая в число олигархов людей с необходимыми качествами и щедро их вознаграждая. Андрей Сахаров рассказывает о том, как происходит отбор кадров: «Недавно большую группу хороших студентов выпускников различных ВУЗов страны собрали на месяц в Ленинграде... (комсомольцев, конечно) ...Их сытно кормили и много поили в лучших ресторанах, всячески развлекали — все бесплатно. В общем дали «покататься как сыр в масле». А потом спросили — хотите всегда так жить? Поступайте в ВПШ! (Высшая партийная школа), самый бездарный станет там, минимум, вторым секретарем райкома».⁶

Номенклатура состоит из взаимоподдерживающих групп, вступающих в союзы или конфликты. Ее можно сравнить с вассально-сюзеренной системой, типичной для феодального общества. Каждый номенклатурный работник имеет своих вассалов, в то же время являясь вассалом вышестоящего руководителя. Больше всего вассалов у генерального секретаря — у него нет сюзерена, но он не может не учитывать желаний своих вассалов.

Программа номенклатуры сводится к трем пунктам: расширение власти, расширение привилегий, возможность спо-

койно пользоваться властью и привилегиями. Хрущев посягнул на эту программу.

Герой сатирической комедии Маяковского «Баня», символ бюрократа и номенклатурного работника Победоносиков, кричит: « Попрошу меня не будоражить!». Коллективное руководство, избранное октябрьским пленумом ЦК, приступает к успокоению «номенклатуры». В первой большой речи после начала нового правления Л. Брежнев не перестает говорить о «проблемах»: он говорит о «нерешенных проблемах», «новых проблемах», «бесчисленных проблемах», «проблемах, которые следует решить». Совершенно естественно, что он не забывает о многочисленных «недостатках», «нуждах», «требованиях», задачах, «которые следует решить». Брежнев как бы забывает, что он был вторым секретарем при Хрущеве и рисует черное прошлое, когда царили «субъективизм» и «волюнтаризм». Новый первый секретарь предлагает в качестве панацеи: «объективную оценку», «правильное использование», «необходимые меры», «научные методы» и «гармоническое развитие».⁷

Первые действия нового руководства состоят в отмене хрущевских реформ: отменяются деление партии и ротация, ликвидируются совнархозы и восстанавливаются традиционные министерства, восстанавливается традиционная десятилетняя школа, которую Хрущев пытался заменить «политехнической» одиннадцатилеткой. Для успокоения населения восстанавливаются приусадебные участки, прекращается активное преследование церкви и религии. Новое руководство прежде всего желает показать, чего оно не хочет.

Положительная программа была представлена на первом послехрущевском пленуме ЦК в мае 1965 года, посвященном сельскому хозяйству. Как Хрущев после смерти Сталина, так и Брежнев после свержения «царя Никиты» возлагал вину за сельскохозяйственные неудачи на своего предшественника. Новый первый секретарь предлагал меры, которые должны были, наконец, решить сельскохозяйственные проблемы СССР.

С первых послереволюционных дней коммунистическая партия ищет философский камень, который позволил бы совершить чудо — обеспечить страну сельскохозяйственными продуктами. Был ленинский план кооперации, затем была сталинская коллективизация. После коллективизации испытывались самые различные волшебные средства: шарлатанские рецепты Лысенко, фантастические проекты посадки лесов и

орошения пустынь, глубокая вспашка и торфяные горшочки, «кукурузация» страны и «освоение целины». Все планы были основаны на принципе экстенсивного развития сельского хозяйства.

Программа Брежнева обещала колхозникам освобождение от «кукурузной» обязанности и перенос внимания с целинных земель на земли в центре страны. Сокращались обязательные поставки и устанавливалась — до конца 1970 года — сравнительно низкая норма обязательных поставок, что должно было повлечь за собой увеличение закупок сельскохозяйственных продуктов государством по повышенным ценам. Программа Брежнева делала упор на значительное расширение мелиоративных работ, строительство каналов, увеличение производства удобрений, сельскохозяйственных машин и предусматривала в связи с этим выделение огромных средств на капиталовложения в сельское хозяйство. В программу были включены давно ожидаемые социальные меры: право колхозников на пенсию и введение минимальной месячной заработной платы для колхозников, которая была значительно ниже не только заработной платы на заводских предприятиях, но и в совхозах.⁸

Особенность «новой программы» состояла в том, что она не была новой: основные ее линии продолжали политику, начатую Хрущевым еще в 1958 году.⁸ Политика Хрущева была очищена от рекламных эффектов, безудержного хвостовства и невероятных обещаний и представлена, как «научный план», дающий гарантию «подъема сельского хозяйства».

Инициатором реформ, исправляющих «волюнтаристские ошибки Хрущева в промышленности», выступил председатель Совета министров А. Косыгин. Реформа, предложенная Косыгиным, и утвержденная пленумом ЦК в сентябре 1965 года, а затем XXIII съездом в марте 1966 года, была начата Хрущевым. Главная ее идея была изложена в статье «План, прибыль, премия», опубликованной в «Правде» 9 сентября 1962 года. Автор статьи проф. Харьковского инженерно-экономического института Евсей Либерман предложил сделать критерием оценки деятельности предприятия его рентабельность, то есть прибыльность. Это значило учитывать неизвестные советской экономике принципы — спрос и предложение, используя материальное стимулирование рабочих и предприятий. Необходимым условием осуществления этой реформы было

предоставление предприятиям широкой автономии, освобождение их от мелочной опеки со стороны плановых органов и «госконтроля».

Идеи Либермана, статья которого произвела колоссальное впечатление на Западе, как свидетельство изменения характера советской системы, не были открытием. В 1956 году польские экономисты, прежде всего проф. Оскар Ланге, предлагали все эти меры. Хрущев в неутолимой жажде изменений пожелал использовать предложения Либермана, поддержанные крупнейшими советскими экономистами Л. В. Канторовичем, В. С. Немчиновым, В. В. Новожиловым. Незадолго до падения в августе 1964 года Хрущев согласился на испытание системы Либермана на двух текстильных фабриках: «Большевичка» в Москве и «Маяк» в Горьком. Через два дня после падения Хрущева Косыгин распространяет эксперимент на ряд других предприятий и объявляет о подготовке программы реформ, охватывающих всю промышленность страны.

Программа, принятая пленумом и утвержденная XXIII съездом, была заранее обречена на провал, ибо пыталась сочетать несовместимое: расширение прав предприятий и восстановление центральных министерств, ликвидированных Хрущевым. О подобной попытке решить квадратуру круга писал В. Ключевский, характеризуя реформы Петра I: «Он надеялся грозою власти вызвать самостоятельность в порабощенном обществе... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно».⁹

3. Нарушители спокойствия

В 60-е годы на Западе прошли бурные выступления молодежи. Во Франции, США, Западной Германии студенты бунтовали, они были недовольны условиями жизни, ее бесперспективностью. Их вырастило общество потребления, поднявшее впервые в истории материальное благосостояние на небывалый уровень. Однако была утрачена духовность. Молодежь ищет замены. В странах Запада начинаются волнения, демонстрации.

Советская печать, сообщая о беспорядках, расписывая и смакуя их, сравнивала положение молодежи в капиталистическом мире с спокойной уверенностью советской молодежи

в завтрашнем дне, с ее стремлением отдать все свои силы делу строительства коммунизма. Однако за фасадом обычного хвастовства скрывалась совсем иная действительность. 60-е годы для советской молодежи также были временем исканий, связанных и с диспутами, и с открытыми проявлениями недовольства режимом и с активными выступлениями против него. Секретарь ЦК ВЛКСМ Г. С. Павлов писал летом 1966 года в журнале «Коммунист» не без беспокойства об усилившейся тяге молодого поколения к истории и теории коммунистического движения. Как и каждое новое поколение те, кто родились в конце 40-х годов, жаждали узнать правду о своей стране. Снова перед партией встала та же самая задача, что и в прошлом: фальсификации коллективной памяти народа, создание легенд о прошлом. Павлов предлагал собирать молодежь и старых большевиков, свидетелей прошлого, чтобы молодые люди из уст очевидцев событий узнали «правду».¹⁰ Повсеместно начали организовывать встречи с теми, кто случайно уцелел во время террора, или, наоборот активно участвовал в нем. И те, и другие рады были рассказать молодежи «правду». В связи с этим по стране пошли гулять анекдотические истории, вроде рассказа ветерана, который описывая взятие Зимнего дворца в октябре 1917 года, заключает, сокрушенно качая головой: «Да, погорячились мы тогда, малость»...

Но молодежь, особенно студенческая, не удовлетворяется встречами с ветеранами. Студенты требуют открытых диспутов, дискуссий, свободного обмена мнениями. Среди студентов, особенно высших учебных заведений, Москвы, Ленинграда, Киева, Горького растет и крепнет настроение покончить с цинизмом, пронизывающим советское общество сверху донизу. Академическое начальство, райкомы комсомолов и партии, местные активисты стремятся ограничить состав и число участников таких диспутов, но это не всегда удается. На дискуссии, организованной студентами физико-математического факультета МГУ на тему «Цинизм и общественные идеалы» (март 1965), прозвучали резкие выступления против дезинформации официальной печати и требования сказать о совершенных преступлениях в годы сталинского террора. Неверие, скептицизм и цинизм, распространяющийся среди молодежи, называют результатом политики партии, скрывающей правду. Один из выступавших предложил переименовать газету «Правда» в «Ложь». Другие студенты требовали привлечь к ответ-

ственности соратников Сталина: были названы имена Шверника, Сулова и Микояна. Полтора часа длилось выступление пришедшего на диспут художника Кузнецова, говорившего о преступлениях сталинских времен.¹¹ Позднее Кузнецов был упрятан властями в «психушку». Переполох вызванный диспутом выразился вскоре в «закручивании гаек» в высших учебных заведениях, в усилении преподавания предметов марксизма-ленинизма (научного коммунизма) и установлении правила, по которому неуспевающие по этому предмету не допускаются к сдаче других экзаменов.

Разочарование, недовольство, связанное с крушением старых идеалов и поисками новых охватывает не только студентов, но и часть школьников. В Москве, в школе № 16, группа старшеклассников расклеивает по ночам листовки в защиту Синявского и Даниэля. Участники группы разосланы по разным школам. Наказаны директор школы и учительница Бараль. Последней было вменено в вину, что она устроила два вечера в память Тухачевского и Якира, расстрелянных в 1937 году.¹²

По некоторым данным, в стране в 1967 году насчитывалось около 400 различных неофициальных молодежных групп, находившихся фактически в оппозиции к режиму. Участники групп придерживаются самых различных взглядов, от народнических до фашистских. К ним применяют профилактические меры — беседы, уговаривание, посылку на производство для «исправления», рассасирование по различным школам, беседы с родителями, собрания, обсуждения и прочее. Однако к более активным применяются суровые меры: аресты, суд, заключение в лагеря и тюрьмы.

Арест в сентябре 1965 года писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, а затем в феврале 1966 года суд над ними и жестокий приговор (7 лет лагерей Синявскому, 5 лет — Даниэлю), свидетельствовали о решимости нового руководства покончить с наиболее неприятным источником беспокойства — родившимися в хрущевскую эпоху надеждами на либерализацию системы.

Осуждение «культы личности» на XX съезде, освобождение миллионов заключенных, реабилитация некоторых из них, использованная рядом писателей возможность поставить вопросы — о терроре, причинах военных неудач после гитлеровского нападения, структуре советского общества, а главное

поведение Никиты Хрущева не перестававшего кидаться из крайности в крайности — посеяли надежды на возможность реформ режима, на возможность формирования общественного мнения. Хрущев разрешил опубликовать «Один день Ивана Денисовича» и тем самым позволил родиться феномену Александра Солженицына. Нет сомнения, что даже гений Солженицына не мог дать его повести, а затем его другим книгам и прежде всего «Архипелагу ГУЛАг» силу, потрясшую сознание мира, если бы подлинность описанного не была подтверждена публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» в Москве. Подлинность свидетельства жертв была подтверждена палачами. Но, разоблачая некоторые преступления Сталина, давая согласие на издание повести Солженицына, Хрущев не отказывался от репрессий. Первая книга о хрущевских лагерях, получившая широкое распространение в «Самиздате», «Мои показания» Анатолия Марченко — свидетельствовала о том, что, если население советских лагерей сократилось по сравнению со сталинскими временами, их характер остался неизменным.

Репрессивная политика Хрущева, несмотря на ее усиление в 60-е годы, носила случайный характер и не могла прекратить послесталинское бурление в обществе. К тому же репрессии носили «закрытый» характер: суды не были гласными, расстрел рабочих Новочеркасска в 1962 году и подавление выступлений рабочих в других городах долгое время оставались неизвестными.

Суд над Синявским и Даниэлем был первым публичным политическим процессом послесталинского времени. Значение его заключалось прежде всего в том, что на скамью подсудимых были посажены писатели, которых обвиняли в «агитации или пропаганде, проводимой в целях подрыва или ослабления Советской власти», в «распространении в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Подсудимым было предъявлено обвинение по статье 70 Уголовного кодекса, принятого в хрущевское время. «Агитация или пропаганда», «клеветнические измышления» — были книгами, написанными А. Синявским и Ю. Даниэлем; повестями, рассказами, критическими статьями. Материалом обвинения были литературные произведения: авторов отождествляли с героями произведений. Возможно, что это был первый случай в мировой юридичес-

кой практике. До сих пор никому не приходило в голову, что Достоевского можно было судить за убийство, ибо Раскольников его совершил — с заранее обдуманном намерением.

Суд над писателями означал формальное завершение послесталинской эпохи «разброда и шатания», конец «оттепели». После смерти Сталина писатели первыми стали задавать вопросы. Статья В. Померанцева «Об искренности в литературе»¹³ была первым публичным осуждением лжи, пронизавшей все клетки общества, и первым выражением потребности в искренности, в правде. Писатели — в разной форме и разной степени выражают в печати пробуждение мысли и чувств, казалось бы навсегда вытоптаных в послереволюционные годы. Рождающаяся мысль, не находя возможностей в подцензурной литературе, уходит в «Самиздат». Начинается, по выражению Анны Ахматовой, «догутенберговский период» советской литературы: сначала стихи, а затем и проза переписываются и распространяются — без разрешения цензуры. Открываются — в «Самиздате» — вычеркнутые из официальной литературы писатели (Булгаков, Платонов, Цветаева, Мандельштам), появляются новые писатели. Награждение в 1958 году Нобелевской премией Бориса Пастернака за роман «Доктор Живаго» дает могучий импульс «Самиздату». Нецензурированная литература находит путь на Запад: рождается «Тамиздат» — опубликованные на Западе книги возвращаются на родину и распространяются неофициальным путем.

Суд над Синявским и Даниэлем был расправой над обеими формами свободной литературы: обвиняемые не только писали без цензуры, но и посылали свои рукописи на Запад, откуда они возвращались в форме книг в Советский Союз. Что еще хуже, они печатали свои произведения под псевдонимами! Жестокий приговор был предупреждением всем авторам «Самиздата» и «Тамиздата», несомненной победой простиалинского крыла партии. Выступления, восхваляющие Сталина, происходят то здесь, то там.¹⁴ Сталинисты активно готовятся дать бой на XXIII съезде КПСС. За неделю до открытия съезда запрещаются представления на сценах московских театров «крамольных» спектаклей: «Живые и павшие» (театр на Таганке), «Теркин на том свете» (театр «Сатиры»), «Снимается кино» (театр им. Ленинского комсомола) и «Дион» (театр им. Вахтангова). Из плана издательства «Московский рабочий» выбрасывается переиздание книги В. Дудинцева «Не хлебом

единым». Из списка кандидатов в делегаты на XXIII съезд от московской партийной организации вычеркивается имя А. Т. Твардовского, редактора «Нового мира».¹⁵ Где-то в Удмуртии делегатом на съезд избирается реакционнейший писатель В. Кочетов, главный редактор журнала «Октябрь».

Угроза официальной реабилитации Сталина сплачивает на короткое время зарождающуюся, пока аморфную, оппозицию среди интеллигенции.

Осуждение Синявского и Даниэля, посеяв разброд и смятение в рядах «прогрессистов», тем не менее находит отпор с их стороны. 63 члена Союза Советских писателей, к которым затем присоединились еще 200 интеллигентов, обратились с письмом на имя XXIII съезда и Президиумов Верховных советов СССР и РСФСР (последние обладают правом помилования) с призывом выпустить А. Синявского и Ю. Даниэля на поруки.¹⁶

Академик А. Берг, один из крупнейших ученых в области кибернетики, узнав о возможной реабилитации Сталина на съезде партии, заявляет, что в этом случае он демонстративно выйдет из Академии Наук СССР.¹⁷

Рождается первое слово, означающее человека, согласного открыто выразить свое отношение к действиям советской власти: «подписант». Оно предшествует последующим определениям: «инакомыслящий», «диссидент». «Подписанты» действуют в строгих рамках советского закона и не требуют ничего иного, кроме соблюдения закона. В письме 63 писателей просьба выпустить осужденных на поруки аргументировались тем, что «этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения».¹⁸

Протесты вызывают новые репрессии. В 1966-67 годах политические процессы организуются по всей стране: в Москве и Ленинграде, Киеве и Львове, Горьком и Риге, Ташкенте и Омске. Суд над Синявским и Даниэлем вызывает протесты на Западе, где не хотят верить в неизменность советского строя. «Правда» отвечает четко и ясно: «Оркестрованная на западе с небывалым размахом кампания в защиту двух диверсантов от литературы дезориентировала кое-кого из честных людей. Видимо, не располагая должной информацией и восприняв писания буржуазной прессы, которая утратив всякий стыд, ставит Синявского и Даниэля в ряд с Гоголем и Достоевским и

уверяет, будто на суде шла речь о проблемах литературы и свободе творчества, некоторые прогрессивные деятели встревожились».^{18a}

Суд над Синявским и Даниэлем был расценен советской интеллигенцией как угроза возвращения к «сталинским временам». Протесты против процесса носят подчеркнуто антиопозиционный характер: «подписанты» не считают себя оппозицией, ни в коем случае не хотят быть оппозицией. Около 100 человек демонстрируют 5 декабря 1965 года в день Сталинской Конституции на Пушкинской площади, требуя соблюдения конституции. Во всех коллективных протестах подчеркивается их легальность.

Требования соблюдения советского закона рассматриваются руководителями советского государства как явная оппозиция, угрожающая существованию системы. Требование поставить закон между гражданином и государством, сделать закон обязательным и для граждан, и для государства рассматривается как преступление, наказуемое лагерем. Возникает круг: процессы вызывают протесты, протесты влекут за собой аресты и новые процессы. Александр Гинзбург, основатель в 1960 году одного из самых первых «самиздатовских» журналов «Синтаксис», арестованный и осужденный за него в 1962 году, собирает в «Белую книгу» протесты против суда над Синявским и Даниэлем. В январе 1967 года его арестовывают и осуждают на 5 лет лагерей. Материалы процесса Гинзбурга и его друга Юрия Галанцова, основателя «самиздатовского» журнала «Феникс» (1966), осужденного на 7 лет лагерей, собираются в книгу «Процесс четырех» Павлом Литвиновым, осужденным в 1968 году на 5 лет ссылки.

Складывающееся после свержения Хрущева общественное движение называет себя Демократическим. Его участник и первый исследователь Андрей Амальрик отмечает, что Демократическое движение включало в себя представителей трех основных идеологий, кристаллизовавшихся в послесталинскую эпоху, как альтернативные программы: «подлинного марксизма-ленинизма», «либерализма» и «христианской идеологии».¹⁹ Первая из альтернативных программ исходила из того, что Сталин искажил марксистско-ленинскую идеологию, а возвращение к ней позволит оздоровить общество; вторая — полагала возможным постепенный переход к демократии западного типа с сохранением принципа общественной и государ-

ственной собственности; третья — предлагала в качестве основы общественной жизни христианские нравственные ценности и, следуя традициям славянофилов, подчеркивала особый характер России. В начале 70-х годов, одновременно с обособлением трех оппозиционных течений, произойдет их персонализация. Каждая из программ станет отождествляться с личностью, наиболее ярко ее выражающей: Андрей Сахаров будет восприниматься, как воплощение либерально-демократической оппозиции; Александр Солженицын превратится в символ «христианской идеологии», Рой и Жорес Медведевы становятся наиболее известными глашатаями «подлинного марксизма-ленинизма».

А. Амальрик констатировал в 1969 году, что «число участников Движения в общем столь же неопределенно, как и его цели. Оно насчитывает несколько десятков активных участников и несколько сот сочувствующих Движению и готовых его поддержать».²⁰ Не имея возможности назвать число участников Демократического движения,²¹ Амальрик делает опыт анализа его социального состава. В числе 738 человек, подписавших коллективные и индивидуальные письма протеста против суда над Галансковым и Гинзбургом было 45% ученых, 22% деятелей искусства, 13% инженеров и техников, 9% издательских работников, учителей, врачей, юристов, 6% рабочих, 5% студентов.²²

Протесты против произвола, против процессов, нарушающих закон, в защиту прав человека воспитывают общественное сознание, пробуждают к жизни гражданские чувства, безжалостно истреблявшиеся долгие десятилетия. Протесты подрывают государственную монополию на тайну и предают гласности репрессивную деятельность государства. Важную роль играет в этом «Хроника текущих событий», начавшая выходить в 1968 г. Строго придерживаясь рамок закона, «Хроника» предала гласности все его нарушения советскими органами. Влияние идеологии «подлинного марксизма-ленинизма» проявляется в распространении убеждения, что главная цель Демократического движения — не допустить возвращения сталинизма, реабилитации Сталина.

Отсутствие глубоких теоретических исследований советского общества, советской системы вело к тому, что замена тотального террора выборочным рассматривалась как прогресс, как завоевание, которое необходимо беречь и защищать.

Страх перед возвращением сталинизма вел к тому, что существующий режим казался мягким, либеральным, слабым. А. Амальрик приходит к выводу в 1969 г., что «режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем».²³ Но Амальрик ошибался. Оборона была лишь временной.

Во второй половине 50-х и в 60-е годы советская система впервые за долгие десятилетия столкнулась с феноменом оппозиции. Это еще не была подлинная оппозиция — только ее зародыш. Но сам факт появления советских граждан, задающих вопросы о характере функционирования режима, вызывал страх у власти. Лояльное требование соблюдения закона не только казалось, но и в действительности было покушением на основы советского государства, ибо разоблачало фикцию закона, обнажало подлинную реальность, скрывающуюся за иллюзорностью слова.

Репрессии не прекращаются после смерти Сталина. Они лишь приобретают иной характер и сокращаются в масштабе. «Либерал» Хрущев, распустивший сталинские лагеря, очень скоро начал их снова наполнять, добавив к гамме репрессивных мер психиатрические больницы, как место заключения для инакомыслящих. Иллюстрацией к хрущевской политике репрессий могут быть аресты молодых москвичей, выступавших с чтением стихов в центре города — на площади Маяковского. Аресты — в числе арестованных были Ю. Галансков, В. Буковский, Э. Кузнецов — были произведены в октябре 1961 года, за три дня до XXII съезда партии, на котором впервые открыто говорилось о сталинских преступлениях. XXII съезд решил вынести тело Сталина из Мавзолея, но дух его жил в арестах, проводившихся в то же самое время.

Чудовищность сталинских преступлений превосходила воображение и породила убеждение, что террор, жертвами которого падают миллионы, неотъемлемая часть сталинизма. В годы правления Хрущева было доказано, что не меняя ничего в основах сталинского социалистического государства, можно обойтись без массового тотального террора. Хрущев продемонстрировал возможность делимости террора. Инерция сталинского террора неумолимо захватывала все население — щадился, оставался неприкосновенным только Великий Кормчий. Хрущев остановил террор на пороге ЦК. А. Авторханов пишет: «Уже во время ликвидации «антипартийной группы»

Молотова, Маленкова, Кагановича Хрущев допустил роковую при данной системе ошибку, которая предрешила, в конечном счете, его собственную гибель: он оставил на свободе участников этого первого заговора против себя. Если бы он уничтожил участников июньского заговора 1957 года, то октябрьский заговор 1964 года вообще не состоялся бы. Октябрьские заговорщики точно знали, что в случае неуспеха их ждет не пуля, а пенсия».²⁴

Террор не ограничивался — он делился. Менялся его характер, неизменной оставалась сущность. Как неизменной оставалась сущность государства. Делимость террора свидетельствовала о стабильности режима, о том, что тотальный террор эпохи Ленина и Сталина сделал свое дело: позволил уничтожить оппозицию, изменить социальный состав общества, создать государство, основанное на страхе. Тотальный террор после смерти Сталина оказался ненужным, опасным для «номенклатуры». Террор эпохи Хрущева, а затем эпохи Брежнева казался мягким, незначительным, либеральным только по сравнению со сталинскими репрессиями. 7 и 5 лет за публикацию литературных произведений за границей для Синявского и Даниэля — наказание, которое вызвало бы возмущение, если бы касалось писателей любой капиталистической страны, казалось проявлением доброты по сравнению со сталинским временем. Лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов с тоской вспоминал на XXIII съезде партии времена, когда «судили, не опираясь на разграниченные статьи уголовного кодекса», а «руководствуясь революционным правосознанием», и когда непременно бы расстреляли «оборотней». Любое наказание казалось мягче расстрела. В результате эпоха Брежнева представлялась несравнимо «мягче» эпохи Сталина. И это было верно, до тех пор пока сталинский террор продолжал считаться нормой. Он продолжал считаться нормой руководителями страны, полагавшими, что они проявляют мягкость не расстреливая инакомыслящих. Он продолжал считаться нормой участниками Демократического движения, ждавшими в тревоге реабилитации Сталина и автоматического появления затем нового Сталина.

Владимир Буковский, один из участников и наиболее ярких представителей Демократического движения, делит рождающуюся оппозицию на «подпольную» и «открытую», видя в этих двух формах выражение двух психологий, «двух способов

жить: потаенного, подпольного, раздвоенного — и открытого, апеллирующего к закону, активно отстаивающего гражданские права».²⁵ Буковский вспоминает, что «все пятидесятые и шестидесятые годы, словно грибы, выросли организации, союзы, группы и даже партии самых различных оттенков».²⁶ Часть из них, преимущественно в Ленинграде, конспиривалась, пыталась действовать в подполье.

Подпольные «организации», многие из них насчитывали по несколько членов пытались, как метко подмечает В. Буковский, «повторить историю КПСС». История «подпольного движения» этого времени прекрасный образец воздействия мифа, созданного коммунистической партией СССР, даже на тех, кто в него перестал верить. «Подпольщики» старались создать организацию, которая, распространяя литературу, собирала бы единомышленников, чтобы затем перейти к осуществлению программы. Миф о том, что именно таким образом совершила революцию партия большевиков, убедил даже самих большевиков. Подпольные организации преследовались особенно жестоко. Причем независимо от программы: была ли это организация подпольных марксистов «Колокол» (процесс в 1965 году) или подпольных социал-христиан (процессы 1967-68 годов). Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН), созданный в феврале 1964 года четырьмя выпускниками Ленинградского университета, просуществовал 3 года. ВСХСОН, насчитывавший 28 членов и 30 кандидатов, готовившихся вступить в Союз,²⁷ был крупнейшей из раскрытых подпольных организаций. Идеология ВСХСОН питалась прежде всего «русской идеей» Н. Бердяева. Программа отвергала существующий в СССР строй, видя в нем «разновидность государственного монополистического капитализма» с экономической точки зрения, и «крайний тоталитаризм, вырождающийся в деспотию» с политической. Отвергая коммунистическую систему и критикуя пороки капитализма программа ВСХСОН предлагала государство «теократическое, социальное, представительное и народное».²⁸

Члены Союза рассматривали программу, сочетавшую идеи персонализма, корпоратизма и социал-христианизма, как перспективную цель. Своей практической задачей Союз ставил рост численности организации и самообразование. Но включение в программу пункта, гласившего: «Освобождение народов от коммунистического ига может быть достигнуто только

вооруженной борьбой. Для полной победы народу необходима своя подпольная армия освобождения, которая свергнет диктатуру и разгромит охранные отряды олигархии»,²⁹ дало возможность КГБ представить ВСХСОН террористической организацией.

История Социал-Христианского Союза характерна для «подпольного» типа мышления, вдохновленного большевистской мифологией. ВСХСОН строился как настоящая партия, с «главой организации», «начальником идеологического отдела», «хранителем материалов». Руководитель Союза Игорь Огурцов был осужден на 15 лет заключения, в том числе на 7 лет в печально знаменитой Владимирской тюрьме. Власти, перепуганные подпольной организацией, нераскрытой в течение 3 лет, безжалостно расправились с «террористами», хранившими один заржавленный пистолет.

Подпольный характер Союза, закрытый суд над его членами были причиной того, что его деятельность, его программа оставались долгие годы почти неизвестными.

Значительным событием общественной жизни страны стало письмо А. Солженицына, адресованное IV съезду Союза писателей в мае 1967 года. Ни один из 300 делегатов съезда, получивших письмо, не прочитал его с трибуны. Но 80 писателей (затем к ним присоединилось еще 9) потребовали обсуждения вопросов, затронутых Солженицыным. Автор «Одного дня Ивана Денисовича» выступил против цензуры: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем «Главлита» тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век!»³⁰

Осторожно, в завуалированной форме А. Солженицын высказывает мысль о том, что цензура представляет собой основу советской системы, живущей на лжи, запрещающей правду. Три года спустя в Нобелевской лекции 1970 года по литературе он выразит эту мысль в лапидарной форме: «Одно слово правды весь мир перетянет».³¹

4. Весна в Праге

Непрочитанное на съезде писателей в Москве, письмо Солженицына было прочитано на съезде писателей в Праге и получило поддержку подавляющего большинства чешских и словацких писателей.

«Пражская весна», как принято называть события в Чехословакии 1967-68 годов, многими чертами (несмотря на многие различия) сходна с событиями 1956 г. в Венгрии. Подобный процесс проходил и в Польше — в 1956 г. и в 1968 г.³² Всюду нараставшее недовольство населения находило выражение прежде всего в кругах интеллигенции: писатели излагали чувства и требования народа; программы реформ находили сторонников не только среди рядовых членов коммунистических партий, но и в руководстве. Появились руководители, обещавшие устранить недостатки коммунизма, сохранив систему, обещавшие «социализм с человеческим лицом».

Смерть Сталина и XX съезд дали толчок к «польскому Октябрю» и революции в Венгрии. Свержение Хрущева и нарастание оппозиционных настроений в Советском Союзе дали импульс «пражской весне» и событиям 1968 г. в Польше.

Рождение оппозиционного движения в СССР в 1964-68 гг., появление зародыша общественного мнения сопровождалось усилением национальных чувств в советских республиках. Политика советского руководства носит присущий ему в это время двусмысленный характер: в 1967 г. завершается многолетняя борьба малых народов, депортированных во время войны на восток, за официальную реабилитацию. Изданы соответствующие указы. Как будто все в порядке, но одновременно крымским татарам не разрешают вернуться на родину — в Крым, месхам (грузинам-мусульманам) не разрешают вернуться в Грузию, немцам Поволжья — в Поволжье.

В середине 60-х годов усиливаются национальные движения на Украине, в Литве, Закавказье.

В 1965 году волна арестов прокатилась по Украине. Удар был нанесен по интеллигенции, преимущественно молодежи. Литературный критик Иван Дзюба направил первому секретарю ЦК Украины П. Шелесту и председателю Совета министров В. Щербицкому длинный меморандум «Интернационализм или русификация», в котором объяснял причины беспокойства украинской интеллигенции. И. Дзюба протестовал против

«русификации», в которой видел угрозу существования украинского народа, обвиняя украинское правительство в нарушении «ленинских принципов национальной политики и национального строительства».³³ В 1966 году известный украинский журналист Вячеслав Чорновил, вызванный в качестве свидетеля по делу Михайлы Осадчего, арестованного за книгу «Бельмо», описывавшую жизнь в лагере, заявил протест против нарушений советского закона. Затем он обратился к прокурору республики с жалобой на преследования, которым подвергалась украинская интеллигенция. И был арестован.³⁴ За резкий протест против «русификации» был арестован в 1965 году учитель истории Валентин Мороз.

Судьба этих зачинателей украинского национального движения в середине 60-х годов отражает судьбу движения: после первого ареста их снова сажали в лагерь. В 1980 году В. Чорновил и М. Осадчий отбывали очередной срок. В. Мороз после 13 лет заключения был в 1979 году обменен — вместе с А. Гинзбургом, Э. Кузнецовым и пастором Винсом — на двух советских шпионов, арестованных в США. И. Дзюба, осужденный в 1973 году на пять лет лагеря, раскаялся. Сначала в статье в газете «Літературна Україна», а затем в книге «Грани кристала» он отказался от своих прежних взглядов, горько сожалея, что они были «подхвачены враждебной, буржуазно-националистической пропагандой за границей».³⁵

Оппозиционное движение в Литве неразрывно связано в 60-е годы с преследованиями, которым подвергается католическая церковь. Даже по официальным данным не менее 50% жителей республики — практикующие католики. Во второй половине 60-х годов Верховный Совет Литвы принял специальные указы, имевшие целью окончательно закрыть молодежи путь в церковь. С 1968 года десятки петиций, протестующих против религиозных преследований, адресуются правительственным органам. Суд над двумя священниками, обвиненными в обучении детей катехизису, вызывает демонстрацию протеста.

Вслед за «Хроникой текущих событий» появляется в 1970 году «Українски висник», а в 1972 — «Хроника католической церкви Литвы»: рождается самиздатовская печать, ставящая перед собой одну цель — регистрацию репрессий. Тем самым подрывается один из устоев советской системы — тайна террора, дававшая власти полную безнаказанность. Одновремен-

но гласность является необходимым условием существования общественного мнения.

Политический кризис в Чехословакии, вызванный целым рядом экономических, социальных и национальных причин, разрешается заменой на посту первого секретаря ЦК Антонина Новотного Александром Дубчеком. 46-летний словак, выпускник московской Высшей партийной школы, сын коммуниста, приехавшего до войны в СССР строить социализм, — Александр Дубчек, Саша, как называли его советские руководители, казался верной гарантией стабильности в Чехословакии.

Деятельность Дубчека и его сторонников с января по август 1968 года была очередной — после Польши, Венгрии, Советского Союза хрущевского периода — попыткой улучшить систему, реформируя ее, не меняя основы. Как и во всех других случаях, осуществление реформ начиналось после персональных изменений в партийном руководстве. Инерция борьбы за власть, сочетавшаяся с очевидностью кризисных явлений и возможностью возложить вину за все неудачи на предшественника, неизменно вела к тому, что проводимые реформы начинали угрожать основам строя. Никита Хрущев великолепно выразил чувство руководителя коммунистической партии, вынужденного согласиться на некоторые реформы: «...шли на оттепель в руководстве, и шли сознательно, и сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым трудно бы было справиться... Боялись тогда, что народ, что руководство не сможет справиться со своими функциями и направлять это по советскому руслу...» Как обычно, Хрущев завершает свою мысль поговоркой: «И хочется, и колется, и мама не велит».³⁶

В каждой из социалистических стран, переживавших кризис, граница системы достигалась в разных пунктах. Образование рабочих советов и требование вывода советских войск из Будапешта стали поводом для интервенции. Хрущев обрек себя, разделив партию. В Чехословакии граница допустимых реформ была достигнута после отмены цензуры. На совещании руководителей социалистических партий, созванном в Варшаве 14 июля 1968 года, В. Гомулка, настаивая на прекращении «чехословацкого эксперимента», аргументировал: «Отмена цензуры означает, что партийное руководство отказалось оказывать малейшее влияние на жизнь страны».³⁷ Для Гомулки,

поддержанного всеми собравшимися, отмена цензуры была равносильна отказу от власти. Советская печать объявила отмену цензуры контрреволюцией, которая «состояла в том, чтобы, захватив средства массовой информации, деморализовать население страны, отравить сознание трудящихся ядом антисоциалистических идей».³⁸

Переводчик Гомулки, присутствовавший на совещании в Варшаве, рассказал в своих воспоминаниях о чувстве страха перед «ядом антисоциалистических идей», которое звучало в речах всех руководителей коммунистических стран. «Мы имеем дело с контрреволюцией, в которой противник не стреляет, — объяснил Гомулка собравшимся. — Если бы он стрелял, все было бы для нас гораздо проще, ибо тогда мы могли бы реагировать иначе».³⁹

Александр Дубчек и его сторонники пытались изо всех сил убедить руководителей «братских стран» в своей способности провести реформы, которые позволили бы ликвидировать кризис, не подрывая основ социализма. Целый ряд встреч между чехословацкими реформаторами и руководителями «братских стран» не дали результатов. А между тем один из вдохновителей «Пражской весны», горячий сторонник «социализма с человеческим лицом» Йозеф Смирковский, в 1968 году член Политбюро и председатель парламента, написал в 1973 году письмо Л. Брежневу, в котором подтверждал, что его «социалистические взгляды не изменились, что он с удовольствием следит за советской политикой разрядки».⁴⁰ Через 5 лет после интервенции войск Варшавского пакта Й. Смирковский верил, что Л. Брежнев положительно отнесется к его совету «начать переговоры между представителями СССР, политиками 1968 года и сегодняшними политическими руководителями» для того, чтобы сделать Чехословакию «надежным союзником СССР».⁴¹ Умерший в феврале 1974 года Й. Смирковский продолжал до конца жизни верить, что «в ближайшие несколько месяцев можно ожидать каких-то конкретных шагов...»⁴²

Иллюзию относительно советских намерений, иллюзию относительно борьбы «голубей» и «ястребов» в Политбюро КПСС Й. Смирковский сохранил до своей смерти. На этой иллюзии строят свою политику Дубчек и его сторонники летом 1968 года. Как свидетельствуют, ставшие известными, материалы переговоров советских и чехословацких руководителей, материалы совещаний «братских» стран, решение о вмеша-

тельстве было принято после публикации в июне обращения к народу, вошедшего в историю как «2 тысячи слов». Манифест, под которым поставили свою подпись десятки тысяч чехословаков, констатировал, что «аппарат власти вышел из-под контроля народа», что компартия Чехословакии «превратилась из политической партии и идейного союза в орган власти и стала притягательной силой для властолюбивых эгоистов, для трусов и людей с грязной совестью».⁴³

После публикации манифеста вопрос о вторжении стал проблемой тактической. Среди руководителей социалистических стран были сторонники немедленной интервенции — В. Гомулка, В. Ульбрихт, Т. Живков, были сторонники выжидательной тактики — Я. Кадар. С принципом интервенции были согласны все. И в Политбюро КПСС, как можно судить, дискутировались только сроки. Сосед Чехословакии, первый секретарь компартии Украины П. Шелест настаивал на скорейшей ликвидации «Пражской весны», заражавшей «ядом антисоциалистических идей» украинцев. Брежнев, только еще укреплявший свою власть, готов был выжидать.

Советские руководители, наученные опытом Венгрии, решают осуществить интервенцию в Чехословакии силами всех социалистических государств. И. Тито и Н. Чаушеску заявляют о своей поддержке политики А. Дубчека. Румыния отказывается включить свои войска в экспедиционный корпус.

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года советские военные самолеты высаживают парашютистов на аэродроме в Праге. Воинские соединения СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии вступают на территорию Чехословакии (часть этих войск уже находилась там для «маневров»). Арестованных членов Политбюро чехословацкой компартии доставляют в кандалах в Москву. Руководители Чехословакии не выдерживают нажима Политбюро КПСС и подписывают (только И. Кригель отказался это сделать) соглашение с СССР о пребывании советских войск на территории Чехословакии. Они обязываются также вновь ввести цензуру и отменить все те реформы, которые придавали «человеческое лицо» социализму.

Ровно за 30 лет до того, в 1938 году в Мюнхене, президент Чехословакии Гаха, плача, подписал навязанное ему Гитлером соглашение, обрекавшее страну на поглощение Третьим рейхом. В 1938 году нацист Гитлер сломал волю демократа Гахи. В 1968 году советские коммунисты ломали чехословацких ком-

мунистов, попытавшихся реформировать систему социализма, нарушивших таким образом обязательную для всех коммунистов дисциплину. «Все, что мы хотим сделать, — заявил чехословацкий лидер, — это создать социализм, не теряющий своего человеческого характера».⁴⁴

Наивный Дубчек! Ведь это и есть самая настоящая крамола, прямое обвинение, брошенное в лицо реальному советскому социализму. Новые руководители Чехословакии приступили к «нормализации» страны: суровыми репрессиями были подавлены все проявления недовольства.

Вторжение в Чехословакию не было случайным актом, который «коршуны» навязали «голубям» в Политбюро КПСС. Это было выражением принципов «пролетарского интернационализма» и советской внешней политики, на которых Ленин начал строить советское государство. Вторжение в Польшу в 1920 году, установление советской власти в Закавказье в 1920-21 годах, организованные Лениным, были первыми проявлениями этих принципов. Эти принципы не соблюдались лишь в тех случаях, когда советское государство было слишком слабо для их реализации.

Ленинские принципы были повторены после вторжения в Чехословакию в статье, опубликованной в «Правде». Автор статьи изложил теоретическое обоснование вторжения в Чехословакию явно и недвусмысленно: «...Каждая коммунистическая партия ответственна не только перед своим народом, но и перед всеми социалистическими странами, перед всем коммунистическим движением... Социалистическое государство, находящиеся в системе других государств, составляющих социалистическое содружество, не может быть свободным от общих интересов этого содружества».

Переходя от общих положений к конкретному случаю Чехословакии, «Правда» констатировала: «Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна подвергается антисоциалистическому перерождению».

«Правда» заключала: «Те, кто говорит о «незаконности» действий союзных социалистических стран в Чехословакии, забывают, что в классовом обществе нет и не может быть неклассового права. Законы и нормы права подчинены законам классовой борьбы, законам общественного развития... Нельзя

за формально-юридическими рассуждениями терять классовый подход к делу».⁴⁵

Поскольку в социалистических странах классов нет, рассуждение о «классовом праве», о «классовой морали», о «формальном» праве и «абстрактном» суверенитете могли относиться только к классовой борьбе, понимаемой в масштабе земного шара. «Классовая борьба» — борьба между миром социализма и миром капитализма. Накануне вторжения в Чехословакию братских армий «Правда» торжественно заявила: «Для марксистов-ленинцев не могут быть и никогда не будут безразличными судьба социалистического строительства в других странах, общее дело коммунизма и социализма на земле». Статья называлась «Фронт непримиримой борьбы».⁴⁶

Западные журналисты назвали изложенные в «Правде» принципы — доктриной Брежнева. Это было очередным свидетельством незнания советской истории. 2 сентября 1920 года командующий частями Красной армии, распространявшими советскую власть в Средней Азии, телеграфировал Ленину после штурма Бухары: «Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победоносно развевается Красное Знамя мировой революции».⁴⁷ В 1968 году командующий союзными войсками, оккупировавшими Чехословакию, мог телеграфировать наследнику Ленина о том, что «Красное Знамя мировой революции» продвинулось далеко на Запад.

Подавление советскими войсками революции в Венгрии было потрясением для многих советских юношей. В Буковский пишет о трагедии своего поколения: «После того, как красноезвездные танки — мечта и гордость нашего детства — давили на улицах Будапешта наших сверстников, кровавый туман застилал нам глаза. После того, как весь мир предал нас, мы никому не верили. Наши родители оказались доносчиками и провокаторами, наши полководцы — палачами, даже наши детские игры и фантазии были пронизаны обманом».⁴⁸ 12 лет спустя значительная часть населения воспринимает вторжение в Чехословакию, как необходимый и справедливый акт. Советская пропаганда использует в качестве основного аргумента, объясняющего необходимости вторжения, угрозу Чехословакии, а следовательно и всем социалистическим странам, со стороны ФРГ. Советской пропагандистской машине удается осуществить образцовый дезинформационный маневр.

Правительство «Большой коалиции», в котором социал-демократ Вилли Брандт занимал пост вице-канцлера и министра иностранных дел, пришедшее незадолго до событий в Чехословакии к власти в ФРГ, изображается как прямой наследник Гитлера. Горькие воспоминания о минувшей войне используются для оправдания советской политики. Используется также чувство, старательно воспитываемое у советских людей, что мир должен быть благодарен Советскому Союзу за жертвы, которые он понес в ходе строительства социализма, во время войны с гитлеровской Германией, за помощь, которую он оказывал, оказывает и будет оказывать. Советские средства массовой информации не перестают твердить о «неблагодарности» чехов и словаков, забывших, кто их освободил в 1945 году. И этот аргумент воспринимается многими советскими гражданами.

Полностью задавить родившееся общественное мнение уже нельзя. Раздаются голоса протеста: на митингах и собраниях, организованных для одобрения вторжения в Чехословакию, в письмах в редакции газет. 25 августа 1968 года студентка Татьяна Баева, филологи Лариса Богораз и Константин Бабицкий, поэт Владимир Делоне, рабочий Владимир Дремлюга, физик Павел Литвинов, поэт Наталья Горбаневская, искусствовед Виктор Файнберг выходят на Красную площадь. На руках у Горбаневской трехмесячный ребенок. Демонстранты разворачивают плакаты с надписями: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу». ⁴⁹ Немедленно арестованные агентами КГБ, демонстранты предаются суду и подвергаются суровому наказанию. 95 деятелей советской культуры обращаются в Верховный Совет СССР с письмом протеста.

Летом 1968 года, в дни, когда готовилась ликвидация «Пражской весны», раздался голос Андрея Сахарова. В Самиздате появились «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Программа, предложенная Сахаровым, была основана на идее конвергенции: сближения социализма и капитализма, теряющих в процессе свои отрицательные стороны. Сахаров очень быстро убедился, что социалистическая система отвергает идею «конвергенции», как смертельную опасность для себя. Главным направлением его деятельности становится борьба за защиту прав человека. В 1970 году академик Сахаров и физики А. Твердохлебов и В. Чалид-

зе организуют Комитет защиты гражданских прав. Несмотря на открытый характер Комитета и соблюдение им советского законодательства, он подвергается жестоким преследованиям. Но голос Сахарова не удается заглушить.

А. Солженицын объяснил значение «феномена Сахарова»: «Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, всё было ими предусмотрено и осуществлено, чтобы эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтоб не мог раздаваться свободный голос и не могло родиться противоречие. Предусмотрено всё, кроме одного — чуда, иррационального явления, причин которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать. Таким чудом и было в советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова — в сонмище подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции, да еще в одном из главных, тайных, засыпанных благами гнезд — близ водородной бомбы».⁵⁰

Подобным чудом было и появление Александра Исаевича Солженицына.

После пятидесяти лет существования тоталитарного советского государства, все усилия которого были направлены на создание Нового Человека, Хомо Советикус, появление А. Сахарова, Солженицына, демонстрантов, протестовавших на Красной площади против оккупации Чехословакии, «подписантов», требовавших освобождения Синявского и Даниэля, рождение «Самиздата», создание полулегальных и нелегальных групп и организаций — свидетельствовало о поразительной силе человеческого духа.

За очень редкими исключениями «диссиденты», как станут называть всех тех, кто ставит под сомнение божественную мудрость государства, не были организованной оппозицией с программой и планом действия. «Диссиденты» требовали от государства соблюдения государственных законов и соблюдения прав граждан — в том числе национальных и религиозных. Их было очень немного: это свидетельствовало о том, что сбросить страх, которым дышали советские граждане полвека, — необычайно трудно. Появление «диссидентов» свидетельствовало о том, что это возможно, что государство не всемогуще.

К диссидентам советские граждане относятся по-разному. Одни с ненавистью, другие с опаской, третьи с симпатией.

Есть слой образованных людей либерального образа мыслей — у них преобладает чувство неловкости. Оно вызвано раздвоенностью их натуры: с одной стороны, советская действительность угнетает, вызывает раздражение, с другой стороны, материальные условия их жизни совсем неплохие по советским меркам — квартира, устойчивая заработная плата, а у кого есть и автомобили, и дачки. Их немного тревожит будущее, главным образом будущее их детей. Они во многом несогласны с властью, но предпочитают «не связываться». Знают, что могут быть неприятности. Кроме того, их несогласие с властью не принципиальное. Либералы готовы негласно помочь диссидентам деньгами, одеждой для семей заключенных, берут тайком читать самиздатовскую литературу, слушают заграничное радио на русском языке, поругивают радиостанцию «Свобода» и одобряют «Би-Би-Си»: умеренность им больше по душе. Для оправдания своей позиции, большей частью совпадающей с позицией власти (как правило, либералы всегда голосуют «за»), в своих собственных глазах, а особенно чтобы не терять уважения в глазах подрастающих потомков, они придумывают «теорию» — Галилей и Джордано Бруно. Первый отрекся под пытками инквизиции от своих взглядов и сохранил жизнь, второй открыто отстаивал свои взгляды, но потерял жизнь. Галилей воскликнул перед смертью: «А все-таки она вертится!», показав тем самым, что он, публично отрекшись от своих взглядов, лишь подчинился насилию. Либералы предпочитают выбор Галилея, делая вид, что этот выбор они делают также... под пыткой, хотя их еще не пытали, но ведь могут же быть неприятности! И это свое слабодушие они стараются внушить своим детям, превращая их в циников, конформистов и прагматиков.

5. «Разрядка» и «детант»

Вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию было встречено Западом, как нормальная мера по наведению порядка в принадлежащей СССР зоне. Президент США Джонсон 10 сентября 1968 года, через три недели после оккупации Чехословакии, заявил: «Мы надеемся, что этот неприятный дорожный инцидент не будет иметь длительных последствий и мы об этом постараемся».⁵¹ Премьер-министр Франции

Мишель Дебре дословно повторил выражение Джонсона о «дорожном инциденте». Министр иностранных дел ФРГ Брандт, встретившись через несколько недель после «инцидента» в Нью-Йорке с министром иностранных дел СССР А. Громыко заверил его, что начатые переговоры о заключении договора об отказе от применения силы будут продолжены. «Что мы могли сделать? — вздыхает в своих воспоминаниях посол ФРГ в Москве Гельмут Аллард. — В США Ричард Никсон поторопился еще быстрее, чем Жорж Помпиду, забыть об этом эпизоде».⁵² Генри Киссинджер, готовивший программу внешней политики США для Никсона, избранного в ноябре 1968 года новым президентом, приводит в своих мемуарах множество объяснений причин поспешности, с какой Запад, забыв о Чехословакии, вернулся к политике «разрядки международной напряженности», получившей в западных странах французское наименование «детант».

Посол ФРГ в Москве ссылался на то, что это Никсон поторопился вернуться к «детанту». Киссинджер говорит о том, что это западноевропейские страны давили на США, настаивая на соглашении с СССР. В числе других причин Киссинджер называет: надежду на то, что Советский Союз поможет США найти во Вьетнаме выход из войны; нажим деловых кругов, не перестававших надеяться на волшебный «советский рынок»; давление специалистов по Советскому Союзу — бывших послов в СССР А. Гарримана, Д. Кеннана, Л. Томпсона, Ч. Болена, настаивавших на «скорейшем принятии советских предложений, ибо соотношение сил в Кремле может измениться и ястребы начнут более жесткую политику».⁵³

Непонимание Западом советской политики красноречиво выразилось в разном наименовании этой политики. В переводе на русский язык «детант» означает «расслабление». «Краткий политический словарь» — энциклопедия партийного агитатора — определяет «разрядку» как результат «неуклонного укрепления позиции стран социализма», как поражение «сил империализма».⁵⁴

«Разрядка международной напряженности» была иным названием политики, основы которой наметил Ленин. Он любил повторять — как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот. Сослагательное наклонение выражало надежду, но и констатировало невозможность в тот момент «схватить капита-

лизм за шиворот». До тех пор пока это невозможно, необходимо — учил Ленин — идти на временные соглашения: «договор есть средство собирания сил».⁵⁵ На заре советской власти чрезвычайный VII съезд партии принял решение, оставшееся законом советской внешней политики: «Съезд особо подчеркивает, что ЦК дает полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну».⁵⁶

Наступивший после смерти Сталина период растерянности, усугубленный раскрытием в ходе борьбы за власть глубокого экономического кризиса, в котором оказалась страна, вынудили новое руководство отказаться от политики «холодной войны». Резолюция XX съезда партии (1956) провозгласила: «Генеральной линией внешней политики Советского Союза был и остается ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем».⁵⁷ После падения Хрущева внешняя политика Советского Союза меняет название своей генеральной линии, но сохраняет ее содержание. На XXIII съезде (1966), на первой послехрущовской ассамблее, Брежнев заявляет: «Советский Союз рассматривает сосуществование государств как форму классовой борьбы между социализмом и капитализмом».⁵⁸ На XXIV съезде (1971), в медовые месяцы «детанта», приветствуя победы всемирного коммунистического движения, Брежнев говорит о «неутихающей идеологической борьбе», подчеркивая: «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил».⁵⁹ «Краткий политический словарь», языком, доступным каждому члену партии, объясняет: «В условиях разрядки международной напряженности идеологическая борьба между капитализмом и социализмом не только не затихает, а наоборот, усложняется, приобретает все более многообразные формы. Разрядка напряженности создает благоприятную обстановку для широкого распространения в мире коммунистической идеологии, идейных ценностей социализма, способствует разворачиванию наступательной идеологической борьбы в условиях мирного сосуществования государств с различным социальным строем».⁶⁰

«Мирное сосуществование» или «разрядка международной напряженности» это, по любимому выражению Ленина, продолжение войны другими средствами (Ленин любил приводить это изречение Клаузевица). Запад понимал «генеральную ли-

нию» советской внешней политики, как «детант», то есть возможность достижения «прочного мира путем урегулирования политических разногласий...»⁶¹ В советском политическом словаре понятие «прочный мир» существует только в том контексте, в каком использовал его Сталин, назвав орган международного коммунистического движения: «За прочный мир, за народную демократию». «Прочный мир» — ступень к народной демократии.

Стремление Запада к «детанту» объяснялось прежде всего небывалым экономическим расцветом: «общество потребления» жило стремлением потреблять все больше и больше и страхом потерять благосостояние. Никогда в истории человечества такой высокий жизненный уровень не был уделом таких широких слоев населения. Уступки, необходимые для соглашения с Советским Союзом, казались минимальной платой за «детант», за «прочный мир». Другой причиной стремления Запада к «детанту» было резкое ослабление позиции США в мире, вызванное катастрофической войной во Вьетнаме. Первая в истории война перед телевизионной камерой была одновременно классическим примером попытки выиграть идеологическую войну военными средствами.

Советская политика «разрядки международной напряженности» была прежде всего вызвана необходимостью «передышки». В конце 60-х — начале 70-х годов Советский Союз переживает очередной кризис. Кризис был политическим. «68-й год, — вспоминает В. Буковский, — был кульминацией. Казалось, еще немного — и власти отступят, откажутся от саморазрушительного упрямства... Целые народы грозили прийти в движение, и это ставило под угрозу уже существование последней колониальной империи».⁶² Кризис был экономическим. В конце 60-х годов экономическое развитие страны резко снизилось даже по официальным статистическим данным. Стало очевидным, что экстенсивный период развития, характеризовавшийся обильными резервами рабочей силы, закончился.

Экономическая реформа, торжественно провозглашенная после свержения Хрущева, осталась на бумаге. Оказалось невозможным видоизменить советскую экономическую систему для эффективной замены рабочей силы капиталом и широкого внедрения новой техники и технологии. Экономическая реформа требовала от советских граждан — рабочих, инженеров, тех-

нических руководителей — самостоятельности, инициативы, смелых решений. Одновременно подчеркивалось, что все эти качества можно проявлять только по указанию центральных органов и под контролем партии.

Выступая на очередном пленуме ЦК КПСС с очередной критикой недостатков советской экономики, Л. Брежнев спрашивал: «Товарищи! Возникает вопрос, чем объяснить невозможность для нас избавиться от таких узких мест, которые не позволяют нам идти вперед еще быстрее?»⁶³ Единственный реальный способ исправления всех недочетов, которые мешали «идти вперед еще быстрее», был найден еще Сталиным: «Самым плодотворным временем Сталина были ночи. Недоверчивый мозг его медленно раскрывался с утра. Хмурый утренним мозгом он смещал с должностей, срезал расходы, сливал министерства по два и по три вместе. Гибким же исхищенным мозгом ночи он придумывал, как министерства дробить, делить, как называть новые...»⁶⁴ В правление Брежнева продолжается описанная Солженицыным сталинская игра в укрупнение и разукрупнение, объединение и разъединение, которые оставляют без изменения чудовищную бюрократическую машину советского государства.

Причиной кризиса советской экономики является, однако, не бюрократический аппарат, а идеологический контроль, осуществляемый партией. Партия все направляет и все контролирует: каждая самостоятельная инициатива рассматривается как угроза авторитету партии, как удар по идеологии.

Самой отсталой, хронически отсталой отраслью советской экономики является сельское хозяйство. Отказавшись от волшебных средств, которые Хрущев насильно вливал в горло советскому сельскому хозяйству — от кукурузы, дальнейшего расширения посевов в засушливых районах и тому подобного, администрация Брежнева обратилась к другим волшебным средствам, прежде всего к капиталовложениям и химии. После неурожая 1963 года, который был поставлен в вину Хрущеву, последовали неурожаи 1965, 1967, 1972 и самый серьезный — 1975 года. Для предотвращения неурожаев на сельское хозяйство был пролит золотой дождь: в 1973 году доля капиталовложений в сельское хозяйство составляла 26,5% по сравнению с 23% в конце 60-х годов, в 1975 году доля эта достигла 27%.⁶⁵ Капиталовложения пошли в основном на строитель-

ство химических предприятий и с 1970 года Советский Союз опередил США по потреблению удобрений.

Кризис советского сельского хозяйства не был преодолен. Положение в сельском хозяйстве отражало положение в экономике СССР, который в 60-е годы начинают повсеместно называть второй экономической державой мира. В начале 30-х годов Сталин осуществил насильственную коллективизацию, которая должна была доказать преимущество коллективного способа ведения хозяйства по сравнению с индивидуальным. Ценой коллективизации был геноцид крестьянства страны.

Одним из важнейших аргументов в пользу коллективизации была необходимость механизировать сельское хозяйство, ибо, учил Сталин, машина производительнее ручного труда, а индивидуальный крестьянин не имеет ни возможностей приобрести машины, ни достаточно земли, чтобы использовать их. В 1973 году в Советском Союзе один 70-сильный трактор обрабатывал 114 га пахотной земли, один комбайн — 185 га. В США один трактор обрабатывал в это время 35 га, один комбайн — 58 га. В соответствии с планами понадобится — в случае выполнения планов — от 10 до 30 лет, пока советская промышленность не оснастит сельское хозяйство достаточным парком машин. Наиболее красноречивым показателем эффективности производства является производительность труда. В 1971—1973 годах с одного га в СССР собиралось в среднем 14,7 центнера зерна, то есть столько же, сколько собирали в Греции и Югославии в 1956-59 годах. В 1970 году один работник советского сельского хозяйства собирал 4,5 тонны зерна в год, один американец — 54,7 тонны; соответственно мяса — 320 и 4570 килограммов, молока — 2,8 и 11,8 тонны.

Один работник советского сельского хозяйства обрабатывает в среднем 5,4 га, то есть столько же, сколько обрабатывал русский крестьянин в 1913 году, когда на семью приходилось в среднем по империи 15 га.⁶⁶

Советские руководители давно уже молчаливо признали, что колхозная система является нерентабельной. Слияние маломощных колхозов, начавшееся вскоре после войны, превратилось постепенно в ликвидацию колхозов и организацию вместо них совхозов. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные. В 1965 году в распоряжении колхозов было 44,7% используемых для сельскохозяйственных нужд земель, в 1970 г. — 34,7%, в 1978 г. — 24,2%. В то же время

доля совхозов выросла с 55,1% в 1956 г. до 65,6% в 1970 г., до 75,2% в 1978 г.⁶⁷ На четверть сократилось количество рабочих рук в колхозах, зато в совхозах их стало на 39 процентов больше.

Это может означать ликвидацию колхозной системы в недалеком будущем. Но это означает еще большую централизацию управления сельским хозяйством со всеми вытекающими из этого неблагоприятными последствиями.

В конце 60-х годов разрыв между победными цифрами и реальностью стало трудно скрывать. «В последние тридцать лет СССР развивался быстрее, чем США», — констатировал английский экономист Алек Нёв.⁶⁸ По статистическим данным оказалось, что с 1928 по 1969 год СССР подготовил в 2,5 раза больше инженеров, чем США.⁶⁹ Победные цифры оглушали западных ученых и государственных деятелей, но даже советская статистика должна была признать, что советская экономика в 1979 год производила не более 60% американской продукции.⁷⁰

Можно полагать, что Брежнев, задавая в 1979 году риторический вопрос о причинах невозможности «избавиться от узких мест», догадывался каков ответ, а может быть и знал. Первой причиной была и остается сама советская система. Она и есть самое узкое место. Другая причина — нежелание советских трудящихся «расшибаться» на работе, за которую их так плохо вознаграждают. Знаменитый анекдот: государство делает вид, что платит, рабочие делают вид, что работают — объясняет причину низкой производительности труда. Наконец, препятствует работе экономики система чудовищно гипертрофированного планирования и централизованного управления. Кардинально же реформировать эту систему партия категорически отказывалась.

История «социально-экономического эксперимента» Ивана Худенко продемонстрировала невозможность реформ. 12 ноября 1960 года Совет министров СССР разрешил ответственному сотруднику аппарата Совета министров Ивану Худенко провести эксперимент по организации в совхозе новой системы труда и оплаты. У власти был Хрущев, искавший волшебные средства для лечения советского организма. Худенко предложил распределить все работы между звеньями — небольшими группами рабочих, получающими полную хозяйственную самостоятельность. Единственное требование, которое им ставится: произвести такой-то продукт в такой-то срок. Оплачива-

ются достигнутые результаты без ограничения заработной платы. Результаты были поразительны. Себестоимость зерна упала в 4 раза, зарплата возросла в 4 раза, а прибыль на одного работающего в 7 раз. Рабочие стали работать — как на себя. Иван Худенко представил расчеты, из которых следовало, что введение его системы по всей стране позволит увеличить производство зерна в 4 раза, сократив число занятых в сельском хозяйстве в 6 раз: вместо 35 — немногим более 5 миллионов.

Советская печать встретила в первые годы эксперимент восторженно, ему был посвящен фильм «Человек на земле». Когда стало очевидно, что «социально-экономический эксперимент» Худенко, в случае его распространения, приведет к коренной реформе советской экономики — расширению самостоятельности и ограничению планирования — эксперимент был «закрыт», Худенко арестован и приговорен к большому лагерному сроку по обвинению в «хищении государственного имущества в крупных размерах». 12 ноября 1974 года Иван Худенко умер в тюрьме.⁷⁴

Неспособность прокормить население собственной страны указывает не только на органические пороки советской системы, но и на ее социальную отсталость. В США, экономическую и социальную систему которых советские пропагандисты не устают поносить по поводу и без него, в сельском хозяйстве страны занято всего 2,5-3% самодеятельного населения. В Советском Союзе — 25%.⁷²

Это факты, а факты, как говорил самый последовательный коммунист мира, И. В. Сталин, «упрямая вещь».

И все же, с трудностями и перебоями, но советская экономика работает. Работает по нескольким причинам. За счёт огромных расходов, которые покрываются национальным богатством страны — происходит проедание наследства потомков. На помощь «первой», государственной экономике приходит «вторая» экономика, никакими законами не предусмотренная и никем не спланированная. Это неофициальная система действующая согласно законам рынка. В Москве и Ленинграде, в Прибалтике, в закавказских республиках, в Средней Азии существуют подпольные фабрики, артели, частные столовые, частные такси, идет бойкая торговля валютой и вещами, привезенными с Запада. Все в чем отказывает потре-

бителю государственная промышленность, поставляет на рынок «вторая» экономика. В 60-е и 70-е годы по всей стране прошли процессы по обвинению в создании подпольных предприятий, торговле бриллиантами и валютой и прочее. На процессах выяснилось, что производство «второй» экономики тесно связано с государственной распределительной сетью, что подпольные предприятия получали необходимое оборудование по нарядам министерств, или закупали его непосредственно на государственных предприятиях как «вышедшее из употребления». Установлено было, что свою продукцию подпольные предприятия сбывали через государственные торговые точки. Но это лишь одна сторона «второй» экономики. Было немало случаев, когда государственные предприятия выпускали сверхплановую продукцию за счет сырья не использованного в производстве, производили больше товаров, чем то предусматривалось планом (путем незаметного снижения их качества), а затем сбывали излишки продукции через государственную торговую сеть.

В этих грандиозных по масштабу финансово-торговых операциях, где счёт идет на сотни миллионов рублей, принимает участие с немалой для себя выгодой министерская бюрократия. Дельцы находятся под оплаченной ими защитой милиции, органов прокуратуры, районного или областного партийного руководства.

В финансово-валютных махинациях, во взяточничестве оказались замешанными такие высокопоставленные лица, как кандидат в члены Политбюро, первый секретарь КП Грузии Мжаванадзе, как председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Насреддинова.⁷³ Они лишились своих постов, но никто из них не был привлечен к уголовной ответственности.

Одной из наиболее распространенных форм коррупции в Советском Союзе является взяточничество, принявшее характер национального бедствия. Взятки берут в высших учебных заведениях при приеме студентов, а иногда и при сдаче ими очередных экзаменов, в медицинских учреждениях за оперирование больных и за уход за ними. Взятки в торговой сети стали регулярной данью, которую платят все, начиная с директора торговой точки и кончая руководителем торга. Круг замыкается обычно где-то в первом эшелоне союзных или республиканских министерств.

Торгуют не только товарами, продается положение в обществе в виде должностей в партийном и государственном аппарате, почетных и научных званий и пр.

Партия ограничивается косметикой существующей системы, разрешая «менеджерам» увлекаться — в ограниченных рамках — модными теориями, приходящими с Запада: «система управления», «маркетинг», «системные исследования». Польский сатирик Станислав Ежи Лец предупреждал: «Не рассказывайте снов, к власти могут прийти фрейдисты». Соцреалистическая литература рассказывает сны советских руководителей. Трехтомная сага Михаила Колесникова о сибирском кузнеце Сергее Алтуние, идеальном советском человеке, который становится заместителем министра — в СССР дорога вверх открыта всем! — представляющая собой образец воинствующей графомании, интересна описанием механизма принятия решений на верхних этажах советского руководства. Сергей Алтунин, высококультурный советский человек признается жене: «Рембрандта люблю, ей богу. И «Лебединое озеро» обожаю». Он направляется за границу. «Придется посетить лондонскую и манчестерскую школу бизнеса, Британский институт управления... Потом махну в США перенимать опыт гарвардской и слоуновской школ бизнеса... Есть еще Швеция, есть общеевропейские центры...»

Сергей Алтунин делает блистательную карьеру, ибо хорошо знает, что все западные «школы бизнеса» — только украшение. Власть находится в руках партийного комитета: «Партком был здесь деятельным органом. Все время контролировал работу аппарата (министерства). Очень бдительно контролировал». ^{73а} Работники парткома, очень бдительно все контролирующие, не кончали Гарварда и лондонской «школы бизнеса». Они кончили высшую партийную школу и поэтому знали все лучше всех. Ибо владели «марксизмом-ленинизмом» — учением единственно правильным, потому что победоносным, и победоносным, потому что единственно правильным.

В конце 60-х годов брежневское руководство принимает решение использовать Запад для ликвидации «узких мест» советской экономики, для получения «передышки».

Запад восторженно приветствовал советское предложение о «разрядке международной напряженности», увидев в ней политику «детанта». Естественной была радость коммунистических партий мира и левой западной общественности: на кон-

ференции европейских коммунистических партий в Карловых Варах в 1967 г. Брежнев не скрывал, что «последние несколько лет ясно показали, что в условиях разрядки международной напряженности стрелка политического барометра идет влево».⁷³⁶

К детанту побуждал и страх народа перед опасностью термоядерной войны. Проблема обуздания гонки ядерных вооружений, ограничения зоны их распространения находилась в центре внимания международных отношений в 60-е и 70-е годы. Советский Союз ставил своей целью — и довольно успешно реализовал ее — не допустить передачи ядерного вооружения ФРГ. Была найдена соответствующая формула о предотвращении распространения ядерного вооружения. США были также заинтересованы в сохранении хотя бы частичной монополии в своих руках.

Опасность изготовления атомного оружия в зонах постоянного напряжения (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия) была слишком явной. Супер-державы, стараясь избежать прямого вовлечения в международные вооруженные конфликты, не могли игнорировать возможность овладения атомным оружием и отдельными террористическими организациями. В 1968 году по инициативе СССР и США был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия.⁷⁴ В 1970 году был заключен Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов всех видов оружия массового уничтожения.

В 70-е годы США и СССР заключают соглашения об ограничении стратегических вооружений. Уже первый договор — ОСВ-1 (1973) подтвердил и зафиксировал тот факт, что СССР достиг паритета в стратегических вооружениях с США. ОСВ-2 (1979) зафиксировал уже некоторое преимущество СССР. Оба соглашения были фактически соглашениями о довооружении. ОСВ-2 было достигнуто после семи лет переговоров в момент, когда обе супер-державы подошли вплотную к проблеме использования лазерных лучей в качестве смертоносного нового оружия («лучи смерти»).

Термоядерного оружия накоплено СССР и США вполне достаточно, чтобы обратить нашу планету в звездную пыль. Соглашения ОСВ означают лишь незначительный спад непосредственной угрозы, но не могут изменить опасной ситуации, в которой находится мир.

Историки XXI века отметят, наверное (если цензура им

разрешит), как наиболее удивительный парадокс XX века ничем не поколебимое стремление капиталистов помогать коммунистическим государствам, не скрывавшим своей цели: ликвидации капитализма. На протяжении шести десятилетий существования советской власти в СССР капиталисты не переставали бежать за синей птицей: не переставали верить в трансформацию коммунизма, в его превращение в капиталистическое государство высшего типа — с твердой властью, без права забастовок, с неограниченной возможностью получения прибылей.

Известный американский историк Майкл Флоринский в начале 30-х годов был уже твердо уверен: «Бывшие ярые сторонники мировой революции заменили шпагу станком и рассчитывают сегодня больше на результаты своего труда, чем на радикальные действия для обеспечения окончательной победы пролетариата».⁷⁵ Война подтвердила все надежды. После Ялтинской конференции ближайший советник Рузвельта Гарри Гопкинс, самый горячий поклонник Сталина в окружении президента США, не имел сомнений: «Русские доказали, что они могут быть рассудительными и осторожными. Ни у президента, ни у кого из нас нет никаких сомнений, что мы можем сожительствовать с ними без всяких проблем сколько угодно времени».⁷⁶ Анкета, проведенная журналом «Форчюн» в 1945 году, показала, что из всех групп американского населения больше всех возлагают надежды на послевоенные намерения Советского Союза бизнесмены. Они верили, в частности, что не менее 1/3 американского экспорта пойдет в СССР.⁷⁷

Тот факт, что экспорт в Советский Союз после войны не превысил 1% американского вывоза, не остудил надежд западных бизнесменов и политиков. Пугала их только перспектива смерти Сталина и прихода на его место «настоящего коммуниста».

Гарри Гопкинс предупреждал, что надежды на сотрудничество могут развеяться «если что-либо случится со Сталиным. Мы хорошо знаем, что он может быть рассудительным, здравомыслящим и понимающим...»⁷⁸ Американский посол в Москве Чарльз Болен успокоил Вашингтон относительно преемника Сталина Г. Маленкова: «...Маленков произвел на меня впечатление человека с более западно-настроенным умом, чем у других советских руководителей. Во всяком случае, кажется, что он понимает нашу точку зрения, не соглашается

с ней, но ее понимает».⁷⁹ Болен возлагал серьезные надежды на Маленкова и потому, что тот «выделялся среди советских руководителей этого периода тем, что он не пил». Американский посол заметил, что Маленков не пил, как другие руководители, на дипломатических приемах. Когда Маленкова заменил советский руководитель, который пил даже на приемах, оптимизм американцев продолжал торжествовать. Аврелл Гарриман писал в 1959 году: «Я думаю, что г-н Хрущев проявляет глубокое желание повысить жизненный уровень своих сограждан. На мой взгляд, он рассматривает нынешний семилетний план, как увенчание коммунистической революции и исторический поворот в советской жизни».⁸⁰ Излишняя экспансивность Хрущева, его способность говорить то, что он думает (неприятно удивило Запад заявление Хрущева: «Мы вас похороним»), его эксцентричность (башмак, которым он бил по столу на Генеральной Ассамблее ООН) объясняют некоторое безразличие, проявленное на Западе к его судьбе, и вспышку надежд, связанных с «коллективным руководством», с генеральным секретарем Л. Брежневым.

На этот раз сомнений не было: к власти пришли инженеры. Не имело значения, что никто из членов Политбюро, получивших в далекие годы юности инженерные дипломы, никогда не работал по специальности, сразу же выбрав профессию партийного работника. Посол ФРГ в Москве не находит слов для выражения своего восхищения «технократами в лучшем смысле этого слова» Косыгиным и Громыко.⁸¹ «Технократы», «менеджеры», консерваторы — так видит Запад администрацию Брежнева.

Цели ее — по мнению Запада — мирные. Подсчитано, что после окончания второй мировой войны Советский Союз принимал участие в 190 военных акциях.⁸² Г. Киссинджер, готовя для вновь избранного президента США внешнеполитическую программу, указывает, что во внешней политике СССР ведут борьбу две линии. Первая — тенденция к примирению с Западом, основанная на страстном желании приобрести потребительские товары и на страхе перед войной. Киссинджер не скрывал, что есть — по его мнению — и вторая линия, основанная на коммунистической идеологии, линия столкновения с США, выражающая подозрительность руководителей, аппарата партии, армии и тех, кто опасается, что разрядка напряженности приведет к ослаблению уз, привязыва-

вающих страны-сателлиты к Советскому Союзу.⁸³ Профессиональный политолог (в течение многих лет профессор Гарварда) и руководитель внешней политики США в администрации Никсона Киссинджер был убежден, как и все другие американские государственные деятели, что Советский Союз руководствуется в своих внешних сношениях двумя линиями: политической и неполитической. Сторонники этих двух линий ведут между собой борьбу, следовательно необходимо помогать «технократам» против «идеологов». К этому распространенному на Западе взгляду Киссинджер добавил план заключения с СССР многочисленных соглашений о сотрудничестве в разных областях, чтобы связать его паутиной совместных интересов и обуздать таким образом экспансионистские намерения.

В 1978 г., уже потерявший власть Киссинджер,⁸⁴ признавая крах своей политики, объяснял ее тем, что «в 1972 г. мы были посреди вьетнамской войны, а в 1974 г. посреди Уотергейта».⁸⁵

Основная причина неудачи политики «детант», ставшей очевидной для Запада в конце 70-х годов, заключалась в непонимании главной черты советского государства, каждое действие которого носит политический характер. Накануне Олимпиады 1979 г. в Москве противники бойкота, утверждали, что нельзя смешивать спорт и политику. Деловые круги утверждали, что нельзя смешивать торговлю и политику, но необходимо оказывать всяческую помощь Советскому Союзу. Они резко протестовали против «вмешательства правительства в их дела». Менее чем через год после вторжения в Чехословакию войск Варшавского договора «Нью-Йорк Таймс» предупредил правительство США, что ограничения торговли с социалистическими странами «обречены на провал».⁸⁶ «Если они готовы строить автомобили, станции обслуживания, паркинги, мотели, рестораны, — призывал наиболее красноречивый из представителей деловых кругов, международный адвокат Самюэль Писар, — помощь им лежит в наших очевидных интересах».⁸⁷ Американский эксперт Теодор Шабат утверждает: необходимо помочь Советскому Союзу разведывать и использовать энергетические резервы.⁸⁸ И даже «проблемы ограничения вооружений», по мнению «Вашингтон пост», «являются абсолютно независимыми от политических проблем»⁸⁹

В числе причин, побудивших советских руководителей предложить Западу «разрядку», был конфликт с Китаем. Разрыв с Китаем вменялся, среди прочих обвинений, в вину Хрущеву. После свержения Хрущева новое руководство сделало попытку улучшить отношения с Китаем. Мао Цзе Дун, ведший ожесточенную борьбу за власть, получившую название «культурная революция», отверг все предложения Москвы. «Культурная революция», поразительно схожая с периодом «большого террора» в СССР (по своим целям: трансформация страны по плану обожествленного Вождя, по своим методам: тотальный, не щадящий никого террор),⁹⁰ нуждалась во внешнем враге, как факторе объединения народа. Многомиллионные «демонстрации ненависти», подобные тем, какие периодически организовывались и организуются в СССР, сценарий которых с поразительной точностью представил Орвелл в «1984», проходили по всему Китаю против «ревизионистов», «новых царей» и тому подобное. Напряжение нарастало и на советско-китайской границе.

2 марта 1969 года 300 китайских солдат встретили пулеметным огнем советский пограничный патруль, высадившийся на пустынном островке Даманский, расположенном на реке Уссури. Китайцы, называющие остров Ченп, считают его частью своей территории, советские карты оспаривают это утверждение. Советские пограничники, потеряв 23 человека убитыми и 14 ранеными, отступили. 15 марта обе стороны подготовившись, организовали настоящий бой за пустынный, в один квадратный километр остров. Бой длился 9 часов, в нем участвовали танки, артиллерия и ракетное оружие. Обе стороны понесли тяжелые потери. Впервые после венгерских событий 1956 года вооруженный конфликт вспыхнул между двумя коммунистическими государствами.

Обе стороны использовали конфликт во внутривнутриполитических и внешнеполитических целях. В Пекине советское посольство было подвергнуто многодневной осаде, в Москве китайское посольство стало объектом гнева многотысячной демонстрации, получившей разрешение разбить все окна и облить стены чернилами. Руководители Китая и Советского Союза используют в своей пропаганде националистические мотивы: китайцы обвиняют Москву в продолжении «царской империалистической политики». Е. Евтушенко синтезирует советскую пропаганду в стихотворении «На красном снегу

уссурийском», призывая бороться «за Русь и за веру» против «новых батыев».⁹¹

Советские руководители пытаются в период вооруженных столкновений на китайской границе — после Уссури они вспыхивают в Синьцзяне, на Амуре — получить первые дивиденды политики «разрядки международной напряженности». Главный аргумент Москвы: «желтая опасность» грозит Западу. Обозреватель советского агентства печати «Новости» использует предоставленную ему страницу парижской газеты «Ле Монд» для предупреждения европейцев: китайцы угрожают не только России, они грозят Европе. Советский обозреватель утверждал, что территория, отошедшая к России в 1858-60 годах, была не китайской, а ничейной и поэтому Пекин не имеет на нее никаких прав. К тому же, добавлял он, Великая китайская стена стоит не на Уссури, и даже не в Маньчжурии.⁹² Советский посол в Вашингтоне 11 марта горячо убеждал Киссинджера, что «Китай — общее дело всего мира».⁹³

18 августа сотрудник советского посольства в Вашингтоне неожиданно спросил завтракавшего с ним чиновника государственного департамента, как будет реагировать американское правительство, если советские самолеты уничтожат китайские ядерные установки.⁹⁴ Через месяц Виктор Луи, единственный советский «независимый журналист», выполняющий различные деликатные задания различных «органов», опубликовал в лондонской газете статью, в которой писал о том, что «теоретики-марксисты» предвидят «советско-китайскую войну», воздушную атаку против китайских ядерных установок в Лоб-Нор, обращение «антимаоистских сил» в Китае за «братской помощью к другим социалистическим странам».⁹⁵

Сценарий (за исключением удара по ядерным установкам) был хорошо знаком: он был использован в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии и — снова 12 лет спустя — в Афганистане. Его выполнение, однако, всегда требовало согласия Запада. Известно, что оно было дано в 1956 г. Было оно дано и в 1968 г. Член Политбюро чехословацкой компартии в 1968 г. Зденек Млынаж рассказал, эмигрировав на Запад: в конце августа 1968 г. Брежнев заявил руководителям «пражской весны», что он получил заверение президента Линдона Джонсона о невмешательстве США в чехословацкие дела.⁹⁶

В 1969 г. США отказались дать свое согласие на превен-

тивную войну. Неясно до сих пор, действительно ли Советский Союз разрабатывал план нападения, или лишь специально распускал слухи о возможности войны, чтобы повлиять и на Китай, и на Запад.

Китайское правительство, приняв советские угрозы всерьёз, объявило в 1969 г. о согласии возобновить переговоры с СССР. Осенью 1970 г. послы СССР и Китая, отозванные за несколько лет до того, возвратились на свои посты. Начал расти торговый оборот.⁹⁷ После смерти Мао Цзедуна в 1976 г. китайское руководство постепенно отходит от ярко выраженной антисоветской политики. В 1979 г. возобновились переговоры об урегулировании пограничных проблем и демаркации границы. Не исключено, что советско-китайские отношения будут медленно улучшаться.

В то же время Китай предпринял в 70-е годы серьёзные шаги для улучшения отношений с США.

Образуется треугольник Москва-Вашингтон-Пекин, который, начиная с 70-х годов, определяет мировые события. Свидетельством нового соотношения сил на земном шаре является тот факт, что два угла треугольника занимают коммунистические державы. Капиталистический мир, прежде всего США, пытается использовать советско-китайское соперничество, поддерживая то одного, то другого противника: результатом является усиление идеологии, ставящей своей конечной целью ликвидацию всех других систем и идеологий.

6. На пути к Хельсинки

Первая половина 70-х годов представляет собой замкнутый период: подходит к концу первое десятилетие власти Брежнева, завершается IX пятилетка, сильно уже задетая первыми волнами мирового экономического кризиса, подписывается финальный акт Европейского соглашения в Хельсинки — долгожданный плод «разрядки». В первой половине 70-х годов происходит событие, означающее поворот в мировой политике. Советский Союз достигает в области ядерного вооружения паритета с США. Американское превосходство, длившееся весь послевоенный период, пришло к концу в 1967 году. К 1969 году число советских ракет, способных достичь американской территории, сравнялось с числом американских ракет и продолжало неуклонно расти.⁹⁸ А. Сахаров в статье о положении в мире и в Советском Союзе, написанной 4 мая 1980 года в ссылке в Горьком, отмечает как важнейший факт «кардинальное переоснащение и расширение вооружений», осуществленное в СССР в 60-е и 70-е годы.⁹⁹ На XXIV съезде партии министр обороны СССР маршал Гречко утверждает: «Советский Союз способен на силу ответить превосходящей силой».¹⁰⁰

По американским и английским данным (достоверных советских данных нет) военный бюджет Советского Союза возрастал в 1965—1977 годах ежегодно не менее чем на 4,5%, составляя не менее 11-13% национального продукта.¹⁰¹ В это же время США предназначали на военные расходы 6% национального продукта, хотя он вдвое превышает советский.¹⁰²

Характерно, что Советский Союз тратит на нужды личного состава вооруженных сил 16% военного бюджета, США — 56%.¹⁰³

Цифры красноречиво демонстрируют изменившееся соотношение сил. В 1967 году США располагали 1054 межконтинентальными баллистическими ракетами, а Советский Союз 570. В 1979 году США сохранили число этих ракет неизменными, Советский Союз увеличил их до 1409.¹⁰⁴

Состав американской армии сократился за десятилетие с

3,5 млн. военнослужащих до 2,06 миллионов. Советская армия увеличилась с 3,68 до 4,19 миллионов.¹⁰⁵

Еще разительнее соотношение сил на так называемом европейском театре между силами НАТО и силами Варшавского пакта: по танкам 1:2; бронетранспортеры — 1:2; противотанковые ракеты 2:1; артиллерийские системы и минометы — 1:2.¹⁰⁶

Стратегическое преимущество Советского Союза определяется и тем, что союзник Западной Европы США находится далеко за океаном, а основная сила Варшавского договора — советская армия — рядом.

60-е и 70-е годы были временем бурного развития советского военно-морского флота. Один из вдохновителей создания советского океанского флота адмирал Горшков определяет морскую мощь Советского Союза, как «реальную способность государства эффективно использовать Мировой океан в интересах коммунистического строительства».¹⁰⁷ Ссылаясь на Ленина, «уделявшего господству на море... серьёзное внимание»,¹⁰⁸ командующий советским военно-морским флотом признает, что «завоевание господства на море продолжает сохранять актуальность».¹⁰⁹ Он лишь добавляет, что «советское военно-морское искусство полностью отвергало попытки отождествить понятие «господство на море» с понятием «господство над миром».¹¹⁰

Советский военный флот стал важным элементом глобальной советской стратегии, «важным инструментом политики в мирное время, осуществляя защиту интересов Советского Союза и поддержку дружественных стран».¹¹¹

Мечты Ленина, полагавшего, что Красная Армия, вторгшаяся в 1920 году под командованием Тухачевского в Польшу, принесет Европе «счастье и мир», осторожность Сталина, отвергавшего в 30-е годы планы строительства «большого флота», ибо «не у берегов Америки воевать будем», кажутся наивными наследникам создателей советского государства. В середине 70-х годов они имели, наконец, средства для осуществления утопии.

Американский военный министр Гарольд Браун признавался: «Почему Советский Союз так настойчиво стремится увеличить свои стратегические ядерные возможности нам неясно».¹¹² Советский военный теоретик М. Скирдо дает ответ: «Решающее значение ныне приобретают не потенциальные

экономические возможности государства, которые можно привести в ходе войны, а соотношение тех сил и средств, которыми вступившие в борьбу стороны располагали еще до начала военных действий».¹¹³

Советские руководители стремятся создать колоссальный военный перевес до начала военных действий, ибо они хорошо знают об экономической слабости СССР.

Слабость советской экономики побуждает советское руководство расходовать все больше и больше средств на вооружение и армию, необходимых для осуществления их планов, а эти непомерные расходы не перестают ослаблять советскую экономику.

В конце ноября 1961 года XXII съезд партии принял новую программу, которая твердо опираясь на самую передовую науку, обещала: «В ближайшее десятилетие (1961—1971 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня».

В январе 1970 года в передовой «Правды» были изложены основные тезисы доклада Брежнева на пленуме ЦК, состоявшегося в декабре 1969 года. Генеральный секретарь констатировал, что обещания Программы не могут быть выполнены, что Золотой Век откладывается: «В ряде республик и областей страны допущено необоснованное сокращение поголовья скота и птицы, производства мяса, молока, яиц, вследствие чего начали появляться трудности в снабжении населения продуктами животноводства, особенно в крупных промышленных центрах...» Кроме того констатировались: «Отставание темпов развития ряда отраслей промышленности, медленный рост производительности труда, эффективности общественно-го производства».¹¹⁴

IX пятилетка (1970-75) должна была, впервые в советской истории, обеспечить быстрее развитие средств потребления (группа Б) по сравнению со средствами производства (груп-

па А). Фантастические обещания Хрущева уступили место невыполнимым обещаниям Брежнева. И прежде всего было объявлено о переходе в «реальный социализм» — на новую высшую ступень по направлению к Цели.

Прилагательное было выбрано безошибочно: слово «реальный» прикрывало ирреальность экономики, всего советского общества, Цели. План выполнялся, перевыполнялся и слегка недовыполнялся. Центральное статистическое управление публиковало цифры. В то же время за всеми продуктами необходимо было стоять в очередях и неисправимые сочинители анекдотов говорили, что повышение жизненного уровня советских граждан выражается в том, что очереди стали лучше одеты. К великому празднику — столетию со дня рождения Ленина — гражданам обещали «забросить» в магазины нитки.

Парадоксы советской экономики делают из нее особый феномен, понять который используя традиционные способы экономического анализа невозможно. Подводя итоги IX пятилетки, Брежнев говорил на XXV съезде (1976) о замечательных успехах промышленности, об увеличении выпуска товаров. То же самое он повторил и на XXVI съезде (1981). Выступая в Тбилиси накануне XXV съезда КПСС первый секретарь ЦК грузинской компартии Шеварнадзе, наводивший в то время порядок в республике, приоткрывал реальность: «Каждое четвертое изделие массового потребления — неудовлетворительного качества... На каждые 10 тыс. жителей за 4 года девятой пятилетки в Грузии ежегодно строилось в среднем 50 квартир, на Союз — 91 квартира». Брежнев говорил на съезде об ассигновании в новой пятилетке на сельское хозяйство 172 млрд. рублей,¹¹⁵ а Шеварнадзе признал: «На каждый рубль, вложенный в наше сельское хозяйство, мы получаем 39 копеек в виде отдачи».¹¹⁶

Производительность труда, по данным академика А. Хачатурова, в советской промышленности в два раза ниже чем в США, в сельском хозяйстве ниже в 4-5 раз.¹¹⁷ Советская система планирования и учета построена таким образом, что повышение производительности чрезвычайно невыгодно предприятию: чем выше производительность труда тем меньше число рабочих, что влечет за собой повышение плана и снижение общего фонда заработной платы. «Существует порог производительности труда, признает советский экономист, переходить который не целесообразно, так как может последо-

вать резкое повышение планового задания».¹¹⁸ В результате «на большинстве отечественных машиностроительных заводов численность работников в 1,3 — 1,4 раза выше, чем на подобных же предприятиях за рубежом».¹¹⁹ Использование ненужных рабочих позволяет сохранять полную занятость, но является одной из причин низкой заработной платы.

Подсчет заработной платы в СССР, производимый часто западными экономистами, прекрасный пример ирреальности советской экономики. Лучший знаток советской экономики во Франции проф. Кербле скрупулезнейшим образом подсчитал на основе советских и западных источников среднюю заработную плату в СССР, Франции и США на 1973 год — третий год IX пятилетки. Зарплата нетто в СССР составляла 121,90 руб., во Франции — 1496,61 франка, в США — 606,51 долл. Переведя рубли и франки в доллары по официальному курсу, проф. Кербле получил среднюю зарплату соответственно в 168,14 долл., 361,64 долл. и 606,51 долл.¹²⁰ Академик Сахаров в это же время на основании наблюдений внутри страны пришел к выводу, что средняя зарплата в СССР равна 110 руб., что «по покупательной способности... приблизительно соответствует 55 долларам или 275 франкам».¹²¹ Однако и этот подсчет не отражает всей реальности. А. Сахаров принял стоимость доллара, слегка завывсив, в 2 рубля, полагая, что такая реальная покупательная способность рубля. Академик Сахаров решил, видимо, не осложнять подсчет анализом стоимости рубля — самой удивительной из монет, существующих в мире.

Стоимость рубля определяется волей партии и правительства: в Советском Союзе существует несколько видов «валютных рублей», позволяющих приобретать в специальных учреждениях товары, которых нет в обыкновенных магазинах. В 30-е годы они назывались сухо и таинственно «торгсин» (торговля с иностранцами), в эпоху «реального социализма» они называются лирико-поэтически — «Березка». В «Березках» — рубль цены не имеет. Это, возможно, единственный случай в мире, когда отечественная валюта не принимается магазинами страны. Кроме «Березок» существует разветвленная сеть специальных магазинов для «номенклатуры», в которых цены продуктов варьируются в зависимости от положения покупателя на иерархической лестнице. Наконец, хроническое отсутствие продуктов превращает рубль в иллюзорную монету, на которую нельзя купить товары.

М. Восленский предлагает ввести наряду с «реальной заработной платой» понятие «эффективная заработная плата», которая определяет «подлинное количество товаров потребления и услуг, которые работающий может получить за свою заработную плату».¹²²

Ничтожность «эффективной заработной платы» влечет за собой снижение производительности труда, плохое качество работы, прогулы. В августе 1979 года «Правда» опубликовала победные релижи: «Выдающееся достижение советской космонавтики: успешно завершён самый длительный в истории пилотируемый полёт в Космос продолжительностью в 175 суток».¹²³ В это же время «Комсомольская правда» напечатала подборку писем читателей, которые жаловались: поезд из Красноярска в Москву прибыл с опозданием на 14 часов, из Новокузнецка в Челябинск с опозданием на 17 часов 30 минут, из Воронежа в Москву — на 4 часа.¹²⁴

Полеты в космос — область военных усилий СССР и успехи в ней несомненны. Военная промышленность занимает в советской экономике особое место не только потому, что ей уделяют особое внимание, но и потому, что это единственная отрасль, работающая в условиях подлинной конкуренции с Западом. Изделия советской военной промышленности должны не уступать по качеству изделиям «передовых в промышленном отношении стран». Это не значит, конечно, что военная промышленность не страдает общими пороками советской экономики, но это значит, что лечению этих пороков уделяется внимание.

В двухтомнике речей и докладов Брежнева, подготовленных в подарок XXV съезду и подытоживших взгляды брежневского руководства после десятилетия пребывания у власти, определялись условия развития страны на стадии «зрелого социализма». Брежнев ясно и открыто говорил: никаких реформ, никакой «научно-технической революции»: «Только партия, вооруженная учением марксизма-ленинизма и опытом политической организации масс, способна определять главные направления общественного развития». Главные качества, которые партия требует от руководителей: «высокая идейность и компетентность».¹²⁵ Идейность вначале, компетентность — потом.

Неудача IX пятилетки (советская статистика косвенно признала это, объявив о том, что вопреки обещанию «группа А» развивалась быстрее «группы Б») официально объяснялась

двумя плохими урожаями: в 1972 и 1975 годах. Последствия неурожаев, особенно катастрофического в 1975 году, могли бы быть необычайно тяжелыми для страны и для власти, если бы не немедленная помощь Запада, прежде всего США.

Закупки зерна за границей начал Хрущев в 1962 году. С тех пор Советский Союз из года в год покупает зерно в США, Канаде, Австралии, Аргентине и Бразилии. Политические соображения играют не последнюю роль. Нехватка продовольствия ведет к волнениям рабочих. В 60-е и 70-е годы в Советском Союзе вспыхивают забастовки в крупных промышленных центрах. Наиболее крупное волнение произошло после Новочеркасских событий 1962 года на автомобильном заводе в Тольятти в 1980 году. Происходили забастовки на предприятиях центральной России (Ярославль, Муром). Причины одни и те же — нехватка продовольствия, тяжелые материальные условия жизни. Не прекращались волнения в наиболее уязвимой зоне советской империи — в Польше. В 1970 году рабочие волнения заставили сменить на посту первого секретаря партии В. Гомулку Э. Гереком, а спустя 10 лет в 1980 году заменить Герека на том же посту С. Каней. Вывод ясен — экономические трудности чреваты политическими осложнениями. Урок был учтен и закупки зерна и других продовольственных товаров растут. В 1972 году СССР закупил в США 18 млн. метрических тонн зерна.¹²⁶ Но этот рекорд был превзойден в 1979 году — СССР закупил 25 млн. тонн зерна и пшеницы в США.¹²⁷ Согласно ранее заключенному договору, СССР мог закупать в течение 5 лет ежегодно 15 млн. тонн зерна без специального разрешения американского правительства.

Подписание этого первого в своем роде соглашения было откровенным признанием краха советской аграрной политики.

25% всего самодеятельного населения Советского Союза занято в сельском хозяйстве (в США от 2,5 до 3 процентов).¹²⁸ Не помогает ни количество рабочих рук, ни техника, ни химия.

Поразительный факт: почасовая оплата работника сельского хозяйства в СССР составляла 44 копейки (59 центов по официальному советскому курсу), а в США 2 доллара 30 центов.¹²⁹

Тонна зерна, закупленного в США, обходится вдвое дешевле произведенного в СССР. Советскому Союзу дешевле покупать зерно за границей, чем производить его у себя. Необходимые средства — в условиях «детанта» — также оказалось возможным получить на Западе.

Вот что говорит по этому поводу сенатор Джексон: «Облегчение контроля над торговлей стратегическими материалами с Советским Союзом является принципом политики детанта». И далее: «Выгодой, которая должна быть достигнута этим, было большее сотрудничество с советской стороны. Но Советский Союз использовал детант для приобретения новейшей технологии Запада для укрепления советского военно-индустриального комплекса».¹³⁰

Была решена трудная дилемма пушек или масла. Разрядка позволила Советскому Союзу посвятить себя производству «пушек», приобретая на благоприятных условиях, в случае особо острой необходимости, «масло» на Западе. Но не только «масло». Продукты потребления уже в конце 20-х годов были зачислены в «группу Б», как предмет второстепенный. Запад оказывает — как оказывал всегда — помощь прежде всего в производстве «пушек»: в период разрядки практически было отменено эмбарго на поставку стратегического оборудования Советскому Союзу. 25 февраля 1976 года государственный департамент признал, что с 1972 года в СССР производятся по американской лицензии миниатюризованные шарикоподшипники, без которых невозможно создать систему управления ракет дальнего действия с разделяющимися ядерными боеголовками.¹³¹ Американские ЭВМ служат основой компьютерной системы, управляющей воздушной обороной стран Варшавского договора.¹³² Поставив на 500 миллионов оборудования, без которого строительство гигантского автозавода на Каме (КАМАЗ) было невозможно, американцы «обнаружили», что завод строит моторы для военных машин.¹³³ Помощь и сотрудничество успешно развивались во всех областях: во время вьетнамской войны США делились опытом с Советским Союзом, посылая военные учебники типа: «Тренировка для операций в джунглях», «Террористическая тактика вьетконга в Южном Вьетнаме», «Система операций Воздух-Земля», «Использование химических и биологических средств»¹³⁴ и так далее.

Расследование, проводимое в Сенате США летом 1980 года, обнаружило, что американские и западноевропейские фирмы снабжают СССР химическим оборудованием и обеспечивают экспертизу, которая облегчает Советскому Союзу развитие химического и биологического оружия. 80% советского произ-

водства полиэтилена и 75% химических удобрений обеспечено благодаря оборудованию, поставленному Западом.¹³⁵

В распоряжении руководителей Запада имеется достаточно доказательств существования практического сотрудничества между СССР и западными фирмами, изготовляющими оборудование и материалы, которые легко используются в военных целях. Стало известным также, что часть оборудования, имеющего стратегическое значение, была получена Советским Союзом из США через третьи страны.

Сравнение программ научного обмена между США и СССР не оставляет никакого сомнения, что СССР использует научный обмен для улучшения технологии военного производства и наращивания военного потенциала. Советские ученые, приезжающие в Америку по обмену, изучают исследования в области плазмы, металлургии, компьютерного контроля над машинами, ферроэлектрической керамики, фотоэлектрики, полупроводников. Американские ученые приезжают в СССР для исследований в области социологии, истории, литературы, русской поэзии и археологии.¹³⁶

Поставки «масла», помощь в производстве «пушек» являются лишь деталями системы экономических связей между СССР (и другими странами «социалистического лагеря») и Западом. Характер этих связей приобрел в годы «детанта» новое качество. Сотрудничество, без которого советская система не смогла бы выжить, превратилось в партнерство.

«Если вы даете небольшой кредит кому-нибудь, — объяснял директор крупного банка в лондонском Сити, — он становится вашим дебитором. Но если вы даете ему крупный кредит, вы делаете его своим партнером. Несмотря на свою идеологию, советский блок является сегодня нашим очень влиятельным партнером».¹³⁷ В 60-е годы социалистический блок почти не пользовался западными кредитами. В 1974 году они составляли уже 13 миллиардов долларов, а в 1978 году достигли 50 миллиардов, продолжая расти. 30% этой суммы дали Советскому Союзу и другим странам СЭВ английские банки, по 20% — немецкие и французские, 13% — американские. В 1975 году западные банкиры считали, что если дебитор выплачивает в качестве процентов 20% своих доходов, ему больше нельзя давать в долг. В 1978 году Советский Союз выплачивал 28% своих доходов за полученные кредиты.¹³⁸ Но швейцарский банкир признавался: «точную сумму долга знает только Кремль.

Мы в тумане, поскольку западные банки хранят свои отношения с советским блоком в тайне. В результате мы не знаем в точности ни условий уплаты долгов, ни процента этого нового русского займа».¹³⁹

Предоставив зоне «реального социализма» колоссальные кредиты, которые не перестают расти (западные банки дают новые кредиты для того, чтобы получить проценты за прежние долги), капиталистический мир связал себя с ней бесчисленными нитями экономических интересов. Важнейшей заботой Запада стало сохранение стабильности, а следовательно платежеспособности социалистического мира. Интересы реального социализма стали интересами Запада. Советский Союз не решает всех своих экономических проблем с помощью «масла», «пушек» и кредитов, поставляемых Западом, но он решает важнейшие, те, которые в условиях социалистической системы оказываются неразрешимыми. Например, внедрение новейшей техники. Одновременно Советский Союз обретает понимание, сотрудничество, помощь со стороны своего врага.

В 1978 году был награжден орденом Дружбы народов один из инициаторов западного сотрудничества с СССР американский бизнесмен Арманд Хаммер. «Я был очень тронут столь высокой наградой и письмом Леонида Ильича Брежнева, — делился своими чувствами владелец «Оксиденшал петролиум», 26-й среди крупнейших промышленных компаний США. — Это выдающийся лидер и в то же время простой, теплый человек, человек сердца...»¹⁴⁰ Д-р Хаммер, в течение 60 лет служащий образцом для западных бизнесменов, упрочил свое сотрудничество с СССР, начатое при Ленине, подписанием в 1973 году при Брежневе контракта на постройку химического предприятия стоимостью в 20 млрд. долларов. Когда в 1980 году после вторжения советских войск в Афганистан президент Картер наложил эмбарго на вывоз в СССР некоторых химических продуктов, для «Оксиденшал петролиум» было сделано исключение. Новый «дорожный инцидент» не мог порвать прочных нитей, связывающих западный бизнес с Советским Союзом.

Первая половина 70-х годов была временем активной дипломатической деятельности: разрядка и детант способствовали заключению серии договоров, фиксировавших новое соотношение сил в мире. Важнейшими среди них был договор с ФРГ (1970) и договор об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-1 (1972—1974) с США.

Договор с ФРГ, «подготовленный в гусарском темпе государственным секретарем при бундесканцлере Эгоном Баром и министром иностранных дел СССР Андреем Громыко и в такой же спешке подписанный в Кремле Брандтом и Косыгиным»,¹⁴¹ признавал гегемонию Советского Союза в социалистическом лагере и границы советской зоны. Договор, констатировал посол ФРГ в Москве, давал Советскому Союзу «ключ для осуществления дальнейших широко задуманных внешне- и внутривластных планов».¹⁴² В Кремле было подписано и соглашение с США. 23 мая 1972 года все советские газеты поместили на первой странице в центре фотографию: огромный стол с множеством стульев по обеим сторонам, на первом плане — Брежнев и Никсон благожелательно улыбаются друг другу. Они ведут переговоры. Хозяева мира. Больше за столом никого нет. Визит Никсона в Москву подчеркивал смысл подписанных соглашений. США признали паритет Советского Союза и новый характер отношений — отношений двух партнеров. Советские комментаторы настаивали на значении прежде всего соглашения о научно-техническом сотрудничестве. «В наш век бурного развития научно-технической революции ни одна страна, — писалось в «Известиях», — какой бы могущественной и высокоразвитой она не была, не может развивать науку и технику без участия в международном сотрудничестве».¹⁴³ Смысл комментариев был очевиден: могущественный Советский Союз получит помощь США и сможет наконец «догнать и перегнать Америку».

На протяжении всего визита подчеркивалось, что сближение с США — «политика партии». Подчеркивая это, Брежнев подписал важнейшие соглашения в качестве Генерального секретаря ЦК. Удивленным американским журналистам было объяснено, что Верховный Совет СССР имеет право передавать право подписи государственных актов кому пожелает.

Политика «детанта» изменила характер западной дипломатии. «Традиционные отношения между политикой и дипломатией изменились, — замечает французский историк Ален Безансон. — Нормально дипломатия была инструментом на службе политики. Например, визит был средством достижения политического соглашения... Теперь мы поставили политику на службу дипломатии. Мы идем на политическое соглашение, чтобы добиться права на визит».¹⁴⁴ Визит в Москву, встреча «на верхах» с советским руководством становится целью поли-

тики. Киссинджер рассказывает, что уже в 1972 году Никсон начинает искать возможности «организовать встречу на верхах».

1 августа 1975 года 32 главы европейских стран, а также главы США и Канады получили возможность участвовать во встрече «на верхах» с Генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым. В этот день в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Идея европейской конференции, которая подтвердила бы результаты второй мировой войны, была выдвинута Хрущевым в начале 60-х годов. В 1975 году конференция в Хельсинки зафиксировала результаты политики «разрядки» и «детанта».

В дни работы конференции — в июле 1975 года — состоялась встреча в космосе советского космического корабля «Союз» и американского — «Аполлон». Встреча была представлена в советской печати, как триумф «разрядки» и передовой советской техники. Этот триумф должен был сгладить поражение в гонке на Луну и подтвердить полное равенство двух партнеров. Американская фирма «Ревлон» выпустила специальные духи «ЭПАС» — «Экспериментальный полет Аполлон-Союз» — стоимость которых составляла в США 10 долларов, в Москве — в пересчете — 50 долларов 70 центов. Возможно, что в такой пропорции рассчитывается и стоимость космического полета для двух сторон.

Советско-американская встреча в космосе определила характер встречи на земле, в Хельсинки. Заключительный акт конференции состоял из соглашений, касавшихся трех проблем, трех «корзин», как называли их в Хельсинки. Прежде всего — проблема политическая: были подтверждены границы, установленные после второй мировой войны. Признавались не только границы Советского Союза, который был единственным государством, расширившим свою территорию после войны, признавалась и нерушимой зона «реального социализма» в Европе. Вторая «корзина» — экономическая — была соглашением о расширении экономических связей, то есть обещанием Запада помочь Советскому Союзу и странам, входящим в его зону, модернизировать экономику. Наконец, третья «корзина» выражала надежду Запада, что Советский Союз и другие страны «реального социализма» слегка приподнимут

«железный занавес» — будут уважать права граждан, в том числе на свободный «обмен идеями».

Тридцатилетняя война в Европе завершилась Вестфальским мирным договором (1648), который установил принцип, положивший конец войне между католиками и протестантами: *cujus regio, ejus religio*, чья власть, того и религия. Религия граждан определялась религией князя. Конференция в Хельсинки приняла этот принцип, но только по отношению к одной стороне. Запад обязался признать «религией» Восточной Европы — советскую «религию», Советский Союз отказался признать себя связанным какими бы то ни было обязательствами: поскольку «интересы человечества совпадают с классовым интересом международного рабочего класса, социализма... курс на разрядку... ни в малейшей степени не противоречит революционной стратегии борьбы за освобождение народов от классового и национального гнета, за социальный прогресс».¹⁴⁵

А. Солженицын, выступая в дни хельсинкской конференции перед американскими профсоюзными деятелями, спрашивал: «Разрядка — нужна или нет?» И отвечал: «Не только нужна. Она нужна как воздух! Это единственное спасение земли». Но разрядка может быть подлинной лишь при трех условиях. А. Солженицын перечисляет их: разоружиться не только от войны, но и от насилия, ликвидировать не только оружие, которым уничтожают соседей, но и то оружие, которым давят соотечественников; чтобы «вторая сторона» имела над собой контроль общественности, прессы, свободного парламента; отказаться от «человеконенавистнической пропаганды», от того, что в Советском Союзе «гордо называют идеологической войной».¹⁴⁶

За 30 лет до выступления Солженицына и подписания Хельсинкского соглашения об условиях сосуществования двух систем Артур Кестлер говорил: «Страна, которая сооружает линию Мажино цензуры и ведет из-за нее пропагандный огонь, совершает психологическую агрессию. Западные державы... должны потребовать: 1) свободного доступа иностранных газет, периодических изданий, книг и фильмов в СССР; 2) такого видоизменения советской цензуры (если она должна оставаться), которое позволит свободную циркуляцию информации о внешнем мире на советской территории; 3) свободного доступа аккредитованных журналистов, парламентариев и так далее на оккупированную СССР территорию; 4) отмены ограни-

чений на въезд иностранцев в СССР и выезд советских граждан за границу; 5) активного участия совместно с западными державами в организации «отпусков за границей» — обмена студентами, учителями, писателями, рабочими и так далее».¹⁴⁷

А. Кестлер считал, что «требование о свободной циркуляции идей через границы для восстановления задержанного кровообращения в мире» должно ставиться в ООН, Совете Безопасности, на каждой встрече «на верхах». Оно должно быть сделано предварительным условием каждых переговоров Восток—Запад.

В пятую годовщину Хельсинкской конференции Л. Брежнев объявил ее результаты «безусловно положительными».¹⁴⁸ Они и были такими: получив признание своей гегемонии в Европе и экономическую помощь, Советский Союз назвал соглашение «в так называемых «гуманитарных областях», то есть в области развития контактов между людьми, расширения информации, соблюдения прав человека, «вмешательством во внутренние дела социалистических стран».¹⁴⁹ А. Чаковский, придворный писатель Брежнева, посвятил Хельсинки роман-эпопею под названием — «Победа». Изобразив две конференции — 1945 года в Потсдаме и 1975 года в Хельсинки, и двух советских вождей — Сталина и Брежнева, А. Чаковский живописует великую победу СССР: Сталин разбил Гитлера, несмотря на то, что ему мешали по мере их сил Рузвельт, Трумен и в особенности Черчилль, и заложил в Потсдаме основы мира и нового порядка в мире. Завершил это дело, окончательную Победу одержал Брежнев. Хельсинки зафиксировали ее.

В 1975 году окончился послевоенный период истории Европы и мира. И начался следующий этап истории СССР и мира. Выступая на XXV съезде партии (февраль 1976), Брежнев говорил о планах на будущее, осуществление которых стало возможным после Хельсинки. Генеральный секретарь говорил о победах во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Анголе. «Разрядка, — настаивал он, — ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы... Мы не скрываем, что видим в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства».¹⁵⁰

7. Обыкновенный социализм

В 1939 году Черчилль, любитель и мастер красного словца, определил Советский Союз, как «секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку». К началу восьмого десятилетия XX века первое в мире социалистическое государство, превратившееся в сильнейшую в мире военную державу, остается для Запада загадкой. Не умея найти средства для понимания нового феномена в истории человечества, западные советологи видят в СССР страну, похожую на все другие и «объективно» оценивают его достижения.

«Направление политики Брежнева» оценивается как «либеральное». 70-е годы характеризуются американским советологом, как время «расширения индивидуальных свобод», «увеличения эгалитаризма», выразившегося в частности в том, что расхождение между заработком высокооплачиваемых и низкооплачиваемых рабочих и служащих сократилось с 3,7% в 1964 году до 3,2% в 1970 году.¹⁵¹ Другой американский советолог согласен с первым: «Я вижу 60-е и 70-е годы, как чрезвычайно мягкий период в советской истории. Вполне возможно, что будущие историки назовут его величайшим, лучшим периодом в их истории. Это было общество, которое впервые смогло обеспечить и пушки, и масло, повысить жизненный уровень, добиться военного равенства с Западом».¹⁵² В 1975 году член советской и американской Академий наук Андрей Сахаров, констатируя, что «вся мировая пресса полна сообщениями об инфляции, о топливном кризисе, о нарастающей безработице в капиталистических странах», добавлял: «Но мне все же хочется сказать — ведь вы не умираете с голоду, вам есть куда отступить, ведь даже снизив уровень жизни в пять раз, вы все еще будете жить богаче людей самой богатой в мире социалистической страны».¹⁵³ Пять лет спустя, из ссылки, он отмечал дальнейшее ухудшение положения: «Страна, живя десятилетия в условиях, когда все средства принадлежат государству, испытывает серьезные экономические и социальные трудности, не может самостоятельно прокормить себя, не может без использования привилегий разрядки — осуществлять научно-технический прогресс на современном уровне».¹⁵⁴

Андрей Амальрик начал свою статью — одно из первых свободных размышлений о «стране и мире» — надеждой, что для западных советологов она может представлять подобный

интерес, какой «для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба».¹⁵⁵ Десятилетие, минувшее после публикации статьи Амальрика, было эпохой открытия Советского Союза настезь: книги, статьи, размышления, свидетельства А. Солженицына, А. Сахарова, А. Зиновьева, В. Максимова, А. Синявского, В. Буковского, других писателей, общественных деятелей, свидетелей показали, что представляет собой социалистическое государство, построившее Утопию.

Наименьшее впечатление «заговорившая рыба» произвела на «ихтиологов»: многие западные специалисты-советологи, государственные деятели, бизнесмены, имеющие дело с социалистическим миром, пожелали остаться глухими. Даже шок «Архипелага ГУЛаг» — сильнее удар по престижу Советского Союза со времен Октябрьской революции — мало повлиял на тех, кто занимается Советским Союзом. А. Солженицын был со временем зачислен в ряды «реакционеров», что позволяло не считаться с его словами.

Советское «царство мнимости» остается для Запада реальностью, лишь слегка отличающейся от некоммунистических государств. Причем все отличия объясняются русской историей и национальными особенностями русского народа. В остальном все то же: экономика — в том числе могучая промышленность и несколько отстающее сельское хозяйство, которое нуждается только в капиталах, машинах и удобрениях; культура со знаменитым, лучшим в мире балетом; поголовная грамотность; бесплатная медицинская помощь; массовые организации — профсоюзы, комсомол, партия; всеобщие выборы и конституция, дающая гражданам широкие демократические права.

а. Идеология

Загадочность советской системы в ее исключительной простоте. Отвергнув «устарелую» «модель тоталитаризма», некоторые американские политологи и советологи предпочитают использовать для анализа Советского Союза модель «институционального плюрализма»,¹⁵⁶ говорят о «плюралистической системе».¹⁵⁷ А. Сахаров в 1980 году определяет советскую систему, как тоталитаризм: «Тоталитарный строй ведет свою политику, руководя ею из единого центра: дипломатия, служ-

ба информации и дезинформации внутри и вне страны, международная торговля, туризм, научно-технический обмен, экономическая и военная помощь освободительным движениям (в некоторых случаях этот термин надо поставить в кавычки), внешняя политика зависимых стран, всевозможные тайные действия — все это координируется из единого центра».¹⁵⁸ Основой тоталитарной системы является — идеология.

Идеология — наиболее загадочный элемент советской системы. Одни отрицают ее значение: «Большинство аналитиков, считает английский экономист, — будут согласны с тем, что идеология (то есть марксизм-ленинизм) не является влиятельной силой в СССР».¹⁵⁹ Другие считают, что идеология умерла, ибо никто в марксизм-ленинизм не верит. Александр Солженицын, не сомневаясь в живучести идеологии, убеждал «вождей Советского Союза» отбросить ее: «Стяните, стряхните со всех нас эту потную грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации...»¹⁶⁰

А. Солженицын настаивал на необходимости отказаться от идеологии марксизма-ленинизма, ибо это «ложная доктрина», «битая идеология», которой «нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки».¹⁶¹ Логические аргументы, отвергающие доктрину, редко ей вредят. Тем более, что трудно считать «битой» идеологию, которая распространяется по миру со скоростью лесного пожара.

Непонимание сути советской идеологии объясняется, в частности, отношением к ней, как к религии, требующей «веры». Советская идеология еще в сталинскую эпоху истребила всех «верующих» и объявила «веру» опасным уклонением от «генеральной линии». Советские психиатры, познакомившись со взглядами убежденного коммуниста И. Яхимовича, написавшего в 1968 году письмо в ЦК с протестом против вторжения в Чехословакию и процессов диссидентов, которые, по его мнению, наносили серьезный ущерб делу коммунизма во всем мире, нашли его больным. «Он заявляет, — говорится в экспертном заключении, — что никогда и ни при каких условиях не изменит идее борьбы за коммунистический строй, за социализм... На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что Яхимович обнаруживает паранойальное развитие у психопатологической личности. Состояние больного должно быть приравнено к психическому заболеванию,

а поэтому в отношении инкриминируемых ему деяний И. А. Яхимовича следует считать невменяемым. Нуждается в прохождении принудительного лечения в больнице специального типа». ¹⁶²

Идеология давно перестала быть системой взглядов, философской доктриной. Она давно превратилась в технику обработки человеческого сознания, в технику превращения человека в Советского Человека. А. Солженицын констатировал: «...Штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного рассуждения, ежедневно втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучебы — изуродовали всех нас, почти не оставили неповрежденных умов». ¹⁶³ Герой «Желтого дома» А. Зиновьева, сам работник идеологического фронта, перечисляет формы идеологической работы — Вечерние Университеты Марксизма-Ленинизма, Комсомольские школы, газеты, журналы, школьные уроки, радио, телевидение. И делает вывод: «Не играет роли как люди к этому относятся про себя или в беседах с близкими. Важно тут одно: они постоянно находятся в мощном поле идеологического воздействия, и как бы они к нему не относились, они так или иначе суть частицы в этом поле, они от него имеют определенный заряд, положение, ориентацию и т. д.». ¹⁶⁴

Идеология не отпускает советского человека от рождения до смерти. «Правда», признав, что «человек занят на производстве треть своего времени», отвергает точку зрения, по которой остальное время — это личное время: «Использование свободного времени, поведение в быту, общественном месте — проблема не только отдельно взятой личности. Как уже не раз говорилось, это вопрос общегосударственный, требующий самого серьезного внимания партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций». ¹⁶⁵

Идеологическая армия в СССР превышает по численности советскую армию, флот и авиацию. Секретарь ЦК Казахстана с гордостью сообщил на очередном Идеологическом совещании, что в уборке урожая 1979 года участвует вместе с колхозниками «большой отряд идеологических работников — свыше 140 тыс. агитаторов и политинформаторов, лекторов и политдокладчиков, культпросветработников, деятелей литературы и искусства». ¹⁶⁶ 140 тыс. человек — это примерно 10 диви-

зий полного состава. Руководитель идеологического фронта М. Суслов обращаясь ко всем своим солдатам, говорил о «многочисленной армии идеологических кадров», которая должна «охватить своим влиянием всю массу и в то же время дойти до каждого человека». ¹⁶⁷ Процесс воспитания, разъяснил секретарь ЦК комсомола, «должен быть непрерывным» и действовать всюду — дома, на работе, на улице.

Идеология регулирует поведение советских людей и с помощью отработанной системы приемов вызывает у них эмоции и рефлексы, необходимые в данный момент партии. От советских граждан не требуется вера. Они должны повторять очередные лозунги, не веря в них, смеясь над ними (про себя), или даже не повторять, а только их слышать. Достаточно участвовать в обряде и тогда идеология будет проникать в мозг и кровь.

Два столпа, на которых стоит идеология: партия всегда права, ибо она ведет в коммунизм, в светлое будущее; ненависть к врагу, неотъемлемое качество советского человека. «Вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть не уступающая расовой», ¹⁶⁸ — писал А. Солженицын. Как бы желая подтвердить слова писателя, подполковник Демин учит солдат: «Справедливая, благородная ненависть к империалистическим агрессорам и сегодня служит ярким выражением любви к Родине». ¹⁶⁹ Когда и кого следует ненавидеть определяет партия. И начинается идеологическое воспитание советского человека в раннем детском возрасте.

Детей еще в детском саду воспитывают в любви к партии и ненависти к врагам. Важным элементом идеологического формирования ребенка является военное обучение, которое начинается с 10 лет. «В военной игре «Зарница» участвует каждое лето в военных лагерях 16 миллионов юных пионеров (от 10 до 15 лет)». ¹⁷⁰ Командует военной игрой маршал И. Баграмян. Для юношей и девушек 15-18 лет организуется ежегодно военная игра «Орленок». Маршал Гречко назвал «Зарницу» «одной из наиболее важных форм военно-патриотического воспитания юношества». ¹⁷¹ Высоко оценил подготовку игры «Орленок» генерал авиации Береговой. ¹⁷²

Идеология осуществляет важнейшую функцию в советском обществе — инфантилизацию советских граждан. Как строгий отец ленивого и непослушного ребенка идеология учит, как понимать события окружающего мира, как себя вести, как

относиться к членам семьи, соседям и чужим. На идеологическом совещании в 1979 году Суслов поставил перед армией идеологов новую задачу, вызванную экономическим кризисом: «разработать проблему формирования разумных потребностей». ¹⁷³

Гегелевская формула: все действительно разумно и все разумное действительно, получает новое содержание: действительно то, что партия считает разумным. Это значит — без идеологии жизнь невозможна. Идеология позволяет превращать фикцию в реальность и кормить словом.

б. Культ Генсека

Первая половина 70-х годов была временем рождения культа Генерального секретаря. Никакие решения, принятые в горячке после свержения Хрущева, никакие разговоры о «коллективном руководстве» не могли остановить неуклонного восхождения Генсека. Идеология требует Вождя — Жреца, в котором она находит свое внешнее, телесное воплощение.

Карьера Брежнева, повторяющая в главных чертах карьеры его предшественников — Сталина и Хрущева, позволяет сделать вывод о невозможности для государства советского типа обойтись без Вождя. История Китая, после смерти Мао, выполнявшего функции Ленина и Сталина одновременно, подтверждает универсальность системы: обожествленный Мао через несколько месяцев после смерти начинает мешать новым вождям, ведущим ожесточенную борьбу за власть. Они приступают к «демаоизации», выбирают для себя цитаты из его произведений, примеры его деятельности, необходимые им для устранения противников и занятия его места.

Борьба против «реабилитации Сталина», которая была одной из важных задач пробуждавшегося общественного сознания в конце 50-х-первой половине 60-х годов, сыграла значительную воспитательную роль. В то же время она создала иллюзию победы, которой не было.

Реабилитация Сталина произошла, ибо он очищен от обвинения в преступлениях. Отброшены «субъективистские и односторонние суждения» относительно подготовки к войне с Германией и хода войны. Брежнев изрек: «Наша партия предви-

дела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне».¹⁷⁴

Реабилитация Сталина не произошла, ибо его место занято другим. Первый генеральный секретарь включен в небольшой иконостас Вождей, но отодвинут на третье место — после Ленина и Брежнева.

Восхождение Генсека шло в двух направлениях — оба вели к цели. Первое направление — консолидация личной власти. В результате «ползучей чистки» Брежнев к 15-летию занятия им поста первого секретаря избавился от всех своих действительных и потенциальных соперников в Политбюро и Секретариате ЦК. Изменение состава руководящих органов (исключение соперников, замена их преданными вассалами продолжалась долго и ограничилась политической, а не физической ликвидацией исключенных) привело к цели. В 1980 году власть сосредоточилась в руках Внутреннего кабинета Брежнева, возглавляемого К. Черненко, введенного в состав Политбюро. Члены «днепропетровской мафии», вассалы Брежнева, только ему обязанные властью, заняли ключевые позиции в центральном аппарате. Первый и второй заместители председателя КГБ — «днепропетровцы» (к ним принадлежит и министр внутренних дел), четыре заместителя председателя Совета министров — также члены «мафии». В 1978 году был принят специальный закон о «коллегальности в работе Совета министров СССР»,¹⁷⁵ оставивший за главой правительства Косыгиным лишь номинальную власть.

15-летие пребывания у власти Л. И. Брежнев встретил на постах генерального секретаря ЦК, председателя Президиума Верховного Совета СССР, председателя Совета обороны, верховного главнокомандующего. Хрущев нарушил решение о несовмещении постов первого секретаря ЦК и председателя Совета министров, принятое после смерти Сталина. Брежнев такое же решение, принятое после свержения Хрущева, не нарушил, а обошел: он совместил посты генерального секретаря и главы государства.

Одновременно с консолидацией власти происходила «культивизация», превращение генерального секретаря в Вождя. Модель Вождя нарисовал преданный сталинист Всеволод Кочетов. После свержения Хрущева, редактор журнала «Октябрь» изобразил портрет неоправдавшего надежды партии вождя и изобразил портрет нужного Вождя. Совершив экскурс в исто-

рию, Кочетов сравнивает двух русских царей — Ивана Грозного и Василия Шуйского:¹⁷⁶ «...Чтобы Россией-матушкой управлять, надо на плечах, ой, ой, какую большую голову иметь! Одной наглости маловато для этого, мудрость нужна, неторопливая государственность. И громадное образование. Ну, а Шуйский, что он? Так себе, выскочка. Покуражился, покорчил из себя царя российского, да и слетел с престола без всякой славы...»¹⁷⁷

По этой модели создается образ Вождя Брежнева: неторопливый, рассудительный, мудрый, с «громадным образованием». Прежде всего ему дается выдающаяся военная карьера и присуждается звание маршала Советского Союза. В 1979 году на его парадном мундире можно было насчитать 60 орденов, в то время, как крупнейший полководец второй мировой войны маршал Жуков имел 46 орденов.¹⁷⁸ Брежневу приписывается решающая роль в победе над Гитлером. Ему вручается Золотая медаль Карла Маркса за «выдающийся вклад в развитие марксистско-ленинской теории, в научную разработку актуальных проблем развития социализма и всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы».¹⁷⁹ Он награждается Ленинской премией за сохранение мира. Открывая бронзовый бюст Брежнева, поставленный на его родине, первый секретарь ЦК Украины констатировал: «Мы с полным правом можем сказать: прочный мир, справедливый мир на земле и имя Леонида Ильича Брежнева — неотделимы».¹⁸⁰

В 1933 году, отвечая члену партии, который решил послать свой орден Сталину, желая выразить восхищение вождем, генеральный секретарь, известный своей скромностью писал: «Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом — для таких людей-героев, которые мало известны... Кроме того должен Вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше, чем нужно, — уверяю Вас».¹⁸¹ В конце жизни Сталин изменил свое отношение к орденам. И не только, видимо, потому, что почувствовал, что два ордена — нищенская награда за то, что он сделал, но и потому что понял магическую силу наград — орденов, медалей, мундиров.

Ритуально-мистическая сторона советской идеологии ждет своего исследователя. Необъяснимые рационально явления воспринимаются партией как естественный феномен. Старая большевичка Лазуркина, многолетняя узница сталинских лаге-

рей, выступила на XXII съезде с рассказом о разговоре, который она имела с Лениным во сне. Ленин просил убрать из мавзолея докучливого преемника. И съезд выполнил волю покойного вождя — убрал Сталина из Мавзолея. Белорусский поэт публикует в минском журнале поэму, в которой пишет о телефонном звонке Ленину: «Имеем право мы: буди! Имеем право мы: звони!»¹⁸²

2 марта 1973 года все советские газеты сообщили о том, что Брежнев начал очередную чистку в партии — обмен партийных документов, — вручив 1 марта, в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК, партийный билет нового образца за № 00000001 Ленину, Владимиру Ильичу. Билет № 2 получил Брежнев, Леонид Ильич. Мистическая передача символа власти совершилась.

21 апреля 1979 года «по требованию трудящихся» Л. И. Брежневу была присвоена Ленинская премия по литературе. Награды удостоились три брошюры — «Малая земля», «Возрождение», «Целина», рассказывавшие от первого лица о подвигах Брежнева на войне, на индустриальном фронте, на сельскохозяйственном фронте. Генеральный секретарь был объявлен лучшим писателем страны. Сталин, твердо веривший в магическую силу слова, всю жизнь мечтал быть признанным как Поэт. Осуществить мечту удалось Брежневу. Председатель Союза советских писателей Г. Марков объявляет «книги Брежнева» «наукой побеждать», заверяет, что «по популярности, по влиянию на читательские массы, на их созидание книги Леонида Ильича не имеют себе равных».¹⁸³ Литература официально была объявлена «партийной пропагандой», Верховный Жрец объявлен Хранителем Слова.

При вручении премии лауреат обещал: «Если выкрою время, если сумею, то записки продолжу».¹⁸⁴

Культ Брежнева казался невозможным в 1964 году, как невозможным казался культ Хрущева в 1954, а культ Сталина в 1924 году. Исторический опыт свидетельствует о том, что качества, необходимые генеральному секретарю, выявляются лишь в ходе жесточайшей борьбы. К тому времени, когда достигается победа, генеральный секретарь развивает имевшиеся и приобретает недостававшие ему качества. Он обтесывается, пока не принимает необходимую форму, проявив незаурядные способности: хитрость, ловкость, осторожность, беспощадность и полное пренебрежение всякими догмами.

в. Репрессии

Крупнейший знаток большевизма Борис Суварин объясняет происхождение советского государства так: Ленин был одержим двумя историческими прецедентами — якобинцы потерпели поражение, ибо недостаточно гильотинировали, парижские коммунары потерпели поражение, ибо недостаточно расстреливали. Нужно избежать этих ошибок и террор нарастает кресчендо.

С октября 1917 г. террор становится важнейшим элементом строительства социалистической утопии. Во всех странах, вступающих на путь строительства лучшего мира по советскому образцу, всюду — от Кубы до Камбоджи, от Албании до Эфиопии, от Чехословакии до Китая — сопротивление коммунистам подавляется жесточайшим образом. Террор рассматривается как единственная возможность навязать большинству населения власть меньшинства.

По сравнению со сталинским террором преследования хрущевской эпохи казались предельно мягкими. Они получили название — репрессии.

Советские граждане, и в том числе подвергавшиеся преследованиям и посаженные, и западные наблюдатели настолько привыкли к сталинским размерам террора, что его замену репрессиями сочли изменением режима.

Немецкий психолог Бруно Беттельгейм, побывавший в гитлеровских концлагерях, а затем получивший возможность эмигрировать в США, анализировал поведение эсесовской охраны и заключенных. Б. Беттельгейм отмечает особое значение в процессе психического уничтожения личности безжалостной, бессмысленной, тотальной жестокости по отношению к заключенному сразу же после ареста. Классическое описание этого процесса дает А. Солженицын в сцене ареста Володина в романе «В круге первом». Психологический шок долгих лет сталинского террора, испытанный целым народом, оставил после себя Большой Страх, который замещает Большой террор.

Преемники Ленина и Сталина имеют возможность применять террор выборочно, в тех направлениях, где обнаруживается тенденция к уменьшению Большого Страха.

Репрессии эпохи Хрущева и Брежнева стали реальным отражением происходящих в обществе процессов, разоблачающих фикцию тотального подчинения идеологии. Репрессии вытпап-

тывают прорастающие сквозь выжженную террором почву ростки сопротивления.

Первое направление преследований — диссидентское движение. В 1978 г. «Краткий политический словарь» впервые включил статью «диссиденты». «Диссиденты» — по определению Словаря — «люди, отступающие от учения господствующей церкви (инакомыслящие)». Империалистическая пропаганда, объясняет Словарь, использует этот термин «для обозначения отдельных отщепенцев, оторвавшихся от социалистического общества, лиц, которые активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным».¹⁸⁵ Это определение достаточно широко, чтобы охватить всех «отступающих от учения господствующей церкви» — советской идеологии. Статья «диссиденты», звучащая как обвинительное заключение, заканчивается приговором, сформулированным Брежневым: «Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма. Естественно, что мы принимаем и будем принимать в отношении их меры, предусмотренные законом».¹⁸⁶

Крупнейший специалист по диссидентству — председатель КГБ Андропов, расшифровывая слова генерального секретаря, относит к числу диссидентов людей, «побуждаемыми политическими или идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, националистическими вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев психической неустойчивостью». Председатель КГБ напоминает, что «социалистическая демократия носит классовый характер». Следовательно «все советские граждане, интересы которых совпадают с интересами общества, пользуются высшими демократическими свободами. Совершенно иначе обстоит дело, если эти интересы не совпадают». В этом случае: «Пусть нам не твердят о гуманизме».¹⁸⁷ В 60-ю годовщину революции председатель КГБ торжественно прокламирует закон социалистической демократии: все, кто с нами согласен, совершенно свободны быть с нами согласными.

Начало 70-х годов было кульминацией первого периода диссидентского движения, развивавшегося прежде всего под лозунгом защиты прав граждан, соблюдения закона. Смелость диссидентов, предающих широкой гласности факты нарушений законов и репрессий, поражает мир. А. Солженицын и А. Сахаров дают пресс-конференцию иностранным журналистам. Американский журналист регистрирует для телевидения выступление Владимира Буковского, Александра Гинзбурга, Андрея Амальрика и Петра Якира, причем Гинзбург присылает пленку с записью своего комментария из лагеря. П. Якир определил новое положение в стране: «При сталинизме всегда был железный занавес и никто не знал, что здесь творится. Сейчас мы стараемся каждый арест, каждое увольнение с работы предавать гласности, то есть информировать людей о том, что происходит в нашей стране». Основание в 1970 году А. Сахаровым, А. Твердохлебовым, В. Чалидзе Комитета защиты гражданских прав — первой открытой диссидентской группы, награждение А. Солженицына Нобелевской премией в октябре того же года были восприняты, как победа диссидентства и вызов власти. Открытая деятельность диссидентов рассматривалась как проявление слабости власти и уступки Западу, как цена «разрядки». Западное общественное мнение, пораженное смелостью советских диссидентов, выступает в их защиту: «...сила западной гневной реакции была неожиданна для всех и для самого Запада, давно не проявлявшего такой массовой настойчивости против страны коммунизма, и тем более для наших властей, от силы этой реакции они просто растерялись».^{187a}

Арест П. Якира в июне 1972 года показал, что КГБ разработал тактику борьбы с «инакомыслием». Она останется неизменной на протяжении всех 70-х годов. Каждый «инакомыслящий» становится объектом бдительного внимания, окружается тайными и явными агентами. Инкубационный период заканчивается, когда выясняются все друзья, единомышленники, сочувствующие. Затем производится один или несколько арестов, организуется процесс. Шум, вызываемый процессом над ставшим известным диссидентом, концентрирует на себе внимание Запада. Под этот шум производятся аресты неизвестных диссидентов — репрессии, как камень брошенный в воду, расходятся широкими кругами. Страх возвращается.

Суд над Якиром и Красиным, организованный в августе 1973 года, был первым послесталинским политическим процессом, на котором обвиняемые признались и раскаялись. Советские следственные органы вновь используют «раскаяние» как форму борьбы. Большинство диссидентов отказывается «раскаяться» и использует суд, как трибуну для выражения своих взглядов. «Самиздат» распространяет выступления на процессах В. Буковского, А. Амальрика, Ю. Орлова, А. Твердохлебова и других. Советская пропаганда — печать, телевидение — распространяет выступления «покаявшихся диссидентов»: П. Якира, украинца Ивана Дзюбы (1976), грузина З. Гамсахурдия (1978), священника Дмитрия Дудко (1980).

В 70-е годы КГБ громит правозащитное движение, подвергает арестам членов групп по наблюдению за выполнением Хельсинкских решений, созданных в Москве в 1975 году по инициативе Юрия Орлова, а затем на Украине, в Литве, Грузии и Армении (1976-77), инициаторов создания свободных профсоюзов (1978-80), верующих, участников национальных движений. Рапорт Эмнести Интернейшенел «Политические заключенные в СССР: отношение к ним и условия заключения» перечисляет наиболее распространенные виды репрессий: «лагерь, тюрьма, психиатрическая больница, в которой заключенные пользуются меньшими правами, чем их товарищи в лагерях, ссылка и высылка».¹⁸⁸

Преследования, которым подвергаются диссиденты за «инакомыслие», являются лишь частью репрессивной политики государства. Поскольку «цель коммунизма — всестороннее и гармоническое развитие личности», постольку, утверждают советские философы, «эта цель не может быть достигнута без активной регулирующей и организаторской деятельности государства».¹⁸⁹ Репрессивная политика в СССР объясняется воспитательной необходимостью, борьбой с «пережитками прошлого». Главные пороки в обществе «реального социализма» — это «хищение социалистической собственности, прогулы, злоупотребление спиртными напитками».¹⁹⁰

Воровство и коррупция приобрели всеобщий характер, позволяющий советскому адвокату сделать вывод о превращении СССР в 60-е-70-е годы в «клептократическое государство».¹⁹¹ Алкоголизм приобрел чудовищные размеры. На пленуме Верховного суда СССР приводились результаты исследования, проведенного в одном районе Литовской республики. В 1963 г.

на одного жителя приходилось в среднем 8 литров водки, в 1973 г. — 28,5 л. В среднем каждый житель района (Литва — одна из передовых по культуре республик СССР) потратил на водку 230 руб., а на книги — 3 руб.¹⁹²

Одним из последствий алкоголизма является резкое увеличение числа заключенных. Только в 1974 г. к суду было привлечено 600 тыс. шоферов за вождение машины «в нетрезвом виде». Каждое дело заканчивалось осуждением на лагерный срок.¹⁹³

Государство, делая вид, что борется с алкоголизмом, поощряет его, ибо значительная часть бюджета строится на продаже спиртных напитков, и потому что пьянство одурманивает население, отвлекая его от забот трудной жизни. Государство преследует хищения и коррупцию и прикрывает на них глаза, поскольку они служат смазкой, позволяющей социалистической экономике существовать. Разложение общества в результате повального пьянства и всеобщей коррупции усиливает государство: все граждане виновны и государство вольно карать их или миловать. В первом случае оно справедливо, во втором — добро. И всегда — право.

Пьянство назвал серьезной проблемой Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС.¹⁹⁴ По неопубликованным сведениям 40% советского населения страдает алкоголизмом, а 20% неизлечимо. Но алкоголизм далеко не единственная проблема советского общества. С 1975 г. в Советском Союзе прекратилась публикация статистических данных о детской смертности. И совсем не случайно.

Согласно последним данным опубликованным Центральным Статистическим Управлением детская смертность в СССР возросла между 1970 г. и 1975 г. более, чем на 1/3. Американские исследователи установили на основании различного рода данных, что власти не включали в статистические данные по крайней мере около 14% всех случаев детской смертности. Согласно их подсчётам детская смертность в Советском Союзе составляла 40 на 1000 родившихся, в то время как в США и в Западной Европе лишь 13 на 1000. Ожидаемость жизни в СССР также понизилась с начала 60-х годов. Сейчас она на 6 лет ниже чем в других развитых странах.¹⁹⁵ В таком положении не находится ни одна из европейских стран. СССР теперь сравнивают по детской смертности и ожидаемости жизни с развивающимися странами Латинской Америки и Азии (Коста-

Рика, Ямайка, Малайзия, Шри Ланка, Мексика). Объяснить этот процесс можно лишь частично, отнеся его за счёт ухудшения питания населения, роста алкоголизма, заражения окружающей среды, уничтожения природы, увеличения несчастных случаев на производстве, ростом автомобильных аварий, последствиями частых аборт. Но известно также, что смертность увеличилась среди рабочих металлической промышленности в Харькове, женщин средних лет, работающих в колхозах и пр.

В 1975 г. почти каждая возрастная группа в СССР имела более высокую смертность чем в 1960 г. В возрастной группе свыше 50 лет смертность увеличилась почти на 20%, для 40-летних более чем на 40%.

Ожидаемость жизни снизилась для мужчин, начиная с 1965 г., на 4 года.¹⁹⁶

Одна из причин — ухудшение медицинского обслуживания. Исследователи приходят к выводу, что помимо снижения расходов на здравоохранение (1965 — 6,6% госбюджета, 1978 — 5,2%) средства тратятся не на улучшение медицинского обслуживания, а на расширение его. Между тем лишь грипп убивает ежегодно десятки тысяч детей в младенческом возрасте. Хотя в стране медицинского персонала в два раза больше чем в США, но качество подготовки гораздо хуже. Медицинские работники одна из наихудше оплачиваемых категорий работников в СССР и профессия медика не является престижной. Плохая подготовка медицинского персонала ведет к резкому росту послеоперационных смертей и осложнений.

В СССР медицинское обслуживание считается бесплатным. Но здесь, также как и в других областях экономики процветает коррупция. Хочешь хорошего доктора — плати, хороший уход — плати сестре или няне.

Практически в СССР происходит кризис здравоохранения. Но это лишь одно из проявлений перманентного кризисного состояния советской экономики.

В. Буковский пишет о подсчетах, произведенных им и его друзьями в лагере: «По нашим самым аккуратным подсчетам, число заключенных не бывает меньше 2,5 млн., — это 1% населения, каждый сотый».¹⁹⁷ По официальным данным (неофициальным образом, вывезенным на Запад) в 1976 г. было осуждено 976.090 человек. На 1 января 1977 г. в лагерях и тюрьмах СССР отбывало наказание 1.612.378 чел. Кроме того на «строй-

ках народного хозяйства» отбывало наказание 495.711 чел.¹⁹⁸ Ю. Орлов, осужденный 18 мая 1975 г. за создание Хельсинкского комитета на 7 лет лагеря и 5 лет ссылки, подготовил с друзьями рапорт о числе заключенных в СССР в 1979 г. В конце 70-х годов численность населения тюрем и лагерей составляла, по их подсчетам, не менее 3 млн. человек. К этому числу следует добавить около 2 млн. «малосрочников» (осужденных на срок до 3 лет), отбывающих свой срок «на стройках народного хозяйства», как говорят, «на химии».¹⁹⁹

Высокий процент преступности поддерживается государством из политико-воспитательных соображений и по экономическим причинам. Закон о борьбе с «тунеядцами» аналогичен знаменитым английским средневековым законам о наказании за бродяжничество. Статья 209 Уголовного кодекса предусматривает «лишение свободы на срок до 2 лет или исправительные работы на срок от 6 месяцев до 1 года» за «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством». В связи с постановлением ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушителями», принятом в ноябре 1979 г., которое давало сигнал к очередной усиленной волне репрессий, тунеядцем был объявлен каждый, кто «на протяжении длительного времени (а именно 4 месяцев плюс месяц предупреждения) не работает». Статья 209 применяется после постановления и к тем, кто живет дома, не попрошайничает, но физически здоров.²⁰⁰ Новая армия «химиков» была отправлена на «стройки коммунизма».

Характер государства определяется различными критериями. Число заключенных — один из них. Даже по официальным данным на 8 февраля 1977 года в стране насчитывалось 1,7 млн. заключенных. При 260 миллионах населения в 1979 году — это несомненный прогресс по сравнению с 15 миллионами при 180 миллионах населения в сталинские годы. Но если вспомнить, что в 1979 году в США насчитывалось 263 тысячи заключенных, а если к ним добавить 140 тысяч краткосрочников, находящихся в муниципальных тюрьмах, то всего около 400 тысяч заключенных, что в 1912 году число заключенных в России составляло 183 тысячи при 140 миллионах населения, результаты, достигнутые после шести десятилетий строительства нового мира, покажутся чрезвычайно красноречивыми.

Октябрьская революция торжественно обещала ликвидировать «национальный вопрос» в бывшей российской империи, которая стала социалистическим государством. Сталин объявил о разрешении национального вопроса. В эпоху «реального социализма» была найдена формула, выражающая прошлое, настоящее и будущее проблемы. Прошлое — капитализм — разделяет и отчуждает нации, а социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития»; настоящее — будущее: «развитие советского народа — залог создания в будущем качественно новой общности людей, охватывающей будущее качественно новой общности людей, охватывающей все народы мира, вставшие на путь социализма и коммунизма».²⁰¹

Отмечая 40-летие советской конституции (бывшей Сталинской), председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР напомнил, что «и раньше было немало попыток создания обширных империй, начиная от деяний Александра Македонского и кончая гитлеровским «рейхом». Полагая, что многонациональные империи были мечтой человечества, председатель Совета национальностей приходит к выводу, что «лишь с возникновением социалистического государства... вековая мечта человечества нашла реальное воплощение».²⁰²

Создание «идеальной империи», мечты человечества, углубило национальные конфликты, осложнило национальный вопрос. Он превратился в сложнейшую проблему, включающую национальные проблемы внутри СССР и национальные проблемы народов, составляющих внешний пояс советской империи.

Пробуждение национального сознания народов СССР принимает различные формы. На Украине раздаются призывы к «развертыванию национально-освободительной борьбы и борьбы за демократию».²⁰³ В Армении в 1968 году была создана подпольная Национальная объединенная партия, «цель которой — создание независимого Армянского государства».²⁰⁴ Лозунги независимости приобретают широкую популярность в Литве, 14 мая 1972 года молодой рабочий Ромас Каланта сжигает себя в центре Каунаса, заявляя: умираю за свободу Литвы. Похороны Каланты становятся поводом для многотысячных демонстраций, разогнанных милицией.²⁰⁵ Матрос

Симон Кудирка, пытавшийся в 1972 году бежать с борта советского корабля в США и выданный американцами советским властям, закончил свою речь на суде словами: «Прошу дать моей родине Литве независимость». В Грузии, на Украине, в прибалтийских республиках нарастает сопротивление усиленному внедрению русского языка, «русификации» обучения.

Рим никогда не заставлял завоеванные народы изучать латынь. Язык метрополии навязывался сам собой. Тот, кто хотел сделать карьеру в римском мире, должен был знать латынь. Русский язык необходим всем, кто хочет сделать карьеру в советском мире, тем, кто хочет приобщиться к русской культуре, но одновременно он навязывается всем подданным СССР, ибо является важнейшим инструментом советской идеологии.

Особую форму носит русский национализм. Редактор самиздатовского журнала «Вече», «первого органа русского национального направления, выходящего в СССР», Владимир Осипов, предупреждая в 1972 году, что «русская нация может исчезнуть», утверждал: «Нет иного выхода из нравственного и культурного тупика, в котором оказалась Россия, как опора на русское национальное самосознание...» В. Осипов называл проповедуемый им и журналом «Вече» национализм «охранительным», реализацией «инстинкта самосохранения исчезающей нации».²⁰⁶ Призыв к охране русской нации, господствующей нации в величайшей империи XX века, страх перед исчезновением русской нации, объясняются опасностью советской идеологии, относящейся равно безжалостно к русским национальным ценностям, как и к национальным ценностям других народов.

Советское государство использует разнообразные формы борьбы с национальными движениями, не только не желающими отмирать, но проявляющими тенденцию к неудержимому росту. Первая форма борьбы — старая и испытанная — репрессии. Аресты, лагеря, психиатрические больницы. Чем сильнее национальное движение, тем суровее репрессии — особенно жестоко преследуются националисты на Украине, в Литве, в Армении. 30 января 1979 года ТАСС сообщил о расстреле армянского националиста Степана Затикиана, вместе с ним были казнены Акоп Степанян и Завен Багдассарян. Арестованные в ноябре 1977 года по обвинению в организации

взрыва в московском метро 8 января 1977 года, армянские националисты были приговорены к смертной казни закрытым судом и несмотря на то, что алиби обвиняемых было подтверждено многими свидетелями. Расстрел Затикиана, Степаняна и Багдассаряна, первая казнь в политическом процессе в постсталинское время, был недвусмысленным предупреждением националистам.

Важнейшее значение в арсенале методов борьбы с национализмом играет понятие «советского патриотизма», которое представляет собой развитие старой идеи «национал-большевизма». В конце 60-х годов в советских журналах появляются статьи, советские издательства выпускают книги, в которых «национал-большевистские идеи»²⁰⁷ начинают активно проповедоваться под новым соусом — «неославянофильства». Пропагандируется идея особой миссии России, которая была реализована в социалистической революции. Разрешенный национализм захватывает литературу, изобразительное искусство, другие области культуры. В тех случаях, когда он принимает истерические формы черносотенного русского шовинизма, блюстители советской идеологии включают тормоза. Предупреждая: «Область национальных отношений... в такой многонациональной стране, как наша, — одна из самых сложных в общественной жизни». Излишне подчеркнутый русский национализм может вызвать реакцию в виде «местных национализмов».²⁰⁸

Коммунистическая партия использует русский национализм для расширения сферы воздействия советской идеологии. «Раскаяние» священника Дмитрия Дудко составлено в духе «советского патриотизма»: «Я осознаю, что я поддался голосам пропагандистов, стремящихся к подрыву нашего строя... Моя деятельность приобрела еще более антисоветский характер, потому что ее сперва стимулировали, а позднее и направляли из-за границы... Я сожалею, что своей деятельностью причинил вред моей стране, народу, а также Православной церкви».²⁰⁹

Священник кается в том, что причинил вред — сначала стране, потом — народу, лишь потом — церкви.

В популярной советской песне говорится: «Забота у нас простая, забота у нас такая — жила бы страна родная, и нету других забот». Единственная забота советских граждан —

«страна родная», советская родина. Все остальное не имеет значения. Все остальное служит стране.

Те, кто выражает национальные взгляды, выходящие за рамки дозволенного советской идеологией, подвергается репрессиям. В. Осипов, искренне веривший в русский национализм, смог выпустить с января 1971 года до марта 1974 года 9 номеров журнала «Вече», а затем был арестован и осужден на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Не доощряются и откровенные последователи нацизма, призывающие к антисемитским погромам и упрекающие партию в излишней мягкости. Советская идеология начала впитывать националистические идеи уже в 20-е годы, приспособив их для своих нужд. Но она не может стать националистической — в духе нацизма — ибо потеряет свою сущность, перестанет быть многозначной. Не имея принципов — кроме беспринципности — советская идеология не может по-настоящему принять и принцип национализма.

Наказываются проявления национализма в коммунистических партиях союзных республик. Как правило, это национализм сатрапов, желающих урвать для себя чуть больше власти, стать слегка более независимыми от центра. В 1972 году, например, произошло падение Петра Шелеста, первого секретаря ЦК Украины. Один из вдохновителей интервенции в Чехословакии, сторонник жесточайших мер и репрессий по отношению ко всем проявлениям инакомыслия на Украине, в Советском Союзе и во всех странах Варшавского блока, Шелест показался Политбюро излишне самостоятельным и — карьера его закончилась.

Система управления советскими республиками из Москвы основана на гарантиях административных: второй секретарь ЦК каждой республики — русский. Как правило, русские — председатель КГБ и командующий военным округом. Однако надежнейшей гарантией верности республики Москве является то, что первый секретарь ЦК и другие партийные и государственные руководители — преданно служат советской власти. За некоторыми исключениями, которые быстро обнаруживаются и ликвидируются, «номенклатура» национальных республик предана Москве — ибо там центр их власти. Русские, живущие в Грузии, Латвии, Узбекистане, других республиках, не чувствуют себя представителями расы господ-колонизаторов, как чувствовали себя англичане в Индии. В то же время в Москве,

в Политбюро, в конце 70-х годов ключевые позиции находились в руках украинцев. Русские, селящиеся в национальных республиках, приносят туда не русскую, а советскую культуру. Украинцы в Политбюро ведут не украинскую политику, а советскую.

В «Одесских рассказах» Бабеля кавалерист Лева Крик, на упреки раввина, говорящего, что еврей не должен ездить на лошади, отвечает: «Еврей, севший на лошадь, перестает быть евреем».

Украинец, грузин, армянин, казах, став секретарем ЦК, добравшись до вершин власти, теряет свою национальность — становится частью Власти Партии. Каждый удар по этой власти — удар по нему лично. Эта система действует и в отношениях с партиями «братских социалистических стран».

Важнейшую роль в борьбе с национализмом играет официальный антисемитизм. Первая открыто антисемитская книга — «Иудаизм без прикрас» Т. Кичко — была выпущена Украинской академией наук в 1964 году. Брошюра Кичко, ее наглость, ее иллюстрации, взятые из гитлеровского «Штурмера», вызвали на Западе недоумение и протесты. Хрущев, которому оставалось править менее года, вынужден был дезавуировать книжку и временно изъять ее из обращения. Когда в 70-е годы она будет переиздана, то окажется, что среди новейшей антисемитской литературы ей принадлежит скромное место. Шестидневная война 1967 года открывает новую главу в истории советского антисемитизма. Его перестают стесняться, он приобретает полные права гражданства. «Сионизм» становится очередным объектом ненависти, каким были «бывшие», нэпманы, вредители, кулаки и так далее. Он изображается в книгах, журнальных статьях, выходящих миллионными тиражами, телевизионных передачах, кинофильмах — серьезнейшей опасностью для государства. Создается «Постоянная комиссия при секции общественных наук президиума Академии наук СССР по координации исследований, посвященных разоблачению и критике истории, идеологии и практике сионизма».

Моделью и главным источником для антисемитских публикаций становится книга сотрудника ЦК КПСС Ю. Иванова «Осторожно, сионизм!», вышедшая к концу 70-х годов 400-тысячным тиражом. Появляются антисемитские романы Шевцова, Пикуля, Колесникова. «Борьба с сионизмом» — вели-

колепный пример всеилия советской идеологии. «Антисионизм» представляется, с помощью цитат из Маркса и Ленина, как форма классово́й борьбы. К теории Ленина об империализме, как последней стадии капитализма, советские идеологи добавляют новую главу: сионизм, как последняя стадия империализма.

Антисионизм используется внутри Советского Союза для мобилизации народов страны против общего врага — евреев. Одна из величайших побед советской идеологии в 70-е годы была резолюция ООН, объявившая сионизм формой расизма. Расизм был в репертуаре советской пропаганды одним из немногих слов, имевших однозначный смысл. После резолюции он приобрел многозначность, поставившую его в ряд таких слов, как свобода (формальная и реальная), демократия (буржуазная и социалистическая), гуманизм (псевдо и пролетарский). Советским идеологам удалось завершить дело Гитлера: антисиионизм = антисемитизм перестал быть делом только правых, реакционеров, фашистов. Он стал марксистской, то есть научно обоснованной формой борьбы за национальное освобождение. «Антисионизм» — стал пролетарским интернационализмом эпохи «реального социализма».

В последней четверти XX века национальный вопрос в СССР приобретает особенно важное значение в связи с демографическими изменениями, происходящими в стране. Перепись 1970 года засвидетельствовала нарастающую регрессию советского населения. Рост населения в 1959—1970 годах (между двумя переписями) был примерно равен росту в 1926-39 годах. Но 30-е годы были эпохой коллективизации, голода и террора, а 60-е — периодом мира и относительного повышения уровня жизни. Демографы ожидали, исходя из результатов переписи 1959 года, 250 миллионов населения. Его оказалось на 10 миллионов меньше. Самой большой неожиданностью переписи 1959 года были цифры, свидетельствовавшие о падении рождаемости русского населения. Одновременно происходит демографический взрыв в среднеазиатских республиках, среди народов, которых по традиции называют мусульманскими, хотя какое количество населения исповедует ислам, остается далеко не ясным. Ислам в СССР главным образом культурная традиция, а не религия.

В 1970 году население РСФСР составляло 53,7% населения страны, население Средней Азии — 13,7%, население Кавказа

— 5,1%. В 1980 году эти цифры будут: 52%, 15,9%, 5,5%, а в 2000 году — 47,2%, 23,6%, 6,6%.²¹⁰ В абсолютных цифрах это значит, что к началу XXI века СССР будет насчитывать 310—320 миллионов жителей и около 100 миллионов из них будут коренные жители Средней Азии и Кавказа.²¹¹ Особенно важно, что возрастной состав изменится в пользу так называемого мусульманского населения. Если прогноз сбудется, то в конце века 21,8% населения РСФСР будут дети в возрасте 0-15 лет, 21,8% — старики в возрасте свыше 60 лет. В Узбекистане соотношение будет соответственно — 40% и 8%, в Таджикистане — 45,6% и 7,4%, в Туркменистане — 39,5% и 7,9%.²¹²

Бурный рост коренного населения в Средней Азии в последнее десятилетие опрокидывает все расчеты демографов. Вместо предсказанного к 1980 году 10% роста населения Средней Азии, оно выросло к 1979 году на 27%. Население Казахстана выросло вместо 6% на 13%, а Азербайджан показал еще более стремительный прирост населения по сравнению с предсказанным — вместо 5,5% в 1980 году — 18% в 1979.²¹³

Численность узбеков и таджиков увеличилась в период между переписями населения 1970 и 1979 года на 36%, туркменов на 33%, киргизов на 31%, казахов на 24%, азербайджанцев на 25%.²¹⁴

За пределами Средней Азии и Азербайджана так называемые мусульманские народы показали значительно меньший прирост: татарское население увеличилось всего на 6,5%.²¹⁵

Демографический взрыв в Средней Азии объясняется частично традиционным отсутствием импульса к миграции коренного населения, жизнью, особенно в сельских районах, своей семьей — кланом, связанностью традициями. Поведет ли рост численности населения Средней Азии к изменению политического баланса в союзной структуре, к изменению постоянного курса на русификацию нерусских народов Союза, вопрос довольно спорный. Его решение зависит, в частности, от того, как долго может мусульманское сообщество оказывать пассивное, часто инстинктивное сопротивление вторжению в привычный образ жизни. Перепись 1979 года показала, например, что молодое поколение в среднеазиатских республиках все более овладевает русским языком, что является необходимым условием для их будущей карьеры. По сравнению с переписью 1970 года количество узбеков, считающих русский язык своим

вторым языком, значительно возросло: с 1,3 миллиона в 1970 году до 6,2 миллиона в 1979 году.²¹⁶

Демография ставит перед советским государством две трудно разрешимые проблемы. Первая — проблема рабочих рук. Она была официально признана таковой на XXVI съезде КПСС.²¹⁷ Сокращение рождаемости ведет к иссяканию источника рабочей силы.

Согласно прогнозам, население СССР должно было вырасти с 243 млн. (перепись 1970 г.) до 267 млн. в 1980 г. В 1979 г. население СССР было чуть больше 262 млн.²¹⁸ Произошло сокращение рождаемости среди русского и украинского населения. Русское население составляло в 1979 г. 52,4% от всего населения СССР, т. е. сократилось за 10 лет на 1%.²¹⁹

Дефицит рабочей силы начинают испытывать все советские республики за исключением среднеазиатских. Но главные регионы промышленного развития находятся в западных частях страны и в Сибири. Проблема рабочей силы исключительно сложна. Ведь до сих пор в Среднюю Азию продолжают завозить рабочих из Европейской части СССР. Именно они составляют большинство рабочего населения в новых промышленных центрах Узбекистана. Удастся ли использовать Среднюю Азию как резервуар рабочей силы и каким образом — вопрос остается открытым.

Другая проблема, возникающая в будущем в связи с сокращением рождаемости славянских народов — проблема вооруженных сил, их национального состава, особенно среди офицерских кадров.

д. Религия

На XXV съезде партии (1976) Л. Брежнев определил советское общество, как «общество, где господствует научно-материалистическое мировоззрение». Тем не менее советские идеологи признают существование «религиозных пережитков при социализме». Социологическое исследование, проведенное городским комитетом партии в Пскове, выявило, что «примерно 12—13% жителей города считают себя верующими».²²⁰ Можно считать, что такова официальная цифра общего числа православных верующих.

Летчик-космонавт О. Макаров, побывавший в космосе и

потому считающийся специалистом по философским проблемам, пишет: «Слово «вера» часто ассоциируется с понятием «религиозная вера». Но я глубоко убежден, что без веры жить нельзя, вот только вопрос — во что же надо верить?» Космонавт объясняет: «Я, как и миллионы других советских людей, верю в науку — всепроникающую, познающую, верю в высокую нравственную силу разума человеческого».²²¹ Верующие Пскова искали «универсальное средство нравственного воспитания»²²² — в религии.

Шесть десятилетий атеистической пропаганды не смогли истребить стремления человека к вере в Бога, к религии. Имеются признаки, позволяющие говорить о растущем интересе к религии.

Судить об этом можно прежде всего по усиливающимся волнам репрессий, которые обрушиваются на верующих. Документы, опубликованные Христианским комитетом защиты прав верующих в СССР, основанным в Москве в 1976 году, «Хроникой католической церкви в Литве», начавшей выходить в 1972 году, самиздатским журналом «Евреи в СССР» и другими самиздатскими публикациями, приводят многочисленные факты преследований верующих. Закрываются церкви: за два года — с 1959 до 1961 года — число православных церквей было сведено с 20 до 7 тысяч.²²³ Строго запрещается и сурово наказывается воспитание детей в религиозном духе. Государство бережно хранит свою монополию на воспитание советского человека. Специалист по атеистической пропаганде указывает, что «два прямо противоположных влияния» приводят к «внутренней борьбе, приносящей вред духовному здоровью ребенка... которая истощает нервы и может привести к серьезным заболеваниям».²²⁴

Преследования верующих — одна из форм борьбы с религией. Вторая форма — контроль над церковью. Он осуществляется Советом по делам церквей, в задачу которого входит постепенная ликвидация религии и использование ее — пока она существует — в интересах государства. Представление о целях и формах контроля дает секретный отчет Совета по делам православной церкви, опубликованный в Париже. Нет оснований сомневаться, что советы по делам всех церквей (католической, мусульманской и других) действуют подобным образом.

Теоретической базой работы Совета по делам церкви, как

следует из Отчета, является убеждение, что «религия всегда была и будет стоять на чуждых марксизму позициях», но «в результате постоянной политической работы с архиереями они... все более становятся на патриотические позиции». Контроль над церковью осуществляется в форме контроля над духовенством — от Патриарха до последнего служки. Строго контролируется набор в три духовные семинарии (Московская, Ленинградская, Одесская) и две академии (Московская и Ленинградская). Каждый кандидат отбирается «местными органами власти», то есть комитетами государственной безопасности. Принцип отбора: как можно меньше священников, но чтобы каждый из них не только проявлял «лояльность и патриотичность к социалистическому обществу... но и реально сознавал, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе и, понимая это, не проявлял особенной активности в расширении православия среди населения».²²⁵ В результате непрерывного сокращения числа священников на 1 января 1975 года было зарегистрировано 7062 действующие церкви и 5994 священника.²²⁶ Значительная часть священников и епископов оценивается в Отчете положительно — они «не проявляют религиозной активности». В качестве примера «хорошего пастыря» приводится епископ Иона: «Он не проявляет особого усердия в архиерейских службах... Проповеди произносит регулярно, но очень коротко и не очень выразительно, без подъема. Почти каждую проповедь заканчивает призывом к верующим жить в мире, бороться за мир во всем мире, хорошо работать на производстве...»²²⁷ Положительно оценивается деятельность епископа Викторина, который «воспитывает вверенную ему паству в духе любви к нашей дорогой Родине».²²⁸

«Хорошие пастыри» готовятся в духовных заведениях. Например, в Одесской семинарии, где читались следующие лекции: «Успехи КПСС и Советского правительства в борьбе за осуществление программы мира, выработанной XXV съездом партии», «В. И. Ленин и культурная революция»; «Ленинское учение о коммунистической морали и основных принципах нравственного воспитания»; «Воспитание нового человека — важнейшая задача коммунистического строительства» и тому подобное.

Отчет с гордостью подчеркивает успехи Совета по делам церкви в деле превращения православной церкви в орудие вос-

питания советских граждан в духе «советского патриотизма», любви к социалистической родине.

Многолетняя деятельность по контролированию православной церкви, по ее разложению дали основание священнику Дмитрию Дудко, незадолго до ареста и позднейшего «раскаяния», говорить о церковной иерархии, как «ставленниках от безбожников». На собственный вопрос: «Но хотя бы, верующие они?» он ответить не мог. Дмитрий Дудко хорошо понимал, что «органы» манипулируют церковью прежде всего, «играя на русскости: ведь вы русский человек, мы тоже русские, надо быть вместе».²²⁹ В «Архипелаге ГУЛаг», великой книге, возвращающей народу память, А. Солженицын вспоминает, что в 1922 году на процессе эсеров, подсудимых уговаривали признаваться, убеждая: «ведь мы же с вами революционеры!», в 1924 году Б. Савинкова уговаривали на суде: «ведь мы же с вами — русские!», в 1937 году завораживающая мелодия звучала: «мы же с вами коммунисты!»²³⁰

«Укрощенная» религия позволяет советской идеологии расширить свой словарь и сферу воздействия. Альбом «Богоматери Донской» издается с предисловием, объясняющим, что «глубоко эмоциональный образ Донской богородицы воплотил в себе прогрессивные идеи русского народа, формировавшиеся в его борьбе за независимость».²³¹ Поэт С. Смирнов, воспевая в 60-ю годовщину Октябрьской революции замечательных советских людей, завершает поэму словами: «Да хранит их сам бог плюс Советская власть».²³² Советский поэт пишет «бог» с маленькой буквы, а Советская власть — с большой. Он перефразирует знаменитое высказывание Ленина о коммунизме, как советской власти плюс электрификации. Для С. Смирнова «бог» выполняет роль электрификации на новом этапе, на котором «Советская власть» стала сильнее, чем когда-либо раньше. В апреле 1933 года Гитлер заявил в рейхстаге: или христианин или немец, нельзя быть одновременно и тем и другим. Советский гражданин может быть верующим, если только вера не мешает ему быть прежде всего советским патриотом.

Наибольшие трудности советская власть испытывает в Литве, население которой в своем большинстве — католики. Объясняется это тем, что для литовцев религия и национальная принадлежность — неразрывны.

Число католических церквей в Литве не перестает сокра-

щаться, как и число всех других церквей в СССР. В 1974 году насчитывалось в Литве 628 костелов и всего 554 ксендза.²³³ Но если учесть, что население республики составляло на 1979 год 2,8 миллиона, то сравнительно число костелов было значительно выше, чем число православных церквей. Русское население страны по переписи 1979 года насчитывало 137397 тысяч человек. Епископат католической церкви в Литве «проявляет тенденцию к подчинению нажиму властей, но не является слепым орудием коммунистических правителей».²³⁴ Пример католической церкви в соседней Польше, избрание кардинала Войтылы папой, укрепляют позицию литовских католиков.

Вторая крупнейшая религия в СССР — ислам. Советский Союз с его 50-миллионным населением является пятой мусульманской державой — после Индонезии, Пакистана, Бангладеша и Индии. Отношения между государством и исламом подобны отношениям советской власти со всеми другими религиями: власть стремится его ликвидировать, а в процессе ликвидации использовать в своих интересах.

В 1959 году до хрущевской антирелигиозной кампании насчитывалось примерно 1200 мечетей, в 1977 году их число сократилось до 300.²³⁵ Два мусульманских университета (в Бухаре и Ташкенте) выпускает около 50 духовных лиц в год. Политика по отношению к исламу, намеченная в 30-е годы, предвидела как первую фазу «сближение» мусульманских народов с другими советскими национальностями, а затем «слияние» — биологическое, культурное и языковое со «старшим братом» — русскими. В 60-е и 70-е годы жизнеспособность ислама за пределами СССР не нуждалась в доказательствах. Особенность ислама как религии позволяет духовенству утверждать единство мусульман, независимо от того, являются ли они верующими или неверующими. Мусульманское духовенство нашло новые формы соблюдения обрядов, которые не ведут к конфликту с властью, но позволяют мусульманам ощущать свою связь с миром ислама.

Важным элементом идеологии ислама в СССР является тезис о «мирном сосуществовании» ислама и коммунизма. На съезде советских мусульман в Ташкенте в 1970 году говорилось: «Советские руководители не верят ни в Бога, ни в его Пророка... но тем не менее они осуществляют законы, которые продиктовал Бог и объяснил его Пророк». Или: «Я восхищаюсь гением Пророка, провозгласившего социальные за-

коны социализма. Я счастлив, что большое число социалистических принципов это осуществление заветов Магомета». ²³⁶ Мусульманское духовенство активно пропагандирует советскую внешнюю политику за границей. Крупнейший знаток советского ислама А. Беннигсен называет главу духовного управления Средней Азии и Казахстана муфтия Зияутинхана ибн Ишан Бабахана «наиболее эффективным представителем советской номенклатуры в несветском мусульманском мире». Муфтий разъезжает по мусульманским странам и свидетельствует «о расцвете ислама в СССР и его свободе». ²³⁷

Особенностью советского ислама является существование наряду с религией «официальной», находящейся под контролем Совета по делам религиозных культов, «параллельного» ислама — тайных суфитских братств — тарикат. Они хорошо организованы, динамичны и враждебны советскому строю. Благодаря им ислам сумел выжить как религия и как «образ жизни».

Сочетание этих двух форм религиозной жизни позволяет «социальному» исламу идти на компромиссы, выполнять пропагандистские задания государства, добываясь в свою очередь некоторых уступок. Мусульманское духовенство строит свою политику в расчете на вечность, советское государство стремится получить немедленную пользу. В 60-е и 70-е годы в мусульманских республиках не было диссидентов. В западной печати сообщалось, что первая волна советских войск, вошедших в Афганистан, состояла из частей Среднеазиатского военного округа, среди которых было много коренных жителей Средней Азии. После вторжения в Афганистан представители советских мусульман отправились в мусульманские страны мира для поддержки советских действий.

Брежнев откровенно говорил на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. о готовности поддержать те исламские движения, которые ведут к разрыванию «национально-освободительной борьбы». Брежнев, однако, тут же предупредил, что ислам может быть и знаменем контрреволюции. ²³⁸

Советские лидеры сами будут решать, когда считать исламские движения прогрессивными, а когда реакционными. По этой части у советских руководителей накоплен большой опыт.

Симбиоз ислама с марксизмом, практикуемый в СССР, оставляет будущему ответ на вопрос: что произойдет раньше — исламизация марксизма или марксизация ислама.

Третье направление борьбы с религией — наряду с преследованиями и «адаптацией» — создание новых обрядов. Исходя из убеждения, что людей привлекает к религии не столько вера в Бога, сколько обряды и праздники, представители советского «научного атеизма» стремятся воздействовать не только на разум, но и на эмоции. Состоявшееся в 1979 г. Второе всесоюзное совещание-семинар по социалистической обрядности (первое состоялось в 1964 г.) поставило задачу «погасить в сознании верующих иллюзорное солнце», как Маркс называл религию, и зажечь «советское солнце». ²³⁹ На совещании были подведены итоги разработки «теории социалистической обрядности», результаты воздействия на советского человека памятников (главный — мавзолей Ленина), Домов бракосочетаний, «красных суббот» и т. п. Рассматривалась работа существующих в республиках «Комиссий по новым обрядам и праздникам», представляющих собою подобие ватиканской конгрегации обрядов.

Важнейшим обрядом остается «политучеба». В 1978 г. свыше 22 млн. человек (это почти 12% населения, включая грудных детей) «занималось в системе партийной учебы». Отметив этот факт, главный идеолог страны М. Сулов рекомендовал проводить «единые политдни»: в этот день — раз в месяц или в неделю — все население городов или областей, в том числе и такие группы населения, которым зачастую уделяется недостаточное внимание ²⁴⁰ «принимают концентрированную дозу идеологии» — выполняют обряд.

е. Культура

Советская культура эпохи «зрелого» или «реального» социализма является одновременно продуктом и важнейшим инструментом его формирования. Как и во всех других областях жизни прекратились взрывы сталинского времени и резкие повороты хрущевской эры. Социалистическая культура создана, ее формы устоялись и с чудовишной тяжестью давят на общество, консервируя его в достигнутом состоянии. Из прошлого взято все необходимое. Прежде всего высоко оценены заслуги А. Жданова. «Его выступления по вопросам науки, литературы и искусства, — говорится в «Правде», — внесли серьезный вклад в идеологическое воспитание советского народа, в

развитие его духовной культуры». ²⁴¹ Отвергнуто представление о том, что оживление культуры началось после смерти Сталина, после XX съезда: «Начало обновления следует перенести от привычной даты 1956 года вглубь на несколько лет». Историк советской литературы считает, что «обновление» началось при жизни Сталина, что при Сталине началась эпоха Брежнева. ²⁴²

Результаты налицо. Советские социологи, обследовав выпускников средних школ в городе и деревне, пришли к выводу, что «сравнение выпускников 60-70 годов с выпускниками средних школ 20-х годов показало, что в массе своей сегодняшние школьники достигли уровня политической и социальной зрелости, который в те годы был присущ лишь лучшим представителям рабоче-крестьянской молодежи». ²⁴³

Качества, которые требуются от деятелей сегодняшней советской культуры, творцов социалистической культуры, перечислил глава советских писателей: «верная идейная направленность, партийная страстность, зрелость социалистической мысли, зоркость писательского взгляда» и в самом конце — «большое профессиональное мастерство». ²⁴⁴ Совершенно очевидно, что ни один из великих русских писателей, деятелей искусства, обладавший только «профессиональным мастерством», экзамена на мастера социалистической культуры не выдержал бы.

«Верная идейная направленность», названная первой в числе важнейших критериев, представляет собой основу социалистической культуры и делает ее уникальным феноменом в истории. Один из блюстителей идеологической чистоты советских писателей, признавая, что «правда, как известно, высший критерий художественности в литературе», отвергает традиционное, буржуазное представление о правде: «Все дело в том, для чего нужна правда...» ²⁴⁵ Старейшая советская писательница объяснила преимущество нового общества и его культуры на историческом примере: «Две тысячи лет назад некий римский вельможа Пилат спросил у стоявшего перед ним вожака из простого народа, рыбацкого проповедника: что есть истина? Тот, кто стоял перед ним, не смог ответить. Он молчал... В наше время пришел человек, по-новому организующий общество... Он ответил на вопрос, что есть истина: истина — конкретна». ²⁴⁶

«Истина — конкретна», следовательно, только партия знает, что есть истина. Следовательно «верная идейная направленность» — следовать за партией.

Цензура в социалистическом обществе начинается с самоцензуры. Она функционирует в голове писателя, историка, философа. «Истина — конкретна». Поэтому нужно знать о чем писать можно безбоязненно, а о чем лучше умолчать. Выбирая тему для научного исследования или для романа необходимо выяснить не только «проходимость» или «допустимость» данной темы в данный конкретно-исторический момент, но и предусмотреть возможные возражения идеологических властей. Так начинается цензура. Остальное довершают «компетентные» органы, которым надлежит надзирать за печатью и охранять читателей, а также авторов от уклонения от истин реального социализма. Уклоняющихся же от самоцензуры и от цензуры ожидают крупные неприятности.

Имеются лишь редкие и отрывочные сведения о практике советской цензуры: на Западе опубликовано несколько произведений советских писателей в полном виде. Их можно сравнить с оцензурованными советскими изданиями. Значительно более полное представление о методах и принципах деятельности органа, пропускающего «нужную» и задерживающего «ненужную» правду дает «Черная книга цензуры ПНР».²⁴⁷

Документы польской цензуры — «книга запрещений и рекомендаций», инструктажные материалы, цензорские примечания и замечания, — демонстрируют технику обработки человеческого сознания. Есть все основания полагать, что практика советской цензуры служила и служит образцом для польской цензуры.

Смысл цензорской деятельности заключается не в отборе правдивых информации от неправдивых. Цензура вмешивается, запрещает публикацию текстов, передачу их по радио не потому, что они лживы, а потому что есть правда «вредная», а есть «полезная». Цензура стремится закрыть целиком доступ реального мира в информацию. Книги, газеты, журналы, радио и телевидение должны представлять фиктивный мир социализма.

Информационная заметка о материалах, подвергнутых цензуре с 1 по 15 декабря 1974 года, содержит, например, упоминание о запрещении «публиковать материалы, касающиеся снабжения населения (в том числе мясом) и жизненного уров-

ня».²⁴⁸ Мясо не появится от того, что о его отсутствии не будут писать. Но отсутствие информации об отсутствии мяса создает иллюзию, что оно есть.

Первым требованием пробудившейся после смерти Сталина литературы была — искренность.²⁴⁹ Родившаяся иллюзия о возможностях литературы, основанной не «на проповеди, а на исповеди», продолжает жить после отказа опубликовать роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», скандала, вызванного его публикацией на Западе и награждением писателя Нобелевской премией по литературе (1956). Публикация повести и рассказов А. Солженицына возрождает надежды на «оттепель», суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем наносит им тяжкий удар. Но и 15 лет спустя группа писателей, все еще надеясь, делает неудачную попытку опубликовать в Москве альманах «Метрополь»: «попытку культурного компромисса, попытку улучшить климат, попытку влить какую-то новую кровь в дряхлеющее тело».²⁵⁰

История советской литературы эпохи Брежнева (литература здесь может служить моделью культуры) зарегистрировала неизменно повторяющееся явление: появлялся талантливый писатель, публиковал свои первые произведения, но едва он начинал представлять реальность в ее подлинном виде, его переставали печатать. И тогда он либо начинал писать для себя, в надежде опубликовать позже или за границей, либо цензурировал себя сам и становился «подлинным советским» писателем. Первый путь выбрали В. Максимов, В. Войнович, Г. Владимов, Ю. Домбровский, А. Синявский. Делал попытки опубликовать свои романы в Москве А. Солженицын. Вторым путем выбрал, например, С. Залыгин, автор «На Иртыше», лучшей книги о коллективизации, написанной в послесталинскую эпоху.

Возникают две литературы, две культуры — разрешенная и неразрешенная. В 1974 году неожиданно оказалось возможным выяснить удельный вес этих литератур. В связи с нехваткой бумаги книготоргующие организации предложили продавать «настоящую» литературу — «Королеву Марго» А. Дюма, «Сказки» Андерсена, Л. Толстого — в обмен на 20 кг. макулатуры. Немедленно выяснилось, что в стране имеется столько макулатуры, что пришлось от обмена отказаться.

С начала 70-х годов ведется генеральная чистка советской культуры — вынуждаются к эмиграции писатели, потерявшие всякую надежду на публикации, художники, которым отказы-

вают в праве демонстрировать свои произведения, музыканты, которым запрещают играть то, что они хотят. Сталин убивал не угодивших ему художников, писателей, музыкантов, чтобы оставшиеся в живых поняли, что «истина конкретна». Для художника изгнание — тяжелый удар, культура, теряющая талантливейших представителей, умирает. 35 лет после войны Германия ощущает потери, понесенные 12-летней эмиграцией выдающихся мастеров немецкой культуры в эпоху Гитлера.

Защищая разрешенную культуру от неразрешенной агенты КГБ и милиция использовали бульдозеры для разгрома выставки, организованной в Москве на открытом воздухе 5 сентября 1974 года. Большинство участников выставки были вынуждены эмигрировать.²⁵¹

Советская культура — это обязательное десятилетнее образование и это школа, ставящая своей основной задачей «формирование научно-материалистического мировоззрения и коммунистического убеждения учащихся».²⁵² Это издание миллионов книг, но первое место среди них занимают сочинения В. И. Ленина (в 1980 году их тираж составит 15 миллионов экземпляров)²⁵³ и «замечательные произведения Л. И. Брежнева» — к началу 1980 года их тираж составил 17 миллионов экземпляров, «но цифра продолжает расти, эти книги печатаются почти непрерывно...»²⁵⁴

Число школ, клубов, театров определяет уровень культуры. Но определяет ее и выступление Валентина Катаева — известного писателя, автора многих книг, работающего в литературе около 60 лет. Благодаря от имени интеллигенции автора новой советской конституции, В. Катаев заявил: «Нам всем оказаны величайшая честь и величайшее доверие, и мне хочется от всей души поблагодарить советский народ, Коммунистическую партию, ее Центральный Комитет и Председателя Конституционной Комиссии, нашего дорогого товарища и друга Леонида Ильича Брежнева. Он проделал поистине титаническую работу по созданию новой Советской Конституции. История никогда не забудет его подвига».²⁵⁵

Аркадий Белинков назвал искусство «силомером гнусности тиранического режима».²⁵⁶ В эпоху Брежнева уровень культуры опустился значительно ниже точки, достигнутой в предыдущую эру. Смерть короля «бардов» — А. Галича в 1978 году в изгнании, В. Высоцкого в 1980 году в Москве символизиро-

вала наступившее затишье: умолкли «неразрешенные голоса», певшие о реальной жизни.

ж. Эмиграция

Октябрьская революция была причиной первой массовой эмиграции XX века. Вторая волна эмиграции была рождена советско-германской войной. Третья волна поднимается в начале 70-х годов. По своему происхождению она отличается от прежних эмиграций.

После того, как приоткрытая в первые годы НЭПа щель была наглухо запечатана во второй половине 20-х годов, Советский Союз целиком изолировался от мира. Н. Хрущев, размышляя на пенсии о характере государства, которым он руководил 10 лет, удивлялся: «Это невероятно после пятидесяти лет держать рай под замком». ²⁵⁷ Бывший генеральный секретарь рассуждал логично: «Наш строй безусловно самый прогрессивный... на данном этапе развития человечества... значит наши люди живут и строят социализм в результате своих убеждений, а не в результате принуждения...», следовательно им следует «дать возможность уехать...» ²⁵⁸

Логически рассуждать Хрущев начал лишь после свержения. Поворотным пунктом в отношении к эмиграции был процесс группы евреев в 1970 г., арестованных в ленинградском аэропорту и обвиненных в попытке захватить самолет, чтобы бежать из Советского Союза. Необычайно суровый приговор — двое к смертной казни, девять — к длительным лагерным срокам — вызывает возмущение мировой общественности. Негодование тем более велико, что одновременно со смертными приговорами в Ленинграде выносятся в Бургосе смертные приговоры испанским террористам. В декабре 1970 г. даже коммунистические партии Запада вынуждены протестовать против смертных приговоров в социалистическом СССР и во франкистской Испании.

Суровый приговор вызывает не страх, как ожидали власти, а подъем движения советских евреев за право выезда в Израиль. Советское государство решает разрешить эмиграцию. Как и каждое решение советских органов разрешение на эмиграцию многосмысленно. Это не право советского гражд-

данина выезжать и въезжать к себе на родину, это подарок государства, которое то его дает, то его забирает, то дает снова. Желаящие выехать становятся изгоями — их увольняют с работы, шельмуют в печати, избивают на улице, заставляют иногда ждать разрешения годами, заставляют платить выкуп.²⁵⁹ Одновременно число выезжающих растет: в 1970 г. эмигрировало — 1 тыс. чел., в 1973 — 34.783 чел., затем число падает до 13.222 чел. в 1975 г.²⁶⁰ и возрастает до 43 тыс. в 1979 г.²⁶¹ В приоткрытую дверь устремляются немцы Поволжья: с 1970 до 1976 г. — их выехало 30 тыс.²⁶²

Разрешение эмиграции — серьезнейшая уступка власти, сделанная под нажимом массового движения евреев и советских диссидентов, поддержанных мировым общественным мнением. Однако советское государство стремится превратить поражение в победу.

К началу 70-х годов уже имелся некоторый опыт «социалистической эмиграции». Каждая страна, в которой к власти приходила коммунистическая партия, немедленно наглухо закрывала «рай» на замок. При разных обстоятельствах, однако, в разных странах социалистического лагеря возникали возможности выехать. Польша и Чехословакия в 1946-48 годах разрешили выезд евреев в новое государство Израиль, ибо в тот момент Советский Союз рассчитывал сделать Израиль своим форпостом на Ближнем Востоке. В 1956 году евреи вновь могли выехать из Польши — на волне либерализма, порожденного «польским Октябрем». Венгерские события 1956 года вынудили к бегству сотни тысяч венгров. Чехословаки бежали из страны после ее оккупации в 1968 году. Самой многочисленной была эмиграция из Восточной Германии, ибо, до строительства в 1961 году стены в Берлине, она была самой легкой — достаточно было перейти улицу и оказаться в свободной стране с тем же языком. В 1968 году в Польше впервые эмиграция была организована — евреев вынудили покинуть страну. Правительство Гомулки хотело найти козла отпущения, на которого можно было свалить вину за трудности, переживаемые Польшей, хотело поставить знак равенства между евреями и эмигрантами. Кроме того, с довоенных времен евреи играли важную роль в коммунистической партии Польши, а затем заняли значительные посты в социалистической Польше: их изгнание освобождало многочисленные посты в администрации, квартиры...

Весь этот опыт был использован советскими органами.

Разрешение на эмиграцию, данное евреям, позволило назвать конкретного врага, который стал воплощением всех врагов страны, народа, социализма. Разрешение на эмиграцию выделяло евреев из всех других народов страны, давало им право, которым никто не обладал. Превращало их в потенциальных «предателей», в «пятую колонну». В. Гомулка в 1968 году так их и назвал.

Разрешение на эмиграцию, как и во времена Ленина, позволяет очистить страну от недовольных, высылая их или вынуждая выехать «добровольно». В феврале 1974 года был арестован, посажен в самолет и выслан Александр Солженицын. Это был первый случай высылки за границу после Троцкого в 1929 году. Но изгнание Солженицына произошло в рамках «еврейской эмиграции». И хотя Европа встретила изгнанника как никого другого со времен Гарибальди, в Советском Союзе нетрудно было распространить официальный слух о том, что Солженицын — еврей.

Традиционное русское недоверие к Западу, тщательно воспитуемое социалистическим государством отношение к эмиграции, как к ярому врагу, все это было усилено государственным антисемитизмом. Евреи были приравнены к диссидентам, диссиденты к евреям, все вместе изображены агентами иностранных разведок. Выпущенная в конце 1978 года в Москве «Белая книга», посвященная диссидентам и эмигрантам, предназначенная для пропагандистов, работников КГБ и милиции, официально ставит знак равенства между всеми «врагами СССР». «Белая книга» составлена Ассоциацией советских юристов и снабжена предисловием председателя Верховного суда СССР Л. Смирнова.

Разрешение на эмиграцию преследует и практические цели. В 1977 году В. Буковский был выслан на Запад в обмен на главу чилийских коммунистов Л. Корвалана. В 1979 году пять советских диссидентов были освобождены из лагерей и тюрем и высланы на Запад в обмен на двух советских шпионов, схваченных в США. ГДР превратила торговлю диссидентами, которых социалистическая Германия продает капиталистической Германии за твердую валюту или дефицитные товары, в важный источник дохода. Советский Союз торгует диссидентами пока спорадически.

Не исключено, что эмиграция может использоваться КГБ как виварий для своих агентов.

Третья эмиграция состоит в основном из евреев. Но в ней представлены и многие другие национальности СССР. Главная черта «третьей эмиграции» — она состоит из советских людей, воспитанных и выросших при советской власти. Со дня рождения дышавших советским воздухом. Сравнение «первой» и «третьей» эмиграции позволяет увидеть разницу в отношении к миру, действительности, родине, друг другу русских и советских людей.

Эмигранты воспроизводят окружающую среду, покинутую ими. Характерно, например, что русские эмигранты начала 20-х годов, немедленно воспроизвели радугу политических партий, существовавших в России до революции, «третья эмиграция» политических организаций не создала. Единственной политической организацией, действующей в эмиграции, остается НТС, основанный в 30-е годы.

Отсутствие политических организаций не означает отсутствия политических дискуссий. Споры ведутся между представителями трех взглядов, родившихся вместе с диссидентским движением.

Александр Солженицын возлагает надежды на духовное возрождение русского народа, связанное с религиозным возрождением. А. Солженицын критикует демократическую форму правления, считая, что она: бессильна перед лицом тоталитаризма; несправедлива и случайна, поскольку заменяет общее согласие законом математического большинства; бессодержательна, ибо лишена всякого трансцендентного начала. «Со скалы ледящего тоталитаризма» А. Солженицын предлагает «медленный плавный спуск через авторитарную систему (неподготовленному народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию — значит расшлепаться насмерть в анархическое пятно)». Критики, обрушившиеся на взгляды А. Солженицына, не приняли во внимание оговорку писателя: «авторитарный строй, основанный на человеколюбии», «с твердой реальной законностью», отражающей волю населения, «устойчивый покойный строй, не переходящий в произвол и тиранию», «отказ от негласных судов, от психиатрического насилия, от жестокого мешка лагерей», «допустить все религии без притеснения», «свободное книгопечатание, свободные литература и искусство».²⁶³

Распространены взгляды, наиболее убедительно излагаемые А. Сахаровым, лауреатом Нобелевской премии мира, подвергающимся преследованиям в Советском Союзе. А. Сахаров верит в будущее «нравственного движения, подготавливающего в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований, необходимых стране, нужных всему человечеству ради мира на Земле». Он убежден, что националистическая идеология опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных, на первый взгляд, «диссидентских формах».²⁶⁴

Наконец, имеются сторонники взглядов историка-марксиста Роя Медведева, пишущего в Москве. Он полагает, что «положение в Москве может быть изменено марксистами недогматического толка, способными создать новый облик социализма». Р. Медведев верит, что приход к власти в партии «разумных и более молодых людей» позволит изменить положение. Он верит, что «может быть даже Андропов понимает проблемы интеллигенции лучше, чем Сулов и Кириленко».²⁶⁵

Ведущую роль в третьей эмиграции играют писатели. Ими созданы журналы, предоставляющие место художественной литературе, политическим и общественным материалам. Редактируемый В. Максимовым «Континент» — по форме традиционный русский «толстый» журнал — стремится создать широкую платформу для объединения всех противников «красного и черного фашизма». Журнал уделяет много места литературе и жизни стран Восточной Европы. Среди других многочисленных периодических изданий можно назвать полемический журнал «Синтаксис», редактируемый А. Синявским и М. Розановой, литературный журнал «Эхо», редактируемый В. Марамзиным и А. Хвостенко. Новые силы влились в старейшее эмигрантское издание, созданный в 1925 году журнал «Вестник русского христианского движения», имеющий читателей в СССР.

Литература, создаваемая в эмиграции, представляет интерес не только сама по себе, но и потому, что она начинает влиять на литературу, создаваемую в стране. Свободная литература становится меркой, которая позволяет судить об уровне того, что пишется в Советском Союзе.

Среди бережно воспитываемых в Советском Союзе мифов видное место принадлежит легенде о невозможности русскому писателю творить вне родной почвы. Миф этот опровергают

не только книги, написанные И. Буниным, М. Алдановым, В. Набоковым и другими писателями первой эмиграции, но и книги, написанные писателями третьей эмиграции.

Р. Конквест обнаружил еще один аргумент, разрушающий миф: средний возраст русских писателей в эмиграции (на 1962 год) был 72 года, средний возраст писателей, оставшихся на родине — 42 года.²⁶⁶

3. Конституция

В 1961 году, на XXII съезде, принявшем новую программу партии, обещавшую построение коммунизма в ближайшее время и объявившую о создании «общенародного государства», Хрущев заявил о необходимости подготовить новую конституцию. Комиссия была создана в 1962 году. Для написания конституции понадобилось 15 лет. Новая советская конституция, четвертая по счету, была принята в 1977 году.

Основной корпус брежневской конституции, праздник которой отмечается ежегодно 5 октября, взят из сталинской конституции 1936 года, праздник которой отмечался 5 декабря. Изменения, происшедшие в стране за сорок лет, выражены в подчеркнутой роли партии.

Преамбула констатирует: «В СССР построено развитое социалистическое общество». И далее: «Развитое социалистическое общество — закономерный этап на пути к коммунизму. Высшая цель Советского государства — построение бесклассового общества». В первых двух конституциях роль партии в СССР лишь подразумевалась. В сталинской конституции статья 126 говорила, что КПСС является «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества» и представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». В брежневской конституции партии посвящена статья 6 в 1 главе. Гласит она: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, КПСС определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью совет-

ского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Конституция кодифицировала тотальную власть партии в стране.

Конституция предоставляет — как и сталинская — широкие права трудящимся. С оговоркой: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, правам других граждан» (статья 39). Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций гарантируется в том случае, если они «соответствуют интересам трудящихся и используются в целях укрепления социалистического строя» (статья 50). Свобода научного, технического и художественного творчества гарантируется, но лишь «в соответствии с целями коммунистического строительства» (статья 47). Обеспечивается право на образование, но статья 25 декларирует: «В СССР существует единая система образования, которая служит коммунистическому воспитанию...»

Впервые в советскую конституцию введена глава «Внешняя политика». В первом абзаце статьи 28 говорится: «Советское государство последовательно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество». Во втором же абзаце объявляется: «Внешняя политика СССР направлена на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс...»

Характер изменений, внесенных в новую конституцию по сравнению со старой, хорошо иллюстрирует изменения, внесенные в советский гимн. Сталинский гимн, введенный в 1944 году, вместо «Интернационала», с 1956 года стал песней без слов, ибо в тексте имелось упоминание имени Вождя народов. С 1 сентября 1977 года советский гимн вновь поется. Изменен припев: вместо «Партия Ленина — партия Сталина нас от победы к победе ведет!» поставлены слова: «Партия Ленина — сила народная нас к торжеству коммунизма ведет!»

Изменение заключается в устранении имени Сталина и уточнении Цели. От «победы к победе» — значит к Коммунизму.

8. Хельсинки — Кабул

Пятилетие после победы в Хельсинки было периодом нараставших экономических трудностей. Органические пороки советской системы усугубились экономическим кризисом на Западе. Ослабление главной экономической опоры лагеря социализма немедленно сказалось в СССР не только в снижении процентов роста в статистических таблицах (хотя и это показательно, ибо советская статистика — важный элемент идеологии), но и в резком ухудшении продовольственного снабжения населения, которое и до этого было неудовлетворительным.

Очередная попытка решить продовольственную проблему, то есть обеспечить населению минимум продуктов, необходимых для существования, была очередным подтверждением катастрофического положения советского сельского хозяйства. В 1977 году член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук В. А. Тихонов признал, что «подсобное хозяйство дает стране, примерно, 28% валовой сельскохозяйственной продукции».²⁶⁷ Подсобное хозяйство — это приусадебные участки колхозников и горожан. В колхозах и совхозах размер участка — 0,25 га, горожанам выделяется меньше — 0,06-0,09 га. В общей сложности частные участки занимают около 1% обрабатываемой земли. По официальным данным, опубликованным в 1978 году подсобные хозяйства дали по стране: 61% картофеля, 29% овощей, 29% мяса, 29% молока, 34% яиц.²⁶⁸

Отношение советского государства к «подсобному хозяйству» было — с эпохи коллективизации — враждебным. Георетически вражда объяснялась тем, что частное хозяйство порождает буржуазные инстинкты. Практически — тем, что обеспечивая себя продовольствием советский гражданин становится хотя бы в одной области менее зависим от государства. В особенно трудные для страны периоды подсобные участки разрешались, затем запрещались, чтобы затем снова получить право на существование. В начале 70-х гг. велась активная борьба с развитием личного сельского хозяйства. В 1978 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР издал постановление, разрешающее развитие личных подсобных хозяйств как в деревне, так и в городе. Причем особое внимание уделяется развитию таких хозяйств на предприятиях и в учреждениях: они сами должны кормить рабочих и служащих. Задача самообеспече-

ния продовольствием ставится даже перед армией. В 1980 г. «Правда» ставила в пример воинскую часть, которая производит «все, что идет на солдатский стол».²⁶⁹

Отчаянное положение с производством продовольствия, в котором оказался Советский Союз, заставило генерального секретаря ЦК КПСС обратиться на XXVI съезде партии с призывом лучше использовать личные хозяйства граждан и подсобные хозяйства промышленных предприятий²⁷⁰

Пятилетие после Хельсинки было периодом развернутого наступления на диссидентов: все проявления инакомыслия жестоко подавлялись. Некоторые наблюдатели, подводя итоги Хельсинкского совещания, заносили в актив появление Групп по наблюдению за выполнением решений Совещания. К 1980 г. все члены всех Групп по наблюдению были арестованы.

Становятся известными все более и более, несмотря на цензуру, выступления рабочих в различных частях страны в защиту своих экономических прав.

Рабочее движение в СССР получило новый импульс в связи с развернувшейся борьбой польских рабочих за свои права в 1970, 1976 и особенно в 1980-81 годах.

Дважды, в 1970 г. и в 1976 г. польские рабочие в Поморье выступали в защиту своих прав. Эти выступления были подавлены властями, но стачечный комитет продолжал существовать. В 1980 г. в связи с резким ухудшением экономического положения в Польше и попытками власти выйти из кризиса за счёт понижения жизненного уровня трудящихся, и без того достаточно низкого, рабочие верфей в Гданьске начали забастовку. Движение перекинулось на другие районы страны. Во главе нового движения стал электрик Лех Валенса. 10 млн. польских рабочих объединились в свободные профсоюзы «Солидарность». Их примеру последовали крестьяне, потребовавшие признания своего собственного профсоюза. Движение за обновление Польши охватило также и интеллигенцию. Студенты потребовали и частично добились академических свобод. Население различных местностей потребовало смены коррумпированного местного руководства. Католическая церковь оказала движению осторожную поддержку.

Первый секретарь ЦК ПОРП Герек, пришедший к власти на волне рабочего движения в 1970 г. вынужден был уйти в отставку. Его сменил Станислав Каня. В марте 1981 г. главой правительства был назначен министр обороны генерал Яру-

зельский. То был первый случай в истории Советской империи, когда кадровый генерал стал во главе правительства. Польское правительство вынуждено было признать законность новых профсоюзов и их права на стачку.

Победа «Солидарности» стала поворотным пунктом не только в истории Польши, но и в истории всей советской империи. Руководители СССР выступили с неприкрытыми угрозами по отношению к польскому народу, угрожая вооруженной интервенцией и требуя от нового польского руководства подавления рабочего движения. Рука об руку с «Солидарностью» выступили польские диссиденты, еще ранее отвоевавшие себе право на полулегальное существование. Польские власти по приказу из Москвы начали полицейские преследования руководителей диссидентов Курона и Михника. «Солидарность» немедленно потребовала прекращения преследований диссидентов.

Советские руководители предпочли подавить рабочее движение в Польше польскими же руками. Вооруженное вторжение в страну с 37-миллионным населением, не раз в ходе истории демонстрировавшим свою готовность идти на любые жертвы ради независимости, может иметь непредсказуемые последствия. Вот почему в ход были пущены прежде всего политические методы, цель которых заключалась в том, чтобы изолировать польские свободные профсоюзы от диссидентов, а затем посорить польских рабочих с другими слоями населения и разбить таким образом оппозиционные силы по одиночке. Когда это не удалось, когда стало очевидным, что реформы, предлагаемые «Солидарностью» могут привести к оздоровлению польской экономики, польского общества, генерал Ярузельский ввел в стране — 13 декабря 1981 г. — военное положение. Были произведены массовые аресты среди членов «Солидарности», среди рабочих, ученых, писателей, артистов. Партия, осознав, что в результате реформ она потеряет свою власть в стране, перестанет быть «руководящей силой», оставаясь лишь политической партией, прибегла к военной силе, объявила войну народу.

Военное положение не решило ни одной из проблем, стоявших перед Польшей. Оно было единственной возможностью для партии сохранить свою власть.

В феврале 1978 г. группа рабочих, собравшихся в Москве, объявила о создании свободного профсоюза трудящихся в СССР. В открытом письме «К мировой общественности» в канун 60-летия СССР инициаторы создания свободных профсоюзов писали: «Мы думаем, что нас десятки тысяч, сотни тысяч... Мы — это многочисленная армия советских безработных выброшенных за ворота предприятий за право на жалобу, за право на критику, за право на свободу слова».²⁷¹ Главный инициатор движения Владимир Клебанов был арестован и отправлен в психиатрическую больницу.²⁷² Вслед за первой попыткой последовала другая. Был создан свободный профсоюз под названием Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). Многие из его членов были арестованы, а один из них, рабочий Владимир Борисов, был выслан в июне 1980 г. за пределы СССР.

Одним из видных деятелей свободных профсоюзов в СССР стал рабочий Алексей Никитин, завоевавший популярность среди шахтеров Донеска выступлениями в защиту их прав. Он родился в 1937 г. в семье крестьянина Брянской области. После средней школы окончил горный техникум, служил в армии, работал на шахте, был активным комсомольцем, после демобилизации вступил в партию, затем окончил Донецкий политехнический институт по специальности «инженер-электро-механик». Начиная с 1969 г. Никитин неоднократно выступал в защиту прав рабочих в конфликтах между администрацией шахты в Бутовке и рабочими. В 1970 г. он был уволен с работы. 22 декабря 1971 г. на шахте, на которой раньше работал Никитин, произошел взрыв в результате которого 7 человек было убито и более ста ранено. Об опасности взрыва Никитин неоднократно предупреждал администрацию. Вскоре Никитина арестовали и начались его мытарства по тюрьмам и психбольницам.

Никитину удалось организовать в декабре 1980 г. встречи в Донецке местных рабочих с московскими корреспондентами газеты «Файненшл Таймс» Дэвидом Сэттером и газеты «Вашингтон пост» Кевином Клоузом. Рабочие и жители Донеска, опрошенные корреспондентами, откровенно рассказывали о тяжелых условиях их существования. Из разговоров с донецкими трудящимися у журналистов сложилось впечатление, что причины, приведшие к рабочим волнениям в Польше, существуют в Советском Союзе еще в большей мере.²⁷³

В конце 1980 г. и в начале 1981 г. рабочие волнения прокатились на предприятиях Москвы, Киева, Ленинграда, Воронежа, Минска, Петрозаводска, Вильнюса. Рабочие выражали свою солидарность с рабочими Гданьска.²⁷⁴

Пятилетие после Хельсинки было временем серьезных успехов советской экспансии.

Советский Союз начинает выходить за пределы «ялтинской зоны» в эпоху Хрущева — прежде всего в направлении Ближнего Востока. Приход к власти Кастро расширяет зону советских интересов на другое полушарие. В 50-е и 60-е годы Советский Союз время от времени терпит неудачи: он вынужден убрать ракеты с Кубы, вывести советников из Египта, теряет влияние в Гане и т. д. Но это всегда неудачи далеко за пределами собственно советской зоны: на определенном участке земного шара наступление задерживается, но не прекращается.

Немедленно после подписания в Хельсинки Заключительного акта соглашения, Советский Союз одерживает победу в Анголе. Комментируя установление в Анголе просоветского режима, «Правда» писала: «Всему миру известно, что Советский Союз не ищет в Анголе ни экономической, ни военной, ни иной выгоды. Ни один советский человек не сражается с оружием в руках на ангольской земле».²⁷⁵ В этой фразе был использован знаменитый рецепт Ленина: по форме правильно, а по существу издевательство. На ангольской земле сражались с советским оружием в руках — кубинцы. Кубинский экспедиционный корпус был затем использован для поддержки просоветского правительства в Эфиопии и других районах, ставших объектом внимания Советского Союза. Кубинцы становятся советским Иностраннным легионом.

Отвергая робкие возражения государственного секретаря США, полагавшего, что экспансия СССР и Кубы происходит там, где «ни СССР ни Куба не имеют никаких исторических интересов», «Правда» отвечала: «Насчет экспансии — это неправда. Если же говорить об исторических интересах, то они заключаются не в том аспекте, который имеет в виду государственный секретарь США, а в полной и последовательной поддержке Советским Союзом борьбы народов за свободу и независимость».²⁷⁶

В 1977 году обязательство поддерживать «борьбу народов» будет вписано как закон в советскую конституцию. В 1978 году

в новое издание «Краткого политического словаря» добавляются статьи «Идеологическая борьба» и «Классовая борьба».

Г. Киссинджер пишет в своих мемуарах, что он не думает, будто у Брежнева под подушкой лежит план установления мирового господства, разработанный во всех подробностях: «Кремлинологи имеют часто тенденцию интерпретировать действия советских руководителей, как часть тщательно разработанного плана, каждая деталь которого неумолимо вытекает из предыдущей». ²⁷⁷ Бывший государственный секретарь США — прав. Тщательно разработанного плана — нет. Есть отношение к миру, как объекту экспансии, как добыче.

Выступая на совещании «идеологических работников» в октябре 1979 года, Б. Пономарев перечислил успехи «борьбы народов»: Вьетнам, Лаос, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Афганистан. «Идет, — заявил он, — неумолимый процесс смены отживших реакционных режимов прогрессивными, все чаще с социалистической ориентацией». ²⁷⁸ Б. Пономарев разделил весь мир на 4 зоны, изложив модернизированный вариант «доктрины Ленина-Брежнева». Первая зона — зона развитого социализма, то есть СССР. Вторая — зона «братских стран», мирового социалистического сотрудничества. Третья — «зона прогрессивных режимов», Пономарев отнес к ней, в частности, Иран и Никарагуа. Четвертая зона — капиталистический мир. ²⁷⁹ Три зоны мира являются законной, определенной историческими законами, сферой действия Советского Союза. Давно минуло время, когда первое в мире социалистическое государство считало себя «осажденной крепостью». В конце 70-х годов осажденной крепостью становится капиталистический мир — четвертая зона. «Стоящие перед человечеством глобальные проблемы, как и очевидная необходимость их скорейшего разрешения, выступают в наши дни как один из все более и более весомых аргументов в пользу социализма и коммунизма, в пользу полного социального и национального освобождения всего человечества». ²⁸⁰

Стратегическая задача поставлена — социализм для всего человечества, как средство решения «глобальных проблем человечества». Тактика выполнения этой задачи — удары по слабым звеньям четвертой зоны.

Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 года было практическим осуществлением права, присвоенного себе Советским Союзом: с апреля 1978 года, после переворота,

приведшего к власти коммунистическую партию, Афганистан стал частью третьей зоны.

Вторжение в Афганистан было проведено по чехословацкому образцу: «приглашение», захват столичного аэродрома, танковый десант, а затем введение армии.

Первой неожиданностью для Советского Союза оказалась реакция США. После апрельского переворота в Кабуле «Нью-Йорк Таймс» писала: «Администрация Картера остается до сих пор, и совершенно справедливо, совершенно спокойной в связи с переворотом в Афганистане, где лидеры маленькой коммунистической партии захватили власть в Кабуле... Лет десять назад любая коммунистическая победа рассматривалась бы как явное поражение США. Большинство американцев сегодня считают, что мир более сложен».²⁸¹ Для советского руководства переход Афганистана после апреля 1978 года из третьей зоны во вторую стал бесспорным основанием для вмешательства, в том числе и военного. Решение президента Картера объявить эмбарго на продажу Советскому Союзу дополнительного зерна (сверх квоты, предусмотренной пятилетним соглашением) и призыв бойкотировать Олимпиаду, было воспринято как враждебный поступок.

Политика Картера подверглась критике со стороны американских сторонников разрядки во что бы то ни стало. Джордж Кеннан поддержал советский тезис о том, что «ввод ограниченного военного контингента в Афганистан явился вынужденной мерой правительства СССР и что это решение было нелегким». Нынешние события в Афганистане, заявил бывший посол США в Москве, «касаются прежде всего двух стран — Советского Союза и Афганистана».²⁸² Политику Картера отказались поддержать страны Западной Европы (за исключением Великобритании). Сценарий, известный по 1956 и 1968 годам, повторился: после нескольких тревожных опасений и колебаний Франция и ФРГ возобновляют дипломатический диалог с Советским Союзом. Западная Европа начинает забывать о «дорожном инциденте».

Советские стратеги правильно оценили реакцию Запада на вторжение в Афганистан, которую американский комментатор коротко сформулировал: бизнес как всегда. Добавив: «Афганистан не был частью Запада и советская оккупация сама по себе не нарушает мирового стратегического равновесия».²⁸³ Советские стратеги ошиблись в оценке реакции Афганистана.

Первая ошибка состояла в недооценке слабости коммунистической партии, созданной накануне апрельского переворота 1978 года из двух политических групп — «Халк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), тесно связанных с Москвой. Союз между ними продержался недолго: «Халк» монополизировал власть и начал быструю советизацию страны, ликвидируя всех противников, а в том числе и членов «Парчам». Под властью Тараки, а затем Амина в Афганистане установился режим кровавого террора. Как обычно в конфликте между коммунистическими группировками имели значение не идеологические разногласия, а стремление к власти. В Афганистане борьба усугубилась национальной рознью. «Халк» рекрутировал своих сторонников преимущественно из племен пушту, «Парчам» — из таджикских племен. Среди советских советников было немало таджиков, говорящих на фарси — одном из языков Афганистана. Несмотря на то, что именно «Халк» старался навязать Афганистану режим советского типа, враждебное отношение к таджикам стало распространяться и на советников из СССР.

Первым актом советских войск, оккупировавших Кабул и привезших с собой нового президента Кармала, члена «Парчам», было убийство президента Амина, главы группы «Халк». В связи с этим мир до сих пор не может понять: советские войска, по официальному объяснению, были приглашены афганским правительством, но первым действием гостей было уничтожение хозяев, пригласивших их.

Придя к власти, Б. Кармал и его сторонники, начали преследование членов «Халк». Социальная база и даже численность коммунистической партии были сведены почти на нет.

Главный просчет советских стратегов — недооценка воли афганского народа к независимости. Советская печать изображала вступление советских войск в Афганистан по образцам 1968 г. В стремлении изобразить радость местного населения, газеты не знали удержу. Пальма первенства принадлежит несомненно правительственной газете «Известия», рассказавшей о том, как афганский крестьянин, увидев советских солдат, «припал к танку, поцеловал запыленную броню». ²⁸⁴

Для того, чтобы «нормализовать» Чехословакию, население которой оказывало лишь пассивное сопротивление оккупантам, понадобилось 8 месяцев. Через 8 месяцев после вторжения в Афганистан около 1 миллиона жителей страны, на-

считывающей 17-18 миллионов населения, покинуло родину — бежало от бомбардировок. Афганская армия развалилась. Борьбу с оккупантами ведут многочисленные отряды партизан, использующих чрезвычайно удобную для сопротивления географию страны. 80-тысячная советская армия с трудом контролирует некоторые крупные города и главные дороги. Использование новейшей техники, позволяющей причинять тяжелые потери партизанам и мирному населению, не спасает советские войска от потерь, которые не перестают расти.

Внешне ситуация напоминает положение американской армии во Вьетнаме: огромная, тяжелая военная машина, оснащенная по последнему слову техники и противник, свободно маневрирующий на местности, компенсируя слабость своего вооружения. С одной стороны солдаты, присланные в чужую страну, с другой — люди, воюющие дома и за свой дом. Принципиальная разница заключается в том, что американцы вели войну во Вьетнаме перед телевизором: это была первая в истории война, за которой граждане страны могли следить ежедневно и ежечасно. Армия США потерпела поражение во Вьетнаме, ибо американский народ не захотел продолжать войну. Правительство не могло воевать против воли народа. Советская армия ведет войну, о которой советский народ ничего — кроме слухов и похоронных, получаемых семьями погибших в Афганистане советских солдат — не знает. Афганистан закрыт и для иностранных журналистов (за исключением корреспондентов некоторых коммунистических газет).

Как американские, так и советские генералы заинтересованы в продолжении войны, которая позволяет испытывать новые виды вооружения, совершенствовать тактику, обучать солдат и офицеров в боевой обстановке. Но в отличие от США, где правительство ответственно за все, что делает армия, в СССР партия, осуществляя политическое руководство армией, вину за все неудачи возлагает только на военных. Побеждает всегда партия, вину за поражения несут — солдаты.

Трудности, встреченные в Афганистане, побудили Москву обратиться за помощью к Западу, прежде всего к США. «Если бы Соединенные Штаты хотели мира в этом районе (т. е. в районе Афганистана. — М. Г.), — писал ровно через два месяца после вторжения представитель ЦК — то президенту США достаточно было бы дать команду прекратить вторжения на

территорию Афганистана, прекратить поставки оружия, ликвидировать базы наемников, словом прекратить все формы вмешательства, направленные против правительства и народа Афганистана...»²⁸⁵ Полгода спустя он еще более настойчиво и ясно заявляет: «Ключ к политическому урегулированию ситуации вокруг Афганистана находится в Вашингтоне...»²⁸⁶ Советское руководство рассчитывает, что Запад, прежде всего США, поможет советской армии подавить сопротивление афганского народа.

Этот же мотив отчетливо прозвучал в докладе Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1982 г. Вся вина возложена на США.²⁸⁷ Вторжение советских войск в Афганистан вынудило правительство США и ряда других западных государств занять временно более твердую позицию по отношению к экспансионистской политике СССР. Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставки зерна в СССР, призвали к бойкоту Олимпийских игр в Москве и заморозили намечавшиеся экономические сделки с Советским Союзом. 104 государства проголосовали в ООН за осуждение вооруженного вмешательства иностранного государства в Афганистане. Но едва новый президент США Р. Рейган пришел к власти, он немедленно отменил эмбарго на поставки зерна в СССР. Исторический опыт подсказывает советским руководителям, что они вполне могут рассчитывать на забывчивость и близорукость Запада. Умело эксплуатируя страх народов перед опасностью термоядерной войны, Советский Союз еще раз подтвердит миру, что разрядка делима.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отпраздновав свое 60-летие, государство, рожденное в октябре 1917 года, вступает в восьмое десятилетие XX века как последняя мировая империя. Над советской зоной — от Кубы до Вьетнама, от Чехословакии до Анголы — никогда не заходит солнце.

Шестьдесят пять лет — незначительный отрезок в тысячелетней истории России. Но в эти страшные, кровавые, трудные годы — в ленинское пятилетие, три сталинских десятилетия, одно хрущевское и полтора брежневских — сложилась система, неизвестная человечеству. В первые тридцать лет ее существования, когда в мире было лишь одно социалистическое государство — Советский Союз, многим казалось, что только русская история, география и русский менталитет способны породить советскую утопию.

После второй мировой войны история поставила чудовищно жестокий опыт: были разрезаны надвое страны и каждая из половинок начала жить в разном мире — в утопии или в реальности. Опыт удался: независимо от исторических традиций, от географии и национальных особенностей во всех странах, где установлена социалистическая система советского типа — результаты одинаковы. Лев Толстой начал «Анну Каренину» психологическим наблюдением: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему». Все социалистические страны похожи друг на друга наличием единой партии, которая всем руководит и ни

за что не отвечает, полицейской системой, пронизывающей все клетки общества, низким жизненным уровнем.

Советский Союз — сердце социалистической системы, является одновременно ее моделью. Страны, входящие (и вовлекаемые) в советскую зону, повторяют как правило эволюцию Советского Союза, как человеческий эмбрион повторяет в утробе матери эволюцию человеческого рода. Поэтому история СССР представляет особый интерес.

Шесть десятилетий истории, в том числе брежневское пятнадцатилетие в условиях «детанта» и благожелательного отношения Запада, окончательно определили характер СССР, выявили все особенности победившей утопии. Значительные внешнеполитические успехи не позволили решить ни одной внутренней проблемы.

Советская система показала себя непригодной для решения экономических, социальных, национальных проблем.

Вторая индустриальная держава мира, как нередко называют СССР, не может прокормить свое население и сохраняет внешнеторговую структуру дореволюционной России: вывозит главным образом сырье и ввозит промышленное оборудование. Государство, объявившее своей целью построение бесклассового общества, создало предельно иерархическое, кастовое общество. Многонациональная империя, управляемая из центра, не решила национального вопроса ни внутри СССР, ни в странах «лагеря» — меняющийся демографический баланс усиливает сложность и напряженность конфликтов.

«Спокойное» брежневское пятнадцатилетие продемонстрировало невозможность выхода из внутривнутриполитического кризиса. Каждое движение в сторону — в сторону реформ или усиленных репрессий нарушало равновесие и начинало грозить фундаменту системы. Стала очевидной полная автоблокировка системы: особенно наглядно проявилось это в области экономики. Каждая реформа оказывалась неосуществимой, ибо децентрализация грозила развалом, излишняя централизация грозила полной остановкой. КГБ удалось нанести тяжкий удар родившейся в годы «разброда и шатаний» после смерти Сталина, общественной мысли. Но тотальный террор сталинской эпохи был сменен выборочным ползучим террором брежневской эры. В дополнение к тюрьмам и лагерям стали использоваться психиатрические больницы и эмиграция — мера менее жестокая.

Советское государство боится резких движений внутри страны. Стремится во внутренней жизни к энтропии. Но энтропия — это смерть. И Советский Союз находит необходимую для жизни энергию во внешнеполитических акциях, в экспансии. Экспансия становится единственной формой жизни «зрелого» социализма.

Советские руководители органически враждебны Западу и отказывают ему в праве на существование в его нынешней форме. Запад нужен им, как объект вражды, он нужен — «четвертая зона» — как потенциальная добыча и одновременно он необходим, как единственный источник помощи для преодоления временных хронических трудностей.

Формула Маркса о взаимозависимости базиса и надстройки нашла непредусмотренное осуществление в социалистической утопии, создающей у себя надстройку на базисе, который находится в другом месте — на Западе.

Главная задача, которую поставили перед собой отцы Октябрьской революции заключалась в создании Нового Человека, Гомо Советикус. Л. Брежнев на XXV съезде (1976) назвал «важнейшим итогом прошлого шестидесятилетия» — советского человека. Генеральный секретарь ЦК был совершенно прав. На протяжении шести десятилетий главные усилия партии были направлены на «советизацию» человека. Только на первых порах «советизация» означала принуждение граждан верить в доктрину. Процесс «советизации» заключался в том, что граждан приучали принимать как должное их положение, воспитывать в них убеждение, что каждое изменение может быть только изменением к худшему. «Моральное закабаление населения, — пишет Лешек Колаковский, — происходит не тогда, когда народ или значительная его часть начинает верить в официальную идеологию, а когда он погружается в безнадежность».²⁸⁸ Академик Сахаров в 1980 году, после вторжения в Афганистан, с горечью писал: «Население страны безропотно принимает все нехватки — мяса, масла, многого другого; терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей... Молчит при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчит при любых внешнеполитических акциях».²⁸⁹ Таков портрет советского человека — итог шестидесятилетия. Люди, потерявшие надежду на лучшее будущее и живущие в стра-

хе перед завтрашним днем, — одна из причин стабильности советской системы.

Создана новая общность людей, каждый из которых не имеет никаких прав и в то же время обладает крупницей власти — может плохо работать, может доносить на соседа, продавец может издеваться над покупателем, чиновник над просителем, можно воровать, давать и получать взятки. Крупница власти, которую государство, прикрыв глаза, оставляет гражданам, это всегда — злоупотребление, обход официального законодательства.

Секретарь ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслов, выдвинувшийся на авансцену политической жизни во время Большого Террора 30-х годов и управлявший идеологией более 30 лет, перечислил особенности советского образа жизни (разумеется назвав их «враждебными явлениями») в следующем порядке: «...пьянство, хулиганство, тунеядство, стремление урвать побольше от общества, ничего не давая ему, злоупотребление служебным положением, стяжательство и взяточничество, бесхозяйственность и расточительность, бюрократизм и бездушное отношение к людям».²⁹⁰ Бездушное отношение к людям секретарь ЦК поставил на последнее место.

Причина стабильности режима — новый «общественный договор», неизвестный ранее истории — граждане отдают государству свободу в обмен на контролируемое государством право на злоупотребление. Государство при этом гарантирует минимальные условия существования.

Причина стабильности режима и в том, что в его существовании заинтересована привилегированная часть общества — партийно-государственная бюрократия, генералитет армии, государственная безопасность, коррумпированная верхушка рабочего класса, сановники академического мира и культуры, их семьи и их служба. Все они наделены теми или иными привилегиями, но подобно остальным советским гражданам — лишены прав.

Другая причина стабильности системы и ее внешнеполитических успехов состоит в том, что процесс «советизации» идет не только в СССР и странах социалистического лагеря. Распространяется по всему миру «советский» язык. Самые далекие от коммунистов партии создают свои «центральные комитеты» и «политбюро». Советская система видна миру в ее внешнеполитических акциях, в которых она, особенно в по-

следнее десятилетие, выглядит победителем. Победитель пугает и привлекает. Советский менталитет начинает распространяться по земному шару: принимать все что происходит сегодня как должное, ибо завтра может быть только хуже. Настроение пораженчества, уже пустившее глубокие корни в Западной Европе, постепенно перекочевывает и в Азию. Японский экономист проф. Мичио Морисима, размышляя о возможностях советского вторжения в Японию, предложил: «Когда русские придут, встретим их спокойно с белым флагом в одной руке и с красным в другой. Даже под советской властью может быть без всякого сомнения создана социалистическая, но жизнеспособная экономика, если только мы достойно встретим поражение».²⁹¹

Наконец, причина стабильности режима — нужда в нем Запада для сохранения в мире равновесия сил, в его западном понимании.

И все же Прошлое, Настоящее и Будущее связано с Человеком.

Будущее Советского Союза и будущее человечества во многом зависит от удачи или неудачи процесса «советизации» человека. Обитатели утопии, изображенной Замятиным в романе «Мы» счастливы, но процесс полной «советизации», окончательного их превращения в винтики государственной машины, завершается после небольшой операции в мозгу.

История Советского Союза — это история общества и государства, поработанных партией, это история государства, поработившего общество, это история партии, овладевшей государством для создания такого типа человека, который позволил бы ей вечно сохранять Власть, это история Сопротивления Человека.

Успехи системы очевидны. Но история не остановилась. Память о прошлом позволяет сохранить надежду.

ХРОНОЛОГИЯ (1939—1980)

1939

- 15 марта Оккупация Чехословакии Германией.
- апрель - август Переговоры между СССР, Великобританией и Францией о союзе против гитлеровской Германии.
- 17 апреля Заявление посла СССР в Берлине германскому министерству иностранных дел, что идеологические разногласия не являются препятствием для улучшения советско-германских отношений.
- 3 мая Замена М. М. Литвинова на посту народного комиссара иностранных дел В. М. Молотовым.
- 20 мая Заявление В. М. Молотова германскому послу в СССР фон дер Шуленбургу о желательности создания лучшей политической основы для советско-германских отношений.
- 11 мая - 31 авг. Бои у р. Халхин-Гол между советскими и японскими частями.
- 23 августа Подписание договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретного дополнительного протокола о разделе Польши и сфер интересов в Восточной Европе.
- 1 сентября Нападение гитлеровской Германии на Польшу. Начало второй мировой войны.
- 17 сентября Вступление Красной армии в Восточную Польшу.
- 28 сентября Подписание договора о дружбе и границе между СССР и Германией и секретных дополнительных протоколов по территориальным вопросам и совместной борьбе против польского движения Сопротивления.
- 1 - 2 ноября Включение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР.

30 ноября 1939-	
12 марта 1940	Советско-финская война.
14 декабря	Исключение СССР из Лиги Наций как агрессора в связи с нападением на Финляндию.
	1940
11 февраля	Советско-германское торговое соглашение о поставках Германии продовольствия и сырья.
12 марта	Подписание советско-финляндского мирного договора.
8-11 апреля	Убийство польских военнопленных в Катынском лесу (близ Смоленска) НКВД.
26 июня	Закон об увеличении продолжительности рабочего дня до 8 часов, переходе на семидневную неделю, запрещении самовольного перехода рабочих с одного предприятия на другое и введение уголовных наказаний за прогулы и опоздания.
28 июня	Возвращение Бессарабии и присоединение Северной Буковины к СССР.
3-6 августа	Включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР.
20 августа	Убийство Л. Д. Троцкого советским агентом в Мехико.
2 октября	Создание Государственных Трудовых Резервов.
12-14 ноября	Переговоры В. М. Молотова в Берлине с Гитлером.
25 ноября	Нота советского правительства германскому о согласии примкнуть к Тройственному пакту при условии расширения сферы влияния СССР на юг и предоставления СССР военно-морской базы в проливах.
	1941
5 апреля	Заключение советско-югославского договора о дружбе и ненападении.
6 апреля	Нападение Германии на Югославию.
13 апреля	Заключение советско-японского пакта о нейтралитете.
6 мая	Назначение И. В. Сталина председателем Совета народных комиссаров СССР.
декабрь 1940- июнь 1941	Многочисленные предупреждения Советскому правительству о готовящемся нападении Германии на СССР.
14 июня	Коммюнике ТАСС о том, что слухи о подготовке СССР к войне против Германии являются лживыми и провокационными.
22 июня	Нападение Германии на Советский Союз. Начало германо-советской войны.
28 июня	Падение Минска.
30 июня	Образование Государственного Комитета Обороны.
3 июля	Обращение Сталина к народу с призывом защищать отечество.

12 июля	Подписание соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии.
25 августа	Ввод советских и английских войск в Иран.
29 сентября - 1 октября	Конференция представителей СССР, Великобритании и США по вопросам снабжения СССР оружием и военными материалами.
30 сентября	Первое немецкое наступление на Москву.
2-12 октября	Поражение советских армий под Вязьмой.
15-16 октября	Массовый исход жителей из Москвы.
15 ноября - 5 декабря	Второе немецкое наступление на Москву.
5/6 декабря - 20 апреля 1942	Контрнаступление советских войск под Москвой.
8 декабря	Нападение Японии на США.
11 декабря	Объявление Германией войны США.

1942

весна-лето	Неудачи советских операций по деблокированию осажденного Ленинграда.
8-15 мая	Гибель советской армии на Керченском полуострове.
17-28 мая	Поражение Красной армии под Харьковом.
26 мая	Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.
11 июня	Соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.
28 июня	Начало нового немецкого наступления на советско-германском фронте. Прорыв немецких армий в направлении Волги и Кавказа.
17 июля - 2 февраля 1943	Сталинградская битва.
21 августа	Выход германской армии к Главному Кавказскому хребту.
27 декабря	Создание в Германии «Русского Национального Комитета» и Русской Освободительной Армии (РОА) во главе с пленным советским генералом А. А. Власовым.

1943

12-18 января	Прорыв блокады Ленинграда.
2 февраля	Капитуляция немецкой группировки в Сталинграде во главе с фельдмаршалом фон Паулюсом.
15 мая	Роспуск Коммунистического Интернационала.
5 июля - 23 августа	Курская битва.
25 июля	Высадка англо-американских войск в Италии.
сентябрь	Разрешение советского правительства на избрание патриарха Русской православной церкви.

28 ноября - 1 декабря ноябрь	Тегеранская конференция руководителей союзных государств — Ф. Рузвельта, И. Сталина и У. Черчилля. Ликвидация Карачаевской АО. Депортация карачаевцев в восточные районы страны.
27-30 декабря	Ликвидация Калмыцкой АССР. Депортация калмыцкого народа в восточные районы.
1944	
27 января	Окончательное деблокирование Ленинграда после 870 дней осады.
23 февраля	Ликвидация Чечено-Ингушской АССР. Депортация чечено-ингушского народа в восточные районы страны и в Среднюю Азию.
8 марта	Преобразование Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Депортация балкарцев в восточные районы страны и Среднюю Азию.
8 апреля - 12 мая	Завершение освобождения Крыма.
17-18 мая	Ликвидация Крымской АССР. Массовая депортация крымских татар в восточные районы и Среднюю Азию.
6 июня	Высадка англо-американских войск во Франции. Создание второго фронта в Европе.
3 июля	Освобождение Минска.
8 июля	Закон о семье. Возрождение понятия незаконнорожденных.
июль - август	Наступление Советской армии в Польше. Создание в Люблине просоветской «Крайовой Рады Народовой».
август 1 - ок- тябрь 2	Народное восстание в Варшаве против немецких оккупантов.
31 августа	Вступление Советской армии в Бухарест.
16 сентября	Вступление Советской армии в Софию.
20 октября	Вступление Советской армии в Белград.
11-13 октября	Включение Тувы в состав СССР.
14 ноября	Создание в Праге Комитета Освобождения Народов России и его вооруженных сил во главе с А. А. Власовым. «Пражский манифест».
10 декабря	Советско-французский договор о союзе и взаимопомощи.
1944-1950	Повстанческое движение против советской власти на территории 3. Украины, 3. Белоруссии, а также Польши и Чехословакии. Депортация 300 тыс. западных украинцев и белорусов вглубь страны.
1945	
12 января - 3 февраля	Висло-Одерская операция.
4-11 февраля	Ялтинская конференция руководителей Союзных держав — Ф. Рузвельта, И. Сталина и У. Черчилля.

- 13 февраля Завершение боев в Венгрии. Взятие Будапешта.
- 13 апреля Вступление Советской армии в Вену.
- 16 апреля - 8 мая Берлинская операция.
- 2 мая Капитуляция немецких войск в Берлине.
- 7-8 мая Спасение восставшей Праги от войск СС 1-й дивизией РОА под командованием ген. Буняченко.
- 8 мая Подписание в Карлсхорсте Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.
- 17 июля - 2 авг. Потсдамская конференция руководителей союзных держав — Г. Трумэна, И. Сталина, У. Черчилля и К. Этли.
- 6 августа На Хиросиму сброшена американская атомная бомба.
- 8 августа Объявление Советским Союзом войны Японии.
- 9 августа На Нагасаки сброшена вторая американская атомная бомба.
- 14 августа Капитуляция Японии.
- 2 сентября Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии.
- 3 сентября Окончание второй мировой войны.
- 24 октября Создание Организации Объединенных Наций.
- 20 ноября 1945 - Судебный процесс над главными военными преступниками фашистской Германии в Нюрнберге.
- 1 октября 1946

1946

- 9 февраля Речь И. Сталина перед избирателями: начало «холодной войны».
- 15 марта Выступление Черчилля в Фултоне (США): железный занавес опустился от Балтики и до Адриатического моря. Восстания заключенных на Колыме, в Усть-Вим (Коми АССР) и Джезказгане (Казахстан).
- 6 августа Казнь в Москве А. А. Власова и его сподвижников.
- декабрь Построен первый в СССР атомный реактор. Попытка СССР получить под свою опеку быв. итальянскую колонию Ливию.
- 1946- 1948 Идеологическая кампания против влияния западной культуры и связей с Западом. «Ждановщина».

1947

- Голод на Украине, в центральных и южных областях СССР.
- сентябрь Создание Информационного бюро Коммунистических партий (Коминформ). Распушен в апреле 1956 г.
- 14 декабря Отмена карточной системы, введенной во время войны, и денежная реформа.

1948

- 13 января Убийство в Минске председателя Антифашистского еврейского комитета С. М. Михозлса сотрудниками госбезопасности.

- 31 июля - 7 августа Сессия ВАСХНИЛ и разгром советской агробиологической науки и генетики. Лысенковщина.
Создание лагерей особого режима.
Восстание заключенных в Печерских лагерях под руководством Б. Мехтеева и поход на Воркуту.
Восстание заключенных на стройке 501 в Салехарде под руководством Воронина.
«Ленинградское дело».
- 10 октября Запуск первой советской управляемой баллистической ракеты.
- 1949**
- 25 января Создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).
5 - 10 января Сессия Академии Наук СССР в Ленинграде призывает к борьбе против «низкопоклонства перед Западом» и за утверждение русских приоритетов в науке.
Кампания против деятелей науки и культуры еврейского происхождения под флагом борьбы против «космополитов».
- 25 сентября Сообщение ТАСС об испытании в СССР атомной бомбы.
1 октября Образование Китайской Народной республики.
4 апреля Подписание Североатлантического пакта (НАТО).
- 1950**
- Массовые расстрелы заключенных в лагерях ГУЛага.
Второе восстание заключенных в Салехарде и восстание в Тайшете.
Политические процессы в социалистических странах.
- 26 июня Нападение Северной Кореи на Южную. Начало Корейской войны. (Окончилась 27 июля 1954).
- 30 ноября Предупреждение президента США Г. Трумэна о возможности применения атомной бомбы в связи с войной в Корее.
- 1951**
- январь На совещании руководителей социалистических стран в Кремле Сталин ставит задачу подготовиться в течение 3-4 лет к захвату Западной Европы.
Политические процессы в социалистических странах.
Восстания заключенных в Джезказгане и на Сахалине.
- 1952**
- Восстания заключенных в Вожеле (Коми АССР), в Красноярском крае.
Расстрел членов Антифашистского еврейского комитета арестованных в 1948 г.
- 5 - 14 октября XIX съезд КПСС. Речь Сталина о тактике коммунистических партий Запада для захвата власти.

1953

- 13 января Опубликовано сообщение об аресте врачей Кремлевской больницы по обвинению в заговоре с целью умерщвления руководителей партии, правительства и армии.
- 21 января Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Л. Тимашук, провокатора госбезопасности в «деле врачей», орденом Ленина.
- 5 марта Смерть Сталина.
- 15 марта Реорганизация власти. Первый послесталинский триумvirат — Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов.
- 4 апреля Коммюнике Министерства внутренних дел СССР о том, что «дело врачей» было провокацией и врачи невиновны.
- 17 июня Подавление восстания рабочих Берлина советскими танковыми частями.
- 9 июля Арест и расстрел Л. П. Берия.
Второй послесталинский триумvirат: Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев.
- 27 июля Подписание перемирия в Корее.
- 20 августа Правительственное сообщение об испытании в СССР водородной бомбы.
- сентябрь Избрание Н. С. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС.
Начало реабилитации жертв сталинского террора.
- 7 сентября Законы о снижении сельскохозяйственных налогов, списании недоимок и поощрении развития сельского хозяйства.
- 1953-1954

1954

- апрель Восстание заключенных в Кингире (Джезказган) под руководством Кузнецова (продолжалось 42 дня).
- 27 июня Ввод в действие первой в мире промышленной атомной электростанции.

1955

- 8 февраля Отставка Г. М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР. Назначение Н. А. Булганина.
- 9-14 сентября Переговоры с канцлером К. Аденауэром в Москве.
Заключение соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ.
- 26 мая-2 июня Формальное примирение СССР с Югославией, поездка Н. С. Хрущева в Белград.
- 14 мая Подписание Варшавского договора.

1956

- 14-25 февраля XX-й съезд КПСС.
- 16 февраля Секретная речь Н. С. Хрущева о преступлениях сталинского режима.

- 25 апреля Отмена антирабочего закона 1940 г. о прикреплении к производству и уголовном наказании за прогулы и опоздания.
- 30 июня Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».
- 14 июля Закон о государственных пенсиях.
- 8 сентября Установление минимума заработной платы.
- октябрь - ноябрь Подавление народной революции в Венгрии советскими войсками.
- 1956-1957 «Союз патриотов России» в МГУ (группа Краснопевцева).

1957

- 4 июля Исключение из руководства партии т. н. «антипартийной оппозиции» (Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Д. Т. Шепилов).
- 4 октября Запуск в СССР первого искусственного спутника Земли.
- 26 октября Смещение со всех постов и увольнение в отставку маршала Г. К. Жукова.

1958

- 26 февраля Упразднение МТС.
- Массовая антирелигиозная кампания в СССР.
- 27 марта Назначение Н. С. Хрущева председателем Совета министров СССР.
- июнь Расстрел бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя.
- 24-27 августа Расовые античечено-ингушские беспорядки в г. Грозном.
- 23 октября Присуждение Нобелевской премии по литературе Б. Л. Пастернаку за роман «Доктор Живаго».
- октябрь - ноябрь Официально санкционированная травля Б. Л. Пастернака.
- 24 декабря Школьная реформа.
- Первое обращение академика А. Д. Сахарова к Н. С. Хрущеву с призывом прекратить испытания водородной бомбы.

1959

- Начало вольного чтения стихов в Москве у памятника В. В. Маяковскому.
- Появление рукописного журнала «Синтаксис».

1960

- 7 мая Закон о 7-часовом рабочем дне.
- 30 мая Смерть Б. Л. Пастернака.

1961

- Судебный процесс во Львове над участниками «Украинского Союза рабочих и крестьян».

12 апреля	Первый в мире полет вокруг Земли космонавта Ю. А. Гагарина на корабле-спутнике «Восток».
июль	Переговоры Н. С. Хрущева и президента Д. Кеннеди в Вене.
август	Сооружение стены отделяющей Восточный Берлин от Западного (Берлинская стена).
7 сентября	Выступление на партийной конференции Ленинского района г. Москвы начальника кафедры Военной Академии им. М. В. Фрунзе генерал-майора П. Г. Григоренко, предостерегавшего от становления нового «культа личности».
17-31 октября	Появление рукописного журнала «Феникс-61». XXII-й съезд КПСС. Принятие новой Программы и нового Устава КПСС. Постановление о выносе останков И. В. Сталина из Мавзолея.
1962	
2 июня	Судебный процесс в г. Рига над участниками организации «Балтийская федерация».
октябрь	Расстрел рабочих Новочеркасска, протестовавших против снижения жизненного уровня.
ноябрь	Установление советских баллистических ракет на Кубе. Кубинский «ракетный кризис». Демонтаж и удаление ракет по требованию США.
ноябрь	Опубликование журналом «Новый мир» повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».
1963	
5 августа	Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой между США, СССР и Великобританией.
	Волнения, забастовки и уличные демонстрации в Кривом Роге, Грозном, Краснодаре, Донецке, Муроме, Ярославле.
	Волнения рабочих в Москве на автомобильном заводе «Москвич».
	Засуха и неурожай.
23 ноября	Завершение создания Единой энергетической системы Сибири.
19-23 ноября	Решение пленума ЦК КПСС о разделении партийных органов на сельскохозяйственные и промышленные .
1964	
24 мая	Злоумышленный пожар в библиотеке Украинской Академии Наук, уничтоживший ценнейшие памятники украинской культуры.
14 октября	Отстранение Н. С. Хрущева от власти и увольнение в отставку. Избрание Л. И. Брежнева первым секретарем ЦК КПСС.

	1965
15 февраля	Создание Временного организационного комитета (ок. Ташкента) за возвращение депортированного народа месхи на родину.
28 августа	Указ о реабилитации немцев Поволжья (опубликован 5 января 1965).
	1966
10-14 февраля	Процесс А. Сияевского и Ю. Даниэля.
март	Многочисленные протесты ученых и деятелей культуры против легализованной формы судебного произвола и попыток реабилитации Сталина.
29 марта - 8 апреля	XXIII съезд КПСС. Восстановление Политбюро ЦК вместо Президиума ЦК и должности генерального секретаря (избран Л. И. Брежнев).
16 сентября	Судебный процесс по делу украинского учителя В. Мороза. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о внесении дополнений в Уголовный кодекс, облегчающих судебную расправу с инакомыслящими (ст. 190-1 и 190-3).
	1967
апрель	Отказ дочери Сталина Светланы Аллилуевой возвратиться в СССР.
16 мая	Письмо А. И. Солженицына IV съезду Союза советских писателей против разгула цензуры.
июнь	Указ Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации советских курдов, турок и хемшинов, обвиненных во время войны в измене.
11 сентября	Указ Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации татар Крыма, обвиненных во время войны в измене.
	1968
февраль	Судебный процесс Галанскова - Гинзбурга.
март - апрель	Судебный процесс в Ленинграде над членами ВСХСОН (Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа), организованного в 1964 г.
21 апреля	Разгон милицией и войсками народного гуляния крымских татар в г. Чирчик (Узб. ССР).
30 апреля	Выход первого номера «Хроники текущих событий».
июнь	Опубликованы в Самиздате «Размышления о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе» А. Д. Сахарова.
27 июня	Закон о семье: упразднение графы о незаконнорожденных.

- 21 августа Интервенция Советского Союза и стран Варшавского договора в Чехословакию.
- 25 августа Демонстрация на Красной площади в Москве группы диссидентов в знак протеста против советской интервенции в Чехословакии.
- 9-11 октября Судебный процесс над участниками демонстрации на Красной площади (процесс 4-х).
- 1969**
- 2-15 марта Кровавопрлитные бои на советско-китайской границе в районе о-ва Даманский на р. Уссури.
- май Создание группы действия для защиты гражданских прав в СССР.
Арест и отправление в тюремную психиатрическую больницу П. Г. Григоренко.
- 6 июня Демонстрация крымских татар в Москве.
- апрель - июнь Появление книги А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»
- 1970**
- 5 марта Выход на Украине первого номера «Украинского вестника».
- июнь Второе письмо А. Д. Сахарова советскому руководству.
- октябрь Начало движения за эмиграцию советских евреев в Израиль.
Присуждение Нобелевской премии по литературе А. И. Солженицыну.
- 15-31 декабря Процесс «самолетчиков» в Ленинграде.
Протесты мировой общественности против смертных приговоров В. Дымшицу и Э. Кузнецову. Замена смертной казни 15-летним тюремным заключением.
- 1971**
- 11 сентября Смерть Н. С. Хрущева.
- 1972**
- 11-15 января Массовые обыски и аресты в Москве и на Украине для ликвидации выпуска и распространения «Хроники текущих событий».
- 14 мая Самосожжение 20-летнего литовца, рабочего Романа Каланты в Каунасе в знак протеста против преследований католической церкви.
- 18 мая Кровавое подавление демонстрации протеста во время похорон Каланты войсками.
- 22-30 мая Визит президента США Р. Никсона в Москву.
Подписание договора об ограничении стратегических ядерных вооружений (ОСТ-1).

	1973
22 июня	Советско-американское соглашение о предотвращении ядерной войны.
август	Судебный процесс по делу Якира - Красина.
сентябрь	Открытое письмо А. И. Солженицына «Вождям Советского Союза».
	1974
11 и 17 февраля	Демонстрации в Москве и Таллине немцев, требующих разрешения на эмиграцию в Западную Германию.
12-13 февраля	Арест и высылка А. И. Солженицына за границу. Опубликование на Западе книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг». (Русское издание — ИМКА-Пресс в Париже — 1973).
	1975
1 августа	Советско-кубинская интервенция в Анголе. Подписание в Хельсинках Заключительного Акта общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.
декабрь	Присуждение Нобелевской премии Мира академику А. Д. Сахарову.
	1976
13-15 мая	Создание групп по наблюдению за выполнением Хельсинкских решений в Москве, на Украине, в Литве, Грузии и Армении.
	1977
февраль	Арест членов Хельсинкских групп во главе с Юрием Орловым.
июнь - июль	Белградская конференция по проверке Хельсинкских решений.
28 августа - 1 сентября	Осуждение практики использования психиатрии в СССР в политических целях Всемирным конгрессом психиатров в Голулу.
6 сентября	Требования граждан г. Горького вновь открыть церкви. Обмен диссидента В. Буковского на руководителя компартии Чили Корвалана. Массовая голодовка заключенных в Пермских лагерях в знак протеста против террора администрации, проводимого по указанию из Москвы.
16 июня	Избрание Л. И. Брежнева Председателем Президиума Верховного Совета СССР при сохранении должности генерального секретаря ЦК КПСС.
7 октября	Утверждение новой Конституции СССР.

	1978
1 февраля	Создание свободного профсоюза трудящихся СССР в Москве.
18 мая	Судебный процесс участников Хельсинкских групп.
20 сентября	Совместное советско-эфиопское коммюнике, в котором подчеркивается, что «СССР рассматривает революцию в Эфиопии как составную часть всемирного революционного процесса».
	1979
27 апреля	Обмен советских диссидентов, находившихся в заключении в СССР (А. Гинзбург, Э. Кузнецов, В. Мороз, Г. Винс, М. Дымшиц) на двух советских шпионов, пойманных в США.
24 - 26 декабря	Вторжение советских войск в Афганистан.
	1980
январь	Высылка академика А. Д. Сахарова в г. Горький.
август	Забастовки в Гданьске и других городах Польши. Подписание соглашения между бастующими и правительственной делегацией. Рождение независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность».
	1981
24 февраля - 3 марта	XXVI съезд КПСС. Начало нового советского «мирного наступления».
13 декабря	Введение в Польше «военного положения». Массовые аресты. Начало процесса «ресталинизации».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 7: На рубеже

1. Существуют различные данные о количестве заключенных в СССР в 1939 г. Цифры колеблются от 8 до 17 млн. Мы приводим, вероятно, значительно заниженную цифру, но и эта цифра достаточно красноречива.
2. *Народное хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник*, Москва, 1963, стр. 52; Г. С. Кравченко, *Военная экономика СССР, 1941—1945*. Москва, 1963, стр. 21-22.
3. *Народное хозяйство СССР в 1962 г.*, указ. соч., стр. 71.
4. Кравченко, указ. соч., стр. 36.
5. А. М. Некрич, *1941, 22 июня*, Наука, Москва 1965, стр. 70.
6. Там же.
7. Кравченко, указ. соч., стр. 63-64.
8. Там же.
9. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945*. Москва, 1960, т. 1, стр. 414.
10. Там же.
11. *Военно-исторический журнал*, 1962, № 2, стр. 81.
12. Там же.
13. Там же, стр. 84.
14. Там же.
15. Г. А. Озеров, *Туполевская шарага*. Франкфурт-на-Майне, 1973.
16. Роберт Конквест, *Большой террор*. Флоренция, 1974, стр. 958.
17. Текст не подлежащего оглашению *Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год* был захвачен немцами в Смоленске и позднее был напечатан в США.

18. *Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1941 год* (Приложение к постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) №127 от 17 января 1941 г.). American Council of Learned Societies Reprints: Russian Series Nr. 30, Baltimore, Md (USA), pp. 141-142.
19. Указ. соч., стр. 727, 15.
20. Там же, стр. 17.
21. Там же, стр. 44, 49, 61, 67, 69, 71, 86, 89, 93, 136.
22. V. Petrov, *Soviet Gold*, Farrar, Straus and Company, New York, 1949.
23. *Государственный план...*, указ. соч., стр. 483-484.
24. Там же, стр. 546.
25. Мы сознательно расшифровываем здесь термин «рабсила» не как «рабочая сила», а как «рабская сила». Это больше соответствует смыслу этого термина, применительно к заключенным советских лагерей.
26. S. Swianiewicz, *Forced Labour and Economic Development*, London, OUP, 1965, p. 39.
27. *Известия*, 2. 8. 1940.
28. И. В. Сталин, *Вопросы ленинизма*. Изд. 11-е, Москва, 1939, стр. 514.
29. *Внешняя политика СССР*. Т. XVIII, №148, стр. 249. Москва, 1973. Запись беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с Лордом-хранителем печати Великобритании Иденом.
30. Там же, стр. 250.
31. Относительно советско-германского военного сотрудничества в годы Веймарской республики см. например: F. L. Carsten, *The Reichswehr and Politics 1918 to 1933*. Oxford. At the Clarendon Press, 1966, pp. 232-234; Gustav Hilger, Alfred G. Meyer, *The Incompatible Allies*. Macmillan, New York 1953, pp. 187-208; John Erickson, *The Soviet High Command*. St. Martin Press, New York 1962, pp. 144-163; Louis Fisher, *Russia's Road from Peace to War*. Harper & Row. New York, 1969, pp. 180-183.
32. M. Buber-Neumann, *Kriegsschauplätze der Weltrevolution*. Stuttgart, Seewald Verlag, 1967, S. 332.
33. О политике Коминтерна и германской политике в отношении СССР см. Thomas Weingartner, *Stalin und der Aufstieg Hitlers*. Walter de Gruyter & Co., Berlin 1970.
34. Гельфанд говорил Батлеру, что «Сталин был поглощен мыслью о соглашении с Гитлером с 1933 года». См. Foreign Office N 371, File 24845, p. 47. N. Butler to O. Sargeant. Washington, September 13, 1940.
35. Gustav Hilger, Alfred G. Meyer, *Op. cit.*, p. 256.
36. *Ibid.*, p. 257.
37. Karlheinz Niehaus, *Die Sowjetunion und Hitlermachtergreifung*. Bonn, 1966, S. 120-121.
38. Documents on German Foreign Policy (DGFP), Serie C, vol. 2, No.47, p. 83.

39. *Внешняя политика СССР*, т. XVI, № 405, стр. 714.
40. Там же, № 424, стр. 743.
41. Там же, стр. 793.
42. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Москва, 1959, стр. 453.
43. DGFP, Serie C, vol. 2, No. 176, pp. 338-339. Посол Надольный — МИДУ. Москва, 11 января 1934 г., № 181, стр. 352-353; Надольный — МИДУ, 13 января 1934 г.
44. Сталин, *Сочинения*, т. 13, стр. 293.
45. Там же.
46. Там же.
47. В статье, опубликованной в *Нью-Йорк Гералд Трибюн* от 29 октября 1939 года Кривицкий писал, что после событий 30 июня 1934 года у Сталина не было больше сомнений в том, что «Гитлер представляет организованную власть над нацией, чью организацию Сталин так высоко оценивал. Оставалась лишь проблема — нужно было убедить Гитлера, что Россия является логическим союзником Германии».
48. W. G. Krivitsky, In *Stalin's Secret Service*. Harper & Brothers Publishers. New York, 1939, p. 2.
49. Krivitsky, op. cit., p. 10.
50. DGFP. Serie C, vol. 3, № 299, p. 455. Шуленбург — германскому МИДУ. 3 октября 1934 г.
51. *Внешняя политика СССР*, указ. соч., т. XVIII, стр. 249.
52. DGFP, Serie C, vol. V, № 211 pp. 453-454. Заметки президента Рейхсбанка Шахта о беседе с Канделаки и Фридрихсоном 15 июля 1935 г.
53. Ibid, No. 383, pp. 778-779. Посол Шуленбург — статс-секретарю Бюлову. Москва, 28 октября 1935 г. № 407, pp. 811-813. Шуленбург — Кёпке. Москва, 11 ноября 1935 г.
54. Ibid., vol. IV, No. 453, p. 897. Меморандум ф. Твардовского. Берлин, 10 декабря 1935 г. № 472, pp. 931-933. Меморандум Рёдигера. Берлин, 21 декабря 1935 г.
55. Ibid., p. 933.
56. Е. Гнедин, *Из истории отношений между СССР и фашистской Германией*. В: *Хроника* (Нью-Йорк), 1977, стр. 37. Е. Гнедин — сын Парвуса (Гельфанда), многолетний сотрудник иностранного отдела газеты *Известия*, а затем Министерства иностранных дел СССР. В течение ряда лет и вплоть до ареста в июле 1939 года Е. Гнедин был заведующим отделом печати МИДа СССР.
57. DGFP, Serie C, vol. IV, No. 211, pp. 453-454. Заметки президента Рейхсбанка Х. Шахта о беседе с Канделаки и Фридрихсоном, 15 июля 1935 г.
58. Krivitsky, op. cit., p. 15.
59. Ibid.

60. Stalin and Hitler, Pact gegen Europa. Herausgegeben und eingeleitet von J. W. Brügel. Europa-Verlag, Austria, 1973. SS. 37-38. Письмо Герберта Л. В. Геринга о беседе его отца, Германа Геринга с Канделаки и Фридрихсоном, 28 мая 1936 г.
61. Brügel... Op. cit. S. 6. Заметки Хенке о беседе с Бессоновым, Берлин, 3 июля 1936 г.
62. Brügel... Op. cit. SS. 39-40. Заметки Шахта о беседе с Канделаки и Фридрихсоном, Берлин, 6 февраля 1937 г.
63. Krivitsky, op. cit., p. 215.
64. Ibid., p. 214.
65. фон Нейрат — Шахту. Берлин, 11 февраля 1937 г. Кривицкий утверждает в своих мемуарах, что в апреле 1937 г. Канделаки в сопровождении представителя ОГПУ в Германии возвратился в Москву и привез «проект соглашения с нацистским правительством. Он был принят Сталиным, который полагал, что он наконец-то достиг желанной цели». (Krivitsky, op. cit., p. 21.) Однако это утверждение Кривицкого пока не подтверждается другими источниками и находится в противоречии с установленными фактами.
66. Foreign Office, No. 371. File 20346, 1936. Soviet Union, No. 4771 g. Кольер — Чилстону, 29 января 1936 г.
67. Manchester Guardian, 7 February 1936.
68. Foreign Office. No. 371. File 20346, 1936. Soviet Union. No. 90/6/36. 11 February 1936.
69. Радек был приговорен к 10 годам заключения. Погиб в лагере вероятно в 1940 г.
70. *Внешняя политика СССР*, указ. соч., т. XX, №98, стр. 164; №110, стр. 174-175.
71. Le livre jaune Français. Paris, 1939, No. 28, p. 38.
72. Сталин, *Вопросы ленинизма*, указ. соч. стр. 571-572.
73. Nazi-Soviet relations 1939-1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Ed. by Raymond James Sontag and James Stuart Beddie. Department of State. 1948, p. 76.
74. *Известия*, 1. 9. 1939.
75. The Times, 1. 4. 1939; Parliamentary Debates. H. of Comm., vol. 346, col. 13; Ibid., vol. 347, col. 952-953.
76. The Times, 27. 4. 1939.
77. *Известия*, 22. 3. 1939.
78. Documents on British Foreign Policy 1919—1939. (DBFP) Third Series, vol. VI, No. 9, pp. 12-15. Посол Великобритании в Берлине Гендерсон — министру иностранных дел лорду Галифаксу. Берлин, 9.6.1939; №354, pp. 389-391, №370, pp. 407-410. Запись беседы английского министра торговли Хадсона и Вольтата. 20.7.1939. См. также *Документы и материалы кануна Второй мировой войны*, т. 2, Архив Дирксена (1938-1939 гг.). М., 1948.
79. *Фальсификаторы истории*, указ. соч., стр. 43.

80. P. Kleist, Zwischen Hitler und Stalin. 1939—1945. Athenäum Verlag, Bonn, 1950, S. 28.
81. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. (ADAP), Serie D (1937—1945), Band VI, N 215, S. 222; Меморандум статс-секретаря Вейцекера, 17 апреля 1939 г.
82. Ibid., N 325, S. 346. Типпельскирх — Вейцекеру. Москва, 4 мая 1939 г.
83. Ibid., N 424, S. 464. Меморандум Шуленбурга. Москва, 20 мая 1939 г.
84. Ibid., N 450, S. 502. Меморандум германского МИД'а. Берлин, 29 мая 1939 г.
85. ADAP, Bd. VI, N 529, SS. 607-608. Заметки начальника политического отдела германского МИД'а Вёрмана. Берлин, 15 июня 1939 г.
86. *Известия*, 16. 6. 1939 г.
87. Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series, vol. VI, N 9, pp. 12-15. Гендерсон — Галифаксу, Берлин, 9 июня 1939 г.
88. Ibid., № 354, pp. 389-391; № 370, pp. 407-410, см. также «Документы и материалы кануна Второй мировой войны», Указ. Соч. т. II, №№ 13, 24, 29.
89. ADAP, Serie D, Bd. VI, N 579. SS. 673-674. Шуленбург — германскому МИД'у, Москва, 29 июня 1939 г.
90. Ibid., N 607, SS. 698-699. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 3 июля 1939 г.
91. DBFP, Op. cit. vol. VI, Appendix V, pp. 763, 764, 777.
92. Ibid., vol. VI, N 647, p. 628, Сидс — Галифаксу, 13 августа 1939 г.
93. ADAP, Serie D, vol. VI, N 729, SS. 846-849. Меморандум Шнурре о беседе с Астаховым и Бабариным. Берлин, 27 июля 1939 г.
94. Ibid., N 736. SS. 854-855. Вейцекер — Шуленбургу, Берлин, 29 июля 1939 г.
95. Ibid., N 760, SS. 883-884. Риббентроп — Шуленбургу, 3 августа 1939 г.
96. Ibid., N 766, SS. 892-893. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 4 августа 1939 г.
97. Ibidem.
98. ADAP, Serie D, Bd. VII, N 18, SS. 14-16. Меморандум Шнурре о беседе с Астаховым. Берлин, 10 августа 1939 г.
99. Ibid., N 50, S. 48. Шнурре — Шуленбургу. Берлин, 14 августа 1939 г.
100. Ibid., N 56, SS. 51-52. Риббентроп — Шуленбургу. Берлин, 14 августа 1939 г.
101. Ibid., N 70, SS. 63-64. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 16 августа 1939 г.; № 79. SS. 72-76. Меморандум Шуленбурга. Москва, 16 августа 1939 г.; № 88, SS. 82-83, Шуленбург — Вейцекеру. Москва, 16 августа 1939 г.
102. *Международная жизнь*, № 3, 1959, стр. 139.
103. ADAP, Serie D, Bd. VII, N 75, S. 70. Риббентроп — Шуленбургу. Берлин, 16 августа 1939 г.

104. Ibid., N 105, SS. 95-96. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 18 августа 1939 г.
105. Ibid., N 132, SS. 124-125. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 19 августа 1939 г.
106. *Правда*, 21. 8. 1939 г.
107. ADAP, Serie D, Bd. VII, N 142, S. 31. Гитлер — Сталину. Берлин, 20 августа 1939 г.
108. Ibid., N 159, SS. 140-141. Сталин — Гитлеру. Москва, 21 августа 1939 г.
109. Ibid., N 229, SS. 206-207. Секретный дополнительный протокол, подписанный в Москве Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г.
110. Nazi-Soviet Relations. Op. cit. p. 76.
111. Ibid., p. 74.
112. *Правда*, 1. 9. 1939 г.
113. *Правда*, 24. 8. 1939 г.
114. Там же.
115. ADAP, Serie D, Bd. VIII, N 5, SS. 3-4. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 5 сентября 1939 г.
116. *Известия*, 18. 9. 1939 г.
117. ADAP, Serie D, Bd. VIII, N 46, SS. 34-35. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 10 сентября 1939 г.
118. Ibid., N 70, SS. 53-54. Риббентроп — Шуленбургу. Берлин, 15 сентября 1939 г.
119. Ibid., N 78, S. 60. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 16 сентября 1939 г.
120. Ibidem.
121. Ibid., N 94, SS. 74-75. Меморандум советника германского посольства в Москве Хильгера. Москва, 18 сентября 1939 г.
122. Фотографии парада в Бресте появились в немецком издании «Der Große Feldzug gegen Polen». Verlag für Militär- und Fachliteratur A. Franz Göth & Sohn, Wien 1940. SS. 180-181.
123. Тексты германо-советского договора о дружбе и границе, конфиденциального протокола см. ADAP, Serie D, Bd. VIII, N 157, SS. 127-128; N 158, S. 128; N 159, S. 129; N 160, S. 129; N 161, SS. 129-130.
124. Ibid., N 160, S. 129.
125. *Известия*, 1. 9. 1939 г.
126. Там же.
127. *Известия*, 25. 12. 1939 г.
128. *История Эстонской ССР*. 2-е изд. Под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1958, стр. 595-597.
129. ADAP, Serie D, Bd. X, N 20, S. 19. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 26 июня 1940 г.
130. ADAP, Serie D, Bd. VIII, N 178. SS. 151-152. Меморандум Вейцзекера. Берлин, 2 октября 1939 г.

131. *Известия*, 29. 11. 1939.
132. В Териоках было создано т. н. Народное правительство Финляндской Демократической республики (несуществующей. — А. Н.), с которым правительство СССР подписало договор о взаимопомощи и дружбе. См. *Известия*, 3. 12. 1939 г.
133. С. Leonard Lundin, *Finland in the Second World War*. Bloomington. Indiana University Press, 1957, p. 58.
134. *Khrushchev Remembers*. Little, Brown & Co. Boston 1970, p. 155.
135. A. F. Upton, *Finland in Crisis 1940-1941*. Cornell University Press Ithaca, N. Y. 1964, pp. 22-24.
136. *Ibid.*, p. 156.
137. А. М. Некрич, *1941, 22 июня*. Москва, *Наука*, 1965, стр. 84.
138. *История Великой Отечественной войны...* Указ. соч. т. 6, стр. 125.
139. Morozov, Vasily. Soviet-German Pact of 1939 seen in Retrospect. «Soviet News», 5 June 1979; *История внешней политики СССР. 1917—1975*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Том первый 1917—1945 гг. *Наука*, Москва, 1976, стр. 393.
140. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (IMT). Nuremberg 1947, vol. XXXIX, Doc. 090-TC, p. 107.
141. ADAP, Serie D, Bd. VIII, N 529, SS. 607-608.
142. Д. М. Проэктор, *Война в Европе 1939—1941*. Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, 1963, стр. 30.
143. *История внешней политики СССР*, указ. соч. т. 1, стр. 374.
144. *История Великой Отечественной войны*, указ. соч. т. 1. М. 1960, стр. 480.
145. *Фальсификаторы истории*, указ. соч. стр. 53.
146. И. Сталин, *Отчётный доклад XVII съезду партии*. Вопросы ленинизма. М., 1939 г., стр. 437-438.
147. *Известия*, 2. 8. 1940 г.
148. Там же, 23. 8. 1940 г.
149. ADAP, Serie D, Bd. IX, N 226, S. 257. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 10 мая 1940 г.
150. *Ibid.*, N 471, SS. 495-496. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 18 июня 1940 г.
151. W. S. Churchill, *The Second World War*. vol. II, *Their Finest Hour*. Cassell & Co. Ltd. London 1949, pp. 119-120.
152. *Правда*, 24. 8. 1940 г.
153. И. М. Файнгар, *Очерк развития германского монополистического капитала*. Издательство АН СССР. М., 1958, стр. 26.
154. F. Friedensberg, *Die sowjetischen Kriegslieferungen an das Hitlerreich*, «Vierteljahrehefte zur Wirtschaftsforschung». IV, 1962, SS. 331-338.
155. Gerhard L. Weinberg, *Germany and the Soviet Union 1939—1941*. London 1954, p. 74.

156. Ibid., p. 78.
157. ИМТ, Op. cit, vol XXXIV, p. 681.
158. ADAP, Serie D, Bd. XII, N 22, S. 25. Вёрман — Шуленбургу. Берлин, 5 сентября 1940 г.
159. ИМТ, op. cit. p. 679.
160. Weinberg, op. cit. p. 84.
161. DGFP, Series D, vol. VIII, NN 74, 87, 138, 142, 203, 318; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FR). 1939, vol. 1, pp. 519-521, 529, 535-537.
162. Ф. Гальдер, *Военный дневник*, т. 2, Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, 1969, стр. 60; Walter Warlimont. Im Hauptquartiers der deutschen Wehrmacht 1939—1945, Frankfurt am Main, 1962, S. 126.
163. Ф. Гальдер, указ. соч. стр. 80.
164. ADAP, Serie D, Bd. XI₁, N 166, S. 235. Риббентроп — Шуленбургу. Берлин, 9 октября 1940 г.
165. Ibid., Bd. XI₂, N 638, SS. 889-890.
166. Ibid., N 176, SS. 248-253. Риббентроп — Сталину. Берлин, 13 октября 1940 г.
167. Ibid., p. 253.
168. Ibid., N 326, SS. 453-461. Меморандум о беседе Гитлера и Молотова. Берлин, 12 ноября 1940 г.
169. ADAP, Serie D, Bd. XI₂, N 404, SS. 597-598. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 26 ноября 1940 г.
170. FR, 1941, vol. I pp. 714, 723.
171. E. L. Woodward, *British Foreign Policy in the Second World War*. London 1962, p. 148.
172. W. S. Churchill, *The Second World War*. Op. cit. vol. III. The Grand Alliance. London, 1950, p. 320.
173. *История Великой Отечественной войны...*, указ. соч. т. 1. М., 1960, стр. 478.
174. Там же, стр. 479.
175. Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. *The Incompatible Allies*. Op. cit. p. 328.
176. О. Бисмарк. *Мысли и воспоминания*. Том 1, Государственное социально-экономическое издательство. Москва, 1940, стр. XVI-XVII.
177. ADAP, Serie D. Зд. XII₂, N 351. S. 467. Поверенный в делах в СССР Типпельскирх — германскому МИД'у. Москва, 15 апреля 1941 г.
178. Ibid., N 381, pp. 502-503. Типпельскирх — германскому МИД'у. Москва, 22 апреля 1941 г.
179. Ibid., N 333, SS. 447-448. Шуленбург — германскому МИД'у. Москва, 13 апреля 1941 г.
180. Ibid., N 521, SS. 688-689. Меморандум Шнурре о состоянии советско-германских торговых отношений. Берлин, 15 мая 1941 г.
181. *Известия*, 14. 6. 1941 г.
182. *Правда*, 19. 6. 1941 г.

183. Whaley Barton, Codeword Barbarossa. MIT Press. Cambridge Mass. 1973, pp. 24-129.
184. А. Никитин, *Перестройка работы военной промышленности СССР в первом периоде Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал*, 1963, №1, стр. 61.
185. Г. К. Жуков, *Воспоминания и размышления*. Изд. Агентства Печати Новости, Москва, 1969 год, стр. 219.

Глава 8: Война (1941 — 1945)

1. Г. К. Жуков, *Воспоминания и размышления*. Издательство Агентства Печати Новости. Москва, 1969, стр. 243.
2. Там же.
3. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945*, т. 2, стр. 14.
4. Р. Малиновский, *Двадцатилетие начала Великой Отечественной войны. Военно-исторический журнал*, 1961, №6, стр. 6-7.
5. И. В. Болдин, *Страницы жизни*. М., 1961, стр. 86.
6. М. Захаров, *Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки. Военно-исторический журнал*, 1961, №7, стр. 9.
7. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945*. Т. 6. М., 1965, стр. 25.
8. В. А. Анфилов, *Бессмертный подвиг*. М., 1971, стр. 122.
9. Подробно см. А. М. Некрич, *1941, 22 июня*. М., 1965, стр. 154.
10. Анфилов, указ. соч., стр. 191.
11. Г. К. Жуков, *Воспоминания и размышления*. Т. I. Издательство Агентства Печати Новости. М., 1974, стр. 382.
12. Анфилов, цит. соч., стр. 199.
13. Ф. Гальдер, *Военный дневник*. Том 3, часть I. М., 1971, стр. 148.
14. Леонид Волынский, *Сквозь ночь. Новый мир*, 1963, №1, стр. 117. Эта же версия в книге Р. Г. Уманский, *На боевых рубежах*. Москва, Воениздат, стр. 60-61. Самоубийство командующего фронтом — дело нешуточное. Не полагается, чтобы командующий в Советской Армии сам ушел из жизни. Поэтому в сентябрьском номере за 1964 г. *Военно-исторического журнала* была опубликована статья без подписи «*Правда о гибели генерала М. П. Кирпоноса*» (стр. 61-69), в которой утверждается, что Кирпонос умер от ран, оказавшихся смертельными.
15. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. М., 1946, стр. 29.
16. Н. А. Кирсанов, *По зову Родины*. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. *Мысль*, М., 1974, стр. 22, 25.
17. Указ. соч., стр. 15.
18. Khrushchev, op. cit., pp. 168-169.
19. О работе ГКО см. Sanford R. Lieberman, *The Party Under Stress: The*

- Experience of World War II in «Soviet Society and The Communist Party». Ed. by Karl W. Ruavec, The University of Massachusetts Press. Amherst, 1978, pp. 108-133.
20. Н. Вознесенский, *Военная экономика СССР*. М., 1947, стр. 42-43.
 21. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945*. Т. 2, стр. 160.
 22. Подробно см. Александр Некрич, *Наказанные народы*. Изд. «Хроника», Нью-Йорк, 1978; R. Conquest, *The Soviet Deportation of Nationalities*. London, 1960.
 23. Х. Салимов, *Население Средней Азии*. Ташкент, 1975, стр. 92.
 24. David J. Dallin and Boris I. Nikolaevsky, *Forced Labour in Soviet Russia*. New Haven, Yale University Press, pp. 263-264.
 25. Подробно см. А. И. Солженицын. *Архипелаг ГУЛаг, 1918-1956*. V-VI-VII. Париж, 1975, стр. 9-58.
 26. Роберт Конквест. *Большой террор*. Указ. соч. стр. 174.
 27. *Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945*. Краткая история. М., 1970, стр. 115.
 28. *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945*. Т. 2, М., 1961, стр. 240.
 29. К. Типпельскирх. *История второй мировой войны*. Пер. с нем. М., 1956, стр. 200.
 30. *Краткая история*. Указ. соч., стр. 120.
 31. Г. К. Жуков, указ. соч., т. 2, стр. 35.
 32. Hitler's Weisungen für die Kriegsführung. 1939—1945. München, DTV, 1965, S. 200. Weisung Nr. 39.
 33. Г. К. Жуков, указ. соч., т. 2, стр. 46-47.
 34. К. А. Мерецков, *На службе народу*. М., 1971, стр. 259.
 35. Там же, стр. 260-261.
 36. *Краткая история*, указ. соч., стр. 158.
 37. Ф. Гальдер, *Военный дневник*. Т. 3, кн. 2. М., 1971, стр. 250. Запись от 19 мая 1942 г.
 38. Г. К. Жуков, указ. соч., т. 2, стр. 66-67.
 39. Г. К. Жуков, указ. соч., т. 2, стр. 69.
 40. А. М. Василевский, *Дело всей жизни*. М., 1974.
 41. Khrushchev Remembers. Boston, Little, Brown and Company. 1970, pp. 185-186.
 42. Г. К. Жуков, указ. соч., стр. 69.
 43. К. Типпельскирх, указ. соч., стр. 232.
 44. К. Типпельскирх, указ. соч., стр. 178, 184, 194, 200.
 45. См. Alexander Dallin. *German Rule in Russia, 1941—1945*. London, Macmillan, 1957, p. 424, Fn. 2.
 46. К. Кромияди, *Советские военнопленные в Германии в 1941 году*. *Новый журнал*, 1953, № XXXII, стр. 194.
 47. Alexander Dallin, op. cit. p. 427.
 48. *Ibid.*, p. 424.

49. *Краткая история*, указ. соч., стр. 155-157.
50. *История Великой Отечественной войны*. Цит. т. 2, стр. 430.
51. Конквест, указ. соч., стр. 903.
52. *Краткая история Великой Отечественной войны Советского Союза*, указ. соч., стр. 594-595.
53. Н. Вознесенский, указ. соч., стр. 42.
54. *Нюрнбергский процесс*, т. V. М., 1958, стр. 30.
55. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal (IMT), Nuremberg, vol. XXVI, No. 1058-PS, p. 610.
56. Hitler's Table Talk, op. cit. p. 424.
57. Reuben Ainsztein, Jewish Resistance in Nazi-occupied Eastern Europe. Elek Books Limited, London, 1974, p. 223. См. также «Черная книга». Под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Иерусалим, 1980.
58. Ainsztein, op. cit. p. 239.
59. *История СССР*, указ. соч., т. X, стр. 390.
60. I. Hoffman, Deutsche und Kalmüken, 1942 bis 1945. Freiburg. 1974, S. 136.
61. M. Luther, Die Krim unter deutscher Besatzung im zweiten Weltkrieg. «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte». Band 3. Berlin, 1956, S. 61.
62. Dallin, op. cit., p. 143.
63. А. Некрич. *Наказанные народы*. Указ. соч., стр. 35-37.
64. *Краткая история...*, стр. 595.
65. Там же, стр. 598-599.
66. Цифры приблизительные. См. *Краткая история...*, стр. 579.
67. J. K. Zawodny. Death in the Forest. University of Notre Dame Press, 1962, p. 10.
68. *Известия*, 16.4.1943.
69. The History of Poland since 1863. Edited by R. F. Leslie. Cambridge University Press. Cambridge, 1980, pp. 242-245.
70. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Том I. М., 1946, стр. 346-359.
71. W. S. Churchill. The Second World War. The Hinge of Fate. Boston, 1950, pp. 760-761.
72. *Внешняя политика СССР в период Отечественной войны*. Т. I. Указ. соч., стр. 397-400.
73. *Известия*, 24. 1. 1944.
- 73а. W. S. Churchill, The Hinge of Fate. Op. cit., p. 761.
74. Jan Abramski i Ryszard Żywiecki, Katyń. Warszawa, Społeczny Instytut Pamięci Narodowej im. Józefa Piłsudskiego, 1977, S. 14.
75. Zawodny, op. cit., p. 109.
76. Harvey Fireside, Icon and Swastika. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1971, p. 166.
77. Dallin, op. cit., pp. 473-474.
78. *Журнал Московской Патриархии*, №1, 12 сентября 1943 г., стр. 7.

79. William C. Fletcher, *The Russian Orthodox Church Underground, 1917-1970*. London, Oxford University Press, 1971, pp. 161-164.
80. Fireside, op. cit., p. 87.
81. Dallin, op. cit., p. 92.
- 81a. Fireside, op. cit., p. 112.
82. W. Strik-Strikfeldt, *Against Stalin and Hitler*. London, Macmillan, 1970, p. 30.
83. Fireside, op. cit., p. 119.
84. William C. Fletcher, *A Study in Survival. The Church in Russia 1927—1943*. New York, The Macmillan Company, 1965, p. 115.
85. William C. Fletcher, op. cit., p. 107.
86. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Указ. соч., т. I, стр. 729.
87. *Журнал Московской Патриархии*. 1943, №1, стр. 16.
88. Там же, 1943, №3, 15 ноября 1943 г., стр. 22-25.
89. Митрополит Николай, «*Верховный вождь страны и Красной армии*». *Журнал Московской Патриархии*, 1944, №1, стр. 14.
90. Franz von Papen, *Memoirs*. London, 1952, p. 479.
91. Подробно см. А. М. Некрич. *Внешняя политика Англии, 1939—1941*. М., изд. «Наука», 1963.
92. H. Cantlil, *Public Opinion 1935—1946*. Princeton, 1956, p. 276.
93. W. S. Churchill, *The Unrelenting Struggle*. London, 1943, pp. 176-180.
94. H. Nicolson, *Diaries. 1939—1945*. London, 1970, pp. 173-174.
95. Текст соглашения см. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Указ. соч., т. I, стр. 131-132.
96. Указ. соч., стр. 139-144.
97. Указ. соч., стр. 176-178.
98. *The History of the Second World War*. Ed by Purnell. London, 1966, vol. 3, No. 6, pp. 1057-1058.
99. *История Великой Отечественной войны*. Указ. соч., т. 6, М., 1965, стр. 48, 62.
100. Обилие работ по истории второго фронта как в СССР, так и на Западе позволяет остановиться в этой работе лишь на основных моментах. Официальная позиция правительств СССР, Великобритании и США изложена в двухтомном сборнике документов МИДа СССР «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Госполитиздат, М., 1957, в официальной публикации Госдепартамента США «Foreign Relations» за соответствующие годы, а также в мемуарах W. S. Churchill, «The Second World War», Vol. II-IV, Boston, 1950. Вопросы стратегии подробно разобраны в официальном много- томном английском издании «Grand Strategy» J. R. M. Butler, John Ehrman and I. M. A. Gwyer. H. M. S. O. London, 1957—1964. Сокращен. пер. этого изд. был опуб. в СССР Воениздатом в 1959-1967 гг.

101. *Краткая история...*, указ. соч., стр. 566.
102. И. Сталин. *26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции*. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Указ. соч., т. I, стр. 118.
103. *Краткая история...* Указ. соч., стр. 318.
104. *Переписка...* Указ. соч., т. I, № 317, стр. 255; Черчилль — Сталину, 12 августа 1944 года; №322, стр. 257. Рузвельт и Черчилль — Сталину, 20 августа 1944 года.
105. №323, стр. 258, Сталин — Черчиллю и Рузвельту, 22 августа 1944 г.
106. FR, 1944, vol. III, p. 1332. Гарриман — Рузвельту, Москва, ноябрь 1944 г.
107. *Ibid.*, p. 1336. Вайнант — государственному секретарю. Лондон, 28 ноября 1944 г.
108. *История СССР*, указ. соч., т. X, стр. 585.
109. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta 1945. U.S. Government Printing Office. Washington, 1955, p. 984.
110. *Ibid.*, p. 976.
111. *Ibid.*, p. 678.
112. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. *Żbiór dokumentów*. Warszawa, 1965, N 54, s. 613-621.
113. The Conferences at Malta and Yalta 1945, pp. 973-974.
114. *Социалистический вестник*. 1944, №1-2, стр. 2, 10.1.1944.
115. The Conferences at Malta and Yalta 1945. *Op. cit.*, pp. 970-971.
116. *Ibid.*, p. 971.
117. *Краткая история...*, указ. соч., стр. 460.
118. Указ. соч., стр. 466.
119. Указ. соч., стр. 495.
120. Указ. соч., стр. 504.
121. В. И. Юкшинский, *Советские концентрационные лагеря в 1945—1955 гг.* Мюнхен, 1958, стр. 29-30.
122. Dallin, *op. cit.*, p. 532.
123. IMT, *op. cit.*, Doc. 221-L. vol. XXXVIII, p. 88.
124. Gerald Reitlinger, *The House Built on Sand*. The Viking Press. New York, 1960, pp. 310-311.
125. Sven Steenberg, *Wlasow. Verräter oder Patriot*. Verlag Wissenschaft und Politik. Köln, 1968, S. 80.
126. Patrik von zur Mühlen, *Zwischen Hackenkreuz and Sowjetstern*, Düsseldorf, 1971, S. 60.
127. Согласно западным источникам, не менее 8000 русских из немецких формирований присоединились к французскому Сопротивлению (Nikolai Tolstoy, *Victims of Yalta*, *op. cit.*, p. 57).
128. N. Tolstoy, *op. cit.*, p. 56.
129. Подробно см. Wilfried Strik-Strikfeldt, *Against Stalin and Hitler*. *Op. cit.*

130. Материалы к биографии генерала Андрея Андреевича Власова см. В. М. Шатов, *Материалы и документы освободительного движения народов России в годы второй мировой войны (1941—1945)*. Всеславянское издательство. New York, 1966; Wilfried Strik-Strikfeldt, op. cit.
131. Khrushchev Remembers, op. cit., p. 181.
132. *Парижский вестник*, 12 июня 1943 г.
133. Dallin, op. cit., p. 558.
134. *Парижский вестник*, 31 июля 1943 г.
135. Текст манифеста цит. по В. Осокин, *Андрей Андреевич Власов*. Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1966, стр. 28.
136. Б. Николаевский, *О «старой» и «новой» эмиграции* (Статья вторая). *Социалистический вестник*, 1948, №2, стр. 33.
137. См. напр., *Парижский вестник*, 5 июня 1943 г.
138. См. Fisher, op. cit. Appendix III, pp. 188-193.
139. Ю. Письменный, *Об одном вопросе, связанном с Манифестом*. В М. В. Шатов, указ. соч., стр. 151-154.
140. Б. Николаевский, *О «старой» и «новой» эмиграции* (Статья вторая). *Социалистический вестник*, 1948, №2, стр. 35.
141. Fisher, op. cit., pp. 96-97.
142. Юр. Корейский. *Поездка в Верхнюю Силезию*. В М. В. Шатов, указ. соч., стр. 69.
143. Fisher, op. cit., pp. 100-103.
144. *Правда*, 6. 8. 1946 г.
145. FR, The Conference in Berlin (Potsdam Conference) 1945. Washington.
146. Arthur Bryant, *Triumph in the West*. London. 1960, p. 478.
147. *Внешняя политика Советского Союза. 1946 год*. М., 1952, стр. 40.
148. *Краткая история...*, указ. соч., стр. 542.
149. Указ. соч., стр. 553.
150. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Том III, М., 1947, стр. 458-475.
151. Эти данные впервые были обнародованы Н. С. Хрущевым в 1961 г.
152. *История СССР*, т. X, стр. 390.
153. Все данные о потерях во время второй мировой войны приводятся по History of the Second World War by Purnell, vol. 6. Number 16, pp. 2682-2683, London.
154. *Советская Военная Энциклопедия*. Т. 8, стр. 539. Военное издательство Министерства обороны, М., 1980.
155. Н. Н. Воронов, *На службе военной*. М., 1963, стр. 174.
156. *Военно-исторический журнал*, 1965, №6, стр. 7-8.
157. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Т. 1. М., 1946, стр. 43.
158. *Внешняя политика Советского Союза, 1949 год*. М., 1953, стр. 28.
159. С. Аллилуева, *Только один год*. N. Y., Harper & Row, 1970, стр. 339-340.

Глава 9: Сумерки Сталинской эры (1945—1953)

1. Agreement Between the USA and the Soviet Union Concerning Liberated Prisoners of War and Civilians. Foreign Relations of the USA. Diplomatic Papers. The Conferences of Malta and Yalta 1945. Washington, 1955, pp. 985-987. См. также pp. 649-696, 946.
2. N. W. Bethell, *The Last Secret*. New York, Basic Books, 1974.
3. Nikolai Tolstoy, *Victims of Yalta*. Hodder and Stoughton, London, 1977, p. 185.
4. Н. Н. Краснов-младший, *Незабываемое. 1945—1956. Русская жизнь*. Сан Франциско, 1958, стр. 79.
5. *Социалистический вестник*, 1946, №8, стр. 186-188; Вл. Новиков, *Встречи с советскими подданными во Франции*. Новый журнал, 1946, XII, стр. 207-222.
6. *Известия*, 9 и 10. 12. 1947 г.
7. *Ibid.*, p. 379.
8. George Fisher, *Soviet Opposition to Stalin*. Cambridge/Mass., Harvard University Press, 1952, pp. 114-115.
9. *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945*. Т. 5. М., 1965, стр. 107.
10. V. Kubijovic, «Ukraine during World War II» in *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*, vol. I. University of Toronto Press. 1963, pp. 872-873.
11. *Ibid.*, pp. 879, 886.
12. Подробно см. John A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism 1939—1945*. New York, Columbia University Press, 1955, pp. 77-102.
13. Yaroslav Bilinsky, *The Second Soviet Republic: the Ukraine after World War II*. New Brunswick, N. J., Rutgers University Press, pp. 130-132.
14. Lew Shankowsky, *Pokladni hrupy OUN*. Munich, *Ukrains'ky Samo-styjnik*, 1958, p. 730.
15. Bilinski, *op. cit.*, pp. 101-109.
16. V. Holubnichy, «Ukraine since World War II, 1945-1962» in *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*, vol. I. *Op. cit.*, p. 903.
17. Bilinski, *op. cit.*, p. 132.
18. *FR*, 1947, vol. III, pp. 224-225, 237-238.
19. Harry S. Truman, *Public Papers, 1945-50*, Washington, 1964, pp. 178-179.
20. *История внешней политики СССР, 1945—1975*. Т. 2. М., 1976, стр. 137-141.
21. *Мирный договор с Италией*. М., 1947, 239 стр.
22. *История внешней политики СССР*. Указ. соч., стр. 38-39; Daniel Yergin, *Shattered Peace*. Boston, Houghton Mifflin Company, 1977, pp. 143, 150.
23. *Внешняя политика СССР*. 1948 год. Часть первая, М., 1950, стр. 203.
24. *Freundschaft DDR-UdSSR. Documenten und Materialien*, Berlin, 1965. Образование ГДР. Документы и материалы. М., 1950, стр. 13-16.

25. Documents on American Foreign Relations, vol. XIII. Princeton University Press, 1953, p. 483.
26. Подробно Vladimir Dedijer, *The Battle Stalin lost*. New York. Grosset & Dunlap, 1972.
27. Ibid., p. 190. См. также Milovan Djilas, *Conversations with Stalin*. New York, Harcourt, Brace & World, Inc. 1962, pp. 178-186.
28. Khrushchev, I, op. cit. p. 600.
29. *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Варшаве*, июнь 1948 г. М., 1948.
30. В. И. Ленин. *Полное собрание сочинений*, т. 40, стр. 43.
31. *The Times*, 6. 3. 1946.
32. *Внешняя политика Советского Союза, 1946 год*. М., 1952, стр. 167-170.
33. Walter Bedell Smith. *My Three Years in Moscow*. J. B. Lippincot Company. Philadelphia and New York. 1950. pp. 52-54.
34. *Министерство иностранных дел СССР. Советский Союз и Берлинский вопрос. (Документы)*. М., 1948.
35. См. например, *История внешней политики СССР, 1945—1975*. Т. 2, стр. 156-160.
36. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 368.
37. Ibid., p. 369.
38. Ibidem.
39. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 370.
40. *Внешняя политика СССР*. 1950 год. Телеграмма Трюгве Ли советскому МИДу от 27 июня 1950 г., стр. 189.
41. *История внешней политики СССР*. Т. 2, 1945—1975. М., 1976, стр. 165.
42. Там же.
- 42a. Harry S. Truman. *Public Papers*. 1950. Washington, 1965, p. 727.
43. *Население СССР*. Справочник. М., 1974, стр. 8.
44. Указ. соч., стр. 11.
45. *Ведомости Верховного Совета СССР*, 8. 9. 1945 г.
46. *Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии...* Цит. по сб. «Внешняя политика Советского Союза», 1945 год. М., 1949, стр. 36.
47. *История СССР*. Эпоха социализма. М., 1957, стр. 653.
48. *Народное хозяйство СССР*. Указ. соч., стр. 63, 65.
49. Там же, стр. 75.
50. Там же, стр. 46.
51. Там же.
52. *Известия*, 25. 9. 1949 г.
53. Подробно см. Zhores A. Medvedev, *Soviet Science*, W. W. Norton & Company, Inc., New York, 1978, p. 52.
54. Alec Nove. *An Economic History of the USSR*. Op. cit., p. 319.
55. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1956, стр. 62-69.

56. Б. Носик. *По Руси Ярославской*. М., 1968, стр. 164-178.
57. *Сборник законов СССР. 1938—1967*. Т. 2. М., 1968, стр. 165-173.
58. См. *Сборник законов...* Указ. соч., т. 2, стр. 409-418.
59. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 233.
60. Ibid., p. 235.
61. Академия наук Латвийской ССР. Институт истории. *История Латвийской ССР*. Сокращенный курс. 2-е перераб. и доп. изд. Рига, 1971, стр. 706-707.
62. *История СССР*. Эпоха социализма. 3-е изд., доп. М., 1974, стр. 413.
63. Академия наук Латвийской ССР. Институт истории и материальной культуры. Т. III. Рига, 1958, стр. 644.
64. Там же.
65. *История Литовской ССР*. Учебник для VII-VIII классов. Под ред. проф. Ю. Жюгжды, Каунас, 1963, стр. 116.
66. Академия наук Белорусской ССР. Институт истории, т. II, Минск, 1961, стр. 532.
67. *История СССР*. Эпоха социализма. Издание третье, доп. Москва, 1974, стр. 411.
68. Там же.
69. Там же.
70. *Внешняя политика Советского Союза, 1945 год*, стр. 36.
71. *Население СССР*. Статистический сборник. М., 1974, стр. 53.
72. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. Т. 6, 1941—1954. М., 1971, стр. 176.
73. R. Conquest, *Power and Policy in the USSR*. Harper and Row, 1967, p. 113.
74. *История Узбекской ССР*. Т. 4, Цит., стр. 171.
75. Цит. по *Социалистическая законность*, 1950, №9, стр. 3.
76. *История Сибири*. Т. 5, Ленинград, 1969, стр. 185.
77. Н. С. Хрущев. *Доклад на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 г.* в сб. «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства», т. 2. М., 1962, стр. 344.
78. Там же, стр. 345.
79. Ю. В. Арутюнян. *Особенности и значение нового этапа развития сельского хозяйства СССР*. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии, 18-21 апреля 1961 г. Москва, 1963, стр. 409.
80. Там же.
81. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1956, стр. 123.
82. Там же, стр. 124.
83. *История СССР*. Эпоха социализма (1917—1957). М., 1957, стр. 681. В последующих изданиях эти данные исчезли. См. также Н. С. Хрущев. Указ. соч., т. I, стр. 20.
84. См. Alec Nove, *An Economic History of the USSR*. Op. cit., p. 302.

85. *Народное хозяйство СССР*. Указ. соч., стр. 100.
86. Г. Маленков. *Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б)*. М., Госполитиздат, 1952, стр. 48.
87. Abram Bergson, *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*. Cambridge, Harvard University Press, 1961. Table H-I, p. 422.
88. Janet G. Chapman, *Real Wages in Soviet Russia since 1928*. Cambridge/Mass., Harvard Univ. Pr., p. 139.
89. *Ibid.*, p. 145.
90. *Ibid.*, pp. 145-147.
91. Janet G. Chapman, *op. cit.*, p. 176.
92. *Op. cit.*, pp. 55-57.
93. Н. С. Хрущев, указ. соч. Т. 2, стр. 344.
94. Naum Jasny, *The Soviet 1956 Statistical Handbook. A Commentary*. East Lansing, The Michigan State Univ. Pr., 1957, p. 149.
95. Arvid Brodersen, *The Soviet Worker*. N. Y., Random House, 1966, p. 132.
96. *Во главе защиты Советской Родины*. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975, стр. 362.
97. *История Великой Отечественной войны Советского Союза*. Т. 6, М., 1965, стр. 366.
98. Там же, стр. 365.
99. Леонард Шапиро. *Коммунистическая партия Советского Союза*. Firenze, Edizione Aurora, 1975, стр. 614.
100. Arvid Brodersen, *op. cit.*, p. 228.
101. Т. Н. Rigby, *Communist Party Membership in the USSR 1917—1967*. *Op. cit.*, p. 453. По подсчетам проф. Ригби среди вступивших в партию во время войны 32,1% могли быть отнесены к категории рабочих, 25,3% — к крестьянам и 42,6% — к служащим (p. 239).
102. Arvid Brodersen, *op. cit.*, p. 234.
103. *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Т. II. М., 1946, стр. 45.
104. И. Сталин. *Выступление на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 г.* Правда, 27. 6. 1945 г.
105. Подробно см. Марк Поповский. *Управляемая наука*. London, Overseas Publications Interchange, 1978, стр. 29-30.
Zhores A. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*. New York, Columbia Univ. Pr., 1969.
106. Подробно см. *О положении в биологической науке*. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. 31 июля-7 августа 1948 г. Москва, 1948.
107. *Культура и жизнь*, 11. 9. 1948 г.
108. Там же, 17. 7. 1950 г.
109. Там же.
110. Там же.
111. Там же, 21. 8. 1948 г.
112. *Вестник Академии Наук СССР*, 1949, №2, стр. 99-102, 130-134.

113. Khrushchev Remembers, The Last Testament. Boston. Toronto, Little, Brown and Co. 1974, pp. 63-67.
114. См. Documents on Polish-Soviet Relations, 1939-45. Vol. I, 1939-43. N 298, pp. 503-504. London, Heinemann, 1961; The Case of Henryk Erlich and Victor Alter. Foreword by Camille Hysmans. New York, 1943.
115. *Известия*, 19. 2. 1946 г.
116. Михаил Зоценко. *Избранное*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1960, стр. 316-324.
117. *Правда*, 22. 8. 1946 г.
118. *Литературная газета*, 22. 12. 1948 г.
119. *Культура и жизнь*, 11. 1. 1951 г.
120. *Правда*, 28. 12. 1947 г.
121. *Культура и жизнь*, 21. 2. 1948 г.
122. *Культура и жизнь*, 29. 2. 1948 г., 19. 4. 1948 г., 21. 4. 1948 г.
123. *Правда*, 28. 1. 1949 г.
124. *Литературная газета*, 26. 2. 1949 г.
125. *Вопросы истории*, 1947, № 11.
126. *Вопросы истории*, 1951, № 4.
127. Роберт Конквест. *Большой террор*. Указ. соч., стр. 964.
128. R. Roeder, Katorga. London, 1958, p. XIII.
129. S. Swianiewicz, Forced Labour and Economic Development. London, 1965, p. 44.
130. Б. Яковлев, указ. соч., стр. 65-68.
131. Там же, стр. 80.
132. Б. Яковлев, указ. соч., стр. 92.
133. Там же, стр. 96.
134. Там же, стр. 167.
135. Там же, стр. 185. Юшковский называет цифру — 70 тыс. чел. (В. И. Юшковский, указ. соч., стр. 52).
136. В. П. Артемьев. *Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД*. Мюнхен, 1956, стр. 11.
137. Там же.
138. Артемьев, указ. соч., стр. 38-39.
139. Б. Яковлев, указ. соч., стр. 37.
140. Там же, стр. 36.
141. Там же, стр. 38.
142. В. Артемьев, указ. соч., стр. 78.
143. Указ. соч., стр. 69.
144. Б. Яковлев, указ. соч., стр. 38.
145. А. И. Солженицын, *Архипелаг ГУЛаг, 1918—1956*. V-VI-VII. YMCA-Press, Paris, 1975, стр. 117.
146. А. И. Солженицын, указ. соч., стр. 233.
147. Там же, стр. 70.
148. USSR Labour Camps. Hearings before the Subcommittee to investigate

- the Administration of the Internal Security Act, other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary. United States Senate. Ninety Third Congress. First Session. Part 3. February 2, 1973, p. 175.
149. А. И. Солженицын, указ. соч., стр. 244-245.
 150. Там же, стр. 261.
 151. Joseph Schomler, Vorkuta. London, 1954, pp. 166-167.
 152. Ibid., p. 167.
 153. Ibid., p. 96.
 154. Ibid., p. 96.
 155. Paul Barton, L'Institution Concentrationnaire en Russie. (1930—1957). Paris, 1959, pp. 286-287.
 156. А. И. Солженицын, указ. соч., стр. 241.
 157. Б. Яковлев, указ. соч., стр. 166.
 158. А. И. Солженицын, указ. соч., стр. 241.
 159. Там же.
 160. Там же.
 161. Там же.
 162. Там же, стр. 283.
 163. Khrushchev, op. cit., p. 309.
 164. See Aleksandr Nekrich, The Arrest and Trial of I. M. Maisky. Survey, 1976 (100-101), pp. 313-320.
 165. Леонард Шапиро. *Коммунистическая партия Советского Союза*. Флоренция, 1975, стр. 723.
 166. Khrushchev, op. cit., p. 246.
 167. Ibid., p. 260.
 168. Khrushchev, op. cit., p. 264.
 169. Ibid., p. 263.
 170. Ibidem.
 171. Yehoshua A. Gilboa. The Black Years of Soviet Jewry. 1939—1953. Little, Brown and Company, Canada, 1971, pp. 52-53.
 172. Архив автора.
 173. Khrushchev, op. cit., p. 261.
 174. *Правда*, 13 и 18. 1. 1953 г.
 175. Там же, 21. 1. 1953 г.
 176. *Литературная газета*. 13. 1. 1953 г.
 177. А. Некрич. *Отрешись от страха*. Лондон, 1979, стр. 115.
 178. Karel Kaplan, Dans les Archives du Comité Central. Trente ans de secret du Bloc soviétique. Paris, Albin Michel. 1978, pp. 165-167. Сведения, сообщаемые Капланом, подтвердил в беседе с автором другой чехословацкий историк — Михаил Рейман.
 179. И. В. Сталин. *Речь на XIX съезде партии*. 14 октября 1952 г., Госполитиздат, 1952, стр. 6.
 180. Там же, стр. 8.
 181. Там же.
 182. Там же, стр. 9.

183. Там же, стр. 12.
184. Там же, стр. 13.
185. Там же.
186. Khrushchev, op. cit., pp. 306-315.
187. *Правда*, 7. 3. 1953 г.
188. Khrushchev, op. cit., pp. 318-319.
189. *Правда*, 10. 3. 1953 г.
190. *Коммунист*, 1953, №4.
191. Там же.
192. Stalinism, Essays in Historical Interpretation. Edited by Robert C. Tucker, New York, Princeton University. W. W. Norton & Company Inc., 1977.

Глава 10: Годы растерянности и надежд (1953—1964)

1. *Правда*, 12. 3. 1953 г.
2. Khrushchev Remembers, op. cit., p. 323.
3. *Правда*, 21. 3. 1953 г.
4. Там же, 16. 3. 1953 г.
5. *Известия*, 1. 4. 1953 г.
6. Там же, 16. 3. 1953 г.
7. *Коммунист*, 1953, №12, стр. 17.
8. Там же.
9. *Сб. законов СССР*, указ. соч. Т. 2, стр. 285-294.
10. *Коммунист*, 1953, №1, стр. 5.
11. Там же, №13.
12. Н. С. Хрущев. *О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР*. М., 1953, стр. 28.
13. *Правда*, 25. 6. 1953 г.
14. *Известия*, 1. 9. 1953 г.
15. Там же, 4. 4. 1953 г.
16. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 261.
17. Светлана Аллилуева. *Только один год*. Указ. соч., стр. 322.
18. *Известия*, 28. 3. 1953 г.
19. К. Нефедов, М. Тюрин. *Дружба народов СССР — источник силы советского государства*. *Известия*, 19. 6. 1953 г.
20. Khrushchev, Op. cit., p. 330.
21. Там же.
22. *Известия*, 12. 7. 1953 г. Передовая статья «Основы прочности многонационального советского государства».
23. *Известия*, 16. 3. 1953 г.
24. Public Papers of the Presidents. Dwight D. Eisenhower, 1953, p. 184.
25. Ibid., pp. 184-185.
26. *Правда*, 25. 4. 1953 г.
27. Times, 27. 4. 1953.
28. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 515, col. 895, 897. 11 May 1953.

29. Описание событий в Кингире основано на материалах, опубликованных в книгах:
 Paul Barton. L'Institution Concentrationnaire en Russie (1930—1957). Librairie Plon. Paris, 1959, pp. 323-340;
 USSR Labour Camps. Hearings before the Subcommittee to investigate the Administration of the Internal Security Act and other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary. United States Senate. Ninety-Third Congress. First Session. Part 3. February 2, 1973. Washington, 1973, pp. 169-175.
 А. И. Солженицын — Архипелаг ГУЛаг (1918—1956). V-VI-VII. YMCA-Press. Paris, 1975, стр. 305-348.
 Alexander Dolgun, Patrick Watson. An American in the Gulag. А. Кнопф. New York, 1975, pp. 283-292; Любовь Бершадская. *Расстоптанные жизни*. «Пять континентов». Париж, 1975, стр. 82-100.
 Н. Н. Краснов младший. *Незабываемое. 1945—1956. Русская жизнь*. Сан Франциско, 1958, стр. 216-217.
30. Zdenek Suda. The Czechoslovak Socialist Republic. The John Hopkins Press. Baltimore, 1969, p. 66.
31. Walter Hubatsch (ed). The German Question. Herder Book Center. New York, 1967, p. 156.
32. Ibidem.
33. Philip Windsor. City on Leave. A History of Berlin, 1945—1962. Praeger N. Y. 1963, p. 154; Hubatsch, Op. cit., p. 157.
34. Windsor, Op. cit., p. 155; Подробно см. Der Volksaufstand vom 17 June 1953. Bonn, 1963.
35. Hubatsch, Op. cit., p. 157.
36. Paul Kecskemeti. The Unexpected Revolution. Stanford University Press. Stanford, California, 1961, p. 42.
37. Imre Nagy. On Communism. In Defense of the New Course. F. A. Praeger. New York, 1957, pp. 80-86.
38. Kecskemeti. Op. cit., p. 51.
39. Ferenc A. Vali. Rift and Revolt in Hungary. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1961, pp. 200-210.
40. *Правда*, 16. 7. 1953 г.
41. *Известия*, 17 и 24. 12. 1953 г.
42. *Правда*, 23. 7. 1954 г.
43. *Правда*, 24. 12. 1954 г.
44. Напрмер, государственный план на 1941 г., случайно попавший на Запад, содержал все необходимые данные для установления роли империи ГУЛага.
45. Рой А. Медведев и Жорес А. Медведев. *Н. С. Хрущев. Годы у власти*. Columbia University Press, 1975, стр. 33.
46. Роберт Конквест. *Большой террор*. Указ. соч. стр. 962.
47. Медведевы. Указ. соч., стр. 63.

48. *Сб. законов...* Указ. соч., т. 2, стр. 629-632.
49. Peter Raina. *Political Opposition in Poland. 1954—1977. Poets' and Painters' Press.* London, 1978, pp. 30-31.
50. См. гл. 8.
51. *Khrushchev Remembers*, op. cit., pp. 254-256.
52. *Известия*, 9. 2. 1955 г.
53. *Khrushchev Remembers*. Op. cit., p. 343.
54. *Ibid.*, p. 343.
55. *Ibid.*, p. 344.
56. *XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.* 14-25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. I. М., 1956, стр. 102, 115, 116.
57. Указ. соч., стр. 99-100.
58. Указ. соч., стр. 326.
59. *Khrushchev Remembers*. Op. cit., pp. 347-348.
60. *Ibid.*, p. 349.
61. *Ibid.*, p. 353.
62. Доклад Хрущева на закрытом заседании съезда никогда не был опубликован в открытой советской печати. Содержание доклада, однако, сразу стало известно за границей. Полный текст доклада был переведен на все основные языки.
63. См. стр. 89-91.
64. См., например, Александр Некрич. *Отрешись от страха. Воспоминания историка.* Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1979, стр. 141-143.
65. См., например, Artur Gerard London. *On Trial.* London. Macdonald & Co., 1970.
66. *КПСС в резолюциях...* Указ. соч., т. 7, стр. 199-218.
67. Подробно см. Александр Некрич. *Наказанные народы.* Нью-Йорк. «Хроника-Пресс», 1978; Robert Conquest. *The Soviet Deportation of Nationalities.* Macmillan. London, 1970.
68. Х. И. Хутуев. *Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.* Рукопись. Библиотека им. В. И. Ленина. Москва. Регистр. № Дк 67-7/513, стр. 164-171.
69. Указы о восстановлении автономий опубликованы см. Ведомости Верховного Совета СССР, 24 февраля 1957. №4(871), стр. 134.
70. Обращение крымско-татарского народа к Белградскому совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе от 17 апреля 1976 г. См. А. Некрич. Указ. соч., стр. 155.
71. С. Сулькевич. *Население СССР.* М., 1939, стр. 30.
72. Р. Музафаров. *Вдали от крымских гор.* Рукопись, стр. 67.
73. А. Некрич. Указ. соч., стр. 116.
74. А. Некрич. Указ. соч., стр. 126-128.
75. *Заседания Верховного Совета Калмыцкой АССР, 2-го созыва.* Стенографический отчет, Элиста, 1958 г., стр. 120.

76. Peter Raina. Political Opposition in Poland. Op. cit., pp. 44-45.
77. Khrushchev Remembers. The Last Testament. Little, Brown and Company. Boston, 1974, p. 203.
78. Ibid., p. 203.
79. Ibid., p. 204.
80. Ibid., p. 205.
81. Kecskemeti. Op. cit., p. 71.
82. Ibid., p. 76.
83. Stephen D. Kertesz. East Central Europe and the World: Developments in the Post-Stalin Era. University of Notre Dame Press, Indiana, 1962, p. 125.
84. Vali. Op. cit., p. 321.
85. Ibid., p. 285.
86. François Fejtö. Behind the Rape of Hungary. N. Y. 1957, pp. 237-238.
87. Ibid., pp. 223-224.
88. Подробно см. Tibor Meray. Thirteen Days that Shook the Kremlin. Praeger, 1959; Hungarian Committee. Facts about Hungary. Compiled and edited by Imre Kovacs. N. Y. 1958.
89. *Правда*, 28. 10. 1956 г. Передовая статья «Провал антинародной авантюры в Венгрии».
90. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 417.
91. Ibidem.
92. Ibidem.
93. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 419.
94. Ibidem.
95. Khrushchev Remembers. Op. cit., p. 421; см. также Richard Löwenthal «Tito's affair with Khrushchev». The New Leader. 1958, October 6.
96. Vali. Op. cit., pp. 368-369.
97. Ibid., p. 371.
98. Ibid., p. 300.
99. Подробно об обсуждении венгерского вопроса в ООН см. Kertesz. Op. cit., pp. 146-152.
100. Vali. Op. cit., p. 375.
101. *Правда*, 16. 6. 1958 г.
102. *Народное хозяйство в СССР в 1959 году*, стр. 329-333; *Народное хозяйство СССР в 1964 году*, стр. 272-273.
103. *Постановление пленума ЦК КПСС о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. 7 сентября 1953 г.* КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6, 1941—1954. М., 1971, стр. 385-429.
104. *XX съезд КПСС. Стенографический отчет*. Т. 1, стр. 55.
105. *Постановление пленума ЦК КПСС о дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель*. 2 марта 1954 г. Указ. соч., стр. 437-442.

106. Н. С. Хрущев, *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Т. 2, М., 1962, стр. 243.
107. McCauley. Op. cit., Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture.
108. Ibid., pp. 82, 151.
109. *Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об изменении практики планирования сельского хозяйства*. 9 марта 1955 г. «КПСС в резолюциях...», указ. соч., т. 7, 1955—1959. М., 1971, стр. 52-70. См также Постановление от 6 марта 1956 г. Указ. соч., стр. 183-200.
110. Подробный анализ «кукурузной политики» см. Naum Jasny. Khrushchev's Crop Policy. Glasgow, 1965, pp. 100-114.
111. Н. С. Хрущев, *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Указ. соч., т. 2, стр. 57.
112. Naum Jasny...Op. cit., p. 88.
113. Н. С. Хрущев. Указ. соч., т. 2, стр. 444-449.
114. Указ. соч., стр. 446.
115. *Народное хозяйство СССР*. 1960, стр. 440-441.
116. *Народное хозяйство СССР в 1958 г.*, стр. 469; *Народное хозяйство СССР в 1964 г.*, стр. 362.
117. Н. С. Хрущев, *Строительство коммунизма в СССР и сельское хозяйство*. Указ. соч., т. 4, стр. 61.
118. Признание обмана содержится в ряде выступлений Н. С. Хрущева. См. Н. С. Хрущев. Указ. соч., т. 4, стр. 364, 497.
119. *Народное хозяйство СССР*. 1964, стр. 362.
120. *Народное хозяйство СССР в 1964 г.* Статистический сборник. Указ. соч., стр. 250.
121. *Постановление Пленума ЦК КПСС о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций*. КПСС в резолюциях и т. д. Указ. соч., т. 7, стр. 316-322.
122. Медведевы. Указ. соч., стр. 101.
123. Sidney I. Ploss. Conflict and decision-making in Soviet Russia. A Case Study of Agricultural Policy. 1953—1963. Princeton, Princeton University Press, 1965, p. 209.
124. *Народное хозяйство СССР в 1964 г.* Статистический ежегодник. М., 1965, стр. 261.
125. Там же, стр. 353.
126. Н. С. Хрущев, *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Указ. соч., т. 8, стр. 304.
127. *Народное хозяйство СССР в 1965 г.*, стр. 188; *Народное хозяйство СССР в 1972 г.*, стр. 219; *Народное хозяйство СССР в 1977 г.*, стр. 155.
128. Л. И. Брежнев, *Ленинским курсом*. М., 1970, стр. 68-93.
129. John A. Armstrong, *The Politics of Totalitarianism*. New York, Random House, 1961, p. 309.

130. *КПСС в резолюциях...* Указ. соч., т. 7, стр. 232.
131. Указ. соч., т. 7, стр. 249-256.
132. Законодательные акты по вопросам народного хозяйства СССР. Т. I, М., 1961, стр. 361-365.
133. *КПСС в резолюциях...*, т. 7. Указ. соч., стр. 267-273.
134. Указ. соч., т. 7, стр. 295-297; см. также Khrushchev Remembers. The Last Testament. Op. cit., pp. 11-18, Timothy J. Colton. Commissars, Commanders and Civilian Authority. Cambridge/Mass., Harvard University Press, 1979, pp. 175-195.
135. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1956, стр. 71.
136. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1965, стр. 162.
137. *Народное хозяйство СССР*. Указ. соч., 1956, стр. 69.
138. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1965, стр. 174.
139. *Народное хозяйство СССР*. Указ. соч., 1956, стр. 64.
140. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1965, стр. 181.
141. *Народное хозяйство СССР*. Указ. соч., 1956, стр. 67.
142. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. М., 1965, стр. 178.
143. *Сборник законов СССР, 1938—1967*. Том I. М., 1968, стр. 367-383.
144. *Сборник законов СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 183-184.
145. *КПСС в резолюциях...* Указ. соч., т. 7, стр. 222-223.
146. *Сборник законов СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 217-241.
147. Указ. соч., стр. 241-248.
148. *Сборник законов СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 185.
149. Указ. соч., стр. 195.
150. *КПСС в резолюциях...* Указ. соч., т. 7, стр. 278-294.
151. Указ. соч., стр. 283.
152. *Народное хозяйство СССР в 1956 г.*, стр. 177; *Народное хозяйство СССР в 1964 г.*, стр. 610.
153. *Сборник законов СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 328.
154. Указ. соч., т. 2, стр. 327.
155. Указ. соч., т. 2, стр. 418-419; стр. 196-197.
156. Подробно см. *Процесс над Иосифом Бродским*. 18 февраля 1964 г. в Ленинграде. «Архив Самиздата», т. 4. Док. АС № 236.
157. *История внешней политики СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 410.
158. *КПСС в резолюциях...* Указ. соч., т. 7, стр. 270.
159. *XX съезд КПСС*. Стенографический отчет. Указ. соч., т. 2, стр. 410.
160. Khrushchev Remembers, p. 380.
161. *XX съезд КПСС*. Стенографический отчет, т. I. Указ. соч., стр. 35-38.

162. Adam B. Ulam. *Expansion and Coexistence. Soviet Foreign Policy 1917—1973*. New York, Praeger, 1974.
163. Подробно о «Берлинском кризисе» см. Robert M. Slusser, *The Berlin Crisis of 1961*. Baltimore and London, The John Hopkins Univ. Pr., 1973.
164. *История внешней политики СССР*, указ. соч., т. 2, стр. 333.
165. Отставка Молотова была приурочена к приезду в СССР маршала Тито. См. R. Conquest, *Power and Policy in the USSR*. N. Y., Harper & Row, 1967, p. 291.
166. *История внешней политики СССР*, указ. соч., т. 2, стр. 374.
167. См. Document 7. Letter of the Central Committee of the CCP of February 29, 1964 to the Central Committee of the CPSU in William E. Griffiths, *Sino-Soviet Relations, 1964—1965*. Cambridge/Mass., The I.M.T. Press, 1967, p. 183.
168. Walter C. Clemens, Jr., *The Arms Race and Sino-Soviet Relations*. Stanford, California, 1968, p. 258. Footnote 41.
169. Ibidem.
170. Klaus Mehnert, *Peking and Moscow*. New York, G. P. Putnam's Sons, 1963, pp. 298-299.
171. Ibid., p. 339.
172. Griffiths, op. cit., Document 7, p. 183.
173. Ibid., Document 3, p. 162.
174. *Khrushchev Remembers*, op. cit., pp. 463-464.
175. Ibid., p. 470.
176. Ibid., p. 474.
177. Donald Z. Zagoria, *The Sino-Soviet Conflict 1956—1961*. Princeton, N. J., Princeton Univ. Pr., 1962, pp. 93-94.
178. Mehnert, op. cit., p. 339.
179. *История внешней политики СССР*, указ. соч., т. 2, стр. 379.
180. *Правда*, 3. 4. 1964 г.
181. Там же.
182. Mehnert, op. cit., p. 300.
183. Ibid., p. 304; подробно см. также Walter C. Clemens, op. cit., p. 37.
184. Walter C. Clemens, op. cit., p. 255, footnote 5.
185. См., например, Griffiths, op. cit., Document 7, pp. 181-182.
186. *Khrushchev Remembers*, op. cit., p. 474.
187. Letter of the Central Committee of the CPSU of November 29, 1963 to the Central Committee of the CCP. Griffiths, op. cit., p. 151.
188. Обсуждение возможности «упреждающего удара» против Китая было также связано с испытаниями атомной бомбы в Китае осенью 1964 г. См. Walter C. Clemens, op. cit., pp. 273-274, footnote 2.
189. *Khrushchev Remembers*, op. cit., p. 474.
190. Ibid., p. 475.
191. Хрущева сопровождала целая «бригада» писателей и журналистов,

- опубликовавшая в итоге книгу «Лицом к лицу с Америкой» (М., 1960, 675 стр.), изданную в СССР большим тиражом. Авторы репортажа были награждены Ленинской премией.
192. *Жить в мире и дружбе!* Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15-27 сентября 1959 г. М., 1959, стр. 82-83.
 193. A. Ulam, op. cit., p. 628.
 194. Ibid., p. 631.
 195. Harold Macmillan, *Pointing the Way* (1959—1961). New York, Harper & Row, 1962, p. 279.
 196. Ulam, op. cit., pp. 666-667.
 197. Л. Ю. Слезкин, *История Кубинской республики*. М., Изд-во «Наука», 1966, стр. 404-405.
 198. Там же.
 199. Указ. соч., стр. 423.
 200. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения*. 1962 год. М., 1963, стр. 340-342.
 201. G. T. Allison, *Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis*. 1971. Boston, Little, Brown, pp. 103-105; A. Chayes, *The Cuban Missile Crisis*. New York and London, Oxford Univ. Pr., 1974, p. 8.
 202. Robert F. Kennedy, *Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis*. New York, W. W. Norton and Company, Inc., 1969, p. 27.
 203. Robert F. Kennedy, op. cit., p. 27.
 204. A. Chayes, op. cit., p. 13.
 205. Robert F. Kennedy, op. cit., pp. 28-29.
 206. Ibid., p. 35.
 207. Ibid., p. 36.
 208. Khrushchev, I, p. 496.
 209. Подробно см. E. Abel, *The Missile Crisis*. Philadelphia, 1966, p. 44; R. Kennedy, op. cit., pp. 36-37.
 210. Khrushchev, I, p. 493.
 211. Ibid., p. 494.
 212. Ibid., p. 496.
 213. R. Kennedy, op. cit., p. 40.
 214. *Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy*. 1962. Op. cit., p. 807.
 215. Ibid., p. 808.
 216. Ibid., pp. 809-810.
 217. *Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy*. 1962, p. 812.
 218. Ibid., p. 811.
 219. Robert Kennedy, op. cit., pp. 93-94.
 220. *Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy*. 1962. Op. cit., pp. 813-814.
 - 220a. R. Kennedy, op. cit., pp. 107-108.
 221. *Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy*. 1962. Op. cit., pp. 814-815.

222. *История внешней политики СССР*, т. 2, указ. соч., стр. 361.
223. Там же, стр. 416-417.
224. Текст заявлений см. William E. Griffiths. *The Sino-Soviet Rift*. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1964, pp. 326-329, 340-353, 371-387.
225. *Новый мир*, № 12, 1953, стр. 218-245.
226. *Знамя*, 1954, № 5, стр. 14-87.
227. *Новый мир*, 1956, № 8-10.
228. Указ. соч. 1956, № 4, стр. 18-58.
229. *Вопросы истории*, 1956, № 4, стр. 38-56; № 8, стр. 109-114.
230. Ольга Ивинская, *В плену времени*. Paris, Fayard, 1978, стр. 232-233.
231. Указ. соч., стр. 243.
232. См. стенограмму общесоюзного собрания писателей. *Новый журнал*, 1966, № 83, стр. 185-227.
233. Указ. соч., стр. 226.
234. *Правда*, 1. 11. 1958 г.
235. *Правда*, 6. 11. 1958 г.
236. Ивинская, указ. соч., стр. 319.
237. С поразительной силой описано дело Пастернака, последние дни поэта, его смерть и похороны Лидией Корнеевной Чуковской в ее «Записках об Анне Ахматовой», т. II, стр. 323-335. Paris, YMCA-Press, 1980.
238. Дело Ф. Ф. Шульца. Архив Самиздата. Док. АС № 589, стр. 1, 2, 5.
239. П. Г. Григоренко, Сборник статей. Нью-Йорк, «Хроника», 1977, стр. 64-65.
240. П. Г. Григоренко, *Мысли сумасшедшего*. Амстердам, Фонд имени Герцена. 1973, стр. 203.
241. Там же, стр. 204.
242. Владимир Буковский. *И возвращается ветер...*, Нью-Йорк. «Хроника», 1978, стр. 100-106.
243. Л. Рендель, Подборка документов, относящихся к покаянной статье Л. Краснопевцева, напечатанной в лагерной газете *За отличный труд*, 20. 8. 1971 г. Архив Самиздата, т. 22, Док. АС № 1073.
244. В. Н. Осипов, *Биографическая справка* Валентины Машковой. Архив Самиздата, т. 29. Док. № 1611а, стр. 5-6.
245. О событиях на пл. Маяковского см. В. Буковский. Указ. соч., стр. 133-139.
246. *The Trial of the Four*. New York, Viking, 1972, p. 6.
247. *Вестник Русского Христианского Движения*. 1976, № 117, стр. 285.
248. George Lucky, *Turmoil in the Ukraine*. In «Quest of Justice», edited by Abraham Brumberg. Praeger Publ., 1970, pp. 54-55.
249. *Ibid.*, p. 55.
250. *Правда*, 21. 10. 1962 г.
251. *Известия*, 18. 8. 1963 г.
252. *Новый мир*, 1962, № 3-5.
253. *Новый мир*, 1962, № 11.

254. *Новый мир*, 1963, №1.
255. Василий Гроссман, *За правое дело*. Роман. М., Советский писатель, 1964. Подробно о советской литературе в послесталинское время см. Михаил Геллер, *Концентрационный мир и советская литература*. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1974.
256. Все же роман увидел свет. Он был опубликован швейцарским издательством «L'Age d'Homme» в 1980 г. под названием *Жизнь и судьба*. Издание было подготовлено эмигрировавшими на Запад литераторами С. Маркишем и Е. Эткингом. Он же написал вступительную статью.
257. Подробно см. Александр Подрабинек, *Карательная медицина*. Нью-Йорк, Изд-во «Хроника», 1979.
258. Подробно см. Валерий Чалидзе, *Права человека и Советский Союз*. Нью-Йорк, «Хроника», 1974.
259. Андрей Сахаров, *О стране и мире*. Нью-Йорк, Изд-во «Хроника», 1976, стр. VII.
260. Там же.
261. Указ. соч., стр. VIII.
262. Там же, стр. VIII. См. также Khrushchev Remembers. The Last Testament. Op. cit., pp. 68-71.
263. *Правда*, 1. 6. 1962 г.
264. Albert Boiter, «When the Kettle Boils Over...», Problems of Communism, 1964, No. 1, p. 37.
265. *Правда*, 6. 4. 1962 г.
266. Boiter, op. cit., p. 37.
267. Ibidem.
268. А. И. Солженицын, *Архипелаг ГУЛag*. Указ. соч., V-VI-VII, стр. 559.
269. Указ. соч., стр. 558.
270. Там же.
271. Солженицын, указ. соч., стр. 559.
272. Boiter, op. cit., p. 36.
273. Op. cit., p. 37; Солженицын, указ. соч., стр. 560.
274. Boiter, op. cit., p. 37; Солженицын, указ. соч., стр. 560-561.
275. Солженицын, указ. соч., стр. 562.
276. Указ. соч., стр. 563-564.
277. Boiter, op. cit., p. 38.
278. Ibidem.
279. Boiter, op. cit., p. 39.
280. Ibid., p. 41.
281. Ibid., p. 42.
282. Ibid., p. 38.
283. Ibid., p. 39.
284. *КПСС в резолюциях...*, указ. соч., т. 8, стр. 325.
285. Указ. соч., стр. 390-392.

286. *Правда*, 10. 3. 1963 г.
287. *КПСС в резолюциях...*, указ. соч., т. 8, стр. 494.

Глава 11: Эпоха реального социализма (1965—1980)

1. А. Солженицын, *Бодался теленок с дубом*. Париж, 1975, стр. 127.
2. John Dornberg, Breschnew, Profil des Herrschers in Kreml. München, 1973.
3. *Правда*, 24. 2. 1981.
4. С. Зорин, Н. Алексеев, *Время не ждет. Наша страна находится на поворотном пункте истории*. Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 4.
5. ЦСУ СССР. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV, М., 1973, стр. 19-20.
6. Андрей Сахаров, *О стране и мире*. Нью-Йорк, 1976, стр. 34.
7. Л. И. Брежнев, *Речь на торжественном заседании по случаю 47-ой годовщины Октябрьской революции*. *Правда*, 7 ноября 1964 г.
8. Н. С. Хрущев, *Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства*. Том 8, М., 1964, стр. 91-107.
9. В. Ключевский, *Курс русской истории*. М., 1910 год. IV, стр. 293.
10. *Политический дневник*. 1964—1970. Амстердам, 1972, т. 1, стр. 128.
11. *Политический дневник*. Указ. соч., т. 2, стр. 154.
12. Там же, стр. 153.
13. *Новый мир*, 1953, № 12.
14. Архив Самиздата, т. 9, № АС 667, стр. 6.
15. Указ. соч., стр. 8.
16. Указ. соч., стр. 6-7.
17. Указ. соч., стр. 8.
18. *Грани*, № 62, 1966, стр. 127.
- 18а. *Правда* (передовая статья), 22. 2. 1966 г.
19. Андрей Амальрик, *Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?* Амстердам, 1969, стр. 8.
20. Там же, стр. 10.
21. Амальрик полагает, что в 1966-69 гг. более тысячи человек подписали различного рода заявления и письма с требованием соблюдения законности. См. указ. соч., стр. 13.
22. А. Амальрик, указ. соч., стр. 12.
23. Указ. соч., стр. 19.
24. А. Авторханов, *Сила и бессилие Брежнева*, стр. 11-12.
25. Владимир Буковский, *И возвращается ветер...* Нью-Йорк, 1978, стр. 271.
26. Указ. соч., стр. 106.
27. ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж, 1975, стр. 7.
28. Указ. соч., стр. 74.
29. Указ. соч., стр. 34.

30. Александр Солженицын, *Собрание сочинений в 6 томах*. Франкфурт-на-Майне, 1973. Том 6, стр. 9.
31. Там же, стр. 368.
32. Недовольство в Польше, подавленное в 1968 г., находит свое продолжение в 1970 г., когда забастовки рабочих вынудили Гомулку передать власть Э. Гереку, а затем в 1976 и 1980 гг.
33. Иван Дзюба, *Интернационализм или русификация*. Амстердам, 1968, стр. 277.
34. The Chornowil Papers, № 1, 1968.
35. Иван Дзюба, *Грані кристала*. Київ, 1976, стр. 5.
36. Никита Хрущев, *Воспоминания*. Нью-Йорк, 1979, стр. 275, 276.
37. Erwin Weit, *Dans l'ombre de Gomulka*. Paris, 1971, p. 277.
38. К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Выпуск первый. Пресс-группа советских журналов. Москва, 1968, стр. 51.
39. Erwin Weit, op. cit., p. 277.
40. Семь писем из Праги. Письма чешского интеллигента, отправленные им своему другу на Западе в декабре 1973-феврале 1974 гг. Рим, 1975, стр. 33.
41. Указ. соч., стр. 34.
42. *Семь писем к другу*, стр. 36.
43. Chris Harman, *Bureaucracy and Revolution in Eastern Europe*, London, 1974, p. 219.
44. *East European Dissent*. vol. 2, 1965—1972. Facts on File Inc., New York, 1972, p. 81.
45. С. Ковалев, *Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран*. *Правда*, 26.9.1968.
46. *Правда*, 20.8.1968.
47. Фрунзе М. В., *На фронтах гражданской войны*. М., 1941, стр. 330.
48. Владимир Буковский, указ. соч., стр. 103.
49. Наталья Горбаневская, *Полдень*. Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 70-82.
50. А. Солженицын, *Бодался теленок с дубом*. Указ. соч., стр. 395.
51. См. Henry Kissinger, *A la Maison Blanche 1968—1973*. Paris, vol. I, p. 138.
52. Helmut Allard, *Moskauer Tagebuch*. Beobachtungen, Notizen, Erlebnisse. Düsseldorf-Wien, 1973, p. 49.
53. Henry Kissinger, op. cit., p. 141.
54. *Краткий политический словарь*. М., Политиздат, 1978, стр. 321.
55. В. И. Ленин.
56. *КПСС в резолюциях*. 8 изд., т. 8, М., 1970, стр. 27.
57. *XX съезд КПСС*. Стенографический отчет. М., 1961, ч. II, стр. 413.
58. *Материалы XXIII съезда КПСС*. М., 1966, стр. 29.
59. *Материалы XXIV съезда КПСС*. М., 1971, стр. 22.
60. *Краткий политический словарь*, стр. 127.

61. Henry Kissinger, p. 133.
62. Владимир Буковский, стр. 303.
63. *Правда*, 28. 11. 1979.
64. А. Солженицын, *В круге первом*. Париж, 1969, стр. 116.
65. Gregory Grossman, An Economy at Middle Age. «Problems of Communism». March-April, 1976, Vol. XXV, p. 1.
66. См. Basile Kerblay, Les enseignements de l'expérience soviétique d'agriculture collectiviste. Revue d'études comparatives Est-Ouest. Septembre 1979. Vol. X, pp. 18-19.
67. *Народное хозяйство СССР*, 1965, стр. 277, 405, 422, 424; Указ. соч., 1970, стр. 290, 382, 396; Указ. соч., 1978, стр. 211, 261, 275, 278. Подробно см. Boris Rumer. The «Second» Agriculture in the USSR. Soviet Studies № 4, October 1981, pp. 560-572.
68. Alec Nove, The Soviet Economic System. London, 1978, p. 360.
69. Basile Kerblay. La Société soviétique contemporaine, Paris, 1977, p. 185.
70. «Time». Inside the USSR, Special Issue, 23. 6. 1980, p. 57.
71. См. Андрей Сахаров, *О стране и мире*. Нью-Йорк, 1976, стр. 48-49. Владимир Буковский, «*И возвращается ветер...*», стр. 168-169.
72. СССР в цифрах в 1978 г. Указ. соч., стр. 7.
73. Konstantin Simis. The Machinery of Corruption in the Soviet Union. Survey N4 (105), 1977-1978, p. 39.
- 73а. М. Колесников. *Школа министров*. «Знамя», № 10, стр. 113.
- 73б. *Правда*, 24. IV. 1967.
74. *История внешней политики СССР*, т. 2. Указ. соч., стр. 422-424.
75. Michael T. Florinsky, World Revolution and the USSR. N.Y., 1933, p. 211.
76. Robert E. Sherwood, Roosevelt and Hopkins: An intimate History. N. Y., 1948, p. 870.
77. См. Robert Conquest, Present Danger. Towards a Foreign Policy. Oxford, 1978, p. 41-42.
78. Robert E. Sherwood, Op. cit., p. 216.
79. Charles E. Bohlen, Witness to History. 1929—1969, N. Y., 1974, p. 370.
80. Averell Harriman, Peace with Russia. N. Y., 1959, p. 168.
81. Helmut Allard, op. cit., p. 207.
82. The International Herald Tribune, 6. 3. 1981.
83. Henry Kissinger, op. cit., p. 132.
84. Александр Солженицын назвал «эффектом Киссинджера» пробуждение государственных деятелей Запада после их ухода с правительственных постов. Внезапно им открываются глаза. См. А. Солженицын, *Чем грозит Западу непонимание России*. Вестник РХД, № 131, 1980, стр. 191.
85. International Herald Tribune, 6. 12. 1978.
86. The Times, 3. 6. 1969.
87. Samuel Pizar, Let's put détente back on the Rail. The New York Times Magazine, 25. 9. 1977.
88. The Times, 5. 4. 1969.

89. Washington Post.
90. В отличие от Сталина Мао опирался не на органы безопасности, а на фанатизированную молодежь, знаменитых «хунвейбинов». Но и Сталин широко использовал молодежь в борьбе с «врагами народа».
91. *Литературная газета*, 19. 3. 1969.
92. *Le Monde*, 2. 3. 1969.
93. Henry Kissinger, *op. cit.*, p. 180.
94. Указ. соч., p. 189.
95. *London Evening News*, 16. 9. 1969.
96. Zdenek Mlynár, *Nachtfrost*. Europäische Verlagsanstalt. Köln-Frankfurt am Main. 1978. S. 301.
97. *История внешней политики СССР*. Указ. соч., т. 2, стр. 383; *Внешняя торговля СССР в 1978 г. М., 1979*, стр. 11.
98. Henry Kissinger, *op. cit.*, p. 130.
99. *Новое русское слово*, 13. 6. 1980.
100. *Правда*, 3. 4. 1971.
101. The International Institute for Strategic Studies. *The Military Balance 1978-1979*. London, 1978, p. 88.
102. *Ibid.*
103. *International Herald Tribune*. June 30, 1979.
104. *USSR Facts & Figures Annual*, vol. 4, 1980. Ed. by John L. Scherer. Academic International Press. 1980, p. 125.
105. *The Military Balance*, *Op. cit.*, p. 86; *Facts & Figures*. *Op. cit.*, p. 121; *Le Point*, 3. 9. 1979.
106. *Facts & Figures*, *Op. cit.*, p. 121.
107. С. Г. Горшков. *Морская мощь государства*. М., 1979, стр. 408.
108. Указ. соч., стр. 342.
109. С. Е. Горшков, указ. соч., стр. 346.
110. Указ. соч., стр. 342.
111. Указ. соч., стр. 412.
112. *International Herald Tribune*, 29. 5. 1979.
113. М. П. Скирдо, *Народ, армия, полководец*. М., 1970, стр. 97.
114. *Правда*, 13. 1. 1970.
115. *Правда*, 27. 2. 1976.
116. *Заря Востока*, 23. 1. 1976.
117. *Плановое хозяйство*, № 6, 1976, стр. 13.
118. *Литературная газета*, № 25, 1979.
119. *Труд*, 17. 7. 1979.
120. Basile Kerblay, *La Société soviétique contemporaine*, p. 132.
121. Андрей Сахаров, указ. соч., *О стране и мире*, стр. 26.
122. Michael S. Voslensky, *Nomenklatura*, S. 274.
123. *Правда*, 20. 8. 1979.
124. *Комсомольская правда*, 15. 8. 1979.
125. Л. И. Брежнев, *Об основных вопросах экономической политики*

- КПСС на современном этапе (1964—1975)*. Два тома. М., 1975, т. 1, стр. 118.
126. International Herald Tribune, October 5, 1979.
127. Ibid.
128. *СССР в цифрах в 1978 г.* М., 1979, стр. 7.
129. Basile Kerblay, Les enseignements de l'expérience soviétique d'agriculture collectiviste, p. 20.
130. Ted Agres, U.S. builds Soviet War Machine. Industrial Research of Development, July 1980, p. 51.
131. Charles Levinson, Vodka-Cola. Paris, 1977, p, 312.
132. International Herald Tribune, 9. 9. 1979.
133. International Herald Tribune, 24. 5. 1979.
134. International Herald Tribune, 20. 6. 1979.
135. Ted Agres. Op. cit., p. 53.
136. Ibid., p. 54.
137. Le Point, 14. 3. 1977.
138. Le Monde, 30. 9. 1979.
139. Le Point, 14. 3. 1977.
140. *Литературная газета*, 9. 8. 1978.
141. Helmut Allard, S. 12.
142. Ibid.
143. *Известия*, 5. 6. 1972.
144. Le Figaro, 25. 4. 1979.
145. *Правда*, 24. 9. 1976.
146. А. Солженицын, *Американские речи*. Париж, 1975, стр. 42.
147. The New York Times, 10. 3. 1946.
148. *Правда*, 30. 7. 1980.
149. *Новое время*, № 31, 1976.
150. *Правда*, 25. 2. 1976.
151. Jerry F. Hough and Merle Fainsod, How the Soviet Union is governed. Harvard University Press, 1979, p. 205.
152. Seweryn Bialer in: «Time», 23. 6. 1980.
153. Андрей Сахаров. *О стране и мире*. Указ. соч., стр. 27.
154. Андрей Сахаров. *Тревожное время. Новое русское слово*, 14. 6. 1980.
155. Андрей Амальрик, *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?*, Указ. соч., стр. 2.
156. Jerry F. Hough and Merle Fainsod. Op. cit., p. 526.
157. Ibid., p. 237.
158. Андрей Сахаров, *Тревожное время. Новое русское слово*, 13. 6. 1980.
159. Alec Nove, The Soviet Economic System, Op. cit., p. 10.
160. А. Солженицын. *Письмо вождям Советского Союза*. Париж, 1974, стр. 41.
161. Там же.
162. Цит. в В. Буковский, *И возвращается ветер...*, стр. 322.
163. *Из-под глыб*. Сборник статей. Москва - Париж, 1974, стр. 8.

164. Александр Зиновьев, *Желтый дом*. Лозанна, 1980, ч. I, стр. 48.
165. *Правда*, 13.8.1975.
166. *Верность идеалам коммунизма*. Совещание идеологических работников. 16-17 октября 1979. *Правда*, 18.10.1979.
167. Там же.
168. Александр Солженицын, *Собрание сочинений*, т. 6, стр. 202.
169. Б. Демин, *Ненависть к врагу — неотъемлемая сторона патриотизма советских воинов*. *Коммунист вооруженных сил*, № 3, 1969, стр. 63.
170. *Советский патриот*, 29.11.1972, стр. 2.
171. *Молодая гвардия*, № 2, 1972, стр. 13-14.
172. *Советский патриот*, 29.8.1973, стр. 1.
173. *Правда*, 18.10.1979.
174. *Правда*, 13.4.1970.
175. *Правда*, 6.7.1978.
176. Василий Шуйский занял русский престол в 1606 г. и оставался на нем до 1610. Был свергнут и умер в Варшаве в 1612 г.
177. В. Кочетов, *Записки военных лет*. *Октябрь* № 5, 1965, стр. 97.
178. А. Авторханов, *Сила и бессилие Брежнева*, стр. 61.
179. *Правда*, 17.11.1977.
180. *Правда*, 9.5.1976.
181. И. Сталин, *Сочинения*, т. 13, М., 1952, стр. 235.
182. Максим Лужанин. *Бессонный телефон*. *Беларусь*, № 4, 1977, стр. 8.
183. *Известия*, 1.9.1980.
184. Там же.
185. *Краткий политический словарь*, стр. 108.
186. Там же, стр. 109.
187. Доклад на торжественном заседании по случаю столетия со дня рождения Ф. Э. Дзержинского. *Известия*, 10.10.1977.
- 187а. А. Солженицын, *Бодался теленок с дубом*. Париж, 1975, с. 381.
188. См. *Le Monde*, 30.4.1980.
189. *Известия*, 15.1.1972.
190. *Правда*, 11.1.1970.
191. К. Simis, Machinery of Corruption in USSR. «Survey», vol. 23, № 4, Autumn 1977-78, p. 55.
192. *Литературная газета*, 15.10.1975.
193. Там же.
194. *Правда*, 24 февраля 1981 г.
195. Nick Eberstadt, The Health Crisis in the USSR. The New York Review of Books. Vol. XXVIII, N2, February 19, 1981, p. 23.
196. *Ibid.*, p. 25.
197. Владимир Буковский, *И возвращается ветер...*, указ. соч., стр. 285.
198. Фридрих Незнанский, *Статистика преступности в СССР*. *Посев*, № 5, 1979.
199. Система досрочного освобождения или условного освобождения, а затем направления на далекие стройки была введена в начале 60-х

- годов. В то время главными стройками были новые химические заводы. Отсюда выражения: «химия», «химики».
200. *Неделя*, № 38, 1979.
 201. *Вопросы истории*, № 10, 1972.
 202. *Литературная газета*, № 48, 1976.
 203. Український вісник. Випуск VII-VIII. Весна 1974. Париж-Балтимор-Торонто, 1975, стр. 7.
 204. Дело Айрикияна. Нью-Йорк, 1977, стр. 42.
 205. V. Stanley Vardys, *The Catholic Church, Dissent and Nationality in Soviet Lithuania*, New York 1978, p. 174.
 206. Интервью В. Осипова американским журналистам. *Вестник РХД*, № 106, 1972, стр. 295.
 207. См. том I, главу «Эмиграция».
 208. А. Яковлев, *Против антиисторизма. Литературная газета*, 15. 10. 1972.
 209. *Известия*, 5. 7. 1980.
 210. Hèlène Carrère d'Encausse, *L'Empire éclaté*. Paris, 1978, p. 88.
 211. Г. А. Бондарская, *Рождаемость в СССР* (этнографический аспект), М., 1977, стр. 92-93.
 212. Alexandre Bennigsen, *Islam in the USSR*. «Soviet Jewish Affairs» № 2, 1979, p. 5.
 213. ЦСУ СССР. О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1979 г., М., Статистика, 1979, стр. 3.
 214. Там же.
 215. Там же.
 216. Там же. Не исключено, что эти данные значительно преувеличены.
 217. *Правда*, 24 февраля 1981 г.
 218. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., Политиздат, 1980, стр. 3.
 219. Там же, стр. 23.
 220. *Правда*, 5. 9. 1970.
 221. *Наука и религия*, № 4, 1979.
 222. *Правда*, 5. 9. 1970.
 223. *Вестник русского христианского движения*, № 130, 1979, стр. 275.
 224. *Наука и религия*, № 6, 1979, стр. 14-15.
 225. *Вестник РХД*, № 130, стр. 278.
 226. Там же, стр. 298.
 227. Там же, стр. 282.
 228. Там же, стр. 281.
 229. Д. Дудко, *На сегодняшний день. Посев*, № 7, 1979, стр. 37.
 230. А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛag*. Париж, 1973, с. 362, 373, 419.
 231. *Новые книги*, № 25, 1976, стр. 58. Альбом приурочен к 500-летию битвы на Куликовом поле (1380), в которой русские войска одержали победу над татарами.
 232. *Молодая гвардия*, № 11, 1977, стр. 38.

233. Hélène Carrère d'Encausse, *op. cit.*, p. 229.
234. *СССР в цифрах в 1980 году*, М. 1981.
235. Alexandre Bennigsen, Islam in the USSR. «Soviet Jewish Affairs», № 2, 1979, p. 9.
236. Цит. в Hélène Carrère d'Encausse, *op. cit.*, p. 245.
237. Alexandre Bennigsen, *op. cit.*, p. 10.
238. *Правда*, 24. 2. 1981.
239. *Наука и религия*, №2, 1979, стр. 62.
240. *Правда*, 18. 10. 1979.
241. *Правда*, 10. 3. 1976.
242. Л. Ершов, *Движение литературы — движение критики. Наш современник*, № 7, 1978, стр. 177.
243. *Литературная газета*, № 28, 1978.
244. Выступление Г. Маркова на VI съезде писателей СССР. *Литературная газета*, №27, 1976.
245. Ф. Кузнецов, *Главное наше богатство. Литературная газета*, №43, 1979.
246. Мариетта Шагинян, *Человек и время. Новый мир*, №11, 1978, стр. 228.
247. Czarna księga cenzury PRL. Tom I, London, 1977. Tom 2, London, 1978.
248. *Op. cit.*, Том 2, p. 200.
249. В. Померанцев, *Об искренности в литературе. Новый мир*, №12, 1953.
250. Интервью В. Аксенова, инициатора выпуска альманаха «Метрополь», газете *Русская мысль*, 14. 8. 1980.
251. *Искусство под бульдозером*. Синяя книга. Составил Александр Глезер.
252. *Коммунист Литвы* №6, 1978, стр. 87-92.
253. *Неделя*, №6, 1980.
254. Б. Стукалин, Л. Гвишиани, *Диалог о жизни, профессии и искусстве. Москва*, №1, 1980, стр. 7.
255. *Литературная газета*, 26. 10. 1977.
256. А. Белинков, *Сдача и гибель советского интеллигента*. Юрий Олеша. Мадрид, 1976, стр. 172.
257. Никита Хрущев, *Воспоминания*, стр. 288.
258. Там же, стр. 289-290.
259. Инструкция о выкупе, ставшая широко известной на Западе, временно перестала применяться с середины 70-х годов.
260. The New York Times, 6. 4. 1979.
261. International Herald Tribune, 1. 1. 1980.
262. Hélène Carrère d'Encausse, *op. cit.*, p. 206.
263. А. Солженицын, *Чем грозит Западу плохое понимание России. Вестник РХД*, №131, стр. 210.
264. Андрей Сахаров, *Тревожное время. Новое русское слово*, 14. 6. 1980.

265. Интервью Р. Медведева лондонскому еженедельнику *Обсервер*. The Observer, 15. 6. 1975.
266. Robert Conquest, Present Danger, p. 30.
267. *Литературная газета*, 24. 8. 1977.
268. *Народное хозяйство СССР*. Статистический сборник. 1978, стр. 196.
269. *Правда*, 9. 2. 1980.
270. *Правда*, 24. 2. 1981.
271. СССР — *Рабочее движение?* Составитель В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1978, стр. 35.
272. Архив Самиздата, №4218, стр. 12.
273. Цит. по М. Корти «Алексей Никитин и движение за права рабочих в СССР», рукопись, стр. 2-3.
274. «Corriere della Sera», 8 marzo 1981.
275. *Правда*, 1. 2. 1976.
276. *Правда*, 1. 2. 1976.
277. Henry Kissinger, op. cit., p. 169.
278. *Правда*, 18. 10. 1979.
279. *Правда*, 18. 10. 1979.
280. В. Загладин, И. Фролов, *Глобальные проблемы современности: поиски решений*. *Правда*, 7. 5. 1979.
281. The New York Times, 10. 5. 1978.
282. *Известия*, 12. 2. 1980.
283. Anthony Lewis, After Afghanistan, Business as usual? International Herald Tribune, 8. 1. 1980.
284. *Известия*, 19. 3. 1980.
285. Леонид Замятин, *Восстановить климат разрядки и доверия*. *Литературная газета*, 27. 2. 1980.
286. Выступление Л. Замятина по поводу подписания договора между СССР и ФРГ 12 августа 1980 г. Цит. по: International Herald Tribune, 13. 8. 1980.
287. *Правда*, 24. 2. 1981.
288. Survey, N 4, 1979, p. 3.
289. А. Сахаров, *Тревожное время*. *Новое русское слово*, 13. 6. 1980.
290. *Правда*, 18 октября 1979 г.
291. International Herald Tribune, September 5, 1979.

Именной указатель

ко 2-му тому «Утопия у власти»
(исключая примечания и хронологическую таблицу)

- Абакумов Виктор Семенович — 248, 274, 279
Авторханов Абдурахман — 392
Аденауэр Конрад — 277
Аджубей Алексей Иванович — 369
Акимов Николай Павлович — 357
Аланбрук, фельдмаршал — 165
Алданов Марк Александрович — 475
Алексеев Н. — 299
Алимов Г. — 152
Аллардт Гельмут — 406
Аллилуева Светлана Иосифовна — 177, 242
Альтер Виктор — 226
Амальрик Андрей Александрович — 390, 391, 392, 437, 447, 448
Амин Хафизулла — 484
Андерс Владислав — 124
Андерсен Ганс-Христиан — 468
Андреев Андрей Андреевич — 243
Андропов Юрий Владимирович — 293, 297, 298, 446, 471
Анохин Петр Кузьмич — 223
Антонеску Ион — 146
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович — 282
Аренс, полковник — 126
Аристотель — 381
Арцишевский Т. — 142
Астахов Г. — 27, 29, 31, 32, 33, 34, 51
Ахмадулина Изабелла Ахатовна — 353
Ахматова Анна Андреевна — 229, 388
Бабаевский Семен Петрович — 228
Бабель Исаак Эммануилович — 456
Бабарин — 31, 32
Бабахан Зия — 464
Багдасарян Савен — 453, 454
Баграмян Иван Христофорович — 449
Баева Татьяна Александровна — 403
Бакштейн Илья — 353
Бандера Степан — 186
Бар Эгон — 432
Бараль — 386
Басов Александр Васильевич — 365
Батлер Нозль — 17
Батиста-и-Зальдивар Ф. — 337
Безансон Ален — 432
Белинков Аркадий Викторович — 469
Бенеш Эдуард — 271
Беннигсен Александр — 464
Беляев — 240
Берг Аксель Иванович — 389
Бердяев Николай Александрович — 394
Береговой Георгий Тимофеевич — 440
Берия Лаврентий Павлович — 11, 55, 70, 88, 129, 165, 240, 242, 243, 244, 253, 254, 261, 262, 265, 266, 267, 268, 274, 275, 276, 278, 281, 322, 345
Бериташвили Иван Соломонович — 223
Бессонов Сергей — 22
Беттельгейм Бруно — 445
Бевин Эрнст — 164
Бирюков Дмитрий Андреевич — 223
Бисмарк Отто фон — 71
Бичерахов — 107
Благовещенский Р. Ф. — 156, 163
Бок Ф. фон — 96
Бокельсберг, генерал фон — 17
Богданов, генерал — 70
Богораз Лариса Иосифовна — 403
Боков Николай — 474
Болдин Иван Васильевич — 81, 82
Болен Чарлз — 406, 416, 417
Большаков Иван Григорьевич — 231
Бондарев Юрий — 356
Борис III, болгарский царь — 65
Борисов Владимир — 480
Бор-Коморовски Талеуш — 141
Бородин Л. И. — 352
Босс Д. — 359
Боярский В. — 151
Брандт Вилли — 402, 406, 432
Браун Гарольд — 423
Браухич Вальтер фон — 39, 99
Брежнев Леонид Ильич — 310, 359, 371, 377, 378, 379, 382, 383, 399, 407, 409, 415, 417, 420, 422, 424, 425, 427, 431, 432, 435, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 448, 459, 466, 468, 469, 484, 489

- Бродский Иосиф — 321
 Брок — 224
 Бруно Джордано — 405
 Буденный Семен Михайлович — 84
 Буковский Владимир — 353, 359, 393, 394, 402, 408, 437, 447, 450, 472
 Булгаков Михаил Афанасьевич — 388
 Булганин Николай Александрович — 88, 254, 274, 280, 314
 Бунин Иван Алексеевич — 475
 Буняченко, генерал — 162, 163
 Бурденко Н. — 129
 Бурджалов Эдуард Николаевич — 345
 Быков Константин Михайлович — 223
- Вавилов Николай Иванович — 221, 224
 Вавилов Сергей Иванович — 224
 Вагнер Рихард — 71
 Ванников Борис Львович — 10
 Валенс Лех — 478
 Ватутин Николай Федорович — 106
 Варга Евгений Самойлович — 233, 234
 Василевский Александр Михайлович — 103, 167, 168, 171
 Вейцекер Эрнст фон — 27
 Вирун С. М. — 275
 Викторин, епископ — 106
 Винграновский Никола — 355
 Вишневский Всеволод Витальевич — 230
 Владимов Георгий Николаевич — 468
 Власов Андрей Андреевич — 104, 149, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163
 Вовси, профессор — 248
 Вознесенский Николай Александрович — 88, 242, 243
 Войнович Владимир — 468
 Войтыла Кароль (кардинал, затем папа Иоанн-Павел II) — 463
 Вольф Ирвинг — 55
 Воронов Николай Николаевич — 174
 Воронов (Воронин?), руководитель восстания заключенных — 240
 Ворошилов Климент Ефремович — 17, 19, 47, 48, 243, 254, 261, 266, 281, 282, 358, 367
 Волеский Михаил Сергеевич — 427
 Vuоримаа — 43
 Высоцкий Владимир — 469
 Вышинский Андрей Януариевич — 243
- Габай Илья Янкелевич — 350
 Гаврилов Петр Михайлович — 179
 Гагарин Юрий Алексеевич — 316, 338
 Галансков Юрий — 353, 390
 Галифакс, лорд — 31
 Галилей Галилео — 405
 Галич Александр — 468
 Гамсахурдия С. — 448
 Гарибальди Джузеппе — 472
 Гарриман Аверелл — 406, 417
 Гаха Э., президент Чехословакии — 400
 Гейер, барон — 24
 Гельфанд А. — 17
 Гендерсон Артур — 30
 Гере Эрно — 294, 295
 Герек Эдвард — 438, 478
 Гесс Рудольф — 74, 75
 Гиммлер Геррих — 110, 157, 158
 Гитлер Адольф — 18, 20, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 34, 36, 40, 43, 47, 50, 51, 52, 58, 60, 61, 63, 64, 65, 71, 73, 74, 75, 80, 98, 104, 110, 112, 120, 130, 131, 133, 138, 145, 148, 151, 152, 155, 160, 175, 177, 282, 400, 402, 443, 457, 462, 468
 Гинзбург Александр — 353, 390, 391, 397, 428, 447
 Гинзбург Евгения Семеновна — 358
 Гладков Федор Васильевич — 227
 Глазков А. — 353
 Гнедин Евгений Александрович — 22
 Гоголь Николай Васильевич — 389
 Голиков Федор Иванович — 69, 106
 Гомулка Владислав — 278, 291, 292, 294, 398, 399, 400, 428, 471, 472
 Горбаневская Наталья Евгеньевна — 403
 Горбатов Борис Леонтьевич — 230
 Горшков Сергей Георгиевич — 423
 Готвальд Клемент — 271
 Гречко Андрей Антонович — 174, 422, 440
 Григоренко Петр Григорьевич — 350, 351, 359
 Григорьев Андрей Александрович — 244
 Громыко Андрей Андреевич — 341, 406, 417, 432
 Гроссман Василий Семенович — 228, 357
 Гротеволь Отто — 177
 Гудериан Гейнц Вильгельм — 91, 98

- Даниэль Юлий Маркович — 386, 387, 388, 389, 390, 404
 Дебре Мишель — 406
 Дейл — 224
 Деканозов Владимир Георгиевич — 70
 Делоне Вадим Николаевич — 403
 Демин, подполковник — 440
 Джонсон Линдон — 405, 406, 420
 Джилас Милован — 380
 Дзюба Иван — 396, 397, 448
 Дилл Джон — 24
 Димитров Георгий — 147, 189
 Дзержинский Феликс Эдмундович — 377
 Дирксен Герберт фон — 18, 20
 Добрынин Анатолий Федорович — 342, 343
 Домбровский Юрий — 468
 Дорнберг Джон — 377
 Драганов — 29, 51
 Драгош Н. Ф. — 354
 Драч Иван — 355
 Дремлюга, Владимир Александрович — 403
 Дубинин Николай Петрович — 223
 Дубчек Александр — 396, 397, 398, 399, 400, 401, 448
 Дудинцев Владимир Дмитриевич — 345, 388
 Дудко, о. Дмитрий — 448, 454, 462
 Дюма Александр — 468
 Евтушенко Евгений Александрович — 355, 356
 Егоров Александр Ильич, маршал — 19
 Егоров, профессор — 248
 Енукидзе Абель Сафронович — 18, 20
 Ермаченко Иван — 115
 Ерусалимский Аркадий Самсонович — 71
 Есенин-Вольпин Александр Сергеевич — 359
 Ежов Николай Иванович — 11, 24
 Жебрак Антон Романович — 223
 Жемчужина Полина Семеновна — 266
 Живков Тодор — 400
 Жиленков Георгий Николаевич — 150, 151, 156, 159
 Жданов Андрей Александрович — 10, 19, 228, 229, 230, 231, 242, 243, 367, 465
 Жуков Георгий Константинович — 78, 80, 97, 118, 119, 148, 149, 171, 219, 274, 314, 329, 371, 443
 Жуковский Петр Михайлович — 223
 Закутный Д. Е. — 163
 Залыгин Сергей Павлович — 468
 Запорожец Александр Иванович — 77
 Зарубин, генерал НКВД — 129
 Заславский В. И., конструктор танков — 10
 Затикиан Степан — 453, 454
 Зверев Степан — 453, 454
 Зверев Г. А. — 163
 Зиновьев Григорий Евсеевич — 278
 Зиновьев Александр Александрович — 437, 439
 Зорге Рихард — 67, 68
 Зорин С. — 380
 Зошенко Михаил Михайлович — 229
 Иван Грозный — 443
 Иванов Ю. — 362
 Игнатов Николай Григорьевич — 290
 Игнатьев Семен Денисович — 244, 253, 265
 Иоффе Абрам Федорович — 165, 225
 Иона, епископ — 461
 Кадар Янош — 295, 298, 300, 400
 Каганович Лазарь Моисеевич — 88, 202, 254, 281, 282, 291, 294, 310, 393
 Каланта Ронас — 452
 Калинин Михаил Иванович — 21
 Калниш Виктор Янович — 354
 Калугин, капитан — 141
 Каменев Лев Борисович — 278
 Каминский Бронислав — 151
 Канделаки Давид — 22, 23
 Кандыба И. А. — 354
 Каня Станислав — 428, 478
 Кантемир Али-хан — 107
 Канторович Леонид Витальевич — 384
 Капитонов Иван Васильевич — 279
 Капица Петр Леонидович — 225, 226, 315
 Карбышев Дмитрий Михайлович — 160, 173
 Кармал Бабрак — 484
 Картер Джимми — 431, 483
 Кастро Фидель — 480
 Катаев Валентин Петрович — 346, 469
 Катченко — 240

- Кедров Михаил Сергеевич — 283
Кеннан Джордж — 406
Кеннеди Джон Фитцджеральд — 325, 336, 341, 342, 343, 344
Кеннеди Роберт Френсис — 339, 342, 343
Кербле Базиль — 426
Ким Ир Сен — 191, 192, 193
Ким Юлий — 350
Кириленко Андрей Павлович — 366, 474
Кириченко Алексей Илларионович — 202
Киров Сергей Миронович — 19, 20, 284
Кирпос Михаил Петрович — 84, 171
Киссинджер Генри — 406, 417, 418, 420, 433, 481
Кичко Трофим — 456
Клаузевиц Карл — 407
Клебанов Владимир — 479
Клейст Петер фон — 27
Клоуз Кевин — 480
Клочков Василий Георгиевич — 173
Кёстлер Артур — 434, 435
Ключевский Василий Осипович — 384
Ковпак Сидор Артемьевич — 117
Козлов Дмитрий Тимофеевич — 102
Козлов Василий Иванович — 117
Козлов Фрол Романович — 285, 365
Колаковски Лешек — 489
Колесников М. — 414
Комар Вацлав — 291
Конев Иван Степанович — 148, 275, 291, 297
Коноз Фумимаро — 166
Конквест Роберт — 96, 475
Корбуков В. Д. — 163
Корейский Юрий — 161
Корвалан Луис — 472
Коричонер Фриц — 60
Корнейчук Александр Евдокимович — 230
Королев Сергей Павлович — 11
Коротич Виталий — 355
Коротченко Демьян Сергеевич — 246
Космодемьянская Зоя Анатольевна — 173
Коссиор Станислав Викентьевич — 282
Костенко Лина — 355
Костерин Алексей Евграфович — 349
Костов Тройче — 245
Косыгин Алексей Николаевич — 242, 371, 383, 384, 417, 432
Кочетов Всеволод Анисимович — 380, 442, 443
Краснопевцев Л. Н. — 351, 352
Крейзер Яков Григорьевич — 321
Кривицкий Александр — 173
Кривицкий Вальтер — 20, 24
Кригель И. — 400
Кромиади К. — 104, 161
Кудирка Симон — 453
Кузнецов Алексей Александрович — 242, 243
Кузнецов Федор Исидорович — 83
Кузнецов Эдуард — 353, 392, 397
Кузнецов Николай Герасимович, адмирал — 59
Кузнецов, полковник, руководитель восстания заключенных в Кингире — 240
Куронь Яцек — 479
Кубе Вильгельм — 115
Курочкин — 363
Куусинен Отто Вильгельмович — 45, 175
Курчатов Игорь Васильевич — 165, 361
Кюхлер Г. фон — 121
Лазуркина Дора Абрамовна — 443
Ланге Оскар — 384
Ларионов Алексей Николаевич — 305, 306
Латтимор Оуэн — 95, 96
Лец Станислав Ежи — 414
Ленин Владимир Ильич — 248, 252, 255, 275, 278, 350, 372, 375, 380, 392, 402, 407, 423, 441, 442, 444, 445, 457, 469, 472
Либерман Евсей Григорьевич — 383, 384
Лискоф Альфред — 76, 80
Ли Сын Ман — 191, 192
Литвинов Максим Максимович — 18, 19, 27, 248
Литвинов Павел Михайлович — 248, 390, 403
Ломоносов Михаил Васильевич — 224
Лопес, см. Меркадер — 56
Лозовский Соломон Абрамович — 247
Луи Виктор — 420
Лукин Михаил Федорович — 159
Лю Шаоцы — 296, 297

- Лукьяненко Л. — 354
 Лысенко Трофим Денисович — 221, 223
 Лясота Элигуш — 352
 Макартур Дуглас — 169, 194
 Макмиллан Гаролд — 336
 Майский Иван Михайлович — 170, 244
 Макаров О. — 459
 Маленков Георгий Максимилианович — 86, 87, 103, 210, 279, 280, 297, 304, 310, 314, 322, 324, 367, 393, 416, 417
 Малетер Пал — 294, 299, 300
 Калинин Михаил Сергеевич — 167
 Малиновский Родион Яковлевич — 81, 102, 299
 Малышкин В. Ф. — 156, 157, 159, 163
 Маневич Лев Ефимович — 66, 68
 Манштейн Эрих фон — 119
 Мао Цзедун — 189, 296, 322, 419, 421
 Марамзин Владимир — 474
 Марков Георгий Мокеевич — 444
 Маркс Карл — 233, 284, 457, 465, 469
 Марр Николай Яковлевич — 225
 Мандельштам Осип Эмильевич — 388
 Марченко Анатолий Тихонович — 387
 Массарик Томаш — 271
 Мацуока Иосукэ — 66, 73, 74
 Машков Юрий — 354
 Машкова Валентина Ефимовна — 352
 Маяковский Владимир Владимирович — 353
 Меандров М. А. — 163
 Медведев Жорес Александрович — 391
 Медведев Рой Александрович — 391, 474
 Мельников Леонид Георгиевич — 246, 267
 Мельник Андрий — 115
 Меньшиков Владимир — 352
 Мерекалов — 27
 Мерецков Кирилл Афанасьевич — 45, 100, 167, 171
 Меркадер (Лопес) Рамон — 55
 Меркулов — 129, 180
 Мехлис Лев Захарович — 102, 378
 Мехтьев Борис — 240
 Мжаванадзе Василий Павлович — 413
 Миколайчик Станислав — 140, 141, 142, 144
 Микоян Анастас Иванович — 88, 231, 243, 244, 282, 291, 293, 294, 296, 348, 365, 386
 Мицн Исаак Израильевич — 233
 Михай I, король Румынии — 146
 Михайлов Николай Иванович — 279
 Михник Адам — 479
 Михозлс Соломон Михайлович — 247, 248
 Мясковский Николай Яковлевич — 231
 Млынар Зденек — 420
 Мок Жюль — 250
 Молотов Вячеслав Михайлович — 19, 23, 26, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 47, 53, 54, 61, 63, 64, 68, 282, 291, 297, 304, 310, 367, 372, 393
 Морисима Мичио — 491
 Мороз Валентин — 397
 Москаленко Кирилл Семенович — 275
 Мурадели Вано — 231
 Муссолини Бенито — 18, 123, 282
 Мюллер — 224
 Набоков Владимир — 475
 Нассрединова Зайтуна Акзамовна — 413
 Надь Имре — 273, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 300, 330
 Наполеон, император — 84
 Насер Гамаль Абд эль — 317
 Неизвестный Эрнст Иосифович — 357, 358
 Некрасов Виктор Платонович — 228, 353
 Некрич Александр Моисеевич — 348
 Немчинов Василий Сергеевич — 384
 Нойман Гейнц — 17
 Нейрат Конрад фон — 24
 Никишев — 96
 Никитин, Алексей — 480
 Николаевский Борис — 158
 Никсон Ричард — 317, 406, 418, 432
 Новотный Антонин — 398
 Новак Зенон — 292
 Новиков Александр Александрович — 266
 Новожилов Валентин Валентинович — 384
 Нов Алек — 411
 Нуждин Николай Иванович — 222

- Огурцов Игорь — 395
 Окуджава Булат Шалвович — 353
 Окулицки Леон — 144
 Ольшанский, доктор — 129
 Орбели Леон Абгарович — 233
 Орджоникидзе Григорий Константинович — 284
 Орлов Юрий Федорович — 361, 448, 450
 Орвелл Джордж — 380, 419
 Осадчий Микола — 397
 Осима Хироши — 68
 Осипов Владимир — 353, 453, 455
 Островский Радислав — 116
 Охримович — 186
- Павлов Георгий Сергеевич — 385
 Павлов Иван Петрович — 223
 Павлов Дмитрий Григорьевич — 81
 Панниц фон — 113
 Панферов Федор Иванович — 227
 Панфилов Иван Васильевич — 98
 Паулос фон — 120
 Пауэрс Френсис Гэри — 335
 Первухин Михаил Георгиевич — 310
 Петр I — 384
 Петржак — 165
 Пик Вильгельм — 177
 Пикуль — 456
 Плиев Исса Александрович — 290, 364
 Писар Самюэль — 418
 Писарев Сергей Петрович — 350
 Платонов Андрей Платонович — 388
 Погружальский — 355
 Полевой Борис Николаевич (Кампов) — 228
 Поликарп, епископ — 132
 Поллинг Лайнус — 361
 Померанцев В. — 345, 388
 Помпиду Жорж — 406
 Пономарев Борис Николаевич — 481, 482
 Поспелов Петр Николаевич — 281
 Поскребышев — 242
 Презент Исаак Израилевич — 222
 Преображенская — 349
 Прокофьев Сергей Сергеевич — 231
- Радек Карл Бернгардович — 20, 21, 25
 Радо Александр — 66
 Райк Ласло — 292, 293
 Ракоши Матиас — 147, 273, 292, 293
- Раппопорт — 223
 Раск Дин — 189
 Распутин Григорий Ефимович — 221
 Ребет Лев — 186
 Редер Э. — 59
 Рейган Рональд — 486
 Рейхман, генерал НКВД — 129
 Рендель — 274
 Риббентроп Иоахим фон — 34, 35, 38, 40, 41, 63, 66
 Родионов Николай Николаевич — 243
 Рокоссовский Константин Константинович — 148, 291, 292
 Рокотов — 320
 Ромжа, епископ — 185
 Ронкин В. Е. — 354
 Розанова Мария — 474
 Розенберг Альфред — 110
 Руденко Роман Андреевич — 283
 Рудзутак Ян Эрнстович — 283
 Рузвельт Франклин Делано — 125, 138, 141, 142, 143, 163, 435
 Рундштедт Карл Рудольф фон — 99
 Рыков Алексей Иванович — 278
 Ясный — 185
- Сабуров Максим Захарович — 310
 Савинков Борис Викторович — 462
 Салаши Ференц — 147
 Сараджоглу Шюкрю — 143
 Сахаров Андрей Дмитриевич — 361, 362, 381, 390, 474
 Сахаров М. В., полковник — 152, 162
 Скали Д. — 266
 Седов Лев — 41
 Сейфуллина Лидия Николаевна — 227
 Семенов Николай Николаевич — 223
 Семичастный Владимир Ефимович — 275, 346
 Серафимович Александр Серафимович — 227
 Серафим, митрополит — 130
 Сергей, патриарх Всея Руси — 130, 132
 Сергей (Воскресенский), митрополит — 132
 Серов Иван Александрович — 42, 274, 275, 299
 Сикорский Владислав — 124, 125, 126
 Симоненко Василь — 355
 Синявский Андрей Донатович — 386, 387, 388, 389, 390, 392, 404, 437, 468, 474
 Скирдо М. — 423

- Слипый, митрополит — 185
 Слуцкий Борис Абрамович — 353
 Смирнов Лев Николаевич — 472
 Смирнов Сергей Васильевич — 472
 Смирнов Сергей Сергеевич — 346, 347
 Смирковский Йозеф — 399
 Снегов Алексей Владимирович — 348
 Софронов Анатолий Владимирович — 232
 Солженицын Александр Исаевич — 11, 161, 239, 259, 356, 357, 364, 365, 387, 391, 395, 396, 434, 437, 438, 468, 472, 473
 Стецько Ярослав — 115
 Сперанский Алексей Дмитриевич — 223
 Сталин Василий Иосифович — 266
 Сталин Иосиф Виссарионович — 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 31, 33, 36, 40, 41, 43, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 60, 63, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 80, 81, 83, 85, 95, 102, 103, 104, 106, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 133, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 154, 155, 156, 165, 166, 167, 170, 175, 176, 177, 178, 189, 192, 194, 199, 200, 203, 210, 211, 213, 214, 220, 221, 226, 227, 238, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 258, 262, 270, 271, 275, 280, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 291, 305, 314, 315, 319, 322, 323, 326, 328, 329, 344, 345, 351, 358, 368, 370, 375, 378, 379, 380, 382, 386, 387, 390, 391, 396, 407, 408, 410, 412, 416, 423, 435, 441, 442, 443, 444, 445, 452, 466, 476.
 Степанян Акоп — 453, 454
 Столыпин Петр Аркадьевич — 210
 Сурков Алексей Александрович — 230, 254, 346
 Суслов Михаил Андреевич — 229, 294, 295, 296, 368, 371, 386, 440, 441, 465, 474, 490
 Сэттер Д. — 480
 Таннер Вайно — 44
 Тараки Нур Мухамед — 483
 Гарнаровский Н. А. — 354
 Тарсис Валерий — 355
 Твардовский Александр Трифонович — 356, 357, 389
 Твердохлебов Александр — 403, 447, 448
 Тимашук Лидия — 248
 Тимошенко Семен Константинович — 76, 77, 82, 83, 102, 171
 Типпельскирх Курт фон — 122
 Тисо Йосеф — 147
 Тито Иосиф Броз — 147, 189, 300, 317, 322, 400
 Тихонов Николай Семенович — 230
 Тихонов В. А. — 477
 Толстой Лев Николаевич — 487
 Гольятти Пальмиро — 251
 Горез Марсель — 251
 Томпсон Л. — 406
 Треппер Л. — 67
 Тресков Г. фон — 152
 Трофимов — 352
 Троцкий Лев Давидович — 55, 380, 472
 Трухин Федор — 156, 163
 Трумен Гарри — 163, 165, 166, 187, 190, 194, 435
 Туполев Алексей Николаевич — 11
 Тухачевский Михаил Николаевич — 18, 48, 386, 423
 Улам Адам Б. — 324, 337
 Ульбрихт Вальтер — 400
 Уоллес Генри — 95
 Уэллес Сэмнер — 68
 Уэйвелл Арчибалд Персивал — 134
 Фадеев Александр Александрович — 230
 Файнберг Виктор — 403
 Федин Константин Александрович — 346
 Фефер Исаак Соломонович — 247
 Флеров Георгий Николаевич — 165
 Флоринский Майкл — 416
 Фридрихсон — 23
 Хаммершельд Даг — 336
 Хаммер Арман — 431
 Хачатуров Тигран Сергеевич — 425
 Хачатурян Арам Ильич — 231
 Хвостенко Алексей — 474
 Хенке А. — 23
 Хикмет Назым — 345, 357
 Ходжа Энвер — 270
 Хозин Михаил Семенович — 101
 Хорти Миклош — 147
 Хренников Тихон Николаевич — 231

- Хрущев Никита Сергеевич — 47, 86, 87, 102, 103, 192, 193, 202, 203, 207, 210, 213, 226, 292, 293, 297, 300, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 314, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 329, 331, 333, 334, 335, 336, 337, 340, 341, 342, 343, 346, 347, 349, 356, 357, 358, 361, 365, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 378, 379, 382, 383, 384, 387, 390, 392, 396, 398, 407, 408, 409, 411, 417, 418, 425, 428, 433, 441, 444, 445, 456, 470, 475, 480
- Худенко Иван Никифорович — 411, 412
- Цветаева Марина Ивановна — 388
- Цветкович Драгиша — 65
- Чаковский Александр Борисович — 435
- Чалидзе Валерий Николаевич — 360, 403, 447
- Чан Кайши — 328
- Чаушеску Николай — 400
- Чемберлен Невилль — 26, 31, 50
- Чепмэн Жаннет — 211
- Чердынцев И. А. — 354
- Черненко Константин Устинович — 378, 442
- Черчилль Уинстон — 54, 55, 68, 104, 125, 126, 134, 141, 143, 163, 165, 166, 190, 269, 435, 436
- Чесноков Дмитрий Иванович — 249
- Чорновил В. — 397
- Шабат Т. — 332
- Шахт Хьялмар — 22, 23, 24, 25
- Шахурин А. И. — 244
- Шавырин Б. И. — 10
- Шаламов Варлаам — 358
- Шаповалов Михаил — 151
- Шапошников Борис Михайлович — 35, 51
- Шатов Н. С. — 163
- Швейцер Альберт — 361
- Шверник Николай Михайлович — 386
- Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич — 425
- Шевцов Сергей — 456
- Шевченко Тарас Григорьевич — 355
- Шелепин Александр Николаевич — 353, 358, 376
- Шелест Петр Ефимович — 396, 400, 455
- Шепилов Дмитрий Трофимович — 326
- Шёрнер Фердинанд — 162
- Шиллер Фридрих — 157
- Шмальгаузен Иван Иванович — 223
- Шолохов Михаил Александрович — 393
- Шомлер Иозеф — 239, 240
- Шостакович Дмитрий — 230, 231
- Шредингер Эрвин — 223
- Штерн Лина Соломоновна — 223
- Шуйский Василий Иванович, царь — 443
- Шухович Роман — 183, 186
- Шуленбург Вернер фон — 21, 28, 30, 32, 35, 39, 61, 70, 74
- Шульц Федор Федорович — 349
- Щептицкий, митрополит — 185
- Щербаков Александр Сергеевич — 173
- Щербина Владимир Родионович — 231
- Щербицкий Владимир Васильевич — 396
- Эйхе Роберт Индрикович — 217
- Эйзенхауэр Дуайт — 148, 268, 269, 271, 324
- Элиава Шалва — 22
- Эрлих Генрих — 173
- Эренбург Илья Григорьевич — 231, 345, 356
- Эйзенштейн Сергей Михайлович — 72
- Эттли Клемент — 164
- Якир Иона Эммануилович — 283, 350, 386
- Якир Петр Ионович — 350, 447, 448
- Яковлев А. И. — 290
- Яковлев Николай Дмитриевич — 244, 266
- Якунин, о. Глеб — 360
- Ямада — 168
- Ярузельский Войцех — 479
- Яхимович И. — 438, 439

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава седьмая

НА РУБЕЖЕ

1. Готовы к отпору?	7
2. На пути к оси Москва — Берлин	15
3. Самообман и обман	67

Глава восьмая

ВОЙНА (1941 — 1945)

1. На краю поражения	80
2. Правительство, народ и война	85
3. Победа под Москвой	96
4. Проигранные сражения и солдатские жизни	99
5. Дранг нах Волга	105
6. Немецкие оккупанты	109
7. Сталинград	118
8. Курск — перелом в войне	122
9. Катынская трагедия	123
10. Государство и церковь	130
11. СССР и западные союзники	133
12. Ялта	142
13. Капитуляция Германии	147
14. Вызов режиму	149
15. Потсдам	163
16. Итоги	169

Глава девятая

СУМЕРКИ СТАЛИНСКОЙ ЭРЫ (1945—1953)

1. Репатриация	179
2. Повстанческое движение	182
3. Холодная война вовне и внутри	186
4. От войны к миру	194
5. Лагерная империя	234
6. Кризис режима	241
7. Смерть Сталина	252

Глава десятая

ГОДЫ РАСТЕРЯННОСТИ И НАДЕЖД (1953—1964)

1. Первый «триумvirат»	261
2. XX съезд КПСС	282
3. Кровавая осень пятьдесят шестого	290
4. Из опыта улучшения советской системы	301
5. Сосуществование и экспансия	322
6. Два главных «брата»	327
7. Ракеты на Кубе	337
8. У истоков духовного возрождения	344
9. Новочеркасский расстрел (июнь 1962)	362
10. Падение Хрущева	367

Глава одиннадцатая

ЭПОХА РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА (1965—1980)

1. Коллективное руководство	375
2. Партия жаждет спокойствия	380
3. Нарушители спокойствия	384
4. Весна в Праге	396
5. «Разрядка» и «детант»	405
6. На пути к Хельсинки	422
7. Обыкновенный социализм	436
8. Хельсинки — Кабул	477

<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	487
-------------------------	-----

<i>ХРОНОЛОГИЯ (1939—1980)</i>	492
-------------------------------------	-----

<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	505
-------------------------	-----

<i>ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ</i>	544
--------------------------------	-----